УСТ.
9
К11

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАКОПЛЕНИИ В РОССИИ

XVII–XVIII вв.

Библ-ка Н. В. Устюгова

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАКОПЛЕНИИ В РОССИИ (XVII—XVIII вв.)

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва • 1958

© ГПНТБ СО РАН

В сборнике сделана попытка осветить некоторые стороны процесса так называемого первоначального накопления и, прежде всего, особенности экспроприации непосредственных производителей в России XVII—XVIII вв.

Статьи сборника вводят в научный оборот много новых архивных материалов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор исторических наук Л. Г. Бескровный,

доктор исторических наук Е. И. Заозерская,

кандидат исторических наук А. А. Преображенский

Уч. 9 К.11

Сверено 1991 г.

...ГРТЬ СССР ...Ауд.Науч.-техн. Библиотека

5013 21/64

Сверено с фондом

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних десяти лет советские историки, опираясь на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина интенсивно разрабатывают важную проблему первоначального накопления в России. Хотя ставилась она еще в 1920—1930 гг., однако в то время не получила должного освещения на конкретном материале социально-экономических отношений в России XVII—XVIII вв. Внимание советских историков и экономистов было сосредоточено на изучении развития мелкого и крупного промышленного производства, где раньше и сильнее должны были выявиться элементы новых, капиталистических отношений. Основным при этом являлся вопрос о характере или социально-экономической природе этого производства, а именно: имелись ли в нем явления, которые свидетельствуют о переходе простого товарного производства в капиталистическое.

В результате изучения фактического материала, а также многочисленных обсуждений этого материала выявилось общее представление о том, что в сфере промышленного, а также сельскохозяйственного производства в течение XVII—XVIII вв. произошли крупные сдвиги, не только количественные, но и качественные. Усилилось, особенно в XVIII в., имущественное и социальное расслоение среди мелких товаропроизводителей, из среды которых стали выделяться владельцы даже крупных мануфактур; расширилось применение наемного труда в мелком и крупном производстве. Но применение наемного труда сочеталось с феодальными формами эксплуатации, причем степень этого сочетания была различна в отдельных отраслях производства и на разных хронологических этапах. Выяснено, например, что при наличии наемного труда в промышленности во второй

© ГПНТБ СО РАН

четверти XVIII в. в силу ряда причин усилилась эксплуатация принудительного труда. Напротив, во второй половине XVIII в. наряду с продолжавшейся эксплуатацией последнего в промышленном и отчасти сельскохозяйственном производстве, а также на транспорте, все большее распространение получает наемный труд. Наблюдения и выводы, сделанные в результате коллективных усилий советских историков относительно характера производства в России XVII—XVIII вв., необходимость более глубокого их обоснования привели к изучению двух других вопросов социально-экономической истории России XVII—XVIII вв.: во-первых, вопроса об источниках и методах накопления денежных капиталов, вкладывавшихся в производство, во-вторых, что особенно важно,— об источниках наемного труда и формирования рынка труда в условиях господства крепостничества.

Последняя проблема поставила перед советскими историками задачу изучения внутренних процессов, происходивших в среде непосредственных производителей деревни и города, в результате которых в той или иной степени появлялось предложение труда, а затем и рынок труда для крупной промышленности и других сфер его применения. Эти процессы, теснейшим образом связанные между собой, суть: усиление эксплуатации непосредственных производителей в связи с развитием товарно-денежных отношений в России XVII—XVIII вв., рост имущественной дифференциации и социального расслоения среди деревенского и городского населения, отрыв той или другой части его от прежних мест и занятий, отделение от средств производства и возрастающая необходимость работы по найму на месте или на стороне. Таким образом, перед советскими историками встала проблема так называемого первоначального накопления, его своеобразных путей и методов в условиях крепостной России XVII—XVIII вв.

Как указывал Карл Маркс, «...так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства» [1]. Маркс доказал, что основу этого процесса составляет экспроприация

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 719.

сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянства. В классической форме отделение крестьянина от средств производства имело место в Англии, где в силу ряда причин значительную роль сыграли внезапные и насильственные меры, содействовавшие превращению обезземеленного крестьянина в наемного рабочего («огораживания», «кровавое законодательство» и др.).

Вместе с тем автор «Капитала» отмечал, что история первоначального накопления «...в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи» [2]. Известно, что Маркс и Энгельс интересовались развитием капиталистических отношений в России, их особенностями. Энгельс в предисловии к т. III «Капитала» подчеркивал, что для Маркса в работе над отделом «... о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда» [3]. В переписке с русскими общественными деятелями Маркс и Энгельс обращали внимание на необходимость учитывать исторические особенности России, в частности, при изучении вопроса о путях первоначального накопления. Маркс в черновике письма Вере Засулич, отвечая на ее просьбу высказаться об аграрном вопросе и сельской общине в России в послереформенный период [4], писал: «Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно так же нет необходимости уничтожить общую собственность посредством указа. Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям» [5].

Обезземеление крестьянства в чистом виде не могло совершаться в крепостной России уже потому, что только населен-

[2] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 721.
[3] К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 8.
[4] Письмо В. Засулич см. в кн. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», изд. 2-е, Госполитиздат, 1951, стр. 299—300.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XXVII, стр. 685.

© ГПИБ СО РАН

ная земля давала доход помещику и с нее же получало основные средства феодальное государство. Отрыв производителя от средств производства должен был проходить в других, менее ясных, завуалированных формах, и это составляет основную трудность для исследователя.

Осложняет вопрос и то обстоятельство, что в России не все категории наемных рабочих сразу были освобождены от средств производства и личной зависимости, большая их часть продолжала оставаться в крепостной зависимости.

«Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращается его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица» [6],— писал Маркс. Между тем в России этого условия крестьяне не имели вплоть до реформы 1861 г. и даже позднее.

Сложность изучения форм и путей экспроприации, а следовательно, и всего процесса первоначального накопления в России, делает необходимым всестороннее изучение истории и положения основного производительного класса России XVII—XVIII вв., особенно же выяснения тех процессов в деревне, о которых говорилось выше и которые вели к разложению феодального способа производства. «На самом деле,— писал К. Маркс,— *первоначальное образование капитала* происходит просто потому, что стоимость, существующая в виде *денежного богатства*, ходом исторического процесса разложения прежнего способа производства наделяется способностью, с одной стороны, *покупать* объективные условия труда, с другой стороны, выменивать на деньги самый *живой труд* у ставших свободными рабочих» [7].

В работах советских историков содержится значительный конкретный материал по истории русской промышленности XVII—XVIII вв., в частности, по вопросам формирования и характера труда, что является необходимым звеном при анализе процесса первоначального накопления. В них имеется достаточ-

[6] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 720.
[7] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат, 1940, стр. 43.

ное количество данных относительно концентрации денежного богатства, происходившей преимущественно насильственными методами первоначального накопления. Но история крестьянства XVII—XVIII вв. изучена до настоящего времени недостаточно, что и обнаружилось при постановке проблемы первоначального накопления в России в целом, сделанной в последние годы в советской исторической науке [8]. Главная сторона процесса, его «основа» оказалась слабо освещенной, о чем свидетельствуют материалы дискуссии в Институте истории АН СССР, проведенной в 1955 г. [9]

Вот почему в настоящем сборнике большинство статей посвящается тем процессам, которые наблюдаются в XVII—XVIII вв. в среде непосредственных производителей преимущественно деревни, т. е. крестьянства. Часто узко ограниченные во времени и локальные, они содержат конкретный материал, тем более заслуживающий внимания, что он касается разных категорий крестьянства, различных территорий Русского государства, что делает этот материал еще более показательным для общего процесса и более ценным для будущих исследований по сложной проблеме первоначального накопления в России. В этих статьях анализируются такие вопросы, как перерастание имущественного неравенства в социальное расслоение, отход и бегство как начальные формы отделения крестьян от земли, наемный труд в крестьянском хозяйстве и т. п. Здесь представлены работы, касающиеся частновладельческих, монастырских, дворцовых и государственных крестьян различных районов России, в том числе и некоторых национальных районов (Украина, Коми край и др.).

В сборнике печатаются также статьи, посвященные другой стороне первоначального накопления — накоплению денежных средств. В этих работах рассматриваются такие явления, как неэквивалентная торговля, внутренняя и внешняя, в частности,

[8] Историографический обзор см. в статье М. Д. Курмачевой в настоящем сборнике.
[9] Отчеты о дискуссии см. «Вопросы истории», 1955, № 11 и «Исторические записки», кн. 54, 1955. Доклад Н. И. Павленко на дискуссии, переработанный автором, см. «Исторические записки», кн. 54, 1955.

© ГПИБ СОРАН

с Китаем, ростовщичество, казенные ссуды и государственный долг как методы накопления денежных средств в конкретных условиях России XVII—XVIII вв.

В сборнике помещена историографическая статья обзорного характера. В ней сделана попытка рассмотреть литературу, в которой в той или иной степени ставится проблема первоначального накопления или имеется конкретный материал для ее разработки. (См. статью М. Д. Курмачевой.)

Материалы сборника охватывают XVII—XVIII вв.

Большинство статей основано на изучении нового архивного материала. Некоторые из них представляют собой части подготовляемых более широких исследований. Редакция и авторский коллектив сборника отдают себе отчет в том, что публикуемые статьи не претендуют не только на разрешение, но даже на постановку проблемы первоначального накопления в России в целом, и рассматривают содержание статей в качестве материалов для последующих обобщающих работ по данной проблеме.

Данный сборник является первым в серии подготовляемых сектором истории СССР периода феодализма тематических сборников исследовательских статей по важнейшим проблемам отечественной медиевистики.

М. Д. Курмачева

ВОПРОС О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ НАКОПЛЕНИИ В РОССИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Советские историки проявляют большой интерес к проблеме первоначального накопления в России, так как она связана с изучением зарождения и становления капитализма [1]. Свои научные исследования советские историки базируют на разработанной классиками марксизма-ленинизма теории первоначального накопления и генезиса капитализма.

В нашей печати вопросы, связанные с этой проблемой, поднимались в 30-х годах на дискуссии о социально-экономических формациях в связи с докладом С. М. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала» [2]. Однако о первоначальном накоплении в те годы высказывались в очень общей форме, не основываясь на фактическом материале. Многие участники дискуссии относили процесс первоначального накопления к XIX в., и только некоторые предполагали наличие явлений первоначального накопления ранее XIX в.

[1] Настоящий обзор не ставит себе целью рассмотреть все работы, в той или иной степени связанные с вопросом о первоначальном накоплении в России. Автор считал возможным остановиться кратко на работах, содержащих, с одной стороны, конкретный материал, который с точки зрения его ценности или объема наиболее содействует изучению первоначального накопления в России. С другой стороны, в обзор вошли работы, в которых ставится проблема об особенностях процесса первоначального накопления в России в связи с изучением конкретного материала. Хронологически автор ограничивается главным образом 1930—1950-ми годами. Неопубликованные работы здесь не рассматриваются.

[2] С. М. Дубровский. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929; Э. Газганов. Против ревизии марксистско-ленинского учения о феодализме и крепостничестве. «Историк-марксист», т. 22, 1931; С. Г. Томсинский. К вопросу о «старом» и «новом» феодализме. «Хозяйство крупного феодала-крепостника». вып. I, Л., 1933; А. Малышев. О феодализме и крепостничестве. «Историк-марксист», т. 15, 1930 и др.

© ГПНТБ СО РАН

Дискуссия показала, что для решения данной проблемы необходимо предварительное изучение с марксистской точки зрения конкретного материала по социально-экономической истории России XVII — начала XIX в. Это изучение значительно продвинулось вперед в течение последующих десятилетий. В настоящее время имеется большое число работ, в которых содержится материал для более широкого и глубокого освещения процесса первоначального накопления — отделения производителя от средств производства, а также накопления денежного богатства и его превращения в материальную основу для эксплуатации наемного труда, т. е. в капитал.

Остановимся прежде всего на обзоре работ, содержащих конкретный материал по экспроприации непосредственного производителя в крепостной деревне и городе XVII—XVIII вв.

В России до 1861 г. сохранялось крепостное право, русское крестьянство не имело личной свободы и было насильственно прикреплено к средствам производства. «Классической формы» экспроприации здесь не произошло, однако и в XVII и в XVIII вв. наблюдаются явления, свидетельствующие о начавшемся и постепенно усиливавшемся отрыве непосредственного производителя от средств производства.

Этот процесс характеризуют такие факты, как бегство и отходничество, широко распространенные в XVII—XVIII вв. О бегстве крестьян писал А. А. Новосельский в статье «Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.» [3] Он указывал на огромный поток беглых из центральных районов на окраины. Например, в 1658 г. стольник Д. И. Плещеев за один месяц и три недели (с 25 апреля по 15 июня) «сыскал» в Нижегородском у. и возвратил владельцам 1532 человека беглых. Показав чрезвычайно большие масштабы бегства в XVII в., А. А. Новосельский не касается вопроса о роли беглых в процессе создания кадров наемных работников и отмечает только, что землевладельцы теряли в их лице огромную массу рабочих рук.

И. В. Степанов в статьях «Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в.», «Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в.» [4] доказывает, что уже с XVII в. потребность в рабочей силе на волжских рыбных и соляных промыслах, а также судоходстве удовлетворялись за счет пришлого люда из центральных районов. Со всех сторон в Поволжье в поисках заработка стекались «вольные» люди, крепостные крестьяне, посадские люди, беглые, известные на Волге под общим названием «гулящих людей». Уже в XVII в. в Поволжье сосредоточилось несколько десятков тысяч работных людей-наймитов, занимавшихся, согласно более поздней терминологии, отхожими промыслами. Допросные речи задержанных говорят о сравнительно широком распространении отходничества среди крестьян, особенно Нижегородского, Арзамасского, Ветлужского, Свияжского и других уездов, расположенных близ Волги. И. В. Степанов считает, что в условиях сравнительно широкого предпринимательства и необходимости для крестьянина дополнительного заработка сами владельцы приволжских вотчин были заинтересованы в том, чтобы не особенно стеснять отходничество.

Население посада также часто нуждалось в подсобных заработках, поскольку это обеспечивало маломощным семьям исправное несение посадского тягла. Ввиду большой потребности в рабочей силе администрация волжских промыслов принимала на работу людей, происхождение которых для нее не всегда было ясно. Встречается много случаев, когда превращение длительного отходничества в «бегство», т. е. полный отрыв от прежнего места жительства и занятия, оставалось безнаказанным. Хотя И. В. Степанов подробно не останавливается на конкретных причинах, вызывавших отход и бегство на Волгу, его статьи содержат интересный материал о широком распространении данных явлений в XVII в.

Уходившие люди искали заработок не только на Волге. Большую роль играл наемный труд и на Северном водном пути.

Н. В. Устюгов [5], исследуя положение работных людей — носников, кормщиков, ярыжных, караульщиков — на Сухоно-Двинском водном пути, устанавливает, что они комплектовались в основном из посадских людей и уездных крестьян волостей, расположенных по берегам Сухоны и Двины. Нужда в деньгах заставляла их уходить на заработки, причем у некоторых судовой промысел превратился в профессию. Так, носники и ярыжные из года в год нанимались для обслуживания в течение всего сезона разнообразных судов.

Уже на материале XVII в. исследователи показывают заметное расслоение среди крестьянства, беднейшая часть которого вынуждена была продавать свою рабочую силу. Практика применения наемного труда в промышленности и сельском

[3] «Труды Ин-та истории РАНИОН», 1926, вып. 1.

[4] И. В. Степанов. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», 1949, вып. 14, № 112; его же. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в. «Исторические записки», кн. 36, 1951.

[5] Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. «Исторические записки», кн. 6, 1940, стр. 166—194.

хозяйстве также рассматривается в ряде работ наших историков.

В. Г. Гейман в статье «Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в.» [6] останавливается на вопросе обеспечения рабочей силой соляных промыслов. По его мнению, соляной промысел в Серегове являлся «предприятием фабрично-заводского типа, пользующимся наемным трудом свободных рабочих» [7]. Поскольку земледелие в районе Яренского и смежных уездов не обеспечивало достаточного прожиточного минимума, население вынуждено было искать подсобных заработков, оставляя свое хозяйство и превращаясь в наемных работников солеваренных предприятий, т. е. людей, не имевших собственных орудий производства и продающих свой труд. Эта статья В. Г. Геймана — одна из первых работ, относящих элементы зарождения капиталистических отношений к XVII в.

В книге «Очерки из социально-экономической истории русского города» [8] К. Н. Сербина выявляет резкую имущественную дифференциацию в среде тяглецов Тихвинского посада к концу XVII в. По своему имущественному положению тихвинские посадские люди делились на три категории: «лучших людей», «средних людей» и «маломощных людей». В руках некоторых тихвинских кузнецов-товаропроизводителей накапливались средства, дававшие им возможность использовать в своих предприятиях наемную рабочую силу. Бедняки-кузнецы выступали в качестве наемных работников.

Наемный труд применялся в XVII в. и в хозяйстве феодалов. Изучение хозяйства боярина Морозова и царя Алексея Михайловича позволило исследователям сделать вывод о том, что и в том и в другом хозяйстве применялся труд «деловых», т. е. наемных, работников [9]. У Морозова он особенно широко использовался в винокурении и в производстве железа и поташа. По мнению П. Ф. Баканова, возникшее в XVII в. промышленное производство уже не могло развиваться без наемного труда. Эксплуатация «наемных деловых» людей эволюционировала в сторону капиталистической формы эксплуатации. Явления, наблюдаемые в морозовских вотчинах, автор не считает исключительными для XVII в.

[6] «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 35, 1929, стр. 11—38.

[7] Там же, стр. 30.

[8] К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.— Л., 1951.

[9] П. Ф. Баканов. Товарное производство в феодальной вотчине XVII в. «Вопросы истории», 1953, № 5, стр. 94—102; А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в. М., 1937.

Глубокая имущественная дифференциация, приводившая к социальному расслоению, наблюдалась также в Сибири.

Исследование В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня» [10] посвящено ведущей отрасли хозяйства края — земледелию и центральной фигуре этого хозяйства — пашенному крестьянину в XVII и начале XVIII в. В то время в хозяйстве пашенных крестьян наблюдалось применение наемного труда. Гулящие люди, ссыльные и разорившиеся пашенные крестьяне составляли резервы, из которых зажиточная часть илимской деревни могла получать наемных работников. В Илимском воеводстве 50 крестьянских дворов из 201 пользовались трудом наемных или подневольных людей. Кроме того, в 53 крестьянских дворах жили подворники, труд которых также мог использоваться хозяевами. В. Н. Шерстобоев выводит баланс хлеба у пашенных крестьян и выясняет наличие у зажиточной части товарных излишков.

О том, что в XVII в. имелся контингент людей, прибегающих к продаже своей рабочей силы в хозяйствах сибирских служилых людей и монастырей, свидетельствуют работы В. И. Шункова. Среди этих наймитов встречались выходцы из европейской части страны и местные сибирские крестьяне. Сам факт использования наймитов показателен, хотя, как отмечает В. И. Шунков, нередко результатом работы наймита у служилого человека или монастыря было его закрепощение [11].

Обобщение данных о практике найма в XVII в. дает А. М. Панкратова в статье «Наймиты на Руси в XVII в.» [12]. Главным источником, из которого черпались кадры наемных работников в XVII в., как и в более позднее время, были обедневшие, разоренные, нередко обезземеленные — «непашенные», по терминологии XVII в., крестьяне, деревенская беднота, наряду с которой в деревне XVII в. существовали «прожиточные», «добрые» крестьяне. В то же время автор ставит важный принципиальный вопрос о характере найма и отрыва непосредственного производителя от средств производства в России в XVII в., справедливо указывая на ошибочность аналогии обезземеливания русского крестьянина в XVI—XVII вв. с процессом сгона с земли английских крестьян в XVI—XVIII вв. Английское огораживание было вызвано потребностями капиталистического способа производства. На Руси в конце XVI в. и в начале

[10] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Иркутск, 1949, стр. 281.

[11] В. И. Шунков. О феодальном строе сибирской деревни. «Вопросы истории», 1952, № 6. См. также его книгу «Очерки по истории земледелия в Сибири в XVII в.». М., 1956.

[12] Сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 200—215.

XVII в. феодальный способ производства продолжал находиться в состоянии подъема. Результатом захвата и освоения земель русскими феодалами было превращение разоренных масс крестьянства или прямо в крепостных или закрепощавшихся вследствие кабальных условий найма.

Однако дальнейшее концентрирование отдельных рынков в единый всероссийский рынок, развитие городской и крестьянской промышленности создавали основу для новых форм найма. Оставаясь нередко крепостным по происхождению, этот новый наймит по своему положению в качестве наемного работника в промышленном производстве знаменовал разложение крепостнического базиса. Рост применения вольнонаемного труда крестьян-отходников создавал кадры будущего пролетариата, который, чтобы существовать, должен продавать свою рабочую силу.

Таким образом конкретный материал по XVII в. о процессах, приводивших в той или другой степени к отделению производителя от средств производства (имущественное и социальное расслоение) или выражавших частичное их отделение (бегство, отходничество) сообщает целый ряд авторов. На этих же процессах останавливаются исследователи социально-экономических отношений России XVIII в.

В своей работе «Крепостное право в вотчинах Шереметевых» К. Н. Щепетов прослеживает процесс расслоения среди крестьянства данных вотчин с начала XVIII по конец XIX в. Уже к 1718 г. обнищание крестьян было так значительно, что половина Вощажниковской вотчины вынуждена была ходить по миру. В 1747 г. с некоторых крестьян вотчины приходилось снимать оброк «за убожеством». Необеспеченность крестьян «последней статьи» заставляла их брать покормежные письма и уходить на поиски дополнительных заработков. Во второй половине XVIII в. отход ежегодно рос.

В то же время зажиточные крестьяне вотчин Шереметевых занимались торговлей и промыслами, некоторые заводили мануфактуры, покупали землю и даже крестьян [13].

В статье Е. И. Дракохруст «Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в.» [14] на примере Калужского наместничества показано, что из-за малоземелья часть беднейшего крестьянства не находила применения своему труду в собственном хозяйстве. Следствием этого было большое развитие отходничества. В перемышльской вотчине кн. М. М. Голицына из 191 двора 123 наряду с земледелием занимались промыслами, что составляет 64,4%. В семье из трех работников двое остаются дома, а третьего отпускают на заработки.

[13] К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, стр. 36, 89.

[14] «Исторические записки», кн. 4, 1938, стр. 113—140.

Г. Н. Бибиков, основываясь главным образом на хозяйственном архиве кн. М. М. Голицына (конец XVIII — начало XIX в.), показывает степень дифференциации крестьян в Новосильском у. Тульской губ. Крестьяне делились на «первостатейных», «посредственных» и бедняков. Посредственные крестьяне по своему имущественному положению мало чем отличались от бедняков. Некоторые из них стояли на грани разорения [14а].

Наблюдаемые в вышеизложенных работах такие процессы, как имущественное и социальное расслоение, временный отход или бегство, еще не исчерпывают всего комплекса вопросов, связанных с экспроприацией непосредственных производителей. Важны результаты, к которым данные процессы приводили. В связи с этим необходимо остановиться на вопросе о том, выступают ли крестьяне в XVIII в. качестве наемных работников в промышленности, транспорте, сельском хозяйстве в значительной мере или совсем оторвавшихся от средств производства.

В своей статье «Формирование рабочей силы на текстильных мануфактурах в XVIII в.» [15] И. С. Курицын, основываясь на материалах переписей мануфактурных рабочих 1732—1733 и 1737—1740 гг., показывает пестроту социального состава и происхождения мануфактурных рабочих. Основная группа работников вышла из крестьянства, большая группа — из посадских слоев, а также детей фабричных и солдат. По мнению автора, в 30—40-х годах XVIII в. на большинстве мануфактур преобладали купленные и приписные работники, особенно в суконной и отчасти шелкоткацкой отраслях. К 60-м годам положение значительно меняется в смысле повышения удельного веса наемных рабочих в текстильной промышленности в целом и, в частности, на шелкоткацких и полотняных предприятиях.

И. С. Курицын указывает на те возможности, которые имелись для найма рабочих в России. Разоряемая оброком и податями деревенская беднота была вынуждена в поисках заработка обращаться на сторону. Данные о распространении отхожих промыслов в ряде губерний говорят о значительном количестве отходников, достигавшем иногда трети всего взрослого мужского населения. Увеличение населения городов должно было также

[14а] Г. Н. Бибиков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», кн. 4, 1938, стр. 76—112.

[15] «Исторические записки», кн. 5, 1939, стр. 141—187.

облегчить проблему найма. Вместе с тем рост крепостничества и политика абсолютистско-крепостнического государства обусловливали затруднения с рабочей силой. Закабаляемые работники стремились освободиться от работы на мануфактурах.

И. С. Бак в статье «К вопросу о генезисе капиталистического уклада в крепостном хозяйстве России» [16] указывает на то, что мануфактура получала рабочую силу на основе процесса первоначального накопления, наиболее характерная черта которого — отрыв мелкого производителя от средств производства. Расслоение, происходившее в среде крестьянства, является, по мнению И. Бака, глубочайшей основой развития капиталистического уклада.

Начиная с 40—50-х годов XVIII в. наряду с принудительным трудом распространяется вольнонаемный. В 1774 г. предприятия, основанные на вольнонаемном труде, составляли 36% общего числа предприятий Мануфактур-коллегии. В статье И. Бака ставится вопрос о том, кто же были эти вольнонаемные рабочие. Материалы показывают, что к середине 60-х годов на купеческой мануфактуре к работе в основном стали привлекаться оброчные крестьяне — помещичьи, государственные, экономические. Предложение рабочей силы оброчных крестьян для промышленности было следствием процесса расслоения, происходившего в деревне, в среде крестьянства. По наблюдениям автора, земледелие не давало необходимых средств к существованию крестьянину нечерноземных губерний. Например, денежный доход от земледелия покрывал лишь 40—50% денежного расходного бюджета тверских крестьян, которые в зимнее время были вынуждены обращаться к промыслам и отходу. Расслоение крестьян происходило не только на основе поземельных отношений. В большей степени оно являлось результатом распространения среди крестьян промыслов и торговли, откупов и подрядов, появления мануфактур, принадлежавших крестьянам, эксплуатировавшим труд других крестьян.

На этих же вопросах останавливается Н. Л. Рубинштейн в своей статье «Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в.» [17] Анализируя численность вольнонаемных рабочих в промышленности, Н. Л. Рубинштейн исходит из учета данных как по крупному, так и по безуказному мелкотоварному производству и разных форм капиталистической работы на дому. К промышленным рабочим примыкают рабочие транспорта. Учитывая все эти категории наемных рабочих, автор определяет численность вольнонаемных рабочих

[16] «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 68—80.
[17] «Вопросы истории», 1952, № 2.

для 60-х годов в 200 тыс. человек и для конца XVIII в. в 400 с лишним тысяч. В основе формирования рабочей силы лежало углубившееся расслоение крестьян в России в XVIII в., хотя этот процесс осложнялся и тормозился наличием крепостного права. Специфическим был тот факт, что рабочий — наемный по отношению к владельцу мануфактуры — оставался крепостным по отношению к своему помещику и к государству-землевладельцу.

Во многих случаях отходничество было результатом уже совершившегося отрыва крестьянина от сельского хозяйства. В покормежных письмах часто указывается на специальность отходника. Н. Л. Рубинштейн считает, что распространенный годичный срок отпуска прямо говорит о нарушении связи отходника с полевыми работами.

Краткий обзор вышеизложенных работ показывает, что советскими историками, изучающими социально-экономическую историю России XVII—XVIII вв., выявлено много интересных фактов, характеризующих процесс отрыва непосредственного производителя от средств производства.

* * *

Далее мы остановимся на обзоре работ, в которых имеется материал, относящийся к другой стороне процесса первоначального накопления в России,— накоплению денежных средств и вкладыванию их в производство.

В ряде работ С. В. Бахрушина («Торговые крестьяне в XVII в.», «Торги новгородцев Кошкиных» и др.) прослеживается выделение в XVII в. из среды посадского и крестьянского населения крупных торговцев, обладателей значительных капиталов. Так, торговые люди Кошкины нажили большие капиталы на торговых операциях в Прибалтике и Швеции. Судя по дневнику торговой поездки 1717 г. за границу, только от продажи льна прибыль Кошкиных составила 40% [18].

На торговле с Сибирью за сравнительно небольшой промежуток времени составилось богатство гостя Никитина [19]. В статье «Покрута на соболиных промыслах XVII в.» [20] С. В. Бахрушин раскрывает значение соболиного промысла как важного источника для обогащения крупных торговых людей. Одновременно С. В. Бахрушин на примере соляных и рыбных

[18] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I. М., 1954, стр. 218.
[19] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 226—251.
[20] Там же, стр. 198—211.

SD13 21/64
Библиотека

предприятий гостя Н. Светешникова показал, как вкладывались накопленные на торговле денежные средства в сферу производства [20].

В работе «Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в.» К. В. Базилевич [21] вскрыл характер торговой деятельности Босых в период ее наивысшего расцвета. На торговых операциях, охватывавших огромную территорию от Архангельска до Астрахани, от Новгорода до Якутска, выросло богатство Босых. Основными операциями являлась торговля сибирскими мехами и иноземными «городскими» товарами на Архангельской ярмарке; помимо торговли, Босые вели крупные ростовщические операции.

В статье Е. И. Заозерской «Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв.» [22] приведен материал о разнообразных операциях — торговых, подрядных, ростовщических — отдельных представителей торгового капитала средневолжских городов. В составе торговых людей гостиной сотни этих городов Е. И. Заозерская наблюдает различные по своему материальному состоянию группы. Крупнейшие торговые люди имели отъезжие торги и подряды, дававшие им большие прибыли главным образом за счет крестьянства, у которого они скупали хлеб, кожи, сало. Накопленные таким образом капиталы представители гостиной сотни средневолжских городов вкладывали в производство — мукомольное дело, кожевенные, мыловаренные и салотопенные заводы. Однако группа богатых купцов была немногочисленна даже среди членов гостиной сотни.

П. Г. Любомиров в статье «Роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности в России в XVII и XVIII вв.» [23] рассматривает вопрос о происхождении и соотношении капиталов, вложенных в промышленные предприятия, о роли в строительстве мануфактур в России казны, русских купцов и дворян, иностранцев. Основной силой, создававшей фабрики и заводы, автор считает русский торговый капитал, наиболее крупными представителями которого были М. Г. Евреинов, И. Микляев, В. Щеголин, А. Павлов, Ф. Старцев. Рассматривая удельный вес отдельных капиталов по отраслям промышленности, П. Г. Любомиров называет шелкоткацкую промышленность детищем русского купечества. Зна-

[20] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 224—255.
[21] К. В. Базилевич. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. Л., 1933.
[22] Сб. «Петр Великий», т. I. М.— Л., 1947, стр. 214—215.
[23] П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947, стр. 509—555.

чительной была роль купечества в суконной, полотняной, писчебумажной промышленности. Наряду с казной купеческий капитал играл большую роль и в металлургии.

Значительно меньшее участие, по данным ряда исследователей, в строительстве мануфактур принимали крестьяне. Так, А. Л. Шапиро в статье «К истории крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры в России XVIII в.» [24] рассматривает причины этого явления. Развитие крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры тормозилось рядом обстоятельств, обусловленных господством феодально-крепостнических отношений. Помещик стремился, прежде всего, к увеличению собственных доходов. Узнав про накопленные крестьянами денежные средства, он нередко отбирал деньги у крестьян под разными предлогами, а то и без них. Крестьянин поэтому часто предпочитал припрятать деньги, накопленные от торговых и ростовщических операций, чем вкладывать эти деньги в промышленность. Развитие крестьянской мануфактуры тормозилось и узостью рынка труда. Преследование крестьян, уходивших без «покормежных писем», вылавливание беглых с помощью разветвленного полицейского аппарата, усиление репрессий за держание беглых, закрепощение некоторых категорий людей в связи с введением подушной подати затрудняли наем работников и больно ударяли по крестьянской мануфактуре, тем более что крестьяне не располагали источниками принудительного труда.

Вопросу накопления купеческих капиталов и перемещения его в промышленность посвящена работа В. Н. Яковцевского «Купеческий капитал в феодально-крепостнической России» [25]. Автор правильно отмечает, что в отличие от Западной Европы, где накопление капитала шло во многом за счет внешней торговли и колониального грабежа, в России этот процесс происходил в основном за счет внутренней торговли, за счет ограбления непосредственных производителей — крепостных крестьян и ремесленников. Поэтому накопление капитала в России было более затяжным и мучительным для населения.

Автор останавливается на методах накопления капиталов купцами и приводит интересный фактический материал. Источником купеческой прибыли был неоплаченный труд, присвоение труда крепостных крестьян и ремесленников, когда купец покупал товары у крестьян ниже стоимости и продавал их выше стоимости. Неэквивалентный обмен был необходимым условием существования купеческого капитала. Автор показывает

[24] «Исторические записки», кн. 31, 1950, стр. 136—153.
[25] В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953.

разницу в ценах по отдельным городам, приводит таблицы купеческой прибыли от продажи различных товаров. Все это позволяет ему раскрыть хищнический характер купеческого капитала.

Накопление купеческого капитала сопровождалось жестокой конкурентной борьбой между отдельными группами купечества, между купеческими гильдиями и внутри них. Убийства, поджоги, подлоги, подкупы были неизбежными спутниками накопления купеческого капитала. Автор останавливается на борьбе между отечественным и иностранным купечеством, борьбе среди гильдейского купечества, между гильдейским купечеством и торгующими крепостными крестьянами. Борьба эта сопровождалась разорением крепостного крестьянства, мещан, мелких купцов. Создавалось новое купечество, отличное от гильдейского.

В XVII—XVIII вв. в руках отдельных купцов были сосредоточены громадные денежные капиталы, вполне достаточные для организации крупного промышленного предприятия. Однако едва ли прав В. Н. Яковцевский, относя переход от торговой деятельности к промышленному производству лишь к первой четверти XIX в. и полагая, что причина этого перехода заключалась в уменьшении нормы торговой прибыли в связи с нивелированием цен на местных рынках к уровню единых цен в масштабе всероссийского рынка.

Становление промышленного капитализма связано с соединением промышленных и торговых функций. По мере развития купеческий капитал прекращает свое самостоятельное существование, становится подчиненным капиталом. В. Н. Яковцевский подчеркивает, что купеческий капитал был одним из рычагов первоначального накопления, но этот правильный тезис в его работе раскрыт недостаточно.

Вопросам кредитования в XVIII — первой половине XIX в. как важному фактору первоначального накопления посвящает свои работы «К вопросу о складывании капиталистического уклада в России XVIII в.» [26] и «Кредитная политика царизма в условиях разложения крепостничества» [27] С. Я. Боровой. Автор показывает, что банковская система была поставлена в основном на службу феодальному землевладению. Но одновременно кредитная политика царизма в тот период учитывала в известной мере интересы торгового капитала, способствуя развитию элементов капитализма. К концу XVIII в. большое значение приобретают ссудные операции.

Кроме того, если банковские учреждения второй половины

[26] «Вопросы истории», 1948, № 5, стр. 67—77.
[27] «Вопросы истории», 1954, № 2, стр. 129—138.

XVIII в. оперировали преимущественно государственными средствами, то к концу века они располагали средствами, образовавшимися в результате накопления вкладов представителей имущих классов.

В процессе первоначального накопления в России банковские вклады, считает С. Я. Боровой, играли ту роль, какую в других странах выполняли государственные займы.

Таким образом, в советской исторической литературе имеются работы, раскрывающие на конкретном материале вторую сторону первоначального накопления, а именно накопление денежных средств и вкладывание их в промышленное производство, в частности на наем рабочей силы.

* * *

В течение последних двух десятилетий советская историческая литература обогатилась рядом ценных монографий по социально-экономической истории России XVII—XVIII вв., в которых содержатся данные, относящиеся к разным сторонам процесса первоначального накопления, хотя в этих монографиях, как и в вышеизложенных работах, интересующая нас проблема специально не рассматривается.

Начнем с работ, посвященных металлургии.

В работе Б. Б. Кафенгауза [28] на примере хозяйства Демидовых освещается вопрос о возникновении крупных предприятий на Урале. В монографии показан процесс перемещения капиталов, накопленных в центре страны, на окраины. Пожалования землями и крестьянами способствовали созданию в этих краях крупного производства. В книге дана картина возникновения и развития предприятий Демидовых, основатель которых бывший тульский кузнец Никита Демидов стал крупнейшим предпринимателем. Б. Б. Кафенгауз останавливается также на социальном составе рабочей силы на уральских заводах — Невьянском и Нижнетагильском. Рабочие кадры демидовских заводов пополнялись в начале XVIII в. беглыми из крестьян и ремесленников, а также из состава населения демидовских вотчин, преимущественно за счет бестягольных крестьян, деревенской бедноты и т. д. Однако автор, говоря о пришлых работниках, не ставит вопроса о том, какие обстоятельства вынуждали этих людей продавать свою рабочую силу.

Н. И. Павленко в монографии «Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.» [29] оста-

[28] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.— Л., 1949.
[29] Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953.

навливается на процессе формирования рабочей силы на казенных и частных металлургических заводах. Подушная перепись и последующие указы о беглых, еще более ограничивая передвижение крестьян, тормозили образование рынка рабочей силы. В России, как справедливо подчеркивает автор, в отличие от Западной Европы освобождение мелких производителей от средств производства приняло затяжной характер. Феодальные отношения тормозили и процесс концентрации капитала.

Поскольку узкий рынок труда в России первой половины XVIII в. не мог предоставить в распоряжение промышленности необходимое количество рабочей силы, государство решило этот вопрос феодальным способом — принудительной приписки государственных крестьян к заводам.

Однако наряду с принудительным трудом частные предприниматели использовали вольнонаемный труд, причем удельный вес последнего в центральном металлургическом районе был выше, чем на Урале. На некоторых заводах центра работали оброчные крестьяне, а также посадские с паспортами. Те и другие выступали в это время уже в качестве продавцов рабочей силы как товара.

Иных, более радикальных взглядов на развитие капиталистических отношений придерживается С. Г. Струмилин. В своем труде «История черной металлургии в СССР» С. Г. Струмилин останавливается на вопросе о темпах накопления капитала и удельном весе в промышленности вольнонаемного труда, т. е. явлениях, относящихся к процессу первоначального накопления в России. По наблюдениям автора, уже к началу XVIII в. имела место известная пролетаризация населения на одном полюсе и наличие накопленных капиталов — на другом. В работе С. Г. Струмилина ставится вопрос о накоплении капиталов и о вкладывании их в промышленные предприятия. Вначале политика Петра I в области создания отечественных мануфактур не встречала поддержки у представителей торгового капитала, которые, не связывая себя с промышленным производством, получали огромную торговую прибыль — 100% и больше — на свои оборотные фонды [30]. Однако уже к концу первой четверти XVIII в. частных заводов было больше, чем казенных. Основываясь на фактических данных о высоких нормах прибыли, С. Г. Струмилин указывает на высокие темпы капиталонакоплений первых заводчиков мануфактурной эпохи. Отдельные тульские кузнецы-оружейники (Демидовы, Баташевы, Мосоловы) в очень короткие сроки стали богатейшими людьми. Помимо эксплуатации труда на вновь построенных железных заводах, что обеспечивало большую часть накоплений, владельцы их прибегали и к другим источникам обогащения. Важным источником первоначального накопления был, например, широко практиковавшийся захват земельных и лесных богатств малонаселенного Урала. Государственные мероприятия по обеспечению частных заводов приписными крестьянами и мастеровыми людьми способствовали обогащению заводчиков, так же как и передача казенных заводов частным лицам.

[30] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 235.

С. Г. Струмилин приводит интересные данные о распространении вольнонаемного труда в целом ряде отраслей промышленности [31]. Вольный наем имел место и до XVII в., но это, считает С. Г. Струмилин, был еще не капиталистический наем, так как не служил задачам извлечения прибылей и накопления капитала у нанимателя. С XVII в. в этом отношении наблюдается решительный сдвиг, а в конце XVIII в., по подсчетам С. Г. Струмилина, 52% вольнонаемных и 48% принудительных рабочих было занято в русской промышленности.

Легкой отрасли промышленности посвящена книга И. В. Мешалина «Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в.» [32]. В ней на конкретном материале показано, что ткацкие промыслы крестьян Московской губернии представляли основу для развития крупной текстильной промышленности Московской губернии. Автор прослеживает заметное расслоение крестьянства в 70-х годах XVIII в. и выделение из его среды двух крайних групп: богачей — владельцев предприятий и бедняков — наемных рабочих у первых.

И. В. Мешалин показывает, как отдельные товаропроизводители постепенно превращались сначала в мелких предпринимателей, а затем крупных купцов-скупщиков и владельцев мануфактур и фабрик. Так, из среды крестьян-ткачей вышли известные своим богатством на всю Россию крупные предприниматели, например Морозовы. Другая (бо́льшая) часть ранее самостоятельных производителей оказалась оторванной от средств производства и вынуждена была идти в наемные рабочие к местному мануфактуристу или же работать у себя на дому для купцов-скупщиков, получая от последних сырье. Самостоятельные

[31] С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 363.

[32] И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.—Л., 1950.

ткачи с течением времени превращались в наемных рабочих не только на предприятиях, но и у себя на дому.

И. В. Мешалин приводит данные о применении вольнонаемного труда в текстильной промышленности. Так, в сукопной промышленности в конце XVIII в. еще только начинал использоваться вольнонаемный труд, в то же время в парусно-полотняной и шелкоткацкой промышленности вольнонаемный труд уже эксплуатировали на 65,2—64,5%. Новая отрасль текстильной промышленности — хлопчатобумажная — почти полностью (на 92,1%) была основана на применении вольнонаемного труда. Эти данные свидетельствуют о том, что была значительная часть населения, которая, не имея средств производства, встала на путь продажи своей рабочей силы. Таким образом, работа И. В. Мешалина дает интересный материал о явлениях первоначального накопления в текстильной промышленности, хотя и не рассматривает материал с точки зрения этой проблемы.

В своем исследовании Е. И. Заозерская [33], рассматривая историю мануфактур легкой промышленности Москвы, делает вывод о том, что с середины второго десятилетия XVIII в. крупная промышленность Москвы оказалась в руках купцов, накопивших капиталы. Купцы — владельцы московских мануфактур первой четверти XVIII в.— не принадлежали к землевладельческому классу и не имели феодального права на землю и на прикрепленное к ней население. Средства производства в их руках и рабочая сила на их предприятиях концентрировались на другой основе — на основе владения денежным богатством.

Е. И. Заозерская специально ставит вопрос об источниках накопления. Такими источниками накопления были торговля, промышленная деятельность, операции с недвижимой собственностью, частично ростовщичество. В Москве концентрировалось крупное купечество, а значит, и крупные купеческие капиталы.

Изучение конкретного материала о составе рабочей силы на купеческих московских мануфактурах позволяет автору считать удельный вес принудительного труда по сравнению с наемным незначительным. Собственно крепостные на частных мануфактурах встречаются буквально единицами. Приписные крестьяне имелись в течение трех лет при компанейской мануфактуре Тамеса, но были отписаны по челобитью компанейщиков. Принудительный труд «винных женщин» применялся всего на двух мануфактурах: шелковой Апраксина — Евреинова и полотняной компанейской [34].

[33] Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953.

[34] Там же, стр. 501.

Большинство рабочих — это пришедшие на мануфактуру «собою» или «волею» из города и деревни, часто давно оторвавшиеся от места жительства и средств производства, ищущие заработка «для прокормления», под давлением нужды [35]. Однако применение наемного труда, как справедливо отмечает автор, не дает права говорить о наличии в России того времени системы эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Это лишь первые шаги в данном направлении, далекие еще от того, чтобы стать «...правилом и основной формой всего производства...» [36].

Н. В. Устюгов в своей недавно опубликованной книге [37] наблюдает уже заметные явления первоначального накопления в солеваренной промышленности XVII в. Он прослеживает два пути образования крупных соляных промыслов. Некоторые из них выросли из мелких посадских промыслов, владельцы которых постепенно расширяли эксплуатацию наемного труда и накапливали капиталы (Суровцовы, А. В. Ростовщиков). Этот путь сопровождался разорением мелких солепромышленников. Другой путь — это превращение ростовщического и торгового капитала в промышленный. Почти все крупные торговые люди XVII в. (Г. Л. Никитников, Н. А. Светешников, В. Г. Шорин, О. И. Филатьев и др.) вкладывали свои капиталы, накопленные в торговле, в солеваренную промышленность.

Н. В. Устюгов показывает, что рабочая сила для солеваренных мануфактур формировалась из посадских людей Соли Камской и крестьян Соликамского у. Кроме того, рабочая сила пополнялась за счет пришлого населения из других уездов Поморья, поток которого нарастал из десятилетия в десятилетие. В связи с этим приводится интересный материал об имущественном неравенстве и классовом расслоении. В Соли Камской две трети посада жило заработком у соляных варниц, причем 20,7% не имело никаких средств существования, кроме продажи своей рабочей силы, и жило по чужим дворам [38]. В целом трудовое население посада составляло 92,6%. Этой массе противостояла кучка посадских богатеев [39]. Аналогичные процессы наблюдаются и среди пришлого населения, 42% кото-

[35] О социальном составе мастеровых и работных людей на мануфактурах см. также статью Е. И. Заозерской «Способы обеспечения рабочей силой частных мануфактур во второй четверти XVIII в.» в сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 284—293.

[36] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 255.

[37] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957.

[38] Там же, стр. 147, 188.

[39] Там же, стр. 201.

рого жило по чужим дворам в качестве подворников, захребетников, должников и др. [40] Интересные данные приводит автор о процентном отношении крестьян Соликамского у., порвавших с сельским хозяйством и перешедших на работу в промышленность, к общему количеству крестьянского населения [41]. Тяжесть государственных повинностей и эксплуатация со стороны посадских и деревенских богатеев были причинами разорения крестьян, лишали их средств производства и вынуждали искать средств существования путем продажи своей рабочей силы.

Н. В. Устюгов на примере промыслов Воскресенского монастыря показывает, что большинство работных людей в солеваренной промышленности работало по найму и не находилось в феодальной зависимости от владельцев предприятий. Но были и зависимые от владельцев предприятий, например бобыли и крестьяне, на промыслах Строгановых и Пыскорского монастыря.

Из вышеизложенного видно, что в трудах советских историков, работающих в области изучения истории России XVII—XVIII вв., накоплены интересные и разнообразные факты и наблюдения относительно предыстории «...капитала и соответствующего ему способа производства» [42], т. е. о генезисе капитализма в процессе первоначального накопления в России. Имеются как большие работы, так и отдельные статьи, в которых освещаются такие явления, как расслоение крестьянства, отделение непосредственного производителя от средств производства, в результате распространения отхода и бегства, расширение эксплуатации наемного труда в промышленности и сельском хозяйстве.

Исследователями собран значительный фактический материал относительно методов и путей накопления денежных капиталов, необходимых для организации крупного производства. Хотя во многих из этих работ проблема первоначального накопления не рассматривается специально, содержащиеся в них факты и сведения способствуют ее изучению. Рассмотрение проблемы по частям, накапливание фактического материала закономерны на определенной стадии изучения проблемы в целом. Эта основа позволила советским историкам и экономистам в последние годы специально поставить проблему первоначального накопления в России, что является более высокой ступенью в изучении вопроса.

[40] Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 146.
[41] Там же, стр. 194 и сл.
[42] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 719.

* * *

Первая работа, в которой проблема первоначального накопления ставится в целом, — фундаментальный труд П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР» [43].

Первоначальному накоплению в России автор посвящает специальный раздел во втором томе своего труда, после главы о реформе 1861 г., рассматривая этот процесс вместе с общей характеристикой эпохи промышленного капитализма. Основанием для этого служит то обстоятельство, что только в XIX в. в некоторых отраслях промышленности начинают преобладать кадры постоянных вольнонаемных рабочих, что указывает на массовый процесс экспроприации мелкого производителя. По мнению П. И. Лященко, в реформе 1861 г. процесс экспроприации крестьянства и расхищения его земель закончился общей «чисткой земель» в виде «отделения» освобожденных крестьян от значительной части их земель, уменьшения наделов, массового обезземеливания, т. е. когда явственно выступает главная сторона, или «основа», первоначального накопления.

Заслугой П. И. Лященко является то, что он первый развернуто поставил вопрос о процессе первоначального накопления в России. Однако автор рассматривает процесс первоначального накопления, не выделяя его из общей характеристики эпохи промышленного капитализма, в значительной степени противореча данным, которыми он характеризует экономическую историю России XVII—XVIII вв.

В главах, посвященных XVII—XVIII вв., П. И. Лященко отмечает, что уже в то время в крепостной России стали образовываться довольно значительные группы населения, лишенные земли и средств производства («беглые», «гулящие» и «праздные люди», городская беднота). Были заводские наемные рабочие, работавшие в промышленности из поколения в поколение. На некоторых предприятиях Москвы XVIII в. их было до 10%.

Автор подробно останавливается на источниках накопления денежного капитала. Одним из источников для XVII—XVIII вв. П. И. Лященко считает расхищение общинных и государственных земель. Этот процесс в России протекал более длительным путем, чем в Западной Европе, и на крепостной основе, т. е. в виде всякого рода «пожалований» государственных земель и обращения в крепостных сидевших на них крестьян.

С XVIII в. процесс расхищения земель как прямой источник первоначального накопления резко усиливается в централь-

[43] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I—II. М., 1956.

ных частях страны и особенно на окраинах. Но П. И. Лященко отмечает, что процесс расхищения этих земель все еще имел феодальную основу, он еще не приводил непосредственно к образованию промышленного пролетариата. Неправильно предполагать, считает П. И. Лященко, что колониальные источники в первоначальном накоплении в России отсутствовали. Прямой грабеж, спаивание сибирского местного населения, сбор ясака, меновая торговля в виде обмена ценных мехов на стеклянные бусы и безделушки — таковы были в XVI—XVII вв. способы накопления капиталов московским боярством и торговцами. Эти способы первоначального накопления положили начало богатству Романовых, Строгановых и многих других. П. И. Лященко преувеличивает значение колониальных источников накопления в условиях России, не учитывает известной разницы между колониями западноевропейских буржуазных стран и русской Сибирью, заселение которой происходило главным образом путем мирного хозяйственного освоения ее обширных просторов, путем крестьянской колонизации.

Автор характеризует как источники первоначального накопления военные заказы и подряды, а также систему государственного кредита (государственные долги, протекционизм, откупы).

Внешняя торговля, получившая значительное развитие с XVI в. в России, по мнению П. И. Лященко, была относительно небольшим источником первоначального накопления, так же как ростовщичество, спекуляции.

П. И. Лященко отмечает, что в основе этих источников первоначального накопления лежали «внеэкономические», чисто крепостнические пути и способы узаконенного ограбления населения.

Как видим, уже в социально-экономической истории России XVII—XVIII вв. П. И. Лященко вскрывает явления, связанные с процессом первоначального накопления. Больше того, он сам рассматривает их как явления первоначального накопления. В данном случае точка зрения автора лишена последовательности.

Вопрос о хронологических рамках и особенностях процесса первоначального накопления в России ставит А. М. Панкратова в статье «О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму» [44]. А. М. Панкратова критикует попытки ревизионистов и всякого рода апологетов буржуазии свести процесс первоначального накопления к простому росту денежного капитала. В то же время автор справедливо считает, что

[44] «Вопросы истории», 1953, № 9.

нельзя отождествлять всякую экспроприацию крестьянства с первоначальным накоплением. Экспроприация крестьян означает первоначальное накопление в том случае, когда она сопровождается превращением обезземеленных крестьян в наемных рабочих. Нельзя проводить аналогию между обезземеливанием и разорением крестьян на Руси в XVI—XVII вв. и процессом сгона крестьян с пашни и экспроприацией у них орудий и средств производства в Англии. Захват и освоение земель русскими феодалами приводили не к созданию резерва свободной рабочей силы, а к закрепощению разоренных масс.

Ошибочно также отождествление развития торгового капитала с первоначальным накоплением. Капитализм вырастает из мелкого товарного производства в определенных условиях. В XVI в. накопление денежных средств в руках богатых дворян вело не к созданию капиталистических отношений, а к укреплению крепостнических. Разорившийся крестьянин в это время еще не превращался в наемного рабочего. Наоборот, крепостники препятствовали отрыву крестьян от земли. Переход от простого товарного производства к капиталистическому, превращение рабочей силы в товар А. М. Панкратова относит ко второй половине XVIII — первой половине XIX в.

Н. М. Дружинин в докладе на X Международном конгрессе историков в Риме также поставил вопрос о первоначальном накоплении в России [45]. Н. М. Дружинин отметил, что уже в XVIII в. в России обозначились явления данного процесса. Но в условиях крепостничества процесс первоначального накопления проходил своеобразно и замедленно, отличаясь от темпов и форм первоначального накопления в странах Западной Европы. Н. М. Дружинин объясняет это тем, что торговля и промышленность России XVI—XVII вв. не достигли уровня, который мог обеспечить постепенную ликвидацию экономической и личной зависимости крестьян. Кроме того, удаленное от западных и южных морей Русское государство не могло наладить самостоятельной и активной морской торговли, пушные богатства Сибири и не могли конкурировать с неисчерпаемыми ценностями американских и южноазиатских колоний.

Еще одно существенное явление отличало Россию от европейских стран. В то время как Англия, Франция и другие европейские государства имели замкнутую территорию метрополии, достаточно заселенную и хозяйственно освоенную к началу ка-

[45] Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. «Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации». М., 1956, стр. 189—216.

питалистического периода, в Русском государстве с его «диким полем» на южной окраине и обширными неиспользованными пространствами на востоке имелись огромные земельные резервы. Они были доступны переселенцам, способствовали постепенному разрежению населения в центральной части страны, смягчая этим остроту классовых противоречий и в то же время распространяя феодальные отношения на новые территории. Крестьянская колонизация на юг и восток была дополнительным фактором, осложнившим и замедлившим процесс отрыва мелких производителей от средств производства и, прежде всего, от земли. Это имело то последствие, что в России рост производства долгое время опережал расширение рынка рабочей силы. Здесь Н. М. Дружинин видит одну из особенностей первоначального накопления в России и его отличие от стран Западной Европы, где к началу мануфактурного периода уже существовал более или менее широкий рынок наемной рабочей силы. Государственная власть, помещики и купцы восполняли недостаток свободной рабочей силы применением крепостного труда, добиваясь еще большего усиления личной зависимости непосредственных производителей.

Недостаток денежных средств в руках частных предпринимателей систематически восполнялся не только поощрительными мерами правительства (привилегиями, субсидиями, монополиями и пр.), но и хозяйственной инициативой государственной казны. Благодаря этому проблема накопления капиталов была более или менее разрешена.

Правительственные меры, направленные на расширение капиталов и обеспечение предприятий рабочей силой, следует рассматривать, считает Н. М. Дружинин, как один из важных моментов первоначального накопления в России.

Перелом в сторону расширения вольнонаемного труда наметился во второй половине XVIII в. Внешняя торговля, разрастаясь после присоединения черноморского побережья, система откупов, подрядных поставок, скупка товаров мелких производителей по искусственно заниженным ценам открывали более широкие возможности для образования крупных капиталов, особенно в период войн конца XVIII в. Исчезала прежняя диспропорция между спросом на рабочую силу и ее предложением на рынке. Уже в 60-х годах XVIII в. правительство запретило покупать крестьян к мануфактурам. Эти успехи первоначального накопления привели к важным результатам — наряду с посессионными и вотчинными предприятиями стали расти мануфактуры, основанные на вольнонаемном труде. Владельцами этих капиталистических предприятий были преимущественно выходцы из разбогатевшего крестьянства, родоначальники известных фамилий — Морозовы, Прохоровы, Крестовниковы, Гучковы и др.

Таким образом, в своем докладе Н. М. Дружинин, подводя итог работам советских историков, попытался дать общую картину процесса первоначального накопления в условиях крепостной России.

В связи с подготовкой «Очерков истории СССР» и необходимостью осветить в них проблему первоначального накопления в России в Институте истории АН СССР в 1955 г. было организовано широкое обсуждение данной проблемы [46]. По целому ряду вопросов обнаружились расхождения во взглядах, а главное, выяснилась недостаточность фактических сведений для раскрытия основной стороны процесса первоначального накопления — отделения непосредственного производителя от средств производства. Участники дискуссии сосредоточили внимание на особенностях «русского варианта» первоначального накопления, хронологических рамках его, роли окраин. В ряде выступлений приводился новый конкретный материал об отделении непосредственного производителя от средств производства. Дискуссия имела большое значение в постановке проблемы в целом.

На этой дискуссии Н. И. Павленко и Б. Б. Кафенгауз выступили с докладами, впоследствии опубликованными с некоторыми поправками [47].

Н. И. Павленко отметил, что накопление богатств, как и экспроприация непосредственных производителей, само по себе еще не создает эпохи первоначального накопления. Крупные накопления в форме торгового и ростовщического капитала, а также сокровищ, не говоря о громадных земельных владениях, создавались еще в период становления феодальных отношений. В тот же период на другом полюсе возникали массы обездоленных людей. Но эти процессы, считает Н. И. Павленко, несмотря на внешнее сходство их с явлениями первоначального накопления, не были таковыми. Условием, стимулирующим развитие процессов первоначального накопления, был соответствующий уровень развития способа производства, а именно — складывание национального рынка, относительно высокая ступень общественного разделения труда и появление мануфактурного производства. Необходимым условием первоначального на-

[46] См. «Вопросы истории», 1955, № 11; «Исторические записки», кн. 54, 1955.

[47] Н. И. Павленко. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (по материалам XVII—XVIII вв.). «Исторические записки», кн. 54, 1955, стр. 382—419; Б. Б. Кафенгауз. К вопросу о первоначальном накоплении в России. Сб. статей «Вопросы экономики, планирования и статистики». М., 1957, стр. 219—234.

коплепия была возможность вкладывать денежный капитал, созданный грабежом, ростовщичеством и торговлей, в промышленность, основанную на эксплуатации наемного труда.

В докладе Н. И. Павленко вопрос об экспроприации непосредственных производителей не получил широкого освещения. Автор объясняет это слабой изученностью, а иногда и полным отсутствием каких-либо данных о бюджете крестьянской и посадской семьи XVII—XVIII вв., об удельном весе феодальной ренты и государственных налогов и т. д. Но, хотя вопрос и недостаточно изучен, накопленный конкретный материал позволяет все же подробнее остановиться на экспроприации крестьян, чем это было сделано в докладе и статье Н. И. Павленко.

Н. И. Павленко останавливается на особенностях процесса первоначального накопления в России. Ссылаясь на данные А. А. Новосельского и К. Н. Щепетова, он отмечает, что помещики использовали крепостное право в качестве мощного средства задержки расслоения деревни. Кроме того, правительственные указы, ограничивавшие торгово-промышленную деятельность крестьянства, тормозили процесс накопления капиталов в руках разбогатевших крестьян. Павленко предостерегает от одностороннего взгляда на крепостничество только как на тормоз первоначального накопления. По его мнению, крепостное право было в период позднего феодализма вместе с тем и экономической потенцией первоначального накопления. На русских мануфактурах широко использовался труд крепостных крестьян и работных людей [48]. Эффективность использования такого труда доказывается быстрым ростом уральских заводов и сказочным обогащением некоторых заводчиков.

Одним из источников образования рынка рабочей силы Н. И. Павленко считает бегство крестьян, однако это явление нельзя рассматривать как целиком относящееся к экспроприации крестьян, поскольку для подавляющего большинства беглых побег не сопровождался полным отрывом от средств производства. Рост феодальных повинностей также выбрасывал на рынок труда многочисленную армию отходников.

Н. И. Павленко подробно останавливается на роли государственной власти в процессе первопачального накопления. Системой таможенных тарифов, выдачей ссуд промышленникам, предоставлением монополий, передачей казенных заводов в частные руки абсолютизм ускорял процесс накопления капиталов. Но в образовании первопачального капитала, считает автор,

[48] О приписке крестьян к мануфактурам как методе первоначального накопления писал Б. В. Яковлев. См. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 91—104.

главная роль принадлежала не ссудам и монополиям, а откупам и подрядам. Благодаря последним приумножили свои капиталы многочисленные купеческие фамилии XVII и XVIII вв. Другим результатом подрядной и откупной системы было разорение непосредственных производителей материальных благ.

Н. И. Павленко дает периодизацию первоначального накопления в России. До сих пор в нашей литературе этот вопрос не освещался. Явления первоначального накопления с достаточной отчетливостью прослеживаются в XVII в. По определению автора, в это время накопление капиталов и отделение трудовых масс от средств производства осуществлялось главным образом посредством товарообмена. В XVII в. складываются зачатки протекционизма, элементы меркантилизма.

Второй этап охватывает первую половину XVIII в., когда выдача ссуд, передача казенных заводов в частные руки, протекционистский таможенный тариф, приписка государственных крестьян к заводам ускоряли накопление капиталов и отделение трудовых масс от средств производства. Главным рычагом первоначального накопления в это время являлись государственные налоги. Развитие промышленности опережало формирование рынка рабочей силы, широкое развитие получило использование принудительного труда.

На третьем этапе (вторая половина XVIII в.) преимущественное значение в процессе первоначального накопления приобретают возросшие феодальные повинности крестьян. Особенно возросли владельческие повинности крестьян. Экспроприация достигает такого высокого уровня, что необходимость в обеспечении промышленности принудительным трудом отпадает. Капиталы, накопленные в торговле, начинают перемещаться в промышленность.

Б. Б. Кафенгауз хронологически рассматривает явления первоначального накопления с XVII в. до начала XX в. К экспроприации крестьян, причем частичной, привела, считает он, реформа 1861 г. Временно обязанные отношения продолжались до 1883 г., выкупные платежи вносились до 1905 г. Это наряду с другими явлениями разоряло массы крестьян, способствовало превращению их в пролетариев. Большую часть статьи Б. Б. Кафенгауз посвящает явлениям насильственного характера, которые по его мнению, подготовили в конечном счете возникновение капитализма и которые особенно проявились с конца XVII в. и в первую половину XVIII в. Он рассматривает как методы первоначального накопления — пожалования, земельные захваты, привилегии, субсидии и др. По скольку рычаги первоначального накопления в России были

слабее, чем в Западной Европе, они в меньшей степени способствовали капиталистическому развитию. С этим связывает автор запоздалость русского капитализма.

В недавно вышедших в свет «Очерках экономики феодализма в России» [49] П. А. Хромова также рассматривается проблема первоначального накопления. Он относит начало процесса к XVII в. В конце XVIII и в первой половине XIX в. наблюдалось уже заметное увеличение количества безземельных крестьян; тем самым уничтожалось важнейшее условие феодально-крепостнической системы — наделение крестьян землею. П. А. Хромов во введении к книге подчеркивает своеобразие первоначального накопления в России. Внешняя торговля и внешние накопления не играли большой роли [50], отсутствовала работорговля как метод накопления. Основное значение, по мнению автора, имели в России внутренние источники накопления — налоги, откупа, подряды. В работе подчеркивается большая роль государственной власти. Однако ряд явлений автор недостаточно конкретно связывает с процессом первоначального накопления. Например, в разделе о налогах он ограничивается лишь кратким замечанием о том, что налоговая политика была важным методом первоначального накопления. Изложение материала о ростовщичестве он вовсе не увязывает с процессом первоначального накопления в России.

Е. С. Козловский в своей брошюре «Первоначальное накопление капитала и его особенности в России» [51] рассматривает проблему первоначального накопления в России в основном в теоретическом плане. Он подчеркивает, что феодально-крепостнические отношения задерживали и ограничивали экспроприацию, поэтому она должна была искать обходные пути. Экспроприация крестьянства в России проходила двумя методами: методом открытого насильственного сгона крестьян с земли и методом экономически вынужденного ухода самих крестьян с земли (бегство, отход).

Крепостничество, препятствуя экономическому и техническому развитию России, налагало черты ограниченности и на вторую сторону первоначального накопления — на источники накопления капитала. Автор считает, что «недостаточность» накопленных капиталов «обусловила в некоторой мере и экономическую зависимость России» от иностранного капитала.

[49] П. А. Хромов. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957.
[50] В другом месте книги автор говорит о большом значении колониальной торговли купцов с народами Востока, особенно Сибири. См. стр. 204.
[51] Е. С. Козловский. Первоначальное накопление капитала и его особенности в России. Л., 1956.

В результате работы, проделанной советскими историками в деле изучения проблемы генезиса капитализма и первоначального накопления в России, эти проблемы получили отражение в обобщающих трудах по истории СССР.

В «Очерках истории СССР» (XVII в.) [52] тенденция роста рынка рабочей силы отмечается уже для первой половины XVII в., когда появляется значительное количество посадских людей, не имевших других источников существования, кроме продажи своей рабочей силы. Это особенно сказывалось в посадах, расположенных на важнейших водных путях, а также в посадах крупных промышленных центров. В Нижнем Новгороде 60 человек, или 66,6%, из общего количества бобылей, дворников и захребетников прибегали к продаже своей рабочей силы. Приводятся данные по Устюгу Великому, Тотьме, Соли Камской. Во второй половине XVII в. наблюдается отход крепостных крестьян-оброчников на заработки по отпускным письмам своих помещиков. Рост денежного оброка, переход от отработочной и продуктовой ренты к денежной, а также рост государственных налогов вызывали отход крестьян на заработки.

Эти явления в данном томе «Очерков» рассматриваются как элементы процесса первоначального накопления, выражавшегося в начавшемся отрыве непосредственных производителей города и деревни от средств производства и превращении их в продавцов рабочей силы. Во многих случаях этот отрыв еще был неполным, в чем сказывалось влияние господствовавшего феодального способа производства.

В «Очерках» вскрывается также другая сторона процесса первоначального накопления — перемещение денежных капиталов в промышленность. Крупные торговые люди (Г. Л. Никитников, Н. А. Светешников, В. Г. Шорин, О. И. Филатьев, Д. Г. Панкратьев и др.), накопив капиталы в сфере обмена, вкладывали их в XVII в. в солеваренную промышленность, мукомольное, кожевенное производства.

Проблема первоначального накопления ставится также в заключении к «Очеркам истории СССР» (первая четверть XVIII в.) [53].

В «Очерках» на конкретном материале первой четверти XVIII в. показано, каким тяжелым бременем ложилось на плечи трудового населения — крестьян и посадских — утроение государственного бюджета. Крестьяне искали заработка в неземледельческих промыслах. Нередко обедневшие крестьяне полностью порывали с сельским хозяйством и, оставаясь кре-

[52] «Очерки истории СССР (XVII в.)». М., 1955, стр. 104—110.
[53] «Очерки истории СССР (первая четверть XVIII в.)». М., 1954.

постными помещиков, работали по найму в городе, на транспорте, мануфактурах.

Материал о социально-экономическом развитии России в первой четверти XVIII в. свидетельствует о наличии процессов, свойственных эпохе первоначального накопления: разорении части непосредственных производителей и накоплении капиталов в руках купцов, все чаще вкладывавших их не только в добывающую, но и обрабатывающую промышленность. Активная роль государства в этом процессе сказалась в том, что оно создавало недостающие кадры для мануфактур, а также содействовало организации торгово-промышленных компаний путем выдачи ссуд и привилегий.

Протекционизм и монополии обогащали нарождавшуюся буржуазию за счет народных масс. Однако накопление капиталов, как и перемещение их из сферы обращения в производство, протекало относительно медленно. Отчасти данное обстоятельство объясняется тем, что в России XVII—XVIII вв. колониальный грабеж имел меньшее значение, чем в Англии или Голландии.

Конкретный материал экономической истории России второй четверти XVIII в.[54] позволил сделать вывод в соответствующем томе «Очерков» о продолжавшемся процессе первоначального накопления. В это время более отчетливо выступает концентрация средств производства в руках обладателей денежных богатств, добытых торговлей, ростовщичеством, грабежом, насилием и другими методами первоначального накопления. Частное предпринимательство решительно преобладает над казенным. Другая сторона того же процесса — отрыв непосредственного производителя города и деревни от средств производства — выступает менее отчетливо. Однако данные, приводимые в томе, свидетельствуют о продолжавшейся имущественной дифференциации, служившей основой для классового расслоения в деревне. Развитие отходничества и бегство из деревни с последующим устройством на работу по найму рассматриваются как своеобразно выраженный процесс экспроприации непосредственного производителя.

Процесс образования кадров наемных рабочих тормозился крепостническими отношениями. В то же время обилие еще незанятых земель открывало возможность устройства крестьянского хозяйства на новом месте, о чем свидетельствует крестьянская колонизация окраин.

В следующем томе «Очерков истории СССР»[55], посвященном второй половине XVIII в., процесс первоначального накопления проявляется более отчетливо. В связи с развитием товарно-денежных отношений, дальнейшим ростом промыслов и промышленных предприятий усиливалось расслоение крестьянства. Выделялись два противоположных слоя: «капиталистые» крестьяне, имевшие значительные наделы земли, промышленные предприятия, эксплуатировавшие наемный труд, и крестьяне, которые продавали свою рабочую силу, постепенно отрываясь от средств производства. Так происходил процесс формирования новых классов в деревне.

Во второй половине XVIII в. концентрация купеческого капитала усилилась. Наряду с этим росло число торгующих крестьян, нажившихся свои капиталы за счет эксплуатации маломощного крестьянства. Конкретный материал по социально-экономической истории России второй половины XVIII в. свидетельствует о несоответствии производительных сил и производственных отношений.

В итоге, обзор литературы показывает, что после 1930-х годов, когда была впервые сделана попытка поставить проблему первоначального накопления в России, советские историки усиленно занимались изучением конкретной социально-экономической истории России XVII—XVIII вв. Благодаря накопленному таким образом новому значительному материалу, относящемуся к разным сторонам процесса первоначального накопления, советские историки получили возможность поставить проблему в целом. В то же время следует сказать, что предшествующее изучение вопросов первоначального накопления в России еще недостаточно обеспечивает разрешение проблемы, особенно в части главного вопроса об особенностях и темпах экспроприации непосредственных производителей в XVII—XVIII вв. То, что этот процесс в условиях крепостной России проходил в менее ясной, завуалированной форме, осложняет его исследование. Предстоит дальнейшая работа по изучению нового фактического материала, с одной стороны, и творческого обобщения его с целью углубленного освещения русского варианта процесса первоначального накопления — с другой.

[54] «Очерки истории СССР (вторая четверть XVIII в.)». М., 1957.
[55] «Очерки истории СССР» (вторая половина XVIII в.). М., 1956.

А. А. Преображенский

О НАЕМНОМ ТРУДЕ В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XVII—НАЧАЛЕ XVIII в.

Россия XVII — начала XVIII в. была страной, основу экономики которой составляло сельское хозяйство. Огромное большинство населения России имело главным своим занятием земледелие. «...На земледелии вообще и на крестьянстве в особенности,— писал В. И. Ленин,— тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриархального быта, а вследствие этого — преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медленностью и постепенностью» [1]. В этой связи представляет особый интерес проследить явления первопачального накопления именно в сфере сельского хозяйства России и прежде всего в крестьянском хозяйстве.

Известно, что, по определению В. И. Ленина, примерно с XVII в. начинается «новый период» в истории России, характеризующийся, в частности, созданием буржуазных связей [2].

Исследования советских историков показывают, что в XVII в. достаточно отчетливо проявились сдвиги в социально-экономическом развитии России. Отделение промышленности от земледелия, рост общественного разделения труда достигли такой степени, когда намечалась порайонная специализация производства. Ремесло и промыслы все в больших масштабах переходили на обслуживание рынка, росло мелкое товарное производство. Последнее в XVII в. начинает перерастать в крупное мануфактурное производство. В области торговли и обмена происходит накопление значительных капиталов, частично помещаемых в промышленность, а иногда и в земледелие. На рынке, преодолевающем местную ограниченность, большое

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 141.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137—138.

место занимает скупщик, оттесняющий от сбыта непосредственного производителя. Процесс дифференциации крестьянства и посадских людей переступает грань простого имущественного расслоения и приобретает черты расслоения социального. Этому процессу во многом содействовал возраставший фискальный гнет государства и увеличение владельческих повинностей.

В промышленности, на транспорте, в торговле постепенно завоевывает определенное место наемный труд. Даже крупное феодальное хозяйство нередко не удовлетворяется принудительным трудом и обращается частично к наемной рабочей силе для обслуживания вотчинной промышленности и выполнения сельскохозяйственных работ.

Формирование рынка труда — непосредственное следствие всех этих глубоких социально-экономических процессов. В конечном счете рынок труда возникает по мере расслоения непосредственных производителей, главным образом крестьянства — основного класса трудящихся феодального общества.

Наемный труд в XVII в. был распространен довольно широко, что нашло соответствующее отражение в законодательстве. Согласно Уложению 1649 г., «будет чьи крестьяне и бобыли учнут у кого наймоватися в работу, и тем крестьяном и бобылем у всяких чинов людей наймоватися в работу по записям и без записей повольно». При этом в Уложении было предусмотрено, что «тем людем, у кого они в работу наймутся, жилых и ссудных записей и служилых кабал на них не имать и ни чем их себе не крепить, и как от них те наймиты отработаются, и им отпущать их от себя безо всякого задержания» [3]. В 1697 г. последовал даже указ о том, что крестьяне и бобыли дворцовых сел не могут наниматься на работу к помещикам и вотчинникам, «а наймоваться им в работу в дворцовых волостях у своей братьи посадских людей и крестьян, и бобылей» [4]. Во время работы «Палаты об Уложении» (1700 г.) был подвергнут обсуждению и вопрос о крестьянах-наймитах, и в статью 32 главы XI Уложения 1649 г. предполагалось внести некоторые изменения [5]. Следовательно, закон разрешал и крестьянам иметь «наймитов» из числа «своей братьи» — крестьян и бобылей.

Значительным было в XVII в. количество людей, работавших «переходя» по деревням. Для обозначения этой работы

[3] «Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича», 1913, гл. XI, ст. 32, стр. 137.
[4] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. (далее — ПСЗ), т. III, № 1614, стр. 426.
[5] С. Н. Валк. «Суд о крестьянех» в Палате об Уложении 1700 г. Сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 235.

существовал широко бытовавший термин — батрак [6]. Наемных сельскохозяйственных работников в XVII в. называли также «казаками». Известно, что таких казаков держали, например, некоторые крестьяне Поморья [7]. В крестьянских порядных, относящихся к различным уездам Русского государства, нередко встречаются свидетельства о том, что новопорядчики до прихода «в крестьяне» к помещику или монастырю «кормилися походя», «жили кое-где походя», были «вольными работными людьми» и т. д. [8]

Как справедливо заметил А. А. Введенский, посвятивший специальную статью наемному труду в сельском хозяйстве России XVI—XVII вв., крестьянское хозяйство в XVII в. уже знает труд «пришлого рабочего человека и пользуется им» [9]. В первой четверти XVIII в., наряду с расширением использования наемных работников в хозяйствах феодалов (а это явление еще в XVII в. приобрело известное распространение в вотчинах Б. И. Морозова, царя Алексея Михайловича [10] и др.), встречаются факты, когда беглые крестьяне и крестьяне-отходники нанимались к богатым частновладельческим крестьянам. А. П. Волынский в инструкции 1724 г. своему дворецкому писал, что его «заживные» крестьяне, «чужих наймуют же себе в работу» [11].

[6] «Очерки истории СССР» (XVII в.). М., 1955, стр. 183—184.

[7] Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. 14. СПб., 1894, стб. 638—639, 717.

[8] М. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. I. Юрьев, 1895, стр. 26, 31, 47—48, 59—62, 64—65. Иногда «наймиты», работавшие у крестьян, отмечались переписными книгами, что свидетельствовало о более или менее устойчивой профессии сельскохозяйственного наемного работника (см., например, Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), Писцовые и переписные книги по Осинскому уезду, № 6445, лл. 905—1143).

[9] А. А. Введенский. Заметки по истории труда на Руси 16—17 вв. «Архив истории труда в России», 1923, кн. 6—7, стр. 15.

[10] В числе наемных работников, которых привлекал на различные сельскохозяйственные работы Тайный приказ, были крестьяне «мирские» (черносошные), дворцовые, монастырские и помещичьи. В поисках заработка стекались они из самых различных уездов во владения «тишайшего» царя. Так, в с. Дехтяном «на Резани» можно было встретить крестьян-наймитов из Московского, Ростовского, Нижегородского, Козловского, Кашинского, Романовского, Костромского, Вологодского, Галичского, Пошехонского и Ярославского уездов. Некоторые из них рядились в Москве, других «ставили» подрядчики, третьих вербовали на местах специально командированные туда представители Тайного приказа. Количество наемных работников царского хозяйства исчислялось многими сотнями (А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в. М., 1937, стр. 174, 176).

[11] «Очерки истории СССР (первая четверть XVIII в.)». М., 1954, стр. 174.

Допрошенные в Монастырском приказе и Синоде крестьяне-отходники и беглые в своих сказках указывали, что некоторые из них «жили в казаках», «работали из найму» у крестьян, нанимаясь на время пасти крестьянский скот. По свидетельству десятских Чудова монастыря (в Москве), у отдельных монастырских крестьян были пришлые «наемники», «работники», «батраки» [12].

В далекой Сибири (в частности, в Илимском и Якутском воеводствах) также отмечена для XVII — начала XVIII в. тенденция к применению в зажиточных крестьянских хозяйствах наемного труда [13]. Но гораздо заметнее применение наемной рабочей силы в хозяйствах черносошных крестьян русского Севера [14].

Настоящий этюд посвящен некоторым сторонам расслоения крестьянства на рубеже XVII—XVIII вв., в частности, вопросу о применении наемного труда в крестьянских хозяйствах одного из черносошных уездов Урала — Кунгурского.

В этом уезде, являвшемся районом усиленной крестьянской колонизации, к концу XVII в. достаточно отчетливо наметился процесс расслоения крестьянского и посадского населения [15]. По очень неполным данным сохранившейся части переписных книг 1703—1704 гг. сына боярского И. Т. Текутьева (имеются сведения примерно лишь об одной пятой крестьянских хозяйств Кунгурского у.), из 923 крестьянских семей 123 семьи (13,3%) вовсе не имели пашенных земель; 75 семей (8,1%) владели крохотными участками до 1 дес. в трех полях; 197 семей (21,3%) имели пашни от 1 до 2 дес. (включительно). Наряду с этим небольшая группа крестьян — 27 семей — имела пашенные угодья, превышавшие 10 дес. на каждое хозяйство. У этой зажиточной прослойки крестьян, составлявшей около 3% общего количества крестьян, было 414,75 дес. пашни, т. е. почти столько, сколько имели названные выше 272 семьи (29,4%), владевшие пашнями до 2 дес. каждая (439,5 дес.) [16]. Важно

[12] А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. Исторический факультет», т. V, вып. 1. Л., 1940, стр. 34—35.

[13] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949, стр. 279—296; Ф. Г. Софронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. Якутск, 1956, стр. 125—128.

[14] См., например, М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913, стр. 185—208.

[15] В дальнейшем изложении мы не будем останавливаться на наемном труде в хозяйствах посадских людей, сосредоточив внимание исключительно на крестьянстве.

[16] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956, стр. 198.

© ЭТГБ Сорин

заметить, что при переписи крестьяне, не имевшие пашни, и некоторые из малоземельных назвали своим основным источником существования «черную работу», при этом иногда уточняя «по своей братье крестьянам» [17].

К началу XVIII в. Кунгурский у. превратился в значительный хлебный рынок преимущественно для соседних солепромышленных районов. Товарное производство хлеба получило здесь заметное развитие. Оно вовлекало в свою орбиту все большее количество крестьянских хозяйств, содействовало процессу расслоения. Зажиточные крестьяне организовывали довольно крупное производство хлеба на рынок. В этих условиях немалую роль играло применение наемного труда в некоторых крестьянских хозяйствах.

Мы намеренно оставляем в стороне такие формы отношений, как половничество или холопство, т. е. распространенные при феодализме формы, связанные с той или иной степенью личной зависимости. Нас, прежде всего, интересуют такие отношения, которые можно квалифицировать как зародыш новых буржуазных отношений, основанных на вольном найме. Разумеется, на ранних этапах развития института наемного труда в сельском хозяйстве весьма трудно провести четкую грань между действительным наймом и кабальной зависимостью. По этому поводу В. И. Ленин писал, что «кабала... представляет из себя не что иное, как первоначальное проявление капитализма в земледелии» [18]. Нередко наем по своим условиям мало чем отличался от кабалы, будучи осложнен долговыми и иными обязательствами. Приходится считаться с условиями времени и со всем укладом жизни феодально-крепостнического общества, налагавшем свой отпечаток на ростки новых производственных отношений в сельском хозяйстве. Этими ростками, по нашему мнению, можно считать так называемую «срочную» («строшную») работу и некоторые другие виды работы по найму (поденщина, сезонная работа).

Прежде всего возникает вопрос о степени распространения «строшной» и вообще наемной работы в крестьянских хозяйствах Кунгурского у. Не является ли применение ее чем-либо исключительным и очень редким для тогдашней действительности? Обратимся к фактам.

В документах 70—90-х годов XVII в. находим неоднократные указания на то, что многие пришлые люди кормятся у крестьян и посадских людей Кунгурского у. «черной работой». Во

[17] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1254, лл. 76 об., 77, 278, 278 об.; кн. 1373, лл. 21 об., 22, 40, 40 об., 176, 176 об., 220, 221, 315, 345 об. и т. д.

[18] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 462.

время проведения переписи 1678—1679 гг. выяснилось, что «во 186 году по зимнему последнему пути пришли на Кунгур розных городов люди и кормятца на Кунгуре и в уезде, переходя, черною работою» [19]. Спустя несколько лет, в середине 80-х годов, кунгурские челобитчики (крестьяне и посадские) обвиняли переписчика и межевщика стольника Григория Анненкова в том, что он «пришлых де людей, которые ехали чрез Кунгур в сибирские городы и кормились черною работой на время, и тех де людей писал в писцовые книги жилыми кунгурскими крестьянами, а после де его, писца, те люди съехали в сибирские городы и уезды» [20].

Судя по другим данным, в упомянутых выше свидетельствах имеются в виду именно «срочные» и другие наемные работники из числа пришлого населения. В челобитье кунгурцев, относящемся к 1695—1696 гг., упоминаются «срочные работные пришлые люди», находившиеся в Кунгурском у. [21]

Более определенные указания на распространенность практики найма работников («срочных», поденщиков и др.) в крестьянских хозяйствах Кунгурского у. содержат источники начала XVIII в.

В июле 1702 г. на косьбе у крестьянина Афанасия Павлова работал «срочный» работник по прозванию Леля, а у крестьянина деревни Сыры — Анфима Русинова «косили... сено в найме» Василий Никифоров и Иван Гаврилов [22]. В том же году упоминается у крестьянина с. Ясыла Василия Катаурова работник Иван Охрян [23]. Держали «срочных» и другие крестьяне. В деревне Пентюрине работал у одного из крестьян «срочный» Степан Десятников [24], в деревне Голышеве у Ивана Сучкина — Григорий Савин (Тютюков) [25], у Петра Шебалина (с. Ильинское) был «работник» [26]. По словам Семена Сыромятниковых, он в июле 1705 г. «в страдное время работал... у кунгурца деревни Баикины у Филиппа Маркова, косил сено 2 дни, а найма за работу было мне сулено по 2 алтына на день» [27].

[19] ЦГАДА, Писцовые и переписные книги по Кунгуру, № 226, лл. 264—265.

[20] В. Н. Шишонко. Пермская летопись с 1263—1881 гг., период 5, ч. 2. Пермь. 1887, стр. 201.

[21] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1697 г., д. 905, лл. 2—3. Как увидим ниже, не только пришлые люди были в числе «срочных» работников, но и многие кунгурские крестьяне.

[22] ЦГАДА, Кунгурская земская изба, д. 1, л. 141 об.

[23] Там же, л. 343.

[24] Там же, д. 4, л. 16.

[25] ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 18, д. 708, лл. 1—16.

[26] ЦГАДА, Кунгурская земская изба, д. 3, л. 722 об.

[27] Там же, л. 604 об.

В документах несколько более поздних (1715—1718 гг.) также встречаются неоднократные упоминания о «строшных» работниках из числа местного кунгурского населения и «прихожих» «гулящих» людей. Так, у крестьянина с. Медяпки работал «строшной» Егор Васильев, который весной 1718 г. от своего хозяина «ушел в работу на лодьи...» [28]

Гулящий человек Евтихий Федорович Марьюшкин, пришедший из Бирска, где был бобылем, кормился в Кунгурском у. поденной работой. По его словам, он «работал в селе Тихоновском у крестьянина Андрея Суханова, жал хлеб 3 дня», потом работал с неделю у крестьянина Сергея Сенина, затем в ряде других деревень. Нанимался он также на работу в Кунгуре [29]. В 1717 г. семь человек «схожих» крестьян (трое из вотчины ландрата П. Ф. Крылова в Казанской губернии, двое из Осинского у. и двое из Соликамского у.) на допросе заявили, что кормились «работою своею» у крестьян Кунгурского у. [30] Двое других гулящих людей в августе 1718 г. работали на жатве хлеба у архиерейского крестьянина [31].

Несомненно, что наши сведения крайне неполны. Они извлечены из документов, в которых лишь благодаря случайности сохранились упоминания о «срочных» и других наемных работниках [32]. Специального учета последних в то время не существовало. В действительности наемных работников было несравненно больше. Но и из приведенных примеров явствует, что «строшная» и вообще наемная работа стала нередким явлением в жизни известной группы крестьянства Кунгурского у. Кадры наемных работников, как мы видели, комплектовались не только из пришлых людей, но и из числа местных крестьян. Последнее необходимо особо подчеркнуть.

Каковы же условия, на которых осуществлялся наем?

Нам не удалось обнаружить актов, оформлявших поступление в наймиты к крестьянам. Вполне возможно, что таких документов и не существовало. Работник нанимался по устному договору, при наличии свидетелей или без них. Примечательно, что в гражданских делах, возникавших по поводу недоразумений между нанимателем и работником, мы встреча-

[28] ЦГАДА, Кунгурская комендантская канцелярия, д. 34, лл. 301, 303, 313, 330.

[29] Там же, л. 86.

[30] Там же, лл. 230 об.— 232.

[31] Там же, лл. 393 об.— 394.

[32] Во избежание излишних повторений мы не приводим здесь тех примеров, которые почерпнуты из документов, содержащих не краткие упоминания о наемной работе, а более подробные сведения о ней. Их мы рассмотрим ниже.

ем упоминания о свидетелях «ряда», но ни разу нам не встретился соответствующий письменный акт. Это кажется тем более странным, что обычно в подобных случаях должны были предъявляться соответствующие документы. Но и представители администрации не требовали этих документов во время разбирательства возникавших дел. Едва ли это случайность. Ведь в аналогичных тяжбах, затрагивавших, скажем, половников и работников по житейской записи, при судебном следствии непременно требовались списки с испольной или жилой записи. Все это позволяет поддержать выдвинутое выше предположение об отсутствии письменного ряда при поступлении в срочную работу к тому или иному крестьянину. Даже гораздо позже, в XIX в., наем сельскохозяйственных рабочих по одному словесному соглашению, нередко без свидетелей,— распространенное явление в крестьянском быту [33].

Сроки найма были различны. Иногда работник нанимался на год, но чаще или на определенный сезон или поденно. Более длительные сроки найма (свыше года), по-видимому, бывали в тех случаях, когда условия найма осложнялись задолженностью работника.

Как можно судить из позднейших заявлений сторон, круг обязанностей наемного человека не всегда фиксировался при договоре. Особенно это касается срочной работы. Так, в 1702 г. крестьянин с. Рождественского Григорий Попов сказал в земской избе, что к нему Леонтий Парчегов «нанялся... в работу в срок», с Троицына дня 1702 г. до Покрова того же года. Леонтий Парчегов за работу «рядил полтора рубли, а работать было ему ряжено всякая работа» [34]. По словам марийца Янтуша Ялынбаева, он в 1697—1698 гг. жил у татарина Верх-Иренской четверти (ясачной волости) Балтаса Тютлыбаева «в доме год и работал всякую работу в сроке. А за работу было ряжено дать ко мне мерина, ценою в 2 рубля» [35]. Крестьянин деревни

[33] Р. Дистерло. О найме на сельскохозяйственные работы по закону и по обычному праву России. «Журнал гражданского и уголовного права», кн. 4. СПб., 1886, стр. 14. Впрочем, для некоторых других районов русского Севера на рубеже XVII—XVIII вв. известны письменные акты, которыми фиксировалось поступление в наемную работу к крестьянам. М. Островская в своей богатой фактическим материалом работе использовала несколько десятков таких записей, относящихся главным образом к Каргопольскому у. (М. Островская. Указ. соч., стр. 199—208). Текст одной из наемных записей (1687 г.) как образец подобного рода документов см. в кн.: «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. 2. СПб., 1864, № 162, стб. 514—515. Правда, этот акт касается найма для работы во дворе у посадского человека г. Нижнего Новгорода.

[34] ЦГАДА, Кунгурская земская изба, д. 1, л. 151 об.

[35] Там же, д. 2, л. 622 об.

Осинцовы Федор Бабушкин в своем челобитье также не указал, в чем состояла выполненная им работа в хозяйстве крестьянина деревни Щипицыны Кондратия Алтынникова, у которого он в 1700 г. нанялся жить «в работе... со светлого Христова воскресенья да до сроку до Филиппова заговенья, а найму рядил до того сроку 2 руб. денег» [36]. Не охарактеризована также работа, выполненная крестьянкой с. Никольского-Медянки Ульяной Пономаревых у односельчанина Филиппа Беляевых, за которую она должна была получить 6 алт. 4 деньги [37].

Но встречаются и более определенные свидетельства источников, позволяющие в той или иной мере получить представление об обязанностях наемного работника. В 1702 г. крестьянин деревни Совстной Сидор Борисов был нанят односельчанином Иваном Мяконьких «работать вешней сев: взорать 7 переездов и на тое землю посеять всякой яровой сев». В качестве оплаты С. Борисов получил право вспахать для себя переезд с четвертью (т. е. 0,75 десятины) «ярового севу ярицы» [38]. Игнат Ивановских, назвавшийся в челобитной «Кунгурского уезду деревни Гробовой работным человеком» (что само по себе весьма выразительно), в ноябре 1702 г. предъявил иск к Ивану Полушкину, крестьянину деревни Любимовы. Сущность иска И. Ивановских изложил в следующих словах: «Доведетца взять мне, Игнатке, на Кунгуре деревни Любимовы Иване Карпове сыне Полушкине работных денег 1 р. 8 алт. 2 д., что я работал у него по поряде летом июля с 8-го числа и хлеб жал, и склал, и остожья городил, и всю у него по подряду работу отработал» [39]. Посадский человек Константин Осипов работал у посадского человека Осипа Бушуева на жатве хлеба, а его сын Михаил молотил хлеб у того же Бушуева. Осипов обвинял Бушуева в неуплате одной четверти с осьминой ржи (за жатву) и 5 алт. 4 д. (за молотьбу) [40]. Выше мы упоминали, что наемных работников использовали также на покосе.

Как можно убедиться из приведенных фактов, оплата труда наемных работников могла быть и денежной, и натуральной, и смешанной. Размер оплаты колебался в довольно значительных пределах. Если в «страдное время», например, на косьбе наемному человеку в день платили по 2 алт. [41], т. е. около

[36] ЦГАДА, Кунгурская земская изба, д. 2, л. 283 об.
[37] Там же, л. 1117 об.
[38] Там же, л. 174 об.
[39] Там же, л. 233 об.
[40] Там же, л. 366 об.
[41] Там же, д. 3, л. 604 об.

1 р. 50 к. в месяц, то наряду с этой высокой оплатой встречается и весьма низкое вознаграждение — 2 руб. в год [42]. Работному человеку, разумеется, было выгоднее наняться на более короткий срок, совпадающий с «деловой порой», когда особенно остро ощущалась потребность в рабочих руках и была возможность найти сравнительно приемлемые условия найма. Однако далеко не все, кто вынужден был кормиться наемной работой «по своей братье крестьянам», имели возможность выжидать благоприятной ситуации. Нужда толкала и на явно невыгодные условия найма.

Остается открытым вопрос о том, включалось ли в условие ряда обеспечение работника пищей и одеждой, или обязательства нанимателя ограничивались уплатой согласованной суммы найма.

Лишь в одном случае имеющиеся в нашем распоряжении документы затрагивают вопрос о предоставлении срочному работнику продовольствия и одежды, но стоимость того и другого в сумму ряда сторонами не включалась. Крестьянин деревни Верх-Таза Панкрат Анисимов, по словам его хозяина (тоже крестьянина), «нанялся работать всякую работу» с 2 февраля 1705 г. до Филиппова заговенья того же года, причем «рядил найма» 2 р. 50 к. и выговорил себе право засеять по осьмине яровой ржи и ячменя семенами хозяина и на хозяйских лошадях. Кроме того, П. Анисимов получил, согласно договору, своего рода «спецодежду» — аршин сукна и рукавицы-голицы, а также полосьмины ржи на «ежу» [43].

Чтобы наглядно показать, как осуществлялся на практике расчет за срочную работу, обратимся к одному интересному документальному свидетельству. В январе 1703 г. знакомый уже нам крестьянин Федор Бабушкин пожаловался в Кунгурскую земскую избу на Кондратия Алтынникова, так как последний не уплатил ему денег за срочную работу. По словам Бабушкина, он порядился работать с Пасхи 1700 г. до Филиппова заговенья того же года за 2 рубля. Следовательно, срок найма немного превышал 7 месяцев. Однако по каким-то причинам Бабушкин ушел от хозяина раньше, проработав только до «Петрова заговейна». «Срочный» обвинял Алтынникова в том, что «он, Кондратей, по розчету мне денег не платит» [44]. На допросе в земской избе Алтынников отрицал, что Бабушкин работал у него. Свидетелей ряда истец в своем челобитье не назвал. «Не слался» на

[42] ЦГАДА, Кунгурская земская изба, д. 2, лл. 429 об., 430. Ср. там же, л. 622 об.
[43] Там же, д. 3, лл. 397 об., 398.
[44] Там же, д. 2, л. 283 об.

свидетелей и ответчик (по-видимому, их не было). Тогда земских дел бурмистр Евтихей Веселков по этому делу вынес следующую резолюцию: «Велеть счесть, сколько недель в работе он, Фетка Бабушкин, у Кондрашки жил, и в достальных деньгах велеть дать жеребей для того, что он не написал в челобитной свидетелей». В связи с отсутствием свидетелей бурмистр использовал при разборе дела весьма любопытный прием — жеребьевку между сторонами, предметом которой являлась сумма денег, подлежащая уплате за проработанное время. Согласно этой помете, было «сочтено», что Бабушкин проработал 60 дней, за что причиталось «по росчету» заплатить 18 алт. 2 д.[45] Таким образом, за день зачитывалась примерно одна деньга. После жеребьевки оказалось, что «з жеребью в правости вышел жеребей ответчику Кондратью». Бабушкину было в иске отказано и взято с него судебных пошлин 9 алт.[46] Надо думать, что при столь низкой оплате Бабушкин мог работать лишь при условии, если его бесплатно кормили у хозяина.

О большинстве местных жителей, нанимавшихся «в работу», в документах сказано, что они крестьяне. Но обычно их хозяйства были так бедны, что нередко не обеспечивали существования их владельцев. Стремление удержать, поправить пошатнувшееся хозяйство оказывается особенно наглядно в тех договорах, которые предусматривают оплату в виде скота или части урожая.

В литературе указывалось, что наемная работа в феодальном хозяйстве очень часто вела к закрепощению наймита[47]. Но в крестьянском хозяйстве дело обстояло, как мы видели, иначе. Конечно, элементы личной кабалы не исключались в практике найма среди крестьян. Но не в этом главное. Наемная работа в глазах крестьян (как нанимателя, так и наймита) представлялась имеющей существенные отличия, например, от половничества. В данной связи сошлемся на такой пример. Крестьянин Тимофей Богомолов из с. Филипповского в июне 1703 г. подал челобитье с претензией к односельчанам Леонтию и Пантелею Можаевым, которые нарушили завещание своего отца отработать его долг. Их отец, Иван Можаев, «в прошлых годех» являлся половником Т. Богомолова и обязан был обрабатывать пашню. Взятую им ссуду в размере 9 р. 50 к. он должен был погасить работой. Впрочем, предоставим далее слово челобитчику: «И в прошлом, государь, 207-м году,— писал Т. Богомолов,— он, Иван, умер, а от него осталось два сына, Леонтей да Пантелей. И он, Иван, при смерти своей наказывал детям своим, что им за те ссудные деньги заработать у меня работою, живучи в сроках. И после того по договору жить было его Ивановым детям одному брату у меня в срочной работе два года. И в прошлом 1702 году сын его Пантелей жил у меня год, и за тое работу заверстал я ему, Пантелею, за годовую работу 2 рубля. А еще мне доведетца взять тех ссудных денег по той записи на его Ивановых детях 2 рубли с полтиной денег». Эти деньги отрабатывал в следующем 1703 г. тот же Пантелей, но, не дожив до срока, по словам хозяина, ушел или, вернее, был уведен матерью домой. «А у меня от того учинилась хлебная недопашка»,— жаловался Богомолов[48].

Мы намеренно цитируем почти полностью этот документ, так как в нем запечатлен своеобразный переход от половничества к срочной работе и в какой-то мере выражена точка зрения заинтересованных сторон на тот и другой вид отношений. Совершенно очевидно, что срочная работа не может быть поставлена на одну доску с половничеством[49]. После смерти Ивана Можаева его дети продолжают работу у Богомолова, но уже в качестве срочных, а не половников, т. е. на началах найма. Правда, в известной мере этот наем оказывается вынужденным (необходимость отработать ссуду, взятую отцом). К сожалению, неизвестно, чем кончилось это дело. Примечательно, что связь срочного работника с хозяином в данном случае рассматривается первым совсем иначе, чем половничество. Едва ли можно было так легко «увести домой» Пантелея, если бы он был не срочным, а половником. Его отец до самой смерти оказался не в состоянии освободиться от половничества.

Сознание своей личной свободы и независимости от нанимателя-крестьянина связывалось в представлении наймита с вполне естественным правом порвать договор до истечения установленного срока. При этом хозяин не имел юридических оснований понудить наемного работника к возвращению на работу. Дело обычно ограничивалось проведением публичного расчета между сторонами, и инцидент считался исчерпанным.

[45] ЦГАДА, Кунгурская земская изба, д. 2, л. 284.
[46] Там же, лл. 284, 284 об.
[47] См., например, П. И. Беляев. Договор найма в древнем русском праве. «Русский исторический журнал», 1918, кн. 5, стр. 3—32; А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. Сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 200; В. И. Шунков. О феодальном строе сибирской деревни в XVII в. «Вопросы истории», 1952, № 6, стр. 75—98.

[48] ЦГАДА, Кунгурская земская изба, д. 2, лл. 429 об.— 430.
[49] Документы, относящиеся к другим уездам русского Севера, также четко разграничивают работу половника и наемного человека, даже если они выступают по отношению к хозяину в одном лице (см. РИБ, т. 14, стб. 675—676).

Так, названный выше срочный работник-крестьянин Панкрат Анисимов ушел от своего хозяина задолго до условленного срока, а наниматель в своей челобитной на имя властей, даже не упоминая о возвращении Анисимова на работу, настаивал лишь на том, чтобы он с ним «счелся» (Анисимов, по словам хозяина, получил задаток в размере 1 р. 50 к., который значительно превышал причитающуюся ему за фактически проработанные дни сумму [50].

Кто же были те крестьяне, у которых работали наемные люди — «строшные», поденщики и другие?

Скудость данных не позволяет обстоятельно ответить на этот вопрос.

Отрывочные упоминания источников подтверждают высказанное выше соображение о том, что к найму прибегали чаще всего наиболее зажиточные крестьяне уезда, осуществлявшие значительное производство сельскохозяйственных продуктов на рынок. Об упомянутом выше крестьянине Тимофее Богомолове известно, что он торговал хлебом «своей пахоты». В течение 1703 и 1704 гг. в таможенных книгах зарегистрированы четыре поездки Т. Богомолова за пределы Кунгурского у. с продажным хлебом. Он за эти два года продал хлеба «своей пахоты» (ржи, овса, пшеницы, муки ржаной и солода) 165 четвертей [51]. Богомолов занимался также скупкой хлеба, мяса, имел на оброке торговый амбар, из «домового» сала варил мыло на продажу — одним словом, хозяйство этого крестьянина было тесно связано с рынком. Анфим Русинов, крестьянин деревни Сыры, нанимавший, как говорилось выше, работников на сенокос, торговал мясом и маслом.

Для крестьян, сосредоточивших свою деятельность на торговых и скупщических операциях, требовались наемные работники, которые во время частых отлучек хозяев по торговым делам использовались на полевых и других сельскохозяйственных работах.

В среде нерусского населения Кунгурского у. (татар, марийцев и других, которых в 1703 г. насчитывалось 686 семей) также прослеживаются на рубеже XVII—XVIII вв. рассмотренные нами явления.

Часть местных и пришлых нерусских жителей, как говорят об этом источники, не имела достаточных средств для ведения земледельческого или промыслового хозяйства, что заставляло искать дополнительных заработков на стороне.

[50] ЦГАДА, Кунгурская земская изба, д. 3, л. 398.

[51] ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 18, д. 691, лл. 61 об., 110; там же, кн. 1465, лл. 68, 98 об.

В сказках некоторых ясачных и оброчных людей, которые собирал переписчик И. Т. Текутьев (1703 г.), мы находим данные о татарах, марийцах, удмуртах, обращавшихся к наемной работе для обеспечения своего существования. Так, татарин Иван Матеков заявил Текутьеву, что «пашни де он за скудостью своею на себя не пашет, а кормитца де он меж своей братьи черною работою». Свой пахотный участок в 2 дес. он давно забросил. Но у него было немало сенокосных угодий (150 копен — 15 дес.). По-видимому, черная работа являлась тем не менее для Матекова немалым подспорьем, чтобы сводить концы с концами и даже платить довольно значительный ясак (2 куницы стоимостью в 1 руб.) и 6 алт. подымных денег в год, а также участвовать в отбывании ямской гоньбы [52].

Примерно то же можно сказать о хозяйстве «беспахотного» Кормана Апачева, имевшего 10 дес. сенных покосов, 20 бортей «пустых» (т. е. без пчел) и кормившегося «черной работой» [53].

Если у Матекова и Апачева наемная работа еще сочеталась с кое-каким собственным хозяйством, то у Василия Мангулова было другое положение. Хотя Мангулов был местным уроженцем, как и они, тем не менее, он не имел не только каких-либо угодий, но был лишен даже собственного крова, являясь «безъюртным». Имея на руках семью, он единственным своим занятием назвал черную работу [54]. Но и Мангулов считался тяглоспособным и был обязан вносить ежегодно 59 коп. в счет уплаты ясака и подымных денег [55].

Легко себе представить, что наемная работа была гораздо более частым уделом для пришлого элемента из числа нерусского населения. Примеры марийца Ахберды Кузеина, удмурта Ильтемира Башкина и других убеждают в этом.

Богатеи из ясачных волостей, осуществлявшие, наряду с верхушкой посада и крестьянства уезда, торговлю хлебом, медом, воском, хмелем и другими товарами, находили в среде малоимущего люда дополнительную рабочую силу для обслуживания своего обширного хозяйства. Они прибегали к найму срочных работников, главным образом, новоприходцев. В 1703 г., по неполным данным, в переписных книгах зафиксировано восемь хозяев, у которых работало па началах срочного найма двена-

[52] ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 18, д. 744, л. 56.

[53] Там же, лл. 23—23 об.

[54] Там же, л. 24 об. В таком же положении находился «безъюртный» Атнагул Тюлебердин, который о себе сказал, что «пашни не пашет, и земель, пахотных и непахотных, и сенных покосов, и верхового угодья у него и ружья нет, и кормитца де он черною работою» (там же, л. 35 об.).

[55] Там же, лл. 34 об., 98 об., 99 и др.

дцать человек (у четырех хозяев по два человека работников, и у четырех — по одному). Работники на «срочные годы» были родом из Казанского и Уфимского уездов — татары, марийцы, удмурты. Среди них встречались и семейные.

Чтобы получить некоторое представление об имущественном и вообще хозяйственном состоянии хозяев-нанимателей, приведем следующие примеры. Татарский сотник Бажук Мамыков, державший двух наемных срочных работников (один из которых жил у него пять лет, другой — один год), владел 15 дес. пашни, 50 дес. (500 копен) сенных покосов и сотней бортей «пустых» [56]. У Михаила Разметова жили два работника. Он являлся обладателем пашенного участка в 16,5 дес., имел покосов на 600 копен (60 дес.) и, кроме того, 155 бортей (в том числе 150 «пустых» и 5 «жилых» с пчелами) [57]. Значительное (особенно промысловое) хозяйство вел Богдаша Холопов, у которого работал «на срочные лета» «горный татарин» Кильдеряков с женой. Он имел обширные «верховые угодья», в которых было 12 «жилых» и 650 «пустых» бортей. В его владении находилось также 10 дес. пашни и 5 дес. сенных покосов [58].

Другие факты, на которых мы в интересах краткости изложения не будем останавливаться, также свидетельствуют о наличии в руках зажиточной верхушки нерусского населения хозяйственных возможностей для эксплуатации наемного труда.

Едва ли приходится сомневаться в том, что применение наемного труда было направлено здесь не только в целях удовлетворения собственных нужд, но и для производства на рынок.

Итак, рассмотрение приведенного выше материала дает основание говорить о том, что наемный труд в крестьянском хозяйстве Кунгурского у. на рубеже XVII—XVIII вв. не был редким явлением. К наемному труду прибегают, как правило, зажиточные крестьяне, чьи хозяйства тесным образом связаны с товарным производством, с рынком. Часть малоимущих крестьян Кунгурского у. обращается к наемной работе у более состоятельной группы сельского населения.

Наемный труд в крестьянском хозяйстве, будучи сам порождением развивавшегося в крестьянской среде расслоения, в свою очередь содействовал углублению этого расслоения, подготовляя почву для отрыва части непосредственных производителей от земли и самостоятельного хозяйства, что составляет основу процесса так называемого первоначального накопления.

[56] ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 18, д. 744, л. 6 об.
[57] Там же, л. 92.
[58] Там же, л. 2 об.

К. Н. Щепетов

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В ВОТЧИНАХ ЧЕРКАССКИХ в XVII в.

В вотчинах и поместьях князей Черкасских в XVII в. присвоение прибавочного продукта, производимого в крестьянских хозяйствах, осуществлялось главным образом в форме денежной ренты. Карл Маркс писал, что «...превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения» [1]. В результате роста общественного разделения труда и товарно-денежных отношений хозяйство крепостного крестьянства, в частности в вотчинах Черкасских, не ограничивалось только земледелием, но в большей или меньшей мере обращалось к промыслам и торговле. Все это вело к дальнейшей имущественной дифференциации, а затем и к социальному расслоению крестьянства.

В вотчинах и поместьях князей Черкасских уже в первой половине XVII в. имелись значительные центры торговли.

Село Лежнево Суздальского у. в 20-х годах XVII в. являлось крупным торговым пунктом, к которому тяготело 65 деревень; в нем было 6 лавок, 1 амбар, 51 полок. Раз в неделю здесь был «торг», устраивались ярмарки, на которые съезжались люди из городов и сел «с разными мелкими товарами» [2]. В Нижегородском у. с. Ворсма в начале XVII в. было значительным торговым центром для окружающих деревень. В нем был торг тоже один раз в неделю. «А торгуют один раз в неделю во вторник», — говорится в писцовой книге 1620 г. [3] Торговое значение с. Ворсма сохранило на всем протяжении XVII в. Отказная книга

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 810.
[2] ЦГАДА, Писцовые и переписные книги по Суздалю (далее — Писцовые книги), № 11317, лл. 963, 1013, 1014.
[3] ЦГАДА, Писцовые книги по Нижнему Новгороду, № 292, л. 302.

© ИИФ СО РАН

1667 г. отмечает в нем торг, таможенную избу, 6 харчевен и одну квасную избу [4].

Село Богородское Нижегородского у. являлось не менее значительным торговым центром, чем с. Лежнево. В 1620-х годах, по данным писцовой книги [5], в нем было на торговой площади 5 лавок и 15 полков; в 1667 г. на торгу находились уже таможенная изба, 42 лавки, 27 торговых полков [6]. Цифры говорят о росте торгового значения с. Богородского. Торговля происходила здесь два раза в неделю: в пятницу и воскресенье; торговали мелкими товарами и «харчем» [7].

В торговом отношении особенно выдвинулось в XVII в. с. Павлово того же уезда, о чем свидетельствуют следующие данные [8]:

Торговые места	1620 г.	1642 г.	1667 г.	1677 г.
Лавки	64	81	79	90
Места лавочные пустые	—	—	—	19
Амбары	2	3	14	10
Полки	16	159	—	135
Полочные места	—	—	—	20
Харчевни	10	5	3	2
Всего	92	248	96	276

В источнике не указано количество полков за 1667 г., но, несомненно, они не могли исчезнуть, а затем появиться вновь в количестве 135. Приведенные цифры говорят о неуклонном росте торговли. Даже события Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина 1670—1671 гг., которые непосредственно коснулись с. Павлова, не отразились сколько-нибудь заметно на росте торговли. В течение XVII в. изменялся и характер торговли в с. Павлове. По данным писцовых книг, в 20-х годах XVII в. преобладала торговля в лавках, мелкая торговля на полках (харчем, рыбою и калачами) [9]. В 40-х годах торговля на полках мелкими товарами расширилась, возросли обороты

[4] ЦГАДА, Поместный приказ, Дела по имениям Нарышкиных, Отказные книги, № 6035, лл. 682—683.

[5] ЦГАДА, Писцовые книги по Нижнему Новгороду, № 292, л. 362.

[6] ЦГАДА, Отказные книги, № 6035, л. 818.

[7] ЦГАДА, Писцовые книги по Нижнему Новгороду, № 292, л. 362.

[8] ЦГАДА, Писцовые книги по Нижнему Новгороду, № 292, л. 331; О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Павлово в XVII в. М., 1930, стр. 50—54; ЦГАДА, Отказные книги, № 6035, л. 518; Государственный исторический музей (далее ГИМ), Отдел письменных источников, ф. Барсова, № 450, д. 95, лл. 214—227. Отсутствие данных о полках снизило общий итог на 1667 г.

[9] Крестьяне с. Павлова вели также торговлю солью, покупая ее у солепромышленников Прикамья. В 1689 г. крестьянин Григорий Басилов вместе с другими крестьянами купил у Пыскорского монастыря

лавок, где торговали рыбой, медом, солью, москательными и щепетильными товарами (т. е. галантереей). Некоторые павловские крестьяне в 40-х годах вели уже крупную торговлю, отдельные торговцы имели до четырех лавок и торговали за пределами с. Павлова. Так, по данным отказной книги 1642 г., «Микитка Петров, сын Скрябин, ездил торговать в Астрахань с сукны и иным товаром»; Никита Федоров Першин ездил торговать «всякими товары в Кизильбаши», т. е. в Персию. В Нижегородской платежнице 1642 г. имеется указание на крупные торговые операции Ивана Перфильева. С него приходилось «донять» нижегородских платежных пошлин на сумму 61 р. 18 к. [10], что свидетельствует о значительности его торговых операций.

Наряду с ростом числа торговых предприятий в с. Павлове увеличивалось количество крестьян, занимавшихся торговлей.

Крупным торговым центром в вотчинах князей Черкасских было также в XVII в. и с. Иваново Суздальского у. С 43 дворов в 1632 г. оно выросло за следующие 35 лет до 312 дворов; в 1632 г. к селу тяготело 62 деревни, в 1667 г. уже 96 [11].

В с. Иванове в 1667 г. имелись таможенная изба, 23 лавки, 17 шалашей, 36 полков и 7 амбаров [12]. Крестьяне с. Иванова торговали не только в своем селе; они ездили с товарами по ярмаркам, торговали в окружающих городах.

Таким образом, в крупных селах вотчин и поместий Черкасских в XVII в. развивалась торговля, и если раньше мелкие торжки были мало связаны между собой, то во второй половине XVII в. между торжками в селах и городах установились постоянные сношения.

Торговая деятельность крестьян с. Иванова, как и других сел в вотчинах князей Черкасских, могла опираться на растущую промысловую и промышленную деятельность местного крестьянства. Население специализировалось на производстве того или иного товара, например, в с. Павлове все большее место занимало производство металлических изделий, а в с. Иванове — изготовление тканей.

20 тыс. пудов соли, в 1694 г. соль покупал Мартиньян Басилов. Он же в 1696 г. с другими крестьянами купил у того же монастыря 26 тыс. пудов соли, заплатив 6839 руб. 18 алт., а Гаврило Воронцов «с товарищи» — 28 тыс. пудов на 8685 руб. 20 алт. (ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, д. 11 440, лл. 4, 25, 170, 221, 227).

[10] О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Указ. соч., стр. 22.

[11] И. Власов. Село Иваново до 1770 г. «Иваново-Вознесенский губернский ежегодник». Иваново-Вознесенск. 1921, стр. 264, 273.

[12] ЦГАДА, Отказные книги, № 6035, л. 717.

Уже в XVII в. производство холста в Иванове приобрело товарный характер. Приведем несколько примеров. В 1691 г. крестьянин с. Иванова Трифон Григорьев в челобитной жаловался, что его ограбили в с. Холуе — «сняли» с него 12 руб., вырученных им за «холщевый промысел» [13]. Ивановцы поставляли холст в Москву. В записной книге мелочных товаров 1694 г. по г. Москве имеется такое указание: «Явил Суздальского уезду села Иванова крестьянин Григорий Малев 4 холста трубочных ивановских» [14]. Название холста по месту его изготовления говорит о том, что холсты «ивановские» имели большое распространение. Наряду с холщевым промыслом в с. Иванове в конце XVII в. распространяется и крашенинный промысел (окраска холстов) [15].

Развитие промыслов в с. Иванове приводило к тому, что пашенных крестьян в XVII в. в с. Иванове становилось все меньше и меньше сравнительно с непашенными. В 1632 г. хлебопашеством в с. Иванове занималось лишь 20% крестьян [16]. К 1667 г. соотношение стало еще более резким: «пашенных» крестьян было 38 дворов, а «непашенных», в том числе непашенных бобылей,— 273; таким образом, хлебопашеством занималась только $^1/_8$ часть населения [17].

Особенно быстро развивались промыслы в с. Павлове. В 1642 г. в непашенной слободе, образовавшейся из пришлых людей, торговых и мастеровых, было 39 дворов (из г. Нижнего Новгорода — 5 дворов, г. Шуи — 4 двора, г. Арзамаса — 2 двора, г. Владимира — 2 двора, г. Балахны — 2 двора и по одному двору из следующих городов: Плеса, Костромы, Стародуба, Вологды, Можайска, Юрьева Польского, Касимова; из с. Лыскова Нижегородского у. и с Дона). Среди пришлых были разные специалисты, а именно: кузнецов — 5 дворов, портных — 5 дворов, солодовников — 2 двора, оконичников — 2 двора, свешников, шерстобоев, иконников, скорняков, пирожников, хлебников, бочаров, скоморохов по одному двору. Всего же в с. Павлове связанных с промышленной деятельностью, по данным отказной книги 1642 г., было 220 дворов (468 человек). За вычетом пришлых, около 180 дворов местных крестьян имело разные промыслы, о чем говорят следующие данные [18].

[13] И. Власов. Указ. соч., стр. 274.
[14] С. И. Сакович. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в. «Исторические записки», кн. 20, 1946, стр. 135.
[15] И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.— Л., 1950, стр. 32.
[16] И. Власов. Указ. соч., стр. 265.
[17] ЦГАДА, Отказные книги, № 6035, лл. 732.
[18] О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Указ. соч., стр. 39—49.

Название промысла	Дворы	Люди
Обработка металла	37	75
Обработка кож	39	79
Производство продуктов питания	58	128
Производство, связанное с портняжным мастерством	26	58
Обработка дерева	11	22
Керамическое производство	24	49
Производство других изделий (свечи, иконы, шерсть и пр.)	25	58
Всего	220	469

На первое место по обработке металла выделились кузнецы, их насчитывалось в селе 52 человека; второе место занимали серебряники (17 человек); были специалисты ножовщики, ведерники и один медник.

В процессе обработки кожи и выработки из нее изделий выделились сапожники (36 человек), кожевники (21 человек), сыромятники (13 человек); по обработке мехов — скорняки и овчинники.

Многочисленная группа (128 человек) по производству продуктов питания включала в себя хлебников (34 человека), мясников (25 человек), калашников (12 человек), масленников (16 человек), пирожников (3 человека), солодовников (9 человек) и др.

Кроме 45 портных мастеров, производством предметов одежды занимались шапочники, чулочники, рукавишники, нашивочные мастера.

В обработке дерева и выделке из него изделий участвовали плотники (9 человек), оконичники (2 человека), колотники (8 человек), бочары (3 человека).

Горшечники (42 человека), кувшинники (6 человек) и кирпичники (1 человек) являлись специалистами в области керамики.

Имелись также иконники (18 человек), красильные мастера (4 человека), воскобойщики (5 человек), свешники (8 человек), лодошники (4 человека) и специалисты по плетению неводов (3 человека) и представители других производств.

Специализация мелкого сельского производства, особенно в области производства продуктов питания и одежды, свидетельствует о значительной ломке натурального крестьянского хозяйства в условиях с. Павлова.

Согласно данным двух других, несомненно неполных источников,— отказной книги 1667 г. и росписного списка 1677 г.,— число непашенных дворов мелких производителей составляло

соответственно 81 и 132. Интересно, что даже при неполных данных количество специальностей увеличивается: так, в числе металлистов появляются новые сравнительно с данными 1642 г. специалисты — котельники и оловянишники.

Промыслы с. Павлова обычны для посадов и городов Русского государства того времени. Например, жители Тихвинского посада занимались серебряным, иконописным, шапочным, кожевенным, свечным, сапожным, красильным и портновским промыслами [19], т. е. примерно теми же, что и крестьяне с. Павлова. Характерно, что некоторые из мастеров списка 1642 г. в последующих материалах значатся торговцами. Так, Иван Ерофеев, отмеченный в 1642 г. как иконник, в росписном списке 1677 г. записан как торговец, он имел вместе с Панкратом Ерофеевым шесть лавок, в которых торговали иконами; иконное мастерство считалось в XVII в. и квалифицированным и прибыльным. Перед нами наглядный пример превращения мелкого производителя в торговца, вероятно, продававшего скупленные иконы [20].

Из промыслов с. Павлова следует особо отметить обработку металлов. Уже в середине XVII в. Павлово было значительным центром мелкой крестьянской металлообрабатывающей промышленности, изделия которой сбывались за пределами села. Количество кузниц в Павлове на протяжении XVII в. увеличивается: в 1621 г. их было 11, в 1642 г.— 21, в 1667 г.— 34, в 1677 г.— 38 [21].

Среди работников по металлу следует выделить особую группу оружейников. Оружейники с. Павлова, видимо, славились своей тщательной работой. Недаром в 1675 г. Афанасий Чернов с пятью товарищами были взяты «для оружейного дела» в Москву, в Оружейную палату [22]. В 1676 г. иностранцы из посольства К. Ф. Кленка обратили внимание на щегольское вооружение людей кн. М. Я. Черкасского, несомненно, производившееся частью в с. Павлове [23]. Оружейников в конце XVII — начале XVIII в. в Павлове было значительное количество. В 1706 г. из Павлова были взяты на Олонецкие Петровские заводы 33 человека «оружейного дела мастеры» да осталось в селе более 60 человек [24]. Взятые на Олонецкие заводы 33 человека по более узким специальностям распределялись следующим образом: мастеров замочного дела — 5 человек, молотовщиков к ним — 4, ствольных заварщиков — 7, молотовщиков к ним — 15, мастеров «ложного дела» — 2 человека.

[19] К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.— Л., 1951, стр. 81.

[20] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. Барсова, № 450, д. 95, л. 217.

[21] С. Архангельский. Возникновение пролетариата в Павловском промышленном районе. Сб. «Архив истории труда в России», 1924, кн. 11—12, стр. 106—107; О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Указ соч., стр. 55; ЦГАДА, Отказные книги, № 6035, л. 518; ГИМ, Отдел письменных источников, ф. Барсова, № 450, д. 95, л. 211; «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. (далее — «Крестьянская промышленность...»), т. I. М., 1935, стр. 327.

[22] ЦГАДА, Архив Оружейной палаты, д. 15229, л. 22.

Следовательно, при производстве оружия в с. Павлове практиковалось разделение труда. Самая организация производства, по рассказам тех же оружейников, вырисовывается в следующих чертах.

В допросе перед вице-комендантом Олонецких заводов Чоглоковым «замочного дела мастера — ковщики и отдельщики — сказали: на Павлове-Перевозе заковывали и отделывали они замки шкодские собою на продажу и на подряд и, по указу великого государя и по грамоте, в казну великого государя в Оружейную палату. И за те де замки давано им из казны великого государя от солдацкого глаткого замка по 6 алтын и по 6 алтын по 4 деньги за замок, а отделывали и заковывали те замки из готового государева железа и уклада и уголье давано им готовое ж. А на продажу за такие же замки бирали по 10 алтын за замок, а отделывали те замки из своего железа, а с своей де братьи, когда делали на подряд, и с тех же замков за работу бирали по 3 рубля з десятка. А добрым де мастерством отделывали и заковывали шкодские мастерские замки на продажу, и с тех замков брали они по 26 алтын по 4 деньги и меньше за замок, а заковали из своего железа» [25].

Как видим, павловские мастера уже подвергались эксплуатации скупщика, подчинявшего себе непосредственного производителя.

Отделочные работы у них обычно производились в мастерских молотобойцами, работавшими по найму или в качестве учеников. На допросе у вице-коменданта Чоглокова замочного дела молотобойцы Василий Сатулин, Савелий да Филипп Селины сказали: «На Павлове-Перевозе были они в молотобойщиках, а ковать не умеют, только умеют отделывать шкодские глаткие солдатские замки и жили они до сей высылки в ученьи у мастеров, а Васька Сатулин был в ученьи же у брата своего и из найму у мастеров».

[23] О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Указ. соч., стр. 30.

[24] ЦГАДА, Госархив, Разряд XXVI, ч. 110, д. 20, лл. 1, 2, 9.

[25] Там же, л. 5.

© ГПИБ СССР

Замочный молотобоец Григорий Черников сказал, что он замков заковывать и отделывать не умеет, а жил он у своего брата, был у него в молотобойщиках, «а тот де сам брат и он делают ручные ножницы и пилы зубрят» [26].

Ствольные мастера-заварщики заваривали «фузейные солдацкие и пищальные турецкие волнистые стволы на продажу», причем замков они не ковали, а покупали «у своей братии, у ковщиков». В казну же они «отдавали стволы с ложами и с прибором, опричь замков, и получали из казны за ствол и за ложу и за прибор по рублю и по рублю 4 деньги». Ложи делать они нанимали от себя мастеров, платя им за работу по 2 алт. 4 д. и по 2 алт. 2 д. за ложе [27].

Таким образом, и в выделке стволов имели место, во-первых, отчетливо выраженное разделение труда и, во-вторых, применение наемной рабочей силы. Ствольные заварщики в с. Павлове в своих мастерских производили ружейные стволы, но, так же как и замочные мастера, для отделки нанимали молотобойцев. Ствольные молотобойцы Матвей Фирин, Михаил Тупицын, Кирилл Коробов перед лицом того же вице-коменданта Олонецких заводов заявили: «Фузеи де солдацкие отделывают и совсем собрать на отделку опричь станочного дела они умеют, а стволов заваривать и иного оружейного дела опричь того делать не умеют. А как де они на Павлове-Перевозе у мастеров нанимались в молотовщики и в отдельщики, и найму брали от готовой пищали собрать совсем по 5 алтын от пищали». Молотобойцы же, которые умели только отделывать стволы, а собрать приборов к фузеям не могли, получали от двух до трех алтын со ствола [28].

Кроме отдельщиков и молотобойцев, мастера нанимали в Павлове и заварщиков. Молотобоец Иван Хомутов «фузейные и турецкие стволы на Павлове-Перевозе заваривал у мастеров, нанимаясь, а найму де брал поствольно 8 копеек и по гривне и больше за ствол» [29]. Были в Павлове мастера, которые только делали ложи для ружей и продавали их мастерам-заварщикам, а другой никакой казенной работы делать не умели [30].

Кроме мастеров оружейного дела, из Павлова на Олонецкие оружейные заводы в 1706 г. были привлечены и другие молотобойцы, которые в Павлове ковали «разные кузнечные снасти, а также фузейные снасти из найму у мастеров» или в качестве

[26] ЦГАДА, Госархив, Разряд XXVI, ч. 110, д. 20, л. 6.
[27] Там же.
[28] Там же, л. 6—7.
[29] Там же, л. 7.
[30] Там же, л. 8.

самостоятельных производителей. Молотобоец Панов Василий в с. Павлове «ковал кузнечную де черную крестьянскую крупную и мелкую поделку, опричь сверла, ковал... собою, а в наймах ни у кого не бывал» [31].

Итак, из рассказов мастеров оружейного дела, взятых в 1706 г. на Олонецкие оружейные заводы, выясняется, что к концу XVII в. в с. Павлове среди работников по металлу значительное место занимают мастера оружейного дела. Процесс изготовления оружия не сосредоточивался целиком в одних руках; отдельные части ружья изготовлялись разными специалистами и даже в разных мастерских, следовательно, при изготовлении оружия имело место разделение труда, что приближало производство оружия в с. Павлове к мануфактурному производству децентрализованного типа.

Вместе с тем при производстве оружия использовался в значительной мере наемный труд. Это обстоятельство говорит нам о том, что мастерские по производству оружия в с. Павлове уже перерастали рамки мелкотоварного производства, когда работают только члены семьи. Среди наймитов было значительное количество неквалифицированных молотобойцев, и только один специалист — заварщик замков Иван Хомутов работал в с. Павлове, нанимаясь у мастеров. Вообще же эксплуатация наймитов говорит об укрупнении отдельных мастерских.

Павловские работники по металлу, вкладывая в свою работу смекалку, мастерство и житейский опыт, уже в XVII в. завоевали себе славу, и изделия их к началу XVIII в. пользовались широкой известностью [32].

Павлово было также немаловажным центром кожевенного производства. Недаром именно здесь некоторое время действовал кожевенный завод Я. К. Черкасского, описание которого имеется в росписном списке 1677 г.

Промышленная деятельность павловских крестьян носила товарный характер. Многие промышленники Павлова работали на рынок и имели на торгу лавки и полки, где сбывали свои изделия. Так, Иван Иванов сын Мыльник имел на торгу полок, оброка платил 16 алт. 4 деньги; Кузьма Мыльник также имел полок; Олферий Григорьев Свешник имел лавку и полок; Савелий Иванов Свешник имел полок; Степан Свешник имел полок; кузнец Семен Линев имел кузницу и пять лавок; Ермолай Игнатьев имел кузницу и лавку [33].

[31] Там же, л. 7.
[32] «Крестьянская промышленность...», т. I, стр. 328.
[33] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. Барсова, № 450, д. 95, «росписной список» 1677 г., лл. 76, 205, 210, 217, 218, 221, 222.

Все это свидетельствует о том, что в среде непосредственных товаропроизводителей происходило (хотя и медленное) накопление денежных средств, которое давало возможность организовать укрупненный сбыт и несколько расширить производство.

В большинстве своем крестьяне с. Павлова, занимавшиеся промыслами и торговлей, были «непашенными» крестьянами.

Но встречались и крестьяне «пашенные», которые имели на торгу лавки и занимались тем или другим мастерством. Можно привести довольно много таких примеров. Степан Занозин имел два полка, Тимофей Забродин имел полок. Иван Дергачев, Карп Березовский, Никита Воронцов имели по лавке; Лука был шапочником, Андрей Шаров — рыбником, Константин Вавилов — сапожником — все они имели маленький земельный надел — 1/4 осмака [34]. Лавками и полками владели также крестьяне, имевшие довольно значительное количество земли. Например, Дмитрий Васильев Казанец, имевший 1,5 осмака (т. е. три десятины в одном поле), владел на торгу полком; Семен Андреев Жуков, имевший в своем распоряжении выть (16 четвертей в одном поле), владел лавкой [35].

Развитие торговли и промышленности в с. Павлове сказалось на общем росте и изменении состава его населения (см. табл. 1).

Из таблицы ясно, что большой рост населения приходится на первую половину XVII в.; в дальнейшем движение населения несколько стабилизируется.

Для дополнения анализа состава населения с. Павлова нужно указать, что среди пашенных крестьян как в 1667 г., так и в 1677 г. было значительное количество крестьян, занимавшихся промыслами и торговлей [36].

По составу населения с. Павлово мало отличалось от городов и посадов Русского государства: в нем, как мы видели, значительная часть населения занималась промыслами и торговлей и не только занималась, но и кормилась за их счет, в значительной степени порвав с земледелием. Эта группа была довольно устойчивой в течение всего XVII в. Определение самого источника — писцовой книги 20-х годов XVII в.— большинства жителей как «кормящихся своей работой и рукоделием» весьма характерно. Вместе с тем едва ли приходится сомневаться в том, что многие из так называемых пашенных крестьян с. Павлова наряду с земледелием занимались торгами и промыслом.

Мелкое промышленное производство развивалось и в других вотчинах князей Черкасских. В разных селах и деревнях двенадцати вотчин и поместий, по неполным данным отказных книг 1667 г., встречались специалисты по обработке металлов (кузнецы, ведерники), по обработке кож (сапожники), по обработке дерева (колесники, колотники, бочары, плотники), по производству пищевых продуктов (мельники, мясники, солодовники, рыболовы), по пошивке одежды (портные мастера, шапошники) и по другим производствам (красильники, овчинники, коновалы, гончары и даже скоморохи) [37].

[34] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. Барсова, № 450, д. 95, «росписной список» 1677 г., лл. 10, 11, 14, 15, 22, 38, 61. Выть — 16 четвертей в одном поле, осмак — 1/8 часть выти, т. е. 2 дес. в одном поле, четвертки — 1/4 осмака. В «росписном списке» 1677 г. читаем: «двор Артюшки Федорова... тягла 3 четвертки, да под ним же Артюшка Федорова, тягла 3 четвертки и всего пол 2 осмака» (1 1/2 осмака). (Там же, л. 249).

[35] Там же, л. 216.

[36] Данные о численности населения в 1678 г. см. ЦГАДА, Переписные книги по Нижнему Новгороду, № 75/29, лл. 523—572.

Таблица 1

Рост населения с. Павлова и его состав в XVII в.
(число дворов)

Группы населения	1621—1622 гг.*	1642 г.**	1667 г.***	1677 г.****
Непашенные торговые и мастеровые, «кормящиеся работой и рукоделием» . . .	197 (100%)	317 (160%)	281 (142,6%)	290 (147%)
Пашенные крестьяне	109 (100%)	307 (281,6%)	341 (312,8%)	332 (304,5%)
Бобыли	60 (100%)		36 (60%)	35 (50%)
Стрельцы	20	—	—	—
Беломестные казаки	—		33	20
Всего . . .	386 (100%)	624 (161,4%)	691 (176,6%)	677 (172,7%)

* «Крестьянская промышленность...», т. I, стр. 326.
** О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Указ. соч., стр. 32, 39—45 и др.
*** ЦГАДА, Отказные книги, № 6035, л. 429 и др.
**** ГИМ, Отдел письменных источников, ф. Барсова, № 450, д. 95, лл. 6—10.

[37] ЦГАДА, Отказные книги, № 6035, лл. 232, 233, 243, 345, 346, 352, 353, 417, 527, 546, 601, 671—673, 681, 682, 687, 691, 692, 694, 700—708, 814, 816, 818, 918, 928, 948, 987, 1014, 1021.

© ГПИБ СОРАН

После Павлова и Иванова наиболее значительными в промышленном отношении были села Ворсма и Богородское, являвшиеся, как мы видели выше, торговыми центрами для окружающих деревень.

В с. Ворсме в начале XVII в. зарождаются те промыслы, которые получили здесь широкое развитие впоследствии. Писцовая книга 1628—1630 гг. отмечает в с. Ворсме следующие дворы крестьян, связанных с тем или другим производством: Емельяна Микеева — портного мастера, Филиппа Андронова — плотника, Федора Филиппова — кузнеца; дворы бобылей: Тимофея Иванова — портного мастера, Ивана Сидорова — овчинника, Фомы Иванова — солодовника [38].

Отказная книга 1667 г. среди разных специалистов той же вотчины отмечает двор скомороха, а переписная книга 1678 г. даже особую слободку «скоморошью», в которой было два двора скоморохов, людей в них пять человек, и один двор «скрипошника» Ефима Сазонова [39].

Возможно, что в Ворсме подготавливались скоморохи для придворных потех князей Черкасских.

В отказной книге 1667 г. по с. Богородскому отмечаются дворы портных, красильников, сапожников и других ремесленников; в этом селе преобладало «непашенное» население. Здесь имелось 13 кузниц. В 60-х годах XVII в. крестьян, занимавшихся сельским хозяйством, насчитывалось 177 дворов, а крестьян «непашенных» 257 дворов [40]. В с. Васильевском Суздальского у. «пашенных» крестьян было всего 26 дворов, а «непашенных» и бобылей — 59 дворов[41]. Очевидно, население этих дворов имело другие источники существования.

В лесной полосе были развиты промыслы, связанные с обработкой дерева, имелись они и в вотчинах Черкасских, например, в Абрамовской вотчине Арзамасского у. В книге записной мелочных товаров Московской таможни читаем: «Явил Арзамасского уезду села Абрамова крестьянин Семен Самсонов сын Золотухин на санях 190 галенков деревянных арзамасских... цена 4 рубли». Другой крестьянин Арзамасского уезда из того же села, Иван Григорьев явил «130 галенков с прописью красною... цена 2 рубля 20 алтын» [42]. Следовательно, крестьяне,

[38] ЦГАДА, Писцовые книги по Нижнему Новгороду, № 292, лл. 298—300.

[39] Там же. № 7925, л. 681.

[40] ЦГАДА, Отказные книги, № 6035, лл. 800—818.

[41] Там же, лл. 526—531.

[42] С. И. Сакович. Указ. соч., стр. 133. Галенки — деревянная расписная посуда.

занимавшиеся деревообработкой, не ограничивались сбытом своих изделий на местном рынке, а отправляли их далее, в частности, в Москву.

Крестьяне, занимавшиеся торговлей и промыслами, часто порывали не только с сельским хозяйством, но и со своей деревней или селом и уходили в город. В начале XVII в. крестьяне Лежневской вотчины Суздальского у., деревень Яблоновой и Завражья покинули свои деревни. В писцовой книге отмечено: «В деревне Яблонове двор пуст Ивашки Яковлева, сына кузнеца, с пасынком, сошли в 1629 г.» [43], или аналогичная запись: в деревне Завражье «двор пуст Микитки Анкудинова кузнеца и Давыдки Ильина, сошли в 1630 г.» [44] На то, куда могли уйти такие специалисты, имеются указания в материалах, относящихся к Москве. Оказывается, к 1680 г. здесь жили прочно обосновавшиеся крестьяне князей Черкасских. Среди них — крестьянин кн. И. Б. Черкасского Роман Артемьев, торговавший в Мытном ряду; «человек» кн. И. Б. Черкасского Безин, иконник по специальности, имел свой двор у Москворецких ворот; уздечник Истома Елисеев, «человек» кн. Д. М. Черкасского, имел двор в Калашном переулке. Рыболов боярина кн. И. Б. Черкасского Василий Левонтьев имел двор за Яузскими воротами [45]. По нескольку кузниц имели в Москве крестьяне кн. И. Б. Черкасского. В Москве в 1666 г. жили в Китай-городе и работали в качестве сапожников семь крестьян кн. Я. К. Черкасского из с. Павлова [46].

Таким образом, Москва, торгово-промышленный центр страны, притягивала к себе не только товары, изготовлявшиеся в разных местах государства, но и промышленное население, даже из помещичьих крестьян.

В заключение обзора торгово-промышленной деятельности крестьян в вотчинах и поместьях князей Черкасских в XVII в. остановимся на положении крестьян подмосковных слобод.

В этих слободах отделение ремесла от сельского хозяйства достигло довольно значительных размеров уже в первой половине XVII в. В этом отношении особенно характерна подмосковная Марьина слобода, входившая в состав Останкинской вотчины Черкасских. В 1623 г. в ней было 65 дворов бобылей, в том числе овчинников — два, кузнецов — два, шапошников,

[43] ЦГАДА, Писцовые книги по Суздалю, № 11317, л. 963.

[44] Там же.

[45] «Переписная книга города Москвы 1638 г.». М., 1881, стб. 8, 10, 43, 297.

[46] «История Москвы», т. I. М., 1952, стр. 374, 386.

сапожников, плотников, бочаров, котельников, мясников-прасолов — по одному [47].

В 40-х годах XVII в. в слободе Марьиной количество дворов бобылей увеличилось до 85. Появляются и новые виды промыслов: квасной, уксусный, уздечный, мельничный [48].

У промышленников Марьиной слободы обозначилась довольно узкая специализация труда. Например, среди специалистов по изготовлению продуктов питания указываются прасолы, мясники, хлебники, квасники, уксусники, погребщики.

В отдельных вотчинах Черкасских наблюдается некоторая специализация и в области сельского хозяйства. Так, в конце XVII в. крестьяне с. Карачарова Муромского у. специализировались на разведении огородных семян и лука, которые они продавали в Москве [49].

Таким образом, в вотчинах и поместьях князей Черкасских в связи с развитием торговли и промышленности выделились такие крупные торгово-промышленные села, как Иваново, Павлово, Богородское, Васильевское, Ворсма. Аналогичные процессы наблюдались и в других вотчинах крупных феодалов XVII в. [50]

По существу такие села, как Иваново, Богородское, становились городами, где отделение промышленности от земледелия достигло уже значительных успехов.

Павлово, называвшееся в составленной около 1627 г. книге Большого Чертежа «градом» [51] как укрепленный пункт, уже в половине XVII в. ничем, в сущности, не уступало многим тогдашним городам и в экономическом отношении.

* * *

Развитие торговли и промышленности, рост товарного и денежного обращения усиливали имущественную дифференциацию крестьянства и вели к социальному его расслоению. К. Маркс писал: «...превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги» [52].

В вотчинах и поместьях Черкасских в XVII в. ясно обозначились различия в экономическом положении крестьян: с одной стороны, зажиточные крестьяне, с другой — беднота (наймиты и работные люди, нищие, питавшиеся подаянием).

[47] ЦГАДА, Писцовые книги по Москве, № 9806, л. 655.
[48] ЦГАДА, Отказные книги, № 9833/4, лл. 18—25.
[49] С. И. Сакович. Указ. соч., стр. 132, 142.
[50] Д. И. Петрикеев. Земельные владения боярина Б. И. Морозова. «Исторические записки», 1947, кн. 21, стр. 73—74.
[51] «Крестьянская промышленность...», т. I, стр. 326.
[52] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 812.

Различие в экономическом положении сказывалось прежде всего в распределении земли между крестьянами. Возьмем, например, карачаровскую вотчину, население которой платило денежный оброк кн. Черкасскому. В 1667 г. земля в с. Панфилове этой вотчины распределялась таким образом, что в основном крестьяне сидели на половине осмака и на осмаке; лишь шесть человек имели по $1^1/_2$ осмака и один крестьянин Анисим Володимеров даже 3 осмака. То же наблюдается в с. Карачарове, где в основном крестьяне сидели на осмаке и половине осмака, но девять крестьян имели по $1^1/_2$ осмака. Возможно, что именно эти крестьяне в 1663 г. были обложены пятой деньгой по Мурому как имевшие торги и промыслы [53]. Известно, что пятая деньга бралась как налог на торговый оборот. Среди крестьян Карачаровской вотчины были крестьяне, владевшие значительным хозяйством; например, крестьянин Гусев имел пять лошадей. Но были и крестьяне бедные, скудные хлебом, у которых «животинки не было» и которые кормились «в миру» [54] и нанимались к своим же односельчанам. В 1667 г., согласно данным отказной книги, в с. Окулове крестьянин М. Полуехтов был батраком у крестьянина Федора Сафонова. Крестьяне Савелий Никитин и Петр Яковлев работали у крестьянина с. Качюлькина. В то же время некоторые зажиточные крестьяне Карачаровской вотчины имели даже по 2 работника. Были случаи покупки работников. Так, у крестьянина Ивана Илотова работали два купленных поляка [55].

Наемные работники были у крестьян и других сел и деревень вотчин и поместий князей Черкасских. В 1667 г. крепостные крестьяне с. Серебряные Пруды Рязанского у. С. Аникеев, М. Овчинников, Ф. Зиновьев работали в с. Отхожий Кор того же уезда у крестьян И. Матвеева, М. Воротникова и у Е. Плаксина [56]. Примерно та же картина наблюдалась и в других вотчинах. В 1667 г. крестьянин деревни Русинова бутурлинской вотчины Вяземского у. В. Ефимов работал в той же деревне у И. Савельева; крестьянин деревни Кашинцовой Московского у. Сергей Яковлев работал в той же деревне у крестьянина С. Кобеленка; бобыль деревни Ульянкова В. Обухов

[53] ГИМ, Отдел письменных источников. Собрание Уварова, карт. 13, № 450, д. 18, л. 10.
[54] Там же, лл. 28—30.
[55] ЦГАДА, Отказные книги, № 6035, лл. 271, 278, 288.
[56] Там же, лл. 271, 983, 984, 985.

кормился по наймам в с. Осташкове и в других деревнях. У крестьянина деревни Корытцовой Переяславль-Залесского у. С. Горбунова работал крестьянин П. Леонтьев «литовского полону» [57].

Расслоение среди крестьян особенно отчетливо выступает в торговых и промышленных селах. В этом отношении, как мы уже видели выше, характерен состав населения с. Павлова. В 40-х годах XVII в. наряду с мелкими торговцами с. Павлова, имевшими одну лавку или полок и платившими небольшой оброк, были торговцы, которые владели четырьмя лавками. Например, П. Добрынин имел четыре лавки и платил оброк в размере 2 руб. 3 гривен в год. Среди кузнецов, которым в общем принадлежала 21 кузница, были владельцы нескольких кузниц. Д. Земляков и Ф. Синицын имели по шесть кузниц. Два кузнеца совмещали владение кузницами с торговлей — один вел торговлю вне Павлова, другой в самом Павлове имел несколько торговых заведений.

Павловские крестьяне брали на откуп мельницы, кабаки, рыбные ловли, уплачивая иногда крупные суммы. Так, в 1642 г. кабак в Павлове местные крестьяне брали на откуп и платили более тысячи рублей; ясно, что такую сумму могли платить только очень зажиточные крестьяне. Зажиточными были крестьяне непашенной слободы с. Павлова — Моисей Никифоров и его товарищи, которые держали на оброке перевоз через р. Оку, за что платили оброка 61 руб. 16 алт. 4 д.[58]

К этой же категории, безусловно, относились павловские крестьяне Воинка Трофимов с товарищами, державшие на откупе две мельницы, Давыдовскую и Филинскую, и платившие за них 46 руб. 25 алт. в год [59].

Но в том же с. Павлове наряду с зажиточными крестьянами было значительное количество крестьян разорившихся, которые кормились случайной работой или были «ярыжными» на судах, а некоторые — просто нищими. На этот счет имеются данные отказной книги 1642 г. Напомним, что в 1642 г. в с. Павлове всего было 220 дворов, из них, по данным отказной книги, 31 дворохозяин «кормился работой», что составляло 14,1%; 8(3,6%) дворовладельцев работали «ярыжными» на судах и 12 дворохозяев нищенствовали, что составляло 5,4% от всего количества дворовладельцев.

Нарастание имущественного расслоения крестьянства в с. Павлове прослеживается во второй половине XVII в.

[57] ЦГАДА, Отказные книги, № 6035, лл. 46, 53, 102.
[58] О. В. Ротштейн и Н. И. Шилова. Указ. соч., стр. 31, 56 и др.
[59] Там же, стр. 57, 58.

По данным росписного списка 1677 г., по сравнению с 1642 г., увеличилось не только количество торговых предприятий, но и число крестьян, занимавшихся торговлей. Например, сыновья указанного выше Никиты Першина — Афанасий и Максим — имели каждый отдельные торговые предприятия: первый владел двумя лавками и амбаром, второй — лавкой, амбаром и полком [60]. Многие крестьяне, занимавшиеся промыслом, владели лавками. Например, свечной мастер А. Григорьев имел лавку и платил значительный денежный оброк — 15 алт. 2 д. в год; кузнец С. Ленев, владевший кузницей (оброк 4 алт. 2 д.), имел пять лавок и платил оброк в размере 20 алт.; иконник И. Ерофеев имел шесть лавок, оброка платил 42 алт.[61] Зажиточные крестьяне, как и ранее, брали на откуп мельницы, рыбные ловли, перевоз, кабак, пустые крестьянские дворы, огороды, покосы и пр. Они же занимались скупкой товаров не только в самом Павлове, но и в других местах. В 1694 г. крестьянин с. Павлова привез в Москву рыбу (осетров), скупленную в Сызрани [62].

Зажиточные крестьяне в еще большей степени пользовались трудом наемных работников, эксплуатируя своих односельчан-бедняков. Некоторые крестьяне-торговцы держали по нескольку наемных работников. У Афанасия Першина работало пять работников, у братьев Сумароковых было по четыре работника, у Максима Першина — четыре работника. Кроме наемных работников, следует отметить применение труда, близкого по своему характеру к холопскому. У некоторых богатых крестьян жили купленные ими люди «литовского полону» (иногда это были мальчики 10—9 лет): у С. Бесова был «купленный калмык».

В то же время наемных работников имели некоторые ремесленники. Таких в данном списке шесть человек — хлебник Ларион Никитин и Василий Леонтьев, сыромятники Евсей Иванов и Константин Евсеев, кузнец Степан Филатов. Все они держали по одному наймиту. По всей вероятности, это не были «домовые работники», а подсобная рабочая сила в их мастерских.

Расширение практики найма свидетельствует о росте в с. Павлове необходимости в заработке среди продолжавшей разоряться части крестьянства.

Как в 40-х, так и в 70-х годах XVII в. одна треть крестьян Павлова имела ничтожные наделы, сидела на «четвертаке»

[60] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. Барсова, № 450, д. 95, лл. 213—215, 288.
[61] Там же, лл. 217—218.
[62] С. И. Сакович. Указ. соч., стр. 147.

(четвертой части осмака), т. е. на 0,5 десятины в одном поле. Положение этой части крестьян было чрезвычайно тяжелым и заставляло их обращаться к аренде или батрачить у своих же односельчан. Отсюда недовольство данной категории крестьян, которое выявилось в событиях, связанных с восстанием Разина. «Росписной список» 1677 г. называет многих павловских крестьян «скудными».

О тяжелом положении значительного числа крестьян Павловской вотчины свидетельствуют факты выдачи им в заем из господских житниц большого количества ржи, пшеницы, ячменя и овса. За 1670—1672 гг. было выдано 3442 четверти. Не имея собственного хлеба, крестьяне вынуждены были занимать этот хлеб, несмотря на тяжесть расчетов с помещиком.

Подобные явления наблюдались и в других торговых и промышленных селах вотчин Черкасских.

В с. Лежневе Суздальского у. один раз в неделю, по четвергам, был торг, на который съезжались люди из окрестных сел и даже городов со всякими «мирскими» товарами. Но в Лежневе торговали также крестьяне самого с. Лежнева и имели свои лавки. Писцовая книга 20-х годов XVII в. отмечает лавки у следующих непашенных крестьян с. Лежнева: Федора Матвеева, Кирилла Ульянова, Ивана Артемова, Терентия Семенова, Федора Кондратьева, Петра Минеева, а также амбар Ивана Иванова по прозвищу Серко; полки у Тимофея Кузьмина, Мартына Степанова, Филиппа Максимова, каждый имел по 2 полка [63].

В селах Нижегородского у.— Ворсме, Богородском,— где на всем протяжении XVII в. развивалась торговля и где действовал торговый посредник, из среды крестьянства выделились владельцы лавок, амбаров, полков, продававшие на рынке сырье и другие товары. Крестьяне-торговцы вели торговые операции далеко за пределами своих сел, обладая при этом значительными капиталами. Источником наживы для некоторых служила неэквивалентная сибирская торговля. В обыскной книге Печерской заставы 1656 г. отмечается: «Шел с Березова через Камень к Руси» Пимен Федоров, крестьянин Я. К. Черкасского, «а у него мяхкие рухляди... по березовской таможенной оценке на 983 рубли 9 алтын 1 деньга» [64].

Крестьяне разных сел брали на откуп мельницы, кабаки, таможенный сбор и пр. Откупа они имели как на месте, так и в других селах и городах. Приведем несколько примеров.

В 1620 г. крестьянин кн. И. Б. Черкасского держал на откупе кабак и таможню в г. Курске, платя 468 руб. 172 д. В 1623 г.

[63] ЦГАДА, Писцовые книги по Суздалю, № 11317, лл. 963, 1013, 1014.
[64] ЦГАДА, Сибирский приказ, Обыскная книга Печерской заставы.

крестьянин кн. И. Б. Черкасского Юршин держал кабак и таможню в г. Осколе за 160 руб., в 1624 г.— за 177 руб. 134 д. В том же году крестьянин кн. И. Б. Черкасского из деревни Марьиной Слободы И. Ефремов имел на откупе кабак и таможню в г. Воронеже и платил 1266 руб. 71 д. [65]

Из приведенных примеров видно, что некоторые крестьяне князей Черкасских обладали большими средствами и оперировали ими в различных пунктах Русского государства. Деньги имели не только зажиточные крестьяне, но и некоторые бобыли. Переписная книга 1678 г. отмечает, что бобыли с. Нового Клинского у. «Ивашко Васильев, Панка Исаев, Матюшка Яковлев живут в чужих землях, держат мельницы» [66]. Зажиточные крестьяне, как и в с. Павлове, эксплуатировали наемный труд. В с. Ворсме в 1678 г. у Ивана Пенкина работал десятилетний мальчик Петрушка Головастиков, а у крестьянина Л. Максимова работали «купленный поляк» и русский работник Д. Степанов. У Максимова был также «закладной мужик», дворовый человек Петрушка Мартынов [67]. В с. Иванове Суздальского у. в 1678 г. у крестьянина Игнатья Панкратова был работником Ларион Васильев с детьми [68].

Крестьяне — отходники из вотчин и поместий Черкасских — работали по найму и в других местах. Значительный отход крестьян был на Волгу. Беря отпускные грамоты, крестьяне из с. Павлова, из с. Арати и других сел Нижегородского и Арзамасского уездов уходили на Волгу, в Астрахань, где работали на стругах [69].

В XVII в. только в Астрахани и близ нее в летнее время было занято по меньшей мере несколько десятков тысяч работных людей [70]. Среди них были и крестьяне Черкасских. Крестьянин из с. Арати Арзамасского у. Иван Иванов был «на стругу в работе у синбирянина Степана Трофимова» [71]. Много было крестьян, работавших по найму бурлаками, и из с. Павлова [72].

[65] Е. Сташевский. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. 1. Киев, 1913, приложение, таблица 1.
[66] ЦГАДА, Переписные книги по Клину, № 15628, л. 74.
[67] ЦГАДА, Переписные книги по Нижнему Новгороду, № 7925, л. 674, 648.
[68] ЦГАДА, Переписные книги по Суздалю, № 11325, л. 377.
[69] С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв. Горький, 1950, стр. 80.
[70] И. В. Степанов. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в. «Исторические записки», кн. 36, 1951, стр. 143.
[71] Там же, стр. 154.
[72] И. В. Степанов. Указ. соч., стр. 155.

Среди крестьянского населения вотчин и поместий Черкасских мы встречаем также захребетников, соседей, подсоседников, по своему положению, как правило, примыкавших к беднейшей части крестьян, а также бобылей. Среди бобылей были люди зажиточные, прибегавшие к эксплуатации наемного труда, но в основной своей массе бобыли были, безусловно, людьми малосостоятельными. В крупных селах были церковные бобыли, жившие в кельях при церквах. В 1667 г. они составляли по всем вотчинам значительную группу (370 человек). Больше всего их было в крупных и богатых селах — Иваново, Ворсма, Богородское. Это были люди, лишившиеся средств производства и кормившиеся подаянием.

Итак, на основании приведенных источников, мы можем установить, что некоторые крестьяне сел Лежнева, Иванова, Васильевского Суздальского у., Павлова, Ворсмы, Богородского Нижегородского у. наживали деньги, занимаясь торговлей как на месте, так и разъезжали по ярмаркам даже за пределы Русского государства. Наряду с развитием торговых центров росли и молодые промышленные села. Торговая деятельность крестьян опиралась на растущие в деревне промыслы и ремесла.

Рост торговой и промышленной деятельности крестьянства сопровождался его расслоением. С одной стороны, выделялись крестьяне, обладавшие значительными денежными капиталами, эксплуатировавшие чужой труд, а с другой стороны,— люди, вынужденные добывать себе средства к жизни работой по найму.

К. Маркс указывал, что «...превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В течение периода их возникновения, когда этот новый класс появляется лишь спорадически, у лучше поставленных обязанных оброком... крестьян развивается по необходимости обыкновение эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих... Таким образом у них складывается мало-помалу возможность накоплять известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов» [73].

[73] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 812.

Ю. А. Тихонов

РАБОТА ПО НАЙМУ И ОТХОД НА ЗАРАБОТКИ ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ УСТЮГА ВЕЛИКОГО И КРЕСТЬЯН УСТЮЖСКОГО УЕЗДА в 50—70-х ГОДАХ XVII в.

В XVII в. Устюг Великий был одним из крупных торгово-промышленных центров Русского государства. Росту города способствовало его выгодное положение в узле важнейших торговых путей того времени.

Основными отраслями городской промышленности были металлообработка, деревообработка, выделка кожи, изготовление кожаной обуви, одежды и головных уборов, производство пищевых продуктов, винокурение, изготовление слюдяных окончин, кирпича и, наконец, иконописное мастерство.

Во всех отраслях мелкого производства, по данным источников 50—70-х годов XVII в., насчитывалось около 300 ремесленников; в действительности их было больше.

В связи с ростом общественного разделения труда мелкое производство все более интенсивно обслуживало рынок.

Увеличивалось количество и более разнообразным становился ассортимент изделий, вывозимых из Устюга Великого в сельскую округу и в другие районы страны. На посаде работали ремесленники 41 специальности. Среди мастеров по обработке железа было не менее трех специальностей, по изготовлению обуви — не менее четырех и т. д.

С увеличением работы на рынок усиливалось значение своевременного сбыта готовой продукции, но сами непосредственные производители не могли уделять сбыту много времени, к тому же многие ремесленники не имели своих торговых помещений. Развитие товарного производства приводило к росту скупщических операций, к размещению крупных заказов со стороны торговых людей среди местных ремесленников, главным образом кузнецов.

В связи с этим усиливалась зависимость ремесленников от торгового капитала. Не случайно разбогатевшие ремесленники

© ГПИБ СОРАН

порывали с производством и переходили к торговле. Скупка изделий и продажа сырья являлись основными формами ограбления непосредственных производителей, владевших средствами и орудиями производства.

Складывание всероссийского рынка и усиление связей русского внутреннего рынка с внешним рынком привели к созданию быстро растущего спроса на целый ряд продуктов великоустюжской промышленности XVII в. Мелкое товарное производство не всегда могло удовлетворить потребности рынка, к тому же у многих производителей работа на рынок переплеталась с работой на заказ. В связи с этим в ряде отраслей промышленности возникали и действовали небольшие предприятия, в которых эксплуатировался труд малосостоятельных слоев города и деревни. Размеры продукции таких мастерских намного превышали возможности отдельных товаропроизводителей, в массе своей работавших лично или с помощью членов семьи.

В Устюге Великом более крупные предприятия действовали главным образом в области винокурения — казенные заказы на вино и солод создавали устойчивый рынок сбыта. Появление крупных «кожевенных дворов» было вызвано ростом местного спроса. Большой спрос на готовые продукты питания со стороны приезжих торговых людей и сопровождавших их лиц привел к появлению харчевных амбаров. Крупный промысел в мыловарении возник, надо полагать, в силу невозможности для мелкого производства противостоять конкуренции привозного мыла. В связи с большим спросом европейского рынка на топленое говяжье сало появились крупные салотопни. Значительный спрос на веревки и канаты для речных судов обусловил появление на Устюжском посаде прядильни. Однако эта мастерская существовала недолго, не выдержав, вероятно, конкуренции прядильной промышленности Вологды и Холмогор [1].

Эти предприятия принадлежали представителям городской верхушки Устюга Великого, в основном крупным торговым людям. Накапливая денежные средства в торговле, они вкладывали их в отдельные отрасли производства. Однако их собственных средств не всегда хватало, в частности потому, что период оборота торгового капитала был нередко очень длительным. Поэтому богатые устюжане заводили в основном винокурни и солодовни, ибо здесь имелась возможность авансирования подряда со стороны казны.

Господство феодально-крепостнических отношений, а также сравнительная узость рынка того времени обусловливали эпизодический, сезонный характер работы этих предприятий. На время прекращения крупных заказов или падения рыночного спроса многие предприятия прекращали работу.

[1] Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. «Исторические записки», кн. 34, 1950, стр. 187.

Возникновение предприятий более крупных, нежели мастерские отдельных ремесленников, представляло собой закономерное явление. Тенденция мелкого товарного производства клонится к укрупнению производства и к росту применения наемного труда [2]. В изучаемый период эта тенденция в городской промышленности Устюга Великого не была еще резко выражена. В основном предприятия действовали непродолжительное время, а значит и эксплуатация чужого труда не была систематической. Однако проявление такой тенденции свидетельствует о довольно значительном развитии мелкого товарного производства в городской промышленности Устюга Великого.

Уже сам факт возникновения предприятий богатых устюжан, где эксплуатировался чужой труд, говорит о сравнительно далеко зашедшем процессе имущественного и даже социального расслоения внутри посадской общины. Обращение к конкретному материалу подтверждает это положение.

Развитие товарного производства приводило к эксплуатации значительной массы посадского населения со стороны торгового и ростовщического капитала, что усиливало имущественное расслоение. Другим важным фактором в процессе разорения посадских людей являлся тяжелый налоговый гнет со стороны феодального государства. Посадские люди и черносошные крестьяне являлись в XVII в. основными плательщиками налогов. Налоговый пресс с наибольшей силой давил на менее обеспеченные слои посада, ставя их под угрозу разорения [3].

Сравнение данных писцовой книги 1623—1626 гг. с писцовой книгой 1676—1683 гг. позволяет наглядно представить рост имущественного расслоения среди тяглых людей Великоустюжского посада [4].

Категории дворов	Число дворов: 1620-е годы	1670—1680-е годы
«лучших», «первой статьи»	13	2
«средних»	92	28
«молотчих»	278	88
«самых худых»	306	700
Всего	689	818

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 303.

[3] См. ниже.

[4] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I. М., 1909, стр. 122; «Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII ст.». М., 1883, стр. 130.

Процент «лучших» дворов на посаде понизился с 18,8% до 0,2%, «средних» — с 13,3% до 3,4%; «молотчих» — с 40,3% до 10,7%; процент же «самых худых», т. е. посадской бедноты, наоборот, повысился с 44,4% до 85,5%. Как видно, процесс расслоения шел довольно быстрыми темпами.

Следует заметить, что на протяжении XVII в. писцы по-разному могли подходить к оценке имущественного положения дворовладельцев. Все же факт быстрого увеличения числа посадской бедноты не подлежит сомнению, некоторые коррективы могут лишь привести к уточнению данных переписей.

О преобладании на посаде дворов бедноты свидетельствуют и некоторые сведения, взятые из других источников. В 1683 г. в приходе одной из устюжских церквей было 8 дворов кожевников, 12 дворов торговцев мелочным товаром, 6 дворов серебряников, 16 дворов кузнецов, 2 стрелецких двора и 56 дворов «черных работных людей» (некоторые из них нищенствовали) [5]. Таким образом, из 100 дворов 44 принадлежали торговцам и ремесленникам, большая же часть населения прихода работала по найму. О степени разорения отдельных посадских людей можно судить по тому, что они были вынуждены нищенствовать.

Оборудование кузницы в то время было несложным и сравнительно недорогим (около 10 руб. в 80-х годах XVII в.) [6]. Несмотря на это, из 36 кузнецов, профессия которых указана в писцовой и переписной книгах 1670—1680 гг., 16 человек не имели собственных кузниц. Известно, что около 50 лет назад на посаде мастеров, не имевших кузниц, насчитывалось 10 человек [7]. По-видимому, обедневшие кузнецы либо работали молотобойцами у более состоятельных кузнецов [8], либо арендовали чужие мастерские.

Разорялись не только ремесленники, но и мелкие торговцы. Среди устюжан, которые «питаютца черной работою», был бывший мясник А. И. Некорысной [9], ранее скупавший скот у крестьян Устюжского у., о чем имеются сведения в записях таможенных книг Устюга Великого [10].

[5] РИБ, т. 12. СПб., 1890, стб. 598—599.

[6] К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.— Л., 1951, стр. 85—86; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начало XIX в. М., 1947, стр. 299.

[7] Н. В. Устюгов. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в. «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 128.

[8] Там же.

[9] «Устюг Великий. Материалы...», стр. 86.

[10] «Таможенные книги Московского государства XVII в.», т. II. М., 1951, стр. 144, 151, 291.

Часть бедноты, как уже упоминалось, вынуждена была нищенствовать. Писцовая книга по Устюгу зарегистрировала 26 нищих, не считая членов их семей. Нищенство стало таким бедствием на посаде, что местная община вынуждена была построить две богадельные избы с чуланами для нищих [11].

В поисках заработка и лучшей доли часть населения покидала родной город. Писцовая книга 1676—1683 гг. отметила бегство трех устюжан в Сибирь, одного в Москву, в Кадашевскую слободу, о 9 человеках было сказано, что они «сбрели безвестно». Бежавшими посадскими людьми, дворовые участки которых перешли к другим, писцы, естественно, не интересовались, так что количество беглых на самом деле было больше.

Некоторые представители городских низов попадали в зависимость от духовных феодалов. Так, брат М. С. Калашникова, бежавшего в Сибирь, жил «за скудостью» в Троицком Гледенском монастыре. Некоторые устюжане становились стрельцами, надеясь тем самым поправить свое положение.

Особенно тяжело на положении посадской бедноты отражались стихийные бедствия, окончательно выбивавшие их из колеи. Так, после большого пожара в 1678 г. намного увеличилось число нищих и бежавших с посада.

В то же время все резче выступали те слои посада, представители которых вели большие торговые операции, расширяли скупку изделий у товаропроизводителей и создавали предприятия, где эксплуатировался труд бедноты.

В винокурнях, солодовнях, кожевенных дворах, салотопнях и прочих предприятиях богатых посадских людей применялся труд наемных работников. У богатого устюжанина Г. Ф. Протодъяконова во дворе жили два работника, у С. И. Ходутина — один работник.

Надо полагать, что верхушка торгово-промышленного населения Великоустюжского посада в своих мастерских и торговых помещениях главным образом эксплуатировала труд зависимых людей. Во дворе гостя В. И. Грудцына в с. Пятницком близ посада было 34 дворовых человека, у братьев Обуховых — 3 дворовых человека [12]. Как видно из челобитной устюжского подьячего П. Давыдова, служившего в 1639—1641 гг., владельцы предприятий на время работы своих заведений привлекали должников, которых было немало среди устюжских ремесленников и торговцев.

В своей челобитной П. Давыдов, производивший перепись на посаде и в уезде и хорошо знавший истинное положение

[11] «Устюг Великий. Материалы...», стр. 107.

[12] Там же, стр. 149, 152, 156, 164.

вещей, указывал, что у посадской верхушки бо́льшая половина населения посада и уезда «во всяких промыслях закаблены и записьми укреплены». Местные богатеи при возвращении им долга по кабалам после выполнения работы торговыми приказчиками или ремесленниками по поручным записям не возвращали грамот должникам и работникам, стремясь окончательно закабалить их. Беднота не могла жаловаться на самоуправство и угнетение со стороны «лучших» людей, так как «у них задолжены и в крепостях укреплены многие» [13].

Используя свое влияние и рассчитывая на поддержку местной администрации, посадская верхушка проводила на выборные должности местных органов самоуправления своих должников и зависимых людей [14]. Благодаря этому она получала возможность влиять на городские дела и, в частности, перекладывать на плечи бедноты основную тяжесть налогового бремени. Городские низы играли незначительную роль в земских органах управления, все решалось голосами «лучших» и «средних» людей, тем более что беднота обычно не принимала участия в сходах [15].

Что касается мелких ремесленников, то одно занятие промыслом далеко не всегда могло обеспечить их существование. Они были вынуждены все чаще продавать свою рабочую силу, что, правда, носило временный характер. Некоторым из них приходилось заниматься случайной работой, не по специальности. Так, кузнец Г. Барабанов, не имевший собственной кузницы, кроме выполнения заказов архиерейского двора по изготовлению железных изделий, работал грузчиком по переноске грузов из дощаника в телеги, за что получил один алтын, или, по выражению источника, «водился» с капустой, зарабатывая в день по одному алтыну [16].

На предприятиях устюжских богатеев большую роль в привлечении рабочей силы играла долговая зависимость бедноты от посадской верхушки. Наем часто был опутан кабальными отношениями. Все же тенденция к установлению отношений вольного найма между предпринимателями и работными людьми проявлялась.

В некоторой степени об этом свидетельствуют новые приемы в организации работ по строительству домов, церквей и т. п. Такое строительство велось, естественно, группой плотников, во главе которой стоял иногда подрядчик. К концу изучаемого

[13] «Акты писцового дела», т. II, вып. 1. М., 1917, стр. 376, 382—383.
[14] Там же, стр. 377.
[15] М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 236.
[16] РИБ, т. 14. СПб., 1894, стб. 1039, 1042, 1047.

периода относится известие о строительстве здания таможни подрядчиком, сольвычегодским плотником С. И. Гладышевым. Подряд был взят им в 1678—1679 гг., после большого пожара 1678 г. в Устюге Великом. Гладышев вел работы «своими наемными людьми». Ему было выдано 60 руб. и два ведра вина, ценой 1 руб. 6 алт. Однако подрядчик не закончил строительства, так как был задержан в съезжей избе по челобитной Ф. С. Норицына (Лальск), которому он был должен по кабале 16 руб. Нанятые Гладышевым плотники и работные люди, в числе которых упомянуты крестьяне Устюжского у. и посадские люди Соли Вычегодской, разбежались после этого, боясь, очевидно, что подрядчик не сможет оплачивать дальнейшие работы, а устюжская таможня потребует от них доведения строительства до конца [17].

В июне 1680 г. обязался построить церковь устюжский плотник К. Т. Сметанинских. В порядной записи, данной им причту соборной церкви, перечислялись все виды работ из материала плотника, за выполнение которых полагалось 75 руб. и 20 мер ржи. Большой объем работ заставляет предположить, что Сметанинских имел группу плотников, т. е. являлся подрядчиком [18]. К сожалению, нет сведений о способах привлечения им работных людей.

Работа на предприятиях богатых устюжан, носившая временный характер, не обеспечивала существования посадской бедноте. Другой важной областью применения труда был водный транспорт. Обслуживание оживленного водного Сухонодвинского пути стало одним из основных занятий посадского населения Устюга Великого [19].

Часть устюжан, будучи носниками и кормщиками (лоцманы и рулевые), во время навигации ежегодно работала на транспорте. Для многих же ярыжных (бурлаки-грузчики) работа на судах была временным занятием, после чего они вновь возвращались к ремеслу или мелкой торговле [20]. Некоторые из них были вынуждены работать в результате заключения кабальных займов, по условиям которых они отрабатывали долг работой на судах [21].

Устюг Великий был крупным рынком рабочей силы для водного транспорта, где нанимались судовые команды или

[17] «Таможенные книги...», т. III. М.— Л., 1951, стр. 250—251.
[18] РИБ, т. 12, стб. 522—526.
[19] См. Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-двинском водном пути в первой половине XVII в. «Исторические записки», кн. 6, 1940, стр. 167—194.
[20] Там же, стр. 181.
[21] Там же, стр. 183.

же при движении судов вверх по р. Сухоне, путь по которой был очень трудным, происходило пополнение ярыжных так называемыми присадчиками [22].

У некоторых ярыжных работа на судах становилась профессией, они уходили работать на Волгу, возвращаясь на Сухоно-двинский речной путь к началу периода наиболее интенсивной навигации (конец лета, осень) [23].

Часть посадских людей занималась извозным промыслом [24]. На санном пути в Архангельск и Сибирь из центра страны для обслуживания конного транспорта требовалось большое количество извозчиков, грузчиков и т. д.

В целом работа на транспорте занимала большое место в занятиях малосостоятельных слоев посада.

Однако и местная промышленность и транспорт уже не обеспечивали потребности в заработке среди посадского населения, ибо работа здесь носила сезонный характер, а предложение рабочей силы в связи с ухудшением положения ремесленников и мелких торговцев росло. В силу этого часть посадских людей уходила на заработки в другие районы страны (см. табл. 1).

Таблица составлена по данным тех разделов таможенных книг Устюга Великого, где регистрировался сбор пошлин с населения, уходившего из города или приходившего в город [25]. После 1653 г. устюжская таможня продолжала вести регистрацию ухода населения в другие города в специальных книгах сбора приезжих, отъезжих и проезжих пошлин. Цель ухода из города в ряде книг указывалась: «для работы», «для ради работы», «для черной работы»; из записей книг, в которых цель ухода не указывалась, обработаны лишь сведения об уходе устюжан пешком без товаров.

Основной поток отходников направлялся в крупнейший промышленный центр Поморья — Соль Камскую и ее уезд; туда ежегодно с 1656—1657 гг. уходило от 30 до 200 человек. В остальные районы отход был гораздо слабее, за исключением районов Сибири и р. Сухоны, он был просто ничтожным и носил случайный характер. Возможно, что среди отходников были и устюжские ремесленники (плотники, иконники и др.), уходив-

[22] «Таможенные книги...», т. II, стр. 101—102, 108—109, 250, 258.

[23] Н. В. Устюгов. Работные люди..., стр. 180—181; «Таможенные книги...», т. II, стр. 110.

[24] Н. В. Устюгов. Работные люди..., стр. 190.

[25] «Таможенные книги...», т. II, стр. 70—111, 218—245, 249—260; ЦГАДА, Городовые книги по Устюгу Великому, кн. № 120/2, № 125/2, № 126а, № 131а, № 141, № 147, лл. 112—123 об.; № 150, № 157а, № 162, № 171, 174. В книге 7181 г. (№ 203, ч. I) сведений об отходе нет.

Таблица 1

Отход посадских людей Устюга Великого на заработки

Пункты отхода	Годы													Всего
	7159 (1650/51)	7161 (1652/53)	7165 (1656/57)	7166 (1657/58)	7167 (1658/59)	7168 (1659/60)	7170 (1661/62)	7171 (1662/63)	7172 (1663/64)	7173 (1664/65)	7174 (1665/66)	7176 (1667/68)	7178 (1669/70)	
Соль Камская с уездом и Чердынь	—	4	33	73	128	38	36	202	48	66	145	112	101	986
Сибирь	—	—	11	1	—	—	11	9	—	3	4	8	30	77
Вологда и другие «верховские города»	2	13	1	1	—	4	2	—	2	—	—	—	2	27
Лальск	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Прочие	2	2	1	1	—	—	1	4	—	1	—	2	5	19*
Всего . . .	4	27	46	76	128	42	50	215	50	70	149	122	138	1117

* Из них 5 человек — в районы Мезени, Пинеги; 4 человека — в Вятские посады; 3 человека — в Ношульский погост; 3 человека — в Москву; 2 человека — в Соль Вычегодскую; 1 человек — в Архангельск; 1 человек — в Казань.

шие на выполнение казенных заказов, но подавляющее число, без сомнения, рассчитывало на работу по найму.

Что отходники направлялись главным образом на соляные промыслы, а не на водный транспорт, убеждает и то обстоятельство, что их поток начинался в сентябре — ноябре, а кончался в марте. Случаи ухода на заработки весной и летом крайне редки.

Уход населения в районы солеваренной промышленности представляет собой новое и очень важное явление, не сравнимое ни с работой на посадских предприятиях, ни с работой на водном и гужевом транспорте. Сезонной работой могли заниматься наряду с разорившимися горожанами и ремесленники и мелкие торговцы. Иное дело — уход из родного города на длительное время, а часто и навсегда. Для многих это означало не только перемену места жительства, но и переход в иную социальную группу людей — постоянных продавцов своей рабочей силы.

Основная масса устюжан не случайно направлялась в Соль Камскую. Это был главный район добычи соли в Русском государстве, где выварилось ежегодно до 7 млн. пудов [26].

[26] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957, стр. 6.

С середины 60-х и до конца 80-х годов XVII в. солеварение здесь неуклонно развивалось [27]. В конце столетия потребность в рабочей силе определялась примерно в четыре тысячи человек. Местное население не могло удовлетворить этот спрос, и сюда направлялось большое количество отходников из других областей страны, главным образом из поморских уездов [28].

Многие из устюжан навсегда оседали в Соли Камской и ее уезде. По переписным книгам 1678—1679 гг., на соликамском посаде зарегистрировано 347 пришлых людей. По местам отхода Устюг Великий стоит на втором месте после Чердыни. На посаде было 47 устюжан (свыше 13% всего числа пришлых) [29]. Устюг Великий по количеству выходцев на посад и в уезде Соли Камской занимает третье место после Чердыни и Соли Вычегодской — 111 человек (11,7%) [30].

По сведениям переписных книг Соли Камской 1678—1679 гг., приток пришлых людей особенно усилился с середины 60-х годов XVII в. [31] Данные устюжских таможенных книг соответствуют этому наблюдению Н. В. Устюгова: в 1665—1670 гг. число отходников из Устюга Великого ежегодно превышает 100 человек.

На соликамских соляных промыслах преобладали работники по вольному найму, которые не находились в зависимости от хозяев. Солеваренная промышленность развивалась по капиталистическому пути [32].

Многие отходники порывали всякую связь с посадской общиной Устюга Великого, оседая на Урале и в других местах. Налоговая реформа 1679 г., заменившая посошное обложение подворным, на основании переписных книг юридически оформила этот отрыв, включив пришлых людей в посадскую общину Соли Камской [33].

По существу отход часто являлся бегством посадских людей. Местной общине было трудно с этим бороться, ибо горожане имели право беспрепятственно уходить на заработки. Правительство, заинтересованное в освоении новых районов, не прибегало к жестким ограничениям [34].

---

[27] Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., стр. 193.
[28] Там же, стр. 148.
[29] Там же, стр. 147—148.
[30] Там же, стр. 188.
[31] Там же, стр. 190, 313.
[32] Там же, стр. 8, 241, 313.
[33] Там же, стр. 146, 193, 240.
[34] Там же, стр. 148—149.

Эксплуатация со стороны верхушки посада вызывала ненависть к ней среди посадского населения. Ограбление низов представителями торгового и ростовщического капитала приводило к обострению классовой борьбы на посаде. Беднота выступала не только против феодального гнета со стороны крепостнического государства, но и против угнетателей-богатеев.

Особенно ярко проявилось это во время восстания 1648 г., одного из городских движений, прокатившихся по стране в середине XVII в. В нем принимали участие посадские низы (ремесленники, мелкие торговцы, работные люди), на которые с наибольшей силой давил палоговый пресс [35]. Одним из активных участников движения был кузнец М. Чагин. Восстание было направлено против воеводской администрации, которая задавила горожан своими поборами, а также против верхушки посада. Богатые устюжане не участвовали в движении, напротив, они прилагали все усилия для его подавления; земский судейка И. Бубнов и ружный староста И. Мотохов предупредили воеводу М. В. Милославского о начавшемся волнении. Узнав о восстании, богатые устюжане (Босой, Усовы, П. Протодьяконов, Д. Котельников, В. Бубнов, Г. Губин, С. Садилов и др.) бежали из города, опасаясь мести бедноты. Восставшие разорили дворы Д. Котельникова, Г. Губина, М. Обухова, В. Бубнова [36]. Они уничтожали кабальные записи в домах богатых устюжан [37].

После подавления восстания 1648 г. карательным отрядом И. Ромодановского на посаде не прекращалась борьба городских низов против посадской верхушки. Имеются данные о том, что волнение произошло в Устюге Великом в 1680-х годах [38].

Одной из форм борьбы посадской бедноты против крепостнического гнета со стороны феодального государства и эксплуатации богатой верхушки Устюга Великого являлось бегство на Урал и в Сибирь.

Пока что не удалось найти других сведений о классовой борьбе на Великоустюжском посаде, однако несомненно, что дальнейшая разработка архивных материалов позволит полнее представить ее формы и последствия.

---

[35] К. В. Базилевич. Мятеж в Великом Устюге в 1648 г. «Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН», т. V, 1928, стр. 282, 287, 295, 299.
[36] Там же, стр. 281—290.
[37] Там же, стр. 294.
[38] В 1686 г. верхи посада обвиняли И. Москалева, подававшего челобитную о злоупотреблениях земских властей, в том, что он «Тимошке Шарылову в бунтовом деле приличен» (РИБ, т. 12, стб. 667).

© ГПБ

Классовая борьба в городе была ярким выражением протеста горожан против феодального гнета, свидетельством развивавшегося антагонизма между эксплуататорами и эксплуатируемыми в среде самого посадского населения.

* * *

Устюжский уезд, расположенный в центре Поморья, занимал территорию Двинско-печерской низменности по рекам Нижней Сухоне с притоками, Югу с притоками, верхней Северной Двине. Природные условия, более благоприятные сравнительно с территорией, лежавшей к северу, способствовали созданию здесь крупного сельскохозяйственного района. Поэтому среди поморских уездов Устюжский уезд был наиболее населенным.

Землей в уезде владели черносошные крестьяне, монастыри и церкви, посадские люди Устюга Великого и других городов.

Основную массу сельскохозяйственных продуктов давало крестьянское хозяйство. Это было, в первую очередь, зерновое хозяйство. Из других продуктов земледелия важную роль играл лишь хмель. Значительного уровня развития достигло животноводство, особенно мясное. Рост общественного разделения труда выражался в некоторой хозяйственной специализации отдельных частей уезда. Поюжские волости давали основную массу товарного хлеба; волости по Сухоне специализировались на возделывании хмеля, в волостях по Двине большое значение в крестьянском хозяйстве имел откорм убойного скота.

По мере усиления связей сельского хозяйства с рынком росло количество крупных крестьянских хозяйств. Имущественное расслоение среди крестьян, усиливавшееся в связи с ростом товарного производства, привело к появлению группы зажиточных крестьян. Их хозяйства выбрасывали на рынок большие партии зерна и хмеля.

В связи с этим значительные размеры приняла скупка в уезде зерна, хмеля, скота. Скупка продуктов крестьянских промыслов еще не приобрела такого размаха. Скупщиками являлись не только торговые посадские люди. Зажиточные крестьяне, продававшие крупные партии зерна и хмеля, производили также и скупщические операции в своем уезде. Крестьянская верхушка начинала расширять торговые операции, продавая привозные товары в уезде.

Благодаря наличию ряда специфических условий в Поморье (отсутствие помещичьего землевладения, смягченная форма феодальной зависимости черносошных крестьян, проявлявшаяся в большей свободе передвижения, выбора занятий и т. п.), хозяйство непосредственных производителей здесь было связано

с рынком в весьма заметной мере. Важную роль в развитии товарно-денежных отношений играла необходимость уплаты больших налогов в денежной форме [39], что вынуждало многие крестьянские хозяйства производить ежегодную продажу сельскохозяйственных продуктов.

Имущественное неравенство среди черносошного крестьянства во второй половине XVII в. стало заметнее. В процессе углубления имущественного расслоения важную роль играло развивавшееся товарное производство. Колебания рыночных цен в зависимости от спроса и предложения, скупка продуктов в уезде в больших размерах вели к неэквивалентному обмену. В связи с этим создавалась возможность дополнительной эксплуатации крестьян со стороны представителей торгового капитала.

Большое место в ограблении непосредственных производителей принадлежало ростовщичеству, которым занималась верхушка посадского и крестьянского населения, а также монастыри и церкви Устюжского у.

К займам прибегали как отдельные крестьяне, так и волостные миры. Недостаток в деньгах определял тяжелые условия займов, при долгосрочном кредите они выдавались из 20%, а при краткосрочных ссудах процент еще более повышался [40].

Отсутствие общинного землепользования с уравнительными переделами в Поморье XVII в. и большая свобода крестьян в распоряжении своими участками, приближавшаяся к праву частной собственности на землю, верховным собственником которой являлось феодальное государство, давали возможность свободной мобилизации земельных участков. И действительно, на протяжении всего столетия шла концентрация земли в руках представителей верхов посада и уездного крестьянства, а также монастырей за счет обезземеливания разорявшихся крестьян. Земля, бывшая основным средством производства в сельском хозяйстве, становилась товаром в поморских уездах — это обстоятельство оказывало основное влияние на степень имущественного расслоения среди крестьян. Богатеи приобретали земли по закладным кабалам, давая денежные ссуды под залог земельных участков [41]. Разорившийся крестьянин или его родственники юридически имели право выкупа земельного родо-

[39] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 126, 548.

[40] М. М. Богословский. Указ. соч., т. II. М., 1912, стр. 156—164.

[41] О значительных размерах ростовщической деятельности верхушки деревни свидетельствуют факты займа у них денег устюжскими церквами. Так, 20 апреля 1672 г. крестьянин Быкокурского стана Д. М. Старковских ссудил соборной церкви до 9 мая 24 руб. под залог четвертой доли деревни Ширяева (РИБ, т. 12, стб. 434—437).

вого участка; однако это удавалось делать очень немногим, ибо требовалось не только вернуть деньги по закладной кабале, но и уплатить за новые постройки и т. д. [42] Часто, чтобы затруднить выкуп, в крепостях ставилась сумма, вдвое или втрое превышавшая действительную ссуду или цену земли [43]. В основном земли приобретались путем выдачи краткосрочных ссуд под залог земельного участка, меньшее значение имела покупка земли. Монастыри и церкви владели землей также по вкладам.

Обезземеливание части крестьянства приняло такие размеры, что основная масса крестьян начинала требовать проведения уравнительных земельных переделов. Однако правительство, опиравшееся на верхи черносошного крестьянства, в XVII в. считало законным владение землей, приобретенной на основании всякого рода крепостей [44].

В XVII в. крестьяне Устюжского у. испытывали тяжелый налоговый гнет. Они уплачивали те же налоги, что и посадские люди Устюга Великого [45]. Еще в первой половине XVII в. посадское население и крестьяне Устюжского у. подавали челобитные правительству об облегчении обложения [46]. Во второй половине XVII в. налоги еще более возросли: в 1662—1663 гг. оклад основного налога («стрелецких хлебных запасов») для Поморья был удвоен, а так как налог вместо хлеба собирался деньгами, была увеличена цена юфти хлеба. И без того задавленное поборами население не могло уплачивать столь большие суммы, несмотря на правеж. За семь лет была недобрана с Устюжского у. огромная сумма, равная двум годовым окладам (около 76 328 руб.). В январе 1670 г. в челобитной устюжане указывали, что сверх налогов они поставили свыше 5 тыс. даточных людей, снаряжение которых обошлось более чем в 300 тыс. руб. Обычно дворянское правительство неохотно шло на уменьшение налогов, однако под угрозой запустения Устюжского у. оно было вынуждено снять недоимку и отсрочить текущие платежи. В конце этого же года устюжане подали новую челобитную, прося брать стрелецкие деньги в прежнем размере. Если в 1645—1646 гг. в уезде и на посаде было 9,5 тыс. дворов, то к 1670 г. опустело свыше 2,5 тыс. дворов. Такое разорение вынудило правящие круги пойти на удовлетворение челобитной. Однако в

[42] М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 53—54, 56.
[43] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1651, г., д. 76, лл. 192—193.
[44] Н. В. Устюгов. К вопросу о земельных переделах на русском Севере в середине XVII в. «Исторический архив», т. V. М.—Л., 1950, стр. 40—49; М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 190—191; т. II, стр. 18.
[45] М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 126.
[46] Там же, т. II, стр. 68—72, 118—125; приложение, стр. 4—17

следующем году стрелецкие деньги было предписано взимать в тройном размере [47].

Очень тяжелой, особенно для Устюжского, Сольвычегодского и Двинского уездов, была повинность по закупке и доставке хлеба в Сибирь. Эту повинность отменили лишь в 1685 г. [48]

Кроме государственных налогов, население уплачивало также сборы, поступавшие в распоряжение органов самоуправления (содержание ямской гоньбы, городовое дело и др.).

Налоги уплачивались деньгами, это вынуждало крестьян почти ежегодно выбрасывать сельскохозяйственные продукты на рынок, причем не только излишки, но и часть хлеба, необходимого для собственного потребления. И действительно, в 1661—1662 гг., когда по всей стране, в том числе и в Поморье, налоги взимались в натуральной форме, хлебом, произошло резкое сокращение крестьянской торговли [49]. Правда, на это повлияли также расстройство денежной системы и неурожай.

Черносошное крестьянство, задавленное налогами, страдало также от поборов и притеснений местной администрации. Это приняло такие размеры, что правительство было вынуждено в 1660-х годах послать в Устюг Великий стряпчего Е. Н. Хрущева для расследования злоупотреблений должностных лиц [50]. Фискальный гнет феодального государства, особенно давивший на малоимущие слои деревни, усиливал имущественное расслоение в деревне и довольно часто приводил к полному разорению наименее обеспеченных крестьян.

В писцовой книге Устюга Великого и его уезда 1676—1683 гг. отмечено множество фактов запустения крестьянских дворов от «наметного вытного тягла», «солдатских выборов» и «хлебного недорода». Их бывшие владельцы либо проживали в других деревнях «в половье», либо нищенствовали.

Разорявшиеся крестьяне вынуждены были бросать свое хозяйство. Часть из них, цепляясь за оставшиеся средства производства (скот и сельскохозяйственные орудия), переходила на земли монастырей, превращаясь в крепостных, другие — в половничество [51].

Богатые крестьяне переходили к систематической продаже больших партий зерна на посадском рынке. Со второй полови-

[47] С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. I. М., 1915, стр. 184—185; т. II. М., 1916, стр. 242—248.
[48] С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 126—136; В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 151.
[49] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 16, 79.
[50] М. М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 155.
[51] Там же, т. 1, стр. 89; т. II, стр. 308.

ны 1650-х годов они стали вывозить хлеб в Холмогоры и Архангельск. В хозяйствах крестьянской верхушки эксплуатировался труд половников. У Р. А. Спицына с сыном, крестьян Пушемской волости, которые наиболее регулярно выбрасывали на устюжский рынок крупные партии зерна, в четырех деревнях было 16 половников [52]. Я. И. Островский с пятью сыновьями (Подосиновская волость) чаще всех отвозил хлеб на север, в Холмогоры; они владели тремя деревнями целиком и участками в четырех других деревнях, где работали 17 половников [53].

Половничество было основной формой эксплуатации крестьян, терявших свою землю.

Численность половников неуклонно возрастала: в 20-х годах XVII в. было 1205 половничьих дворов (17% всего количества дворов в уезде), а в 70-х годах XVII в.— 1852 двора (22%) [54]. В действительности половничьих хозяйств было больше, так как в одном дворе зачастую проживало несколько семей.

Наемный труд применялся спорадически. По описанию земель Устюжского у., приобретенных по разного рода крепостям, в 1651 г. из всей массы хозяйств посадских людей, монастырей и церквей лишь в одном не было половников (правда, описание коснулось примерно половины территории уезда), и только в одном случае отмечено, что в деревне Гавриловской Черевковской волости, принадлежавшей по закладной кабале семье крупного устюжского мясника А. Е. Ссякина, владельцы «пашут деревню наемными людьми» [55].

Большей частью половники работали на собственных лошадях, однако имелись и безлошадные. Интересно отметить, что последние вынуждены были поряжаться на менее выгодных условиях: половники, имевшие свой рабочий скот, обычно получали 50% урожая за вычетом семян, а безлошадные — 40% собранного зерна. В основном половниками были крестьяне, потерявшие землю, но сохранившие скот и сельскохозяйственные орудия.

Не сохранились порядные половников, работавших в хозяйствах посадских людей; это не позволяет установить, выдавалась ли половникам денежная или натуральная ссуда.

Для части крестьян половничество было временным состоянием, которым они надеялись поправить пошатнувшееся хозяйство. Только этим можно объяснить ряд особых случаев, когда половники продолжали владеть землей, обрабатывая ее при помощи собственных половников. Половник гостиной сотни торгового человека В. Ю. Усова Д. Матвеев владел участком в деревне Лопухино Раменье Кичменгской волости, где у него работали 3 половника. Здесь были посевы ржи, овса, ячменя, конопли; на будущий год посеяно 5 четвертей ржи. В амбаре хранилось 40 четвертей ржи, 25 четвертей овса, 1,5 осмины ячменя [56]. Другой половник В. Ю. Усова, М. М. Шевницын, владел в той же волости участком в деревне Решетове, который он обрабатывал «наездом». Этот участок был им куплен в 1650 — 1651 гг., поэтому сеялся лишь овес и ячмень, на будущий год было посеяно 1,5 четверти ржи [57]. Четью деревни Горносталевской Ярокурского стана владел половник Архангельского монастыря М. А. Кочетовых, у него работал половник А. М. Кузнецов. Были посевы ржи (на будущий год — около 3 четвертей ржи), овса, ячменя [58].

Половничество, как видно, задерживало процесс окончательного отделения производителей от средств производства. Нам встретился лишь один случай, когда половник Никольского Прилуцкого монастыря С. Ф. Аносовских 8 февраля 1670 г. пошел пешком к Соли Камской «для работы» [59].

Половники не допускались в органы самоуправления, на сходах участвовали лишь владельцы земли [60]. Падение хозяйственной самостоятельности вело к юридической неполноправности крестьян.

Часть крестьян, хозяйство которых не могло дать необходимых средств к жизни, вынуждена была обратиться к продаже своей рабочей силы на транспорте и в промышленности.

Обслуживание водного пути по Сухоне и Двине стало одним из основных занятий не только посадского населения Устюга Великого, но и крестьян уезда [61]. Для некоторых крестьян работа на судах превратилась в профессию. Иногда они уходили работать на Волгу [62].

Для обслуживания судов требовалось также много рабочих на короткое время для провоза товаров через большие пороги и мели, когда грузы перегружались на небольшие суда — павоз-

[52] ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 515, лл. 479 об., 484—485, 495.
[53] Там же, лл. 422 об., 431 об.— 432, 446 об., 449 об., 459, 461 об.
[54] М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 136, приложение II.
[55] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1651 г., д. 76, лл. 168—169.
[56] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1651 г., д. 76, л. 257.
[57] Там же.
[58] Там же, л. 45.
[59] ЦГАДА, Городовые книги по Устюгу Великому, кн. № 174, л. 33 об.
[60] М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 218.
[61] Н. В. Устюгов. Работные люди ..., стр. 167, 180.
[62] Там же, стр. 180—181; «Таможенные книги...», т. II, стр. 236.

ки. В сентябре — октябре 1651 г. для этого было нанято 184 человека, в мае — 43, в августе — 295; в октябре 1653 г. на павозках работали 42 человека, в апреле — мае — 97, в июне — 56, в июле — 85, в августе — 234 [63]. Особенно усиливалась потребность во временных работниках в конце лета и осенью.

Крестьяне не реже, чем посадские люди, бывали вынуждены заключать кабальные займы с условием покрыть долг работой на судах [64]. Крестьяне также занимались извозным промыслом [65].

Работа крестьян на посаде и на водном транспорте часто являлась для них подспорьем, побочным занятием. Отход же крестьян на заработки в другие города и районы страны отвлекал их от земледелия на более продолжительное время, а часто и навсегда. Туда направлялись беднейшие слои деревни, для которых сельское хозяйство переставало быть основным занятием (о количестве отходников см. табл. 2) [66].

В основном крестьяне-отходники, как и посадские люди, направлялись в Соль Камскую, в остальные районы крестьян шло несравненно меньше. Лишь в Сибирь в 60-х годах XVII в. ежегодно направлялись крестьяне в поисках работы. В целом для 60-х годов XVII в. сравнительно с 50-ми годами можно отметить увеличение числа крестьян, уходивших на заработки.

60-е годы не случайно дают увеличение количества отходников. Усиление налогового гнета в связи с войной, наборы солдат в армию, неурожаи подорвали хозяйство части крестьян. Некоторые разорившиеся крестьяне продавали свои участки и уходили с семьями «в сибирские городы» [67].

Борьба крестьян против усиления феодального гнета и эксплуатации со стороны богатеев принимала различные формы. Одной из них была подача челобитных в центральные учреждения с жалобами на невыносимое обложение и произвол, это была легальная форма протеста. В других случаях возмущение проявлялось в более активных действиях. Крестьяне иногда сопротивлялись правежу при выколачивании с них податей и т. д. [68] В восстании 1648 г. в Устюге Великом принимали участие крестьяне уезда [69].

[63] «Таможенные книги ...», т. II, стр. 70—99, 218—245.
[64] Н. В. Устюгов. Работные люди ..., стр. 183.
[65] Там же, стр. 190.
[66] Составлена по тем же материалам, что и таблица 1.
[67] ЦГАДА, Городовые книги по Устюгу Великому, кн. № 191, лл. 35 об., 37—37 об., 38 об., 40.
[68] М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 204—205; т. II, стр. 152.
[69] К. В. Базилевич. Мятеж в Великом Устюге в 1648 г., стр. 281, 290.

Таблица 2

Отход крестьян Устюжского у. на заработки

Пункты отхода	Годы															Всего
	7159 (1650/51)	7161 (1652/53)	7165 (1656/57)	7166 (1657/58)	7167 (1658/59)	7168 (1659/60)	7170 (1661/62)	7171 (1662/63)	7172 (1663/64)	7173 (1664/65)	7174 (1665/66)	7176 (1667/68)	7178 (1669/70)	7181 (1672/73)		
Соль Камская с уездом и Чердынь	9	22	12	3	11	3	3	12	1	75	12	20	54	—		237
Сибирь	—	—	5	—	—	—	—	—	1	4	1	8	11	—		30
Вверх по реке Сухоне	2	8	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—		13
Вятские посады	2	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	—	—		6
Прочие	—	6*	—	2**	—	—	—	—	—	1***	—	1****	—	1		11
Всего	13	37	18	6	11	3	3	12	4	80	13	31	65	1*****		297

* 3 человека пошли в Москву, трое в Сольвычегодский у. и в район р. Сысолы.
** В Казань.
*** В неизвестном направлении.
**** В район Мезени.
***** В Лальск.

Наиболее распространенной формой борьбы против крепостнического гнета и эксплуатации было бегство крестьян на Урал и в Сибирь. Это бегство принимало такие размеры, что воеводские власти не решались на правеж, и даже само правительство под угрозой запустения уезда было вынуждено в какой-то степени уменьшать налоговое обложение [70]. Наибольшее число беглецов в Сибирь из районов Поморья давал Соликамский у., по числу беглых Устюг Великий с уездом был на втором месте [71].

По местам выхода новопоселенцев в Кунгурский уезд за вторую половину XVII в. Устюг Великий занимал первое место (78 семей — 15,1%) [72].

Не случайно в Устюге Великом стоял значительный по тому времени стрелецкий гарнизон. По писцовой книге 1620-х годов

[70] Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1662—1664 гг. «Исторические записки», кн. 24, 1947, стр. 58; В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 46; М. М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 150—151, 305—309.
[71] В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 49—50.
[72] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956, стр. 86—87.

© ГПИБ СОГАН

на посаде была устроена стрелецкая слобода на 50 человек; в 60—70-х годах XVII в. в составе гарнизона было 100 стрельцов. Отсюда стрельцы посылались в случае надобности и в другие поморские уезды для подавления волнений [73].

Наряду с классовой борьбой крестьян против феодального государства и его администрации довольно явственно заметен в изучаемый период рост противоречий среди отдельных групп крестьянства. Феодальный гнет, давивший на все слои деревни, вызывал протест всего черносошного крестьянства, однако деревня становилась все менее однородной, и за пределами вражды к крепостничеству «начинался самый резкий хозяйственный антагонизм» [74]. В XVII в. борьба среди крестьян уезда наиболее часто проявлялась при раскладке налогов.

Мирские сходы проходили настолько бурно, что в 1683 г. устюжский архиепископ запретил проводить их в церковных зданиях [75]. Обычно зажиточные крестьяне выступали против переверстки налогов, требовавшейся в целях более справедливого распределения тягла среди налогоплательщиков [76]. В 50-х годах XVII в. в Варженской волости такое перераспределение было проведено при сильном сопротивлении богатеев, причем лишь вмешательство воеводской власти, действовавшей в интересах казны, смогло преодолеть это противодействие [77].

Правительственные круги при проведении финансовой политики опирались на верхи крестьянского населения. Так, в 1662 г. в грамоте устюжскому воеводе предписывалось договориться о цене стрелецких хлебных запасов с «лучшими людьми» посада и уезда, а не с «худыми». Однако такая мера не дала результатов, надо полагать, вследствие сопротивления средних и низших слоев, с чем верхушке пришлось считаться. Правительство само вдвое увеличило налог [78].

Воеводская администрация и выборные власти всячески поддерживали богатеев. Несмотря на это, отдельные посадские люди и крестьяне, пренебрегая угрозами, смело обличали махинации «мирской» верхушки при раскладке и сборе податей. Так, в 1685 г. устюжанин И. Москалев, крестьяне Г. Башихин и

[73] М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 121; т. II, стр. 228; ЦГАДА, Городовые книги по Устюгу Великому, № 189, лл. 228 об.— 229 об.
[74] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 277.
[75] М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 205.
[76] «Акты писцового дела», т. II, вып. 1, стр. 376—377.
[77] М. М. Богословский. Указ. соч., т. I, стр. 217—218; т. II, стр. 136—138, 144—145.
[78] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 73—74.

Д. Момотов подали в Москве челобитную, обвиняя земские власти в сборе налогов сверх необходимой суммы. Эти деньги поделили между собой богачи и представители воеводской администрации. В приказе челобитье было признано ложным, а челобитчики в цепях высланы в Устюг Великий. Однако земские власти потребовали в отношении этих лиц более сурового наказания, чтобы впредь никто не осмеливался подавать на них жалобы.

Устюжский воевода удовлетворил требование земских властей посада и уезда. На очной ставке И. Москалев, повторив прежнее обвинение, добавил, что старосты собирали подати не сообразно с имущественным положением налогоплательщиков; тех, кто не мог уплатить, ставили на правеж и морили голодом в тюрьме; не выдержав тяжелого обложения, А. Калашников, В. Кликунов и другие бежали с посада. Г. Башихин заявил, что половники посадских людей, владевших землями в уезде, несут повинности «не по деревенскому ж владению, малое число». Д. Момотов обвинял богатого крестьянина «Якушка Островского в деревенском его разорении».

Вследствие происков богатеев челобитчики, поднявшие голос протеста против социальной несправедливости, были приговорены к наказанию батогами [79].

В результате борьбы внутри крестьянства уменьшалось значение местных выборных судов, компетенция которых была сужена за счет расширения власти воевод. Эти суды действовали в интересах крестьянской верхушки. Так, в судах рассматривались дела о нарушении половниками своих обязательств, о грабеже имущества. Основная масса крестьян была недовольна действиями судебных органов, где за взятку освобождали даже убийц. Богатые же крестьяне, если это было не в их интересах, не признавали волостного суда, а переносили разбор дела в московские приказы, где взяточничество играло еще большую роль при решении дела [80].

Крестьяне сопротивлялись произволу богатеев. Иногда это проявлялось в форме «разбойничества», когда отдельные крестьяне мстили своим угнетателям. Зажиточные слои деревни с помощью администрации боролись с «разбойниками», которых в случае поимки ждали пытки и казнь, а имущество распродавалось. Так, крестьянин деревни Чермепинской Кивокурского стана М. Аникиев был арестован «по язычной молки»

[79] РИБ, т. 12, стб. 650—665, 668, 681, 682, 699, 700.
[80] М. М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 184, 194—195, 200, 240—252, 254.

© ГПИБ ОРВИ

«разбойника» М. Метлина. После жестоких пыток он сознался, что «был на многих разбоех и воровствах» вместе с другими крестьянами. Его земля была продана властями стана богатому посадскому человеку И. Ходутину [81]. Показательно, что устюжский мир, бывший в руках богатеев, отказался от введения в уезде губных учреждений и, не доверяя населению, просил передать сыск воеводской власти. Недаром сыщики, присылаемые из центра, устраивали массовые пытки крестьян с целью поимки «преступников» [82]. Такая форма классовой борьбы, как «разбойничество», была характерной для протеста и борьбы народных масс в феодальном обществе. Приведенные факты говорят об обострении борьбы в среде черносошного крестьянства.

В Устюжском у. тяглыми землями владели также торговые люди посада, монастыри, церкви и представители белого духовенства. Их ростовщические операции, благодаря которым они завладевали лучшими землями в уезде, а также скупка продуктов крестьянского хозяйства по пониженным ценам вызывали ненависть среди массы крестьян. Наиболее часто недовольство крестьян проявлялось при раскладке налогов. Крестьяне стремились переложить часть налогового бремени на богатые хозяйства устюжан и монастырей. Последние, наоборот, старались отделиться от волостных миров в платеже налогов, что влекло за собой увеличение податного бремени для крестьян [83].

Таким образом, антифеодальная борьба крестьянства усложнялась борьбой массы крестьян с эксплуататорами, вышедшими из крестьянской среды, с ростовщиками, скупщиками. Эта борьба становилась в XVII в. настолько заметной, что правительство, опасаясь разорения массы налогоплательщиков, предписывало воеводам в наказах «старостам и целовальникам, и горланам посадских и уездных людей *середних и молодших* обидеть не велеть и налог им никаких и продаж не чинить, и поборов с них лишних не сбирать» [84]. В условиях становления товарного

[81] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1652 г., № 7-а, лл. 252—253; Говоря о «разбое», М. М. Богословский (Указ. соч., т. I, стр. 150; т. II, стр. 70—71, 224, 226) утверждает, что он был бичом для всех крестьян, что «разбойники» приходили с Вятки или Волги. На самом деле в «разбое» участвовали и местные крестьяне.

[82] М. М. Богословский. Указ. соч., т. II, стр. 70—71, 79—80, 228—229.

[83] Там же, т. I, стр. 87, 93—96, 110—113, 126—128, 234; т. II, стр. 32, 85, 290.

[84] Там же, т. II, стр. 277 (курсив мой.— *Ю. Т.*).

хозяйства верхушка деревни создавала свое богатство за счет ограбления массы крестьян, что вызывало обострение социальной борьбы среди черносошного крестьянства.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Во второй половине XVII в. среди посадских людей Устюга Великого и крестьян Устюжского у. заметно усилилось имущественное расслоение. Многочисленной массе разорявшихся ремесленников, мелких торговцев, крестьян, половников противостояли богатые торговцы, скупщики, ростовщики, владельцы предприятий и больших земледельческих хозяйств.

Можно отметить два фактора, действие которых вело к усилению дифференциации крестьян и горожан. Первый — развитие товарного производства и обращения. Крепли связи хозяйств непосредственных производителей, крестьян и ремесленников, с рынком. С развитием товарного производства усиливалось ограбление крестьян и горожан со стороны торгового и ростовщического капитала.

Второй фактор — тяжелый налоговый гнет. Наиболее сильно он давил на малосостоятельные слои тяглого населения. К тому же верхушка города и деревни, захватив в свои руки аппарат местного самоуправления, не только стремилась переложить основную тяжесть податного бремени на бедноту и средние слои, но и сама старалась присвоить часть собираемых с населения денежных средств [85].

Ухудшение положения крестьян и ремесленников вынуждало их время от времени обращаться к продаже своей рабочей силы. Они работали на предприятиях городских богатеев и на водном транспорте. Однако многих разорившихся производителей временная работа по найму уже не удовлетворяла, к тому же местная промышленность и транспорт не могли обеспечить заработка всем нуждавшимся в нем.

В связи с этим росло число отходников из среды посадской бедноты и крестьян. Уральская соляная промышленность поглощала большую массу работных людей. Туда в отдельные годы уходило из Устюга Великого до 100—200 посадских людей и до 50—70 крестьян из уезда.

В изучаемый период процесс имущественного и социального расслоения с наибольшей силой затронул городское население Устюга Великого.

[85] Такие же причины разорения посадских людей и крестьян для всего Поморья отмечает Н. В. Устюгов («Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.», стр. 147—148, 190—192).

ОТИПБОСАН

Разорение и обезземеливание крестьян проявлялись и в деревне, хотя половничество задерживало этот процесс. Факты экспроприации крестьянства свидетельствовали о том, что процесс первоначального накопления начался и неуклонно развивался.

Большую роль в эксплуатации чужого труда в посадской промышленности и на водном транспорте играли кабальные отношения. Зародышевая форма капиталистических отношений была опутана феодальными отношениями [86]. Более отчетливо характер вольного найма, не связанного с отношениями личной зависимости, проявлялся в отходничестве в Соль Камскую и ее уезд. Учитывая, что при этом производители надолго или навсегда отрывались от прежних занятий, можно сказать, что отход являлся наиболее ярким выражением развития новых, прогрессивных явлений в экономике страны.

Наряду с протестом горожан и крестьян против усиления феодального гнета со стороны феодального государства все заметнее становятся противоречия внутри посадской и крестьянской общин, обострявшиеся по мере развития процесса социального расслоения.

---

[86] См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 463.

З. А. Огрызко

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ МОНАСТЫРСКИХ ПОЛОВНИКОВ РУССКОГО СЕВЕРА в XVII в.

Троице-Гледенский монастырь принадлежал к числу так называемых черных тяглых монастырей: его владения состояли из черных земель, приобретенных по купчим и закладным. Расположение монастыря при слиянии Сухоны и Юга, вблизи такого крупного ремесленного и торгового центра, как Великий Устюг, благоприятствовало развитию его торговой и ростовщической деятельности; монастырь вел обширную торговлю, главным образом хлебом и солью.

Так как земли у монастыря были черными, то «своих» крестьян монастырь не имел и привлекал к себе половников и наймитов; по словам монастырских властей, «пашут де у них ... монастырские земли исполу, по уговору, половники и наемные люди» [1]. В течение XVII в. наблюдался рост и монастырских земельных владений и количества половников, работавших на монастырь: в 1623 г. за монастырем числилось 30 дворов половников [2], в 1682 г.— 109 дворов, в 1696 г.— 185 дворов [3].

В фонде Троице-Гледенского монастыря, хранящемся в Центральном государственном архиве древних актов, содержится большое количество материалов, характеризующих положение половников. Прежде всего это — порядные грамоты, которые давали на себя половники, рядясь на половье в монастырь. Кроме порядных, половники в случае займов давали на себя заемные кабалы. Наконец, сведения о половниках содержатся в

---

[1] РИБ, т. 12. СПб., 1890, стб. 201.

[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I. М., 1909, стр. 72.

[3] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1417, посевная книга 191 г.; д. 1745, посевная книга 205 г.

© ГПНТБ СО РАН

разнообразных «книгах» и «тетрадях» — в приходных и расходных, посевных, ужинных, умолотных и т. д.

Поскольку половничество было широко распространено на русском Севере XVII в., восстановление конкретной картины положения половников Троице-Гледенского монастыря является важным для изучения истории крестьянства в поморских уездах.

Настоящая статья имеет целью осветить одну сторону социально-экономического положения половников Троице-Гледенского монастыря — наличие имущественного неравенства, которое являлось исходным моментом для социального расслоения.

Как можно судить на основании дошедших до нас материалов, в Троице-Гледенском монастыре существовали три вида докапиталистической ренты. Рента продуктами уплачивалась половником путем дележа «приполонного» (оставшегося за вычетом семян, полученных от монастыря) хлеба; кроме хлеба и соломы, монастырь собирал с половников сено, семена и волокно конопли. В ренту продуктами входили также разнообразные поставки, обычно исчисляемые с лошади: жерди с перетыками, дрова и лучина.

Наряду с этим значительное место занимала отработочная рента. Половники должны были отвозить «приполонный» хлеб, вывозить навоз со своего и монастырского двора, разбрасывать его по всем полосам и «на задние полосы возить», делать крупу и ядрицу, чистить проруби, чинить мосты, стричь овец, прясть шерсть и т. д. Этим не ограничивались обязанности половников. Во всех почти порядных записывалось: «А позовут старцы — на изделие ходить без ослушания». Все натуральные повинности имели денежное выражение, например: поставка ста жердей оценивалась в 2 гривны; изготовление одной меры крупы — в 2 алт. и т. п. Самой значительной отработочной повинностью половника был так называемый «приряд». Во всех сохранившихся порядных имеется такая формула: «А подмогу аз, половник, взял у Троицы (столько-то)... а приряду мне, половнику, в те годы...» (и дальше идет перечень работ). Монастырские власти определяли приряд как оплату процента на полученную ссуду — «подмогу»; так иногда и записывали в порядных: «А за тот подмог сделать мне приряду...» В действительности же приряд был типичной феодальной рентой, поступавшей феодалу в силу его прав землевладельца-вотчинника. Во-первых, подмог не погашался прирядом и подлежал выплате, несмотря на выполненный приряд; и, во-вторых, размер приряда определялся не величиной подмога, а размером получаемого половником участка земли.

Денежная рента, высчитывавшаяся обычно с лошади, выражалась в сборе так называемого «пожилого», который иногда заменял собой приряд, но чаще взимался наряду с ним, а также в уплате «коровничьего», заменявшего собой дойку монастырских коров, стирку белья на посельских старцев и выпечку хлеба для них. Начиная с 40-х годов XVII в. пожилое встречается постоянно, оно равнялось при наличии приряда обычно полтине с лошади, без приряда 1 руб.; «коровничьи» деньги брались в размере 2,5 алт. с лошади.

Положение половников в монастырской вотчине было таково, что процесс расслоения среди них, без сомнения, протекал по сравнению с черносошным крестьянством медленнее: обогащению зажиточной верхушки препятствовали как ограниченность хозяйственной деятельности половников условиями порядных, так и большие работы и повинности, лежавшие на половниках и затруднявшие какое бы то ни было накопление в хозяйстве половника. В то же время сами условия половничества — предоставление участка земли монастырем-вотчинником, снабжение половника семенами, а иногда и рабочим инвентарем — задерживали процесс пауперизации.

И тем не менее источники содержат данные не только об имущественном неравенстве среди половников, но и о начальных этапах процесса социального расслоения.

Прежде всего порядные резко различают две группы половников — обладающих лошадьми («лошадных») и безлошадных. Правда, безлошадных половников было сравнительно немного. Всего лишь в 29 порядных из 942, имеющихся в нашем распоряжении, встречаются указания на то, что половники работают на монастырских лошадях. Но при определении удельного веса безлошадных половников следует обратить внимание на то, в каких деревнях они встречались. Насколько можно судить по дошедшим до нас порядным, безлошадные половники были в семи деревнях; больше всего их было в деревне Старостинской: всего по этой деревне сохранилось 20 порядных, из них 15 даны безлошадными половниками[4–5]. Как видно из порядных, деревня Старостинская находилась вблизи Антропьевой слободы. Как известно, в слободах в связи с развитием ремесел и торговли быстрее шел процесс имущественной дифференциации населения; вполне возможно, что неимущие жители слободы пополняли собой кадры безлошадных половников деревни Старостинской.

[4–5] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 553, лл. 34—37; д. 724, лл. 26, 28—30, 33—35; д. 735, лл. 46—47; д. 739, лл. 5—8; д. 756, лл. 16—18; д. 1085, лл. 18—19; д. 1174, лл. 51—52; д. 1224, лл. 41—45; д. 1240, лл. 37—38; д. 1274, лл. 20—21; д. 1059, лл. 9—11.

Безлошадные половники поряжались на гораздо более жестких условиях, отдавая две трети урожая и неся больше повинностей, чем обладавшие тягловой силой. Можно предполагать, что улучшить свое положение, обзавестись лошадьми для таких половников практически было почти невозможно. Это предположение подтверждается наблюдениями над судьбой отдельных половников. По порядным можно проследить, как их хозяйства приходят в упадок, положение все больше ухудшается. Примером может служить история Афанасия Вяткина. Афанасий, Нефедов сын, Вяткин, половничал не менее 30 лет, в 1646 г. он получил «девятину» (девятую долю) деревни Лучкипо [6]. В 1652 г., когда Афанасий дал на себя новую порядную [7], у него было две собственных лошади и, кроме той земли, которую пахал с 1646 г., он получил еще одну девятину. Беря добавочную землю, половник получил и добавочный подмог: теперь уже за ним было долгу четыре рубля, 8 мер ржи, 5,5 меры овса и 1 мера ячменя. Двора своего у него не было — в порядной была приписка: «на новой год перейти в Чечуковский двор». К 1655 г. Афанасий заплатил подможную рожь, но подможные деньги «перевел в новую порядную». Этой новой порядной не сохранилось. Дошла до нас только порядная от 1669 г. [8] За 14 лет положение половника явно ухудшилось: у него уже не было своих лошадей, и землю он обязывался обрабатывать на монастырских конях. Долг монастырю — подмог — вырос до 20 мер ржи, 16 мер овса и 2 мер ячменя; расплатиться стало труднее; теперь половнику приходилось отдавать монастырю не половину, а $^3/_5$ урожая. Часть долга Афанасий Вяткин все же вернул, заплатив в 1673 г. 5 мер ржи и меру ячменя, но остальной подмог перевел в новую порядную. Насколько трудно было положение Афанасия Вяткина, видно из того, что он не имел возможности уплачивать причитающийся с него «наем коровнице» по гривне в год: за три года взамен 3 гривен Афанасий Вяткин отдал 6,5 овинов соломы и 5 копен сена [9] (действительная стоимость отданных Вяткиным сена и соломы составляла 2 руб. 6 алт. 3 д.). Поэтому неудивительно, что в порядной Афанасия Вяткина 1676 г. было написано: «Ральники монастырские ужища нам вить из монастырской конопли, хомуты починивать нам» [10]. От прежнего самостоятельного хозяйства оставался только некоторый инвентарь: «Серпы и сохи, косы и бороны наши». Из пометы на этой порядной

[6] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 734, л. 5.
[7] Там же, д. 756, лл. 19—21.
[8] Там же, д. 1085, лл. 18—19.
[9] Там же.
[10] Там же, д. 1174, л. 51.

узнаем также, что Вяткин «подможный хлеб перевел в новую порядную».

Меньше материалов сохранилось о других безлошадных половниках, но и их судьба сходна с судьбой Афанасия Вяткина [11].

В силу целого ряда условий, о которых будет сказано ниже, хозяйство половников не могло существовать в замкнутом кольце отношений между монастырем-вотчинником и половником, а вступало в соприкосновение с внешним миром и в условиях XVII в. не могло существовать без связи с рынком. Бюджет половничьего хозяйства неизбежно включал в себя денежные статьи.

В расходной части этого бюджета значительное место занимала уплата государственных повинностей. Половники Троице-Гледенского монастыря, жившие на черной земле, несли все государственные повинности наравне с государственными крестьянами; они уплачивали «московский и сибирский запас», «московский стрелецкий запас», «конские пошлины», «ямские», «ружные деньги», «на городовое Архангельское строение», «на устюжскую избу», «на верхотурских судовых плотников», «данные», «оброчные» и «на всеземский расход» [12]. Платили половники «поворотные деньги по 7 алт. с двора», а также «сбор с дворов полуполтинных и полтинных денег» [13].

Чтобы конкретнее представить, какую сумму денег приходилось уплачивать половнику, следует проследить по «Книгам платежных отписей», какие сборы падали на отдельные деревни. По этим записям можно восстановить следующую картину. В 1671 г. с половников трех деревень 18 марта было взято «в московский и сибирский запас и на мирскую издержку» 3 руб. 24 алт. 3 д. [14]; 14 апреля — «на верхотурских судовых плотников, на московскую посылку, на устюжскую избу» 2 руб. 7 алт. 2 д.; 6 июня — «на московский стрелецкий запас» 4 руб. 21 алт. 6 д.; 15 октября — «за конские пошлины, за пустые волости, ямские деньги, всеземские расходы» — 5 руб. 18 алт. 2 д.; 14 декабря — «данные и оброчные деньги за осталое сено и мелкий оброк» — 2 руб. 28 алт. 2 д.; 6 февраля — «сибирский запас и судовым плотникам и посошные деньги и посошный хлеб» — 7 руб. 13 алт. 2 д. [15] В общей сложности эти сборы составляли

[11] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 578, л. 17; д. 735, л. 48; д. 704, лл. 3—4 и др.
[12] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, книги платежных описей, д. 1146, 1671 г., д. 1049, 1667 г., д. 1234, 1675 г. и др.
[13] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 713, л. 30; д. 763, л. 12.
[14] Там же, д. 1146, л. 51.
[15] Там же, лл. 51, 53, 57, 63, 72.

за 1671 г. 25 руб. 25 алт. 1 д. Так как в этих трех деревнях пахали на 12 лошадях, то на участок, обрабатываемый с помощью одной лошади, падало около 1 р. 20 алт.

После перехода к подворному обложению в казну с половничьего двора брали по рублю [16]. Но наряду с этим собирались еще «ямские и ружные деньги» и «на мирской расход»; так, в 1686 г. с вышеназванных трех деревень, кроме рублевого сбора, было взято 6 руб. 28 алт. 3 д. Кроме того, следует иметь в виду, что довольно часто возникали экстренные добавочные сборы: так, в том же 1686 г. «мая во 2-й день платили на архиерейской домовой двор с половничьих с 123 дворов по деньге со двора» [17].

Кроме государственных сборов, половники, как говорилось выше, платили деньгами в монастырь пожилое и «коровничий наем». Если из 300 порядных первой половины XVII в. только в 15 случаях половники уплачивали денежную ренту монастырю (т. е. 5%), то в третьей четверти века число порядных с указанием денежных платежей составляло 43,4% (53 из 122), в конце века — 57,6% (233 из 404).

Так общее развитие товарно-денежных отношений в стране отражалось на росте денежной ренты в данном монастырском хозяйстве.

Но было бы неверно под впечатлением большого количества свидетельств об уплате половниками государственных сборов и пожилого делать вывод, что основной частью денежных расходов половника были именно эти платежи.

Значительная часть половников должна была приобретать хлеб извне. Об этом мы узнаем из показаний самих половников. Правда, для удовлетворения нужды в хлебе половники чаще всего прибегали к займам у монастыря-вотчинника. Хлебные займы начинались, как правило, в марте месяце; чем ближе к новому урожаю, тем больше половников занимало хлеб у монастыря. Самые поздние кабалы на хлеб приходятся на первые числа августа; после этого половники некоторое время могли обходиться своими запасами. Но встречаются случаи, когда в сентябре и октябре половники были вынуждены прибегать к займу хлеба [18].

По сохранившимся кабалам можно насчитать десятки половников, которые из года в год занимали у монастыря хлеб. Сергей Яковлев сын Суслонов сначала брал участок вместе с братьями в деревне Голоперово, а затем с 1681 г. стал вести хозяйство

[16] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1502, л. 67.
[17] Там же, д. 1508, л. 55.
[18] Там же, д. 1556, л. 6; д. 1256, л. 4; д. 1420, л. 13; д. 1538, л. 11; д. 1501, л. 12.

самостоятельно в деревне Низовской. Характерно, что хотя он с грехом пополам вел свое хозяйство, ему ежегодно не хватало хлеба. За 18 лет своего половничества в деревне Низовской [19] он не мог отдать полученного в 1681 г. подмога — четырех мер ржи и столько же овса; кроме того, почти ежегодно, а иногда и по три раза в год занимал в монастыре хлеб. От его имени сохранилось 18 хлебных заемных кабал; так как на 17 из них нет никаких помет о возвращении долга, то, очевидно, Суслонов не имел возможности возвращать занятый хлеб, и его долг все возрастал. Последняя заемная кабала Сергея Суслонова дана им 23 марта 1687 г. [20] Это его единственная кабала, на которой есть помета, что с должника была получена мера ячменя. Можно предполагать, что в этом же году Сергей Суслонов был уже нетрудоспособен, а возможно, и умер. 18 июня занял хлеб его сын Евстафий, при этом на его кабале имеется выразительная помета: «Две меры ржи взяты на корени» [21].

Подобная задолженность не была редким явлением среди половников.

Одновременно с Суслоновым давали на себя ежегодно заемные кабалы три других половника той же деревни Низовской — Филипп Анисимов Загудаев, Федор Варфоломеев Загудаев (всего на Загудаевых сохранилось 32 кабалы) и Никита Спиридонов Масловский. В деревне Низовской обычно жило пять половников, из которых четверо занимали хлеб. В 1665 г. за половниками с. Якутина (а в нем было 6 хозяйств) числилось 7 хлебных кабал; на 4 хозяйствах деревни Сокольницы — 3 кабалы; на 5 хозяйствах деревни Быслаевой — 10 кабал; на 8 хозяйствах деревни Герасимовой — 8 кабал и т. д. [22]

Более подробные сведения о хлебных займах Никиты Масловского и о его посевах в 70-х годах дают возможность представить, каково было соотношение между количеством собственного и занятого им хлеба.

В течение 1676 г. Никита Масловский занял по трем кабалам 5 мер ржи и 11 мер овса; от 1678 г. дошла одна его кабала на 3 меры ржи и 10 мер овса; в 1681 г. по двум кабалам он получил 5 мер ржи и 14 мер овса [23]. По «памяти посевного старца» 1679 г. можно примерно подсчитать, что в 1679 г. Никита Масловский, сняв с поля 52,5 меры ржи и 71,5 меры овса и,

[19] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1717, л. 21—22; д. 1374, л. 25.
[20] Там же, д. 1735, л. 5.
[21] Там же.
[22] Там же, д. 1376, 1398, 1517 и др.
[23] Там же, д. 1242, л. 4; д. 1266, лл. 3, 4; д. 1300, л. 5; д. 1376, лл. 2—3.

© ГПИБ СПбГУ

рассчитавшись за год с монастырем (отдав семена и приполонный хлеб), оставил себе приблизительно 18,5 меры ржи и 20 мер овса [24]. Этот половник, как и многие другие, не мог расплатиться со старым долгом и, возможно, поэтому бежал. В одном из монастырских хозяйственных документов записано: «Да деревни Низовские на збеглого половника на Никиту Масловского задолжных хлебных 6 кабал, а хлеба в них 38 мер овса, да денежная кабала в 4 гривны; а за тот овес и за деньги взято скотом, да сеном в монастырь, а кабалы ему для того не отданы, что его, Никиты, в лице не было» [25].

Некоторые половники покупали хлеб. Так, половник деревни Мильковщины Семен Манаков при допросе сказал: «В нынешнем 204 году пришло приполону мне, половнику, ржи 9 мер, овса 10 мер, ячменя... (неразборчиво) мер, да купил я ржи у дьячка Кирилла Степанова сына Гагариных сегодной ржи, да у зятя своего 4 меры ржи... а овса я не купливал, живу своим приполонным овсом, а больше того никакого хлеба в нынешнем году не купливал, то и сказка моя» [26]. Половник деревни Казаково Михаил Иванов подал явку о совершенной у него покраже и, перечисляя украденное, написал: «3 четверика овса, что я купил по 7 новгородок четверик» [27].

Кроме хлеба, половники покупали скот. В порядных половников часты записи о том, что полученный половником денежный подмог иногда частично, иногда весь шел на покупку скота [28]. Покупали лошадей, коров, телят. Переезжая на новое место, вновь рядясь на половье, половники иногда покупали сено; учитывая эту потребность половничьего хозяйства, монастырские власти подчас включали в состав подмога сено [29]. Отдельные половничьи хозяйства вынуждены были покупать также солому, которая играла важную роль в хозяйстве деревни рассматриваемого района. Она шла и на корм скоту и на утепление хлевов, необходимое в условиях сурового климата. Насколько часто половники покупали солому, можно судить по тому, что монастырские власти даже ограничивали право распоряжения ею, ставя половнику в обязательство не продавать солому никому без разрешения монастырских властей [30].

Монастырские власти не всегда разрешали половникам сеять лен, так как его посевы истощали почву, а если и разреша-

[24] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1326.
[25] Там же, д. 1399, л. 1.
[26] Там же, д. 1720, л. 1.
[27] Там же, д. 25, л. 1.
[28] Там же, д. 563, л. 22; д. 1717, л. 13; д. 1748, л. 22; д. 1766, л. 4 и др.
[29] Там же, д. 70, л. 1; д. 447, л. 19; д. 1592, л. 1 и др.
[30] Там же, д. 219, л. 6; д. 248, л. 19 и др.

ли, то ограничивали размеры посева [31]. Из всех сохранившихся порядных только в 30 говорится о посевах льна. Между тем имеются указания на наличие льняных изделий в хозяйстве половников. Следовательно, с полным основанием можно предположить, что половникам приходилось прибегать к покупке льна или пряжи. Иногда половникам приходилось покупать огородные семена [32].

Без сомнения, половникам приходилось покупать также сельскохозяйственные орудия. Так как монастырь был заинтересован в доброкачественной обработке земли, то в порядные вписывался одним из первых пункт о наличии у половников сельскохозяйственных орудий в наиболее распространенной формуле — «снасть всякая, деревянная и железная, моя половничья». Но бывали случаи (обычно у безлошадных половников), когда в порядной записывалось, какую часть «снасти» половник обязан иметь сам и что он получит от монастыря. Иногда половник мог обеспечить свое хозяйство только деревянными орудиями: «Снасть железная, ральники да косы,— монастырские, а сохи и бороны и сани — половничьи» [33]. Иногда же половник имел, кроме ральников, все остальные орудия [34]. Можно не сомневаться, что железные сельскохозяйственные орудия половники покупали; даже такое хозяйство, как монастырское, имевшее в своем составе несколько кузниц, и то прибегало к покупке сошников и ральников [35]. Возможно, в некоторых случаях половники заказывали себе сошники и ральники у местных кузнецов, но оплачивать эти заказы они должны были, исходя из рыночных цен.

Среди домашней утвари и одежды половников встречаются предметы, которые могли оказаться в их хозяйстве только в результате покупки: шелковые ткани, тесьма шелковая, пуговицы серебряные, тазы медные, полотно, убрус полотняный, серьги [36].

Итак, в хозяйстве половников имелись нужды, удовлетворение которых требовало наличных денег.

Половники часто прибегали к денежным займам. Интересные данные на этот счет содержит приходо-расходная книга

[31] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 219, л. 8; д. 357, лл. 25—27; д. 375, л. 8 и др.
[32] Там же, д. 1246, л. 18; д. 1351, л. 25.
[33] Там же, д. 207, л. 23; д. 518, л. 14; д. 572, л. 12; д. 705, л. 9.
[34] Там же, д. 181, л. 1; д. 248, л. 17; д. 1085, л. 68; д. 1224, л. 41; д. 1397, л. 44.
[35] Там же, д. 402, л. 3; д. 1321, л. 1.
[36] Там же, д. 385, л. 1; д. 561, л. 1; д. 555, л. 1.

денежного казначея Троице-Гледенского монастыря от 1668 г., в которой имеется «роспись что роздано половникам денег» [37] с указанием имен половников, названий деревень, в которых они жили, и суммы займа. Оказывается, что 3 июня 1668 г. заняли деньги четыре половника из восьми хозяйств деревни Якутиной; в деревне Герасимове из шести должниками были четыре половника, в Батурине из семи хозяйств — пять половников, в Понявине из 6 — четыре, в Пантусове из 4 — двое [38].

В приходо-расходных книгах монастыря за разные годы встречаются записи о денежных долгах половников из 33 деревень (Якутино, Голоперово, Федюнинская, Веретениха, Петрухино, Милковщина и др.). Примечательно, что деньги занимали половники не только деревень, лежавших на оживленных водных путях по Сухоне, Югу, Двине, но и находившихся несколько в стороне от больших рек, например, деревень Милковщина, Петрухино, Веретениха [39].

Половники занимали деньги в течение всего года, но чаще весной и летом, когда, очевидно, иссякали все запасы в хозяйстве половника перед сбором нового урожая. Так, в расходной книге 1668 г. из 25 кабал только одна выдана в феврале, а остальные в мае и июне [40]. Но далеко не все половники могли удовлетворить нужду в деньгах реализацией части урожая; сохранились заемные кабалы, данные в сентябре и октябре месяце [41].

Размеры ссуд бывали различны: от 20 алт. до 4 руб. Чтобы представить себе реальное значение этих сумм, нужно иметь в виду, что в эти же годы половники покупали лошадь за 3,5—4 руб., за овцу платили 1 руб., мера ржи стоила 16 алт.— 16 алт. 4 д. Уплата половниками денег по кабалам происходила в течение всего года, но чаще в зимние месяцы. Так, в 1667 г. [42] уплата по кабалам по времени была такова: в марте — 2 случая, в апреле — 2, в июле — 4, в августе — 1, в сентябре — 3, в октябре — 9, в ноябре — 1, в декабре — 12, в январе — 45 и в феврале — 43.

Очевидно, деньги, необходимые для уплаты долга, притекали в хозяйство половника, когда по зимнему пути легче было на-

[37] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1070, лл. 40—42.
[38] Там же, д. 1070, л. 40; д. 1551, лл. 13, 14 и др.
[39] Там же, д. 799, 988, 1032, 1070, 1127 и др.
[40] Там же, д. 1070, лл. 40—42.
[41] Там же, д. 1498, л. 2; д. 1556, л. 17 и др.
[42] Там же, д. 1268.

править хлеб и сено на рынок и когда можно было уйти на заработок.

Вообще же уплата долга была трудна, и часто половники пропускали сроки уплаты. Недаром среди дел монастырских казначеев нередко встречаются «росписи кабал», «книги кабал», в которых содержатся списки старых кабал. Так, в «росписи, что отдано порядчику старцу Никону денежных кабал» 1660 г.[43] имеются записи о кабалах десятилетней давности и больше; половник Василий Ульянов не мог в течение 16 лет вернуть 15 алт.

Безвыходность положения отдельных задолжавших половников можно представить по двум документам 1696 г. В одном из них речь шла о половнике Иване Давыдове, который должен был возместить монастырю по «неоплатной порядной» шестнадцатилетней давности долг своего отца, выразившийся в сумме 11 руб. 8 гривен 4 алт.,— сумма, явно непосильная для половника [44]. В другой «памяти» записано, что на половнике деревни Трегубовской на Кузьме числился долг в размере 2 руб. 6 алт. 4 д. «да хлеба 15 мер ржи, 32 меры овса, 3 меры ячменя» [45]. Судя по «посевной книге» 1695 г., Кузьма получил хлеба только 3,5 меры ржи, 8,5 меры овса и 1,5 меры ячменя; ясно, что к старому долгу в данном году он прибавил новый.

Приведенные примеры говорят о том, что разорявшийся половник часто не мог уплатить долга, вследствие чего попадал в еще большую зависимость от монастыря и сильнее прикреплялся к своему участку.

Среди продукции сельского хозяйства половников, выступавшей в качестве товара на рынке, кроме хлеба, значительное место занимали сено и солома, которые продавались, как и хлеб, из нужды в деньгах. Сено продавали в большем или меньшем количестве половники разных деревень—Герасимова, Великого Села, Луженьги, Старостинской, Понявина, Бараньего Наволока, Крексенова [46]. Чаще встречаются записи о продаже сена половниками в деревне Старостинской. 6 февраля 1662 г. там продали сено сразу три половника: Кузьма Иванов Заезжих — 15 копен, Афанасий Мефодьев — 14 копен, Фома Протасов — 20 копен [47]. Как видно из порядных половников деревни Старостинской, они все работали на монастырских лошадях, поэтому отдавали монастырю $^2/_3$ чистого урожая хлеба за вычетом по-

[43] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1033.
[44] Там же, д. 1719, л. 1.
[45] Там же, д. 1722, л. 1.
[46] Там же, д. 1032, лл. 21, 26; д. 936, л. 7.
[47] Там же, д. 1001, л. 2. 15—20 копен — обычный сбор сена с 1,5—2 десятины.

сеянных семян. Возможно, что продажа сена вызывалась необходимостью покупать хлеб.

Если некоторые хозяйства половников нуждались в соломе, то другие продавали ее. Имеются записи о том, что даже монастырь покупал в 60-х годах XVII в. солому у половников деревень Карякинской, Старостинской, Герасимовы, Крексеновы [48].

Половники продавали не только сельскохозяйственное сырье, но и изделия своих промыслов. Наличие леса, расположение монастырских деревень вблизи судоходных рек создавали удобные условия для выработки и для продажи деревянных изделий. Например, в 1667 г. монастырь пять раз покупал плоты и драницы у половников деревень Бараний Наволок и Горка [49]. Запись о самой крупной покупке такого рода имеется в книге купчины-казначея 1668 г.: «Куплено деревни Баранова Наволока у половника Луки Кузьмина сына 700 драниц да 2 плота леса в 50 дерев, денег дано 1 руб. 21 алт. 4 д.» [50].

Половник деревни Ерзовки Григорий Никитин продал в монастырь 30 лагунов, двухведерных, полутораведерных и ведерных [51]. Имеется указание на продажу холстов: в 1677 г. монастырский купчина-казначей купил в сентябре у половника Афанасия Плотникова 30 локтей холста. Записи о покупках у половников для монастыря позволяют заметить, что некоторые половники систематически продавали продукцию своих промыслов. Так, в августе 1676 г. половник деревни Трегубова Василий Хайдуков продал в монастырь бочку смолы, на следующий год в начале сентября он продал ведро смолы, а в 1679 г. даже дважды продавал смолу [52]. Очевидно летом он готовил смолу на продажу.

Нужда в деньгах и отсутствие в то же время товарных излишков в хозяйстве вынуждали половников работать по найму. К сожалению, монастырские приходо-расходные книги содержат сведения лишь о работе по найму для самого монастыря, но это представляет несомненный интерес для характеристики не только положения половников, но и их взаимоотношений с феодалом-вотчинником. Не вызывают сомнения в характере работы половников записи казначеев о найме для битья шерсти и тканья сукна. Например, 12 марта 1670 г. «половнику Митьке, что бил шерсть на коровне, шерсти овечьей 5 пуд 16 гривенок,

[48] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 936, л. 6 об.; д. 1070, л. 37 об.; д. 1052, л. 21; д. 1032, л. 21.
[49] Там же, д. 1054, лл. 19—20.
[50] Там же, д. 1076, л. 30.
[51] Там же, д. 1263, л. 28; д. 1351, л. 11.
[52] Там же, д. 1245, л. 23 об.; д. 1263, л. 4 об.; д. 1326, л. 13 об.

дано 17 алтын» [53]. Половник Дмитрий из деревни Герасимово, названный в записи шерстобитом, несколько раз выполнял такую же работу за деньги [54]. Монастырские власти нанимали на работу и женщин из семейств половников. Так, в расходных книгах 1674 г. можно найти записи о том, как по найму ткали сукна для монастыря «половничихи» Евдокия, Капилья и безымянная «половничиха» из деревни Батурино [55]. Интересный вывод напрашивается при наблюдении над записями о работе Капилии, снохи половника Михаила Карзы. 22 декабря 1671 г. ей было уплачено «от тканья от белого сукна 2 алтына 4 деньги». В течение 1676 г. ей было уплачено семь раз за такую же работу и четыре раза в первой половине 1677 г. Итак, в семье половника Михаила Карзы можно было выделить одного из младших членов семьи на работу по найму, хотя Капилия работала на дому. Показательно и то обстоятельство, что записи о работе Капилии прекращаются на время с конца мая до начала октября. Надо полагать, во время полевых работ были заняты все члены половничьей семьи.

Нанимались половники монастырем также на извозные и плотничьи работы. Например, половник Афанасий Семенович Гладышев сделал в деревне Пантусове «в новой избе нутро» и получил за это 10 алт., он же срубил сенник за 16 алт. 4 д. [56]

В 1640 г. половники Пестовские на трех подводах возили «трех приставов усольских деревень досматривать» и получили за это 18 алт.[57]; в 1698 г. половник Фотий Новгородцев нужные для уплаты пожилого деньги «заработал молотьбой» [58].

Обращают на себя внимание записи о найме половников в летнее время, причем половники выполняли и такие работы, которые заставляли на время отрываться от своего хозяйства. В апреле 1661 г. половники сторожили монастырский каюк [59]; в мае 1662 г. Федор Потехин нанялся на сплав монастырского плота [60].

Прямых указаний на то, что монастырские власти нанимали половников на сенокосные работы, не имеется. Отсутствие таких записей объясняется тем, что на покос нанимали разом большие партии работников, и казначеи записывали оплату этих

[53] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1127, л. 7.
[54] Там же, д. 1320, л. 8 об.
[55] Там же, д. 1238, лл. 11, 17; д. 1246, лл. 11 об., 25.
[56] Там же, д. 661, лл. 3—4.
[57] Там же, д. 511, л. 19 об.
[58] Там же, д. 1534, лл. 26, 27.
[59] Там же, д. 939, л. 6.
[60] Там же, д. 958, л. 19 об.

партий общей суммой, а не поименно. Например, в 1666 г. нанимали косцов по 10—12 человек; на греблю нанимали еще больше; например, в 1682 г.— на Романове острове, вблизи Устюга, 28 июля гребли 57 человек, а с 29 июля — 130 человек. Среди десятков наемных косарей и гребцов были и половники. Например, из Морозовской слободки, где жили монастырские половники, в июле 1678 г. «гребли за Пестовым женки и дети — 26 человек», а в 1680 г. «гребли Морозовские бабы» — 78 человек [61]. По-видимому, половников иногда нанимали и для работ по подготовке «росчистей под пашни». В одной из записей читаем: «Наймовали в дер. Власове и Лучкине новину сечи, дано 30 алтын» [62].

В деревне Заболотье, большая часть которой принадлежала монастырю, старец-подрядчик «наймовал на дощаник возить рожь 60 мер; с меры дано по 10 денег, итого 3 рубля медных» [63].

Таким образом, беднейшая часть половников добывала деньги, необходимые для уплаты податей и удовлетворения собственных нужд, или продавая своему землевладельцу какую-то долю полученного продукта, или зарабатывая их в хозяйстве того же монастыря. Это создавало еще большую хозяйственную зависимость половников в отношении своего феодала. Отдельные записи в монастырских книгах говорят о том, что половники работали по найму и на стороне, надолго отрываясь от своего хозяйства. Половник Родион из деревни Оксиловой после смерти отца в 1703 г. «вместо приряда ... ходил к городу Архангельскому на работу»; Герасим Якушев из с. Понявина в 1706 г. «ходил к работе Каменной крепости, что на Малой Двине».

Однако не все половники находились в одинаковом положении, среди них встречались и более обеспеченные, хотя накопление средств в условиях половничества было крайне затруднительным.

О наличии денежных средств у отдельных половников говорят факты вступления последних вкладчиками в Троице-Гледенский монастырь. Сумма, требуемая от вкладчиков, была по тому времени значительной — 9—10 руб. В приходных книгах казначеев имеется несколько записей о том, что половники, внеся подобный вклад, обеспечивали себе на старости содержание от монастыря. В 1648 г. вступили во вкладчики половник Яков Хабаров с сыном Василием; в 1668 г.— половник Матфей Клеменьтев Сидоров; в 1676 г.— половник Влас Парпеков [64]. В 1680 г. половник деревни Садомов Наволок Феофил Гаврилов Телегин, внесший 9 руб., был принят во вкладчики, но с некоторой оговоркой: «...ему, пришед в монастырь, носить своего платья, кроме зипуна, и обувь свою год». Такие же условия были записаны в 1685 г. половнику-вкладчику деревни Герасимово Андрею Кириллову Иванову [65]. Половник деревни Морозовицы Авдей Вяткин и половник деревни Льниникова Иван Черепанов в 1686 г. вносили вклады за своих сыновей по частям [66]. Встречающиеся описи имущества некоторых половников свидетельствуют об известных накоплениях [67].

Об известном благосостоянии части половников говорит также наличие у них достаточного количества скота. У одного из половников деревни Оксиловой (конец XVII в.) было во дворе три кобылы, три коровы, два теленка, овца. Его сенокосные угодья достигали 15 дес. (150 копен); у другого половника — мерин и две кобылы, две коровы, три теленка, две овцы; у третьего — четыре лошади, две коровы, телушка, два теленка [68].

Представление о том, как различно были обеспечены хозяйства монастырских половников скотом, дают две описи второй половины XVII в. у Еремея Загудаева было четыре лошади и два жеребенка, четыре головы рогатого скота, шесть овец; сена «под двором 50 копен, на поливной пожне и за бороздой 30 копен» [69]. У Федора Кононова Пономарева не хватило скота, чтобы расплатиться с долгом. Он был должен «подможных денег 2 рубля, да хлеба 4 меры ржи, 4 меры ячменя, да по денежной кабале за корову 8 гривен, да по двум кабалам 5 мер ржи, 2 меры овса». За долг у Ф. Пономарева монастырь взял лошадь, двух жеребят, оцененных в рубль, быка (20 алтын), корову (8 гривен), трех овец и трех ягнят (7 гривен), поросенка и теленка (одна

[61] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1291, л. 22; д. 1351, л. 29 об.
[62] Там же, д. 1535, л. 23.
[63] Там же, д. 977, л. 9.

[64] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 713, л. 17; д. 1070, л. 17; д. 1245, л. 8 об.
[65] Там же, д. 1508, лл. 24, 25 об.; д. 1528, л. 36.
[66] Там же, д. 1352, л. 24; д. 1486, л. 11.
[67] В 1643 г. половник Тит Клементьев из деревни Лучнево объявил, что у него похитили следующее имущество: денег 10 руб., три таза медных ценою 3 руб., две шубы и кафтан — 5 руб., тридцать локтей сукна — 40 алт., две шапки мужские — 25 алт., жемчужное ожерелье — 4 руб., две шапки женские — 2 руб. 6 алт. 4 д., две завязки жемчужные — 2 руб. с полтиной, двое серег серебряных — 13 алт. 2 д., серьги позолоченные — 40 алт., сто локтей полотна — 2 руб. 5 алт. 2 д., шестьдесят локтей холста — 25 алт., тридцать рубашек — 4 руб. и два топора—9 алт. (ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 555, л. 1).
[68] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 725, л. 1.
[69] Там же, д. 1392, л. 2.

гривна) [70]. Так как стоимость взятого скота (кроме коровы) составила 2 руб. 13 алт. 2 д., т. е. была меньше суммы долга, можно предположить, что больше у Федора скота не было.

Разница в имущественном положении половников выражалась и в различии размеров их посевов. По «книге семенной 197 года» [71] можно установить значительную разницу в размерах посевов ржи у отдельных половников. Всего в книге даны сведения о посевах 183 половников. У 27 из них (14,8%) не указаны посевы ржи; очевидно, это были хозяйства, порядившиеся на половье к весне и не имевшие озимых посевов. По размерам посевов ржи остальные хозяйства распределяются следующим образом: меньше 5 мер посеяли 41 человек (22,4%); от 5 до 9 мер включительно — 81 человек (44,3%); от 10 до 14 мер — 22 человека (12%); от 15 до 20 мер — 11 человек (6%) и, наконец, 21,5 меры ржи посеял один половник из деревни Вымол (0,5%) [72].

По другим данным, бывали посевы и меньше 5 мер. Так, в деревне Курденьги три половника высевали по 3—4 меры.

Чтобы расширить свои посевы, некоторые половники рядились одновременно на два участка. Правда, таких случаев встретилось в дошедших до нас порядных всего восемь. Но пользование двумя участками влекло за собой выполнение двойных повинностей, поэтому только в двух случаях обладание двумя участками дало возможность расширить хозяйство (хозяйства Семена Андреева Вишнякова и Саввы Андреева Семенникова).

Семен Вишняков принадлежал к числу сравнительно благополучных в хозяйственном отношении половников: он смог в срок заплатить взятый им подмог, уплачивал пожилое, по-видимому, имел некоторые излишки сена, потому что вместо поставки драниц заплатил сеном. Половье Андрея Вишнякова окончилось 21 ноября 1688 г., а уже 1 декабря его сын Семен получил участок в деревне Карякинской, при этом он не взял никакого подмога. В тот же день он взял второй участок на трех лошадей в деревне Бункове [73]. Кроме того, в том же году (точная дата неизвестна) он взял вместо Степана Масленникова его участок в деревне Канзе. Имея в 1688—1697 гг. три участка, Семен Вишняков выполнял все, что с него требовал монастырь, несмотря на то, что требовалась работа на шести

[70] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1540, л. 3.
[71] Там же, д. 1551.
[72] Там же, л. 27.
[73] М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913, приложение, стр. 96.

лошадях. Во всех трех деревнях его «приряд» состоял из тяжелых работ по поднятию новины, для чего был нужен сильный рабочий скот; у него были и деньги для уплаты пожилого — по одному рублю с лошади. Были также излишки сена, так как он не только часть денежного оброка заменил сеном, но отдал сено вместо возложенного на него изготовления крупы (2 октября 1691 г. он мог сразу сдать в монастырь 54 кошны сена).

В семействе половника Саввы Андреева сына Семенникова также была возможность брать по два участка [74]. В 1682 г. Афанасий и Иван, сыновья Саввы, взяли на половье треть деревни Батурина для работы на трех лошадях: вторую треть деревни держал их отец Савва. Взяв себе отдельные участки, Семенниковы имели возможность отдавать монастырским властям пожилое деньгами; так, по помете на порядной 1689 г. узнаем, что «половник Савва с сыновьями... заплатил подможные 1 рубль и пожилое 2 руб. 4 гривны». Таким образом, сравнительно крепкие хозяйства половников справлялись с задачей расширения своего хозяйства; напротив, для малоимущего половника попытки подобного расширения вели к большим затруднениям, а то и прямому разорению. В 1687 г. братья Зилотовы Амос и Антон сразу порядились на половье в двух деревнях Страшкове и Норкиной. Но это не избавило их от нужды: один из братьев не мог вернуть взятого подмога, и монастырские власти «за подможные деньги да за хлеб» взяли у него жеребца [75].

Яким Вязаницын долгое время половничал в деревне Пухове (не меньше 10 лет, с 1670 по 1680 г.) [76]. Порядные он заключал вместе с двумя братьями; участки брали на трех лошадей. Братья выполняли все лежавшие на них повинности, но подмога вернуть не могли и перевели его в новую порядную. Через три года Яким Вязаницын остался в Пухове с одним братом; третий брат от них отделился. Долг по уплате подмога братья разделили на всех троих, и две доли взяли на себя Яким и Степан. Когда кончился срок половья, Яким разделился с братом и ушел в другую деревню, в Понявино, но долг в размере 2 руб. 22 алт., а также занятый у монастыря хлеб оставались за ним. В 1690 г. Яким, желая поправить свое хозяйство, взял еще один участок в деревне Трегубове, но был вынужден к своему старому долгу прибавить еще новый, а

[74] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1476, л. 4; д. 1397, лл. 11, 12; д. 1616, лл. 16, 17.
[75] Там же, д. 1734, лл. 30—32.
[76] Там же, д. 1196, лл. 28—28 об.; д. 1255, лл. 33—34.

именно: две меры ржи и меру овса. Вскоре Яким отказался от второго участка: «Год жил и вон выехал из Понявина» [77]. В 1695 г. за Якима расплачивались его сыновья Леонтий и Григорий. По пометам на порядных видно, что денег у наследников Якима не было и расплачивались они соломой и скотом. Особенно подробно говорит об этом помета, сделанная в 1695 г. на порядной 1690 г. [78]: «За подмог за 2 руб. 22 алт. 2 д. и за коровничий наем дали соломою и сеном, а жили два года, а скота взято за подможный долг: кобыла, жеребенок, две коровы, два теленка, сена 60 копен, соломы 7 овинов».

Картина вырисовывается достаточно ясно: Яким Вязаницын не имел возможности удержать за собой два участка, хотя и стремился это сделать. Долги его увеличивались и в конце концов поглотили то, на чем держалось хозяйство.

Итак, возможности расширять свое хозяйство были весьма невелики. Вместе с тем замедленным был и процесс обезземеливания половников, что вполне понятно. Нуждаясь в рабочей силе, монастырь наделял половников и участками земли и минимальным инвентарем. В условиях монастырской феодальной вотчины разорение половника вело прежде всего к усилению его зависимости от монастыря-вотчинника. Монастырские фонды содержат обширный материал о растущей задолженности половников.

Представление о судьбе разорившегося половника дает запись Афанасия Прокопьева сына Плугарева. В прежние годы он жил на монастырской земле «в половье» и задолжал монастырю 4 руб. Не имея возможности расплатиться и заключить новую порядную, Плугарев должен был заработать долг, дав на себя жилую запись. За 4 руб. он обязывался жить в качестве работника 4 года, «а работать мне в монастыре работа черная всякая, куда нарядят и пошлют». Таким образом, долг был использован монастырскими властями, чтобы заставить работать на себя на кабальных условиях: годовая работа расценивалась в один рубль, и тем не менее бывший половник давал обязательство до срока не уходить и быть в послушании у монастырских властей.

В других случаях невозможность ведения хозяйства приводила бывшего половника к иному выходу. В «росписи Троице-Гледенского монастыря вотчинные пустые дворы» [79] имеется

[77] ЦГАДА, ф. Троице-Гледенского монастыря, д. 1682, лл. 18—19; д. 1516, лл. 40—41; д. 1598, лл. 37—38; д. 1638, лл. 36—37.
[78] Там же, д. 1682, лл. 18—19.
[79] Там же, д. 1818.

следующая запись: «В деревне Герасимове двор половника Якима Стешева, запустел в 1701 г. от хлебного недороду — земля впусте, половник постригся в монахи». Этот Яким Стешев еще в середине 90-х годов XVII в. имел свою лошадь, выполнил все обязанности и расплатился с подмогом; в 1696 г. он посеял 14 с половиной мер ржи [80].

Или такая запись: «Деревня Пантусово, двор половника Андрея Нестеровских; половник от скудости переведен в деревню Буслаево». В недавнем прошлом Андрей и его брат Василий имели самостоятельное хозяйство и, судя по порядной 1693 г., они работали на четырех лошадях, в 1696 г. посеяли 17 мер ржи [81].

О ряде половников имеются следующие записи: «Терентий скитается в миру»; «Григорий Филатов Чебыкин скитается в миру»; «Кирилла Пискарев сбрел в сибирские города»; «Дмитрий Иванов Шарыпов в 1704 г. сбрел в сибирские города» и т. д. [82]

Всего в «росписи» имеются сведения об 11 половниках, переставших вести свое хозяйство. Если принять во внимание, что в «посевной книге 205 года» [83] указано всего 222 монастырских половника, можно сказать, что примерно около 5% половничьих хозяйств разорилось за 10—15 лет.

Окончательное разорение части половников было подготовлено предшествующим процессом дифференциации, происходившим среди половников в течение всего XVII в.

Общие выводы из наблюдений над изложенными фактами могут быть выражены следующим образом:

Условия половничества задерживали отрыв от средств производства и социальное расслоение в среде половников. Монастырь, не имевший крестьян, был заинтересован в удержании половников на своей земле, а частая задолженность последних приводила к еще большей зависимости от монастыря и невозможности ухода с половья, вследствие чего стабилизировалось хозяйственное положение половников, хотя часто на нищенском уровне.

Тем не менее среди половников имела место имущественная дифференциация: наличие, с одной стороны, небольшого количества имущих половников, даже имевших некоторую возможность эксплуатировать своих односельчан (ростовщичество,

[80] Там же, д. 1717, лл. 7—10; д. 1745.
[81] Там же, д. 1655, лл. 16—18; д. 1745.
[82] Там же, д. 1818.
[83] Там же, д. 1745.

наем), и, с другой стороны,— безлошадных половников, часть которых со временем разорялась.

Имел также место временный, а иногда и более длительный отрыв от хозяйства (бегство, отказ от половья, временный уход на работы), что увеличивало предложение труда для выполнения работы по найму в северной деревне.

Наши частные примеры свидетельствуют, что и в монастырской вотчине — типично феодальном хозяйстве — сказывалось влияние новых социально-экономических явлений. Усиление эксплуатации, рост денежных платежей половников, внедрение товарно-денежных отношений — все это вело к подрыву института половничества как придатка монастырского хозяйства. Несмотря на тормозящую роль феодальных отношений, кабалы и систематической задолженности, в среде половников намечался тот же процесс расслоения, что и среди черносошного крестьянства, но в более замедленных темпах.

Н. А. Бакланова

СУДОВЫЕ РАБОТНИКИ В ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ КАЛМЫКОВЫХ

Буржуазная историография уделяла мало внимания вопросу о наемной рабочей силе в XVII в. и, в частности, вопросу о положении судовых работных людей в это время. Такие исследователи, как Н. В. Калачов и А. А. Исаев, в своих монографиях об артелях в России судовым рабочим уделили лишь одну-две страницы. Эти работы основывались на очень скудном документальном материале: двух поручных записях по волжским ярыжным 1642 и 1653 тг., опубликованных в «Актах юридических». Внимание указанных авторов привлекала в этих записях преимущественно юридическая сторона вопроса — их интересовала артель как форма организации труда [1].

После Великой Октябрьской революции история трудовых масс заняла одно из важнейших мест в нашей исторической науке. В 1921 г. была организована специальная комиссия по изучению истории труда в России, задачей которой было исследование этого вопроса преимущественно по архивным документам для того, чтобы ввести в оборот новый неопубликованный материал. Изданные этой комиссией сборники под общим названием «Архив истории труда в России» и «Труд в России» (1922—1925 гг.) включают большое количество статей, посвященных истории трудовых масс. Среди них часть относится к интересующей нас теме. Такова, например, статья А. А. Введенского «Заметки по истории труда на Руси XVI и XVII вв.», статья К. А. Пажитнова «Рабочие артели» и др. [2]

Однако более глубокому изучению данного вопроса мешал недостаток документального материала. Так, например,

[1] Н. В. Калачов. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864; А. А. Исаев. Артели в России. Ярославль, 1881; «Акты юридические». СПб., 1838, № 311, стр. 330—332.

[2] «Архив истории труда в России», 1923, кн. 3, стр. 51—70; кн. 10, стр. 54—74.

© ГПНТБ СО РАН

К. А. Пажитнов мог пользоваться все теми же двумя поручными записями, изданными в «Актах юридических», присоединив к ним лишь оставшуюся незамеченной исследователями рядную запись 1695 г. с артелью в 30 человек [3], да записью 20 нижне-сухонских носников 1653 г., опубликованной А. А. Введенским в указанной выше статье.

Очень интересный материал, хотя и крайне сжато изложенный, находим в статье Е. З. Вулих — «Из мира торговых отношений в Москве XVII в.», в которой использованы документы судного дела 1682 г., возникшего между участниками подряда по перевозке дворцовой рыбы из Астрахани в Москву [4]. Вслед за этой работой появилась небольшая публикация А. А. Гераклитова, которой предпослана краткая заметка «К истории волжского транспорта в конце XVII века» [5]. Вопроса о рабочих на судах Соловецкого монастыря касается А. А. Савич в своей книге «Соловецкая вотчина XV—XVII вв.» (Пермь, 1927).

С конца 30-х годов стали появляться статьи локального характера, основанные на архивном материале и специально посвященные вопросу о судовых рабочих. Таковы работы И. В. Степанова, относящиеся к Поволжью: «Хозяйственная деятельность московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII в.», «Организация соляных промыслов в низовьях реки Волги в XVII в.», «Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в.», «Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в.» [6]. Н. В. Устюгов в статье «Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.» подробно рассматривает положение рабочей силы, обслуживавшей северный водный и гужевой путь [7].

Порайонные исследования данной темы очень важны. Накопленные наблюдения по той или иной местности за тот или другой период дадут со временем возможность создать обобщающее исследование, трактующее интересующую нас тему во всем многообразии ее конкретных проявлений [8].

[3] Опубликована в «Калужских губернских ведомостях» за 1872 г., № 30, под заглавием «Рядная запись рабочей артели XVII столетия».

[4] Помещена в сборнике под редакцией А. И. Заозерского: «Россия и Запад». Пг., 1923, стр. 57—90.

[5] «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения», вып. 34, ч. II. Саратов, 1924, стр. 11—14.

[6] «Уч. зап. ЛГУ. Серия исторических наук», вып. 5, 1939, стр. 80—142; вып. 8, 1941, стр. 143—163; вып. 14, 1949, стр. 136—153; «Исторические записки», кн. 36, 1951, стр. 142—154.

[7] «Исторические записки», кн. 6, 1940, стр. 167—194.

[8] В советской исторической литературе уже имеются немногочисленные работы по данному вопросу обобщающего характера. Так, С. И. Архангельский в своей книге «Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв.» (Горький, 1950, стр. 55—58) дает сводку опубликованного материала. В главе I, посвященной ремеслу, промышленности и торговле в XVII в., затрагивается и интересующий нас вопрос. А. М. Панкратова в статье «Наймиты на Руси в XVII в.» (Сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 200—205), ставя общий вопрос о наемной рабочей силе, пользуется архивными материалами о бобылях — закладчиках Духова монастыря, работавших на волжском транспорте.

К числу локальных работ, ограниченных небольшим периодом времени (80—90-е годы XVII в.), относится и данная статья. Основные материалы, послужившие для нее, принадлежат семейному архиву промышленников Калмыковых, отдельные документы которого разбросаны среди дел Посольского приказа, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов, а также входят в состав судного дела из Приказного стола Разряда, частично использованного в указанной выше статье Е. З. Вулих. Среди привлеченных нами документов — пять записных книг приказчиков по найму работных людей и выдаче заработанных денег (1695, 1696, 1699 и 1700 гг.), четыре поручных записи по найму квалифицированных работных людей, шесть поручных записей по найму артелей рядовых работных людей, более 120 писем приказчиков к Калмыковым, одной из главных тем которых является вопрос о наемной рабочей силе (1682—1700 гг.), расписки приказчиков в получении денег от хозяев для оплаты работных людей и другие документы. Эти материалы вводят нас в мелочи обыденной жизни работного человека, заключая в себе наряду с сухими записями приказчиков разбросанные там и сям яркие черточки, проливающие свет на различные стороны вопроса, не отраженные в других источниках.

Однако при всем разнообразии и содержательности этого материала он по своему характеру не может, к сожалению, дать обстоятельных ответов на ряд интересующих нас вопросов, особенно в части цифровых данных. Поэтому приходится по мере возможности дополнять его другими источниками того же периода, а также несколько расширять хронологические рамки, заглядывая в более раннее время и используя как актовый материал, так и существующие исследования по данной теме.

Вторая половина XVII в., в течение которой продолжалось складывание всероссийского рынка, характеризуется в области транспорта значительным оживлением движения по главным водным артериям России — Северному или Сухоно-Двинскому и Волжскому («Низовому») путям. Содействуя укреплению межобластных связей внутри страны, эти пути в то же время

служили и внешней торговле России: первый—с Западной Европой, второй — с Востоком.

Главными владельцами торгово-промышленных предприятий, связанных с волжским транспортом, были дворцовое ведомство, монастыри и посадские люди разных рангов. Для функционирования этих предприятий требовалось огромное количество рабочей силы. Такие владельцы, как монастыри, могли привлекать в этих целях своих крепостных крестьян. Однако их оказывалось недостаточно. Поэтому и феодалам как светским, так и духовным, да и казенному ведомству приходилось обращаться к найму [9]. Но основная масса «промышленников», как они называются в документах XVII в., состояла из посадских людей и отчасти верхушки владельческих крестьян, которым не было дано право иметь крепостных. Если же в отдельных случаях некоторые из них и располагали крепостными, то это происходило в обход существовавшего законодательства. Как правило, эти предприятия обслуживались наемной рабочей силой.

К числу таких владельцев принадлежали и Калмыковы. В 60-х годах XVII в., когда мы впервые встречаем в документах имя Клима Прокофьевича Калмыкова, он вместе со своими двумя младшими братьями, Федором и Никитою, занимал скромное положение крестьянина патриаршего домового Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде; все три брата вместе с их «суседом» ютились в одном дворе в монастырской слободке, за посадом.

Выгодное положение Нижнего Новгорода, делавшее его центром для своза продуктов производства Поволжья и связующим звеном в торговле Русского государства со странами Востока, определило собою занятия Калмыковых и помогло этой предприимчивой семье подняться из глухой монастырской слободки к верхам столичного торгово-промышленного мира. Вначале — торговцы хлебом в нижегородских рядах, они мало-помалу расширяли свое предприятие и присоединяли к нему другие. В 1687 г., когда братья разделились, они уже вели крупную торговлю с Персией, занимались поставкой вина в кабаки в больших размерах, перевозкой дворцовой рыбы из Астрахани в Москву, торговали хлебом, рыбой и солью.

В дальнейшем, имея свои отдельные предприятия, братья Калмыковы продолжали и общие дела, в которых важную роль

[9] Роль наемной рабочей силы на этих предприятиях достаточно ясно определена в работе И. В. Степанова «Хозяйственная деятельность московского правительства в Поволжье в XVII в.». («Уч. зап. ЛГУ. Серия исторических наук», вып. 5, 1939).

играли подряды на казенные перевозки и поставку вина в армию. Вино частью скупалось у других промышленников, частью выкуривалось на собственных винокурнях из хлеба, приобретавшегося в разных уездах. Хозяйство Калмыковых было поставлено на широкую ногу и в то же время очень рационально. Барда, остававшаяся на винокурнях, использовалась на откорм скота; мясо шло на продажу; сало обрабатывалось на собственных салотопенных заводах; кожи — на кожевенном заводе.

Крупное состояние послужило основанием для включения Клима Калмыкова в 1696 г. в состав гостиной сотни. Новое положение Клима было связано с отбыванием различных казенных служб. Так, в порядке повинности он заведовал канатным и прядильным двором, устроенным в Москве для снабжения парусами и канатами строившегося тогда воронежского флота.

К концу жизни Клима Калмыкова (1701 г.) у него были крупные промыслы в Нижнем, Казани, Чебоксарах, Симбирске, Самаре, Саратове, Цивильске, Черном Яре и Астрахани. Он владел также большой недвижимостью: в Москве у него было три двора с ценным имуществом, 4 $^{3}/_{4}$ лавки и один шалаш; в Нижнем Новгороде — двор и три лавки. Калмыков был известен и как ростовщик. Дома и лавки чаще всего переходили в его руки в качестве заклада по невыплаченным долговым памятям. По документам можно проследить, как над должником постепенно затягивалась петля: сначала закладывалась четверть лавки, потом еще четверть, затем третья и, наконец, вся лавка переходила в руки Калмыкова. Какую крупную роль в создании его богатства играла ростовщическая деятельность, видно из того, что после его смерти осталось, кроме наличных денег на сумму 11 554 руб. и 11$^{1}/_{2}$ ефимка, почти на такую же сумму (11 065 руб.) заемных кабал, памятей и расписок, выданных ему разными лицами [10].

Для своих волжских промыслов Калмыковы сначала пользовались наемными судами, но с течением времени, по мере расширения торгово-промышленной деятельности и роста богатства, они обзавелись собственным флотом. Их суда нагружались в Нижнем хлебом, вином и другими товарами и спускались по Волге в Астрахань, откуда возвращались обратно с солью и дворцовой рыбой.

По Волге спускались «на Низ» суда, груженные продуктами сельского хозяйства и крестьянской промышленности: хлебом, дровами, холстами и вином, заготовлявшимся для казенных на-

[10] Приведенные сведения о предприятиях Калмыковых взяты из главы I подготавливаемой мной к печати монографии, посвященной хозяйственной деятельности Калмыковых.

© ЛГУ

добностей в Астрахани, а вверх шли суда, нагруженные рыбой, солью и персидскими товарами. По вскрытии Волги (в конце марта или в начале апреля) все течение реки от Нижнего до Астрахани (2240 км) представляло оживленную картину. О массовом движении судов свидетельствует показание ярославского посадского человека Дмитрия Пуговошника, нанявшегося в 1670 г. в Нижнем «в работу на судне». До Царицына их насад дошел с караваном, в котором были «насад великого государя да насады же патриарш да казанского митрополита и торговых людей, а сколько тех насадов было, того он не ведает, потому караван был большой, множество судов». (Разрядка наша.— *Н. Б.*) [11].

По подсчетам И. В. Степанова, «из Астрахани ежедневно отходило вверх по Волге по нескольку различного типа судов с количеством работных до 200 человек... На прохождение всего пути при самых благоприятных условиях им необходимо было минимум 80 дней, если не учитывать дней стоянки около больших городов и из-за непогоды. Обычно этот путь длился три месяца. Таким образом, на судах, отбывавших из Астрахани, в течение 90 дней и растягивавшихся вереницей на всем протяжении волжского пути от Астрахани до Нижнего Новгорода, по суммарному подсчету, сосредоточивалось до 20 000 работных наймитов. Да на судах, сплывавших вниз по Волге, по тому же расчету, считая время движения их от Нижнего-Новгорода до Астрахани в 25 дней, находилось примерно 5000 работных наймитов» [12]. Материалы, которыми я располагала, не содержат точных сведений о времени, требовавшемся для сплавного пути от Нижнего до Астрахани и для «верхового хода» в обратном направлении. Но и те немногие данные, которые в них имеются, в общем подтверждают факты, сообщаемые И. В. Степановым. Так, о насаде, груженном дровами и отпущенном из Нижнего 21 апреля, в отписке от 18 мая значилось, что он «в добром здравии есть в Астрахани давно». После разгрузки дров он был нагружен рыбой и 18 июня отпущен в обратный путь [13].

Отправным пунктом для большей части судов волжского транспорта был Нижний Новгород. Это обстоятельство наложило отпечаток на характер самого города. Уже в самом раннем

[11] «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сборник документов, т. I. М., 1954, стр. 247—248.

[12] И. В. Степанов. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в. «Уч. зап. ЛГУ. Серия исторических наук», вып. 14, 1949, стр. 140—141.

[13] ЦГАДА, Разрядный приказ, Приказного стола стб. № 531, лл. 169, 173, 175.

документе XVII в., позволяющем судить о составе населения Нижнего, в писцовой книге 1621—1622 гг., судовые ярыжные, т. е. рядовые работники на волжских судах, составляли группу в 37 человек [14]. Писцовая книга, правда, причисляет их к разряду беднейшего населения города. Но это связано с тем, что Нижний Новгород тогда еще не успел оправиться после разорения начала XVII в. Торговля его значительно упала. Писцовая книга могла насчитать во всем посаде только 30 дворов «лучших людей» и 72 «средних». Зато «молодчих» было 378 и «худых» 382 двора. В посадских дворах насчитывалось 976 глав семей.

Таким образом, количество ярыжных (37 человек) составляло 3,77% всего посадского населения; 12 из них не имели своих дворов, у остальных были «дворишки, избы и избенки». Следовательно, $^2/_3$ из них можно, во всяком случае, причислить к постоянному населению города, что указывает на определившуюся уже в это время профессию судового работного человека. В той же книге записано четыре кормщика, владевших дворами, один — избой и один, живший в дворниках, т. е. в чужом дворе.

Нижегородские платежницы 40-х и 60-х годов XVII в. содержат относительно количества ярыжных, примерно, те же цифры с небольшими колебаниями в ту или другую сторону, а именно — от 17 до 19 дворов, дворишек, изб и избенок. При этом имена владельцев повторяются, что указывает на устойчивость занятия этой группы населения. Пошлины, взимавшиеся в казну при составлении записей судовых ярыжных, представляли немалую статью казенного дохода по Нижнему Новгороду: в 1645 г. их было собрано на сумму 293 руб. 9 алт. 1 д., в следующем году — 284 руб. 45 алт. 2 д. и в 1647 г.— 218 руб. 19 алт. 5 д.[15] Эти цифры говорят о том, что наличие судовых работников в Нижнем Новгороде в это время было значительно больше того, которое указано в платежницах, а может быть и в писцовой книге 1621—1622 гг.

Писцы не имели возможности зарегистрировать всех людей этой профессии, находящихся в городе. Ведь, кроме постоянных жителей, там всегда имелся известный процент текучего населения, стягивавшегося в Нижний и из других городов и из ок-

[14] Эта книга, равно как и переписная книга Нижнего Новгорода 1678 г., к сожалению, не отмечающая ярыжных как особую группу населения, напечатана в РИБ, т. 17. СПб., 1898, стр. 1—464.

[15] Нижегородские платежницы 1645, 1646, 1648, 1666 и 1668 гг. изданы в «Сборнике Нижегородской ученой архивной комиссии», т. XV, вып. III—VII. Нижний-Новгород, 1913—1915.

рестных, а часто и из дальних уездов в надежде наняться на суда. По данным архива Калмыковых, можно заключить, что среди работных людей посадские преобладали над крестьянами. Это можно объяснить тем, что работа на судах носила в значительной степени сезонный характер, начинаясь весной и заканчиваясь осенью. Крестьяне же в это время были заняты полевыми работами и сравнительно небольшой процент их, преимущественно сыновья из больших семей, могли отлучаться из деревни. Кроме того, вотчинники, ведшие крупное хозяйство, рассчитанное на сбыт, как, например, Н. И. Одоевский и Б. И. Морозов, были заинтересованы в удержании судовых работников из своих крестьян для собственного транспорта. Пришлый элемент легко ускользал от регистрации писцов.

Более подробные и надежные, хотя и нуждающиеся в оговорке сведения о части нижегородского населения, связанного с волжским транспортом, находим в переписной книге Нижнего Новгорода 1664 г., составленной в связи с финансовым кризисом 60-х годов. Подсчет цифровых данных этой книги показывает, что из 1983 человек, составлявших население посада, 475 человек, т. е. 23,9%, в это время работали на судах у низовых промышленников. Из них кормщиков — 21, передовщиков — 6 и рядовых работных людей, о каждом из которых переписная книга говорит: «...кормитца он работою своею, ходит на Низ в работниках», было 441 человек [16]. Интересны дополнительные сведения, сообщаемые книгой о каждом из этих лиц.

Наиболее состоятельной группой оказываются кормщики: только трое из них обложены тяглом в размере «четверти мордки», в то время как это обычный размер тягла для рядовых работных людей; только один кормщик жил в чужом дворе и один — в «дворишке». Все остальные имели собственные дворы. Для некоторых их занятие стало, очевидно, прочным. Так, в одном случае им промышляют отец и два сына, в другом — два брата. Книга указывает также, что семеро имеют зимой дополнительные заработки, не связанные с основной специальностью: двое делают сапоги, а пятеро занимаются скупкой и торговлей (скупает «хлебные остатки», «торгует орехами и всякой мелочью в разнос», «на льду продает соль» и т. д.); наконец, два брата, прежде ходившие на Низ в кормщиках, в год составления переписи сменили это занятие на другие: откупили кабак, а один из них, кроме того, «сидит в рыбном ряду в своей лавке».

Передовщики хотя и живут все в своих дворах, но несут меньшее тягло. Их доходы скромнее. Только двое имеют сто-

[16] Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII в. «Уч. зап. РАНИОН», вып. IV, 1929, стр. 307.

ронние занятия: один «зимою скупает всякую мелочь», другой «покупает в Нижнем соль и ездит по деревням» (очевидно, торгуя ею).

Что касается рядовых судовых работников, то многие из них также имели приработки в зимнее время. По данным переписной книги, не имели приработка 269 человек, но несомненно, дополнительные занятия не везде указаны. Об этом можно судить по тому, что в ряде случаев лица, относительно которых отсутствуют указания на дополнительный заработок, обложены выше тех, кто его имеет; кроме того, иногда прозвища «шерстобит», «чулочник» и другие заставляют думать, что они отражают занятия их владельцев. Для лиц, совмещавших с судовой работой другие занятия, самым распространенным занятием была мелкая скупка хлеба, видимо, для перепродажи его более крупным торговцам (58 человек). Остальные следующим образом определили свои дополнительные занятия: откупают проруби (6), копают колодцы (2), торгует сеном (1), барышничают лошадьми (2), скупает свинину и продает на льду (1), держат въезжие дворы (2), один торгует рогожами и всякой мелочью, другой подсевает хлеб в ряду, третий работает на винокурне и др.

Эти дополнительные зимние заработки судовых работных людей показывают, что известная и довольно значительная часть их еще не порвала с обычными занятиями средних и мелких посадских людей. Но ремесло или торговля, очевидно, не могли полностью их обеспечить. Требовался дополнительный заработок, который они и находили в судовой работе и который потом вкладывали в свои зимние промыслы. Это предположение находит подтверждение в данных, приводимых переписной книгой относительно судовых работных людей, переменивших свое занятие — покинувших хождение «на Низ». В большинстве случаев это были люди, преуспевшие в своем материальном положении. Размеры их обложения, как правило, значительно выше обложения рядовых судовых работников и лишь немногие обложены четвертью мордки. Таких случаев встретилось всего пять из 14 (двое торгуют в горшечном ряду, один — в шапочном, один чинит старые бочки и набивает обручи и один служит в земской избе в ходоках). Остальные 9 человек имеют более доходные занятия: торгуют мясом, маслом, овощами, мылом, деревянной посудой (щепьем), один держит мельницу, один делает шапки и торгует ими в ряду, будучи обложен одной деньгой (высшее обложение среди людей этой категории) [17].

[17] ЦГАДА, Городовые книги по Нижнему Новгороду, кн. № 25.

Чем обусловливалась перемена занятий судовых работных людей? В тех случаях, когда она влекла за собой улучшение материального положения, вопрос совершенно ясен. Но, как мы видели, бывали случаи, когда эта перемена не приносила больших доходов, например, торговля на льду, починка бочек и т. п. Что эти занятия сама администрация не считала более выгодными, чем судовый промысел, видно из того, что они облагались податями в равном размере с последним. Очевидно, в данном случае надо искать другую причину. С одной стороны, такому судовому работнику могло просто «не посчастливиться» почему-либо. Кроме того, возможно, что тяжелая «тяглая» физическая работа судовых наймитов могла выполняться только до известного возраста. Состарившись или получив увечье на судовой работе, наймит был вынужден искать посильные занятия.

Итак, приведенные данные дают основание заключить, что в 60-х годах XVII в. в Нижнем Новгороде, являвшемся крупным рынком наемной рабочей силы в Поволжье, специальность судового работного человека еще не всегда являлась самостоятельным занятием и соединилась с различными подсобными промыслами. Другое наблюдение, которое мы можем сделать, сводится к тому, что среди судовых работных людей можно констатировать значительное имущественное расслоение. Часть их имеет собственные дворы, лавки, ведет торговлю и в отдельных случаях имеет возможность сменить трудную работу судового наймита на более спокойное и прибыльное занятие. Другие со временем все более беднеют. Через шесть лет эти судовые ярыжные вступят в отряды Степана Разина, в то время, как более зажиточная часть останется верна правительству [18].

* * *

Волжские суда носили различные названия: насад, струг, коломенка, паузок, лодья; они различались преимущественно размерами, но в основном это были плоскодонные гребные суда

[18] Указания на такое разделение среди работных людей имеются в документах, помещенных в сборнике «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I. М., 1954. Например, в уже цитированных расспросных речах ярославского посадского человека, нанявшегося вместе с другими на насад от Нижнего до Астрахани. Остановленные под Царицыном отрядами Разина, судовые работники, «не хотя с ними для воровства итить, ушли на Дон человек с 40 схожих людей розных городов... а з Дону вышли на городок на Коротояк, а с Коротояку шли на Воронеж. И вышли к Москве... пошли по домам». «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 248. Подобный же случай см. на стр. 180.

с одной мачтой, на которой укреплялся большой парус. На одних палуба была открытая, на других — с навесом над нею. Струги имели в длину 18—25 сажен [19], насады были крупнее. Описание и изображение струга, идущего вверх по Волге, мы находим у Олеария: «Здесь (в 20 верстах ниже Нижнего) мы встретили большой струг или лодку, шедшую из Астрахани с 200-ми рабочих на ней. Русские, не имея ветра в точности позади себя, не плывут на парусах, но в лодке заносят вперед на $^1/_4$ мили один якорь за другим, и затем 100 и более человек, становясь один за другим, помощию каната из лыка тащат судно против течения. При этом они, однако, не в состоянии пройти в день больше двух миль». У де-Бруина есть описание струга, спускающегося по Волге: «У русских в употреблении небольшие плоскодонные судна, называемые у них стругами, которые могут поднимать до 300 тюков шелку, составляющих 5 ластов, и имеют довольно значительную полость или вместимость, одну мачту и один громадный парус, с которым плавают только тогда, когда ветер дует в корму; когда же ветер противный, то плывут на 16 веслах. Руль у них состоит из длинного шеста, значительно расширенного на одном конце, который находится в воде; другой конец этого шеста проходит поверх судна и опирается на особо приспособленную для того деревянную стойку или подставку. Кормчий судна управляет этим рулем помощию веревки, привязанной промеж двух крыльев, которые крепко держат руль и которые можно поставить и отнять по желанию». У Олеария помещено изображение весельного струга с навесом [20].

Обычный состав экипажа волжского судна был такой: кормщик (на больших судах их было по нескольку, на малых один кормщик был на два судна), водолив (он же плотник и караульщик), а иногда еще (на насадах) передовщик (лоцман) [21] и затем рядовые работные люди, часто называемые ярыжными или наймитами, в количестве от 12 до 200 в зависимости от величины судна.

Обязанности передовщика заключались, по словам автора «Описания путешествия Кунраада фан-Кленка», в следующем: «Один носовщик, иначе лоцман, который всегда держит в руке палку, на которой обозначены пядени, с нею он всегда стоит на

[19] ЦГАДА, Приказные дела новой разборки, 1699 г., д. 655, л. 20.

[20] А. Олеарий. Описание путешествия голштинского посольства через Россию в Персию. Изд. Суворина, СПб., 1906, стр. 362, 363, 368; «Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Московском университете» (далее — «Чтения ОИДР»), 1872, кн. 3, раздел IV, стр. 150.

[21] На Сухоно-Двинском водном пути он носил название «носника».

носу лодки, измеряет глубину и результаты своих измерений выкрикивает рулевому. Эти носовщики знают русло, подводные камни и мели, сев на которые можно потерпеть большой ущерб» [22]. В местах, особенно опасных для крупных судов из-за мелководья, вперед высылался передовщик для обследования русла реки. Так, в одной из отписок приказчик, сообщая Калмыкову о прибытии насада с солью из Астрахани в Кузьмодемьянск, выражал надежду на благополучное окончание пути, если «только Дорогобужская мель не захватит. И сего же числа на тое мель пошлю передовщика промерять» [23].

Одна из поручных записей, сохранившихся в архиве Калмыковых, подробно описывает обязанности кормщика, нанявшегося на полный год 5 августа 1696 г.,— нижегородского посадского человека Евтифея Иванова Ясырева. Он должен был наблюдать в Нижнем за нагрузкой рабочими данного ему судна «полным грузом» и изготовить на нем все «к низовому поплаву». Во время хода судна он обязан стоять на корме, править кормовым веслом, хорошо зная «сплавную ходовую воду», избегая мелей. В случае если судно все-таки сядет на мель, он должен распоряжаться его снятием. Если снять не удастся, он должен наблюдать за перегрузкой товаров на другое судно, а в Астрахани за их переноской в амбары и за уборкой струговых снастей. В зимнее время он остается в Астрахани на зимовом дворе (так называлась контора и склад предприятия) в распоряжении приказчика, а весною, нагрузя струг солью или рыбой (по указанию приказчика), должен идти вверх «наспех с великим радением и поспешением, чтоб к Макарьевской ярмонке поспеть, и на парусной погоде парусом бежать денно и ношно». Он обязуется вести себя добропорядочно, дорогой «не пить и не бражничать, зерпью и карты не играть, вином и табаком не торговать, по городом и меж городов стругом самовольно не стоять, на приказчика его, хозяйсково, государю не бити челом» [24]. От кормщика, бывшего на струге одновременно и рулевым, и лоцманом, требовалась большая зоркость и опытность. Не всегда при наличии одного кормщика струг благополучно достигал назначения. В 1696 г. главный приказчик Калмыковых Петр Окулов писал о двух катастрофах, случившихся с его судами. Один струг «повыше Синбирского стал на мель, и судно переломило, и хлеб без остатку пропал...». А Григорий Шабан, который вел из Казани два каюка, «не отплыл и дву верст да попал в замет, насилу на великую [воду] те каюки и сняли. Бедство от кормщиков и от прикащиков!» — заключает Окулов свое сообщение. Но случались «греховою статьею» и более тяжелые катастрофы, которые не в состоянии были предотвратить кормщики. Так, сообщал тот же приказчик, «в почи встала полоса великая, и которой насад повыше Царицына, с якорем сбило и волнами затопило и вверх дном оборотило. Да на том же де насаде в ту же гибель утонуло 15 человек работных людей. А ниже Царицына тою же де полосою гребной струг на песок бросило и волною затопило» [25].

[22] «Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу». СПб., 1900, стр. 306.
[23] ЦГАДА, Разрядный приказ, Приказного стола стб. № 531, л. 245.
[24] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1695 г., д. 484.

На больших судах — насадах, кроме главного («большого») кормщика, бывали еще «завозенные», называвшиеся иногда просто «завощиками». В архиве Калмыковых сохранилась поручная запись по двум таким «завозенным» кормщикам. Они являлись помощниками «большого» кормщика и в случае надобности заменяли его [26].

К квалифицированным работникам относится также водолив. Он должен был весною «высмотреть» и выконопатить в судне все «ветренницы» (щели) и течи, вычинить «завозни» (лодки, на которых завозились якоря вверх по течению при «верховом» ходе судна) и «подчалок» (буксирное судно). Когда работные люди станут грузить струг, он обязан ходить по нему с «наметкой» (длинный деревянный шест) и следить за тем, чтобы погрузка шла равномерно и товар не был подмочен. Во время хода струга он должен «денно и нощно» вычерпывать воду, накапливающуюся во «льяле» (средняя, наиболее углубленная часть дна), «плицею» (деревянный черпак); в то же время караулить, чтобы «воровские люди», подъехав тайно, не увели завозень и лодки и ничего не украли; не подпускать ночью никого близко к стругу, окликая издали. Если водолив не может сам справиться с накопившеюся водой, он должен просить у приказчика и передовщика (если последний имеется на судне) о прибавке ему работных людей во льяло. В случае порчи судна дорогою, на обязанности водолива лежала его починка. Во время стоянки судна в Астрахани в ожидании обратного пути водолив выполнял всякую плотничную работу «по ево, хозяйскому веленью и ево прикащиков безо всякого ослушания». Как видим, обязанности водолива были очень разнообразны, но они не исчерпывались перечисленными. В случае если «какова плотничнова дела не будет, и мне в лямке тянуть и всякая работа работать»,— читаем в одной из порядных,— т. е. он должен

[25] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1699 г., д. 655, л. 32.
[26] Там же, 1696 г., д. 179.

был тянуть судно вверх по течению вместе с рядовыми наймитами [27].

Квалифицированные работные люди нанимались на сезонную, «вселетнюю» работу, а кормщик, как мы видели, даже на год. Рядовые же наймиты брались или также на сезон или на один рейс. Если судно шло вниз по Волге, они назывались «сплавными», если поднималось от Астрахани вверх — «верховыми». Нанявшись, они должны были в срок явиться к судну, вычистить его, настлать лубьем, оснастить, сшить парус, спустить «завозенные» канаты, вчалить якорь, нагрузить судно товаром и идти с ним по назначению. Если «вверх», то «шестами, и бечевою, и с поддачею, и в веслах грести, и по накату или где, как погодитца, всяким волским промыслом», исполняя работу по очереди. Если дорогою случится крушение — «волною потопит или на кость проломит, или воровские люди струг прорубят» — и товар подмокнет, они должны вытащить из воды рыбу, снести ее на берег, натереть солью и сложить «в стопу», пока не будет починен пострадавший струг или «приведен новый», а затем сложить груз обратно. Дорогою приказчик может менять груз на судне, и работные люди должны производить по его приказанию выгрузку и погрузку. Если струг будет захвачен на пути заморозком, наймиты должны оставаться на судне еще две недели (в некоторых записях — 12 дней). По истечении этого времени, если не наступит оттепель, они обязаны поставить на берегу амбары и зимовье и выгрузить товар. Если хозяин велит выгрузить соль прямо на берег — «в бугор», они должны покрыть последний лубьем и окопать «бороздою», чтобы его не подмыло водой, а струг причалить и убрать на нем снасти. Если струг придет к Макарьевской ярмарке, наймиты должны оставаться на нем две недели и, если за это время товар не будет распродан, идти со стругом в Нижний, поставить судно у места, убрать снасти, а товар снести в амбары [28].

Особый вид рядовых работных людей составляли «выгружальщики» — сдельные, нанимавшиеся в экстренных случаях для выгрузки на месте из судна товаров, когда эта работа, вследствие спешки, не могла быть выполнена силами наличного состава работных на судне. Главный приказчик Калмыковых Петр Окулов писал 21 сентября 1698 г. старшему из хозяев Климу Калмыкову из Нижнего: «А к выгруске лодейной (в Казань прибыла лодья с солью.— *Н. Б.*) побреду сам, знатно искать

[27] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1696 г., д. 291; 1700 г., д. 227.
[28] Там же, 1700 г., д. 226.

будем там выгружальщиков» [29]. Лодью надо было спешно выгрузить, а везти на ней людей только для этой сдельной работы промышленникам не имело смысла; поэтому и решили нанять их на месте.

В Нижнем происходил наем «вселетних» и «сплавных» работных людей; в Астрахани нанимали работных для «верхового хода». К сожалению, по Астрахани мы не располагаем такими материалами, как по Нижнему Новгороду, для суждения о составе нанимавшихся там на суда работных людей. Отдельные упоминания в документах архива Калмыковых указывают на наличие среди наймитов астраханских посадских людей. Надо думать, что там нанимались и нижегородские работные люди, по окончании сплава рассчитавшиеся с промышленниками и также искавшие работы. В Астрахани вообще было много разнообразного пришлого населения, в том числе и «гулящих людей», не имевших определенных занятий и нанимавшихся на суда в качестве чернорабочих.

Материалы архива Калмыковых не упоминают ни о ярыжных, ни о гулящих людях, поэтому сказать что-либо определенное о наличии этой категории на их промыслах затруднительно. Есть основания предполагать, что Калмыковы предпочитали иметь дело с посадскими людьми и крестьянами поволжских уездов (в тех случаях, когда не удавалось найти нужного количества работных в самом Нижнем Новгороде). Чем это объяснить? Очевидно, боязнью «непадежных» элементов, готовых бросить судно, убежать или, может быть, даже оказать сопротивление приказчику. Подобные случаи зарегистрированы в нижегородской переписной книге 1664 г. Так, например, посадский человек Федор Шаров показал, что «преж сего у него был низовой промысел, ходил у него струг с запасом в Астрахань, а из Астрахани с солью и с рыбой. И в прошлом де во 171-м году, как медные деньги переменены, и тот де струг работные люди покинули на Царицыне». Оставленный без работных людей, струг не мог плыть дальше, и владелец предприятия принужден был продать груз на месте «дешевою ценой. И ему де в том учинились убытки». Другие промышленники в подобных случаях решались идти на уступку. Яков Кривопалов водил в Астрахань насад «для рыбного и соляного промыслу». Известия о «перемене медных денег» застало судно на возвратном пути в Нижний Новгород с полным грузом. Наймиты отказались работать на прежних условиях и «покинули судно». Чтобы довести насад до места назначения, промышленнику

[29] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1698 г., д. 367 л. 2.

пришлось заключать с ними новый договор: «...он де работных людей наймовал сверх медных денег вновь на серебряные деньги дорогою ценою» [30]. Вероятно, в осторожности, проявившейся Калмыковыми при наборе работных людей, сказывалось воспоминание о Крестьянской войне, когда в отряды Разина уходили ярыжные и вместе с казаками нападали на Волге на суда промышленников.

В XVII в. наряду с разбогатевшими предпринимателями (типа Калмыковых), нуждающимися в рабочей силе для обслуживания своих предприятий, в среде крестьян и посадских существовали значительные группы населения, вынужденные прибегать к продаже своего труда и наниматься на работу к этим богатеям.

Обратимся теперь к переписке приказчиков Калмыковых с их хозяевами. Она даст нам возможность уяснить конкретную обстановку, в которой происходил наем работных людей и складывались их взаимоотношения с предпринимателями.

Навигация на Волге начиналась в апреле. К этому времени приказчики старались закончить наем работных людей. Промедление грозило остановкой промысла. Участники подряда по перевозке дворцовой рыбы из Астрахани в Москву сообщали из Нижнего своим компаньонам в Москву 31 марта 1682 г.: «Ведомо, вам, государем, буди про насадный промысел. На один насад работных людей наняли всех, а на другой насад наймуем же. И на тот насад передовщика и кормщика, и нарядчиков, и завощиков наняли, а тяглых работников (рядовых наймитов, тянувших на канатах судно вверх по течению.— *Н. Б.*) на тот насад наймовать будет в Астрахани, потому что в Нижнем малолюдство, нанять неково. А которые работные люди в найме, а они канаты спущают и насады с дровами в Астрахань теми людьми сгонят и со всем исправятца». Однако, успокаивал автор письма своих корреспондентов, «которые работные люди наняты, и теми работными в Астрахань оба насада сгонить мочно» [31]. Владельцы промыслов зорко следят друг за другом, как бы не опоздать, не отстать от остальных. В письме от 4 апреля сообщается с тревогой: «А насады святейшего патриарха и живоначальные Троицы отпустятца из Нижнего в Астрахань апреля в шестой день» [32]. При недостатке наймитов в Нижнем приходилось обращаться в другие места. При этом не обходилось без столкно-

[30] ЦГАДА. Городовые книги по Нижнему Новгороду, кн. № 25, лл. 50 и 266. См. также запись на л. 253.

[31] ЦГАДА. Разрядный приказ, Приказного стола стб. № 531, лл. 161, 164.

[32] Там же, л. 168.

вений с администрацией, не упускавшей случая извлечь доход при совершении сделок с наймитами. «Посылали мы подьячего площадного [33] в село Лысково нанимать работных людей. И в Лыскове воевода Семен Яковлевич Языков площадного подьячего, который посылан был за наймом, и посадил ево в тюрьму и морил ево на умор гладом ради своей бездельной корысти. А которые, государь, были наняты работные люди в Лыскове и писали тутошние подьячие, и он у них записи отнял и все изодрал. И работные люди, сведав, разбрелись» [34].

И в более поздние годы в письмах слышится все та же жалоба на недостаток работных людей. «Сплавных работников еще не нанято, людей нет». «Послал я, государь, нарошна на Избылец (село Нижегородского у.) к Ондрею Лукоянову (приказчик) об найме кормщиков, и водоливов, и работников, да еще от него ведомости в Нижней не бывало». Боясь остаться без работных людей, промышленники опасались в то же время нанимать их заранее, особенно вселетних. «А нижегородцкой твой, государь, промысел остановился за божиею милостью, еще по се число (21 апреля 1699 г.) реки льдом крепки и работников сплавных наймовать опасно зарань» [35]. В феврале следующего года, сообщая о найме вселетних работников, приказчик П. Окулов писал Калмыкову: «Опасно, государь, и сплавных работников нанимать» (так как они могут сбежать с задатком до отплытия судна) [36]. Но, боясь лишиться работников, наняв их слишком рано, приказчик рисковал остаться совсем без них, упустив время для найма. 18 марта 1698 г. Окулов писал: «А в Казани, государ, до моего приезду Кузьма Феклистов (приказчик.— *Н. Б.*) работников никого не панял и запасу про свой обиход, знатно, кушит ли; путь стал гораздо худ. А и работники сплавные, государь, в Казани будут ли, и о том говорил я Кузьме, тотчас велел в Нижней прислать ведомость. А при мне, государь, после масленицы в Казани людей не было» [37]. Считая самым ответственным наем вселетних, так как им платилось больше, приказчики не решались делать этого без разрешения хозяина. П. Окулов спрашивал Калмыкова: «Прикажи, государь, писать: к нынешнему 208-му году надобны ли вселетние люди-работники и что артелей надобно» [38].

[33] Обилие совершаемых сделок вызвало в Нижнем Новгороде развитие этой профессии: по переписной книге 1664 г. площадным письмом кормилось 35 человек.

[34] ЦГАДА, Разрядный приказ, Приказного стола стб. № 531, л. 190.

[35] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1698 г., д. 367, л. 57.

[36] ЦГАДА, Приказные дела новой разборки, д. 655, л. 41.

[37] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1698 г., д. 367, л. 4 об.

[38] ЦГАДА, Приказные дела новой разборки, д. 655, л. 17.

Наем работного человека закреплялся поручною записью, которая должна была составляться в земской избе. Эта формальность, видимо, очень затягивала сделку а, может быть, приказчику было удобнее совершать ее, так сказать, по-домашнему, без административного «ока». Поэтому он осаждал своего хозяина просьбами добиться разрешения составлять записи у себя на «зимовом дворе», ссылаясь на большие расходы, которые несет наймит при составлении записи в земской избе [39]. За совершение записи платили, очевидно, наймиты. Если же плата вносилась нанимателями, то это оговаривалось, например: «Нанят на корму (т. е. в кормщики.— *Н. Б.*) Игнатей Васильев Долгой, ряда ему полтора рубли с гривною и запись наша» [40].

Эта просьба об упрощении процедуры регистрации записи объясняется, конечно, не заботой о наймитах, а интересами самих нанимателей, как и другие их обращения такого же характера к властям. Промышленники неоднократно добивались указа, «чтобы на промышленников, и на кормщиков, и на нарядчиков, и на всяких чинов людей, которые будут у того дворцового рыбного промыслу в найме, по городом воеводам, а по селам приказным людем суда в исцовых искех давать не велели». Когда в 1699 г. производился набор в солдаты, промышленники, боясь остаться без работных людей, хлопотали об отмене этого указа в отношении последних: «Да ведомо тебе, государю, буди: по государеву указу прислан в Нижней стольник Михайло Петрович Измайлов брать ратных людей в солдаты. И которые у промыслу у государева хлебного свозу наймутца и задатки возьмут, и чтоб таких людей от промыслу не имать. И указ бы, пожалуй, государь, взявши, прикажи, государь, сослать чтоб какой бы остановки не было» [41].

Поручные записи на квалифицированных работников писались порознь на каждого или на нескольких сразу, если они нанимались одновременно на одинаковые должности на одном и том же судне. Рядовые работные писались в записи целыми артелями. Каждая запись начиналась перечислением нанимавшихся и их поручителей. Поручителями, в числе двух-трех, частью являлись работные люди того же судна, частью посторонние люди: посадские, стрельцы, пушкари, патриаршие служебники и другие лица — жители того города, где происходил наем. В числе поручителей в одной астраханской записи имеется женщина-вдова; очевидно, она являлась самостоятельной владелицей своего двора и, следовательно, была платежеспособна, что́ и требовалось от поручителя. Поручителями бывали и родственники нанимавшегося, особенно, если они сами имели отношение к нанимателю. Так, например, за одного кормщика поручился его брат, служивший приказчиком у Калмыковых.

[39] ЦГАДА, Приказные дела новой разборки, д. 655, л. 45.
[40] ЦГАДА, Городовые книги по Саратову, кн. № 1, л. 2.
[41] ЦГАДА, Приказные дела новой разборки, д. 655, л. 23.

Вслед за поручителями в записи указывается время, с которого должен начать свою работу наймит, обычно «как приспеет вешнее время» (для сплавных); город, в котором он должен стать на работу; затем излагаются подробно обязанности работника, определяется его «ряда» (заработная плата). Изредка в записях указывается происхождение нанимающегося. По большей части это указание сводится лишь к названию местности, откуда он родом, причем эти названия обычно совпадают с тем городом, где происходит наем. В Нижнем нанимаются нижегородцы, в Астрахани — астраханцы и т. п. Изредка встречаются указания на сословную принадлежность: посадский человек, крестьянин. Более точны указания относительно квалифицированных работников: они в большинстве случаев — нижегородцы посадские люди; в одном случае — нижегородский ямской охотник. Это вполне согласуется с приведенными выше данными нижегородской переписной книги 1664 г. Так как наем чаще всего производился в Нижнем Новгороде, откуда отправлялась большая часть судов, то среди работных должны были преобладать нижегородцы. Если в Нижнем уже не оказывалось подходящих людей для найма, тогда приказчики посылали за ними в другие города и села.

Посмотрим теперь, как оплачивался труд волжских судовых работников, воспользовавшись для этого материалами поручных записей и записных книг приказчиков. Начнем с квалифицированных. Кормщик, нанимаясь на полный год, получал 20—21 руб. на хозяйских харчах и с правом вывезти из Астрахани «про свой обиход вялых сазанов 10 пуд. или как преж сего бывало». Кормщик за один рейс получал от 6 до 8 руб. Водолив и плотник («вселетний») получал 6—8 руб., за рейс — от 1,5 до 5 руб. на хозяйских харчах. При составлении записи половина рядной суммы выдавалась наймиту вперед в виде аванса. Это условие имеется, как правило, и в записях рядовых работных людей.

Сложнее обстоит дело с вопросом о заработной плате рядовых наймитов, так как материал для ответа на этот вопрос чрезвычайно пестрый и неполный. Мы располагаем данными восьми поручных записей и пяти записных книг приказчиков. Два из этих документов относятся к найму вселетних работных

людей: в 1696 г. артель в 17 человек нанялась на гребной струг, шедший от Макарья или Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно. «Ряда» — 5 руб. с полтиной на своих харчах (последнее условие касается всех случаев найма рядовых работных людей). В том же году на другой струг, шедший из Нижнего Новгорода и обратно, нанялась артель из работных людей с платой по 5 р. 75 к. человеку [42].

Чаще, чем вселетних работных людей, промышленники нанимали рейсовых: отдельно для «сплавного хода» и отдельно для «верхового». На сплавном пути при движении судна вниз по течению требовалось меньшее число работных людей, чем при верховом ходе (против течения), когда судно двигалось при помощи «лямки», в которую впрягались работные люди и, идя по берегу, тянули за собой струг. Если же берег был топкий, лесистый или гористый, что не давало возможности применять этот способ, то вперед судна завозился якорь («завозень»), которым судно по вороту постепенно подтягивалось вверх по реке. «Верховой ход», целиком основанный на применении человеческой силы, был несравненно тяжелее, чем «сплавный», и требовал большего времени. Поэтому он и оплачивался значительно дороже. Промышленники, расплатившись в Астрахани со сплавными наймитами, при отправлении в обратный путь производили вновь наем «верховых» работных людей. Их требовалось гораздо больше, чем «сплавных», ввиду трудности рейса. Между промышленниками возникала конкуренция при найме. Этим объясняется то обстоятельство, что наемная плата порою поднималась выше, чем весною при найме в Нижнем Новгороде вселетних. Так, например, в 1695 г. на калмыковский гребной струг, шедший из Астрахани в Нижний Новгород, было набрано 66 работных людей, причем нанималась не одна артель с одинаковой платой для каждого работника, а отдельные группы от 2 до 21 человека и даже отдельные работники. Плата колебалась от 3 р. до 5 р. 90 к. Наиболее распространенной была плата в размере 5 р. 30 к. (21 человек) [43]. Причины различия в величине платы работным людям на одном и том же судне при одинаковой работе установить трудно. С одной стороны, здесь могли сказываться колебания цен на рынке труда в зависимости от спроса и предложения (даже в течение одного дня), с другой — индивидуальные качества работника и различные дополнительные обязательства вроде выгрузки и нагрузки хозяйских товаров на конечном пункте рейса.

[42] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1696 г., д. 221—222.

[43] Там же, 1695 г., д. 468. В двух документах, относящихся к 1700 г. (Приказные дела старых лет, 1700 г., д. 226 и Приказные дела новой разборки, д. 1354) содержатся приблизительно те же цифры — от 4 р. 70 к. до 4 р. и от 5 р. 70 к. до 4 р. 5 к.

Иногда работных людей нанимали лишь на часть пути (от Астрахани до Саратова или до Симбирска). В этих случаях соответственно понижалась и плата: в 1694 г. им платили по 2 р. 25 к., в 1696 г.— 4 р. 25 к., а в 1699 г. плата вновь понизилась до 3 р. 20 к.[44] Сплавным работным людям платили значительно меньше: от 1 р. 10 к. до 1 р. 60 к. за рейс от Нижнего до Астрахани [45].

Работные люди, нанимавшиеся на своих харчах, имели право пользоваться хозяйской рыбой, которой было нагружено судно: «...а на котел нам, наймитом, положити рыбы про себя, что погодится на ежу». В некоторых случаях работным полагалась бесплатно соль (если судно было нагружено солью). В одной записи была сделана оговорка, что за соль вычитается по гривне с человека [46].

Квалифицированные работные могли получать остальную долю платы частями, каждый раз по их просьбе, но с тем, чтобы вся сумма была выплачена лишь по окончании плавания. Рядовые рабочие вторую половину получали или по окончании (при «разделке») или в пути в определенных местах (в Симбирске, Самаре, Саратове, Царицыне). Всем выдавалась одна и та же сумма из «ряды». Например, на стругу, плывшем из Нижнего в Астрахань в 1695 г., был работник Яков Федоров Елфимов, «ряда ему 1 руб. 10 алт., задатку дано 21 алт. 4 д.», т. е. половина. По пути частями он получал в Саратове, Царицыне и, наконец, в Астрахани 11 алт. 1 д.[47]

Если со стругом случалось крушение, когда наймиты еще не успевали отработать своих задаточных денег, хозяин мог перевести их на другое судно. Впрочем, в некоторых записях оговаривалось не иметь претензий в таких случаях друг к другу: «А буде волею божиею тот их хозяйской насад на верховом ходу или на парусном поносе волною потопит или на кость проломит или воровские люди насад прорубят и соль потопят без остатку, и им, наймитам, на них, хозяев, достальных своих работных денег, а им, хозяевам на них, наймитех, задаточных денег друг на друге не спрашивать» [48]. Если работник во время

[44] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1694 г., д. 140, 144, 180; 1696 г., д. 436.

[45] ЦГАДА, Приказные дела новой разборки, д. 1673, Городовые книги по Саратову, кн. № 1, по Соли Камской, кн. № 2.

[46] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1695 г., д. 468.

[47] ЦГАДА, Городовые книги по Саратову, кн. № 1, л. 7.

[48] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1696 г., д. 436.

пути пожелает свое место «сдать», приказчик должен дать ему «разделку» «поразвытно», т. е. заплатить ему по расчету. На место ушедшего приказчик должен взять другого, «кто ему годен». «А худова работника самовольством своим ему, наймиту, не пущать». Вообще без хозяйского ведома работник не имел права «здавать мест и менятца». В случае болезни работника в пути хозяин и приказчик несли известные обязательства по отношению к нему: «А буде кой наймит волею божиею заскорбит, и ево, больново, на пустоплесье не покинуть, довести до города или до людей, а с ним счесться вправду» [49].

Наконец, все работники давали обязательство в течение пути вести себя добропорядочно, слушаться хозяина и приказчика, не жаловаться на них, между собою не ссориться, «не таиться», не пить, не бражничать, «зернью и карты не играть, вином и табаком не торговать и самим табаку не пить, чтобы не причинить стругу порухи, не дойдя до места со струга не сойти, самовольно его нигде не останавливать, не воровать и хозяйской рыбы тайком не продавать». В случае нарушения этих правил хозяин и приказчик могли их «смирять», за самовольную остановку струга взыскивать по две деньги с человека. За бегство должны были отвечать поручители. Этим исчерпывается содержание записей.

Посмотрим теперь, как на практике осуществлялись эти условия.

Как уже указывалось выше, рядовые работники нанимались артелями. Во главе каждой стоял десятник. При найме последним выдавались некоторые суммы на всю артель. Например, «десятник Иван Петров Скорняк, ряда ему 1 руб. 10 алт., задатку дано 21 алт. 4 д. Им же дано сверх задатка на всю артель 1 руб. 25 алт. 4 д.». Каждый наймит представлял поручителей, но в имевшихся в нашем распоряжении материалах встретился лишь один случай с круговой порукой. Обычно поручители состояли из одного или двух работников того же судна, работников того же промышленника с других судов и посторонних людей [50].

Бывали случаи, когда на судне, независимо от количества работных людей, был один десятник, и все наймиты получали одинаковую плату. Здесь можно говорить о том, что все они входили в одну артель. Но поручные записи дают основание полагать, что не всегда все наймиты одного и того же судна составляли одну артель. В ряде случаев встречается на судне

[49] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1700 г., д. 226.
[50] ЦГАДА, Городовые книги по Саратову, кн. № 1, л. 9 об.

несколько десятников, объединявших разные по численности группы наймитов, каждая из которых имела свою отдельную, различную по размерам от других групп, ряду.

Артель не была в пути неделимым целым. Приказчик мог перемещать отдельных наймитов на другие должности и даже переводить их с одного судна на другое. Например, в записной книге приказчика, ведшего струг из Саратова в Астрахань в 1695 г., под рубрикой одного из работных, Леонтья Пришвина, значится: «Сей работник переведен во льяло» (т. е. назначен водоливом) вместо беглого Ивана Скорняка. Этот Иван Скорняк ранее был десятником на одном из стругов и потом был переведен водоливом на другой струг [51].

При получении наймитом задатка в размере половины всего заработка в этот аванс включались и расходы на «харч». Иногда при найме указывались и размеры последних. Так, на струге, шедшем из Саратова в Астрахань в 1695 г., ряда наймитам была 1 руб. 30 коп., из этой суммы на харч выдавалось 10 коп. Водолив того же струга при ряде в 1 руб. 50 коп. получал, кроме того, на харч 40 коп. Эти деньги обычно получал десятник, и они расходовались на артельное питание. На судах имелись специальные «артельные» медные котлы для варки пищи, а среди струговых работников упоминается «хлебник», очевидно, это был повар или кашевар. Каким путем приобретались нужные во время пути продукты, документы не сообщают. Есть основание думать, что при отправлении судна в плавание, а также и во время пути при остановках делались приказчиком продовольственные закупки для питания работных людей, за которое удерживались назначавшиеся им «харчевые» деньги. Это, очевидно, давало некоторый доход промышленнику, особенно, если принять во внимание запрещение наймитам сходить с судна во время остановок, что лишало их возможности самостоятельно приобретать продовольствие. На это предположение наводит и то обстоятельство, что есть указание на приобретение ржи, муки, круп и другого продовольствия на струги в размерах, слишком больших для того, чтобы ими питались одни квалифицированные работники, нанимавшиеся на хозяйских харчах. Есть одно непосредственное указание на то, чем кормили работных. В 1695 г. из Саратова в Астрахань были отправлены три больших струга и один стружок с 57 работными. Приказчику было отпущено на них 69 п. 27 ф. меду, 5 пудов масла коровьего, 15 мешков пшена по 3 четверика, 11 мешков круп гречневых, «а в мешке по 4 четверика», да 4 мешка солоду

[51] ЦГАДА, Городовые книги по Саратову, кн. № 1, л. 3.

ржаного, мешок муки ржаной, 3 мешка гороху. Надо думать, что мясо и рыба должны были покупаться дорогой [52].

Для того чтобы установить реальную величину заработной платы рядового наймита и судить о том, какая часть ее уходила на питание, приходится обращаться к косвенным данным. До некоторой степени в этом отношении может помочь одна записка, сохранившаяся в архиве Калмыковых, которая называется «роспись, как поехали Иван Лукоянов, Иван Феклистов (приказчики.— *И. Б.*) из Нижнего к заморозному [стругу] в Чебоксары». С 24 декабря по 9 января «изошло на хлеб и на харч и на уксус 22 алт. 4 д., а на хлебе и на харчу были: Иван Лукоянов, Иван Феклистов, Федор Кондратьев, Петрушка Романов» [53]. В среднем получается по копейке с небольшим в день на человека. Едва ли приказчики, находясь на хозяйских харчах, стали бы себя стеснять в количестве и выборе пищи. Отсюда можно думать, что продовольствие рядового работного человека обходилось еще дешевле. Олеарий и де-Брун отмечают особенную дешевизну на жизненные припасы в Нижнем Новгороде и Казани. Если взять среднюю заработную плату вселетнего работного человека (5 р. 50 к.) и считать, что на путь от Нижнего до Астрахани, пребывание там и возвращение обратно «до большого заморозу» уходило примерно шесть-семь месяцев, т. е. дней 200, то выйдет, пользуясь расчетами приведенной выше записки, что наймит должен был расходовать на питание рубля два. К этому надо прибавить еще траты на приобретение одежды. Если исключить эти расходы, то, думается, работный человек мог из своей ряды часть денег привезти осенью домой и на них заняться мелкой торговлей или каким-либо промыслом в зимнее время, на что мы встречаем указания в рассмотренной выше нижегородской переписной книге 1664 г.

Таким образом, нет основания полагать, что оплата труда наймитов на волжских судовых промыслах в последней четверти XVII в. была слишком низкой. Тем не менее с предприятий Калмыковых наймиты часто убегали. Хозяева принимали ряд мер для предотвращения побегов. Одною из таких мер была своевременная выдача им заработанных денег. Приказчики всегда были очень озабочены хроническим недостатком денег, боясь, что их не хватит для выдачи задатка при найме или для «разделки» с работными людьми. В 1682 г. приказчик писал Климу Калмыкову: «А буде, государь, работным людем достальные деньги задержать, и впредь насадных работников наймовать

[52] ЦГАДА, Городовые книги по Саратову, кн. № 1, л. 21.
[53] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1697 г., д. 898, лл. 1—2.

будет с великою передачею, да и наймоватца будут мало. И вы, государи, пожалуйте, не положите забвенно, извольте денег прислать, не помешкав. А буде вы, государи, денег ныне на разделку не изволите прислать, и мы станем денег из росту наймывать и работников разделывать. И на щете тех денег паю положено будет меньше. И те убытки на те заемные деньги станем зачитать. А в Нижнем, государи, денег и с великим ростом занять не сыщешь».

В более поздних письмах слышатся те же жалобы:

«А впредь на наем насадных работников денег у нас на задатки нет. И вы, государи, пожалуйте, пришлите денег, чтобы не испустить времени. Всякое дело хорошо чинить заране» [54]. Иногда им приходилось занимать по мелочам вплоть до пяти рублей у какого-нибудь посадского человека или ямского охотника для того, чтобы выйти из затруднения. Деньги, вырученные одним приказчиком за соляную продажу, сейчас же переходили в руки другого для оплаты работных людей.

Другой мерой было повышение заработной платы. Сообщая в январе 1696 г. о найме кормщиков и передовщиков, приказчик П. Окулов добавлял: «Да [а]ртель работников нанял же. Ряда на все лето 5 р. 8 гривен. Для того, государь, по гривне и передано — работники не уйдут, людцы добренькие!» [55]

Опасались заранее нанимать сплавных работных людей, чтобы они не ушли раньше отправки судна. В самой записи был ряд условий, которые должны были помешать побегам. С одной стороны, ответственность поручителей за бежавшего, с другой — запрещение кормщикам и водоливам во время пути сходить с судна. На судах производилась перекличка работных с целью установить, что все находятся налицо [56]. К тем же мерам следует еще прибавить задабриванье наймитов. В 1682 г., например, было отправлено из Нижнего в Астрахань 100 ведер вина для работных людей на промыслах Калмыковых, и приказчики были очень озабочены его своевременной доставкой [57].

Но и эти меры не помогали. Так, в ноябре 1699 г., например, П. Окулов сообщал К. Калмыкову: «Приехал, я, государь, из Нижнего до Чебоксар октября в 10 день, и до моего приходу, которые были наняты работники из Нижнего и послапы с Григорьем Юрловым, и те работники все разбрелись и, покиня струг, разбежались». Из 57 наймитов на четырех стругах, шедших из

[54] ЦГАДА, Разрядный приказ, Приказного стола стб. № 531, лл. 185, 201.
[55] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1698 г., д. 367, лл. 2, 34, 37.
[56] ЦГАДА, Разрядный приказ, Приказного стола стб. № 531, л. 243.
[57] Там же, лл. 163, 169.

Саратова в Астрахань в 1695 г., пять человек по дороге убежали [58].

Денежный правеж на поручителях за беглых работников не останавливал побегов. Бежали не только наймиты, но и их поручители. Побеги объясняются главным образом недостатком наемной рабочей силы в Поволжье в это время. Развивавшиеся волжские промыслы требовали огромного количества работных людей. Выше уже указывалось, что эта сила комплектовалась в основном за счет наемных, а в них был постоянный недостаток, так как приток их в условиях крепостничества не мог быть особенно значительным. Крупные вотчинники нуждались в крепостных крестьянах для своего расширяющегося товарного вотчинного хозяйства, и поэтому, как и правительство, они должны были прибегать к наемной силе для водного транспорта. Большинство же волжских промышленников состояло из людей, не владевших крепостными, и они целиком зависели от возможности обеспечить себя наймитами. Этим объясняется и повышенная оплата наймитам, и задабривание их вином, и постоянная слежка за работными людьми, промышленники вменяют в обязанность приказчикам зорко следить за работными людьми во время пути. «Вели, государь, насадных работников перекликать, и буде кто объявится в нетчиках, и тех вели имена переписать на роспись».

Об остроте конкуренции между предпринимателями свидетельствует наличие особых вербовщиков, сманивавших работных людей с судов. «Да сказывал Митька Телега, что есть закликальщиков четыре человека, и ты гораздо их проучи, да вели свесть с насада, чтоб впредь от них дурна не было»,— писал в 1682 г. Ф. Калмыков своему компаньону по казенному подряду Тимофею Бокову [59]. Однако погоня за наемными рабочими руками не мешала промышленникам и их приказчикам применять в отношении наймитов привычные в феодальных условиях меры принуждения и воздействия. В записях постоянно встречаются указания на право хозяина переводить работника с одной работы на другую, поручать ему дополнительную работу по выгрузке и разгрузке во время стоянки судна. Хозяин часто имел также право обязать проделать «дороги», т. е. рейсы, не предусмотренные прямо в записи, совмещение занятий в пути и, в случае заморозка, оставаться на судне до оттепели в течение известного времени. Приказчикам вменялось в обязанность в случае надобности, по возможности, продлевать это требование. Кроме того, право хозяина «смирять» наймита и запрещение жаловаться на него открывало для предпринимателей возможность широкого произвола. К сожалению, документы архива Калмыковых не сохранили сведений о столкновениях между хозяевами и наймитами, за исключением фактов ухода последних с работы. Надо полагать, что бывали и более решительные шаги со стороны работных людей, хотя Калмыковы и вынуждены были, подобно другим промышленникам, проявлять свою власть с оглядкой, осторожно, не перегибая палки и избегая «ненадежных» элементов.

[58] ЦГАДА, Приказные дела новой разборки, д. 655, л. 6.
[59] ЦГАДА, Разрядный приказ, Приказного стола стб. № 531, л. 214.

Все вышеизложенное дает основание сделать следующие выводы.

За исключением казны и вотчинников, имевших возможность применять на волжском водном транспорте несвободный труд, остальные частные предприниматели прибегали к наемной рабочей силе.

Быстрое развитие волжского судоходства требовало привлечения все большего числа работных людей. Между тем условия феодального государства тормозили отход на промыслы, вследствие чего наблюдается недостаток наемной рабочей силы, что влечет за собой борьбу между промышленниками за нее и повышение оплаты труда наймитов.

Занятие судового работного человека еще не стало его исключительной профессией. Наряду с волжским промыслом, в промежутке между окончанием одной навигации и началом следующей, он жил за счет торгово-ремесленных занятий.

Среди рядовых судовых работных людей еще не было строгой специализации и разделения труда. Приказчик, распоряжавшийся судном, производил изменения в распределении рабочей силы, перемещая работных людей с одной должности на другую и переводя в случае надобности транспортного работного человека на соляные промыслы своего хозяина. Более установившуюся специализацию можно отметить лишь в отношении квалифицированных работных людей.

Во второй половине XVII в. наблюдается заметное имущественное расслоение среди судовых наймитов. Некоторые из них, наиболее высокооплачиваемые, уже имели возможность завести собственный торг или промысел.

Е. И. Заозерская

БЕГСТВО И ОТХОД КРЕСТЬЯН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

(К вопросу о начальных формах экспроприации сельского и городского населения в России)

Проблему первоначального накопления в России нельзя разрешать без освещения процесса отделения непосредственных производителей от средств производства. Между тем история крестьянства XVII—XVIII вв. с данной точки зрения мало изучена, хотя вопрос этот все настойчивее поднимается в течение последних лет и в той или иной степени находит отражение, можно сказать, в каждой работе, посвященной истории крестьянства, городского населения, промышленности XVII—XVIII вв.[1]

Материал, поднятый советскими историками, с частичным привлечением архивных источников позволил автору данной статьи поставить тему о бегстве и отходничестве как начальных формах экспроприации непосредственных производителей, выдвигая ее лишь в порядке постановки вопроса. Разрешение данной темы требует специального и детального изучения прежде всего такого трудоемкого материала, как подворные и поименные переписи мастеровых и работных людей казенных и частных заводов, а также мануфактур легкой промышленности 20—40-х годов XVIII в. Ценный материал должны дать и те исследования, которые ведутся в настоящее время по истории различных категорий крестьян — дворцовых, монастырских, помещичьих — за первую половину XVIII в.

Выяснение форм и темпов отделения непосредственных производителей от средств производства как основного содержания процесса первоначального накопления в России в XVII—XVIII вв. затрудняется отсутствием здесь «классической

[1] См. статью М. Д. Курмачевой в настоящем сборнике.

формы», результатом которой являлась полная экспроприация и превращение недавнего крестьянина и ремесленника в наемного рабочего «в чистом виде».

Несомненно, захваты крестьянской земли были не редким явлением и в XVII и в первой половине XVIII в.[2] От них страдали и частновладельческие, и государственные крестьяне, о чем свидетельствуют крестьянские наказы в Уложенную комиссию 1767 г. Черносошные крестьяне Устюжского, Усольского, Яренского, Важского уездов жаловались на захваты их лучших земель местными купцами и разбогатевшими крестьянами, которые, по их словам, «неведомо по какому виду завладели пашенной землею и сенными покосами» или «завладали оброчными пустошами и порожними землями, на которых и поселились, и называют те земли своими»[3]. Анализ крестьянских наказов этих уездов дал основание В. Н. Бочкареву для вывода о том, что «земледельческое население почти все время должно было находиться в оборонительном положении» и что «в этой борьбе с каждым годом уменьшалась площадь крестьянского землепользования, и хозяйственный быт северной деревни должен был неминуемо ухудшаться»[4].

Население более восточных уездов — Соликамского, Кунгурского, Слободского — страдало от захватов земли, практиковавшихся крупными промышленниками. «Да и многие нашего владения пашенные земли и сенные покосы города Соликамска соляные промышленники насильством своим завладели»,— писали в своем наказе крестьяне Соликамского у. Им вторили крестьяне Кунгурского у., жалуясь, что владельцы железных заводов «крестьян землями и лесами умалили»[5].

Еще многочисленнее, по данным наказов, жалобы крестьян на захваты земли в уездах Поволжья и юга России. И там и тут основными захватчиками являлись представители дворянства, так же как и в уездах центральных. «Можно сказать,— обобщает свои наблюдения В. Н. Бочкарев,— нет ни одного наказа, который обходил бы молчанием этот острый и больной

[2] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II. СПб., 1901, стр. 616 и сл.; В. Н. Бочкарев. Земельные нужды русской деревни по крестьянским наказам в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 г. «Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому». М., 1909. Вопрос этот чрезвычайной важности настойчиво требует изучения и освещения в советской исторической науке. В данной статье он ставится лишь как вводный к настоящей теме статьи о бегстве и отходничестве.

[3] В. Н. Бочкарев. Указ. соч., стр. 526—527.

[4] Там же, стр. 527.

[5] «Сборник Русского исторического об-ва» (далее — Сб. РИО), т. 115. СПб., 1903, стр. 269, 291—292.

вопрос в жизни сельского населения, и жалобы на дворян-самоуправцев красной нитью проходят через все крестьянские печалования центрального района» [6].

От малоземелья страдало крестьянство и более южных уездов. Так, в вотчинах Брянского Свенского монастыря во второй четверти XVIII в. крестьянский надел в большей части вотчин равнялся 0,3—0,7 десятины в одном поле [7].

И все же материалы по истории крестьянства середины XVIII в. говорят о малоземелье, а не о безземелье крестьян, о частичных захватах их земли, а не о сгоне с нее.

Так было в середине XVIII в., когда в связи с развитием товарно-денежных отношений, дворянство все более проявляло интерес к ведению собственного хозяйства, когда в земле стал нуждаться промышленник-предприниматель из купечества. Естественно, что процесс обезземеливания крестьянства в предшествующее время протекал медленнее. Недаром Посошков, отводящий в своей книге большое место взаимоотношениям между крестьянами и помещиками, признает, что помещики «обирают» своих крестьян, но не говорит о захватах крестьянской земли. Он требует лишь установления нормального надела для крестьянского хозяйства, чтобы крестьянину «мочно было на всякой год высеять ржи четыре четверти, а ярового осмь четвертей» [8]. Известно, что об установлении определенного крестьянского надела писал не только Посошков [9]; помещики упорно требовали, чтобы крестьяне засевали и вообще использовали всю надельную землю. Таким образом, наряду с ведением своего собственного хозяйства и сокращением в этой связи крестьянского надела, помещик был заинтересован в сохранении хозяйства своих крестьян, которое оставалось основным объектом эксплуатации.

Этому стремлению помещика сохранить и даже укрепить крестьянское хозяйство, чтобы удержать крестьянина на его наделе, соответствовала в полной мере политика дворянского государства по удержанию крестьян на месте за помещиком и

[6] В. Н. Бочкарев. Указ. соч., стр. 529.

[7] И. В. Засыпкина. Крестьяне Брянского Свенского монастыря (20—50-е годы XVIII в.). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952, стр. 4.

[8] И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 180—181.

[9] В. Н. Татищев. Краткие экономические до деревни следующие записки. «Временник Московского об-ва истории и древностей российских» (далее — «Временник МОИДР»), кн. 12. М., 1852, раздел III, стр. 13; Н. В. Устюгов. Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в. «Исторический архив», т. IV. М.— Л., 1949, стр. 169—170.

наделом в качестве плательщика государственных налогов, а со времени введения рекрутской повинности и поставщика рекрутов. В этих условиях экспроприация сельского населения могла долгое время иметь лишь частичный характер. Своеобразие экспроприации привело к появлению как в сельском хозяйстве, так и в промышленности наемных рабочих, не вполне оторвавшихся от личного хозяйства и земли.

Своеобразными путями происходило и полное отделение непосредственных производителей от средств производства, хотя в первой половине XVIII в. оно не приняло еще широких размеров. Ключом к пониманию и изучению этого своеобразия служит высказывание К. Маркса о том, что для экспроприации крестьянства достаточно сверх меры отобрать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда, и крестьянин сам уйдет с земли [10]. Это положение подтверждает высказанную К. Марксом в I томе «Капитала» мысль о разнообразии форм и темпов экспроприации крестьян в разных странах.

Даже в официальных документах начала XVIII в. ясно устанавливалась, хотя и в специфической для них формулировке, связь между тяжестью повинностей, лежавших на тяглом населении, с движением крестьян из деревни. Правительственные органы того времени отмечали, что население уходило, «отбывая податей и служб». Это и являлось в глазах правительства основанием для квалификации такого ухода как противозаконного побега. В отношении тех, кто уходил на время для заработка, в документах не раз оговаривается, что это делалось «для податей» или «для оброка». Обе формы ухода — бегство и отход,— существовавшие и ранее, в первой половине XVIII в. приобретают все более широкий, массовый характер. Однако здесь нужна оговорка. Усиление этих явлений не следует обусловливать исключительно действием таких мер внеэкономического, насильственного характера, как налоговая система или безудержная алчность помещика. Рост бегства и отхода в то же время был проявлением органических изменений, которые происходили в феодальном базисе под влиянием развития общественного разделения труда и товарного производства, а вместе с ними — товарно-денежных отношений. Это развитие задолго до изучаемого нами времени породило имущественное неравенство среди непосредственных производителей города и деревни и вело к социальному расслоению. Основа этого процесса, по учению классиков марксизма-ленинизма, заложена в самой природе мелкого производства: «Более искусный, предприимчивый, сильный

[10] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 685.

производитель усилится еще более... слабый и неискусный будет раздавлен ими. Обогащение немногих личностей и обнищание массы—таковы неизбежные следствия закона конкуренции»,[11]— писал В. И. Ленин, раскрывая процесс превращения натурального хозяйства в товарное и товарного в капиталистическое. На те же исходные условия указывает В. И. Ленин и в другом месте, говоря о возникновении имущественного неравенства в деревне [12]. Этот «...медленный процесс, по выражению К. Маркса, прокатывающийся через многие столетия» [13], в конечном итоге сам по себе должен разрушить, расслоить среду непосредственных производителей. Такие методы первоначального накопления, как налоговая система, чрезмерная эксплуатация со стороны феодала, отнимающие у производителя «сверх меры» продукт их труда, ускоряют этот процесс, вызывая массовое обнищание и отрыв в той или иной степени значительной части населения от родных мест и собственного хозяйства. Но именно эти насильственные методы наиболее характерны для процесса первоначального накопления.

* * *

Широко известно, что феодальная эксплуатация во много раз усилилась в течение первой половины XVIII в., особенно при Петре I. Это произошло прежде всего вследствие повышения государственных налогов.

Посошков, не отличавшийся мягкостью по отношению к беднейшему крестьянству, касаясь подушной системы обложения, писал, что крестьяне «от несносных поборов во всеконечную нищету пришли». «Ныне з двора сходит рублев по осми пль малым чем менши»,— уточнял Посошков [14]. Однако при переводе на деньги повинностей, лежавших сверх подушной на крестьянах, государственный доход с крестьянского двора был много больше. Крупный помещик Б. И. Куракин по тому же поводу писал: «И женерально можно сказать, со всякого письменного двора крестьянского сходилось слишком по 16 рублев» [15].

На тех же крестьян и на посадских людей огромной тяжестью ложились многочисленные государственные мобилиза-

[11] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 81.
[12] См. там же, стр. 102—103.
[13] К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 746.
[14] И. Т. Посошков. Указ. соч., стр. 195.
[15] Н. С. Чаев. Булавинское восстание (1707—1708 гг.). М., 1934, стр. 11—12.

ции и работы, не говоря о рекрутской повинности. Например, в 1705 г. на постройке Таганрогской крепости работали 32 288 человек, а в 1706 г.— 37 208 [16]. Государственные сборы с посадов также неуклонно увеличивались на протяжении всего царствования Петра I. Так, например, сборы с калужского посада поднялись с 908 руб. в 1690-х годах до 7243 руб. с введением подушной подати [17]. В этих условиях вряд ли можно считать необоснованными жалобами заверения посадских людей, в частности Москвы, что «от податей им чинится великое разорение», от которого они приходят «в самое убожество».

Крестьяне в своих челобитных и расспросных речах постоянно указывали на тяжесть государственных поборов и других повинностей как на причину разброда населения, на то, что они «от податей и от солдатского взятья, и работников, и подвод... вконец разорились и многие разбрелись врозпь» [18].

Интересно, что и помещики старались свалить тяжесть положения и причины бегства крестьян на фискальную политику правительства. Еще до введения подушной подати, в 1720 г., Строганов жаловался, что в разные годы из его Орловской и Чусовской вотчин «от невыносимого тягла и смертного правежу крестьяне его, покиня домы и пашенные свои земли, бежали в Сибирь»; оставшиеся же на месте платят за них «государевы запросы» «с великой тягостью» [19].

Между тем тяжесть владельческих платежей и повинностей была не меньше и зачастую являлась основной причиной того, что, несмотря на самые крутые меры, ни правительству, ни помещикам при Петре I не удавалось «приковать» крестьян «к их полям».

При введении подушной подати «владельческие доходы» исчислялись в 40 коп. с души, или 1 р. 20 к.— 1 р. 50 к. с двора. Но это исчисление, если даже иметь в виду один денежный оброк, не считая «столовых запасов» и различных других сборов и работ, сохранявшихся при нем, не соответствовало действительности.

В пяти оброчных вотчинах Б. П. Шереметева денежный оброк с ревизской души колебался от 1 р. 64 к. там, где не было других поборов, до 47 коп., где они были [20]. Но в частных

[16] Н. С. Чаев. Указ. соч., стр. 13.
[17] «Очерки истории СССР» (первая четверть XVIII в.). М., 1954, стр. 67, 222.
[18] Н. С. Чаев. Указ. соч., стр. 13.
[19] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 618, л. 228.
[20] К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, стр. 29. Например, с вотчины «Молодой туд» Ржевского у. при 47 коп. с души (что в общем составляло 1619 руб. денежного оброка)

владениях, в том числе шереметевских, все зависело от аппетита и произвола помещика, так как последний считал, по выражению Б. П. Шереметева, что землю и крестьян он «купил кровью своею» и что они даны ему «на всякое... довольство». Представление же о «довольстве» было весьма растяжимое, поэтому положение крестьян, их повинности могли легко меняться. Так, Юхотская вотчина считалась на одном денежном оброке, между тем в 1719 г. Шереметев дал указ выслать из нее 1200 четвертей разного хлеба да ежегодно собирать по 30 пудов «льну доброва чесонова» [21].

Таким образом, в оброчных вотчинах Шереметева только денежный оброк исчислялся минимально в 1 р. 40 к.— 1 р. 90 к., максимально в 5—6,5 руб. с двора. К тому же и в этих вотчинах сохранялась частично продуктовая и даже в некоторой степени отработочная рента.

Данные по оброчным владениям Б. П. Шереметева подтверждаются сведениями о размерах денежной и продуктовой ренты у других владельцев. С с. Пузы, или Страхова, Арзамасского у., принадлежавшего П. П. Шафирову, с 58 дворов собиралось 110 руб. деньгами, т. е. около двух рублей с двора, 100 пудов мяса свиного, по 100 гусей и уток, 5 пудов масла, 2 тыс. яиц, 80 баранов, 200 куриц и за 100 ососов по 2 алт. за осос [22]. Как видим, обложение было у этого «нового» вельможи, выбившегося только что из «нижних чинов», не менее, а, пожалуй, даже более тяжелым. То же самое обычно наблюдалось у мелкопоместных дворян.

И все-таки оброчная система открывала бо́льшие возможности для работы и в своем крестьянском хозяйстве и для заработка на стороне.

Не то было в барщинных владениях; между тем барщинная система в первой половине XVIII в. расширялась в связи со стремлением помещика увеличить доходность собственного хозяйства. В хозяйстве того же Б. П. Шереметева в первой четверти XVIII в. барщина росла. Так, в 1708 г. в 14 барщинных вотчинах обрабатывалось 2012 дес., на которых высевалось 3098 четвертей разного хлеба; в последующие годы эти цифры увеличились вдвое [23]. В связи с этим получает широкое распространение четырехдневная барщина и практикуется даже

полагалось: 675 пудов свиного мяса, 600 баранов, 900 гусей, 900 уток, 900 кур, 45 пудов масла, 2 тыс. яиц. А. И. Заозерский. Фельдмаршал Шереметев (рукопись), стр. 257.

[21] К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 30, 36.

[22] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.». М., 1951, стр. 18.

[23] А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 234.

шестидневная, на что в общей форме указывал Посошков, видимо, не как на редкое явление. «А и сие не велми право зритца, еже помещики на крестьян своих налагают бремена неудобноносимая, ибо есть такие безчеловечные дворяпя, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сенокосную пору всу и потеряют у них». На шестидневную барщину имеются указания и в других источниках [24]. Между тем барщина, как правило, соединялась с рентой продуктами, а иногда и денежной.

Удовлетворение растущих аппетитов помещика сопровождалось сильнейшим произволом по отношению к крестьянству.

Именно этот произвол в определении даже денежного оброка имел в виду Посошков, когда предлагал «учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего имать, и по колику дней в неделе на помещика своего работать и иного какого изделья делать...» Непомерный рост владельческой эксплуатации и вызвал следующее заключение у того же автора: «И тако творя, (помещики.— *Е. З.*) царство пустошат, понеже так их обирают, что у иного и козы не оставляют» [25]. В такой эксплуатации Посошков и видел причину разорения крестьянского хозяйства и отвлечения от него крестьян: «От таковые нужды домы свои оставляют и бегут иные в понизовые места, иные ж во украенные, а иные и в зарубежные» [26].

Надо иметь в виду и то обстоятельство, что чем больше росла эксплуатация, тем больше всякими способами пыталось крестьянство уйти от нее, тем больше пустела деревня. Оклад же сборов не менялся, и оставшимся в деревне крестьянам приходилось его выплачивать сполна. Таким образом, сборы с каждого двора увеличивались сравнительно с окладным распределением.

Недопоставку 300 баранов крестьяне шереметевской вотчины Молодой туд объясняли именно наличием многих опустевших дворов. «И за те пустые тягла,— писали они в своей челобитной,— нам, сиротам твоим, баранов взять негде и з своих, государь, тягл с великою нуждою собираем» [27].

Имел значение и самый перевод части натурального оброка и других повинностей на деньги. Эта практика для более состоятельных элементов деревни, несомненно, давала больший простор хозяйственной деятельности; беднейшую же часть, кото-

[24] И. Т. Посошков. Указ. соч., стр. 177; «Очерки истории СССР» (первая четверть XVIII в.), стр. 159.

[25] И. Т. Посошков. Указ. соч., стр. 177—178.

[26] Там же, стр. 177.

[27] А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 257—258.

рой нечего было продать, да еще при низких ценах на сельскохозяйственные продукты, она разоряла. Крестьяне обширной Вощажниковской вотчины Б. П. Шереметева прекрасно охарактеризовали трудность приобретения денег для уплаты оброка: «А хлебным и денежным податям ныне платежи и наряды великие, и на платеж тех податей и твоего, государь, оброку продать нам стало нечего... за указом купецкие люди не покупают у нас узких холстов, и не токмо на подать, и на покупку хлеба взять стало нам ни единой копейки негде» [28]. Алчность скупщиков и других торговых посредников делала еще ничтожнее денежный доход от продажи крестьянских запасов.

Если же принять во внимание крайнее увеличение государственных поборов и повинностей при Петре I, о чем речь шла выше, станет очевидным, что и государство, и помещики собирали «сверх определенной меры у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда». Непосильность эксплуатации вела к массовой задолженности: недоимки и по государственным податям и по оброку помещику росли, затягивая узел на шее плательщиков. Положение крестьянства, стонавшего под тяжестью непосильных поборов, было таково, что ни «великой правеж», ни распродажа имущества не могли обеспечить сколько-нибудь исправного поступления сборов. В 1718 г. приказчик Вощажниковской вотчины Шереметева, т. е. доверенное лицо владельца, доносил, что требуемого с вотчины хлеба в Петербург «никоторыми делы не отправить, понеже пришли многие крестьяне во убожество и в государевых доходах и в твоем, государь, оброке стоят непрестанно на правеже, и опасны мы, чтоб те крестьяне врозь не побрели» [29]. Сами же крестьяне горько жаловались в своей челобитной на свое тяжкое существование. «Все оскудели, помираем голодною смертью и скитаемся промеж двор и кормимся христовым именем, а больше питаемся травою и сосновою корою и липовым листом и мхом, мешая с мукою, печем хлебы, и многие, государь, от голода опухли и лежат при смерти» [30].

Но эта картина не заставила задуматься владельца, писавшего в ответ: «Челобитную вам сию нехто плут-составщик написал», т. е. подозревавшего крестьян во лжи и требовавшего собрать все «сполна» «на указные сроки». «А буде что по окладу оброчных денег на нынешний 1718 год не соберете и доимочных денег по расположению не вышлете, и за то ученено вам (сборщикам.— *Е. З.*) будет жестокое наказание без всякого

[28] К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 35.
[29] А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 259.
[30] Там же, стр. 258.

милосердия и пощады», или в адрес молодотудского приказчика: «А ежели чего не доберешь, будет у тебя, прикащика, из ног выломано и доправлено без пощады» [31]. И это пишет крупнейший вельможа, кавалер Мальтийского ордена, путешествовавший за границей и гордившийся тем, что он «света» видел. Вряд ли меньшей жестокостью отличались хозяйственные приемы рядовых помещиков, хозяйство которых до сих пор совершенно не изучено.

Перемены, происходившие в положении крестьянства в течение следующих десятилетий, не только не улучшали, а еще ухудшали это положение.

Во второй четверти XVIII в. тяжесть феодальной эксплуатации, произвол помещиков и чиновников в ее осуществлении еще более усилились.

К концу первой половины XVIII в., а именно в 1745 г., оброк с государственных крестьян официально увеличился с 40 до 55 копеек, т. е. на 37%, при сохранявшейся стоимости рубля [32].

В дворцовых подмосковных вотчинах к началу 1730-х годов вместо прежних 40 коп. оброк равнялся 51 коп., т. е. увеличился на 27%. В середине XVIII в. при массовом переводе натуральных сборов и повинностей дворцовых крестьян на деньги был определен оброк в размере 1 руб. с ревизской души. За 25 лет денежный оброк в дворцовых владениях увеличился в 2,5 раза, хотя он вовсе не заменил всех повинностей дворцовых крестьян [33].

В барщинных дворцовых владениях на протяжении второй четверти XVIII в. размеры барщины также увеличивались сравнительно с первой четвертью века. Крестьяне подмосковного дворцового с. Горенки писали в 1738 г.: «По всякой день на работе государевой ходим. А прежде сего даны нам дни были в неделю два дня на себя работать и промыслить подушные деньги» [34]. Таким образом, сравнение делается не в пользу 1730-х годов.

[31] К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 30.
[32] В. О. Ключевский. Русский рубль XVI—XVII вв. в его отношении к нынешнему. М., 1884, стр. 72. С. Г. Струмилин повышение денежных платежей обусловливает повышением цен на хлеб, т. е. изменением стоимости рубля. К сожалению, он не приводит данных, опровергающих выводы В. О. Ключевского (С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 273).
[33] В. И. Семевский. Указ. соч., т. II, стр. 17; С. И. Волков. Подмосковные дворцовые крестьяне в середине XVIII в. «Исторические записки», кн. 53, 1955, стр. 256
[34] С. И. Волков. Крестьяне подмосковных дворцовых владений и дворцовое хозяйство во второй четверти XVIII в. Кандидатская диссертация (рукопись), стр. 92.

Не меньшее увеличение оброка наблюдалось в монастырских владениях. Примером может служить исследованное в настоящее время на основании архивных материалов хозяйство Брянского Свенского монастыря. Анализ фактических данных позволил автору сделать заключение о большом увеличении всех видов ренты на протяжении второй четверти XVIII в. Увеличились и стали разнообразнее работы на монастырь; хлебный оброк по некоторым вотчинам увеличился вдвое, выросли поставки всевозможных изделий, преимущественно из дерева, на чем специализировалось население лесистых вотчин. Но особенно вырос и стал тяжелым денежный оброк в связи с тем, что самое монастырское хозяйство все более втягивалось в товарно-денежные отношения.

В 20-х годах XVIII в., по словам автора, «денежная рента составляла небольшой процент по отношению к другим видам ренты». На протяжении следующих 25 лет это положение меняется за счет как увеличения самого денежного оброка, так и перевода части продуктовой ренты на деньги. В общем денежный оброк возрос, по подсчетам автора, на протяжении 1720—1740 гг. со 136 руб. до 305 руб. [35], или в два раза с лишним.

С конца 1750-х годов начался общий перевод крестьян данного монастыря на денежный рублевый оброк с души. Однако и при нем сохранялись другие сборы и изделье на монастырь. Одновременно перевод на денежный оброк происходил во владениях и других монастырей. При этом рубль с души являлся обычным размером сбора [36].

Помещичье хозяйство и положение помещичьих крестьян во второй четверти XVIII в. не изучены. Мы не можем назвать ни одного специального исследования, даже в виде более или менее основательной статьи, и ни одной публикации на эти темы. Конкретный материал, имеющийся в работе В. И. Семевского, датируется не ранее конца 1750-х — начала 1760-х годов. Поэтому мы имеем возможность привести лишь очень ограниченное количество отрывочных данных и условно сопоставить их с более ранними.

Относительно размера барщины по обработке пашни В. Н. Татищев, например, считал нормальным, чтобы на тягло, т. е. взрослых мужчину и женщину, приходилось по десятине в одном поле [37]. А. П. Волынский в своей инструкции приказчику определял размер барщины до двух десятин в поле, но вместе с тем увеличивал и состав тягла, включая еще двух

[35] И. В. Засыпкина. Указ. соч., стр. 10.
[36] В. И. Семевский. Указ. соч., т. II, стр. 207—208.
[37] В. Н. Татищев. Указ. соч., стр. 13.

женщин [38]. Как правило, работоспособное население двора было больше одного тягла; при этом условии указанные размеры барщины превышали таковые в морозовских вотчинах XVII в., где пашни обычно приходилось на двор половина десятины в одном поле и даже меньше [39]. В Шереметевских вотчинах в начале XVIII в. полагалось на двор от трети десятины (с. Вощажниково) до трех десятин (Ржевские вотчины) [40].

Что касается роста денежного оброка в течение второй четверти XVIII в., приходится ограничиться одним известным фактом. В Галичской вотчине Мещериновых, состоявшей на денежном оброке, последний вырос с 30 руб. в 1713 г. до 200 руб. в 1753 г.[41] Однако, по аналогии и с более ранним и с более поздним временем, a priori можно сказать, что помещики в стремлении получить с крестьян наибольший прибавочный продукт никогда не отставали от монастырских властей или дворцового хозяйства.

В последующие годы (1750—1760) при переводе натуральных сборов на деньги в помещичьих хозяйствах также устанавливался рублевый оброк.

Таким образом, даже если брать только более или менее официальное денежное выражение владельческих доходов, а именно четырехгривенный оброк 20-х годов и рублевый 40—50-х годов XVIII в., можно сказать, что тяжесть оброка в разного вида владениях в течение второй четверти XVIII в. увеличилась в 2,5 раза. В действительности же и при введении рублевого оброка сохранялись частично и две другие формы феодальной ренты. При усилившемся в первой половине XVIII в. имущественном неравенстве среди крестьянства для огромной массы его это увеличение повинностей грозило гибелью хозяйства. Сумма подушных и оброчных денег, равнявшаяся в середине XVIII в. 1 р. 70 к. с души, а с двора в три-четыре раза больше, во много раз превышала официальную оценку имущества представителей широких слоев крестьянства, которая часто колебалась от 16 алт. до 1 руб. [42]

[38] А. П. Волынский. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову. «Памятники древней письменности», т. XV. СПб., 1881.
[39] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. 1. М.—Л., 1940, стр. 22, 23, 32, меньше 0,5 десятины — стр. 19, 53.
[40] К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 286—287.
[41] Ф. А. Рязановский. Крестьяне Галичской вотчины Мещериновой в 17 и первой половине 18 в. «Труды Галичского отделения Костромского научного общества по изучению местного края», вып. V. Галич, 1927, стр. 35.
[42] Институт истории АН СССР, Отдел рукописных фондов, ф. А., д. 10, стр. 1 и сл.

Нужда в деньгах для уплаты разных сборов заставляла крестьянина продавать последнюю корову или необходимый хлеб. В делах о беглых крестьянах часто встречаются показания, что строение и скот «испродал в прежние государевы зборы», скот продал «в прежние зборы» [43]. В тех же целях государственные крестьяне закладывали или продавали землю. Так, в 1734 г. крестьянин Яренского у. Вильгорской волости Петр Оплексин заложил землю за 12 руб. «для платежа подушных денег за скудостию у правежа» [44].

Говоря об усилении эксплуатации податного населения в первой половине XVIII в., необходимо иметь в виду введение новых форм эксплуатации, также крайне разорительных и обременительных.

К таковым относится заводская работа, ложившаяся все большей тяжестью на часть крестьянства в связи с расширением казенного и частного заводостроения и вообще промышленного предпринимательства. Известно, что в 30-х годах XVIII в. правительство встало на путь систематической приписки крестьян не только к казенным, но и к частным промышленным предприятиям. Таким образом труд приписных крестьян на мануфактурах приобретал все более значительные размеры, о чем свидетельствуют следующие данные [45]:

Приписных душ к заводам	1719 г.	1743 г.	1750 г.
казенным	31 383	63 000	15 000
частным	ок. 2000 к Невьянскому заводу	24 200	100 000
Всего . . .	33 383	87 200	115 000

К последнему итогу следует прибавить около 12 тыс. крестьян, приписных к текстильным мануфактурам, почти не имевшим данной категории работников в первой четверти XVIII в.

Количество купленных к мануфактурам крестьян также возрастало на протяжении второй четверти XVIII в., благодаря законам 1721, 1736, 1744 гг. По данным В. И. Семевского, за первые 60 лет XVIII в. было куплено 40 тыс. крестьян к заводам и 20 тыс. к фабрикам, т. е. мануфактурам легкой промышленности [46].

[43] Институт истории АН СССР, Отдел рукописных фондов, ф. А., д. 10, стр. 1, 2 и др.

[44] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, д. 21.

[45] В. И. Семевский. Указ. соч., ч. II, стр. 304. Снижение в 1750 г. числа приписных при казенных заводах объясняется передачей последних в частные руки.

«Несносная тягость» положения и труда крепостных и приписных крестьян на мануфактурах нашла выражение, с одной стороны, в многочисленных жалобах и челобитных, с другой — в систематических побегах, отказах работать, волнениях и вооруженном сопротивлении [47]. Она же вынуждала приписных крестьян избегать работы на заводах при помощи найма за себя с оплатой в несколько раз выше той цены, какая самим крестьянам зачитывалась в подушную подать [48]. Однако необходимость заставляла крестьян идти за эту разорительную для них меру.

Произвол помещиков, злоупотребления и лихоимство чиновников, достигшие в эту пору небывалых размеров засилья иностранцев и фаворитизма, довершали народные бедствия.

Общими показателями этих бедствий и прежде всего роста эксплуатации в первой половине XVIII в. являются и убыль податного населения, и катастрофическое обнищание мелкого производителя деревни и города. Известно, что при переписи 1710 г. была обнаружена значительная убыль населения. Правительственная комиссия по расследованию растущих недоимок выяснила, что с 1719 по 1727 г. «выбыло» около миллиона податных душ, а за следующие девять лет немного более миллиона; из этих двух миллионов значилось умершими полтора миллиона [49].

Недоимки росли неудержимо и, несмотря на суровые меры, их невозможно было собирать. Сборщики прибегали к распродаже скудного крестьянского имущества. В 1707 г. стряпчий ростовского архиепископа доносил о сборе недоимок с крестьян Борисоглебского монастыря: «А есть ли у них (крестьян.— *Е. З.*) скотину и хлеба старостам и выборным не продавать, и тех денег с них правежом никоими делы не взять, для того

[46] В. И. Семевский. Указ. соч., т. I. СПб., 1881, стр. 395. К сожалению, позднейшие исследования не дают возможности уточнить число купленных крестьян к заводам до 1750 г.; что касается «фабрик», то примерно половина (около 10 тыс. душ) была куплена до указа 1752 г. Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее — ЦГИАЛ), ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, д. 333, л. 323 об.

[47] См. «Очерки истории СССР» (первая четверть XVIII в. и вторая четверть XVIII в.) разделы о волнениях на мануфактурах.

[48] См. А. П. Глаголева. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957, стр. 186—188; М. А. Горловский. Екатеринбург — центр горнозаводской промышленности Урала (рукопись), стр. 335—350.

[49] В. Пландовский. Народная перепись. СПб., 1898, стр. 227.

и так правил великим правежом, а уплаты ничего нет» [50]. Но и эта мера, разорявшая вконец оскудевшего плательщика, не была эффективна. С 1720 по 1732 г. недоимки по сборам, таможенным, кабацким и откупным, достигли 13,5 млн. рублей. В течение 30—40 годов недоимки все увеличивались; в 1732 г. было собрано по тем же статьям 19 тыс. руб. вместо 2,5 млн. В последний год царствования императрицы Анны Ивановны констатировалось, что «о пополнении государственных доходов ни малой надежды нет... доимки в нескольких миллионах состоят» [51].

Причина недоимок — сильнейшее обнищание деревни. В Вощажниковской вотчине Б. П. Шереметева, насчитывавшей 600 дворов, в 1718 г. половина крестьян ходила по миру [52]. То же можно сказать и о посадских людях. Комиссия Ушакова, не отличавшегося гуманностью, доносила, что собирать доимку невозможно, «ибо весьма бедные... а с других, конечно, за совершенною скудостью взять нечего» [53].

В результате усиливались и те явления, которые К. Маркс непосредственно связывает с непомерной эксплуатацией, а именно уход с земли крестьян, несмотря на противодействие властей.

* * *

В общем процессе передвижения населения, характерном для России второй половины XVII и первой половины XVIII в., уход населения в форме бегства и отход на заработки, имея в основном одни и те же причины, были по существу различными явлениями. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть их в отдельности, хотя и по состоянию источников и по тесному переплетению этих явлений в жизни их не всегда возможно полностью разграничить.

По «Уложению» 1649 г., право передвижения и распоряжения своим трудом признавалось за весьма немногочисленной в условиях XVII в. категорией «вольных», которые, по выражению документа, являлись «неслужилых отцов дети и в государеве службе, и в тягле нигде, и в холопех, и во крестьянех, и в бобылях ни у кого не бывали» [54]. В какой-то степени этим

[50] Институт истории АН СССР, Отдел рукописных фондов, ф. А., д. 10, стр. 40.

[51] Данные о недоимках взяты из кн.: Н. Д. Чечулин. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906, стр. 32—33.

[52] К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 36.

[53] ЦГАДА, Книги Денежного стола, № 56, л. 181.

[54] «Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича», 1913, стр. 236.

правом, хотя и неузаконенно официально, пользовались так называемые гулящие люди. «Гулянье», т. е. поиски заработка и работа на стороне, в XVII в., по определению специалиста-исследователя И. В. Степанова,— «состояние значительных слоев населения русского общества, выпадавших по тем или иным причинам на короткое или долгое время из системы юридически оформленных крепостнических общественных отношений того времени» [55].

В законодательстве первой половины XVIII в. по борьбе с бегством не встречается упоминаний о категории вольных; гулящие же люди с начала XVIII в. в глазах правящих кругов все более приравниваются к беглым. «Которые из таких же слоняющихся,— читаем в одном из указов,— явятся беглые и гулящие люди и подлинно о себе свидетельства не покажут, таким чинить по указам о беглых» [56]. Под бегством стали подразумевать вообще уход без разрешения всех тех, кто находился в тягле или в крепостной зависимости, а в таком положении была вся масса крестьянства и посадского населения, особенно со времени введения подушного обложения.

Так как подобный уход, по мере его роста, задевал фискальные интересы феодального государства и интересы господствующего класса, он все более инкриминировался, что и выражалось самым названием «бегство», «беглый», т. е. нарушитель порядка. Сами же виновные лица обычно называли акт ухода словами «сшол», «сошел», «ушел». Иногда и в официальных документах, особенно в тех, которые писались со слов представителей населения, часто вместо «беглые» употреблялись выражения «сошедшие люди», «приходцы», «сходцы», «пришлые», «новопришлые люди». Во всех этих случаях подчеркивался момент передвижения без того одиозного характера, который придавали ему феодальные силы, борясь с данным явлением.

В исторической литературе давно установлен факт распространенности побегов крестьян на протяжении всего XVII в. и особенно его второй половины [57].

[55] И. В. Степанов. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в. «Исторические записки», кн. 36, 1951, стр. 150.

[56] ЦГАДА, Дела Сената, кн. 924, л. 43 об.

[57] А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. «Труды института истории РАНИОН», вып. I. М., 1926; Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; П. П. Смирнов. Движение населения Московского государства. Сб. «Русская история в очерках и статьях», под редакцией М. В. Довнар-Запольского, т. II. М., б. г.; И. В. Степанов. Указанные выше статьи; Е. И. Ошанина. Очерки по истории поместного землевладения и хо-

С начала XVIII в., под действием указанных выше причин, побеги крестьян и посадских людей приняли небывалые размеры. Бежали большими партиями, по выражению документов того времени, «многолюдством, человек по сту и больше»; бежали не только из центральных, как раньше, уездов, но и из тех, куда еще недавно устремлялись беглецы,— из Новосильского, Мценского, Болховского уездов, а также из Среднего Поволжья, пробиваясь все далее на южные, юго-восточные и восточные окраины. В 1690 г. дворяне ряда южных уездов в своей коллективной челобитной жаловались: «Бегают от нас люди и крестьяне с женами и детьми на Дон, и на Хопер, и на Медведицу беспрестанно, многие села и деревни запустошили» [58]. Итоги переписи 1710 г. в значительной степени отражали этот процесс самовольного передвижения населения в места, не освоенные в полной степени феодальными силами.

Администрация уральских заводов доносила в 1721 г., что слободы, разоренные «от башкир» в 1709 г., когда «в них едва малое число людей осталось», в последующие годы снова заселились за счет все тех же «пришлых» «из Руси» [59]. В то же время от гнета растущей эксплуатации бежали и с окраин. В 1708 г. староста Важенского погоста Олонецкого края сообщал, что крестьяне из-за непосильных налогов и заводских работ «обнищали и сошли безвестно, и дворы и деревенские участки их пусты, и никто ими не владеет» [60]. К концу 1720-х годов в бегах вообще числилось до 200 тыс. человек [61]. Этот общий подсчет подтверждается данными по отдельным владениям. В подмосковных дворцовых вотчинах, особенно в голодные 1733—1734 гг., процент беглых в одних достигал 15, а в других — 19%; в 1735 г. из дворцовой Морозовской волости Можайского у. бежало 56% крестьян [62].

Массовый характер сохраняли побеги крестьян и в 1740-х годах. В 1742 г. официально устанавливалось, что в разных уездах имеется много деревень, где «против переписи (первой ревизии 1725 г.— *Е. З.*) треть, половина, а где и более половины крестьян осталось». Например, в Переяславль-Залесском у. насчитывалось 68 опустевших деревень, принадлежавших разным

ваяйства в Симбирском крае во второй половине XVII — начале XVIII в. Автореферат канд. диссертации, 1954; И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского у. в 60-е годы XVII в. «Исторические записки», кн. 43, 1953.

[58] Н. С. Чаев. Указ. соч., стр. 19 и др.

[59] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 616, л. 163 об.

[60] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 557, л. 32.

[61] «Очерки истории СССР» (вторая четверть XVIII в.), стр. 207.

[62] С. И. Волков. Подмосковные дворцовые крестьяне в середине XVIII в., стр. 224.

помещикам. В указе 1743 г. говорилось, что из Белгородской и Воронежской губерний бежало 10,5 тыс. человек и что вообще в разных уездах «из дворцовых, архиерейских, монастырских, ясачных, так и из помещиковых крестьян в бегах великое множество... многие деревни от таких беглых опустели» [63].

Ряды крестьянских беглецов пополнялись раскольниками, мелкими посадскими людьми, разорявшимися от «несносной тягости» податей. При переписи 1710 г. убыль старинных тяглецов по 30 слободам Москвы составляла 53,3%. По словам старост, причинами ее были не только смерть и рекрутчина; многие тяглецы «самовольно из слобод вышли и записались во всякие разные чины» [64]. Уход из московского посада продолжался и далее. В то же время посад пополнялся за счет постоянного притока из других мест. Относительно характера этого притока говорят два на первый взгляд противоречивые обстоятельства: с одной стороны, периодически производившиеся «розыски» среди московских тяглецов, а с другой — прочное оседание пришлых в Москве и в других городах без официального оформления этого прихода. В силу давности он часто приобретал признание и постепенно закреплялся.

И тем не менее в изучаемое нами время сходцы, прочно устроившиеся на новом месте, в том числе в городах, относились к категории беглых [65], так же как и гулящие люди.

Некоторые успевали разбогатеть на новом месте и все же попадали в разряд беглых. Около 1690 г. из вотчины Борисоглебского монастыря Переяславль-Залесского у. «сошли к Москве» крестьянин Иван Семенов с отцом и лет 10 «жили в наймех». В момент розыска сын жил уже в своем дворе и торговал в Лесном ряду под Новинским. Такова же судьба Кузьмы Кошелева, крестьянина с. Даниловского Костромского у., ушедшего лет 20 назад «для прокормления» в Москву и осевшего здесь. В момент возбуждения дела он занимался сыромятным промыслом и, ездя по торгам, скупал кожи [66]. И тем не менее против них было поднято дело как о беглых крестьянах.

В результате «незаконно» существовавшая и жестоко преследовавшаяся масса людей на протяжении первой половины XVIII в. все увеличивалась. Массовость явления усиливала тревогу феодального государства и дворянства.

[63] «Очерки истории СССР» (вторая четверть XVIII в.), стр. 207—208.

[64] ЦГАДА, Книги Денежного стола, № 52.

[65] Институт истории АН СССР, Отдел рукописных фондов, ф. А., д. 9, стр. 98—100, 211, 228, 216 и др.

[66] Там же, стр. 201.

* * *

«Выход» крестьян и посадских из их «чинов», а в связи с этим нарушение регулярного поступления податей послужили основанием для проведения общей переписи населения в 1710 г. Ту же цель преследовали частичные переписи населения (например, перепись посадского населения Москвы 1715 г.) и массовые сыски, организовывавшиеся правительством. Наконец, те же затруднения привели к крупнейшей реформе податного обложения — введению подушной подати. Последняя сыграла тяжкую роль в жизни производительного населения России XVIII в.

До введения подушной подати феодальное государство и его агент в вопросе о сборе налогов — помещик были заинтересованы в сохранении «двора» как основной единицы обложения. Состав семьи не играл при этом решающего значения, поэтому отдельные члены ее, особенно младшие братья, племянники, свойственники нередко могли временно или даже навсегда уходить в поисках заработка.

Подушная подать, направлявшая внимание государства и помещика на каждого плательщика, уничтожала и эту весьма относительную «вольготность» в передвижении и в поисках облегчения своей участи. Ее введение, а затем и регулярное поступление были возможны лишь при учете каждой души и при держании ее в дальнейшем в поле зрения по определенному месту жительства. Это и привело к окончательному фактическому закрепощению, которое Маркс относит к 1723 г. [67] И чем сильнее было заинтересовано правительство в проведении той меры, от которой зависело укрепление государства помещиков и торговцев, тем круче оно предъявляло требования к выявлению и прикреплению каждого плательщика, «ибо оное дело особливо государственное нужное и не на краткое сочиняется время, которое и без многого толкования ясно само себя показует» [68]. Ответственность за это «государственное дело» возлагалась на тех, кто кровно был заинтересован в укреплении феодального государства,— помещиков, а теми — на вотчинную администрацию. По неоднократно публикуемым указам владельцы обязывались к подаче сказок о крестьянах и дворовых без всякой утайки, с предупреждением, что за последнюю «учинена будет приказчикам и старостам и выборным смертная казнь и отнятие всего, что утаено будет, и прочие жестокие штрафы». За одно подозрение в утайке надлежало «розыскивать и пытать

[67] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 536.
[68] ПСЗ, т. VI, № 3787, стр. 391.

накрепко» [69]. Помещик и его агенты отвечали за сбор подати. Этой ответственности Маркс придавал огромное значение в процессе окончательного закрепощения крестьянства. «Крестьяне,— писал он,— не будучи освобождены от оков, привязывавших их к имениям, были теперь превращены также в личную собственность дворянина помещика; последний... стал лично ответственным перед правительством за крестьян и за их подати» [70]. Данный момент чрезвычайно усиливал заинтересованность феодалов в удержании крестьян на месте, и до того руководившую ими в их хозяйственной и политической деятельности. Таким образом интересы феодального класса и возглавляемого им государства слились воедино в борьбе с уходом крестьян, который расшатывал крепостное право.

Ожесточенная и систематическая борьба с бегством, организуемая правительственными органами, началась, как только убыль населения, обнаруженная переписью 1710 г., стала объясняться массовыми побегами и утайкой на новых местах [71]. Начало усиленной борьбе положила цепь указов 1713—1714 гг. о розыске беглых крестьян, посадских, рекрут и солдат и о возвращении их на старое место и в армию [72].

Указы о беглых издавались и в годы ландратской переписи (1716—1717 гг.), но особо категорический и разработанный характер они приобрели при переходе к подушной подати. Теперь учет каждого плательщика деревни и города ставился во главу угла. Когда новая поголовная перепись, проводившаяся в 1719—1720 гг., дала явно неудовлетворительные результаты, последовали один за другим указы, предписывавшие беглым явиться до 1 сентября 1721 г. Помещики же, утаившие души, обязывались, не опасаясь наказания, объявить их; в противном случае им угрожало лишение деревень [73]. Изданием аналогичных указов сопровождалось и «генералитетское свидетельство душ», или первая ревизия данных поголовной переписи. Основным пунктом этих указов являлось решительное требование выявления беглых и возвращения их на прежние места. Условия возвращения наиболее полно были изложены в указе от 23 февраля 1721 г. Помещикам и управителям других видов вотчин предписывалось в годичный срок вывезти всех беглых

[69] ПСЗ, т. VI, № 3660, стр. 248.
[70] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 536—537.
[71] За первые 10 лет XVIII в. в «Полном собрании законов» имеется всего четыре коротких указа, предписывавших возвращать беглых, как это требовалось и в «Уложении», на старые места, т. IV, №№ 1980, 2092, 2147, 2271.
[72] ПСЗ, т. V, № 2672, 2706, 2783, 2846, 2891, 2910.
[73] ПСЗ, т. VI, № 3762, стр. 372—373.

на старое жилище, с обязательством уплатить их настоящим владельцам «пожилые деньги» в размере 20 руб. за двор; пожилые деньги не вносились при возвращении дворцовых, монастырских и вообще церковных крестьян. Этим подчеркивалось стремление особо охранить интересы светских землевладельцев. Если же кто, устанавливал указ, к назначенному сроку не вернет беглых, пожилые деньги будут взяты втрое; в случае же отсутствия денег конфискуются деревни; приказчиков же, не содействовавших вывозу, предписывалось «бить кнутом и ссылать в каторжную работу». В конце указа категорически запрещалось принимать впредь беглых под страхом уплаты сторублевого штрафа; если же приняты будут с разрешения помещика, у последнего будет конфисковано все движимое и недвижимое именье [74]. Указы 1721, 1722 и следующих лет являлись в той или иной степени повторением данного указа.

Одновременно при свидетельстве душ предъявлялось требование о возвращении на старые места «у кого явятся пришлые с посадов и из купечества» [75]. Обилие указов о беглых, которыми буквально пестрит законодательство с начала 1720-х годов, свидетельствует об усиленном периоде борьбы с побегами, в которой одинаково активное участие должны были принимать и помещики, и правительственные учреждения.

Об активности помещиков в этой борьбе свидетельствуют вотчинные инструкции 1720—1740-х годов. Каждый из этих интереснейших документов содержал, кроме чисто хозяйственных статей, предписания по борьбе с пришлыми всякого рода, в том числе чужими крепостными. В унисон с правительственными указами частные инструкции под угрозой штрафа и суда требовали «накрепко» смотреть, чтобы таких пришлых никто не укрывал, а при обнаружении их высылать немедленно. Надо отметить, что данные пункты, как правило, помещаются в качестве особо важных в начале инструкций [76].

Общие мероприятия по борьбе с побегами непосредственно коснулись кадров промышленности.

Зная о том, что крупная промышленность является одним из убежищ для беглецов, правительство уже в 1718 г. потребовало особого обязательного оформления при поступлении на мануфактуру. Именной указ от 17 января 1718 г. предписывал «паемщику» иметь свидетельство от «Коллегии мануфактурной», ее органов на местах или от губернатора и его чиновников в том, «что он подлинно такого художества мастеровой человек, а не подложной, дабы под тем видом не могли пролыгаться, укрываясь от службы» [77].

В разрешении, выданном в том же году И. Тиммерману на заведение парусной мануфактуры, предписывалось «беглых драгун и солдат, и рекрут не принимать, и дворцовых, и помещиковых людей, и крестьян без поручных записей не держать» [78].

С 1721 г., когда, как указывалось выше, вопрос о сыске и возврате беглых вообще получил особую остроту, перед частными владельцами и администрацией казенных металлургических заводов, где временами беглых скапливалось «множество», было категорически поставлено требование о неприеме на работу новых пришлых и о возвращении или вывозе на старые места уже имевшихся.

Этот нажим был сделан не без давления на правительство со стороны представителей господствующего класса. В правительственных указах имеется ссылка на прошение баронов Строгановых от 19 декабря 1720 г. по поводу массовых побегов крестьян, из которых больше ста семей устроились на казенных заводах. Строгановы просили вернуть беглецов, чтобы «вотчине его не быть во всеконечном разорении» [79].

В настоящее время у нас нет других фактов обращений к правительству или воздействия на него со стороны дворянства. Но что интересы последнего руководили правительством, об этом свидетельствует последующее законодательство по тому же вопросу.

После смерти Петра I, в период наступившего «всевластия» дворянства, когда оно распоряжалось самим престолом, борьба с уходом крестьян приняла еще более ожесточенный характер и проводилась в разных формах. В 1730-х годах (исключая голодные 1733—1734 гг.) десятками издавались указы, повторявшие требование не принимать вообще и в частности на мануфактуры беглых и возвращать тех, кто принят раньше. По этому поводу В. Н. Татищев в одном из своих донесений в 1737 г. писал: «Многими печатными указами и данною инструкциею накрепко запрещено беглых принимать и принятых повелено высылать на прежние жилища» [80]. Указы стали еще многочисленнее и категоричнее во время подготовки и проведения второй ревизии. Со ссылкой на старые указы, в частности начала 1720-х годов, указ от 5 февраля 1743 г. предписывал: «Того ра-

[74] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 616, лл. 161—165 об., а также кн. 826, лл. 79, 80. В «Полном собрании законов» данного указа нет.

[75] ПСЗ, т. VI, № 4026, стр. 717; № 4042, стр. 725.

[76] См. Н. В. Устюгов. Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в. «Исторический архив», т. IV. М.—Л., 1949.

[77] ПСЗ, т. V, № 3142, стр. 531.

[78] Там же, № 2820, стр. 113.

[79] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 618, л. 228.

[80] Там же, кн. 826, л. 88.

ди за кем такие беглые люди и крестьяне есть, оных всех с их крестьянскими животы и с хлебом отвесть на прежние жилища на своих подводах конечно через нынешней 1743 год, дабы будущего 1744 года генваря по 1 число ни один нигде не остался». Если же кто не отвезет и при ревизии таковые обнаружатся, они будут высланы на коште лиц, укрывавших их, с которых одновременно будет взят штраф в пользу государства и пожилые деньги в пользу помещика [81].

Одновременно совершенствовались мероприятия как бы профилактического порядка, стеснявшие самый уход крестьянина и посадского на любой срок, а также устройство их на новом месте.

Еще в XVII в. официально требовались отпускные письма при уходе на заработок, что редко осуществлялось на практике, и гулящий человек годами без всякого отпуска работал на стороне. С начала XVIII в. требования обязательного объявления об уходе на любое время и соответствующего оформления принимают все более решительный характер, а самые мероприятия становятся все более разработанными с целью превращения самовольного ухода в законный и ограниченный по времени. В работе крестьян на стороне «для податей» или «для оброку» были заинтересованы и помещики, и само правительство, видя в ней один из источников эксплуатации податного населения. Поэтому, начиная с «Уложения» 1649 г., в законодательстве подчеркивалась законность временного отхода на заработок, но этот отход не должен был превращаться в «выход» или бегство. Для надзора за крестьянами прожектеры при Петре I предлагали обязать десятских и сотских, чтобы они не отпускали никого никуда без разрешения даже на неделю. Кому же будет необходимо идти на работу для уплаты податей на более длительный срок, тот должен получить отпуск от местного приказчика или от священника, а в городе у комиссара приложить печать. Цель этих предложений ясно формулируется авторами проектов: «Против прошедшаго времени весьма возможет престать великий побег крестьянский и солдатский, и разбой, и татьбы» [82].

Законодательство первой половины XVIII в. и жизненная практика соответствовали этим предложениям.

Во второй половине 20-х годов XVIII в. в тех же целях нормирования передвижения населения были введены печатные паспорта, чтобы не уходили с подложными или «воровскими»

[81] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 826, л. 94.

[82] П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 418.

письменными паспортами. Получение печатного паспорта было труднее, его могли выдавать только представители администрации.

Одновременно вводились новые меры, стеснявшие прием «пришлых» на работу даже в крупной промышленности, остававшейся до конца петровского царствования несколько в особом положении. В указах 1725—1727 гг. неустанно повторялось, что «на заводы ни в какую работу беглых и не имеющих паспортов... отнюдь не принимать». Мало того, не успело начаться новое царствование, как императрица, возведенная на престол дворянством, утвердила закон, запрещавший принимать на заводы даже с паспортами, так как под этим видом могут укрываться беглые [83]. Последний указ вряд ли действовал долго, но самая постановка вопроса показательна. Для современников, таких, как Геннин, близко стоявших к этим вопросам, было ясно, в чьих интересах и под чьим воздействием старалось правительство. В донесении от февраля 1726 г. Геннин писал, что уж если правительство, «милосердуя о помещиках», хочет вернуть им беглых, то пусть отдаст им не тех, кто уже устроился на заводах, а дворцовых крестьян, в противном случае «заводы будут пусты» [84]. В отношении же помещичьих крестьян в указе от 15 июля 1726 г. подчеркивалось, чтобы при поселении при заводах дворцовых крестьян следить накрепко, «дабы помещичьи люди и крестьяне для поселения при тех заводах не назывались дворцовыми и монастырскими крестьянами» [85]. Устройство на заводах становилось крайне затруднительным для помещичьего крестьянина. Но помещики и другим способом боролись с таким устройством. С этой целью, как констатировала сама Берг-коллегия, «другим и в паспортах приписывают, чтоб на фабриках не держать» [86].

Надо сказать, что уже сами современники оценивали мероприятия правительства по борьбе с бегством как очень жестокие. «На что нынешнего жесточе указу, иже сочинен о беглых крестьянах»,— писал И. Т. Посошков. Он же совершенно ясно определял цель этих мероприятий: «Беглым салдатам и крестьянам велми будет трудно приходить и одною головою, а з женами и з детми и с места своего тронутца будет некак; все пути их будут заперты» [87].

[83] ПСЗ, т. VII, № 4736, стр. 507; № 4931, стр. 678—679.

[84] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 750, л. 344.

[85] Там же, л. 649; ПСЗ, т. VII, № 4931, стр. 678—679.

[86] ЦГАДА, Дела Сената, кн. 940, л. 591.

[87] И. Т. Посошков. Указ. соч., стр. 164.

Насколько прав был в своих предположениях Посошков, свидетельствует донесение В. И. Геннина в Берг-коллегию от 9 июня 1726 г. о том, что при отправке железа в Петербург были наняты гулящие люди без паспортов. В пути они потребовали, чтобы им были выданы паспорта, которые как бы легализировали их положение.

Той же борьбе с побегами должны были содействовать меры другого порядка: устройство застав и караулов на тех путях, по которым направлялись теперь потоки беглых. В первые десятилетия XVIII в. такими путями были дороги, ведшие через Урал в Сибирь и Башкирию. Здесь в 20-х годах XVIII в. и были «всюду» организованы посты. Однако движение было настолько сильно, что остановить его в те годы не удалось. В. И. Геннин в 1726 г. доносил по этому поводу, что если караулы поставить на каждой версте, то и тогда беглецов по пути в Сибирь и Башкирию не удержать; их следует ловить «в Руси», не допуская до Урала. По его словам, в апреле этого года собралось такое «множество вольных гулящих людей», что «и места не сыскалось, где оных уместить под караулом», да и ловить «некем». Если ловить «малыми людьми, то без убивства не пройдет, а ежели солдатами, то солдат довольного числа не имеем; если же крестьянами, то сами крестьяне разбегутся или их гулящие побьют» [88].

Так феодальное правительство, защищая интересы и фиска, и господствующего класса, старалось насильственно, мерами внеэкономического принуждения, сохранить прикрепление масс населения и воспрепятствовать процессу его отрыва от земли и средств производства, начавшемуся под влиянием развития производительных сил и товарно-денежных отношений, ускоренному ростом эксплуатации со стороны того же государства и землевладельцев.

Жестокая и организованная борьба с самовольным уходом крестьян и посадских людей имела своим результатом, видимо, некоторое сокращение побегов. На такой результат и рассчитывал Посошков, когда писал о необходимости паспортов. «И аще сперва повидится сие дело и трудновато, а егда обыкнут, то и тягости никакой не будет... и егда лет десяток место в таковой крепости побудут, то уже и бес писем ходить и ездить будет мочно» [89]. Ограничиваясь материалами по истории промышленности, приходится констатировать, что на протяжении всей второй четверти XVIII в. раздавались многочисленные жалобы и

[88] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 750, лл. 917—917 об.
[89] И. Т. Посошков. Указ. соч., стр. 162, 164.

администрации казенных заводов, и владельцев частных мануфактур на то, что работа предприятий тормозится «за неимением вольных», «за умалением пришлых», «за неимением работных людей». К середине XVIII в. количество указов о беглых, сравнительно с 1720—1730 гг., значительно сокращается.

Но это был лишь некоторый успех для феодальных сил. В условиях непомерной эксплуатации, при наличии, помимо земли, других источников существования, все расширявшихся по мере развития промышленности, торговли, городов, удержать непосредственного производителя даже при помощи весьма крутых мер все же не удавалось. Об этом свидетельствуют следующие факты. В середине XVIII в. на уральских казенных и частных заводах числилось 6852 человека, пришедших сюда после 1724 г.[90], т. е. после 1-й ревизии и после многократных указов по борьбе с пришлым элементом. Судя по тому, что эти люди при 2-й ревизии были положены в подушный оклад при заводах, их можно считать прочно оторвавшимися от земли и своего прежнего состояния, превратившимися теперь в постоянных заводских мастеровых и работных людей. По наблюдениям Б. Б. Кафенгауза, среди пришлых рабочих на заводах Демидова преобладала беднота: «Характерной является фигура обнищавшего крестьянина, сироты, гонимого лишениями с родины на завод» [91].

Аналогичные сведения о притоке сходцев из крестьян и посадских людей после 1-й ревизии имеются также по мануфактурам легкой промышленности. По переписи 1732 г. было установлено, что на шести старых и наиболее крупных текстильных мануфактурах насчитывалось явившихся после «свидетельства душ» 1600 человек обоего пола; из них 900 человек крестьян и 700 — посадских людей [92]. Позднее, в период проведения 2-й ревизии, а именно в 1744 г., встал вопрос относительно тех же текстильных мануфактур, как быть с пришлыми, так как «на многих суконных и других фабриках все приняты после состояния того 1736 года указа» [93]. Следовательно, и после многократных повторных указов, в период наиболее обостренной борьбы с бегством, последнее продолжалось, и работа в крупной промышленности по-прежнему привлекала сходцев в качестве одного из источников существования.

[90] С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 302.
[91] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.— Л., 1949, стр. 362.
[92] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 924, лл. 76—77.
[93] ПСЗ, т. XII, № 8969, стр. 148.

* * *

Однако в какой степени этот уход или бегство из родных мест являлся действительным «выходом» из прежних «чинов» и превращением крестьянина и ремесленника в людей, лишенных собственных средств производства и вынужденных жить продажей своей рабочей силы? Иными словами, насколько этот процесс являлся экспроприацией непосредственных производителей деревни и города?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь в виду последующую судьбу сходцев или, по выражению официальных источников, беглых. Неразработанность вопроса, с одной стороны, размеры настоящей статьи — с другой, не позволяют ответить на этот вопрос с достаточной полнотой, однако некоторые данные привести можно.

Несомненно, значительная часть сходцев устраивалась на новом месте «во крестьянство» на частных, дворцовых и государственных землях. Посошков писал, что у крупных помещиков «населено беглых кресян в понизовых местех и в украиных всецелые села великие, иже есть в них дворов ста по два и по три и болши» [94]. Аналогичные указания имеются в части дворцовых и черных земель. В 1732 г. генерал-майор Салтыков доносил, что «по свидетельству (1-я ревизия.— *Е. З.*) в ясашных и других волостях дворцовых явилось пришлых, ис которых не токмо половину, но и целое село разослать надлежит по разным губерниям».

В ответ последовало решение: «Где целые села, или где половина или треть, тех отдавать помещикам с землями, а где меньше, велеть разводить, как протчих» [95].

Сходцы часто устраивались «во крестьянство», женясь на крестьянках на новом месте. Во всех этих случаях не создавались новые производственные отношения, а воспроизводились старые, феодальные.

Как новое явление для первых десятилетий XVIII в. следует отметить поселение пришлых в районах промышленного строительства. Так, в Починковской волости, в районе расширявшихся поташных заводов, многие пришлые «во крестьянство» поселились своими дворами и подати платили «к заводским делам, а не помещикам» [96]. Относительно слобод, приписанных к казенным уральским заводам, администрация последних сообщала, что в случае исполнения указа о беглых «едва не все слободы... надлежит разорить, ибо все пришлые из России» [97]. Данное заключение В. И. Геннин в 1726 г. распространял вообще на Сибирь: «Ежели повелено будет из Сибири пришлых старожилых людей на прежние жилища высылать или помещикам отдавать, то в Сибири немного крестьян останется, ибо больше известно Берг-коллегии какими людьми Сибирь населена, а заводы будут пусты» [98].

[94] И. Т. Посошков. Указ. соч., стр. 100.
[95] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 826, л. 81.
[96] ПСЗ. т. VII, № 4238, стр. 73.

В данном случае речь шла не только о крестьянах приписных к заводам слобод, но и о тех заводских постоянных работниках, которые жили при самих заводах. Хотя для них основным источником существования и основным занятием являлась работа на заводе, однако они были поселены на определенных участках и имели свое хозяйство. Даже в разгар правительственной борьбы с бегством В. И. Геннин доносил о необходимости поселения при заводах «шатающихся в Сибирской губернии дворцовых и монастырских крестьян», которые «могут здесь, при Екатеринбургских и протчих заводах, довольно пахотных земель и сенных покосов получить» [99]. Такие поселенные работники из числа беглых имелись и при заводах Демидова, относительно которого жаловался В. Н. Татищев: «Сверх того держит множество вольных людей и дает всем селиться» [100].

Если такие работники и не становились в полной степени крестьянами, то во всяком случае в них трудно видеть экспроприированное население [101], тем более, что в отношении данного

[97] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 616, л. 161.
[98] Там же, кн. 750, л. 344
[99] Там же, л. 648.
[100] Там же, кн. 618, л. 87 об.
[101] При переписи 1721 г. постоянных мастеровых и работных людей казенных уральских заводов, живших при заводах, были получены следующие сведения об их материальном положении:

Должность	С какого года на заводе	Откуда прибыл, кем был ранее	Где живет	Имеет
Плотинный мастер Уктусского завода	1703	«Взят» из Арамильской слободы в ученики	В казенном дворе	4 коровы, 13 овец, свинью
Молотовый мастер того же завода	—	Вологодской губ., привез отец в «малых летех»	То же	3 лошади, 2 коровы, свинью
Молотовый работник того же завода	1709	«Взят» из Арамильской слободы	В своем дворе	2 лошади, 3 коровы, 4 овцы, сена 35 копен

ЦГАДА, ф. Берг — коллегии, кн. 617, лл. 13, 14—14 об., 17, 32 60, 61.

заводского населения довольно быстро устанавливалась феодальная форма эксплуатации.

Часть крестьян прочно оседала в городе, занимаясь ремеслом, а то и торговлей, и нередко зачислялась в дальнейшем в посад, попадая таким образом в новый «чин». В ряде указов, касавшихся вопроса о беглых, говорилось о дворцовых, патриарших, монастырских, помещиковых и вотчинниковых крестьянах и дворовых людях, которые в городах «издавна жили и ныне живут и торги, и промыслы имеют» [102]. Как бы в подтверждение этих общих указаний имеются сообщения из городов. Например, из Нижнего Новгорода в 1729 г. писали, что на посаде много пришлых дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян с паспортами и без них, которые имеют «многое кепечество», а теперь их высылают в качестве беглых [103].

В Москву тянулись крестьяне из разных уездов. По данным первой ревизии, здесь оседали жители соседних дворцовых сел — Покровского, Тайнинского, Хорошевского, Троицкого, из волостей Московского у.— Гжельской, Гуслицкой, Домодедовской. Шли из других уездов Московской губ. и из уездов других губерний; из южных — Коломенского, Рязанского, Краснослободского; западных — Вяземского, Дорогобужского, Смоленского, поволжских — Ярославского, Балахонского, Нижегородского, но особенно много из уездов — Суздальского, Владимир-

Окончание

Должность	С какого года на заводе	Откуда прибыл, кем был ранее	Где живет	Имеет
Работник того же завода	1718	Пришел на завод из Вятки	В чужом дворе	Лошадь, корову, сена 20 копен
Работник того же завода (бобыль)	1713	Крестьянин Устюжского у., «пришел на Уктус»	Во дворе мастера	Лошадь, корову, овцу; сена 50 копен
Работник Алапаевского завода (бобыль)	1718	То же	В чужом дворе	Лошадь, 2 жеребенка, 2 коровы, свинью, сена 40 копен
Работник того же завода	1717	Отец — посадский человек Тобольска «пришел на Уктус»	Во дворе беглого бобыля	Лошадь

[102] ПСЗ, т. VI, № 4059, стр. 748—749 т. VII, № 4398, стр. 190.
[103] ПСЗ, т. VIII, № 5417, стр. 202.

ского, Ростовского, Костромского [104]. В других источниках имеются как бы встречные сведения о том, что из ряда сел, именно тех, которые встречаются в материалах первой ревизии, взрослое мужское население ушло в Москву. Крестьяне с. Федоровского Костромского у., например, показали, что в Москве живет человек 200 их односельчан, обязавшихся платить все причитавшиеся с них сборы в столице [105]. Многие выходцы из посадов устраивались на новых местах, оказываясь в том или другом разряде податного населения, в частности на положении крестьян на дворцовых, монастырских, помещичьих землях [106].

Такова участь части беглых крестьян и посадских людей, оседавших на земле или в городе.

Однако бывала и другая судьба сходцев или беглых. Выше уже упоминалось, что работа на стороне продолжалась десятилетиями, и для многих сходцев это состояние становилось пожизненным, а то и потомственным. Очень важные с этой точки зрения данные содержат материалы переписей мануфактурных рабочих. Из 7 тыс. человек, учтенных при переписи 1737—1738 гг. на мануфактурах легкой промышленности [107], 57% оказались «детьми» крестьян и посадских людей, включая ямщиков и дворцовых служителей; последние в 1730-х годах в Москве, потерявшей прежнее значение столицы, должны были кормиться разными промыслами. Если же причислить 21%, который дали при переписи «дети» солдат (а солдаты являлись выходцами из тех же податных слоев деревни и города), то в результате эти два сословия представляли на мануфактурах 78% рабочей силы.

Несмотря на суровость борьбы с уходом без паспорта или покормежного письма, при переписи на наличие таких документов указывали буквально единичные работники; в массе они ушли в свое время без разрешения, самовольно и могли рассматриваться как беглые. Именно поэтому еще в 1722 г. помещики начали «брать учеников» с московских мануфактур «по последнему закону о беглых». Уход из родных мест объяснялся большинством рабочих в их сказках нуждой, «неимуществом», «убо-

[104] Е. И. Заозерская. Московский посад при Петре I. «Вопросы истории», 1947, № 9, стр. 22, 28—29.
[105] А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Покровского. Исторический факультет», т. V, вып. 1, 1940, стр. 36.
[106] ПСЗ, т. V, № 2794, стр. 96; № 2813, стр. 107.
[107] Итоги этой переписи в статистической обработке опубликованы в издании «Крепостная мануфактура в России», ч. IV. «Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.». Л., 1934. В дальнейшем изложении используются «Сводки по всем предприятиям» (стр. 112—120, при этом отдельные ссылки не даются).

© ГПНТБ СО РАН

жеством», а в некоторых случаях и прямо необходимостью стороннего заработка для уплаты податей и «прокормления». Уходя «для прокормления», крестьяне или начинали нищенствовать или сразу брались за «всякую работу», за «черную работу», переходя с места на место, и лишь позднее, попадая в город, устраивались в промышленности [108]. Так получался длительный отрыв от своих прежних занятий, своего хозяйства и промысла даже для тех, кто первоначально, возможно, уходил лишь на время, не думая бежать. Однако бывало и иначе, особенно в тех случаях, когда уходила вся семья: в сказках нередки показания о том, что опрашиваемый рабочий ушел с родителями. О степени давности ухода или отрыва от прежнего состояния можно судить даже по производственному стажу работы на мануфактурах, где застала работника перепись (см. табл. 1) [109].

Таблица 1

Сведения о производственном стаже работы на мануфактурах

Количество рабочих, давших показания	Из них имели стаж (от — до лет)			
	1—3	4—10	11—20	Свыше 20
Всего — 5542	1555	2061	1577	349
% 100	28,1	37,2	28,4	6,3

Таким образом, менее одной трети давших показания работали от одного до трех лет, т. е. в пределах законного срока для отходника по паспорту; и более одной трети — свыше 10 лет. Между тем для большинства мастеровых и работных людей поступление на данную мануфактуру не совпадало с моментом ухода и даже с началом общего стажа работы по найму. Об этом свидетельствуют показания рабочих относительно их занятий до поступления на данную мануфактуру (см. табл. 2).

Приведенные здесь данные показывают, что лица, бывшие до поступления на мануфактуру непосредственными производителями в ремесле или сельском хозяйстве (графы 5 и 7), составляют всего 2,5%. Первая графа таблицы, как правило, ка-

[108] Анализ этих данных см. Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953, стр. 439 и сл.

[109] Обе помещенные ниже таблицы взяты из издания «Крепостная мануфактура» т. IV, «Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.», стр. 113—114.

Таблица 2

Занятия работников до поступления на данную мануфактуру

Количество рабочих, давших показания	Из них								
	жили при родных	нищенствовали	работали по найму	занимались ранней работой	были ремесленниками	торговали	крестьянствовали	работали на мануфактуре	имели другие занятия
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего — 4362	1381	940	982	202	78	97	36	608	38
% 100	31,7	21,6	22,6	4,6	1,8	2,2	0,7	13,9	0,9

сается тех, кто поступил на мануфактуру в раннем возрасте, и поэтому сколько-нибудь самостоятельного значения в хозяйстве не мог иметь. Те, кто имел до поступления на данную мануфактуру тот или иной трудовой стаж, составляют 41% (графы 3, 4, 8), при этом можно думать, что под «всякой» работой или работой на мануфактуре имелась в виду работа по найму. К оторвавшимся в той или иной степени от прежних занятий, своих или родителей, до поступления на мануфактуру следует отнести также нищенствовавших. Иногда нищенство перемежалось с работой по найму и, наоборот, работа по найму сменялась сбором подаяния. При этом отрыв, происходивший в той или иной форме, по показаниям сотен людей, имел место задолго до работы на мануфактуре; принимая в расчет стаж работы на мануфактуре, для многих людей время отделения их от собственных средств производства зачастую измерялось десятками лет. Для состарившихся мануфактурных работников уже не было перспективы возврата к отцовским занятиям и собственному хозяйству. Известны десятки случаев, когда сыновья продолжали на мануфактуре работу отцов, становившуюся потомственным занятием. Для иллюстрации приведем несколько примеров (см. табл. 3) [110].

Сотни аналогичных случаев длительного отрыва крестьян и горожан от прежних занятий и средств производства содержат материалы переписи мануфактурных рабочих конца 1730-х годов [111].

[110] Примеры взяты из материалов переписи мануфактурных рабочих 1732 г.— ЦГАДА, Дела Сената, кн. 1503, лл. 142 об., 143 об., 144 об., 146 об., 329 об., 331 об., 690, 704 об., 962 об., 1198, 1335, 1336 об.

[111] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 3, десятки дел под таким названием.

© ИНИТБ СО РАН

Таблица 3

Давность ухода и работы по найму по сказкам рабочих конца 1730-х годов.

Имя и социальное положение	Возраст	Сколько лет назад «вышел»	При каких обстоятельствах ушел из родных мест	Работает		Семейное положение	Где живет
				Где	Сколько лет		
Вас. Семенов, монастырский крестьянин Чухломского у.	53	30	«Вышел собою» отец;	На Суконном дворе	28 лет	Жена, дочь	При фабрике
Петр Дитев, монастырский крестьянин Переяславль-Залесского у.	33	24	После смерти отца, 9 лет «сошел» с посторонними людьми в Москву; кормился работой	То же	12 лет		При фабрике
Афанасий Иванов, монастырский крестьянин Суздальского у.	65		«Сошел» после смерти отца в Москву, жил по разным местам	» »	27 лет	Жена, дочь	Живет в наемном углу
Иван Ларионов, монастырский крестьянин Белозерского у.	50	«В малых летех»	«Вышел» в Москву, по 5—6 лет жил в работниках на Денежном дворе, Чулочной мануфактуре, Перовском кружале	» »	10 лет	Жена	В наемном углу
Андрей Шелковников, посадский человек г. Суздаля	14	Родился в Москве	Отец «сошел» в Москву «в малых летех» и до сих пор кормится подаянием	» »	1 год	—	—
Максим Игнатьев, посадский человек Юрьева-Польского	55	«В малых летех»	Отец «сошел» и «снес» его в Москву; с 8 лет кормится работой	» »	10 лет	Жена	В наемном углу

Таблица 3 (окончание)

Имя и социальное положение	Возраст	Сколько лет назад «вышел»	При каких обстоятельствах ушел из родных мест	Работает		Семейное положение	Где живет
				Где	Сколько лет		
Филат Сердцев, дворцовый крестьянин Костромского у.	55	45	После смерти отца, его 10 лет вывезли в Москву родственники; жил по разным местам. С 1719 г. на фабрике Тамеса	На фабрике Тамеса	13 лет	Жена	В своем строении
Дмитрий Огурцов, помещичий крестьянин Костромского у.		20	После смерти отца в малых летах ушел в Москву; кормился на Хамовном дворе	»	13 лет	Жена	В своем строении
Тихон Кокорин, монастырский крестьянин Московского у.	56	«В давних годех»	После смерти отца «сошел» в Москву; работал на фабрике Плавильщикова 9 лет	»	—	Жена, два сына	При фабрике
Николай Захаров, посадский человек Камышина	43	Не менее 20 лет	10 лет остался «в сиротстве», посторонние привеали в Москву; нищенствовал 15 лет, работал на фабрике Плавильщикова	На фабрике Гончарова	3 года	Жена, две дочери	—
Яким Иванов, монастырский крестьянин Кинешемской слободы	35	Не менее 30 лет	С отцом «от голоду «сошли» в Казань; отец умер 30 лет назад	На фабрике Микляева в Казани	16 лет	—	—
Павел Иванов, посадский человек г. Козмодемьянска	35	20	«Съехал» в Казань	То же	12 лет	Жена, трое детей	—

© ИНТ БСОРАН

Обобщенные данные по металлургическим заводам свидетельствуют о таких же явлениях. Например, при переписи 1717 г. рабочих Невьянского завода Демидовых оказалось, что из 516 человек 331 работали от 5 до 17 лет, т. е. с основания завода; при переписи рабочих Нижне-Тагильского завода в середине XVIII в. было обнаружено, что «пришлые» рабочие в количестве 229 человек работали на заводе от 15 до 40 лет и более [112]. На Иргинском заводе Осокиных, по данным переписи 1739 г., из 234 пришлых рабочих только 44 человека работали от 1 до 5 лет; естественно при этом, что 190 человек оказались пришедшими без паспортов [113].

Предшествовавшая судьба этих сходцев неизвестна, но и сроки работы на данных заводах говорят о давности их отрыва от родных мест и прежних занятий.

О том же свидетельствуют индивидуальные показания беглых, допрошенных при сыске.

В 1710 г. монастырский крестьянин Ростовского у. Гаврила Иванов, обвинявшийся в побеге и воровстве, сказал о себе следующее. Лет 10 назад он был послан при мобилизации работников в Петербург, оттуда ушел в Муромский у., «по деревням кормился и по миру и работою своею». Но крестьяне, проведав, что он «беглой, а не свободной, ево, Гаврилу, держать у себя не стали и выслали вон». Тогда он ушел в Ростовский у., работал поденно у крестьян — косил сено и жал хлеб и «сказывался гулящим человеком, разных волостей бобылем». Еще два аналогичных примера. Монастырский крестьянин Владимирского у. Семен Васильев «в малых летех» «сшел» из деревни и жил, «все переходя по разным местам; да он же де ходил на стругах на Волге и на Оке реках для работы»; затем два крестьянина за 9 руб. наняли его вместо себя в солдаты. Другой крестьянин Владимирского у., Степан Сергеев, остался сиротой лет 20 назад (дело поднялось в 1713 г.), после чего жил в деревне «в работе из хлеба». В 1710 г. «прибрел к Москве» и жил «у разных людей в работе», в результате — «обезножил» [114]. Такие прочно отбившиеся от собственных средств производства люди могли быть возвращены «во крестьянство» только по сыску, но и то вряд ли прочно. Именно относительно таких предполагал В. И. Геннин, что они будут плохими плательщиками налогов и «могут от убожества паки разбрестись врознь» [115].

[112] Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 356, 361.

[113] Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 375.

[114] Примеры взяты: Институт истории АН СССР, Отдел рукописных фондов, ф. А., д. 8, стр. 135, 154—156, 189.

[115] ПСЗ, т. VII, № 4931, стр. 678.

Несомненно, для этой части сходцев, а она, как мы видели выше, была довольно значительной, уход или бегство вели к их экспроприации и превращению непосредственного производителя в работника по найму. Правда, крепостной строй, как вскрывалось многими исследователями промышленности России XVIII в., накладывал свой отпечаток на положение и этих работников. Однако акт купли-продажи рабочей силы лежал в основе, так же как и то, что продажа рабочей силы являлась источником существования для этой новой категории трудового населения России. Важно отметить и то обстоятельство, что значительное применение своей рабочей силы эти люди находили в крупной промышленности. Недаром помещики в паспортах приписывали, чтобы не принимали на мануфактуры, видя в последних убежище для тех, кто хотел уйти из деревни.

Закон 1736 г. разрешил владельцам мануфактур навечно удержать квалифицированную часть этих работников, выплатив за них помещикам установленную сумму, т. е., иными словами, выкупив их. Основанием для этого была незаконность их «выхода» из прежнего состояния путем бегства и право помещика на сыск таких беглецов и их возвращение. Но тем самым узаконивался их отрыв от деревни и земли и существование за счет заработной платы. Такое положение, по тому же закону 1736 г., становилось обязательным и для их детей; тем самым создавались потомственные кадры на мануфактурах.

А благодаря тому, что побеги продолжались и новые сходцы пополняли ряды наемщиков, эта форма отрыва непосредственного производителя от средств производства в первой половине XVIII в. являлась достаточно выраженной.

* * *

Другая форма ухода из деревни — отходничество, которое в первой половине XVIII в. определялось наличием разрешения в форме паспорта или покормежного письма. Выше указывалось, что, в противовес бегству, временный отход для заработка не только узаконивался, начиная с Уложения, но и поощрялся как правительством, так и самими помещиками. «Ежели кто пожелает куды отъити для работ или для торгового промыслу,— наказывал Строганов приказчику,— и таковым..., по прошению их, давать бы вам пашпорты за своими руками на указные сроки» [116]. Посошков давал следующий совет в интересах и землевладельца, и крестьянина: «А буде при дворе своем никакой работы пожиточные нет, то шол бы в такие места, где из найму

[116] «Исторический архив», т. IV, стр. 160.

люди работают, дабы даром времени своего не теряли, и тако творя, никакой крестьянин не оскудеет» [117].

Для самого правительства с начала XVIII в., в связи с небывалым до того размахом разнообразных практических мероприятий (постройка крепостей и городов, строительство флота и мануфактур, сооружение каналов), поощрительное отношение к отходничеству вызывалось необходимостью возможного обеспечения не только уплаты податей, но и притока рабочей силы. Хотя в условиях максимального развития крепостничества и утверждения абсолютизма, когда все население рассматривалось как «рабы», «всегда вековые» царю, право на принудительный труд было безгранично, тем не менее казенное ведомство было заинтересовано в наемных работниках.

Известно, что на казенных промышленных предприятиях не только Москвы [118], но и на заводах Урала, а также на других предприятиях [119] применялся наемный труд. В некоторых случаях пытались вводить наемный труд как бы взамен подневольного. Хотя к Уктусскому заводу были приписаны три слободы, обслуживавшие рабочей силой данное предприятие, в 1719 г. последовало решение: «Велено на завод для работ нанимать охочих людей, и по тому указу работные люди наймутся и дается за работы по разным ценам» [120]. Подобная практика рекомендовалась и в дальнейшем. В 1735 г. последовал указ В. Н. Татищеву о том, чтобы «из новых сибирских заводов, выбрав один, строить и работу всякую, как в заготовке руды и угольев и прочего, производить наймом, без наряда работников» [121].

«Наймом» выполнялись и другие государственные мероприятия, например, сооружение каналов. 14 января 1726 г. Сенат указал публиковать во всех губерниях, чтобы к строительству каналов «шли без всякого опасения, которым наем в той работе, как прежде был, так и ныне будет добровольно и платеж без удержания и отпуск с той работы в домы по их желанию» [122]. Помещикам предлагалось выдавать желающим паспорта с обозначением, что идут на канал. Немного позднее другим указом объявлялось, что Ладожский канал следует закончить «одними вольными людьми», на что ассигновалась 51 тыс. руб. [123]

[117] И. Т. Посошков. Указ. соч., стр. 168.
[118] Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в., стр. 123—204.
[119] С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 285—287, 302.
[120] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 634, л. 331 об.
[121] ПСЗ, т. IX, № 6831, стр. 596.
[122] ПСЗ, т. VII, № 4821, стр. 561.
[123] Там же, № 5030, стр. 757.

В некоторых случаях правительство вынуждено было прибегать к наемному труду, даже нарушая собственные предписания, из-за отсутствия других работников. В 1733 г., в разгар борьбы с бегством крестьян, предписывалось на работах Кронштадтского канала держать пришлых беспаспортных до окончания канала. Такое же предписание получили казенные караваны с железом, отправлявшиеся с Урала. В 1745 г. в докладе Сенату Берг-коллегия сообщала, что при отправке караванов «вольных работников с паспортами весьма мало явилось да и сыскать во удовольствие ненадежно». В ответ Сенат постановил: «для вышеобъявленной необходимой для отправления того каравана нужды» принимать работников с письменными паспортами. Тем не менее в следующем 1746 г. последовало новое донесение Берг-коллегии о том, что «за малоимением же вольных работников» «зимуют в пути в разных местах казенные з железом и с протчими припасами два каравана», да «при Нижнем весьма много других казенных с солью судов стоит». И на этот раз последовало распоряжение — нанимать работников с письменными паспортами [124].

Таким образом, нужда в наемных работниках, в том числе и для казенного ведомства, была большая, что в значительной степени объяснялось большей производительностью наемного труда. Еще в 1721 г. В. Н. Татищев просил: «Дабы была дана вольность мастеров разных потребных ремесел и работников вольных принимать». Свою просьбу он мотивировал тем, что приписные, бросая свое хозяйство, «в делах спешат, как могут, только б урок сделать скорее... А вольных можно нанимать уговором на урошное и смотреть прилежно, чтоб исправно делано было» [125]. С годами соображения в пользу наемного труда становились все более определенными. В 1730-х годах администрация казенных заводов считала, что приписной «в 3 дня то не зделает, что в один день делать возможно», отсюда вытекал такой расчет нужного числа работников: на 1 домну и 6 молотов требуется 3252 приписных, работу которых могут выполнить 1026 наемных [126]. На эти соображения из центра в инструкции В. Н. Татищеву в 1734 г. предписывалось: «Стараться вам, чтоб некоторые работы на заводах, обретающихся в тобольских и верхотурских слободах, исправлять вольным наймом». Мотивировкой служило также невыгодное сравнение состояния производства на казенных и демидовских заводах. Хотя к казенным

[124] ПСЗ, т. IX, № 6427, стр. 155; ЦГАДА, Госархив, Разряд XIX, д. 186, лл. 3—4
[125] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 816, лл. 49 об., 128 об., 129 об.
[126] ЦГАДА, Дела о горных промыслах и заводах в России, д. 64, л. 12.

заводам, читаем в той же инструкции, «многие слободы для работ приписаны, однако ж видно, что Демидов пред оными ни четвертой части людей не имеет, железа же вдвое против наших заводов отпущает; а слышно, что наиболее он вольными работниками и гораздо дешевле все работы исправляет» [127].

Отсюда высшие инстанции и местные администраторы шли на своего рода подмену принудительного труда наемным. Так, и на уральских и на олонецких казенных заводах чуть ли не с первых лет их существования приписные крестьяне для выполнения лежавших на них заводских работ имели право нанимать вместо себя; с годами эта практика все расширялась. В то же время узаконена была и другая практика. К поташным заводам, находившимся в Нижегородском, Арзамасском, Саранском, Шатском уездах, было приписано 17 тыс. ревизских душ. С них в пользу заводов собиралось 6800 руб. «для употребления к делу поташа», в частности, на наем работников, предпочитавшихся, судя по нижеследующей цитате: «А когда к делу поташа приуготовлением потребных материалов мастерами и работниками тех заводов и нанятыми людьми исправиться невозможно, то для приуготовления тех материалов за указную цену и прочих работ употребляются помянутые крестьяне, ибо наемщиков иногда к нужному при том случаю сыскать невозможно» [128]. Тем большее значение имел наемный труд для владельцев частных мануфактур, даже располагавших некоторыми ресурсами принудительного труда.

На широкое применение наемных работников на заводах Демидовых указывалось выше. На совещании промышленников по составлению горного устава в 1734—1736 гг. заводчики заявили, что «в найме работных людей имеетца великая выгода» [129]. Владельцы мануфактур легкой промышленности неоднократно просили предоставить им право нанимать вольных работников, и все они на своих предприятиях практиковали наем, особенно в первой четверти XVIII в.[130] После указов 1721 г. о покупке деревень и 1736 г. о прикреплении навечно квалифицированных рабочих на частных мануфактурах в боль-

[127] ПСЗ, т. IX, № 6559, стр. 293.
[128] ПСЗ, т. VIII, № 6244, стр. 966—967.
[129] М. А. Горловский и Н. И. Павленко. Материалы совещания уральских промышленников 1734—1736 гг. «Исторический архив», т. IX. М., 1953, стр. 53.
[130] Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве, стр. 427—493; ее же. Способы обеспечения рабочей силой частных мануфактур во второй четверти XVIII в. Сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 291—293; «Очерки истории СССР» (вторая четверть XVIII в.), стр. 128—135

шой степени стал эксплуатироваться принудительный труд. Однако наряду с ним применялся и наемный. Наемные работники требовались также на частных соляных промыслах и при перевозке соли. Выразительно в этом отношении дело частных соляных промышленников, разбиравшееся в Сенате в 1746 г.[131] В 1743 г. промышленники во главе со Строгановыми внесли жалобу в Сенат о том, что они не могут вывезти пермскую соль в достаточном количестве из-за недостатка наемщиков с паспортами. Соответствующие инстанции и в данном случае нашли выход в применении принудительного труда: «Дабы в соли в народе недостатку не было, даваны были на те суда работные люди по нарядом с уездов». Таким образом, этот труд пал на плечи крестьянского населения, что и было констатировано в Сенате: «...Отчего не без тягости тем уездам происходило». На это, видимо, последовали жалобы, а, может быть, и сопротивление, так как при аналогичных обстоятельствах в 1746 г. Сенат принял другое решение, «убегая тех нарядов», а именно: позволить впредь на два года Строгановым и другим промышленникам нанимать с письменными паспортами, о чем последовала соответствующая публикация.

Широкой потребностью во временных работниках по найму в значительной степени обусловливалось развитие отходничества в первой половине XVIII в.

Отход крестьян в город, в том числе в Москву, правда, или еще совсем не оформлявшийся или оформлявшийся «жилой записью», носил массовый характер уже в первых десятилетиях XVIII в. Ежегодно в Крепостной конторе только в «жилых книгах» по Москве регистрировалось 1,5—2 тыс. записей по найму на разные работы, сроком от года до трех и редко до пяти лет. Примерно половина записей приходится на крестьян, что свидетельствует о значительном движении их в город. После крестьян большой процент работавших по найму дают посадские люди (38,6% как московские, так и иногородние, примерно поровну). На все остальные социальные группы остается всего 15% [132]. Приведенные наблюдения подтверждаются данными о записи в цехи, проводившейся в Москве с 1722 по 1731 г. Исследование данного вопроса позволило сделать следующий вывод: «Основной особенностью социального состава московских цеховых 20-х годов XVIII в. являлось преобладание в них крестьян как в середине, так и в конце третьего десятилетия XVIII в.», а именно: в 1726 г. крестьяне в составе цеховых дали 46,3%,

[131] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIX, д. 186, лл. 1—2.
[132] Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве, стр. 374—375.

а в 1731 г.— 45,8%. Эти данные легли в основу заключения автора о том, что «существование и развитие цеховой промышленности Москвы в третьем десятилетии XVIII в. было обусловлено участием крестьян в промышленной жизни Москвы». Другой важный вывод автора касается территории, охваченной отходничеством в Москву. С. И. Сакович устанавливает, что отходом крестьян только в мелкую промышленность Москвы «охвачена большая территория, включающая до 50 уездов»; притом отход из уездов Верхнего Поволжья носил уже тогда массовый характер [133]. Не менее распространено было отходничество в 1730—1740-х годах из подмосковной деревни и не только в Москву, но и в далекие места. Так, крестьяне Хатунской волости, где был распространен овчинный промысел, уходили на Украину; в 1737 г. таких отходников было зарегистрировано 252 человека [134].

Распространялся в первой половине XVIII в. отход дворцовых крестьян северо-западных уездов на заработки в Петербург и ближайшие к нему места [135]. Но чем шире становились размеры отходничества, тем настоятельнее была борьба с возможностью превращения его в «выход» из прежнего состояния или бегство. Отсюда меры по учету и оформлению отхода в виде писем и паспортов, настойчиво проводившиеся в изучаемое время.

Содержание специального документа, необходимого для ухода на время, было впервые изложено в плакате 1724 г. [136] Первоначально в паспорте, кроме имени и социального положения отходника, указывался только срок, на какой дан паспорт. Затем в тех же целях борьбы с побегами и в предупреждение, чтобы отходник не превратился в беглого, начались требования помещать в печатных паспортах приметы. В таком виде и стали составляться «покормежные» и паспорта [137].

Паспорта стали даваться на сроки меньше года, даже только на летние месяцы выдавались они и женщинам. Мало того, что паспорта заверялись на месте, владельцы мануфактур представляли копии с них в Мануфактур-коллегию, с просьбою их «освидетельствовать и записать в книгу впредь... для оправдания». И все же эти профилактические меры далеко не всегда достигали цели. Уход без разрешения и паспортов, как отмечалось выше, продолжался, так же как и те случаи, когда, уйдя

[133] С. И. Сакович. Московские ремесленники 20-х годов XVIII в. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954, стр. 6—7.

[134] С. И. Волков. Дворцовые крестьяне Подмосковья во второй четверти XVIII в. «Вопросы истории», 1953, № 9, стр. 115.

[135] См. статью Е. И. Индовой в настоящем сборнике.

[136] ПСЗ, т. VII, № 4533, стр. 310—318.

[137] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 4, 1737 г., д. 71, л. 4 об

с временным паспортом, человек не возвращался назад в деревню. При неизученности вопроса мы не можем установить, на сколько часто выдавались повторные паспорта одним и тем же лицам, т. е. насколько часто отход на заработок принимал постоянный или систематический характер, но, видимо, такая практика имела место. Нередко бывало и так, что человек пользовался паспортом, чтобы, несмотря на угрозы, вырваться из крепостной деревни [138]. И все же несомненно одно: в течение второй четверти XVIII в. паспортная система прочно входила в жизнь, в какой-то степени регулируя движение из деревни.

В этой законной форме отходничество становится все более заметным источником наемного труда. Если в материалах переписи 1730-х годов, можно сказать, не встречается указаний на поступление на мануфактуру по паспорту, то в ведомостях, подававшихся владельцами мануфактур в 1740-х годах, нередки такие отметки: мастеровые и работные люди работают «по добровольным договорам ис платы, живущие по паспортам из разных мест» или «довольствуется принятыми по пашпортам и контрактам» или просто — по паспортам или по контрактам [139]. Работа по контракту обозначала наличие паспорта, так как без него в эти годы нельзя было заключать контракта. Насколько распространен был в середине XVIII в. наем на основании этих законных документов, свидетельствуют данные «осмотров», т. е. обследований мануфактур 1750—1751 гг. Асессор Бутурлин побывал на 33 мануфактурах, находившихся в уездах на юго-запад от Москвы. Из них относительно 19 он отметил наличие работников с паспортами [140].

Относительно большой распространенности отходничества по покормежным письмам, действительным при отходе на близкое расстояние, в середине и в начале второй половины XVIII в. делает наблюдения Н. Л. Рубинштейн на основании просмотренного им архивного материала [141]. Этому движению все большей части крестьян из деревни на заработки способствовал расширявшийся перевод крестьян разных категорий на денежный оброк, который предстояло где-то заработать. «Убыль землепашцев,— писал в Правительствующий сенат один из представителей местной администрации,— вообще почитают от того, что дворянство, будучи в отлучках, определили крестьян своих

[138] Н. Л. Рубинштейн. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в. «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 98—99.

[139] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 973, лл. 144, 162, 225; Дела Сената, кн. 940, лл. 734, 734 об., 735, 735 об., 739 об., 744.

[140] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, св. 127, лл. 24, 36, 39, 43, 52, 57, 60, 69, 73, 88, 101, 105, 109.

[141] Н. Л. Рубинштейн. Указ соч., стр. 98—99.

на оброки. А из них многие, не имея принуждения, бросили пашни, пошли в промыслы, вымышляя, как бы лехче пропитаться и помещикам заплатить оброки»[142]. По наблюдениям Э. А. Нерсесовой, отходничество из Костромской провинции в 1760-х годах — «явление замечательное — перед нами усиливающийся перелив крестьянского населения из деревни». В 1765 г. в отходе по паспортам из данной провинции числилось 6632 человека, да сверх того зимою на местных фабриках работало около двух тысяч[143]. То же самое отмечалось для Любимского у. «Любимского уезду обыватели, имеющие в пашне недовольство, для работ, а ремесленные для промыслу, по большей части отлучку имеют по пашпортам в Санкт-Петербург и в протчие российские города и недостатки свои наполняют»[144]. Данное явление в 1760-х годах выявилось в еще большей степени, но уже и в 1740-х годах узаконенный отход по паспортам и покормежным письмам все больше входил в практику, на что и рассчитывал, как говорилось выше, И. Т. Посошков.

Несомненно, требования, предъявлявшиеся как к самим отходникам, так и к тем, кто нуждался в них, стесняли существовавшую до того практику найма. На требование правительства не держать работников без паспорта или без записи «винные подрядчики» в 1720 г. в коллективной челобитной доносили, что на их заводах «с крепостьми работных людей держать невозможно, понеже бывают у них в найме в работе человек по неделе и дни по три и по два, а по последней мере по месяцу..., и ежели спрашивать и имать на них записи, то годовые никогда не наймутся»[145]. Предприниматели заявляли, что желают распоряжаться наемщиками «безо всякой турбации»: нанимать, кого хотят, и отсылать тех, кто не нужен.

Владельцы текстильных мануфактур жаловались, что требовавшееся правительственными учреждениями оформление наемщиков мешает им использовать весьма выгодную для эксплуатации категорию работников, а именно детей. Указывая, что на их фабриках «состоит более нужда в малолетних людях от 10 до 15 лет», фабриканты жаловались на то, что по контрактам малолетних «сыскать невозможно, да и контрактов с таковыми заключать невозможно»[146]. В общем для 20—40-х годов

[142] И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.— Л., 1950, стр. 59.
[143] Э. А. Нерсесова. Экономическое состояние Костромской провинции Московской губернии по хозяйственным анкетам 1760-х годов. «Исторические записки», кн. 40, 1952, стр. 163.
[144] Там же, стр. 177.
[145] ПСЗ, т. VI, № 3507, стр. 126.
[146] ЦГАДА, Дела Сената, кн. 938, л. 635.

XVIII в. становятся характерными жалобы, подобные следующей: «Заводские произведения,— писал владелец медеплавильных заводов в Оренбургской губ. Твердышев,— исправляются с великим затруднением нанимаемыми по договорам и пашпортам вольными прикащиками, мастеровыми и работными людьми, которых в найме бывает за неотысканием их не всегда по единственному числу и не всегда они все на годовое время нанимаются»[147].

Итак, жалобы «на умаление работников», «на малоимение работных людей», раздававшиеся с разных сторон в 20—40-х годах, вызывались не только преследованием беглых и боязнью держать их, но также теми требованиями, которые предъявлялись к отходникам. По существу эти требования выражали ту же борьбу с бегством, так как самовольный отходник часто переходил к прочному устройству на новом месте «во крестьянство» или в работу на мануфактуре.

Анализируя вопрос о неземледельческих отхожих промыслах в пореформенной России, В. И. Ленин подчеркивает их значение в процессе переключения сельского населения на индустриальный труд. «Во всяком случае, как бы различно ни относиться к этому явлению, не может подлежать никакому сомнению, что оно выражает *отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям*»[148].

Эту оценку мы не можем полностью переносить на отходничество первой половины XVIII в., когда оно и по степени распространенности и по прочности отвлечения к промышленному труду было весьма ограничено. Тем не менее в какой-то степени для малоземельного и полуразоренного крестьянина-отходника первой половины XVIII в. открывались новые виды труда, земля переставала расцениваться в качестве единственного источника существования, связь с нею и с хозяйством время от времени нарушалась. При повторном отходе могли произойти и более полный отрыв от собственных средств производства и превращение самостоятельного производителя в наемного работника, но для первой половины XVIII в. такой исход не мог быть распространенным. Поэтому в отходничестве изучаемого периода вряд ли можно усматривать экспроприацию крестьянства. Но оно являлось зародышем процесса, который, расширяясь и углубляясь, приводил в дальнейшем к тому своеобразному явлению, когда в России, по словам В. И. Ленина, «...к индустриальному населению должна быть отнесена не малая часть сельского населения, добывающая себе средства к жизни работой в

[147] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 973, л. 237.
[148] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 499.

промышленных центрах и проводящая в этих центрах часть года» [149].

В процессе генезиса капитализма и первоначального накопления в условиях крепостной России рассмотренное нами явление было таким же закономерным, как «рабочий с наделом» для периода господства в России капиталистической формации.

Отделение от средств производства, в частности от собственного земледельческого хозяйства, в изучаемое нами время происходило в более полной степени при окончательном уходе из деревни или побеге. Но это касалось только тех, кто на новых местах не устраивался «во крестьянство» или не записывался «в посад», т. е. не становился вновь собственником средств производства и обладателем своего хозяйства. Для них, как мы видели, работа по найму или «по разным местам» или в промышленности становилась пожизненным, а то и наследственным источником существования. Это была одна из форм экспроприации, когда, вследствие прогрессировавшего роста производительных сил, товарного производства и обращения, открывались новые источники существования, а эксплуатация за земельный надел достигала чудовищных размеров.

Однако, несмотря на широкие размеры бегства в первой половине XVIII в., этот путь проходила только часть сходцев. Неуклонно проводившаяся в целях укрепления феодального базиса борьба с побегами стесняла и этот путь отделения непосредственных производителей от средств производства. В изучаемое нами время экспроприация не имела массового характера.

Такими представляются нам первоначальные выводы по вопросу о бегстве и отходе как особых формах экспроприации непосредственных производителей в России XVIII в. Проверка этих выводов и, возможно, существенные коррективы к ним будут сделаны при дальнейшем исследовании поставленных в настоящей работе вопросов.

[149] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 499.

Е. И. Индова

НАЕМНЫЙ ТРУД У КРЕСТЬЯН ЦАРСКОСЕЛЬСКИХ ДВОРЦОВЫХ ДЕРЕВЕНЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Дворцовые деревни и слободы Копорского у. ведомства с. Царского были расположены в радиусе не далее 50 верст от Петербурга. В 1711 г. в дворцовых владениях этого уезда значилось 6 мыз (впоследствии слободы), 95 деревень, 11 пустошей; во всех населенных пунктах насчитывалось 182 крестьянских и 18 бобыльских дворов [1]. Начиная с 1716 г. и вплоть до 1730-х годов, население этих дворцовых владений пополнялось за счет переселенцев из ярославских, владимирских, костромских, московских и прочих дворцовых селений. Кроме того, с 1714 г. в дворцовых деревнях Петербургской губ. разрешалось поселяться и получать земельный надел так называемым свободным людям, по своему положению приближавшимся к категории «гулящих людей» XVII в. Это также способствовало увеличению численности дворцового населения [2].

В результате, по ведомостям 1748 г., в ведении с. Царского насчитывалось более тысячи крестьянских дворов, население которых составляло 8558 душ обоего пола [3].

Основным занятием крестьян дворцовых деревень и слобод ведомства с. Царского на всем протяжении первой половины XVIII в. оставалось земледелие. Но близость и потребности строящейся столицы оказывали влияние на жизнь пригородных дворцовых деревень. Прежде всего само земледелие под влиянием запросов городского рынка с годами становилось все более товарным. Изменялся и его профиль. Большое распространение приобретали огородничество и садоводство. Помимо занятий земледелием здесь широко практиковался отход

[1] И. Яковкин. История села Царского. СПб., 1829, стр. 46.
[2] Там же, стр. 69.
[3] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 17, д. 454, лл. 1—3.

© ГПБ СО РАН

крестьян на стройки города, порта и загородных царских резиденций. Состоятельные многолошадные крестьяне имели большие возможности заниматься извозом. Потребность строительства в различного рода строительных материалах породила здесь такие промыслы, как каменотесный, лесопильное, гончарное и кирпичное дело. Процветала мелкая торговля. Многие крестьяне торговали «харчем» и напитками.

Необычайно деятельно в царскосельских дворцовых слободах и деревнях орудовали всякого рода скупщики и подрядчики. Социальная жизнь внутри деревни развивалась здесь быстрее и интенсивнее, чем в других районах страны. С начала века в царскосельских деревнях крестьяне-богатеи получили возможность состоять на денежном оброке. Основная масса крестьян до середины века, наряду с денежными платежами, выполняла целый ряд натуральных повинностей в пользу дворца.

Немаловажное значение в жизни дворцовых царскосельских деревень имело и то обстоятельство, что у крестьян, несмотря на попытки вотчинной администрации, так и не установилось фактически уравнительного земельного надела. Не способствовала этому имевшая широкое распространение среди богатых крестьян аренда земель у крестьян-бедняков и возможность расчищать «кочкарники и кустарники». Переселение крестьян, отрыв их от обжитых, насиженных мест послужили тоже толчком к усилению дифференциации на новых местах. Многие крестьяне вообще не смогли стать хозяевами на вновь заселенных местах, пополнив собою категорию батраков.

Ревизией 1744 г. было установлено, что в слободе Пулкове таких бездомных батраков-переселенцев, не имевших своего хозяйства и живших у богатых крестьян, было 72 человека, в том числе были семейные. В слободе Кузминой неимущие батраки в количестве 75 человек (среди них — 5 семейств) записаны были за 33 дворами богатых крестьян [4].

Документы позволяют говорить с полной уверенностью о наличии глубокого процесса социального расслоения в дворцовых царскосельских деревнях уже в первой половине XVIII в. Постараемся доказать это, рассмотрев вопрос о применении наемного труда в хозяйстве богатых крестьян царскосельских дворцовых деревень.

* * *

В длительном и неравномерно идущем процессе расслоения крестьянства важную роль играют продажа крестьянами-бед-

[4] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 17, д. 3, лл. 73—76, 133—139 и об.

Таблица 1

Сведения о численности дворов и наемных работников в царскосельских деревнях

(По годам наиболее полного учета наемных работников)

Слобода		1720 г.	1730 г.	1747 г.	1765 г.	Слобода	1723 г.	1733 г.	1766 г.
Кузмина	Общее число дворов	41	98	111	151	Новославянская	14	18	46
	Число дворов с наемными рабочими	6	32	33	57		7	10	15
	%	14,6	32,6	29,7	37,8		50	55,5	32,6
	Общее число душ	—	660	832	1208		53	96	355
	Число наемных рабочих	7	45	75	106		10	14	59
	%	—	6,8	9	8,7		19	14,5	16,6

		1722 г.	1729 г.	1747 г.	1766 г.		1733 г.	1748 г.	1764 г.
Пулково	Общее число дворов	54	64	80	130	Рыбная	26	76	80
	Число дворов с наемными рабочими	31	45	26*	48		2	22	54
	%	57,4	70,3	32,5	36,9		7,4	29	67,5
	Общее число душ	—	393	547	836		218	355	732
	Число наемных рабочих	—	59	72	200		5	54	166
	%	—	15	131,1	23,9		2,2	15,2	22,6

* За 1747 г. в нашем распоряжении были главным образом учетные листы по найму своих же дворцовых крестьян крестьянами-односельчанами.

© ГПБ ОРАИ

няками своей рабочей силы и наем дополнительной рабочей силы крестьянами-богатеями. Подобные факты свидетельствуют и о том, что роль капитала в деревне не исчерпывается ростовщичеством и кабалой, капитал обращается на производство, дифференцирует деревню.

Наем дополнительной рабочей силы крестьянами царскосельских дворцовых деревень в документах отмечается с начала 20-х годов XVIII в. (см. табл. № 1). Так, в 1720 г. шесть хозяев слободы Кузминой прибегали к постоянному найму, нанимая по одному работнику, а один из них, Андрей Андреев, «содержал из найма» двух работников [5]. В 1722 г. в слободе Пулковой наймом пользовались хозяева 31 двора [6]. В слободе Новославянской в 1723 г. наемные работники жили у 7 хозяев; в 5 дворах по одному работнику, а в 2 дворах по два работника [7].

В слободе Рыбной в 1733 г. наймом пользовались крестьяне — владельцы кирпичного завода — Харитон Фролов и Петр Казанцев [8].

В с. Царском в 1721 г. зарегистрировано было 9 дворов, где постоянно жили батраки в количестве 10 человек [9].

С годами количество хозяйств, прибегавших к найму, возрастало, увеличивалось и число батраков, используемых в хозяйствах крестьян-богатеев.

Из приведенной таблицы видно, что число дворов, прибегавших к найму, в слободе Кузминой с 1720 по 1765 г. увеличилось с 6 до 57 дворов, а в процентах к общему количеству дворов выросло от 14,6 до 37,8%.

Такую же картину мы наблюдаем и в слободе Рыбной, где число дворов с наймом рабочей силы с 1733 по 1764 г. увеличилось с 2 до 54, в процентах к общему количеству дворов с 7,4 до 67,5%.

В слободе Пулкове число дворов с наймом батраков увеличилось с 31 двора в 1722 г. до 48 в 1766 г.

О росте числа дворов, использующих наемную рабочую силу, говорят и данные по слободе Новославянской, где за годы с 1723 по 1766 число таких дворов увеличилось с 7 до 15. Следует, однако, оговорить, что процентное отношение дворов, прибегавших к найму рабочей силы, к общему количеству дворов в слободах Новославянской и Рыбной за годы с 1722—1723 по

[5] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 1, д. 64, л. 1; д. 65, л. 3; д. 68, л. 3 об.
[6] Там же, д. 97, лл. 1—2.
[7] Там же, оп. 2, д. 18, лл. 1—4.
[8] Там же, оп. 16, д. 481, лл. 1—6.
[9] Там же, оп. 2, д. 6, лл. 5—6 об.

1766 не дает увеличения. Объясняется это в первую очередь тем, что наем здесь в основном расширяется в одних и тех же дворах за счет увеличения числа батраков в каждом отдельном дворе. Затем следует учесть, что слободы эти вообще несколько медленнее растут по количеству дворов.

Данная таблица свидетельствует также и об общем увеличении численности батраков в составе населения царскосельских дворцовых слобод в первой половине XVIII в. В слободе Кузминой в 1720 г. наемных работников было 7 человек, а в 1765 г. их насчитывалось уже 106; в процентах к общему количеству душ в слободе работники в 1730 г. составляли 6,8%, а в 1765 г.— 8,7%.

В слободе Пулкове рост численности наемных работников представляется более значительным. В 1729 г. здесь работало 59 батраков, в 1766 г. их было уже 200. По отношению к общему количеству душ в 1729 г. батраки составляли 15%, а в 1766 г.— 23,9%.

Но особо показателен состав населения в промысловой слободе Рыбной. За годы с 1733 по 1764 количество батраков здесь увеличилось с 5 до 166 человек, в процентах же к общему числу населения с 2,2% до 22,6%.

Аналогичное явление наблюдаем мы и в слободе Новославянской, где количество наемных работников с 10 человек в 1723 г. увеличилось до 59 — в 1766 г., хотя вследствие общего роста населения в слободе удельный вес группы батраков несколько понизился по сравнению с началом 1720-х годов.

Отношение наемных работников к общему количеству душ во всех этих слободах будет значительно выше, если учесть, что количество людей, фактически живших в деревнях, как правило, бывало меньше количества, указанного в официальных списках. Примером могут служить имеющиеся данные по слободе Кузминой. В 1747 г. в слободе по спискам значилось 832 души, а проживало фактически 717 [10], следовательно, процент наемных работников к реальному числу населения составит не 9, как указано в таблице, а 10,4%, и т. д.

В целом, в четырех слободах с. Царского с приписными к ним деревнями в начале 1730 г. значилось 123 наемных работника на 1367 душ обоего пола, что составляло 9% к общему числу живущих. В 1765 г., при населении в 3131 душу обоего пола, работников было уже 531 человек, или 16,9% к общему числу населения.

[10] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 17, д. 3, лл. 1—40.

* * *

Документы различают наем двух видов: постоянный и наем на определенное время, на сезон. На протяжении всей первой половины XVIII в. заметна тенденция к увеличению числа дворов с постоянным наймом, одновременно значительно возрастает и число батраков, нанимавшихся в хозяйства богатеев на сезон. Наем на сезон, особенно с 1730-х годов, отличается регулярностью. Документы показывают, что отдельные крестьянские хозяйства, из года в год систематически прибегавшие к помощи наемных работников на сезон, часто не в состоянии вовсе обойтись без такого найма. В результате наем на время, на сезон, становится наймом постоянным, свидетельствующим также об экономической устойчивости хозяйства нанимателя.

К сожалению, наем рабочей силы на короткие сроки не всегда фиксировался дворцовой администрацией, особенно в тех случаях, когда рабочими были свои же односельчане, и дело обходилось без формальных строгостей. В подворных описях часто оговаривалось: «... у него работают из найму на малые сроки свои же односельчане» или: «... питается работою своею у односельчан, нанимаясь у них на сезон» [11].

Как правило, строго учитывался наем пришлых людей с паспортами, покормежными и просто без всякого «вида», пришедших «собою». Фиксировались также случаи, когда неимущий батрак жил постоянно у своего односельчанина-богатея.

Рост постоянного найма, превращение сезонного найма в систематический наем работников для работы в хозяйствах богатых крестьян замечается во всех царскосельских дворцовых деревнях, с той лишь разницей, что в отдельных деревнях, по преимуществу в промысловых, он идет быстрее, а в земледельческих деревнях — медленнее. Уже с начала 1720-х годов есть хозяйства, на протяжении десятилетий прибегающие к найму рабочей силы.

О росте с годами постоянного найма свидетельствуют приводимые ниже данные (см. табл. 2).

Мы видим, что в отдельных дворцовых царскосельских деревнях наем, подвергавшийся учету, уже к началу 50-х годов XVIII в. был почти весь постоянным. В среднем еще к концу 1730-х годов в указанных деревнях постоянный наем составлял 81%, а наем на сезон всего лишь 19%. Таким образом, образовалась группа крестьянских дворов, в хозяйствах которых постоянно эксплуатировался наемный труд.

[11] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 17, д. 3, лл. 1—139.

Таблица 2

Рост постоянного найма в царскосельских деревнях

Слобода	Годы наиболее полного учета	Всего дворов с наймом	Дворов с постоянным наймом	
			всего	%
Кузмина	1720	6	2	33,3
	1730	32	29	90,6
	1747	33	30	90,9
	1765	57	53	93,0
Пулково	1722	31	23	74,5
	1729	45	38	84,4
	1747	26	26	100,0
	1766	48	48	100,0
Рыбная	1733	2	1	50,0
	1748	22	20	90,9
	1764	54	51	94,4
Новославянская	1723	7	6	85,7
	1733	10	10	100,0
	1766	15	13	86,6

* * *

Крестьяне, нанимавшие батраков, составляли зажиточную верхушку деревни. Так, в слободе Кузминой намечаются три группы крестьян-богатеев, в хозяйствах которых применялся наемный труд. Первую и самую многочисленную группу составляли крестьяне, имевшие, как правило, помимо сельского хозяйства, побочные доходы. По данным 30—40-х годов XVIII в., в слободе Кузминой крестьяне Петр Тюляга и Кузьма Беломойн имели собственные водяные мельницы [12]. Потап Ширманов, откупщик кабаков, располагал, по-видимому, довольно крупными суммами, так как только частичный взнос за откуп, уплаченный им в 1734 г., составил 239 руб. [13] Крестьяне Федор и Архип Никитины были также откупщиками кабаков [14], а крестьянин Евстафий Константинов — подрядчиком по перевозке до г. Владимира «купеческих товаров» [15]. Крестьяне Степан Тренин, Петр Тюляга, Данил Засмолин и Пахом Федоров составляли артель подрядчиков по перевозке грузов [16]. Кресть-

[12] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 16, д. 262, лл. 1—2.
[13] Там же, оп. 1, д. 321, лл. 1—2, д. 284, л. 172; д. 275, лл. 25—26. л. 172; д. 275, лл. 25—26.
[14] Там же, д. 7, л. 6; д. 34, лл. 1—10.
[15] Там же, оп. 2, д. 225, л. 1.
[16] Там же, оп. 1, д. 85, л. 2; д. 217, л. 1.

© ЛИБСОРАН

янин Федор Ширманов занимался подрядами и откупами мельниц и кабаков в течение 20 лет [17]. Торговцами и скупщиками были крестьяне Иван Кулигин и Максим Беломойн [18]. Крестьянин Петр Павлов был известен в слободе Кузминой как постоянный содержатель винных откупов [19]. Крупным подрядчиком по доставке угля в Петербург являлся крестьянин Антипа Зверовщиков [20]. Крестьяне Давыд Михайлов и Федор Афанасьев были подрядчиками по доставке в Петербург и для нужд дворцового строительства в пригородах всевозможных строительных материалов: леса, кирпича, камня, мела и др. [21] Крестьяне Иван Зиновьев, Степан и Андрей Быковы — крупные торговцы в костромских селах — имели столь значительный торговый оборот, что еще в начале 1720-х годов платили оброк в размере 30 руб. с души, причем оброчные деньги вносились всегда бездоимочно и за год вперед [22]. Крестьяне Андрей Алексеев и Андрей Павлов были подрядчиками-плотниками, Алексеев в с. Царском, Павлов — при Адмиралтействе [23].

Вторую группу крестьян-богатеев, прибегавших к найму, составляли крестьяне, занимавшиеся промысловым садоводством и огородничеством. Их в слободе Кузминой было всего двое — Семен Ильин и Иван Федоров.

Третья, также немногочисленная группа крестьян-богатеев, вела товарное полевое хозяйство. К ней принадлежали крестьяне Ермолай Титов, Федор Федоров и др.

Наемная рабочая сила широко использовалась для извозов крестьянами Лазоревым, Зверовщиковым, Колчиным, Калугиным, Беломойном, Васильевым, Ларионовым и др.[24] У всех этих крестьян содержались систематически наемные работники. Батраки жили по многу лет. Есть случаи покупки рабочей силы крестьянином Андреем Павловым, подрядчиком на плотницкие работы при Адмиралтействе [25].

Крестьяне-хозяева, по их утверждениям, в первую очередь нанимали батраков для ведения полевого хозяйства и отправления разного рода дворцовых повинностей [26]. Объясняется это

[17] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 16, д. 265, лл. 1—2.
[18] Там же, оп. 1, д. 15, л. 599.
[19] Там же, д. 67, л. 3.
[20] Там же, д. 573, л. 49.
[21] Там же, оп. 17, д. 45, лл. 98, 152.
[22] Там же, оп. 1, д. 1007, лл. 6—7.
[23] Там же, оп. 17, д. 3, лл. 1—40.
[24] Там же.
[25] Там же.
[26] Там же, оп. 1, д. 297, л. 44; д. 298, л. 148.

тем, что дворцовая администрация, охотно переводя богатых крестьян на оброк, не разрешала забрасывать наделы. Многочисленные инструкции и распоряжения строго предписывали не оставлять земельного надела, вести хозяйство исправно, отправлять повинности и вносить платежи в пользу дворца. Крестьянин, переведенный на оброк, не мог беспрепятственно заниматься торговлей и промыслами, если хозяйство его в деревне забрасывалось. Это и было причиной того, что богатеи-подрядчики, откупщики, торговцы и промышленники вели свое сельское хозяйство при помощи батраков. Из 33 хозяйств, прибегавших к найму в слободе Кузминой, в 1774 г. было более половины хозяйств именно такого типа [27].

Товарность этих хозяйств невелика, с годами повышается она медленно, хотя хозяйства в целом представляются как состоятельные. Так, по подворной описи 1747 г. в слободе Кузминой из общего количества 111 дворов у 33 дворов хозяев, нанимавших работников, находилось около 40% всех лошадей деревни, в то время как население этих дворов составляло 196 душ, или 23,6% от общего числа (832) душ в деревне. На 196 душ в богатых дворах приходилось 75 батраков.

Крестьяне-богатеи имели во дворе, как правило, по две головы крупного рогатого скота. Земельные наделы у этих крестьян были неравномерные: 4 двора имели надел размером в осмак [28], 2 двора — по $^3/_4$ осмака, 7 дворов — по $^1/_2$ осмака и 20 дворов — по $^1/_4$ осмака. При явной неравномерности наделы у этой категории крестьян были более высокими в деревне. У остальных крестьян земля распределялась так: 10 дворов имели наделы по $^1/_2$ осмака, 61 двор — по $^1/_4$ осмака и 7 бедных дворов имели по $^1/_8$ осмака.

Соответственно наделам, посевы у богатых крестьян были больше, ассортимент высеваемых культур разнообразнее. Все они, как правило, помимо общераспространенных ржи и овса, высевали лен и ячмень, что далеко не всегда встречалось у крестьян со средним и малым наделом. Экономическая мощность этой группы хозяйств складывалась из доходов от земледельческого хозяйства и главным образом побочных доходов, поступавших от подрядов, промыслов, откупов, торговли.

Батраки, нанимавшиеся крестьянами-откупщиками, подрядчиками, скупщиками и промышленниками, использовались не только в сельском хозяйстве, а часто «обретались» вместе

[27] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 17, д. 3, лл. 2—39.
[28] Осмак в царскосельских дворцовых деревнях в первой половине XVIII в.= 12 дес., в слободе Рыбной = 8 дес.

© ГПБ

с хозяином в «хозяйском деле» — промыслах, торговле и т. д. [29]

Крестьяне-богатеи, занимавшиеся только сельским хозяйством, нанимали батраков для сельскохозяйственных работ. Например, крестьянин Ермолай Титов, по подворной описи 1747 г., нанимал 5 батраков. Свой земельный надел он расширил «путем росчистей» с 1/4 до 1/2 осмака. На надельной земле высевалось 9 четвертей хлеба, из них 3 четверти ржи и 6 четвертей овса. Помимо надельной земли, он арендовал землю у бедняков. На 3 души в хозяйстве было 3 коровы и 3 лошади. Известно также, что Титов продает на базарах овес.

Примерно такую же картину представляло хозяйство крестьянина Федора Федорова, который в эти же годы нанимал трех батраков; он имел 3/4 осмака, на 6 душ держал 3 лошадей и 2 коров, высевал овса и ржи 6 четвертей. Помимо надела, он арендовал землю преимущественно для посевов овса и ячменя. Эти крестьяне занимались только сельским хозяйством. Сравнительно хорошие по тому времени для данных мест урожаи яровых — овса и ячменя (в среднем сам-3, сам-4), а также большой спрос на фураж, связанный с близостью города и пригородных строек, делали выгодными посевы именно этих культур.

Нельзя не усмотреть влияния большого города и в том, что крестьяне Семен Ильин и Иван Федоров занимались промысловым огородничеством и садоводством. Семен Ильин специально для садовых работ нанимал четырех работников. В огороде Ивана Федорова, помимо членов семьи, работали три наемных работника. Небольшие наделы размером по 1/4 осмака были заняты огородами и садами. Урожаи овощей и фруктов шли на удовлетворение потребностей петербургского рынка [30].

Аналогичная картина наблюдается в слободе Пулковой в 30—40-х годах XVIII в. Здесь также четко выделилась богатая верхушка, в хозяйстве которой систематически применялся наемный труд. По данным подворной описи 1747 г., зажиточные дворы с наемными работниками в слободе Пулковой составляли 32,5% от общего количества дворов (26 дворов из 80). У богатых крестьян здесь, как и в слободе Кузминой, сельское хозяйство соединилось с промыслами, торговлей и всякого рода побочными занятиями.

Нанимали батраков крупный подрядчик и откупщик дворцовых пулковских садов Василий Гуляевский [31], подрядчик,

[29] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 17, д. 3, лл. 1—40.
[30] Там же, д. 3, лл. 1—139.
[31] Там же, оп. 1, д. 15, лл. 355—356; д. 444, л. 1.

«обретающейся в рыбных подрядах», Михаил Соколов, подрядчики-строители Дмитрий Стариков, Петр Иванов, Алексей Дюковской и Федор Афонасьев, откупщик кабаков и владелец лавок в слободе, крестьянин Петр Селуянов [32], откупщики кабаков Антип Алексеев и Макар Федоров [33], крестьянин Никита Соколов — арендатор пулковской дворцовой мельницы [34], крупный торговец сеном и фуражом в Петербурге, крестьянин Сергей Семенов [35].

В распространенном в слободе горшечном промысле уже в начале 30-х годов XVIII в. выделились хозяева мастерских, использующие также наемную рабочую силу. Это крестьяне: Афанасий Васильев, Сергей Алексеев, Данила Тимофеев и крестьянка Прасковья Степанова. Последняя владела довольно большой мастерской, в которой, по данным 1747 г., круглый год было занято шесть работников.

Владелец колесной мастерской в слободе крестьянин Михаил Васильев нанимал ежегодно также по пять-шесть работников. Крестьянин-кузнец Борис Михайлов «кузнечного промыслу ради» нанимал себе в работники двух кузнецов [36].

Восемь хозяйств из 26, прибегавших к найму, нанимали рабочую силу исключительно для работы в сельском хозяйстве. В слободе Пулкове, в отличие от слободы Кузминой, наемный труд в сельском хозяйстве применялся значительно шире: у восьми хозяев слободы в 1747 г. находилось 18 работников, в то время как в слободе Кузминой два двора для сельского хозяйства нанимали восемь рабочих. Почти все крестьяне-богатеи, так же как и кузминские, занимались в зимнее время извозом, для чего использовалась наемная рабочая сила — батраки.

Хозяйства с наемным трудом представляются и здесь как богатые. Так, по данным подворной описи 1747 г., из общего количества (80) дворов в слободе у 26 дворов, пользовавшихся наймом, находилось более 50% всех имевшихся в деревне коров и около 40% лошадей; население же зажиточных дворов составляло всего 38,3% (210 душ из общего количества 547 душ в слободе). На 210 душ населения в богатых крестьянских дворах приходилось 72 батрака.

Земельные наделы у богатых крестьян слободы Пулковой по своим размерам не отличались от наделов остальных крестьян. У большинства они не превышали 1/4 осмака, 7 хозяйств

[32] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 1, д. 127, л. 3; д. 1004, л. 5.
[33] Там же, д. 2, л. 346; д. 492; д. 7, л. 3.
[34] Там же, оп. 16, д. 262, лл. 1—2.
[35] Там же, оп. 17, д. 45, лл. 1—2.
[36] Там же, д. 3, лл. 1—40, 73—76.

из 26 имели малый надел, равный 1/8 осмака, и только у одного крестьянина надел составлял 3/4 осмака. Примечателен факт, что посевы у богатых крестьян зачастую бывали больше, чем у крестьян бедных на равных же участках. Это объясняется предельным использованием надельных земель богатыми крестьянами и отсутствием возможности у крестьян-бедняков обработать всю тяглую землю. У богатых крестьян на надельных землях, по данным 1747 г., высевалось от одной до трех четвертей ржи и от двух до шести четвертей овса на двор.

В отличие от бедных и средних крестьян богатые крестьяне сеяли в небольшом количестве лен, а некоторые также и ячмень. Хозяйство богатых крестьян было товарным. Об этом свидетельствует факт наличия у этой категории крестьян дополнительных «росчистных» земель. Несмотря на мероприятия, проводимые время от времени дворцовой администрацией по уравнению наделов, богатые крестьяне всегда имели дополнительные земли. Так, в слободе Пулковой в 1729 г. было проведено уравнение наделов, а в 1733 г. уже все состоятельные крестьяне имели дополнительные росчисти, размером в среднем от 1 до 4 дес. на двор. Имела место и аренда земли богатыми крестьянами у бедняков [37].

По тем же данным 30—40-х годов XVIII в., в слободе Новославянской тоже существовала крестьянская верхушка, постоянно прибегавшая к найму рабочей силы. И здесь, в первую очередь, это крестьяне, у которых, помимо сельского хозяйства, были побочные заработки. Так, систематически нанимали батраков, начиная с 1723 г., крестьянин Андрей Аксенов, «торговец харчем», содержатель кабака и перевоза через речку Славянку [38]; крестьяне — подрядчики по перевозке купеческих товаров в Петербург, Москву и Ярославль — Гаврила и Иван Алексеевы, Григорий и Петр Максимовы и Григорий Савельев [39]; откупщик и торговец вином крестьянин Андрей Игнатьев и др.

Специально для работы в сельском хозяйстве в слободе Новославянской нанимали батраков 5 хозяев: Евтифий Гаврилов, Алексей Чижов, Василей Савельев, Гаврила и Данила Игнатьевы.

В 1733 г. в слободе было 10 дворов, постоянно эксплуатировавших наемный труд в количестве 14 человек. При этом у двух богатеев — Андрея Аксенова и Евтифия Гаврилова — нанималось ежегодно по три работника, у всех остальных — по одному [40].

[37] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 1, д. 303, лл. 6—6 об.
[38] Там же, оп. 16, д. 25, л. 17; оп. 1, д. 408, лл. 1—9.
[39] Там же, оп. 2, д. 208, лл. 1—4.

По данным 1747 г., у зажиточных крестьян Новославянской слободы, прибегавших к найму рабочей силы, были сравнительно большие земельные наделы, а именно: из 18 дворов в слободе у девяти богатеев было по 1/4 осмака, и один богатый двор имел 3/4 осмака. Из остальных восьми крестьянских дворов только два двора имели надел в 1/4 осмака, пять же дворов жили на наделе в 1/8 осмака [41]. Крестьяне-богатеи этой слободы широко практиковали аренду земли у бедняков. В 1723 г. дворцовой администрацией было отмечено, что богатые крестьяне арендуют дворы и землю у крестьян бедняков-отходников: Абрам Степанов у крестьянина Алексея Кузенина, Агафон Кирилов у Савелья Федорова, Семен Григорьев у Василья Васильева и т. д. Подобные же явления в документах отмечаются и в 40—50-х годах XVIII в.[42]

По сведениям 1747 г., богатые крестьяне на надельных землях высевали ржи не более одной четверти, овса от двух до пяти четвертей и льна от половины до одного четверика.

У бедных крестьян, с наделом в одну восьмую долю осмака, посевы ржи, овса и льна исчислялись четвериками [43].

Из 18 дворов, имевшихся в 1740-х годах в слободе, 10 богатым дворам принадлежало 74% всех лошадей (21 из 32 голов) и 66% (20 из 27 голов) крупного рогатого скота.

Большое количество наемных работников жило у крестьян с. Царского. И здесь наймом пользовались богатые крестьяне, соединявшие ведение сельского хозяйства с промыслами, торговлей, подрядами и другими неземледельческими занятиями или же занимавшиеся в широких масштабах садоводством и огородничеством.

По неполным данным, уже в 1721 г. в с. Царском в 9 крестьянских дворах жили работники. Владельцы этих дворов, помимо земледелия, брали подряды на всевозможные перевозки грузов, в частности строительных материалов, имевших широкий спрос для городского и пригородного строительства [44].

С начала 20-х годов XVIII в. систематически нанимал батраков садовник и арендатор царскосельских и пулковских дворцовых садов и огородов крестьянин Семен Андреев [45].

[40] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 2, д. 33, л. 1.
[41] Там же, оп. 17, д. 3, лл. 41—48 об.
[42] Там же, оп. 2, д. 18, лл. 1—4.
[43] Там же, оп. 17, д. 3, лл. 41—48.
[44] Там же, оп. 2, д. 6, лл. 5—6.
[45] Там же, оп. 1, д. 275, л. 44.

К концу 1750-х годов из среды зажиточных крестьян с. Царского выделилось несколько крупных предпринимателей и торговцев, эксплуатировавших не один десяток наемных работников. Таковы были торговец-откупщик Петр Холопов [46], владельцы ижорских пильных мельниц братья Фроловы, владелец кирпичных заводов крестьянин Дмитрий Семьянов и др. Кирпичные заводы Семьянова поставляли огромное количество кирпича как для пригородного, так и для петербургского строительства. В 1764 г. при перерегистрации паспортов только к одной записи Дмитрий Семьянов представил паспорта на 31 работника [47].

Есть случаи покупки рабочей силы крестьянами. Богатый крестьянин-подрядчик Григорий Чагинский в 1758 г. купил две души крестьян, проживших у него в батраках много лет. Сделка была оформлена на имя писаря с. Царского Ивана Черносвитова [48].

В отличие от других царскосельских деревень слобода Рыбная представляла собой селение с определенным профилем, о чем говорит самое название. Крестьяне слободы Рыбной были наделены землей, но дворцовая администрация считала, что первостепенное значение имеет поставка крестьянами рыбы для нужд дворца. Хотя с конца 20-х годов XVIII в. поставка рыбы во дворец постепенно сокращалась, большинство крестьянских хозяйств сложилось уже так, что сельское хозяйство их соединялось с промыслом [49]. Расположение слободы при впадении р. Славянки в Неву создавало предпосылки к различного рода неземледельческим занятиям. На Неве крестьяне занимались рыбной ловлей. К Петербургу и пригородам по Неве шло большое количество грузов, и всегда находилась работа по перевозу, погрузке и разгрузке. И, наконец, предприимчивые и со средствами крестьяне-богатеи использовали наличие на берегах р. Славянки сырья для строительства (глины) и устройства кирпичных заводов. Удобная транспортировка и большой спрос делали эти предприятия чрезвычайно выгодными.

По данным 30—50-х годов XVIII в., в хозяйстве и промыслах крестьяне слободы Рыбной нередко использовали наемную рабочую силу. С годами особенная концентрация наемных работников наблюдается в хозяйствах, связанных с промыслами, торговлей и другими неземледельческими занятиями. Так, систематически использовал наемный труд зажиточный крестьянин Харитон Фролов. В 1733 г. он, «самовольно» захватив крестьянскую росчистную землю на берегу р. Славянки, построил там кирпичный завод. На заводе работало постоянно несколько наемных батраков [50]. Позже, в 1747 г., крестьянами той же слободы было построено еще несколько кирпичных заводов, где также эксплуатировалась наемная рабочая сила. Например, у Фомы Косцова, крестьянина-куща, на одном его заводе в 1762 г. работало четыре-пять работников, в 1763 г.— девять работников [51]. У крестьян Ивана и Алексея Костромских на двух кирпичных заводах в 1764 г. работало 14 человек [52]; в «кожевенной избе» работало еще два работника [53]. На трех заводах Дениса Брюхова, купленных им у крестьян Воскресенского девичьего монастыря и частично достроенных в 1764 г., было 15 работников; на заводе Ивана Брюхова в том же году — 24 работника. Под заводами Брюхова было занято более 7 дес. крестьянской земли. Так называемое кирпичное дело было и у других крестьян Рыбной слободы, где также применялся труд наемных работников.

Следующим видом занятий, где в больших размерах применялся крестьянами наемный труд, была транспортировка грузов по Неве. По данным 1764 г., в 21 крестьянском дворе слободы Рыбной было нанято «для езды на судах до Петербурга, г. Бежицы и др. мест» 75 работников, причем только у четырех хозяев было по одному работнику, у остальных — по два, три и более, а у крестьян Ивана Андреева и Никифора Орлова работало по 11 человек у каждого [54]. Пользуются наймом крестьяне-рыбопромышленники, скупавшие у бедных и средних крестьян рыбные тони. Уже с 1730-х годов рыбные тони, некогда имевшиеся почти во всех крестьянских дворах, начинают концентрироваться в руках богатеев.

В 1750 г. дворцовая администрация фиксировала скупку богатеями рыбных тоней у 48 крестьян слободы; в 1764 г. все рыбные тони слободы сосредоточивались в руках 10—15 дворохозяев, специально занимавшихся рыбным промыслом [55]. В этих хозяйствах также прибегали постоянно к найму работников. Особенно выделялись крестьяне: Фома Косцов, содержатель не только рыбных тоней, но еще харчевни и лавки [56];

[46] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 1, д. 567, лл. 1—3.
[47] Там же, оп. 16, д. 507, лл. 1—13; д. 25, лл. 4—5.
[48] Там же, оп. 17, д. 17, л. 65.
[49] Там же, оп. 16, д. 499, л. 5.

[50] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 16, д. 481, лл. 1—6.
[51] Там же, д. 503, лл. 1—5.
[52] Там же, д. 507, лл. 1—13.
[53] Там же, д. 499, л. 5.
[54] Там же, д. 31, л. 1; д. 503, лл. 1—5; д. 499, лл. 5—38; д. 507, лл. 1—13.
[55] Там же, д. 26, лл. 1—2.
[56] Там же, д. 693, л. 4.

Артамон Брюхов, Козьма Юсов и Трофим Фролов. Последний арендовал у дворцового ведомства рыбную тоню с ежегодной платой, в размере 220 руб. У этих крестьян постоянно проживало по нескольку работников [57]. Содержали наемных работников крестьяне — подрядчики по перевозке строительных материалов Василий и Григорий Брюховы [58].

Однако, несмотря на распространение и развитие в слободе промыслов, сельское хозяйство и здесь не утрачивало своего значения. Крестьяне обрабатывали надельную землю, зажиточные арендовали у бедняков, а еще чаще стремились, используя наемную рабочую силу, производить росчисти. Дворцовая администрация разрешала крестьянам расчистку мелкого кочкового леса и кустарников для запашки и сенных покосов. Состоятельные крестьяне на всем протяжении первой половины XVIII в. широко этим пользовались [59].

Имели место случаи найма рабочей силы для работы в сельском хозяйстве. Так, в 1748 г. для работы на полях батраки нанимались пятью хозяевами, по одному в каждый двор [60]. По данным 1764 г., более 10 хозяев содержали работников для сельскохозяйственных работ, главным образом косьбы и расчистки лугов.

У богатых крестьян Рыбной слободы были большие заливные луга, и в погожие лета накашивалось много сена, которое поставлялось на базары в Петербург [61].

Приведенные нами данные о найме рабочей силы по отдельным селениям не представляют исключения. Те же явления наблюдаются и в других пригородных дворцовых деревнях. Так, документы отмечают, что в 1747 г. богатый крестьянин деревни Каски Сария Юган Мосов для работы на полях постоянно держал работника, крестьянина своей же деревни; богатей Еган Еганов из деревни Сушар нанимал двух работников; у крестьянина деревни Большая Котлинка Данилы Юганова работала семья Петра Павлова из той же деревни; у крестьянина деревни Таллерово жил «из найму один работник и зиму и лето»; крестьянин деревни Камень Никита Гаврилов нанимал 3 работников,— все это богатые крестьяне. Земельный надел у них больше, чем у остальных, средних или бедных крестьян.

[57] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 16, д. 693, л. 4; д. 589, л. 11; д. 25, лл. 67, 38.
[58] Там же, д. 1010, лл. 1—10; д. 25, л. 70.
[59] Там же, д. 481, лл. 1—6; д. 499, лл. 1—38.
[60] Там же, д. 172, лл. 1—8.
[61] Там же, д. 507, лл. 1—13.

Как правило, они держат больше скота. В посевах у них, помимо ржи, овса, ячменя и льна, встречаются бобы и репа [62].

* * *

О глубоком расслоении внутри деревни и распространении найма среди крестьян дворцовых деревень говорят факты найма крестьянами «в работу» своих же односельчан, о чем уже упоминалось выше. Так, из 23 приписанных к с. Царскому деревень в 1747 г. в 12 деревнях практиковался наем крестьянами своих крестьян-односельчан, о чем свидетельствуют следующие данные [63].

Таблица 3

Работа по найму у односельчан

Деревня	Общее число душ мужского пола	Из них работающих по найму у крестьян-односельчан	
		абс.	%
Б. Котлинка	82	13	15,8
Б. Ладога	42	8	19,0
Ковшулово	68	5	7,3
Попова	95	11	11,5
Липизары	8	2	25,0
Пязелево	102	24	23,5
Линдаси	55	10	18,5
Таллерово	43	8	18,6
Кискисара	14	1	7,1
Новая	59	9	15,2
Сушар	33	2	6,0
Гора	28	4	14,2

Из приведенных данных видно, что в дворцовых деревнях в 40-х годах XVIII в. существовала группа крестьян, которая использовала в хозяйстве наемную рабочую силу своих же крестьян-односельчан. В отдельных деревнях число работающих по найму у односельчан достигало 23—25% от общего количества населения; например, в деревнях Пязелево и Липизары.

При этом крестьяне указанных в таблице деревень, работающие по найму у крестьян-односельчан, как отмечают документы,

[62] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 17, д. 3, лл. 81—107.
[63] Там же, лл. 78—127.

© ЛИИБСО АН

Таблица 4

Распределение наемных работников по дворам в царскосельских деревнях

Слобода	Год	Всего дворов с наймом	В том числе дворов, имевших работников												Всего нанятых работников
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
Кузмина	1720	6	5	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
	1730	32	22	7	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45
	1747	33	13	9	4	3	4	—	—	—	—	—	—	—	—	75
	1765	57	34	11	4	3	4	1	—	—	—	—	—	—	—	106
Рыбная	1733	2	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
	1748	22	16	2	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1	54
	1764	54	29	9	4	4	—	3	—	—	—	—	2	—	1	128*
Новославянская	1723	7	4	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
	1733	10	8	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14
	1766	15	Нет данных													59
Пулково	1722	31	Нет данных													Нет данных
	1729	45	33	11	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59
	1747	26	9	8	1	3	1	2	1	1	—	—	—	—	—	72
	1766	48	Нет данных													200

* Кроме того, в 1764 г. в слободе Рыбной в одном дворе было 14 наемных работников, в другом дворе 24 работника.

своего собственного хозяйства не вели, «питаются только работою своею». Если же учесть отходников по паспортам и крестьян, работавших у богатеев короткие сроки в летнюю горячую пору, что обычно не учитывалось, то процент крестьян, продававших свою рабочую силу, будет значительно выше.

С годами наем в царскосельских дворцовых деревнях увеличивался, и его применение все больше концентрировалось в среде зажиточных крестьян. Последнее демонстрирует таблица с данными о количестве работников в отдельных дворах царскосельских дворцовых деревень (табл. 4).

Таблица наглядно показывает, как со временем увеличивалось количество дворов, прибегавших к найму рабочей силы, и возрастало общее количество наемных работников. Наряду с расширением найма происходило и сосредоточение его в дворах деревенской верхушки. Так, в 20-х годах XVIII в. бывали дворы, нанимавшие от одного до трех работников; в 1740 г. уже были дворы, где работали от трех до тринадцати работников, а в 50-х годах XVIII в. и до 24 работников. Практика найма все четче определяла зажиточных и отделяла их от группы среднего и особенно бедного крестьянства.

О том, в каком количестве использовался наемный труд во дворах различных категорий крестьян, говорит следующая таблица (табл. 5).

Данные таблицы показывают, как сокращается число дворов, нанимавших только одного работника, и как соответственно становится меньше и работников, занятых во дворах этой категории. Например, в слободе Кузминой процент таких работников по отношению к числу всех наемных работников слободы сократился с 71,4% в 1720 г. до 32% в 1765 г., в слободе Рыбной с 29,6% в 1748 г. до 17,5% в 1764 г. и в слободе Пулкове с 55,9% в 1729 г. до 12,6% в 1747 г.

Сокращается, хотя и несколько медленнее, количество наемных работников в категории дворов с наймом двух человек: в слободе Кузминой с 28,6% в 1720 г. до 20,9% в 1765 г., в слободе Рыбной с 40% в 1733 г. до 10,8% в 1765 г. и в слободе Пулкове с 37,4% в 1729 г. до 22,2% в 1747 г.

В третьей категории дворов с наймом 3 и более человек с годами непрерывно идет увеличение числа наемных работников. В слободе Кузминой процент работников в таких дворах вырос с 20 в 1730 г. до 47,1% в 1765 г., в слободе Пулкове с 6,7% в 1729 г. до 65,2% в 1747 г., в слободе Рыбной с 60% в 1733 г. до 71,7% в 1764 г. Несколько более медленный рост крупного найма в промышленной слободе Рыбной объясняется тем, что наем здесь с самого начала складывался как крупный.

© ГПИБ

Таблица 5

Использование наемных работников во дворах различных категорий крестьян

Слобода	Год	Всего нанятых работников	Из них на дворы					
			с одним наемным работником		с двумя наемными работниками		с тремя и более наемными работниками	
			всего	%	всего	%	всего	%
Кузмина	1720	7	5	71,4	2	28,6	—	—
	1730	45	22	48,9	14	31,1	9	20,0
	1747	75	13	17,4	18	24,0	44	58,6
	1765	106	34	32,0	22	20,9	50	47,1
Рыбная	1733	5	—	—	2	40	3	60,0
	1748	54	16	29,6	4	7,4	34	63,0
	1764	166	29	17,5	18	10,8	119	71,7
Новославянская	1723	10	4	40,0	6	60	—	—
	1733	14	8	57,1	—	—	6	42,9
	1766	59	Нет данных				—	—
Пулково	1729	59	33	55,9	22	37,4	4	6,7
	1747	72	9	12,6	16	22,2	47	65,2
	1766	200	Нет данных					

* * *

Данные об использовании наемных работников в крестьянских дворах различных категорий свидетельствуют о том, что в первой половине XVIII в. в дворцовых деревнях идет процесс классовой дифференциации крестьянства. С годами этот процесс становится все отчетливее. В деревнях увеличивается группа крестьян-богатеев, растет количество наемных работников, используемых в их хозяйствах. Из среды зажиточных крестьян, наряду с ее численным увеличением, происходит выделение богатой верхушки. В дворцовых царскосельских деревнях к концу 1750-х годов эта верхушка сосредоточивала в своих хозяйствах более 60% всех наемных работников.

У представителей самой богатой деревенской верхушки слабеет интерес к земле. Крупные торговцы, скупщики и владельцы предприятий стремятся оставить землю или вместо себя на своих наделах используют специально для этого нанятых работников. Так, в 1719 г. совершенно оставил надельную землю крупный торговец, пулковский крестьянин Потап Ширманов, ссылаясь на то, что он торговый, а не пахотный человек, что и «ранее на земле не работал, а вместо себя нанимал батраков» [64]. В 1720 г. просил разрешения оставить земельный надел крестьянин Кузминой слободы Федор Иванов «ради того, что крупный торг у меня в Петербурге». Надельную землю Федор Иванов «с давних пор» обрабатывал при помощи наемных батраков [65]. В 1725 г. торгующий крестьянин той же Кузминой слободы Тимофей Борисов просил дворцовую администрацию признать действительной его сделку о передаче двора и надела на один год нанятому им крестьянину той же слободы Сидору Ильину, утверждая, что «из платы в 30 руб. оный крестьянин будет исполнять все повинности вместо меня исправно» [66]. В 1725 г. крестьянин Новославянской слободы Петр Григорьев, имевший «сторонней промысел», сообщал приказчику с. Царского, что вместо себя «для отправления всяких повинностей и работ дворцовых» он посадил на свой надел нанятых работников «из платы по 14 р. 50 к. в год каждому». Подобные примеры встречались и позже [67].

В то же время совершенно бросили или систематически сдавали в аренду свои земельные наделы крестьяне-бедняки. Так, в 1720 г. бедный крестьянин Новославянской слободы Алексей Карденев сдал в аренду свой двор и землю за 15 руб. в год, сам ушел «кормиться работою своею» [68]. В том же 1720 г. богатей — откупщик кабаков из слободы Новославянской — Андрей Аксенов взял в аренду у бедного крестьянина своей слободы Ивана Серебрякова двор и землю на один год «из оплаты 15 рублей». Сам же И. Серебряков оставался работать у арендатора батраком [69]. В 1730 г. несостоятельный крестьянин слободы Кузминой Иван Собакин «сдал свой пожиток, пашенную землю и сенной покос 1/4 осмака» своему односельчанину богатею Тимофею Якимову, который обязывался «работы отправлять за надел и деньги платить» в дворцовое ведомство. Собакин оставил себе «по смерть» только половину огорода [70]. Богатый крестьянин

[64] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 1, д. 67, лл. 5, 6.
[65] Там же, оп 2, д. 68, л. 11.
[66] Там же, д. 188, лл. 20—21.
[67] Там же, оп. 1, д. 177, лл. 1—2.
[68] Там же, д. 68, л. 6.
[69] Там же, л. 5.
[70] Там же, д. 1004, л. 6.

из деревни Б. Котлин Р. Матвеев систематически использовал земли бедняков. В 1741 г. после длительной аренды он получил в «вечное пользование» половину тяглой земли — 1/4 осмака крестьянина деревни М. Ладоги Ю. Репкина. В 1759 г. он же, Матвеев, принял у вдовы Ульяны Югановой ее надельную землю «6 доль осмака», оставив ей «только чищебу для сенокоса» [71]. В 1761 г. Кузминой слободы крестьянин-бедняк Яков Тюркин сдал в аренду свою тяглую землю 1/8 осмака — сенокос и два пахотных поля — богатею односельчанину Дмитрию Быковскому, сроком на четыре года, покос за 1 р. 65 к., пашню за 2 руб. [72]

Так, одновременно с процессом выделения группы богатых крестьян шел процесс обнищания деревни и образования в ней категории крестьян-бедняков. В дворцовых царскосельских деревнях в первой половине XVIII в. различаются три категории бедных крестьян. К первой относятся ничего не имевшие бедняки. Они не вели своего хозяйства и жили во дворах богатых крестьян, как правило, в качестве работников. За такими крестьянами настолько прочно установилось их положение батраков, что, для того чтобы получить право считаться хозяином двора, требовалось специальное разрешение дворцовой администрации и признание этих прав крестьянским миром. Даже женитьба на вдове или на дочери-наследнице не давала батраку права считаться владельцем двора. В документах отмечается много случаев, когда дворы значатся за женами-вдовами и дочерьми, вышедшими замуж за батраков [73].

Вторую категорию составляли бедняки с маленьким земельным наделом, размером в 1/8 осмака или и того менее. У них бывали, правда, не всегда избы и надворные постройки, очень небольшое количество скота (обычно корова, овца) и куры. Полей они не засевали. Землю часто сдавали в аренду целиком или частично. Суммы, полученные от сдачи в аренду надельной земли, шли на уплату подати и оброка, а также на пропитание; документы нередко отмечают, что такие крестьяне «питаются от отдачи своей земли в найм» [74]. Как правило, по выражению документа, они «кормятся работою своею», живут в работниках у односельчан-крестьян, отходят, ища заработок в городах, а престарелые и больные «ходят по миру», «питаются именем Христовым», «кормятся в миру» [75].

[71] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 1, д. 576, л. 8; д. 1015, л. 1.
[72] Там же, оп. 17, д. 21, л. 34.
[73] Там же, д. 51, л. 15 и др.
[74] Там же, д. 3, л. 113—113 об.; оп. 1, д. 294, л. 83.
[75] Там же, оп. 17, д. 3, лл. 121—127.

Третья категория состояла из бедняков крестьян-хозяев. У этих крестьян был земельный надел, обычно тоже небольшой. Они имели свои дворы. Скота бывало немного, как правило, одна лошадь или одна корова, не считая мелкого скота и птицы. У этой категории крестьян у всех были посевы, но очень небольшие, исчислявшиеся не четвертями, а четвериками. Ведение хозяйства у них сочеталось с временным отходом на заработки, особенно в зимнее время. Хозяйства такого рода владельцев неустойчивы. И без того бедные, они разорялись от недородов, падежей скота и других стихийных бедствий, которые не были редкостью в то время. К 40-м годам XVIII в. процесс социального расслоения в дворцовых царскосельских деревнях зашел уже довольно далеко (см. табл. 6).

К группе неимущих, по переписной книге 1747 г., были отнесены обнищавшие хозяева дворов, т. е. дворы выделенной нами второй категории. Бездворные батраки, жившие в этих деревнях, учитывались отдельно.

По приведенным данным, процент разоренных дворов — дворов, не обрабатывавших надельную землю,— был высокий. В пяти деревнях он достигал 50% от общего числа дворов деревни, в десяти колебался от 25 до 45%, в шести — от 10 до 23% и только в двух деревнях разоренные дворы составляли небольшое количество — от 3,6 до 5%.

Число душ мужского пола в разоренных дворах, по отношению к общему числу душ мужского пола в деревне, в процентном отношении было несколько ниже числа разоренных дворов. Только в двух деревнях в неимущих дворах число душ мужского пола достигало 40—42,8%, в восьми деревнях оно колебалось от 20 до 36,3%, в восьми других — от 10 до 19% и в пяти деревнях от 4 до 10%.

Крестьяне неимущих дворов, как отмечают источники, существовали за счет продажи собственной рабочей силы — «кормились работою своею». Степень разорения представится еще ярче, если учесть указания переписной книги 1747 г. на то, что в этих же деревнях числились крестьяне-отходники, оторвавшиеся от деревни, отпущенные дворцовой администрацией «для прокормления работою своею» на сторону. В Кузминой слободе в 1747 г. их было зафиксировано 48 душ мужского пола, в Новославянской — 29, в Пулковой — 32 души мужского пола [76].

Итак, мы видим, что в деревнях все явственнее выделяются, с одной стороны, зажиточная верхушка, которая ведет свое хозяйство при помощи наемных работников, а с другой — группа

[76] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 17, д. 3, лл. 1—139.

Таблица 6

Число неимущих крестьян в отдельных царскосельских слободах и селах по переписной книге 1747 г.

	Общее число дворов	Из них дворов неимущих		Общее число душ мужского пола	Из них в неимущих дворах	
		всего	%		всего	%
Слободы:						
Кузмина	111	4	3,6	443	20	4,5
Новославянская	18	2	11,1	96	8	8,3
Пулково	80	4	5,0	284	12	4,2
Приписные деревни:						
Каски Сария	4	1	25,0	14	2	14,2
Котлинка	18	5	27,7	82	13	15,8
Б. Ладога	8	3	37,5	42	8	19,0
Дубинка	2	1	50,0	7	3	42,8
Ковшулово	10	1	10,0	68	5	7,3
Попова	16	3	18,7	95	11	11,5
Липизари	2	1	50,0	8	2	25,0
Пязелево	23	9	39,1	102	24	23,5
Линдаси	13	3	23,0	55	10	18,1
Рысь Кабачек	4	2	50,0	15	6	40,0
Талерово	8	4	50,0	43	14	32,5
Новая	11	5	45,4	59	20	33,8
Сушар	8	2	25,0	33	6	18,1
Гора	6	1	16,6	28	4	14,2
Шушара	17	2	11,7	94	7	7,0
Камень	4	2	50,0	12	3	25,0
Лангози	3	1	33,3	11	4	36,3
Пески	6	2	33,3	30	6	20,0
Каскулово	4	1	25,0	26	7	26,9
Галерово	4	1	25,0	22	4	18,1

бедных, лишенных средств производства крестьян, поставлявших рабочую силу в деревню и в город.

* * *

Крестьянин-работник, особенно пришлый, обязан был иметь паспорт или покормежное письмо. Эти документы удостоверяли личность, утверждали, что он не беглый, а отпущенный владельцем для работ на стороне на определенный срок, по истечении которого обязан вернуться. Часто в паспортах и покормежных, особенно у отходников из помещичьих крестьян, указывалось и место, куда отправлялся работать крестьянин [77].

Крестьянин, нанимавший работника, должен был зарегистрировать его паспорт в дворцовой канцелярии [78]. В дворцовой же канцелярии хозяин давал письменное ручательство в том, что нанятый им батрак «не солдат и не мотрос, и не рекрут, и не боярский крестьянин, и в причинах никаких не бывал». Далее добавлялось, что за ложное показание хозяин заплатит штраф [79].

Нередки случаи, когда при найме работников «верющая подпись» требовалась не только от хозяина, но и от «лутчих людей деревни» [80]. Батраки из беспаспортных людей часто ходили в петербургские дворцовые села с целью поселиться на земле (что разрешалось неоднократными царскими указами), но, когда им селиться не удавалось, они отдавались также под личную подпись нанимавшего их хозяина [81].

Получение паспорта или покормежного письма часто было сопряжено для крестьян, желавших уйти, с большими трудностями, и крестьяне старались их обходить. Нередко они уходили из селений без всяких покормежных и паспортов, жили по просроченным паспортам и т. д. Так, в 1721 г. дворцовой администрацией было установлено, что у крестьянина Рыбной слободы П. Косцова живет работник под видом проезжего крестьянина из Ярославского у.[82] Пять хозяев слободы Пулковой уплатили штраф по 5 руб. с человека за то, что у них жили батраки «без свободных паспортов» [83]. В 1729 г. крестьянин деревни Каменного Ручья Семен Толмач был бит батогами и сознался, что у него много времени жил беспаспортный батрак [84]. В то же время крестьянин слободы Пулковой Иван Иванов держал батрака «без записи и вида» целое лето и «под опасением штрафа отпустил» [85]. В 1741 г. у крестьянина с. Царского Острокопытова был зарегистрирован работник, проживавший без паспорта много времени. При допросе он утверждал, что «покормежная была утеряна» [86], и т. д.

---

[77] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 16, д. 465, л. 13.
[78] Там же, оп. 1, д. 275, л. 13.
[79] Там же, д. 97, лл. 1—2.
[80] Там же, д. 64, л. 1.
[81] Там же, оп. 2, д. 7, л. 3; оп. 1, д. 1015, л. 37.
[82] Там же, оп. 16, д. 496, л. 1.
[83] Там же, оп. 1, д. 254, л. 26.
[84] Там же, д. 296, л. 38.
[85] Там же, оп. 17, д. 21, л. 14.
[86] Там же, оп. 2, д. 6, лл. 5—6.

© ГПНБ

Бывали часты случаи, когда батраки живут по просроченным паспортам. В 1730 г. крестьянин слободы Пулковой Василий Бродниковский «явил наймита своего Андрея Терентьева», у которого был паспорт, выданный еще в 1721 г., за 9 лет паспорт не возобновлялся ни разу [87]. В слободе Кузминой, в том же 1730 г. были оштрафованы трое крестьян-хозяев за то, что держали батраков с просроченными паспортами [88]. Просроченные паспорта говорят за то, что батраки жили подолгу у одних и тех же хозяев, ибо с просроченным паспортом неохотно брали на новых местах, да и продлить паспорт было значительно легче, живя на одном месте.

Среди беспаспортных работников и работников с просроченными паспортами больше было крестьян монастырских и дворцовых и меньше помещичьих [89].Не соблюдали крестьяне и маршрута, указанного в паспортах, особенно начиная с 40-х годов XVIII в. Это подтверждается многочисленными примерами. Считалось обычным, что крестьянин, отпущенный до Углича, жил в царскосельских дворцовых деревнях, отпущенный до Москвы — работал в слободе Кузминой и т. д.[90]

Паспорта и покормежные письма, имевшиеся у батраков царскосельских дворцовых деревень, выдавались им на месте на различные сроки, о чем свидетельствует приведенная таблица (табл. 7).

Паспорта чаще выдавались сроком на один год. Феодалы на всем протяжении первой половины XVIII в. пытались регламентировать отход, что несомненно являлось тормозом в его развитии. Начиная с 40-х годов XVIII в. практиковалась шире выдача паспортов на более длительные сроки — на два и на три года. Этот факт безусловно свидетельствует об углублявшемся с годами в деревне процессе отрыва основного производителя от средств производства.

Наем на полгода встретился только один раз, но это не значит, что он не практиковался. Как правило, наем на короткие сроки просто не подвергался учету. На короткие сроки нанимали в большинстве случаев своих односельчан, а если бывали и пришлые и даже беспаспортные, на малый срок регистрировать наем было невыгодно. Неполные данные о батраках, живших с просроченными паспортами и без паспортов, не позволяют установить какой-либо закономерности подобных случаев во времени. Но и отрывочные сведения показывают, что

[87] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 1, д. 1004, л. 11.
[88] Там же, д. 284, л. 21.
[89] Там же, д. 276, лл. 1—3.
[90] Там же, д. 529, лл. 1—20.

Таблица 7

Сроки паспортов и покормежных писем, выданных наемным работникам (батракам) царскосельских дворцовых деревень в разные годы

Слобода	Год	Общее число наемных работников	Из них: имели паспорта и покормежные письма на срок: 6 мес.	1 год	2 года	3 года	Имели просроченные паспорта	Не имели паспортов
Новославянская	1723	10	—	5	2	—	3	—
	1733	14	—	5	—	—	3	6
	1766	59	Нет данных					
Рыбная	1733	5	—	2	—	—	—	3
	1748	54	—	38	—	—	10	6
	1764	166	—	130	23	4	—	9
Кузмина	1720	7	4	3	—	—	—	—
	1730	45	—	10	—	—	10	25
	1747	75	—	40	16	4	11	4
	1765	106	Нет данных					
Пулково	1729	59	—	2	—	1	27	29
	1747	72	—	43	7	3	14	5
	1760	200	Нет данных					

количество беспаспортных отнюдь не зависело от строгости законов, какими были законы 30—40-х годов XVIII в. о беглых и самовольно покинувших деревни крестьянах.

Законы не в состоянии были пресечь отход, например, в годы неурожаев. Именно этим объясняется такое большое количество беспаспортных батраков в слободах Кузминой и Пулковой в голодные 1729—1730 годы.

Получив однажды паспорт, крестьянин нередко «кормился работою своею» десятки лет, совсем отрывался от земли, становился батраком или рабочим на мануфактуре. Так, например, работник крестьянина Новославянской слободы Ивана Фролова, помещичий крестьянин из Галичского у., в 1724 г. сказал,

© ЛГБ СОРАН

что живет у Фролова в батраках шестой год [91]. Батрак — помещичий крестьянин из Вологодского у. Минай Иванов — в 1725 г. о себе показал, что «живет он в работниках у крестьян слободы Кузминой более десяти лет», а тягло свое — землю и сенные покосы «сдал в мир». Мир исполняет все работы за него и «платит деньги» [92]. Подмосковный дворцовый крестьянин Иван Лукьянов в 1729 г. рассказал, что жил он в работниках у дворцового крестьянина с. Коломенского еще до перевода последнего в с. Царское (до 1717 г.) «года с четыре». Затем с хозяином переехал в с. Царское, где живет у него пятый год. В общей сложности И. Лукьянов батрачил уже около 20 лет [93]. У крестьянина-садовника Данилы Владимирова из слободы Пулковой работник Семен Семенов, по его показаниям, «жил много лет» [94]. Трое работников крестьянина Новославянской слободы Евстафья Гаврилова в 1733 г. показали, что живут у хозяина своего более трех лет [95]. Монастырский крестьянин Андрей Семенов сказал, что «батрачит он у крестьян слободы Кузминой уже лет 7 или 8» [96].

Приведенные нами примеры лишний раз подтверждают факт наличия в хозяйствах у богатых крестьян постоянного, длительного найма. Они говорят и о том, что в дворцовых деревнях в изучаемое нами время существует группа батраков, из года в год продающая свои рабочие руки.

В царскосельских дворцовых селах различается наем двух видов — в одиночку и семьями. Наем целыми семьями был нередким явлением в практике 30—40-х годов. Так, в 1729 г. в слободе Кузминой жили в работниках у одного хозяина два родных брата, у другого хозяина семья — муж и жена [97]. В 1741 г. крестьянин-откупщик с. Царского Петр Холопов держал, наряду с другими батраками, батраков — мужа и жену [98].

Переписная книга 1747 г. устанавливает, что в слободе Кузминой жили в работниках у разных богатых крестьян 7 семей — 32 человека обоего пола. В Пулковой слободе — 5 семей (18 человек), причем семьи эти состояли из работоспособных без детей и стариков. Среди них были односельчане и пришлые [99].

[91] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 1, д. 132, лл. 20—22.
[92] Там же, д. 177, л. 5.
[93] Там же, оп. 2, д. 952, л. 3.
[94] Там же, оп. 1, д. 254, л. 7.
[95] Там же, оп. 2, д. 140, лл. 1—2.
[96] Там же, д. 7, л. 3—3 об.
[97] Там же, оп. 16, д. 496, л. 3.
[98] Там же, оп. 1, д. 567, л. 3.
[99] Там же, оп. 17, д. 3, лл. 1—139.

Возраст нанимавшихся батраков устанавливается в среднем от 20 до 30 лет. Случаи найма престарелых и малолетних единичны. По данным 30—40-х годов XVIII в., все работники слободы Пулковой были в возрасте от 20 до 60 лет, и преобладающее большинство из них имело от 30 до 50 лет. В двух случаях отмечался наем 14 и 16-летних подростков и в одном — 67-летнего старика [100].

Примерно такую же картину дают сведения о возрасте наемных работников слободы Кузминой.

И здесь преобладают батраки в возрасте от 21 до 50 лет. И только в трех случаях значатся батраки от 70 до 80 лет [101]. Случаи найма престарелых объясняются тем, что батраки эти обладали теми или иными специальностями (горшечников, кузнецов, столяров и т. д.). В основном же всегда стремились нанимать работников молодых и здоровых. В 1761 г. в книге записи паспортов наемных людей слободы Рыбной в графе «возраст работника» в большинстве случаев было отмечено: «молод, режется борода» [102].

Нелегкой была жизнь крестьянина-батрака. Положение беспаспортного или живущего с просроченным паспортом часто приводило к злоупотреблениям со стороны хозяев и еще более усугубляло произвол хозяев в отношении работников и оплаты их труда. Приведем отдельные данные о расчете с батраками за два различных года.

В 1720 г. в слободе Кузминой четыре работника за полугодовую работу получали: два человека по 1 р. 50 к. каждый, один человек — 2 р. 25 к. и один — 1 р. 75 к. [103] Следовательно, за годичный срок работы в одном случае полагалось 3 руб., в другом — 4 р. 50 к. и в третьем — 3 р. 50 к.

В 1761 г. в слободе Рыбной работник — мужчина, в среднем, получал за годовую работу примерно 12 р. 50 к., женщина — 6 руб. Но это отнюдь не исчерпывает существовавших разнообразных расчетов: за пять месяцев работы батраку иногда платили 5 руб., за шесть месяцев — 13 руб., за семь месяцев — 17 р. 25 к. и т. д.[104] К сожалению, источники не содержат сведений о характере выполняемых работ.

Бывало и так, что у крупных подрядчиков, особенно строителей, батраки получали с выработки — сдельно. Так рассчитывал своих работников в 1725 г. крестьянин-подрядчик из слобо-

[100] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 17, д. 3, лл. 73—76.
[101] Там же, лл. 133—139.
[102] Там же, оп. 16, д. 496, лл. 1—5.
[103] Там же, д. 1, лл. 1—3.
[104] Там же, д. 496, лл. 1—5.

© ГПБ СПбРАН

Социальный состав пришлых работников, живших у

Слобода	Год	Крестьяне			Солдаты	Лица неизвестного происхождения
		помещичьи	монастырские	дворцовые		
Кузмина	1720	—	2	4	—	1
	1730	11	7	25	—	2
	1747	10	15	42	3*	5
	1765	Нет данных				
Новославянская	1723	1	5	2	—	1
	1733	1	5	5	—	3
	1766	Нет данных				

* Из рабочих полков. ** 4 посадских и 2 государственных крестьян. *** Из них — 5 государственных крестьян.

ды Кузминой Степан Тренин. Размер заработка им определялся в зависимости от количества перевезенных батраками бревен, теса, кирпичей и др. [105]

Отрывочные данные о плате за труд батраков не позволяют сделать какого-либо обобщающего вывода, но тем не менее они красноречиво говорят о значительном разнообразии в оплате труда батраков, о существовавшем произволе в расчетах с ними.

Работники, занятые у крестьян царскосельских дворцовых деревень в 20—40-х годах XVIII в., были людьми различных социальных категорий. Об этом свидетельствует приводимая нами таблица (табл. 8).

Из приведенных данных следует, что преобладающее большинство пришлых работников — дворцовые и монастырские крестьяне; особенно много работников было из дворцовых крестьян. Последнее являлось отражением происходившего процесса классовой дифференциации среди крестьян этой категории, особенно в данном районе.

При постоянном найме хозяина не всегда устраивал батрак с отпускным свидетельством на короткий срок. Такие свидетельства часто бывали у помещичьих крестьян. Этим и объясняется, что батраков из помещичьих крестьян было несколько

[105] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 1, д. 188, л. 34.

Таблица 8

крестьян царскосельских деревень

Всего	Слобода	год	Крестьяне			Солдаты	Лица неизвестного происхождения	Всего
			помещичьи	монастырские	дворцовые			
7	Пулково	1729	6	4	44	—	5	59
45			3	8	55	—	6	72
75		1747						
106		1765	Нет данных					200
9	Рыбная	1733	1	1	3	—	—	5
14		1748	32	11	1	6**	4	54
59		1764	87	40	23	16***	3	166

меньше. Исключение составляла Рыбная слобода, где наличие таких работ, как рыбная ловля и сплав грузов по Неве, позволяли использовать наймитов на месячные и даже более короткие сроки с поденной оплатой.

Нередки случаи, когда крестьяне лишь условно считались представителями той или иной категории крестьянства, в действительности же они были батраками с детства. Так показал о себе в 1722 г. батрак — монастырский крестьянин А. Семенов, проживавший вначале в Москве, а затем у крестьян слободы Кузминой [106]. В 1725 г. дворцовая администрация сообщала, что дворцовый крестьянин батрак Семен Тимофеев, переведенный из Белозерского у. в слободу Новославянскую, «никогда не имел двора и в крестьянстве не жил, а жил всегда в батраках и сейчас живет» [107].

По сведениям 1729 г., батраком с детства был дворцовый крестьянин И. Лукьянов, сначала в дворцовом с. Коломенском, а затем с 1717 г. у крестьян с. Царского [108]. В 1734 г. крестьянин Невского монастыря, батрачивший у крестьян дворцовой деревни Гумолосары, сказал о себе, что «батрачит он, как

[106] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 2, д. 7, л. 3.
[107] Там же, оп. 1, д. 188, л. 45.
[108] Там же, оп. 2, д. 952, л. 5.

© ГПБ СОРАН

упомнит» [109]. В 1735 г. батрак, дворцовый посадский человек из города Белева, проживавший у крестьян дворцовой деревни Каменный ручей, показал, что «до возраста» жил он в Москве у разных посадских людей, а теперь все время живет в работниках у дворцовых крестьян в различных деревнях [110]. В 1759 г. дворцовый крестьянин-батрак Иван Семенов рассказал, что он «в малых летах ходил в деревнях по миру и тем кормился». Лет с десяти был «в работе по дорогам» и уже более трех лет живет у царскосельских дворцовых крестьян [111].

Фактический материал говорит о наличии в дворцовых деревнях в первой половине XVIII в. группы крестьян, единственным источником существования которых являлось батрачество, особенно у местных крестьян.

В итоге рассмотрения вопроса о найме рабочей силы крестьянами царскосельских дворцовых деревень в первой половине XVIII в. устанавливается, что наем здесь был явлением очень распространенным. С годами наблюдалось неуклонное его расширение и особенно в тех отраслях хозяйства, которые более всего были связаны с рынком: в полевом хозяйстве, соединенном с промыслами и другими неземледельческими занятиями, в промысловом огородничестве и садоводстве. Наем применялся также в хозяйствах богатых крестьян, занимавшихся земледелием. В таких случаях земледелие, как правило, носило торговый характер.

Сельское хозяйство для крестьян царскосельских дворцовых деревень на всем протяжении первой половины XVIII в. не утрачивало своего значения, несмотря на близость Петербурга. У крестьянства, в целом, не ослабевал интерес к земле. Оставалось, в основном, не поколебленным традиционное представление о земле как источнике силы и достатка, свойственное феодальному обществу.

К середине XVIII в., как мы убедились, большинство богатых крестьян владело более крупными наделами и стремилось к приобретению все новых земельных участков. Земли скупались, арендовались, захватывались росчисти и луга. Крепко держалось за землю «среднестатейное» крестьянство. Частично это поддерживалось и дворцовой администрацией, запрещавшей оставлять надельные земли, что в известной мере задерживало процесс расслоения крестьянства. Но, несмотря на это тормозящее влияние, данный процесс упорно прокладывал себе дорогу, обходя все и всяческие преграды. Утрачивался интерес к земле у двух крайних крестьянских групп. Оставляют землю наиболее богатые крестьяне, занимающиеся торговлей, промыслами, берущие подряды и владеющие собственными предприятиями. Не имеют возможности удержать и не дорожат земельным наделом крестьяне-бедняки. Сдав в аренду или просто «в мир» свои надельные земли, они, как правило, «кормятся работою своей», продают свою рабочую силу и совсем отходят от земли.

[109] ЦГИАЛ, ф. Дворцовых учреждений, оп. 1, д. 1004, л. 25.
[110] Там же, д. 296, лл. 37—38.
[111] Там же, д. 1015, л. 37.

Возникновение таких крайних групп в среде крестьян дворцовых царскосельских деревень свидетельствует о том, что уже в первой половине XVIII в. здесь имел место процесс классового расслоения, что способствовало накоплению средств производства в одних руках и отделению от них непосредственных производителей.

Д. Д. Балуева

ИМУЩЕСТВЕННОЕ РАССЛОЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТХОДНИЧЕСТВА В КОМИ ДЕРЕВНЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Вопрос об имущественном неравенстве среди крестьянства является лишь небольшой частью сложного вопроса о расслоении крестьянской массы на два противоположных типа, которые окончательно оформляются лишь при развитых капиталистических отношениях. Разложение крестьянства как класса нельзя приравнивать к простому возникновению имущественного неравенства, которое является лишь исходным моментом всего процесса. Зачатки разложения, по словам В. И. Ленина, появляются еще при господстве натурального хозяйства. Как указывал Маркс, уже при ренте продуктами отмечаются «...более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей... Непосредственный производитель приобретает средства для того чтобы, в свою очередь, прямо эксплуатировать чужой труд» [1]. Чем глубже проникали в хозяйство крестьян товарно-денежные отношения, тем больше они способствовали росту имущественного неравенства и ускоряли социальное расслоение крестьянства.

Среди коми крестьян в середине XVIII в. явственно прослеживается имущественное неравенство и лишь намечаются элементы социального расслоения. Коми крестьяне занимали в XVIII в. часть территории Архангелогородской губ. и входили в разряд государственных крестьян. По своему положению они были очень близки к черносошным крестьянам Поморья.

Имущественное неравенство среди коми крестьян в изучаемый нами период было явлением не новым, оно в какой-то степени существовало и в более давние времена. Так, в писцовых книгах конца XVI в. отмечалось, что были крестьяне «молотчие», «середние» и лутчие». Тем более наличие разных групп крестьянства характерно для XVII—XVIII вв. Классификация писцовых книг встречается и в этот период вплоть до наказов в Уложенную комиссию 1767 г. Крестьяне Жешарской волости, жалуясь на тяжесть уплаты подушной подати за отходников, писали: «И от того имеющиеся в нашей волости крестьяне, лучшие, средние и маломощные, претерпевают и платеж производят с великою нуждою» [2]. Как правило, к лучшим относились такие дворы, которые могли вполне исправно вести свое хозяйство и нести тягло. К молотчим дворам причислялись те, которые не в состоянии были из доходов своего хозяйства отбывать все подати и повинности в пользу государства. Втягивание коми крестьян в рыночные отношения усиливало экономическое неравенство и вело к появлению в деревне крестьян-богатеев. Этому способствовало и право распоряжения землей в среде черносошных крестьян Коми края. Крестьяне постоянно совершали между собой акты купли, продажи, заклада земель. Крестьянские земли переходили также в руки купечества. Свободное обращение земли вело к тому, что часть крестьян сосредоточивала в своих руках земельные богатства, приводя к обезземеливанию другую часть крестьян. Уже в начале XVIII в. в Коми крае скупка земли вела к тому, что нередко ее бывший владелец кормился наймом. В некоторых волостях Коми края большую роль в этот период играли купцы. Они скупали, а часто и прямо захватывали крестьянские земли. Потеряв всю или часть своей земли, крестьянин вынужден был наниматься на ту или иную работу. Так было в Вымских волостях, которые находились вблизи Сереговского соляного промысла, владельцы которого много десятилетий притесняли и эксплуатировали коми крестьян. Еще в переписной книге 1700 г. по Вымским волостям, отмечалось, что беднейшая часть жителей этих волостей кормилась работою или ходила по миру, т. е. нищенствовала. Например, М. и И. Першуковы «кормятца работою, а пашней их владеет по крепостям» гость И. Панкратьев [3]. Вероятно, в результате нужды крестьяне заложили или продали свою землю и затем вынуждены были продавать свою рабочую силу. Заложен был деревенский участок у трех братьев Мальгиных из деревни Варшет, а сами они, как говорилось в документе, «кормятца работою». В этой же переписной книге 1700 г. отмечалось, что бездворные бобыли Ляльской, Турецкой и Княжпогостской третей «кормятца своею работою и ходят по миру». Из тех, кто

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 808—809.

[2] Сб. РИО, т. 123. СПб., 1907, стр. 240.

[3] ЦГАДА, ф. Правительствующего Сената, оп. 5, д. 220, л. 55.

лишился земли, не все могли систематически продавать свою рабочую силу непосредственно на месте. Одни превращались в нищих, других нужда и голод гнали на поиски работы в другие места. На посаде Турья был отмечен пустой двор Андрюшки Ильина, который «сшел от голоду в сибирские городы 5-й год» [4]. В деревне Ичиповской Турецкой же волости наряду с другими пустыми дворами был пустой двор Л. Баженова, который «сшел от голоду на Кунгур с женою и с детьми тому года с 4» [5]. Крестьяне Вымских волостей шли и в более близкие места: на Вычегду, на Сысолу, в Яренск и т. д. Много позднее, в наказе в Уложенную комиссию 1767 г. крестьяне одной из Вымских волостей, а именно Турецкой трети, писали: «...И пожиточных крестьян нашей трети не имеется, а платеж подушных и протчих податей происходит рубкою в показанное Сереговское усолье варничных дров» [6]. В данном случае крестьяне, не отрываясь полностью от земли, на какой-то срок вынуждены были для уплаты податей выполнять работу на заводчика. Указание на то, что в волости нет «пожиточных» людей, лишь отчасти соответствовало действительности. Как в этой, так и в других волостях были весьма зажиточные крестьяне, число которых, правда, было невелико. Возьмем для примера Гарьинскую волость, по которой у нас имеется окладная книга за 1764 г. За всей волостью числилось 615 четвертей пашни и сенных покосов, находившихся в пользовании 50 дворохозяев. Самое большое количество земли, 51 четь, было у Н. Оплеснина. Наименьшее количество земли, а именно 0,5 чети, было за дворохозяином П. Поляковым. Земельные владения одного крестьянина превосходили владения другого в 102 раза. При этом о землях Н. Оплеснина в окладной книге прямо было сказано, что земли учтены вместе «с закладными и с выкупленными И. Куликова вотчины» [7]. Ростовщические операции являлись средством концентрации земли в руках обладателей денег. Даже учитывая то, что во дворе могло быть различное количество душ мужского пола, надо признать, что разница в земельных участках была огромной. Надо полагать, что едва ли хозяйство Оплеснина обеспечивало только свои нужды и обходилось без помощи посторонней рабочей силы, хотя на это в документе и нет прямых указаний. Свидетельством происходившей мобилизации земли, приводившей к углублению различий в обеспеченности земельными

[4] ЦГАДА, ф. Правительствующего Сената, оп. 5, д. 220, л. 52.
[5] Там же, л. 52 об.
[6] Сб. РИО, т. 123, стр. 264.
[7] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, д. 172, л. 17.

угодьями, может служить распределение земли в Гарьинской волости:

Размер надела (в четях)	Число дворохозяев	%
0,5—5	9	18
5—10	16	32
10—15	11	22
15—20	6	12
20—30	6	12
Более 30	2	4
Всего . .	50	100

Приведенные данные прежде всего говорят о неравномерном распределении земли. Резко выделяются две крайние группы, хотя они еще сравнительно немногочисленны. Среди малоземельной группы из 9 хозяев 3 имели земли меньше одной четверти, в то время как представители наиболее зажиточной группы обладали участками в 20—30 раз бóльшими. Неравномерное распределение земли наблюдается и среди других дворохозяев, но соотношение здесь выступает, как 1 : 2 : 3 : 4. Это показатель того, что в 60-х годах XVIII в. в массе своей (66%) крестьянство Гарьинской волости было еще относительно обеспечено землей, и среднее крестьянство составляло явное большинство.

Об этом же свидетельствуют сведения за 1771 г. о количестве скота в крестьянских хозяйствах трех Удорских волостей:

	Число дворохозяев всего	%		Число дворохозяев всего	%
Безлошадные . .	48	14,6	Бескоровные . . .	27	8,2
1—2 лошади . . .	259	79,2	1—2 коровы . . .	190	58,5
3—4 » . . .	16	6,2	3—4 » . . .	82	25,9
			5 и больше . . .	24	7,4
Итого . . .	323	100	Итого . . .	323	100

Имеющиеся данные подтверждают наш вывод о том, что основу деревни составляло среднее крестьянство, владевшее одной-двумя лошадьми (79,2%) и одной-двумя коровами (58,5%). Наряду с ним и по данному признаку обозначились другие две группы. 14,6% составляли крестьяне, не имевшие в своем хозяйстве лошадей. Вероятно, эта часть крестьян за какую-то плату пользовалась для обработки земли чужими лошадьми или вовсе не имела запашки, вынужденная искать сторонних заработков. Бескоровные хозяйства составляли меньший процент (8,2%). Но среди крестьян были и такие, которые не имели ни лошади, ни коровы. По сведениям 1771 г., они состав-

ляли 6,4% к общему числу хозяйств трех Удорских волостей. Часть из этих хозяйств не имела к весне 1771 г. никакого хлеба ни для питания, ни для посева. Например, И. И. Курыдкашин, проживавший в Косланском погосте, не имел скота, не было у него и семян для посева, хотя и требовалось ему всего шесть четвериков.

В Пысском погосте в Пазозерской деревне М. Бушенов также не имел семян для посева, хотя ему требовалось всего один четверик ржи и три четверика ячменя. Правда, у него было две лошади и две овцы.

В деревне Латьюга у Андрея Павлова весь скот состоял из двух овец, а засевал он всего четыре четверика ячменя. Наличие такой группы крестьян говорит о том, что в Удорских волостях была бедняцкая прослойка, хотя и очень еще незначительная количественно.

Вместе с тем в деревнях были и весьма «прожиточные» крестьяне, имевшие по три-четыре коровы и по четыре-пять лошадей и соответствующий посев. Так, в деревне Латьюге Феоктист Павлов имел посева на три четверти один четверик и 25 голов скота, из них — пять коров, три лошади. Евдоким Логинов посева имел на три четверти, четыре четверика, скота 35 голов, из них семь коров, пять телят, семь лошадей и т. д. И все-таки крайние группы по Удорским волостям составляли небольшой процент, а это говорило о том, что процесс разорения, обнищания крестьянства, с одной стороны, и выделения экономически более мощной хозяйственной группы крестьян — с другой, был еще на начальном этапе.

Наличие денег для покупки земли и для ссуды их под заклад — показатель не только того, что в коми деревне были уже довольно развитые товарно-денежные отношения, но оно говорит и о том, что из среды крестьян выделились наиболее состоятельные люди, имевшие в наличии свободные деньги. Незначительную сумму свободных денег временно могли иметь многие крестьяне. Об этом свидетельствует тот факт, что земля небольшими участками закладывалась и продавалась в каждой волости большому количеству крестьян. Из 170 купчих, закладных и заемных крепостей, которые были зарегистрированы в различные годы, лишь незначительная часть была дана посадским людям г. Яренска. Большая же часть этих документов говорит о земельных операциях среди самих крестьян. В этих операциях принимали участие 129 человек, причем большинство по одному разу и на незначительную сумму. Вот несколько примеров весьма скромных земельных сделок. В 1737 г. крестьянин Жешарской волости И. Коковкин купил «пожню пашенной земли» за

2 руб. у крестьянина той же волости П. Огнева [8]. В 1738 г. крестьянин Шежамской волости И. Кузнецов купил у крестьянина той же волости «полянку пашенной земли» за 1 руб.[9] Крестьяне Оквадской волости А. и И. Черепановы купили в 1742 г. у крестьянина той же волости полянку за 1 р. 30 к. [10]

Однако наряду с такими мелкими операциями встречаются и крупные. В 1738 г. крестьянину Шежамской волости Гилеву был заложен повыток деревни на 5 лет за 95 руб.[11] В том же году крестьянину Княжпогостской трети Опарину был заложен повыток деревни на 3 года за 40 руб. [12] Это свидетельствует о наличии в руках крестьян подчас значительных свободных средств. Мало того, на основании тех же документов можно выделить лиц, которые встречаются в качестве покупателей и заимодавцев по нескольку раз. На этом основании уже для 30—40-х годов XVIII в. можно говорить не только о крестьянах состоятельных, но и о лицах, которые систематически занимались скупкой земли. Не только прямая продажа, но и заклад часто вел к потере земли.

В далекой северо-восточной Пожегодской волости чаще, чем другим, крестьяне закладывали и продавали земли крестьянину Е. П. Печеницину. В Коквицкой волости по количеству земельных сделок выделялся Ф. Рогов. Но, к сожалению, сведения о таких крестьянах у нас скудны, и мы не всегда знаем, каково было их хозяйство, какими средствами они располагали. Но несомненным остается тот факт, что среди коми крестьянства в изучаемый период были настоящие богачи. Одним из представителей их может служить крестьянин Вотчинской волости О. Мальцев, опись имущества которого сохранилась в делах Яренской воеводской канцелярии за 1730 г. Наряду с описанием посуды, одежды, а также других вещей домашнего обихода и сельскохозяйственных орудий в описи значилось: во дворе 5 лошадей, 3 быка, 27 коров, больших и малых, 11 овец, 4 свиньи годовых. Амбарные сусеки были наполнены рожью и ячменем, там же хранилось восемь пудов ржаной муки. Мальцев имел «пахотные 3 перемены, а в переменах сеется на пример 12 пудов ржи..., сенных покосов в разных местах и по разным пожням ставитца годом ста по три и по четыре копен» [13]. Помимо всего, этот крестьянин был владельцем водяной мельницы. Перед нами хозяйство сельского богача, который имеет

[8] ЦГАДА, ф. Яренской крепостной конторы, оп. 1, д. 15, л. 49 об.
[9] Там же, л. 23 об.
[10] Там же, д. 16, л. 3.
[11] Там же, д. 15, л. 9 об.
[12] Там же, л. 14.
[13] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 2, д. 6, лл. 8, 9 об.

не только большое количество скота, но также содержит мельницу, что вообще среди коми крестьян встречалось редко. Такое хозяйство не ограничивалось обеспечением личных потребностей семьи. Перед нами предприниматель, скопивший в своих руках значительные денежные средства и безусловно связанный с рынком. Именно этому Мальцеву крестьяне Вотчинской волости закладывали свои земли. Так, в апреле 1734 г. О. Мальцев дал за заложенный ему повыток деревни 31 руб. В мае этого же года крестьяне Ф. и А. Поповы закладывают Мальцеву повыток деревни на год за 15 руб., а жена Ермолина повыток же деревни до сентября 1734 г. за 31 руб. В июне 1734 г. крестьянин Филатов берет у О. Мальцева под заклад земли 16 руб. Таким образом, только за три месяца 1734 г. О. Мальцев дал под заклад 93 руб. Мы не имеем исчерпывающих сведений о О. Мальцеве, но надо думать, что его деятельность была гораздо шире.

Мальцев не был единичным явлением. В других волостях Коми края также выделялись разбогатевшие крестьяне. За 1750 г. у нас имеются описи имущества нескольких крестьян Устькуломской волости. Среди них своим богатством выделяется Мирон Нестеров. Помимо жилых и хозяйственных построек, одежды, посуды, орудий труда, были описаны также хлеб, скот и земельные владения. На сентябрь 1750 г. у М. Нестерова числилось «всего описанного хлеба и с немолоченным 67 четвертей, 3 четверика» [14]. Пашенной земли у него было семь полей, на которые «сеется хлеба в год 7 четвертей 5 четвериков»; сенных покосов — восемь пожен, на которых было «описного сена 1270 копен, да в гумне соломы 40 возов» [15]. Крестьянин этот держал 36 голов крупного и мелкого скота, в том числе пять лошадей и десять дойных коров. Во владении Нестерова только сенных покосов было 127 дес. Снова перед нами богач из среды местного крестьянства. Его богатство складывалось путем постепенного стяжания. На протяжении многих лет он скупал мелкими участками земли крестьян. Так, в 1738 г. М. Нестеров купил пашенные земли у крестьян Устькуломской волости Кипрушева и Ешукова, в том же году у крестьянина Русанова купил овинное место [16].

М. Нестерову крестьяне Устькуломской волости не только продавали, но также и закладывали свои земли. В 1733 г. заложил землю и сенные покосы крестьянин Попвасевых, в 1737 г. заложил свою пожню крестьянин Мишарин. Заложенные земли, надо полагать, в большинстве случаев так и оставались в руках Нестерова. При описании его пашенной земли в 1750 г. говорилось: «поле под окном» у С. Кочанова, «поле под окном» П. Нестерова или «поле за двором» у О. Нестерова. Ясно, что эти поля были приобретены М. Нестеровым у прежних хозяев. В частности, крестьянин Устькуломской волости Спиридон Кочанов в допросе показывал: «Назад тому годов с двадцать живет он, Кочанов, у купца... Осколкова в работе из найму» [17]. Очевидно, лишившись земли, он должен был работать по найму. М. Нестеров являлся также посредником при скупке продукции пушного промысла у крестьян. При описи его имущества были найдены два письма: «о даче позволения оному... Нестерову в покупке белки на Яренского купца ...Новоселова» [18].

И хотя у нас нет прямых сведений о том, что в хозяйстве Нестерова применялся наемный труд, но такое предположение вполне возможно. Тем более, что другие крестьяне этой же волости держали наемных работников. Так, в январе 1751 г. крестьянин Н. Липин показал в допросе, что с января 1750 г. «жил он, Никита, оной Устькуломской волости у крестьянина Протаса Нестерова в строке из найму» [19]. Вообще надо отметить, что в документах описи имущества зажиточных крестьян встречаются чаще. Да это и понятно, ибо они составлялись обычно по поводу какого-нибудь судебного дела. А бедный крестьянин ни по положению, ни по средствам не был в состоянии затевать судебное дело, требующее непосильных для него расходов. Но и случайные сведения о хозяйстве таких крестьян говорят о многом.

В деле о курении вина крестьянами Пожегодской волости в 1750 г. выступил в качестве свидетеля М. Габов, крестьянин-богач Устьнемской волости. Выразительно его показание, что в Пожегодскую волость он явился для сбора денег, которые ему были должны крестьяне. Ростовщические операции Габова были раскинуты широко. В 1760 г. тот же Габов жаловался в Яренскую воеводскую канцелярию на то, что крестьяне разных волостей не платят ему денег, которые они взяли для платежа подушной подати в 1756—1758 гг. по заемным письмам и распискам. Целовальник и все мирские люди Устьнемской волости должны были ему 289 р. 68 к., крестьяне Мыелдинской волости — 201 р. 63 к., на крестьянах Пожегодской волости долгу числилось 118 руб. [20]

[14] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 2, д. 80, л. 43.
[15] Там же, л. 44 об.
[16] ЦГАДА, ф. Яренской крепостной конторы, д. 15, лл. 4 об., 10.

[17] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 2, д. 80, л. 50.
[18] Там же, л. 42.
[19] Там же, л. 71.
[20] Там же, д. 137, лл. 1, 1 об.

Должны были Габову и отдельные крестьяне. Так, крестьянин Деревянской волости Ульныров должен был 4 руб., крестьяне Керчомской волости — 8 руб. Всего на крестьянах разных волостей числилось долгу 621 р. 24 к. [21] Здесь указана только та сумма, которую крестьяне не заплатили в срок. Раздавая деньги в долг, Габов держал в зависимости многих крестьян близлежащих волостей, которые на многие годы становились его должниками. В 1760 г. крестьяне обязались заплатить ему все требуемые деньги. Но суммы были настолько велики, что крестьяне не в состоянии были отдать все деньги за один раз. Например, крестьяне Устьнемской волости «... отдали в уплату 31 руб. 22 коп. с половиною, а достальные 258 руб. 39 коп.,— писали они,— обязуемся мы, посыльщики, обще той волости со всеми крестьянами платить по договору на каждый год в 8 годов по 30 руб., в девятый 18 руб. 33 коп.» [22]

Габов был крупным ростовщиком, обладавшим значительными денежными средствами. В то же время эти документы свидетельствуют о той части крестьян, которая постоянно нуждалась в деньгах, закладывая все и продавая единственно ценное — свой земельный участок.

В 1762 г. в Яренскую воеводскую канцелярию от того же Габова поступила новая жалоба по случаю исчезновения из горницы ящика, в котором было 400 руб. денег и различные «крепостные письма». Габов, указывая подозреваемых им лиц, просил продать их имущество, чтобы возвратить ему деньги. К делу были приложены описи имущества крестьян, которых Габов обвинял в воровстве. Наиболее состоятельным из них оказался Г. Карманов. У него был описан двор с хоромным строением, пашенной земли «на 3 перемены по 5 пудов ржи сеется..., сенных покосов на 200 копен». Во дворе у него были корова, телка, две овцы, баран полугодовой [23]. Все движимое и недвижимое «имение» было оценено в 25 р. 46 к. Перед нами должник из средних крестьян с довольно крепким хозяйством. Тем не менее нужда в деньгах заставила Карманова заложить часть сенных покосов разным крестьянам. В срок он не смог выкупить заложенных пожен, и они оставались к 1762 г. в чужих руках. Возможно, что перед нами крестьянин, хозяйство которого начинало приходить в упадок.

Хозяйство других крестьян, обвинявшихся Габовым, было совсем бедным. Так, у Е. Игнатова, помимо двора и избы, было

[21] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 2, д. 137, л. 1 об.
[22] Там же, л. 10.
[23] Там же, д. 143, лл. 140, 140 об.

описано: «пашенной земли пустошь, на которой сеется ржи 4 четверика, сенного покоса на 15 копен и птичье угодье. Цена всему имению 6 рублей» [24]. У крестьянина Ложанева, по выражению документа, «сценить нечего, хоромного строения не имеется, а хотя пашенная земля и сенные покосы имелись, точию ныне поросли лесом, и к покупке оных желающих никого не явилось» [25]. По всей видимости, это было заброшенное хозяйство, так как пашня и сенные покосы успели порости лесом. Сравнение трех хозяйств Устьнемской волости — Габова, Карманова и Ложанева — свидетельствует еще раз о большой имущественной дифференциации, которая наблюдалась среди крестьян Коми края.

О богатстве некоторой части крестьян говорит и наличие у них мельниц. В 1734 г. мельница вместе с другим имуществом была описана у крестьянина Вотчинской волости Ф. Пантелеева [26]. В Шежамской волости свою мельницу имел крестьянин В. В. Чюкичев, который в 1751 г. просил снизить оклад с его мельницы, мотивируя тем, что «более 300 четвертей и менее никогда в помоле хлеба быть не может» [27]. Если даже мельница перемалывала 300 четвертей хлеба, она была довольно крупным предприятием. Хозяин же определял ее производственную мощность в 1000 четвертей. Относительно того, что Чюкичев получал от мельницы значительный доход и что он не мог обойтись без найма посторонних людей, сомневаться не приходится.

Результат процесса накопления денег в руках отдельных крестьян обнаружился при организации купечества в г. Усть-сысольске, когда наиболее состоятельные крестьяне Усть-сысольской волости были записаны в купечество с капиталом в 500 руб. Таковыми оказались семейства Малыгина, Суханова, Комлина, Сидорова и Мартынова.

В. И. Ленин указывал, что основная и главная тенденция капитализма состоит в вытеснении мелкого производства крупным и в промышленности и в земледелии. «Но это вытеснение нельзя понимать *только* в смысле немедленной экспроприации. К вытеснению относится также могущее тянуться годами и десятилетиями разорение, ухудшение условий хозяйства мелких земледельцев. Это ухудшение проявляется и в чрезмерном труде или ухудшенном питании мелкого земледельца, и в обременении его долгами, и в ухудшении корма и вообще содержания

[24] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп 2, д. 143, л. 141.
[25] Там же, л. 1
[26] Там же, д. 20, л. 39.
[27] Там же, оп. 1, д. 1182, л. 1.

© ГПБ Сыктывкар

скота, и в ухудшении условий ухода за землей, обработки, удобрения ее и т. п., и в застое техники хозяйства и т. д.» [28]

Если для XVIII в. в Коми крае нельзя ставить вопроса о вытеснении мелкого производителя крупным, то факт ухудшения положения и постепенного разорения части крестьян не вызывает сомнений. Об этом буквально вопиют наказы Коми волостей 1767 г.

Крестьяне Жешарской волости писали, что маломощные крестьяне не могут справляться с предъявляемыми к ним требованиями со стороны феодального государства, некоторые от платежа подушной подати «лишаются дневного своего пропитания и большая часть питается соломою и травою борщем» [29].

На это же жаловались крестьяне Ижемской слободки. Видимо, хлеб, привозимый из других мест, могли покупать не все крестьяне. «...Маломощное крестьянство питается репою и приуготовленною борщевою травою и рябиновым толченым листом, примешивая с мукой пополам, и то с самою превеликою нуждою и голодом» [30]. Крестьяне других волостей также писали о том, что питаются вместо хлеба травой и корой деревьев. Мало того, что крестьяне плохо питались, некоторые из них теряли свою землю, скот. Крестьяне Устьвымской волости писали в наказе: «У нас находятся маломощные крестьяне, которые пахотного владения имеют весьма по малому числу, а другие и ничего не имеют» [31]. Но для изучаемого нами периода крестьян, которые вовсе не имели земли, т. е. полностью оторванных от земледелия, было относительно мало. Так, по сведениям 1771 г., в трех Удорских волостях на 327 дворохозяев приходилось всего два безземельных крестьянина. При этом они не имели скота. Такие крестьяне или нищенствовали или должны были продавать свою рабочую силу, т. е. фактически они отрывались от земли. Крестьяне Низовской трети писали в наказе: «Тож неимущих земли, скота и протчаго деревенского достатка, яко то нищих 11» [32]. Сведения о нищих встречаются и в других документах.

Естественный процесс расслоения ускорялся стихийными бедствиями, от которых особенно часто страдали коми крестьяне. В своем наказе крестьяне Лоемской волости писали, что они «произошли в скудость от неурожая хлеба, с прошлого 1762 г.

[28] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 58.
[29] Сб. РИО, т. 123, стр. 240.
[30] Там же, стр. 48.
[31] Там же, стр. 243.
[32] Там же, стр. 247.

и доныне в каждой год хлебу недород был, а в прошлом же 1766 г. посеяной хлеб как ржаной, так и яровой в нашей Лоемской волости во многих деревнях вызяб... Крестьяне от хлебного недостатку и за неимением промыслов произошли в великую скудость и недостаток» [33].

Толчком к разорению могли служить пожары, падеж скота, и такое бедствие, как смыв обработанных земель северными реками. «В прошлом 759 году и 761 году был... скотский падеж превеликий, и отчего крестьяне в разорение пришли и поныне без скота многие» [34],— сообщалось в наказе крестьян Вишерской волости. В результате ряда неурожайных лет, а также других стихийных бедствий крестьяне вынуждены были на кабальных условиях занимать и хлеб и деньги. В 1764 г. крестьяне Косланского погоста взяли на пропитание и на посев хлеба 437 р. 64 к. Крестьяне Турецкой трети «по малоимению земель» вынуждены были в разные годы занимать хлеб у крестьян других волостей. К концу XVIII в. на них числилось 8099 четвериков неотданного хлеба. Крестьяне Княжепогостской трети, указывая на то, что в 1763 г. в их волости был неурожай, а в связи с этим повысилась цена на хлеб, писали: «И затем возвышением цены хлебу неминуемо приходили во всеконечную и нестерпимую голодную нужду, то есть питались соломою и пихтовою и сосновою корою и травою борщем, от которых многие и с голоду помирали, да к тому ж неимущих крестьян и непахотных бобылей умножилось» [35].

В 1767 г. на 619 душ мужского пола в Княжепогостской трети насчитывалось 234 лошади, 355 коров, «а телят и быков почти и не имеется, овец по нескольку и довольствуют» [36].

О безысходной тяжести положения большей части крестьян свидетельствует и тот факт, что время от времени казенное ведомство вынуждено было оказывать им помощь. Совершенно разоренное крестьянство трудно было эксплуатировать феодальными методами, надо было сохранять, а иногда и поддерживать крестьянское хозяйство как объект настоящей и будущей эксплуатации. Но никакие меры не могли остановить процесса расслоения крестьянства, который все яснее начинает сказываться в коми деревне. Возможно, что обнищание крестьян, лишение непосредственных производителей средств

[33] ЦГИАЛ, ф. Кодификационных учреждений, Комиссия о сочинении проекта нового Уложения, оп. 1, д. 107, л. 220.
[34] Сб. РИО, т. 123, стр. 269.
[35] Там же, стр. 258—259.
[36] Там же, стр. 260.

© ГПИБ СОАН

производства в разных волостях Коми края шло по-разному, но в той или другой степени этот процесс проявлялся везде.

Неимущие и маломощные крестьяне, хозяйство которых не обеспечивало даже полуголодного существования, вынуждены были искать заработка на стороне. Но крестьянину, который веками был связан с землей, трудно было бросить даже свое полуразоренное хозяйство; сохраняя связь с земледелием, крестьянин Коми края, имея мизерное количество собственной земли, шел в половники. Так, крестьянин Ляльской трети И. Седяков в 1730 г. показывал, что вместе со своими детьми он имеет «в Ляльской трети при погосте малую часть пашенной земли и сенных покосов, токмо от той земли за умалением пропитания иметь невозможно» [37]. Не имел Седяков и собственного двора, а поэтому жил во дворе гостя Панкратьева «вместо половников». Чаще всего крестьяне шли в половники к купцам или в монастыри. Даже мизерные пустыни имели своих половников. В Архангельской пустыни в 1751 г. жил в половничестве «для всякой монастырской работы и корму скота» крестьянин Палевицкой волости М. Осипов.

Обрабатывая чужую землю, половники получали часть производимого ими продукта. Но в XVIII в. при росте товарно-денежных отношений крестьянину все чаще нужны были деньги, а поэтому более характерным для коми крестьянина становится не половничество, а наем на работу на месте или в результате отхода, на стороне. Крестьянин нанимался на сельскохозяйственную работу или становился наемным работником в промышленности, так как развивавшаяся промышленность требовала все больше рабочих рук. В первой четверти XVIII в. правительство неоднократно подтверждало указами законность заработка на стороне при соблюдении определенных условий. В «плакате» 1724 г. в 12-м пункте говорилось о том, что «каждому крестьянину в своем уезде работою кормиться позволяется с письменными отпусками» при условии, если крестьянин не отходил далее 30 верст. Для отхода в более далекие места требовался печатный паспорт. Часть крестьян Коми края находила работу в сельском хозяйстве, нанимаясь к более зажиточным крестьянам и купцам. Так, в 1730 г. у гостя С. Панкратьева для выполнения полевых работ жили крестьяне Ляльской трети, всего 26 человек. Вероятно, на него же работали крестьяне других близлежащих волостей. Наемную силу применяли в своем хозяйстве и зажиточные крестьяне. В 1747 г. беглый

[37] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 84, лл. 7 об.—8.

матрос Касев показал, что после побега жил «из найму» у крестьян различных волостей сначала в Кайгородском у., а затем в Яренском, в Ужгинской волости жил у разных крестьян (А. Карманова, Г. Шинина). «И оттоль пришел в свою Визенскую волость» и жил у крестьян С. И. Пяткова с месяц, у П. А. Кузнецова недель с пять [38]. Работа не везде оплачивалась деньгами. Бобыль Пажегодской волости Коктомов показывал в допросе, что ныне живет в той волости у крестьянина Ф. Игнатова «в работе ис хлеба», а у священника С. Исакова «в казаках жил он в 1729 г. с 20 июля по 1 октября» [39]. Нанимались на работу не только мужчины, но и женщины. В более поздних материалах «Экономических примечаний» часто отмечается, что земля купцов обрабатывается черносошными крестьянами. Например, «обрабатывают землю этой деревни живущие в оной Ляльской волости черносошные крестьяне из найму на купца Рыбникова» [40].

Помимо земледельческой работы, крестьяне выполняли по найму разные работы на местных железных заводах и на Сереговском усолье, нанимаясь «для рубки дров и отвозу соли со взятьем денег в месяц 2 руб. 40 коп.» [41] Беднейшие жители деревни лишались вообще собственного хозяйства, превращаясь в наемных работников. О бобылях Маегове и Богданове, работавших в Сереговском усолье, сотские и мирские люди показали в 1745 г.: «Недвижимого имения дворов, пашенных земель и сенных покосов ничего не имеется, понеже они жительство имеют в Сереговском усолье из давных лет» [42]. Перед нами люди, уже давно потерявшие связь с землей, а таких работных людей в Сереговском усолье было немало.

В первой половине XVIII в. довольно распространенным среди коми крестьян был наем на такие работы, как изготовление речных судов, сопровождение судов с различными товарами по рекам. В силу развития торговли потребность в таких работниках увеличивалась. С середины XVIII в. в основном силами коми крестьян перевозилась не только соль, но и продукция железоделательных заводов. Из Вятской провинции транзитом через Коми край шел в Архангельск хлеб. Перевозились также и другие товары. Неудивительно, что крестьяне систематически, иногда на протяжении месяцев, занимались перевозками.

[38] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 2, д. 65, л. 4.
[39] Там же, д. 8, л. 15.
[40] ЦГАДА, Межевой отдел, д. 106, л. 79.
[41] Там же, л. 84.
[42] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 278, л. 28.

© ГПИБ Коми

В 1732 г. 9 крестьян Киберской волости нанялись к посадскому человеку г. Яренска Е. Гориновых, чтобы «плыть им на ево четырех обласах из Ношуля до г. Архангельского из найму», за что должны были получить 13 руб. 50 коп.[43] 30 мая 1742 г. десятники и работники разных волостей — Гамской, Шежамской, Турецкой, Устьсысольской, Оквадской, Палевицкой и других — всего 80 человек нанялись к приказчику Сереговского усолья плыть на соляных дощаниках, «а цены рядили по 3 руб. 60 коп. на человека, всего 288 руб.»[44] В мае же 1742 г. 71 крестьянин и 4 посадских человека Яренского у. нанялись плыть на 3 барках до Архангельска к купцу г. Слободского Платунову, «за работу рядили 30 рублей, а работники 108 рублей»[45]. Нанимались крестьяне и более мелкими группами. Например, в том же 1742 г. 8 крестьян Жешарской, Шежамской и Гамской волостей были наняты работником купецкого человека г. Яренска Баженова «плыть до Архангельска на повоске со скотом»[46]. Только в трех приведенных нами случаях работой по найму в один год и месяц было занято 163 крестьянина различных волостей Коми края. В 1750 г. в апреле месяце для сплава соляных караванов Сереговского усолья было нанято 670 крестьян из разных Коми волостей и посадских людей г. Яренска[47]. Эти факты свидетельствуют о том, что работа по найму охватывала большое количество крестьян, для которых одно сельское хозяйство не могло уже обеспечить сносного существования и уплаты податей.

Массовый характер отхода — явление примечательное для изучаемого времени. Но надо учитывать, что большинство крестьян-отходников могло еще ограничиться временной работой по найму. А это говорит за то, что непосредственный производитель не оторвался окончательно от средств производства. Крестьянин относительно редко превращался в постоянного наемного работника, ибо главным занятием его по-прежнему оставалось земледелие, а хозяйство его в основном сохраняло натуральный характер. Вместе с тем заработки на стороне становились все более распространенным явлением, и какая-то часть крестьянства в какой-то степени отрывалась от земли, выполняя черную, а иногда и более квалифицированную работу. Крестьяне Устьвымской волости, привлеченные в качестве свидетелей в 1730 г. при расследовании дела о воровстве, отка-

[43] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 2, д. 10, л. 15 об.
[44] Там же, ф. Яренской крепостной конторы, д. 18, л. 8.
[45] Там же, л. 2 об.
[46] Там же, л. 7.
[47] «Очерки по истории Коми АССР», т. I. Сыктывкар, 1955, стр. 164.

зывались давать показания, так как были в отходе. Например, крестьянин Логинов сказал: «А про других воров он не знал, да и знать не мог, понеже де всегда он был в отлучке для работы в разные места»[48]. Интересно, что сам Логинов пользовался наемным трудом. Киселев в допросе показал, что он у Логинова «житьем не жил, работал временно по его зову поденщиком»[49]. Киселев кормился наемной работой, так как у него не было ни земли, ни двора. Земля была заложена еще отцом, а Киселев жил с 1729 г. на подворье у другого крестьянина «и живучи ходил от него по часту в Устьвымскую и тое Ляльской волости к крестьянам работать»[50]. Итак, один из крестьян (Киселев) занимался работой по найму в силу того, что был лишен средств производства и мог прокормить себя только продажей своей рабочей силы. Другой крестьянин (Логинов) шел в отход, так как это было выгодно, земля уже не являлась для него единственным источником существования.

Нужда и голод все чаще гнали крестьянина в отход на заработки, которые становились необходимыми. Об этом красноречиво говорят сами крестьяне. «Пропитание имеем от черной всякой работы,— писали в наказе крестьяне Ужгинской волости,— работаем на железных заводах»[51].

Показательным было и то, что крестьяне все чаще продавали свою рабочую силу промышленнику-предпринимателю, владельцу не только местных предприятий, соляных и железоделательных. Среди населения Коми края существовал в этот период и дальний отход. Крестьяне, получив паспорта или покормежные отпускные письма, уходили из дому на несколько лет, чаще всего на один — три года. Одной из причин этого было то, что не все освобождавшиеся рабочие руки находили применение на месте. Крестьянин Шежамской волости П. Панов показал в допросе, что вместе с другими крестьянами в январе 1742 г. он пришел в Сереговское усолье, но «работы никакой наспросить не могли и прошли мимо»[52].

Тяжесть феодальной эксплуатации, необходимость в деньгах, вынуждали искать заработок на уральских заводах и в Сибири. Крестьяне Косланского погоста писали: «И от платежа тех подушных и взятых на пропитание и на посев хлеба денег сошли на медиплавильные и железные заводы ...Алексея Турчанинова..., Петра Осокина многое число людей, которые

[48] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 71, л. 17 об.
[49] Там же, л. 40.
[50] Там же, л. 58.
[51] Сб. РИО, т. 123, стр. 257.
[52] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 2, д. 16, л. 8.

обратно не бывали» [53]. С этим наказом перекликается наказ крестьян Корткеросской волости. Жалуясь на отсутствие хлеба и употребление вместо него коры, травы, мякины, крестьяне пишут: «Отчего многие, оставя свои дома и пашенные свои земли, отходят по пашпортам на разные работы и на разные заводы и от работ пропитание себе и своей семье имеют, также и подушные деньги платят» [54]. Не только в наказах, но и в других документах встречаются выражения: «ушел от голоду», «пошел для хлебной скудости» и т. д. Это значит, что отход, удовлетворявший потребности в рабочей силе развивавшейся промышленности, усиливался в изучаемое время под влиянием разорения крестьянских масс.

Далеко не все желавшие могли получить паспорта, так как крестьяне волости, на которых ложилось отбывание повинностей за ушедших, не всегда давали согласие на отход. Но это не могло удержать разоренного крестьянина на месте. Нередко в допросах крестьяне указывали на то, что из волости ушли «без отпуску и без пашпорта для того, что соцкой и мирские люди его не отпускали». Уходили не только отдельные крестьяне, но и целые семьи. В 1752 г. в Яренской воеводской канцелярии рассматривалось дело о «прописных» по 2-й ревизии. Часть крестьян была пропущена в силу того, что во время ревизии их не было в Палаузской волости. Например, крестьянин С. С. Буторин показал в допросе: «В 1727 г. отец его с матерью и с ним без отпуску и без пашпорта сшел от хлебной скудости в Кайгородский уезд и жили в той волости из найму в работе у разных крестьян до 1746 г.» [55] Во время проведения ревизии крестьяне выслали их на прежнее жилище, т. е. в Палаузскую волость. Но, как видно из слов самого Буторина, возвратившись, они не могли завести крепкого хозяйства. Отец и братья его не явились в г. Яренск «за болезнью и за скудостию».

Крестьянин Палаузской волости А. Н. Тремусов (31 года) «сшел в малых летах с матерью своей к Соле Камской» [56], оттуда «сшел» в Кайгородский посад, потом в Подгородную волость. После проведения ревизии пришел на свое прежнее жилище, так как держать его как беспаспортного крестьянина больше не стали. Ушедший без паспорта был на положении беглого и вынужден был вести полускитальческий образ жизни, занимаясь самой разнообразной работой. В 1740 г. вернувшийся из отхода бобыль Шежамского погоста А. М. Гуляшев

[53] Сб. РИО, т. 123, стр. 249.
[54] Там же, стр. 267
[55] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 85, л. 5.
[56] Там же, л. 6 об.

показывал в Яренской воеводской канцелярии, что лет 10 тому назад пошел он «для прокормления разною работою к Соле Камской без отпуску и без паспорта». Сначала он работал у крестьян, выполняя всякую черную работу, потом пошел на соляные заводы Пыскорского монастыря, где жил в работе по найму года три, оттуда ушел на Кунгур и жил в работе «из найма» 3 года. Он же работал по найму у посадских людей, у ямщика и у местных крестьян. В 1740 г. Гуляшев пришел в Гарьинскую волость «для того, что бес паспорта никто держать не стал» [57]. Такие отходники без паспортов, которых правительство считало беглыми, встречались среди крестьян Коми края как в первой, так и во второй половине XVIII в. Беглыми считались и те, кто просрочил паспорт.

В 1749 г. в Яренской воеводской канцелярии допрашивали беглого крестьянина Венденского погоста Ошева, который в 1735 г. ушел «от хлебной скудости в уезд Соли Камской», где работал по найму 14 лет [58]. Проработав такой долгий срок в качестве наемного работника, в 1749 г. он возвратился в родные места и вместе с остальными крестьянами был записан в подушный оклад.

Бродячие люди, пойманные в Яренском у. в 1774 г., оказались местными крестьянами, ушедшими без паспортов. Например, крестьянин Помоздинской волости Игнатов «сшел в Соликамский уезд», где и работал у крестьян по найму, рубил дрова по зимам 2 года, а летом «ходил по Волге на соляных дедюхинских судах» [59]. Беспаспортному крестьянину трудно было обосноваться на одном месте. После нескольких лет скитаний часть таких крестьян возвращалась в родные места и снова начинала заниматься земледелием, несмотря на то, что отрыв от собственного хозяйства продолжался несколько лет. Другая часть отходников возвращалась по истечении срока отпуска. Третья группа отходников вовсе не возвращалась из дальнего отхода. Обычно разрешение на отход, согласно издававшимся указам, крестьянин получал на короткий срок (1—3 года). В дальнейшем часть отходников просила продлить срок отпуска. Если эта просьба удовлетворялась, крестьянин получал новый паспорт или покормежное письмо, но и без продления не всегда крестьяне возвращались на прежние места. В 1767 г. крестьяне Шежамской волости писали в наказе, что из их

[57] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 511, лл. 1—4 об.
[58] Там же, д. 330, лл. 1—1 об.
[59] ЦГАДА, ф. Архангелогородской губернской канцелярии, д. 154, л. 2

волости с 1730 по 1748 г. были отпущены в сибирские города многие крестьяне, «точию оные крестьяне на прежних жилищах и поныне не бывали» [60].

Таким образом, временный отход фактически превращался в длительный, а иногда и в полный отрыв крестьянина от своего хозяйства. Конечно, и на новом месте крестьянин мог обосноваться в деревне или в городе, став снова самостоятельным непосредственным производителем, но указания на такой исход в наших материалах очень редки. В 1755 г. в Иркутский магистрат была подана челобитная от крестьянина Важгортского погоста А. Л. Коровина и от крестьянина Киберской волости А. Г. Момотова, которые были отпущены в сибирские города для работ по печатным покормежным на три года. Оба они занимались шерстобитным ремеслом и просили записать их в цех по г. Иркутску. По указу от 27 апреля 1722 г. и по регламенту Главного магистрата их записали в «цех вечно», Яренская воеводская канцелярия должна была выключить их из подушного оклада.

В 1746—1747 гг. крестьяне Вишерской волости Ф. Л. Моторин, Вожамской — Т. А. Голоушкин, Коквицкой — Д. А. Мартынов были отпущены на три года в сибирские города. В Кяхтинском погосте они обучились разным мастерствам: Моторин — бочарному, Голоушкин и Мартынов — кожевенному, «юфтедельному», от которых, по их словам, «они имеют себе довольное содержание и пропитание». На прежних же жилищах, по их словам, у них ничего не имеется. Эти уже бывшие крестьяне просили «записать их по вышеписанным мастерствам по Кяхтинскому форпосту в цех, а на прежнее жилище не высылать» [61]. При этом они обещали платить подушные деньги вдвойне, что говорило об их состоятельности.

Однако чаще бывал другой исход для тех, кто не возвращался к своему хозяйству,— крестьянин превращался в постоянного наемного работника. В 1762 г. крестьянин Мыелдинской волости Ложанев 67 лет показал в допросе: «Назад тому 36 лет сшел он, Евсей — из дому своего от хлебной скудости в уезд Соли Камской и жил в том уезде по найму» [62]. Оторвавшись от своего хозяйства, этот крестьянин на протяжении более 30 лет продавал свою рабочую силу.

Из всего вышесказанного следует, что отходничество среди крестьян Коми края в изучаемый нами период было широко распространено. Наряду с местным отходом, когда крестьяне

[60] Сб. РИО, т. 123, стр. 246.
[61] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 1773, л. 34 об.
[62] Там же, оп. 2, д. 143, л. 35.

находили временную или постоянную работу на предприятиях, расположенных в Коми крае, существовал дальний отход. Он был в основном направлен в сибирские города — Удинск, Барнаул, Иркутск, Томск и другие. Встречаются также сведения, что часть отходников попадала в Петербург, в Архангельск, в Москву. Находили крестьяне работу и в соседних уездах, особенно в Соликамском на соляных промыслах. К сожалению, в архивных источниках встречаются упоминания или данные лишь об отдельных случаях отхода. И хотя их довольно много, все же дать сводные сведения на их основании невозможно. У нас имеется единственная ведомость сводного характера за 40—70-е годы, но и в ней были учтены только отходники, не вернувшиеся назад, а также ушедшие без паспортов. Такие крестьяне нашлись во всех волостях Коми края, в одних волостях их было больше, в других — меньше. Так, в Шежамской волости их насчитывалось за эти годы 21 человек, в Венденском погосте — 19 и т. д. На основе таких данных мы составили небольшую табличку [63].

Ниже приведены данные об отпущенных по паспортам и не явившихся в срок, а также об ушедших без паспортов:

Годы	Число ушедших	Куда был направлен отход
1740	9	Сибирские города, Москва
1750	26	Архангельск, Соликамск
1760	155	Петербург, Пермь
1770	247	Чердынский и Великоустюжский уезды, Казанская губ.

Сами по себе это цифры небольшие, но даже сравнение неполных данных говорит, что отход усиливался из десятилетия в десятилетие. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что с течением времени в Коми крае шло все более интенсивное освобождение рабочих рук. Направление отхода показывает, что в поисках работы коми крестьянин уходил за тысячи верст в те места, где была более развитая промышленность, где был спрос на рабочие руки. Относительно этой части отходников можно полагать, что они на долгие годы оторвались в большинстве своем от земледелия и занимались неземледельческим трудом. Так, крестьянин Шежамской волости был отпущен еще в 1724 г., в Киберской волости один из крестьян не был с 1735 г. К этому количеству отходников надо прибавить тех крестьян, которые уходили, получив паспорта, и по истечении срока

[63] ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 1786, лл. 41 об.— 53 об.

возвращались на старые места жительства или получали новые паспорта, т. е. тех крестьян, которые законно оформляли свой отход. А таких крестьян, конечно, было больше, чем ушедших «незаконно».

В приведенных нами данных не учтена также очень значительная группа работных людей, находившая работу в коми волостях, на Сереговских соляных промыслах и местных железоделательных заводах, которая обслуживала всю перевозку грузов по рекам Коми края. Если иметь в виду все категории отходников, то надо признать, что в изучаемый нами период отходничество принимало массовый характер, что является примечательным фактом для отдаленной коми деревни середины XVIII в.

И. В. Валкина

РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА И РАБОТА ПО НАЙМУ В ВОТЧИНАХ СВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ (20—60-е годы XVIII в.)

Свенский монастырь находился в Брянском у. на правом берегу р. Десны против устья речки Свини, или Свены, от которой и получил свое название. Это был один из древнейших монастырей на Руси. По преданию, он был основан в 1288 г. великим князем черниговским Романом Михайловичем. Монастырь стоял на границе Великороссии, Украины и Польши и являлся оплотом русской церкви в этой пограничной полосе. Русские цари и патриархи поддерживали его вкладами и пожалованиями. Самым тесным образом монастырь был связан с Киевом, так как в 1681 г. был приписан к Киево-Печерской лавре. Положение приписного к лавре, с одной стороны, налагало на монастырь известные обязательства, с другой — давало некоторые привилегии. Бывавшая ежегодно при монастыре Свенская ярмарка придавала монастырю большую известность. Ярмарка была источником не только известности, но и обогащения монастыря. Водные пути — Десна и Ока — связывали монастырь с Украиной и с центром страны. В трех верстах от монастыря находился Брянск, который был в XVIII в. крупным торгово-промышленным городом.

Со времени основания до XVIII в. путем пожалований, вкладов, покупки земельные богатства монастыря сильно увеличились, и в XVIII в. это был один из крупных среднерусских монастырей. Во второй четверти XVIII в. ему принадлежали пять вотчин, включавших 45 сел и деревень, в которых числилось по 1-й ревизии 1004 двора и 7289 душ мужского пола [1].

Одна из вотчин — Подгородный стан — лежала по соседству с монастырем. Главное село ее — Супонево — было

---

[1] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 339, лл. 25—33 об.

© ГПНТБ СО РАН

расположено в одной версте от монастыря, на Десне. Между Супоневым и монастырем находилась территория, на которой функционировала Свенская ярмарка. По 1-й ревизии в Подгородном стану числился 321 тяглый двор и в них 2115 крестьян мужского пола. В среднем на двор приходилось 8 душ, а в некоторых деревнях 9, 11 и даже 13. Ко времени 2-й ревизии количество населения в Подгородном стану увеличилось и составляло 2492 души мужского пола. По официальным сообщениям монастырских властей, общее количество пашни в вотчине исчислялось 2233 дес. и оставалось неизменным на протяжении всей второй четверти XVIII в. и далее, вплоть до секуляризации. Из сообщения властей монастыря следует, что в среднем на душу населения мужского пола в период 1-й ревизии земли приходилось несколько меньше одной десятины во всех трех полях; впоследствии с увеличением численности населения количество пашни, приходившееся на одну душу, должно было еще уменьшиться [2].

Другая монастырская вотчина — Комарицкая — находилась в Севском у. В ней числилось по первой ревизии 236 дворов и в них 2266 душ мужского пола. В среднем на двор приходилось 9 душ, а во многих деревнях больше — 10—12 душ. По 2-й ревизии в вотчине было 2583 души мужского пола. В сравнении с другими монастырскими вотчинами Комарицкая вотчина по количеству населения и по заселенности двора занимала первое место. Общее количество пашни в Комарицкой вотчине было небольшое — 832,5 дес., следовательно, количество пашни, приходившееся на ревизскую душу, не достигало и 0,4 дес. во всех трех полях [3].

На границе Белевского и Мценского уездов лежала монастырская вотчина, называвшаяся Белевской. Это была самая отдаленная от монастыря вотчина, до нее считалось 150 верст. По 1-й ревизии в Белевской вотчине было 602 души мужского пола. В дальнейшем население ее, так же как и других свенских вотчин, увеличилось: по 2-й ревизии в вотчине числилось свыше 730 душ мужского пола. В среднем на двор в период 1-й ревизии приходилось 6 душ.

Нужно отметить особенности местоположения Белевской вотчины в сравнении с остальными вотчинами Свенского монастыря — она находилась в открытой безлесной местности. Это обстоятельство, облегчавшее расчистку земли под пашню,

[2] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 339, лл. 25—26 об.; д. 1007, лл. 21—26 об.

[3] Там же, д. 339, лл. 26 об.— 28 об.

имело следствием лучшую, нежели в других свенских вотчинах, обеспеченность крестьян землей. Пашни в Белевской вотчине было 900 дес., следовательно, в среднем, около 1,5 дес. на душу мужского пола.

В одном из сел вотчины — Дежкине — бывали торжки. Развитию торговли здесь способствовало исключительное местоположение села: оно находилось на берегу Оки, что обеспечивало возможность доставки сюда товаров дешевым водным путем. Через село проходила дорога, связывавшая Свенский монастырь с Москвой. Товары шли из Москвы в Дежкино, оттуда в Свенский монастырь. Товары, предназначенные для Киево-Печерской лавры, сплавлялись затем на стругах в Киев по Десне [4].

Особую группу составляли две полесские вотчины — Дынская и Подбужская. Они были расположены на границе Брянского и Жиздринского уездов, поблизости одна от другой, в очень лесистой местности. На довольно близком расстоянии от них протекала р. Болва, приток Десны. В Подбужской вотчине по 1-й ревизии проживало 1168 крестьян мужского пола в 180 дворах. В среднем на двор приходилось 6—7 душ. В Дынской вотчине по той же ревизии числилось 187 дворов и 1138 душ мужского пола, средняя населенность двора почти та же, что в Подбужской (6 душ на двор). По 2-й ревизии в Дынской вотчине числилось 1693 души мужского пола, в Подбужской — 1602. По сообщениям монастырских властей, общее количество пашни в Подбужской вотчине равнялось 551 дес., значит в среднем на душу мужского пола приходилось 0,4 дес. в трех полях. У дынских крестьян пашни, по данным монастырских властей, было 786,75 дес., что составляло около 0,7 дес. на душу в трех полях. Эти данные совпадают и с показаниями самих крестьян [5].

Кроме населенных вотчин, монастырю принадлежали такие угодья, как леса и рыбные ловли. Особенно велико было лесное богатство монастыря. Лесные массивы тянулись на много верст в вотчинах Подбужской, Дынской, Комарицкой и Подгородном стану. Общая площадь лесов составляла 350 кв. верст. Из этого количества 111 кв. верст приходилось на долю Подбужской, 53 — на долю Дынской, 63 — на долю Комарицкой вотчины и

[4] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 339, лл. 33—33 об.; д. 78, л. 23; д. 92, лл. 7, 14, 17, 20; д. 100, л. 11 об.; д. 147, л. 2 об.; д. 207, л. 5 об.; д. 1152, л. 6.

[5] Там же, д. 339, лл. 29—32 об.; д. 854, лл. 18, 4; д. 1007, лл. 2 об.— 4 об., 7—13.

© ГПИБ СССР

123 кв. версты на долю Подгородного стана. При Белевской вотчине монастырь не имел лесов [6].

Как можно видеть из вышеприведенных материалов, крестьянские наделы в свенских вотчинах отличались очень малыми размерами: по данным монастырских властей, на душу мужского пола приходилось в трех полях в лучшем случае 1,5 дес. (Белевская вотчина), в худшем — меньше 0,4 дес. (Комарицкая вотчина). По показаниям самих крестьян, в их распоряжении было немного больше, но все же совершенно недостаточно, земли — от 0,7 до 1,5 дес. пашни в трех полях на душу населения мужского пола. К тому же низкая рутинная сельскохозяйственная техника, отсутствие удобрений приводили к тому, что и бывшая у крестьян пашня не приносила им того количества хлеба, которое она могла бы дать при лучшей обработке.

Имеющиеся данные об урожаях за 1761 г. показывают, что урожайность (за исключением случаев применения подсеки) была очень низкая. Особенно плохим было крестьянское хозяйство Подбужской вотчины, где урожай зачастую не возвращал даже семян. В 1761 г. подбужские крестьяне получили наилучший урожай ячменя (сам-2,3, сам-3,3). Рожь, пшеница и овес не дали урожая даже сам-2. Для Дынской вотчины 1761 год в смысле урожая оказался лишь немногим более благоприятным. Здесь ячмень дал в среднем урожай сам-3,5. Урожайность овса оказалась уже худшей, в среднем сам-2,1. Рожь и пшеница в ряде случаев совсем не уродились [7].

Примитивная техника не давала возможности крестьянам бороться с засухой и другими бедствиями. Поэтому неурожаи были вообще нередким явлением. Они вызывали голод, падеж скота. В 1748 г. саранча опустошила поля монастырских крестьян, отчего на следующий год у них не хватило семян для посева и оказалось незасеянным большое количество пашни. В Подгородном стану в различных деревнях от $^1/_2$ до $^3/_4$ площади, предназначенной под яровые, не было засеяно. В довершение бедствия 1749 год оказался неурожайным, крестьяне не собрали даже семян.

Крестьянское скотоводческое хозяйство тоже находилось в состоянии упадка. Об этом можно судить как по крестьянским челобитным, сообщающим, например, что в Подгородном стану в 1756 г. «рогатый скот весь без остатку выпал», так и по количеству покосов — в Подгородном стану имелось покоса 42 дес. (при количестве населения 2492 души мужского пола), в Дынской вотчине — 47 дес. (при населении в 1693 души мужского пола), в Подбужской — 71 дес. (при населении в 1602 души мужского пола). Немного лучше положение было в Комарицкой вотчине, где на 2583 души мужского пола имелось 275 дес. покоса [8].

[6] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 16, л. 2; д. 339, лл. 25 об.—35 об.

[7] Там же, д. 1007, лл. 2 об.— 4 об., 7—13.

Монастырь эксплуатировал крестьянское хозяйство и извлекал из него большой доход в виде оброка и разного рода других сборов. Кроме того, монастырь имел собственное хозяйство, обслуживавшееся трудом крестьян. В Подгородном стану и Белевской вотчине монастырь имел собственную запашку в количестве 336 дес., сенокосы, огороды, засевавшиеся коноплей, винокуренный завод, скотные дворы. Одним из важных источников дохода монастыря была также Свенская ярмарка, на которой он имел право сбора «полавочных денег».

Под влиянием общего роста товарно-денежных отношений в России монастырское хозяйство все больше связывается с рынком. В силу своеобразия местонахождения монастыря его хозяйство, возможно, втягивалось в рыночные отношения даже сильнее, чем хозяйства других владельцев. С одной стороны, лесистая местность, не располагавшая к расширению полевого хозяйства, с другой — близость к Брянску и Свенской ярмарке, удобные речные пути сообщения, постоянные сношения с Киевом способствовали втягиванию этого хозяйства в рыночные отношения. В связи с этим увеличиваются посевы овса и конопли, которые находят легкий сбыт, а также покосы в связи с торговлей фуражом. Другие отрасли монастырского хозяйства тоже приспосабливаются к новым требованиям: продается скот, растет эксплуатация лесных богатств и увеличиваются сборы деревянных изделий с крестьян для продажи.

Ярмарка облегчала монастырю возможность сбыта товаров. Во второй четверти XVIII в. на нее съезжались купцы из Москвы, Калуги, Тулы, Ярославля, Вологды, Костромы, Ростова, Галича, Суздаля, Серпухова, Карачева, Переяславля, Болхова, Коломны, Почепа, Погара, Рыльска, Новгорода-Северского, Киева, Нежина, Белева, Курска, Борисоглебска, Воронежа, Вязьмы, Орла, Ржева, Трубчевска, Мещевска, Могилева, Полтавы и Крыма [9]. Это крупное торжище должно было, несомнен-

[8] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 512, лл. 1—13 об.; д. 169, лл. 2 об.— 3; д. 353, л. 9; д. 485, л. 1 об.; Иерофей. Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. М., 1866, стр. 57.

[9] ЦГИАЛ, ф. Коммерц-коллегии, оп. 1, эксп. 1, № 281, лл. 62—114.

но, оказывать влияние на экономику ближайшего района и втягивать в свою орбиту его население. Крестьяне Свенского монастыря и сам монастырь являлись участниками ярмарочных торгов.

Вследствие усиления связей с рынком увеличилась потребность феодала в денежных поступлениях, отсюда важнейшее в описываемое время изменение в свенских вотчинах, заключавшееся в постепенной замене натуральных оброков и повинностей денежными и закончившееся переводом в конце 50-х — начале 60-х годов на денежный рублевый оброк четырех монастырских вотчин, в которых проживало примерно 70% принадлежавших монастырю крестьян.

Перевод на денежный оброк сопровождался общим ростом эксплуатации, так как у феодала не отпала еще необходимость и в других видах ренты.

Ввиду малоземелья, плохой урожайности и невозможности прокормиться от земли для уплаты податей да и для собственного пропитания свенские крестьяне вынуждены были искать дополнительных источников существования. С увеличением нужды в деньгах в связи с переводом на денежный оброк необходимость в дополнительных источниках существования усиливалась. Крестьяне все в большей мере должны были обращаться к разным промыслам, а также искать заработка вне своего хозяйства. Немалую роль в жизни крестьян играл деревообделочный промысел, значение которого выходило далеко за пределы Брянского у. Сохранились документы, свидетельствующие, что свенские крестьяне продавали свои изделия даже в других городах. В 1744 г. крестьянин Дынской вотчины Дмитрий Фомин, по его показаниям, был с «протчими той вотчины крестьяны в городе Орле для промыслу подушных денег с своим крестьянским товаром». Позднее другая группа крестьян (1753 г.) ездила в Глухов на ярмарку для продажи колес своего изготовления [10].

Развитию деревообделочного промысла весьма способствовала лесистость местности, что благоприятствовало развитию и других связанных с обработкой дерева промыслов, например плотницкого. Последний уже в значительной мере отрывал крестьянина от основного средства производства — земли. Свенские крестьяне строили струги, или байдаки, для Киево-

[10] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 667, л. 5; Центральный государственный исторический архив Украинской ССР (далее — ЦГИА УССР), ф. Киево-Печерской лавры, вотчинные дела, оп. 2, д. 1936, л. 14.

Печерской лавры. Лавра высылала деньги, и монастырские власти «подряжали» своих крестьян на постройку стругов. Струги строились зимой с таким расчетом, чтобы по вскрытии Десны они были готовы к спуску на воду. В 1721 г. построено было 10 стругов, за каждый струг крестьяне получили по 8 руб.; в 1723 и в 1731 гг. было построено по 12 стругов; в 1736 г.— 8. В 1743 г. свенские крестьяне за постройку 12 стругов и погрузку их получили 170 руб.

Подобные работы выполнялись крестьянами Свенского монастыря и в последующие годы. Из Свенска в лавру в 1752 г. было отправлено 7 стругов, в 1754 г.— 18, в 1755 г.— 12, в 1760 г.— 10 стругов [11].

Судя по тому, что из Свенска отправлялись пустые струги в украинские лаврские вотчины для погрузки, Свенский монастырь был главным поставщиком стругов для лавры. Насколько важной стала с течением времени поставка свенских стругов для лавры, видно из того, что в 40—50-х годах лавра практикует отправку в Свенский монастырь нарочных из своих монахов или служителей специально для ускорения постройки стругов и своевременной отправки их в Киев.

На постройку стругов с крестьянами заключался обычно контракт. Например, осенью 1760 г. пятеро крестьян деревни Тимоновки Подгородного стана (Никифор Егоров, Иван Трофимов, Леон Иванов, Василий Максимов и Яков Терентьев) заключили контракт с келарем монастыря на постройку пяти стругов. Струги должны были быть построены «до вскрытия вешней воды, а непременно месяца апреля в последних числех». Крестьяне обязывались зимой заготовить в лесу тес для стругов, так чтобы его можно было вывезти по зимнему пути. Но вывозить тес должен был монастырь.

За постройку каждого струга, подрядившиеся крестьяне должны были получить по 10 руб. денег, четверть ржаной муки, два четверика круп, 20 фунтов соли, 10 фунтов вотчинного сала, полведра конопляного масла. В задаток они получали по 5 руб. денег, а при начале работы на пристани должны были получить еще по 3 руб.

В случае, если крестьяне не сделают стругов вовремя, контракт обязывал их сделать такие же струги «вдвое» [12].

[11] ЦГИА УССР, ф. Киево-Печерской лавры, вотчинные дела, оп. 2, д. 1324, л. 1 об.; д. 1938, лл. 1—2 об., 10, 16, 34—34 об.; д. 1983, лл. 17 об.—18 об.; оп. 4, д. 18, лл. 1, 5, 15 об., 28, 29, 32 об., 42; ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 704, л. 8.

[12] ЦГИА УССР, ф. Киево-Печерской лавры, оп. 2, д. 2331, лл. 15—15 об.

Кроме работ для лавры, свенские крестьяне производили различные плотницкие, а также вообще строительные работы по договорам и подрядам. Например, в 1753 г. семь монастырских крестьян-плотников, Григорий Алексеев «с товарищи», были отпущены для постройки «хором» к помещику Пархомову, который «учинил с ними» контракт. Согласно последнему, они должны были получить за работу 90 руб. денег и на 60 руб. «харчю». Работа была начата летом 1753 г. и производилась почти до самой зимы. «Хоромы» были возведены до крыши. На лето 1754 г. те же крестьяне опять были отпущены из монастыря для окончания постройки [13].

В мае 1753 г. крестьяне деревни Тимоновки Подгородного стана, Иев Флоров и Аврам Иванов, заключили контракт с помещиком Брусиловым о постройке в его селе Любичи церкви [14].

В апреле 1756 г. крестьяне с. Елисеевич Подгородного стана, Иван Тхорев «с товарищи», подрядились «на вытешку калод маштовых», очевидно, для адмиралтейского ведомства, и взяли вперед денег 32 руб. Крестьяне работу не выполнили, и заказчики требовали от монастырского начальства взыскания с них взятых вперед денег [15].

В 1763 г. крестьянин деревни Вербижич Дынской вотчины Афанасий Щербак заключил с монастырским начальством договор, согласно которому обязался «выставить» в Свенский монастырь за 100 руб. «лесу дровного» 2 тыс. колод, каждая длиной не меньше 3 сажен и в отрубе не меньше 7 вершков. Щербак же должен был доставить этот лес по Десне до Свенского монастыря [16].

Постройка стругов для лавры производилась главным образом в зимний период. Летом те же крестьяне могли заниматься земледелием. Но работа по договорам и контрактам для посторонних заказчиков отрывала крестьянина от земли на долгий срок. Крестьяне, возводившие помещику Пархомову «хоромы», в течение двух лет не были дома летом и, следовательно, не могли работать на своей пашне. Недаром документ называет их не просто крестьянами, а крестьянами-плотниками. Другие контракты на заготовку бревен для адмиралтейства и на постройку церкви были заключены в апреле и мае и также предполагали производство работы в летний период. Контракт Афанасия Щербака предусматривал не только заготовку леса, но и доставку его по Десне, следовательно, тоже летом.

[13] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 748, лл. 1—4.
[14] Там же, д. 725, лл. 1—3.
[15] Там же, д. 821, л. 1.
[16] Там же, д. 1069, лл. 4—4 об.

* * *

Большим подспорьем к земледелию для крестьян Свенского монастыря были также работы по найму, особенно на сплаве по Десне стругов или байдаков с товарами и леса. Сохранился целый ряд паспортов, выданных нанявшимся на сплав крестьянам.

Крестьяне использовались на этих работах купцами-предпринимателями. В 1752 г. брянский купец Яков Герасимов Никулин нанял пятерых свенских крестьян для сгонки по Десне соснового леса в плотах до местечка Устья [17]. В 1761 г. брянский купец Гридин «наймал для сгонки плотов до города Новгородка вотчины Свенского монастыря крестьян» [18]. В 1762 г. три свенских крестьянина были наняты брянским купцом Артемом Комаровым для сгонки байдака до Киева. Другой брянский купец — Гаврила Пинчуков — в том же году нанял пятерых свенских крестьян для сгона байдака по тому же маршруту. Тогда же три крестьянина одной из свенских вотчин наняты были брянским купцом Семеном Коростиным для сплава байдака с хлебом в Нежинский полк. Крестьяне, сгонявшие байдаки и лес, обратно, как правило, возвращались сухим путем.

Длительность отходов установить трудно. Только в одном случае в паспорте, выданном крестьянам, было указано точное количество времени, какое они могли находиться в отсутствии. Водный и обратный пеший путь должен был занять у крестьян месяц. Паспорт был дан 11 сентября 1762 г. сроком до 10 октября того же года [19].

Отход на сплав охватывал преимущественно летние месяцы, когда мог быть широко использован водный путь по Десне, связывавший Брянск с Киевом и другими нижележащими городами.

Помимо сплава леса и товаров, крестьяне выполняли и другие работы по найму. Весной 1756 г. несколько свенских крестьян снимали «лубья» на мочалу в лесной даче брянского протопопа [20]. Из деревень Свенского монастыря крестьяне уходили в поисках заработков в другие города и уезды. В начале 60-х годов один из крестьян Свенского монастыря был в течение трех лет работником сначала у посадского человека в Калуге, затем у купца в Орле [21].

[17] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 703, л. 3.
[18] Там же, д. 1030, л. 53.
[19] Там же, д. 1058, лл. 3, 5, 7.
[20] Там же, д. 813, л. 2.
[21] Там же, д. 1058, л. 1.

© ИИ РАН

Нередки были случаи, когда свенские крестьяне не уходили на сторону, а выполняли разные работы за плату на своего феодала или непосредственного — Свенский монастырь — или высшего — Киево-Печерскую лавру. Крестьянин при этом в меньшей степени отрывался от своего хозяйства, чем при найме его купеческим капиталом. Однако то, что работа крестьянина оплачивалась, является показательным фактом: она не являлась отработочной феодальной рентой в чистом виде.

Среди платных работ свенских крестьян на своего феодала нужно назвать прежде всего сгон стругов в Киево-Печерскую лавру и ее вотчины.

Свенские крестьяне постоянно «подряжались» на сгон стругов, причем помимо самого сгона ими исполнялись и такие связанные со сгоном работы, как погрузка на струги и выгрузка с них товаров.

Процедура приема крестьян на сплавную работу в качестве сгонщиков и кормщиков стругов была совершенно та же, что у вольнонаемных работников. На каждый струг нанимали пятерых крестьян — одного кормщика и четырех сгонщиков. В Свенском монастыре отправлявшимся на стругах крестьянам давали задаток. В 1721 г. на сгоне было занято 60 крестьян, каждому из которых в монастыре было выдано по 60 алт. (1 р. 80 к.). В 1723 г. 60 свенских крестьян, сгонявших струги, получили в задаток по 1,5 руб. каждый. В 1731 г. струги сплавляли также 60 крестьян, из них 10 человек получили от монастырского казначея в задаток по 1 руб., остальные — по 1,5 руб. В 1743 г. в сгоне участвовало 65 крестьян. Ими был получен общий задаток в размере 100 руб.

Деньги, выдававшиеся крестьянам в задаток, присылались из лавры или монастырь расходовал свои в счет обычной «дани» лавре. Окончательный расчет с занятыми на сплаве крестьянами производился лаврой в Киеве. В 50—60-х годах крестьяне получали при окончательном расчете по 2 руб. каждый. Если принять во внимание, что в то время средняя цена четверти хлеба в Брянске в урожайные годы равнялась 50 коп., то можно полагать, что сплавные работы имели большое значение в жизни крестьян.

Работа по сгону стругов становилась своего рода квалификацией. Она требовала ловкости, сноровки и была связана с опасностями. Лавра в своих ордерах (приказах) постоянно напоминала, чтобы сгонщики были «добрые люди», которые не утопили бы струг. В случае если струг тонул, архимандрит лавры строго выговаривал наместнику Свенского монастыря.

Сгон производился чаще в половодье, в мае. Лаврские ордера требовали производить сгон, «не упущая весняного времени» [22].

Крестьяне-сгонщики тратили на сгон и обратную дорогу весеннее и летнее время и отрывались на долгий срок от своего хозяйства. Каждый год на эту работу направлялось несколько десятков свенских крестьян.

Помимо сгона стругов, в документах встречаются единичные случаи сплава из Свенска для лавры леса в плотах.

На стругах иногда тоже сплавлялся лес и другие строительные материалы. Последние заготовлялись крестьянами в монастырских лесах.

Большое значение для лавры имела поставка из Свенска извести, так как в лавре постоянно шли различные строительные работы. Известь изготовлялась монастырскими крестьянами из мела, добывавшегося ими же из окрестных меловых гор. Особая забота лавры о поставках извести и особенно большие их размеры имели место в 30—40-х годах XVIII в., когда производилась постройка знаменитой впоследствии лаврской колокольни. Известь составляла значительную часть грузов, сплавлявшихся на стругах. В 1733 г. из Свенского монастыря было отправлено в лавру три струга с известью, в следующем году отправленные из Свенска 10 стругов частично также были нагружены известью, в 1736 г. были отправлены 8 стругов, в 1743 г.— 12 груженных известью стругов.

Кроме продуктов, изготовлявшихся крестьянами, на стругах везли много товаров, закупкой которых для лавры постоянно занимался Свенский монастырь. Товары покупались в Москве, Туле, Орле и других городах, а также на Свенской ярмарке.

Документы сообщают о закупке монастырем и отсылке в лавру на стругах железа в 1731, 1734, 1743, 1752, 1754, 1755 гг. Железо отправлялось в большом количестве, сотнями пудов: в 1754 г., например, отправлено 100 пудов, в 1755 — 530 пудов железа. В 1731 г. сплавлялись на стругах медь и олово. В 1743 и 1752 гг. на стругах везли колокола для лавры.

В числе закупавшихся монастырем для лавры товаров упоминаются алебастр, краски. В большом количестве отправлялась на стругах в лавру мука. В 1755 г. монастырем было закуплено для лавры 2 тыс. четвертей жита и 500 четвертей овса

[22] ЦГИА УССР, ф. Киево-Печерской лавры, вотчинные дела, оп. 2 д. 1324, л. 1 об.; оп. 4, д. 18, л. 5; оп. 2, д. 1983, лл. 14—23; оп. 4, д. 18, лл. 15—42; оп. 2, д. 1938, лл. 2 об.— 3, 16, 34 об.; д. 2331, лл. 1—4 об., 10—11 об., 19—19 об., 24—24 об.

В 1760 г. в Киев сплавлялось из Свенска 7 стругов с ржаной мукой, в следующем 1761 г. в лавру опять отправлялась мука, которая была куплена по ее поручению монастырем в количестве 154 четвертей. Эта оживленная экономическая связь лавры с монастырем осуществлялась благодаря труду свенских крестьян. Они строили струги, заготовляли лесоматериалы и известь, они же привозили в Свенский монастырь товары, закупленные для лавры в других городах, иногда подрядом, большею же частью в счет исполнения феодальной подводной повинности. «Подряженные» за плату на сгон стругов крестьяне доставляли продукты и товары в указанные лаврой места.

Свенские крестьяне работали за плату для Киево-Печерской лавры не только на сплаве. Свенский монастырь был своеобразным поставщиком рабочей силы для всевозможных строительных работ, производившихся в самой лавре и ее вотчинах: туда посылались плотники, каменщики, кирпичники, а также чернорабочие, не имевшие специальности. Требования лавры выслать из Свенска работников были частыми, возможно, ежегодными, в 1742 г. было предписано прислать работников — мастеровых людей — из свенских крестьян для постройки в лавре колокольни. В 1752 г.— выслать трех мастеров плотников для постройки байдаков в одном из лаврских сел — Лищичи. В следующем году из Комарицкой вотчины было отправлено 9 плотников для постройки церкви в с. Радичеве; в 1754 г. в лавру были высланы 20 кирпичников, в 1760 г.— 20 плотников.

Большая часть мастеровых отправлялась, по-видимому, весной на тех же стругах, на которых сплавлялись продукты и различные изделия для лавры. Иногда шли и сухим путем. Высланные из Свенска мастеровые работали и летом и зимой. Некоторые не возвращались домой по нескольку лет. Работы мастеровых оплачивались. Иногда они получали задаток в Свенске: в 1754 г. из высланных 20 кирпичников 8 получили при отправке по 50 коп.; плотники, высланные в 1760 г., получили по 1 руб. каждый [23].

Все эти работники не являлись в полном смысле наемными. Но оплата их лаврой показывает, что феодальные формы эксплуатации под влиянием роста товарно-денежных отношений и развития рыночных связей приобретают иные формы: эле-

[23] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 703, лл. 3, 5; д. 731, л. 1; д. 1030, л. 53; ЦГИА УССР, ф. Киево-Печерской лавры, вотчинные дела, оп. 2, д. 1324, л. 1 об.; оп. 4, д. 18, л. 5; оп. 2, д. 1983, лл. 14—23; оп. 4, д. 18, лл. 15, 21, 23, 28, 29, 37, 42; оп. 2, д. 1938, лл. 2 об.— 3, 16, 34, 34 об.; д. 2331, лл. 1—4 об., 10—11 об., 19, 19 об., 24, 24 об.

менты внеэкономического принуждения соединялись с экономическим стимулированием в форме заработной платы.

Практиковалась отправка свенских крестьян и для сельскохозяйственных лаврских работ, которые также оплачивались. В 1760 г. для таких работ монастырь выслал 40 крестьян из разных деревень. Каждому из них в Комарицкой монастырской вотчине, где они были набраны, канцелярист лавры, ведавший набором, выдал задаток по 1 р. 50 к.

Крестьяне прибыли в лавру в начале апреля и тотчас же были поставлены на постройку гребли [24] в Васильковской волости, несмотря на то, что еще не сошел снег. Они должны были вычищать с корнями ольховые и лозовые заросли. Условия работы были нелегки. Между тем за 4 месяца крестьяне, кроме хлеба, получили по 60 коп. и своего рода спецодежду — рубаху и портки. На этой работе крестьяне находились с 4 апреля по 1 августа. Затем они были отправлены на сенокос, за работу на котором получили по 50 коп. каждый и дополнительно 50 коп. на всех. После этого уже осенью крестьяне заработали еще по 50 коп., выполняя какие-то земляные работы. В ноябре крестьяне получили паспорт на обратную дорогу [25].

Таким образом, свенские крестьяне пробыли в лавре семь месяцев, получив за все время по 3 р. 10 к. и одежду, оцененную в 20 коп. В течение семи месяцев, с ранней весны до поздней осени, эти сорок человек были оторваны от своего хозяйства. Они были поставлены в положение наемных людей и ушли из своих деревень в лавру подобно тому, как другие крестьяне уходили на заработки на промышленные предприятия.

В 20-х годах XVIII в. подобная массовая высылка свенских крестьян в лавру еще не практиковалась. С годами потребность лавры в рабочей силе в связи с оживлением хозяйственной деятельности этого крупного монастыря усилилась. Отсюда учащение и увеличение требований лавры на рабочую силу и, прежде всего, к населению приписного монастыря, который мог сразу направить в лавру десятки людей.

В 1740—1760-х годах из года в год из лавры следовали предписания выслать работников в том или другом количестве, при этом не престарелых и не малолетних. «А за труд их, как прошлого года бывшим, награждение довольное произведено, так и сим учинено будет»,— добавлялось в предписании 1761 г.

[24] Земляные сооружения в реке.

[25] ЦГИА УССР, ф. Киево-Печерской лавры, вотчинные дела, оп. 2, д. 2311, лл. 1—3, 6 об.— 7 об., 11; д. 2331, лл. 5 об., 8, 8 об.

Таблица

Число платных мастеровых из крестьян в 1757 г.

Специальность	Число работников	Жалованье в год
Каменщики	1	8 руб.
	1	6 »
	2	4 »
	5	3 р. 20 к.
	3	3 руб.
	2	2 »
	1	1 »
	Всего 15	52 руб.
Плотники	3	4 руб.
	1	3 »
	2	1 »
	Всего 6	17 руб.
Кузнецы	1	2 »
	4	1 »
	Всего 5	6 руб.
Шкляры (стекольщики)	1	2 »
	1	1 р. 50 к.
	1	1 руб.
	2	50 к.
	Всего 5	5 р. 50 к.
Бондари	3	1 руб.
Колесники	1	1 »
	5	50 к.
	Всего 9	3 р. 50 к.
Столяры	2	1 руб.
Кирпичные заводчики*	2	5 руб. **
	Итого 44	99 руб.

* Очевидно, мастера по обжигу кирпича.

** ЦГИА УССР, ф. Киево-Печерской лавры, вотчинные дела, оп. 1, д. 9, д. 2; д. 38, лл. 273, 275 об., 292 об.— 294 об.

Для получения рабочей силы лавра использовала отношения феодальной зависимости, в каких находился к ней Свенский монастырь. Однако присланных на работу в Киев свенских крестьян она все же вынуждена была оплачивать.

Многие работы для самого Свенского монастыря крестьяне исполняли за плату. По крестьянским доношениям, в 1720 — 1730-х годах они исполняли за плату работу плотников и каменщиков при постройке Преображенской церкви и каменной ограды, а также работу по заготовке мела. С началом постройки соборной Успенской церкви (1749 г.) это положение было изменено, большинство работников для постройки соборной церкви и доделки каменной ограды бралось бесплатно. Но все же как на этом строительстве, так и на других работах находилось некоторое количество платных мастеровых из числа свенских крестьян.

Следовательно, монастырь в своем хозяйстве не мог уже ограничиться только принудительным трудом и прибегал к найму своих собственных крестьян. Одной из причин расширения монастырского хозяйства являлась укреплявшаяся связь с рынком.

Для свенских крестьян, которые не могли свободно, без разрешения монастырских властей уходить на сторонние заработки, работа за плату для собственного феодала или по требованию лавры являлась дополнительным источником существования.

* * *

Работа по найму и связанный с нею отрыв от средств производства захватывал преимущественно деревенскую бедноту. Однако наряду с нею выделялась зажиточная верхушка.

Приведем данные 1745—1758 гг., характеризующие расслоение среди крестьян двух свенских вотчин [26] (табл. 2).

Из таблицы 2 мы видим, что в 1745 г. в Подгородном стану из 508 дворов было 40, или 7,9%, безлошадных, представлявших деревенскую бедноту. Среднюю группу составляли 239 хозяйств, имевших по 2—3 лошади, что дает около 47% или почти половину всех хозяйств. 27% приходилось на тех, у кого было от 4 до 11 лошадей, т. е. на более зажиточные слои деревни.

В Комарицкой монастырской вотчине расслоение было еще заметнее. Расслоение крестьянства в Селеченской половине Комарицкой вотчины мы можем видеть из следующих данных (см. табл. 3) [27].

[26] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 381, лл. 2—12.

[27] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 879, лл. 1—9 об. Комарицкая вотчина в административно-хозяйственном отношении делилась на две

© ГПНТБ СО АН

Таблица 2

Обеспеченность лошадьми крестьян Подгородного стана (1745 г.)

	Деревня							Село			Всего	В % к населению вотчины
	Тимоновка	Добрунь	Тиганова	Меркульева	Титовка	Упорой	Подубейна	Суповево	Елисеевич	Коростовки		
Всего семей	34	36	40	88	55	51	17	80	29	78	508	100
Из них:												
безлошадных	14	—	2	5	2	1	—	10	1	5	40	7,9
имеющих лошадей:												
1	8	4	7	10	8	5	3	33	4	10	92	18,1
2	7	13	5	23	20	12	4	19	13	18	134	26,4
3	5	10	3	26	10	10	3	10	8	20	105	20,7
4	—	5	6	8	7	7	6	4	2	10	55	10,8
5	—	—	5	7	4	6	1	1	—	4	28	5,5
6	—	1	8	7	2	7	—	1	—	6	32	6,3
7	—	2	2	1	2	1	—	1	1	2	12	2,3
8	—	1	2	1	—	1	—	1	—	1	7	1,4
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	0,2
10	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	0,2
11	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	0,2

Таблица 3

Обеспеченность лошадьми крестьян Селеченской половины Комарицкой вотчины (1758 г.)

	С. Селечня	Деревня Война	Всего	В % к населению Селеченской половины
Всего семей	103	92	195	100.0
Из них:				
безлошадных	30	51	81	41,5
имеющих лошадей				
1	23	23	46	23,6
2	27	8	35	17,9
3	13	4	17	8,7
4	5	4	9	4,6
5	—	1	1	0,5
6	5	—	5	2,7
7	—	1	1	0,5

половины — Селеченскую и Невдольскую. В Селеченскую половину входили с. Селечня и деревня Война.

В с. Селечне на 103 семьи приходилось 30 семей, или 29% безлошадных. В то же время 10 зажиточных хозяев имели в своем распоряжении 50 лошадей (5 хозяев — по 4 лошади и 5 хозяев — по 6 лошадей). Еще большей степени процесс расслоения достиг в деревне Война. Здесь из 92 хозяйств 51 хозяйство, т. е. больше половины, было безлошадным, 23 семьи имели по 1 лошади; в то же время выделилась верхушка в составе 6 семей, имевших от 4 до 8 лошадей. Количество безлошадных крестьян в деревне Войне настолько велико, что заставляет предположить вероятность какого-либо бывшего в этом году стихийного бедствия, сопровождавшегося падежом лошадей.

Рост имущественной дифференциации ведет к социальному расслоению крестьян, при котором начинают выделяться две крайние группы крестьянства за счет средней. В Подгородном стану, где степень расслоения была меньше, около половины крестьян (47%) среднего достатка. В Комарицкой вотчине наблюдается большее расслоение, и в связи с этим количество «средних» крестьян здесь значительно меньше: в с. Селечне они составляли 38,8%, в деревне Войне — еще меньше: приблизительно 13% общего количества крестьян.

«Разложение крестьянства, развивая на счет среднего «крестьянства» его крайние группы, создает два новых типа сельского населения»[28],— писал В. И. Ленин, анализируя процесс развития капитализма в России.

Эти слова Ленина, хотя и относятся к более позднему времени, тем не менее применимы и здесь, так как процесс имущественного и социального расслоения весьма длителен. По выражению наших источников, «можнейшие» и «скуднейшие» крестьяне были налицо во всех вотчинах Свенского монастыря.

Выделившаяся группа «можнейших» заметна во всей хозяйственной жизни монастырской деревни. Представители ее арендуют мельницы: в 1720-х годах в их руках было 4 из 18 принадлежавших монастырю мельниц, в 1750-х годах по меньшей мере десять[29] монастырских мельниц находились «на оброке» (в аренде) у монастырских крестьян. Бывали случаи, когда богатые крестьяне заводили собственные мельницы. Например, в 1703 г. крестьянин Комарицкой вотчины Софрон Осипов с разрешения наместника построил мельницу «своим коштом» на речке Таре недалеко от деревни Устори и владел ею до 1724 г., когда продал ее за 50 руб. По тем временам это была значи-

[28] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 144.
[29] Документ оборван, и точное количество установить невозможно.

тельная сумма, что можно видеть хотя бы из сопоставления с ценой ржи, составлявшей в среднем 50 коп. за четверть.

Богатая верхушка сосредоточила в своих руках также винокуренные котлы. По данным 1701 г., в Комарицкой вотчине 54 крестьянина имели 72 винокуренных котла, в 1714 г. 38 крестьян имели 46 винокуренных котлов, в 1732 г. котлов в Комаричах было 73, а в Подгородном стану, по данным 1720 г.,— 61 котел. За котлы крестьяне уплачивали пошлину в монастырь (20 алт. за котел). Представители зажиточной верхушки, имевшие котлы, скупали, по всей вероятности, хлеб для винокурения у беднейших крестьян, пользуясь нуждой последних в деньгах.

Зажиточные крестьяне имели собственные лавки на ярмарке. В полавочной книге 1716 г. записано 14 лавок свенских крестьян, в полавочной книге 1732 г.— 10.

Некоторые крестьяне обладали капиталом, который они вкладывали в торговлю и ростовщичество. Например, в 1739 г. крестьянин деревни Титовки Козьма Ильин Колотилин ссудил четырем брянским посадским 64 руб. денег. В 1764 г. крестьянин с. Супонева Тихон Сафонов Маслов взял на откуп у монастыря продажу свеч за 60 руб. в год. В следующем году свечная продажа была взята на откуп крестьянином Александром Масловым за 65 руб.; в 1766 г.— крестьянином Антоном Алексеевым за 75 руб. [30]

В то время как кучка «можнейших» богатела, бедные крестьяне свенских вотчин влачили подчас жалкое существование. Вся тяжесть несения государственных повинностей, особенно таких, как рекрутская и поставка работных людей, ложилась на плечи малоимущих крестьян. Богатые могли и откупиться и нанять за себя рекрута или работника, в качестве которых нередко выступали малоимущие. Сохранились сведения о том, что в 1738 г., когда происходил набор работников на земляные работы во взятой русскими войсками Очаковской крепости, крестьянин деревни Упороя Федор Евдокимов нанялся в «очаковские работники» за крестьянина той же деревни Сысоя Фастова. Сысой Фастов дал, по договору, Евдокимову 40 руб. и лошадь ценой 3 р. 50 к. «со всяким пути касающимся припасом» [31]. В рекрутские наборы 1745, 1747 и 1749 гг. было

[30] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 64, лл. 12—12 об.; д. 202, лл. 21 об., 37. 24, 24 об., 27 об., 28 об., 92; д. 276, лл. 1—2; д. 521, лл. 1, 1 об.; д. 291, лл. 1, 2; д. 1177, л. 1. Иорофей. Указ. соч., стр. 75; ЦГИА УССР, ф. Киево-Печерской лавры, вотчинные дела, оп. 2, д. 1346, лл. 1, 1 об.

[31] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 259.

сдано из Подгородного стана 43 рекрута, из них 15 наемных; из Подбужской вотчины в наборы 1746—1749 гг. было сдано 10 рекрутов, из них 9 наемных. Наемными были по большей части крестьяне тех же монастырских вотчин. От своих нанимателей они получили от 50 до 160 руб., платье и припасы.

Бедному крестьянину, в случае отправки с его тягла рекрута, самому иногда приходилось закабаляться. Крестьянин с. Коростовок Подгородного стана Игнат Наумов взял у брянского купца Семена Петрова Казанцова 20 руб. «на отправку доводящегося на ево тягло в нынешний набор рекрута», за что Наумов должен был работать у Казанцова «до отживу тех денег» [32].

Не имея возможности прокормиться от собственного хозяйства, пытаясь избавиться от все растущей эксплуатации, бедные крестьяне бежали, бросая свое маломощное хозяйство. Монастырские власти в 1724 г. сообщали, что с 1678 по 1710 г. в монастырских вотчинах «запустело крестьянских, обмерло и от скудости разбрелось безвестно 79 дворов» [33].

Крестьяне бежали из всех вотчин в разные годы, в одиночку и группами, до конца изучаемого периода. По словам наместника Свенского монастыря, в 1758 г. числилось в бегах только по одной Комарицкой вотчине 55 человек [34]. Многие из бежавших долго скитались, переходя с места на место, нанимались к разным хозяевам, которые, зная, что имеют дело с беглыми, лишенными даже возможности жаловаться, особенно беспощадно эксплуатировали их.

Беглый крестьянин Свенского монастыря Филипп Михайлов Пискунов на допросе рассказывал, что он ушел из монастырской деревни Упорой Подгородного стана в Карачев, прожил зиму «из найму» в доме посадского человека Дмитрия Тетеркина. Потом жил в Карачевском у. на заводе Томилина «из найму» у приказчика Василия Осипова три года, в течение полутора лет «пас животинное стадо» в деревне Байкове Карачевского Воскресенского монастыря. Затем пошел в Брянск и нанялся «на линею» [35]. После этого Пискунов жил на Кокоревском заводе у слуги Сергея Иванова 6 недель, потом пришел в с. Невдольск Комарицкой вотчины Свенского монастыря, где его и нашли [36].

[32] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 834, л. 1.

[33] Там же, д. 92, л. 24.

[34] Там же, д. 867, л. 19 об.

[35] Очевидно, на устройство украинской линии.

[36] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 197, лл. 1, 2.

Наряду с бегством имели место и другие формы борьбы. Распространенной формой являлись прошения и челобитные крестьян о смягчении их участи. В 50—60-х годах XVIII в. вместе с ростом эксплуатации выступления крестьян приняли характер стихийных массовых волнений.

Во время крестьянских выступлений представители зажиточной верхушки, «можнейшие» крестьяне, противостояли остальной массе крестьян. «Можнейшие» защищали только свои, а не общие интересы и обычно оказывались отступниками и предателями. Так, например, когда в 1758 г. крестьяне Комарицкой вотчины обратились в монастырь и лавру с жалобой на обременение их новыми повинностями, представители зажиточной верхушки дали показания, что комарицкие крестьяне издавна исполняли эти повинности.

В 1756 г. крестьяне Подгородного стана подали бывшему в это время в Свенске архимандриту Киево-Печерской лавры жалобу на своего наместника, в которой требовали отрешения последнего от должности. В дальнейшем к выступлению подгородских крестьян присоединились крестьяне двух других свенских вотчин — Подбужской и Комарицкой,— и движение приняло широкий размах. Однако затем среди участников выступления начались колебания. Представители «можнейших» крестьян — староста и два крестьянина деревни Добрунь Подгородного стана — в сказке показали, что содержание вышеуказанной челобитной было иное, а именно, первоначально она якобы заключала только просьбу об облегчении монастырских работ.

Таким образом, сказка обвиняла выборных в том, что требование об отрешении наместника от должности исходило исключительно от них. Вслед за первыми отступниками потянулись и другие крестьяне, и вскоре было подано заявление от всех крестьян Подгородного стана, по содержанию аналогичное сказке «можнейших» [37].

Действия зажиточных крестьян вели к разобщенности движения и являлись одной из причин неудачи выступлений крестьян, их попыток улучшить свое положение.

Итак, в вотчинах Свенского монастыря в 20—60-х годах XVIII в. наблюдалось частичное отделение непосредственного производителя-крестьянина от средств производства, чему способствовали местные неблагоприятные условия для земледельческого хозяйства — малоземелье, лесистые и малоплодородные почвы — и, наоборот, благоприятные условия для заработков на стороне.

[37] ЦГАДА, ф. Свенского монастыря, д. 681, 794, 867.

Оторванный от своего хозяйства свенский крестьянин нанимался купеческим капиталом на сплавные работы, а также работал за плату в земледелии и на строительстве у своего феодала-монастыря, иногда уходил на долгий срок с паспортом в другие города.

Под влиянием развития товарно-денежных отношений феодальная отработочная рента в свенских вотчинах претерпевает некоторые изменения — она все чаще переводится на деньги, зарабатывать которые приходилось, отрываясь на какой-то срок от собственного хозяйства. Плотницкие и другие работы по договорам и подрядам отрывали крестьянина летом от земледельческих работ.

Параллельно процессу отрыва от средств производства, захватывавшему преимущественно беднейшие слои крестьянства, в вотчинах выделяется зажиточная верхушка, обладавшая многолошадным хозяйством, винокуренными котлами, мельницами, собственными лавками на Свенской ярмарке.

© ГПБ ОРАН

И. В. Чекан

ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ДЛЯ АСТРАХАНСКИХ И КРАСНОЯРСКИХ КАЗЕННЫХ САДОВ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Виноградно-винодельческое хозяйство, известное в 1750—1760 гг. под названием Астраханских и Красноярских казенных виноградных садов, имело к этому времени более чем столетнюю давность.

Виноградарство в Астрахани уже к середине XVII в. представляло собой вполне сложившуюся отрасль сельского хозяйства, и из продукта местного значения астраханский виноград превратился в товар всероссийского рынка. Тогда же по указу 1646 г. здесь были организованы «государевы виноградные сады» для обслуживания царского дворца столовым виноградом и вином [1]. Расширенное в дальнейшем, это хозяйство претерпело ряд организационных изменений.

По указу 1722 г. оно перешло «в диспозицию Мануфактур-коллегии». В «Ведомости о состоянии мануфактур и фабрик» 1727 г. оно значится как промышленное предприятие под названием «Винодельный казенный завод. Чихирная фабрика в Астрахани и на Красном Яру, Виноградных 21 сад». Это казенное предприятие, имевшее в 1724 г. штат в 144 человека, изготовляло красное и белое вино на продажу и по-прежнему бесплатно доставляло к царскому двору столовый виноград [2].

В 1736 г. Астраханские и Красноярские казенные виноградные сады по указу Сената были отданы на содержание мастеру Петру Посету на 10 лет, «в чем с ним,— по выражению документа,— и кондиции заключены». Запущенные и разоренные сады, не приведенные «в добрый порядок» за время управления Посета, указом Кабинета от 17 августа 1752 г., в ведении которого они в это время находились, были отданы в управление гусарских полков поручику Ивану Поробичу, сербу родом, дворянину, специалисту по виноградарству и виноделию.

[1] И. В. Чекан. Виноградарство в Русском государстве XVII в. «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. II. М.— Л., 1956, стр. 627—628.

[2] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIX, кн. 379. «Ведомости о состоянии мануфактур и фабрик», лл. 108, 109 об. Документ указан мне Е. И. Заозерской.

В делах Кабинета сохранялся обширный материал об управлении Поробичем садами (1752—1764 гг.) [3] до передачи их в ведение Астраханской губернской канцелярии (1764 г.): рапорты, отчеты, приходо-расходные книги Садовой конторы, личные донесения и письма Поробича, копии указов и распоряжения Кабинета и другие официальные документы. Несмотря на отсутствие местного повседневного делопроизводства Садовой конторы, материалы эти чрезвычайно разносторонне раскрывают жизнь большого и сложного специального сельскохозяйственного предприятия, каким стали Астраханские и Красноярские казенные виноградные сады за период с 1753 по 1764 г. Вопросу о работниках этого хозяйства, прежде всего формированию рабочей силы садов, а затем и условиям ее пребывания в садах, в указанных материалах уделено много внимания и места. Этот вопрос оставался самым острым, самым главным, определявшим существование самого хозяйства на всем протяжении рассматриваемого периода. Местные условия Астрахани, особое положение садов как придворных, находящихся в ведомстве Кабинета и обслуживавших дворцовые нужды, особенности и требования специального сельского хозяйства — все это вносило своеобразие в разрешение вопроса о рабочей силе садов, оттеняя тем резче общие социально-экономические условия эпохи.

Прежде чем перейти к рассмотрению формирования рабочей силы этих предприятий, остановимся кратко на объеме и некоторых особенностях их деятельности.

* * *

Хозяйство Астраханских и Красноярских казенных виноградных садов за 12 лет (1752—1763) управления Поробича под ведением Кабинета сильно изменило свой облик. В первые четыре года коренного восстановления и переустройства главной отрасли его — виноградарства и виноделия — основную часть прихода Садовой конторы составляли ежегодные денежные

[3] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. I—VIII. О находившихся в придворном ведомстве виноградных садах и управляющим ими Иване Поробиче.

дотации из губернской канцелярии. В последующие годы валовой доход резко возрос и позволил в два года (1760—1761) возвратить почти всю сумму дотаций, несмотря на постоянные крупные расходы на благоустройство садов.

Предпринятые торговые операции по закупке и перепродаже виноградного вина еще больше повысили доходность садов, они стали доходным предприятием. В 1760—1763 гг. приход садов составлял в среднем 18 200 руб. в год, при среднем годовом расходе за эти же годы в 12 600 руб. и остатке в размере 5600 руб.

Основная производственная отрасль хозяйства — виноградарство — разрослась. Число садов увеличилось до 26 (24 — в Астрахани и 2 — в Красном Яру), а площадь удвоилась, составляя к 1764 г. примерно 60 га с лишним. Ряд мероприятий — усиленная посадка новых насаждений, внедрение лучших сортов, переход на новую систему подвязки и новую формировку кустов, расширение и переустройство поливной системы, резкое повышение агротехники (усиленное удобрение и пр.) — дал свои результаты. Число виноградных кустов к 1758 г. увеличилось в шесть раз, достигнув 105 тыс. Повысилась урожайность. Валовой сбор со всей площади виноградников в 1752 г. достигал, по скромным подсчетам, 170 т с лишним.

Второй промышленной культурой должен был стать тут. Однако тутоводство и в Астрахани и на Волге у Царицына при организовывавшихся там «шелковых заводах» не получило значительного развития.

Более мелкими отраслями производства садов в области растениеводства, удовлетворявшими лишь потребительские запросы двора, были плодоводство, бахчеводство, устройство розариума для приготовления розовой воды для императрицы, разведение «капорцов», выращивание южных плодов в оранжерее, овощеводство для собственных нужд и отчасти на продажу.

Сельскохозяйственное производство садов не ограничилось, однако, различными отраслями растениеводства, но захватывало и животноводство. Для обеспечения большого хозяйства живой тягловой силой был организован «конский завод», и по распоряжению Кабинета сюда неоднократно посылались породистые жеребцы.

По инструкции Кабинета, данной Поробичу при назначении его управляющим, в садах проводилось опытное шелководство, давшее положительный результат к 1757 г. в виде 7 ф. 90 зол. белого и желтого шелка-сырца, преподнесенного императрице Елизавете. Для осуществления плана Поробича, предполагавшего получать через 7 лет 400 пудов шелка-сырца в год (300 — на Волге и 100 — на Тереке), начато было устройство шелковых заводов вблизи Царицына на р. Ахтубе, у тутовой луки.

Достаточно разнообразно было также промышленное производство Садовой конторы. Несомненно, крупные размеры имело виноделие, успехи в виноградарстве расширили его. Вместо 247 ведер в 1753 г. Садовая контора в дальнейшем продавала вина, приготовленного из урожаев винограда казенных садов в 1758—1762 гг., по 6—7 тыс. ведер с лишним в год.

Из других промышленных предприятий два — сафьянная фабрика и шелковая фабрика — подсказывались наличием этих производств в Астрахани, интересами русской промышленности и стремлением расширить доходность садов. Но устройство сафьянной фабрики, начатое в 1756 г., скоро заглохло, а вопрос о заведении шелковой фабрики возник только в 1764 г.

В качестве подсобных для основных производств организовались стекольный и кирпичный заводы и пильная мельница. В архиве сохранилась лишь просьба Садовой конторы в Кабинет о разрешении на постройку пильной ветряной мельницы, особенно необходимой при отсутствии подобных предприятий во всем Нижнем и Среднем Поволжье. Строительство стекольного завода было скоро прекращено, так как выяснилось, что потребность садов в стекле и стеклянной посуде была невелика, а местная сырьевая база для него оказалась недостаточной. Зато широкое развитие получило производство кирпича. Кирпичные и черепичные заводы Садовой конторы выпустили в первый год своего действия 43 тыс. штук жженого кирпича, в 1765 г.— до 850 тыс. штук; «сырого татарского» кирпича за 6 лет было изготовлено 485 тыс. штук. Черепицы жженой разного вида продано было в 1763 г. 36 750 штук, в 1764 г., в момент передачи садов в ведение Астраханской губернской канцелярии, ее оказалось в наличии 45 тыс. штук. Это крупное по тому времени производство удовлетворяло строительные нужды садов и давало доход. За семь лет было продано жженого кирпича 210 тыс. штук, черепицы — 50 тыс.

Многообразная сельскохозяйственная и промышленная деятельность Садовой конторы дополнялась также торговыми операциями. Собственная продукция садов, за исключением сравнительно небольшого количества свежего винограда, высококачественного вина, французской водки, садовых и оранжерейных фруктов, арбузов, розовой воды, отправлявшихся ко двору, реализовалась на месте, в Астрахани. В продажу шло вино своего производства по 6—7 тыс. ведер в год, как указано выше, почти вся французская водка, фрукты и прочие продукты, а также кир-

пич, сено, остатки старых и новых материалов и т. д. Крупным коммерческим предприятием стала торговля вином, скупавшимся Садовой конторой в Астрахани и в Кизляре. Эта торговля давала в среднем 76% прибыли, а в отдельных случаях почти до 300%. Всего за семь лет было перепродано таким образом 46 546 ведер, или 6649 ведер в среднем за год с чистой прибылью в размере более 13 тысяч рублей.

Все виды деятельности Садовой конторы требовали постоянного и широкого по тому времени строительства всякого рода производственных, торговых, жилых и административных помещений.

Таким образом, самый сжатый обзор хозяйственной деятельности Астраханских и Красноярских казенных виноградных садов в период с 1752 по 1764 г. раскрывает большой для того времени объем, многообразие отраслей. Понятным становится, что хозяйство это и его относительные успехи могли быть лишь результатом труда достаточно значительного для своего времени количества работников и наличия среди последних людей самой разнообразной квалификации. Источники и отчасти способы пополнения кадров, необходимых для этого хозяйства, и являются предметом настоящей статьи.

* * *

Инструкция, данная Кабинетом в 1752 г. при назначении И. Поробича управляющим Астраханскими и Красноярскими казенными виноградными садами, определяла состав их работников так, чтобы на каждый сад приходилось по одному «заводчику» и восемь садовников. На строительство и изготовление всякого рода оборудования намечалось шесть плотников, два кузнеца и четыре бочара [4]. При наличии 18 садов это должно было составить в общей сложности 174 человека.

Представляя через шесть лет, в 1758 г., по требованию Кабинета проект штата для разросшегося и по-новому перестраивавшегося хозяйства, Поробич определил его в 1052 человека. Увеличив штат более чем в шесть раз сравнительно с организационной инструкцией 1752 г., Поробич закончил свою штатную

[4] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. II, л. 13 об. Своеобразный термин «заводчик» в значении мастера виноградовинодельческого производства встречается в дворцовых виноградниках Астрахани уже в XVII в. Можно считать это местной особенностью. (И. В. Чекан. Указ. соч., стр. 655—656) Термин «садовник» в используемых документах соответствует лишь понятию работного человека, не раскрывая его специальности.

ведомость-план указанием: «А впредь, ежели бог благоволит в разводе и в размножении как в садах, так и в других заводах, то всегда надлежит быть прибавке» [5].

Фактически в 1752 г., при передаче садов Поробичу, работников «явилось» в Астрахани 14 человек, в Красном Яру — 22, т. е. всего — 36 человек. Этим ограничивался весь весьма незначительный рабочий состав садов, а если прибавить 17 «малолетних» мужского пола, находившихся при отцах и матерях, то данными цифрами исчерпывалось все население мужского пола, находившееся в этот момент при садах [6].

Первые шесть лет (1752—1758) работы садов при Поробиче характеризуются резким ростом рабочей силы. И, напротив, второе шестилетие его управления (1758—1764) характеризуется некоторой убылью рабочей силы. 1758 год был кульминационным; в последующие годы привлечение рабочей силы на прежних основаниях, как увидим, стало затруднительным, и вместо роста мы наблюдаем некоторое уменьшение числа рабочих. О числе постоянных работников Садовой конторы в 1752—1764 гг. мы можем судить согласно приведенным ниже данным [7].

Число постоянных работников Садовой конторы в 1752—1764 гг.:	Принято от Посета в 1752 г.	По ведомости 1758 г.	По ведомости 1764 г.
«жалованные»	—	270 (32%)	259 (33%)
«безжалованные» . . .	—	576 (68%)	537 (67%)
Всего . .	36 (100%)	846 (100%)	796 (100%)

Весь состав постоянных работников Садовой конторы делился на две группы по способу использования их труда и их материальному положению, а именно «жалованных» и «безжалованных». Самое существование этих групп отчасти было связано с особенностями производства. Основное производство изучаемого предприятия — виноградовинодельческое — носило сезонный характер. Поэтому, по словам Поробича, «всех на жалованьи держать во весь год невозможно, да и не для чего, понеже нужные работы чрез весь год не живут» [8].

Но и при этом условии основную группу в количестве 250—270 человек, или свыше 30%, составляли «разные чины и работные люди на годовом жаловании», или жалованные, «ком-

[5] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, л. 605 об.
[6] Там же, кн. I, лл. 182—185.
[7] Там же, кн. I, лл. 182—185; кн. III, лл. 579—582; кн. VIII, л.. 30—31.
[8] Там же, кн. III, л. 149 об.

плектные» [9]. Свое жалованье, денежное и хлебное, они получали по ведомостям за каждую треть года [10].

Две ведомости «разных чинов и работных людей», составленные Поробичем в 1764 г., при передаче садов из Кабинета в ведение Астраханской губернской канцелярии, показывают, во что к этому времени в процессе роста и развития предприятия превратился его штат постоянного персонала, состоявшего на годовом жалованье, обязанности и материальное обеспечение этого персонала [11].

Состоявший на годовом жалованье штат садов (259 человек) легко распределяется на три группы: административно-управленческий персонал; лица, обслуживавшие быт работников садов; рабочие, специализированные и неспециализированные.

Первые две группы и составляли, по терминологии Поробича, «разные чины». Сравнительно небольшой административно-управленческий персонал состоял из шести человек: «главного командира» — управляющего садами премьер-майора И. А. Поробича, двух камериров и трех канцелярских работников. Для бытового обслуживания работников содержалось 11 человек. Лекарь, армянин, выехавший из Персии [12], и цирюльник пользовали «казенных служителей больных», при лекаре состоял ученик для обучения «фельшерскому делу». Кроме того, значатся учитель — «для обучения российской грамоте»; «у печения на садовников хлебов в казарме» — один человек и шесть человек духовенства при церкви.

Третья группа платного штата — работные люди — представляла непосредственных производителей во всех отраслях производства садов и прежде всего в основной — виноградовинодельческой (159 человек). Эти же работники занимались тутоводством и шелководством, выращивали фруктовые деревья, ягодные и розовые кусты, «капорцовые» коренья, овощи, ухаживали за присланными из Петербурга теплолюбивыми заморскими деревьями в оранжерее.

Другую отрасль хозяйства — «конский завод» — возглавлял шталмейстер, обслуживали конюшни десять конюхов, коновал и восемь работников. Производство кирпича и черепицы имело штат в десять человек. Чигирный мастер возглавлял строение чигирей для орошения садов и все строительство садовой конторы; при садах состояли столяр, слесарь, плотники, кузнецы и сторожа.

[9] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, л. 449 об.; кн. VIII л, 30.

[10] Ведомости на выплату жалованья сохранились полностью за 12 лет, с 1752 по 1763 г.

[11] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. VIII, лл. 30—33.

[12] Получивший образование за границей, в Лейдене и Париже, а после сдачи экзаменов в Санкт-Петербурге получивший чин лекаря с правом медико-хирургической практики в России.

Поставленное на широкую ногу производство требовало от «огородных служителей» (как еще назывались работники Садовой конторы) не только специализации по отраслям производства, но и квалификации внутри каждой специальности. Высококвалифицированными специалистами главной отрасли производства — виноградовинодельческой — были представители администрации садов и прежде всего И. Поробич и Я. Веселухин. Я. Веселухин был русским солдатом, учеником инженерной школы, перед назначением в сады работал в Венгрии на казенных русских винницах (виноградовинодельческое предприятие) в Токае. Подавляющее большинство работников специализировалось и получило квалификацию за время более или менее постоянной работы в садах в процессе организованного Садовой конторой ученичества или путем продолжительной рабочей практики. Отмечена в ведомостях Поробича и наследственность работы в садах.

Материальная обеспеченность данной категории работников определялась годовым жалованьем, денежным и хлебным. И то и другое было чрезвычайно разнообразно, особенно первое. По ведомости 1764 г.— административно-управленческий персонал получал 800—200 руб. в год, работник канцелярии — от 40 до 8 руб.; на весь обслуживающий персонал расходовалось 100 руб. Оплата труда специализированных и квалифицированных рабочих колебалась от 80 до 8 руб.; жалованье рядовых рабочих составляло 6 руб. в год. Хлебное жалованье выдавалось лишь при низших окладах: при 12 руб.— по шесть четвертей в год и при 9—6 руб.— по три четверти в год.

В лишенной своего хлеба Астрахани хлебное жалованье имело особенную ценность.

Многие постоянные работники жили при садах, так что на территории казенных садов выросла рабочая слобода, жители которой тем самым тесней связывались с предприятием.

Своеобразной представляется вторая категория работников Садовой конторы — безжалованных, или состоявших «сверх комплекта», т. е. штата, «кои ежегодно без жалованья работают по 2 месяца в нужное время». Таких безжалованных работников, как видно из приведенных выше данных, Садовая контора числила в 1758 г. 576 человек, в 1764 г.— 537 человек. Находясь, по выражению Поробича, «во временной работе», лишь два месяца в году, они в то же время были постоянными, поскольку числились при садах и состояли на его учете [13]. Они

[13] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. VIII, л. 30.

© ГПБ СССР АН

работали в садах в самое напряженное время в помощь жалованным работникам: «весной один месяц в открывании, в подвязке... в насадке виноградных кустов, другой месяц осенью во очистке, обрезывании... виноградных кустов», «в рассадке тутовых деревьев». Они же посылались на рубку дров и кошение сена, использовались при постройках каменных сооружений (погребов и т. п.) и для других «нужных» работ [14].

Необходимо отметить сразу же особенность экономического положения рабочих этой категории. Занимая своих безжалованных работников всего лишь два месяца в течение года, Садовая контора предоставляла им «жить на своем пропитании». Она отпускала их в свободное время по билетам на заработок. Часть из них, дав по себе поруки, уходила на заработки даже «в разные годовые работы». Такие, доносил Поробич Кабинету в 1757 г., «вместо двух месяцев работы дают от себя добровольно без принуждения для найму вместо них работников в казну денег по 3 рубли». В 1757 г. к 20 сентября таких денег было в сборе больше 1100 руб., «а до году чаятельно быть и еще не мало в прибавке» [15],— доносил Поробич, т. е. более 370 человек внесли в контору по 3 руб. вместо работы в садах.

Отпущенные «в годовые работы» должны были, кроме собственного пропитания, заработать еще 3 руб. для уплаты в Садовую контору.

Часть безжалованных находила заработок тут же в садах, но уже как наемные сдельные рабочие. Их нанимала Садовая контора для выполнения некоторых видов работ. Так, с 1759 г. ежегодно «летним временем» в казенном сарае работали «по подряду» артели «казенных садов садовников» по изготовлению сырого без обжига кирпича. За 1760—1763 гг. в расходных книгах переименовано 12 человек таких кирпичников, большая часть из них работала не по одному году. Заработок каждого члена артели выразился в среднем за 5 лет в 7 р. 26 к. в год на человека, т. е. приближался к минимальному заработку садовника на годовом жаловании (6 руб. + три четверти муки).

Садовая контора привлекала своих безжалованных также для доставки вина, бочек, почты, людей в Кизляр и обратно, а также перевозки таких грузов, как кирпич, известь, камень, сохи, верехи — в пределах Астрахани (на территории садов, с пристаней в сады).

Еще в большей степени находил себе применение труд безжалованных на стороне, вне территории казенных садов. Так,

[14] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, л. 580 об.
[15] Там же, лл. 449, 449 об.

по ведомости 1758 г., одних только не явившихся в срок из числа отпущенных по билетам на заработки Поробич считал 116 человек [16]. В условиях Астрахани недостатка в работе не было, наоборот, не хватало рабочих рук.

Безжалованные работники находились на работе у астраханских «обывателей» на рыбных ловлях, ватаги поглощали немало рабочего люда. В начале 40-х годов XVIII в., по данным Н. Попова, в Астрахани было 23 ватажника [17]. У некоторых из них, наиболее богатых купцов и монастырей, в ватаге промышляло до 1500 чел. Работники садов нанимались и на суда Астраханской судовой морской компании, ходившие в Персию [18]. Поступали садовники и в «домовые работы».

В 1754 г. Кабинет предписал губернской канцелярии «давать свободные безденежные паспорты» и не брать никаких пошлин с садовых безжалованных татар, которые в свободное время отпускаются для отвоза купеческих товаров в Кизлярскую крепость «из найма» [19]. Среди садовников, которые, по словам Поробича, имеют у себя «разные художества или какой промысел», были не только наймиты, но и хозяйчики и хозяева. Одни занимались ремеслом — портняжным, сапожным, шапочным и продавали свои изделия на вынос и в своих лавках, другие значились даже в «фабрикантах». Так, в безжалованные садовники записался «фабрикант» армянин Галунта Гарибабов [20], таким же садовником, вносившим в контору по 3 руб., был другой армянин, просивший в дальнейшем «за имеющейся у него прядильной фабрикой и за торгом из казенных садов выключить» [21]. Некоторые садовники торговали хлебом, калачами, харчем, содержали харчевни в питейных домах. Некоторые садовники татары имели лавки, производили сложные торговые операции между Астраханью, Кизляром, калмыцкими улусами и Персией [22].

Целый ряд русских садовников поставлял Садовой конторе предметы своего торга, а может быть, и промысла: уголь, камень, дрова, лес, смолу, деготь, рогожи, сало для свечей, просо для пересыпки винограда, а также лагуны, бочки, лопаты, гвозди, скобы, клещи, пряжу и пр. Садовники торговали и промышляли в одиночку и компаниями по два-три человека. Привозили

[16] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, л. 580 об.
[17] Н. Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, стр. 361.
[18] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. IV, л. 98 об.
[19] Там же, кн. II, л. 256 об.
[20] Там же, кн. IV, лл. 503, 567 об.
[21] Там же, кн. VI, л. 532 об.
[22] Там же, кн. IV, лл. 255, 557—558.

садовники товары и из-за моря — из Персии [23]. В одном случае можно даже предположить у садовников-компаньонов Василия Малышева и Савелья Стенцова наличие собственного судна, на котором они промышляли и доставляли «дикий камень» [24].

Приведенные данные о торгах и промыслах безжалованных садовников показывают, что экономическое положение их было чрезвычайно разнообразно. Однако основную массу их составлял бедный люд. «Приходят наги»,— писал о них в 1755 г. Поробич [25]. Многие приходили, оставив на прежнем местожительстве жен, детей и всю «пажить», а в садах попадали в нелегкие условия. «Пашенных мест и сенных покосов для них отводных нет, да и хлеб в тех местах не родится а привозят всегда сверху Волги реки»,— писал о своих рабочих Поробич [26]. Жильем также не обеспечивали; живущих в Астрахани на квартирах было немало.

Разнообразие средств пропитания, к которым прибегали на месте и в отходе безжалованные работники садов «при их крайней бедности и недостатку при новом селении», должно было помочь им «поселиться домами» и себя «в состояние привесть» [27]. Некоторые и приходили в «состояние», но подавляющее большинство работников садов оставалось неимущим.

Кроме жалованных и безжалованных, Садовая контора использовала труд временных вольнонаемных рабочих, не числящихся при садах, для разных работ и на разных условиях: сдельно, поденно, помесячно и даже погодно. Эта категория рабочих не поддается полному учету, так как она не включалась в платежные ведомости на жалованье. Оплата некоторой их части отражена в годовых расходных книгах и таким образом стала нам известна. Другая же часть, несомненно бо́льшая, нанималась взамен отпущенных на год безжалованных рабочих и оплачивалась из сумм, составлявшихся из трехрублевых взносов. Эти суммы приходовались и расходовались, по заявлению Поробича, по особым шнуровым книгам [28], которыми мы, к сожалению, не располагаем.

В редких случаях наемные рабочие получали повременную плату; многочисленные случаи вольного найма, отмеченные в

[23] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. VIII, л. 15.
[24] Там же, кн. VII, л. 25 об.
[25] Там же, кн. II, л. 491 об.
[26] Там же, кн. IV, л. 174.
[27] Там же, лл. 172, 337.
[28] Там же, кн. III, лл. 449 об., 556.

расходных книгах, приходятся на работы, оплачивавшиеся сдельно. Первые три года (1752—1754), пока недостаточен был штат постоянных работников, на виноградниках для очистки их, копки «рвов», для посадок, для раскрывания и подвязки винограда, подсыпки навозом и других работ сдельно нанимали работников татар; в 1754 г. их было 143 человека [29]. Сдельно выполнялись разные мелкие работы — изготовление и починка лопат и других орудий, починка чигирей, шитье парусов для ветряных мельниц, шитье мешков, выработка и перевозка сырого кирпича, ковка лошадей. На сдельной оплате в эти годы находились также специалисты, например «инженерной команды машинный мастер, который показывал казенных садов плотникам делать для поливы машину, называемую шнек» и т. д.

В последующие годы (1758—1763) выделилась определенная категория работ по вольному найму, оплачивавшихся сдельно [30]. Часто прибегали к найму людей с подводами для перевозок материалов — кирпича, извести, дубовых сох — на территории садов, с пристаней в сады, а особенно для перевозки пустых бочек и людей в Кизляр и доставки оттуда чихиря, людей, почты. Возчиками были «партикулярные люди», свои безжалованные садовники. Всего, например, для поездок в Кизляр в 1760—1763 гг. было нанято 120 арб [31].

О временных вольнонаемных работниках, оплачивавшихся из сумм, составлявшихся из трехрублевых взносов безжалованных рабочих, имеются лишь самые ограниченные сведения [32]. Из донесений Поробича (1758 г.) узнаем, что Садовая контора нанимала их «во время крайней нужды», используя «на сенокосах, к рубке сох, дров и прочих надобностей, к казенному каменному строению, в кирпичном и черепичном сараях» [33].

В 1758—1759 гг. неоднократно сообщалось в Кабинет, что Садовая контора вынуждена нанимать «посторонних людей» уже не только для подсобных работ, но и основных виноградовинодельческих. В садах, докладывал Поробич в 1759 г., «исправляется работа по большей части наемными людьми» [34].

[29] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. I, лл. 24 об., 213 об., 288—294.
[30] Там же, кн. VI, л. 51; кн. VII, лл. 2 об., 19 об., 33 об., 36 об.
[31] Там же, кн. VII, 1—10, 16—33 об., 35; кн. VIII, лл. 1, 3, 29 об., 33, 35.
[32] Шнуровые книги прихода и расходования трехрублевых взносов, как уже указано, в использованных документах отсутствуют.
[33] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, л. 555 об.
[34] Там же, л. 610; кн. IV, лл. 100 об., 121 об.

© ГПИБ СОРАН

Кроме жалованных и безжалованных садовых работников и вольнонаемных, в садах использовался труд солдат.

Мастеровых, особенно необходимых в первые годы при восстановлении садов, Садовой конторе удавалось получать по специальным ходатайствам из астраханского гарнизона. Так было в 1753—1755 гг., когда на работы в сады направлялись гарнизонные печники и каменщики; в 1759—1763 гг. присылавшиеся из гарнизонных полков бондари и конопатчики работали в садах периодически, в разное время года, по два-три человека одновременно, иные по несколько лет подряд [35].

Солдаты-мастеровые командировались в сады на поденную работу и получали неизменно 2 коп. за рабочий день. В ряде случаев эта оплата названа «заработными деньгами», чаще — выдачей «за рабочие дни», «по исчислению работных дней» и только однажды — «кормовыми деньгами». Эта оплата была ниже оплаты вольнонаемных. Во всех указанных случаях гарнизонные солдаты-мастеровые, несмотря на оплату их труда Садовой конторой, по способу определения на работу и сохранения за ними солдатского положения не являлись вольнонаемными рабочими, но все же получали, хоть и небольшую, плату за труд. Наряду с этим мы видим в садах военных и на ином положении.

Каждая партия винограда, вина и фруктов отправлялась ко двору с курьерами из солдат, капралов и сержантов, которых по ходатайству Поробича в 1753 г. велено было отослать в его ведомство в Садовую контору «и в другие команды не отбирать». Но курьеры эти в свободное время от поездок, носивших тоже сезонный характер, использовались садами для целого ряда других работ. Они несли караулы «в конторе, при денежной казне», в питейных домах, где продавалось вино и водка, по охране садов в ночное время.

Солдаты использовались Садовой конторой и для поддержания власти — «для понуждения людей в работе, для смотрения над садовниками». Они являлись не только надзирателями, но и организаторами специальных рабочих бригад, отправлявшихся на работы вне садов; им выдавались деньги на расходы по снаряжению и пр.

В чисто производственной работе также находил применение труд солдат. Их, например, посылали в Красный Яр для изготовления вина; старые курьеры, человек шесть, обучались прививке деревьев. Кроме того, они использовались для самых

[35] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. II, лл. 48 об. 58 об., 21; кн. VIII, лл. 31 об., 32.

разнообразных посылок и мелких поручений. Труд этих солдат, труд капралов и сержантов астраханского гарнизона не оплачивался Садовой конторой; все указанные работы выполнялись ими в порядке несения военной службы.

Временные вольнонаемные рабочие и солдаты в разное время в той или иной степени дополняли труд жалованных и безжалованных постоянных работников садов. Общее количество последних, достигавшее 850 человек, при учете двух дополнительных категорий отвечало крупному размеру предприятия.

* * *

Теперь остановимся на вопросе, из каких же слоев тогдашнего общества формировался столь значительный численно и разнообразный по производственной специализации состав работников садов.

Крепостных крестьян Садовой конторе предоставлено не было ни в момент передачи садов Поробичу, ни в последующие годы. В то же время, как мы видели, ведение хозяйства Астраханских дворцовых садов полностью на вольнонаемном труде не практиковалось.

Обеспечение садов постоянной рабочей силой в объеме первоначально намеченного Поробичем штата (174 человека) Кабинет возложил на Астрахапскую губернскую канцелярию. Указом 1752 г. ей предписывалось людей к садам «дать из обретающихся в Астрахани по казенным по ревизиям из непомнящих родства», а также определить в сады из бывших крестьян графа Головкина, которые жили в Астрахани.

В январе 1753 г. Астраханская губернская канцелярия доносила Кабинету об исполнении указа. Для работы в садах было отдано 16 человек бывших крестьян графа Головкина, 105 человек «непомнящих родства» и мастер И. Щербак [36] — всего 122 человека.

Крестьяне конфискованной вотчины Головкина по ревизии 1744 г. были записаны в разночинцы в ведомство Астраханского магистрата с обязательством уплаты подушных и несения других повинностей по городу [37].

Категория непомнящих родства выявилась при проведении 2-й ревизии в разных местах, в том числе в Астрахани. Во время 2-й ревизии правительству стало известно, что в Астрахани «явились многие подлые», объявляющие, что не знают

[36] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. II, лл. 14—14 об.
[37] ПСЗ, т. XIII, № 9724, стр. 220—225.

© НЭБ СО РАН

своих помещиков, а также места, где родились. Таковых было велено выслать в Петербург на поселение, но эта мера не удалась. По выражению официального документа, «оные подлые люди, по привычке жить круг Астрахани, от той высылки бегут в Персию и бусурманятся, також в степи на Кубанскую сторону, на реку Куму и на Бухарскую сторону, за Яик и там промыслом звериным питаясь, зверски во отчаянии живут». Эти сведения заставили изменить тактику. Именным указом от 19 марта 1745 г. предписывалось не высылать в Петербург непомнящих родства, а «по разсмотрении дела, может быть запотребно разсуждено будет там, в Астрахани, их в перепись написать и поселить на реке Волге, на пустых местах, которые никакой пользы, будучи пустыми, не приносят, а поселенные во всяком случае потребны» [38].

Этот указ, так хорошо характеризующий категорию непомнящих родства и особенности их положения в Астрахани, был на следующий день дополнен сенатским указом. Последний предписывал публиковать в Астрахани и ее округе, чтоб «сходцы» из верховых городов — дворцовые, архиерейские, монастырские, помещичьи люди, крестьяне и прочие разночинцы — явились к переписи к определенному ревизору, «без всякого опасения, понеже их высылать уже не велено». После регистрации они передавались в ведомство Астраханского магистрата и могли получать паспорта для занятия ремеслами или для найма на работы к рыбным промыслам, на суда и пр. [39] Позднее, по указу Сената 1749 г., они освобождались от поставки рекрут, с них брали за эту повинность деньгами при уплате подушных [40]. Сенатским указом 1750 г. вновь запрещалось отдавать их помещикам, поскольку они до особого указа были определены на житье в Астрахани, подушные платили сами и на прежних жилищах в подушные не были положены [41]. Так положение в Астрахани непомнящих родства было узаконено под воздействием сопротивления с их стороны.

В переданных Садовой конторе губернской канцелярией непомнящих родства (105 человек) нельзя видеть вольнонаемных рабочих, и акт передачи не может квалифицироваться как акт найма. Самый факт передачи рабочих производству губернской канцелярией является моментом внеэкономического принуждения, а обстановка передачи невольно напоминает торговлю людьми. Из переписки узнаем, что Поробич взял «из

[38] ПСЗ, т. XII, № 9125, стр. 348.
[39] Там же, т. XIII, № 9724, стр. 220—225.
[40] Там же, № 9618, стр. 62
[41] Там же, № 9724, стр. 220—225.

находящихся в губернской канцелярии непомнящих родства людей на работу в казенные сады в комплект к прежним садовникам», всех имевшихся налицо, за отсутствием в тот момент выбора. Затем Поробич потребовал обмена больных и дряхлых, неспособных даже для караулов, на здоровых, вернувшихся из отлучек [42]. Препирательства по этому поводу тянулись полтора года, пока, наконец, Кабинет не предписал губернской канцелярии выполнить требование Поробича. Переданные таким образом работники и составили в конце 1752 г. основное ядро штатных — 140 человек, состоявших на годовых окладах, а в следующем 1753 г.— 170 с лишним человек. Однако этот контингент рабочих сразу же оказался недостаточным.

В первый же весенний сезон 1753 г., донося Кабинету о ходе работ по восстановлению виноградных насаждений, устройству системы орошения, хозяйственных и производственных сооружений, Поробич указывал, что данными ему людьми и в течение 12 лет сады «в настоящее состояние» не привести и что в ближайшие годы в дополнение к ним придется пользоваться весной и осенью наемными людьми [43]. К последнему способу Садовая контора действительно усиленно прибегала в 1753—1754 гг., а также позднее, в 1758—1759 гг., когда по словам Поробича, работы в садах выполнялись «по большей части наемными людьми» [44]. Однако, обращаясь к вольному найму, Садовая контора наталкивалась на серьезные препятствия.

Известно общее представление об Астрахани как городе, располагавшем в конце XVII — начале XVIII в. значительными резервами рабочей силы. В своей статье «К вопросу о вольнонаемном труде на заводах петровского времени» А. В. Пруссак делает следующий вывод: «По сравнению с другими местностями Астрахань обладала исключительно большим резервуаром рабочей силы» [45]. Состояние рынка рабочей силы в Астрахани в 50—60-х годах XVIII в., судя по нашим материалам и по другим данным, представляется несколько иным.

Каждый раз, когда Садовая контора вынуждена была прибегать к местным вольнонаемным рабочим, в ее рапортах в Кабинет раздавались жалобы на недостаток наемных рабочих рук, на трудность и просто невозможность их найти, с одной стороны, из-за отсутствия близ Астрахани сел и деревень, и с

[42] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. II, лл. 272—274, 274 об.
[43] Там же, лл. 33 об., 118.
[44] Там же, кн. IV, л. 100 об.
[45] «Исторические записки», кн. 7, 1940, стр. 260.

другой — вследствие того, что партикулярные люди и соляные промыслы составляли в этом отношении конкуренцию, вызывавшую дороговизну вольнонаемной рабочей силы вообще и особенно квалифицированной. Эти жалобы неоднократно повторяются: «А чтоб вольных людей в работу нанять, то по здешнему городу того найти невозможно, так что и в купеческих промыслах за неимением народу чинится немалая остановка» [46]. «Казенные сады и другие заводы остаются без людей... панять некого», «понеже в Астрахани стали быть соляные промыслы, то какой бы народ не был, нанимают» [47]. «...А чтоб нанимать вольных людей.— говорилось в другом документе,— то как небезызвестно при Астрахани ни сел и деревень не имеется». Поэтому наемные люди «доставаемы бывают с нуждой и с немалою платой» [48].

Правильность такого освещения вопроса Садовой конторой подтверждается не менее любопытной в этом отношении жалобой того же времени (1751 г.) администрации другого казенного предприятия в Астрахани — Рыбной конторы. По свидетельству последней, на ее промыслах в Астрахани, на Яике и в Гурьеве «во всяких работах служителей весьма недостаточно... а мастеровых людей — плотников, бочаров и кузнецов — никого не имеется, а в Астрахани вольных мастеровых и прочих работных людей пред прежними годами малолюдно», да и они работают у партикулярных людей «за немалую за плату». Заканчивается донесение мрачным выводом «впредь найму тем работным людям дешевле быть не уповаемо» [49].

Положение Садовой конторы при таких условиях ухудшалось еще тем, что потребность ее в рабочей силе все возрастала. Только за шесть лет, с 1752 по 1758 г., в сады было вновь принято 1105 штатных жалованных и безжалованных рабочих [50].

Таким образом, практика вольного найма не являлась для Садовой конторы легким выходом из положения. Трудности в использовании местной вольнонаемной рабочей силы выяснились для нее очень скоро. Чтобы меньше зависеть от местного рынка рабочей силы с его конкуренцией, Садовая контора, ее управляющий Поробич обращались к изысканию иных путей обеспечения рабочими расширявшегося производства. В течение всего изучаемого периода изыскиваются и используются самые разнообразные источники, идут постоянные, упорные

[46] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, л. 624 об.
[47] Там же, л. 626.
[48] Там же, кн. IV, л. 100 об.
[49] ПСЗ, т. XIII, № 9879, стр. 493.
[50] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, л. 579—580.

поиски рабочей силы, сначала на месте — в Астрахани, а затем и вне ее.

Солдаты и разные чины Астраханского гарнизона, как уже указывалось выше, использовались Садовой конторой для удовлетворения самых разнообразных нужд многоотраслевого предприятия. Однако местная власть постоянно стремилась лишить Садовую контору труда военных и изъять их из распоряжения конторы под предлогом, что солдаты за долгим отсутствием «и регул позабыть могут». Садовой конторе приходилось, обращаясь за помощью в Кабинет, бороться с губернской канцелярией за право использовать эту рабочую силу, особенно при перевозках винограда и в садовой работе, мотивируя тем, что у солдат со временем образуются навыки по хранению в пути этой особо нежной продукции, а также по уходу за виноградом.

Что касается местного гражданского населения Астрахани, то внимание Поробича, естественно, привлекли прежде всего татары, имеющие некоторую подготовку для работы в садах. Они разводили виноград на своих небольших участках, были искусными бахчеводами и еще до Поробича работали по найму в дворцовых садах [51]. Поробичу в первый момент своего появления в садах осенью 1752 г. пришлось обратиться к татарам, они были наняты для очистки садов [52]. В следующие 1753 и 1754 гг. Садовая контора нанимала татар весной и осенью для разных «огородных» работ, оплачивая их помесячно и сдельно. Однажды было нужно нанять сразу 85 человек, в другой раз — 143 человека [53]. Но администрация садов желала сделать их постоянными работниками, хотя это и требовало от Садовой конторы тонкой политики, так как обоюдного согласия обеих сторон было недостаточно.

Астраханские татары, делившиеся на служилых и ясашных, были люди государственно обязанные. Их было в Астрахани в это время немного: по исчислению Поробича, в 1754 г. их было не более 2 тыс. человек [54]. Малочисленность татарского населения Поробич объяснял в своих донесениях в Кабинет побегами на Кубань, которые вызывались притеснениями как со стороны местных властей, так и своих же табунных головстяжателей. В такой обстановке в августе 1753 г. последовало челобитье от 70 семей астраханских юртовских татар, в котором они заявляли о желании быть в ведомстве казенных садов. При

[51] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. II, л. 214 об.
[52] Там же, кн. I, лл. 230—237.
[53] Там же, лл. 23 об., 25, 33, 204, 213 об.
[54] Там же, кн. II, л. 277.

этом они точно оговаривали условия работы: 1) «службу исправлять безденежно»; 2) «по Кулаковскому бугру 8 огородов в удобные времена обрезывать, закрывать, открывать, подвязывать и посадку садить по повелению означенных садов мастеров»; 3) кроме этих работ «никаких тягот не нести»; 4) другого командира над собой не иметь, кроме начальника казенных садов. Не менее точно были сформулированы и основания, вызвавшие их обращение. Жалуясь на разорение от безвозмездной службы в караулах и конвоях и ссылаясь на потребность Поробича в людях, они указывали на близость их кочевий к садам и опыт в садовой работе: «...несколько наши татары садовую работу смыслят» [55].

Нужно заметить, что все это дело было несомненно подготовлено заранее и являлось результатом договоренности Садовой конторы с татарами, самое челобитье их своими конкретными условиями работы больше походило на договор, чем на просьбу, и вышло оно из стен садов: «челобитье писал Астраханских казенных виноградных садов ученик» И. Астраханцев [56]. Переданные садам 70 семей принадлежали к наиболее неимущему татарскому населению. За первым челобитьем последовало второе, от 33 «котлов» (семей), которое было также удовлетворено [57]. Затем табунный голова Мурза Булатаев специально выделил Поробичу из своего табуна к «выбору арбузов ко двору» еще девять человек татар, «которые к тому искусны» [58], а восемь человек татар, «пришлых из бегов», определились через губернскую канцелярию [59]. Несмотря на явное тяготение к садовой работе, общее число татар, работавших постоянно в садах, редко превышало 100 семей и мало менялось в дальнейшем.

Татары, определенные к садам, не были вольнонаемными рабочими, работа в садах заменяла государственные повинности, лежавшие на них; они шли в сады работать «безденежно» и, по ведомостям и рапортам Поробича, составляли часть безжалованных рабочих, обязанных работать в садах два месяца в году. В случае надобности они могли и эту работу заменять трехрублевым взносом в Садовую контору «для найма в работу вместо их татар вольных работников». Уже одно это положение давало им преимущество сравнительно с положением их до

[55] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. II, лл. 214 об., 215.
[56] Там же, л. 215.
[57] Там же, лл. 329—330; кн. IV, л. 30.
[58] Там же, кн. II, лл. 277 об., 296 об.
[59] Там же, кн. III, л. 516 об.

работы в садах. Кроме того, Садовая контора брала на себя охрану и защиту некоторых интересов (экономических, религиозных) подведомственных ей татар [60], рассчитывая, что ради этой защиты татары охотнее будут работать в садах. Перед Кабинетом постоянно выдвигалось опасение, что в случае недовольства татары могут оставить работу и «бежать на Кубань» [61]. Беспокойство Садовой конторы относительно сохранения татар при садах было тем реальнее, что за татар велась борьба с губернской канцелярией, которая не раз пыталась отнять их у Садовой конторы. Между тем татары составляли очень важную категорию работников. В марте 1758 г. Поробич писал, что казенные сады силами татар «приведены в немалое состояние»; пришлых рабочих «одних в работу пускать невозможно», «в один год чрез незнание могут вовсе испортить». Поэтому пришлые работали рядом с татарами, «понеже татары,— доносил Поробич,— к виноградным работам чрез прошедшие годы с начала моего вступления к тому уже изобучены». Без татар «мне делать с таким народом будет нечего»,— заключал начальник казенных садов [62].

Для временных работ привлекались татары на условиях найма. При организации в начале 60-х годов закупки чихиря и выгонки водки в Кизляре и в казачьих городках по Тереку татары нанимались в качестве подводчиков. Любопытно, что среди подводчиков-татар бывали не только астраханские татары, но также из других мест, а кроме того, и татары, приписанные к садам. Сверх двухмесячной бесплатной работы они находили при тех же садах применение своему труду на основе найма.

Одновременно внимание Садовой конторы было обращено на другую группу местных жителей — на «новокрещенов» и других «иноземцев». Они, как и татары, в какой-то степени знали садовое дело. Однако интерес к этой категории работников вызывается не столько их местом по обслуживанию садов,— количество их было чрезвычайно незначительно,— сколько той обстановкой, которая создалась вокруг привлечения этой категории населения к работе в садах.

В ответ на донесение Поробича о целесообразности привлечения новокрещенов Кабинет предписал губернской канцелярии к садам «иноземцев, какой бы нации не были, ежели

[60] Например, Поробич добился открытия татарской мечети, опечатанной до того местными властями.
[61] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. I, лл. 74 об., 138 об.
[62] Там же, кн. III, лл. 516, 516 об.

пожелают, отдавать, кои годны будут, и принимать не запрещать» [63]. Год спустя (12 апреля 1755 г.) последовал второй, более конкретный указ, сразу же нарушивший спокойствие астраханцев. Объявленный для всенародного сведения трехкратной публикацией от губернской канцелярии, а в четвертый раз от Садовой конторы, указ приглашал новокрещенов — персиян, калмыков и других,— желающих работать при казенных садах, являться к Поробичу. Разрешалось принимать находившихся до этого в частном услужении, не только крепких своим хозяевам по ревизской записи, но и купленных. За последних Садовая контора должна была уплатить их хозяевам стоимость по купчим [64]. В таком виде указ задевал интересы представителей господствующего класса и вообще душевладельцев. Когда в течение месяца было принято в сады 17 новокрещеных калмыков, персиян и татар, а в Кабинет и лично кабинет-секретарю И. А. Черкасову были посланы и официальные и частные жалобы задетых в их кровных интересах душевладельцев, в Астрахани завязалась жестокая борьба за людей, за рабочую силу.

Задетыми оказались и правящая верхушка — товарищ губернатора Языков, от которого ушли два новокрещена, и секунд-майор Ярцев и купцы; от них по показанию Поробича, явилось в сады семь человек, и, наконец, мелкопоместные дворяне. По этой публикации, писал И. А. Черкасову секретарь губернской канцелярии Вас. Чириков, «от многих штаб и обер-офицеров, також и от бедных офицерских и дворянских вдов, слыша волю, таковые служители к казенным садам... бежали» [65]. Не ожидая разрешения вопроса Кабинетом, владельцы, отстаивая свою собственность, принимали меры, свойственные эпохе: хватали ушедших людей, заковывали их, били плетьми или мучили их жен, обвиняли ушедших в больших «сносах», хотя те «приходят почти нагие»,— писал Поробич. Иные хозяева заранее заковали своих новокрещенов или отослали в другие места, подальше. Борьбу, жаловался И. А. Черкасову Поробич, возглавил губернатор, возбуждая людей, чтоб они заявляли протест [66]. Кабинет под давлением жалоб и недовольства стал ограничивать свое решение от 12 апреля 1755 г., а затем по существу отменил его, предписав Поробичу принимать грузин, персиян и прочих, «которые б были не астраханские жители и не крепостные никому люди, но пришлые из-за границы,

[63] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. II, лл. 272 об., 296 об.
[64] Там же, лл. 535, 535 об.
[65] Там же, л. 492.
[66] Там же, лл. 488, 491 об.

а хотя и астраханские жители, но не обязанные ни в казенную, ни в партикулярную службы» [67].

В результате этой борьбы несколько человек из набранных новокрещенов были возвращены владельцам самой Садовой конторой, 27 человек разбежались и наконец 12 человек губернатор без разбора дела отдал хозяевам, не дав на них Поробичу даже расписок [68]. На этом дело о рабочих из новокрещенов по существу заглохло. Предложение Поробича публиковать в следующем 1756 г. в калмыцких улусах о возвращении беглых новокрещенов для работы в садах без отдачи их прежним хозяевам уже не нашло отклика в Кабинете.

При изложенных условиях число новокрещенов в садах не превышало 8—11 человек.

Кроме новокрещенов, в садах работали не менявшие своей веры грузины, армяне, персы, татары, греки, но также в количестве 13—16 человек. Надо сказать, что все люди «разных наций», включая и новокрещенов, находились в садах на положении безжалованных работников. Последнее обстоятельство при общей малочисленности данной категории работников сокращало еще больше ее практическое значение в деле обеспечения садов рабочей силой.

Ни солдаты, ни татары, ни новокрещены, даже взятые вместе, не могли удовлетворить массовую потребность казенных садов в рабочей силе. Одновременно с привлечением перечисленных видов рабочих Садовая контора повела кампанию за использование для работы в садах людей, близких по своему положению к непомнящим родства, а именно, по официальной терминологии, «праздношатающихся». Но от непомнящих родства, зарегистрированных в Астрахани при 2-й ревизии, праздношатающиеся отличались своим, как бы мы сказали, нелегальным положением и с этой точки зрения были близки к беглым, жестокая борьба с которыми велась в течение всей первой половины XVIII в. Известно, что прием беглых преследовался многими указами того времени.

Нетрудно было даже чужестранцу Поробичу, ориентировавшись в окружающей обстановке, увидеть в них подходящий элемент для набора рабочих. Эти люди сами предлагали свой труд: «Многие приходят... шатающиеся без пашпортов и прочие вольные люди для принятия при казенных садах службы на таком же жаловань, как и безродные»,— рапортовал Поробич в начале 1754 г. [69] Между тем, писал он, «у нас всегда

[67] Там же, л. 460 об.
[68] Там же, л. 549.
[69] Там же, л. 272.

работа лошадьми и людьми как в огне горит» [70]. Положительное разрешение этого вопроса было очень быстро сообщено из Кабинета Астраханской губернской канцелярии. Указом от 29 мая 1754 г. предписывалось шатающихся беспаспортных «обыскать», помещичьих отослать «на прежние жилища», «а буде не знают родства, то оных, хотя и в подушной переписи нет, годных в работу, отдавать к садам...» [71] Указ 12 апреля 1755 г. подтверждал: «Праздношатающихся людей без пашпортов и укрывающихся в Царицыне безродных и других, кои по ревизии нигде не записаны, всеми образы выискивать и отдавать для работы к садам» [72]. При этом ссылались на аналогичную практику в Сибири, где «таковых... по указам... на тамошние заводы в работу отдавать велено» [73]. Так был расширен контингент лиц для набора рабочих к садам за счет не попавших в ревизию и не плативших подушных.

Однако создавшаяся на деле практика набора рабочих из этой категории не удовлетворяла Садовую контору. Неизвестно, в какой мере губернская канцелярия занималась выискиванием таких лиц, возможно, что в основном она ограничивалась передачей тех, кто являлся «саможелательно». Участие же в сыске самой Садовой конторы, ее агентов, например в Царицыне, привело к конфликту с властями. В то же время губернская канцелярия задерживала передачу рабочих Садовой конторе в результате длительного выяснения их личности, а допросами с пристрастием разгоняла и отпугивала их от явки.

Дело приняло иной оборот во время пребывания Поробича весной 1756 г. в Петербурге, где он жаловался на затруднения с рабочей силой в связи с расширением садового хозяйства. По его ходатайству, в конце 1756 г. Кабинет предоставил Садовой конторе право самой принимать «праздношатающих и непомнящих родства... и из новокрещенов, которые желают принять службу в казенных огородах». В губернскую же канцелярию следовало только письменно сообщать «для ведома, сколько, когда и каких людей принято будет» [74].

Новый способ оформления приходивших наниматься в сады оказался весьма эффективным. Меньше чем через полгода Поробич рапортовал Кабинету: «А в тутовую луку (Царицын.— *И. Ч.*) на поселение день ото дня всегда народ прибавляется,

[70] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. II, л. 273.
[71] Там же, л. 296 об.
[72] Там же, л. 477.
[73] Там же, л. 500.
[74] Там же, л. 461 об.; кн. III, л. 219 об.

так что не можно с допросами ко определению их убираться» [75]. Тем не менее Поробич хлопотал о дальнейшем расширении прав Садовой конторы. Если, писал он в Кабинет, «уведомить народ заподлинно о таком определении по Волге, у Саратова, Дмитриевска (Камышин.— *И. Ч.*), по Дону, то за год наберется до 2000». Однако, по его словам, на местах чинят препятствия. «И для того впредь о выиску таковых праздношатающихся людей не повелено ль будет в Саратов и в Дмитриевск и на Дон в силе указу послать нарочных кого от нас»,— просил он [76]. На это ходатайство был получен быстрый ответ Кабинета, разрешавший посылку таких нарочных [77].

Таким образом, Кабинет предоставлял Садовой конторе самые широкие возможности по вербовке рабочей силы: самостоятельное оформление рабочих, т. е. определение их личности без участия местных властей (губернской канцелярии); набор рабочих через своих агентов; наконец, расширение территории набора за счет всего Нижнего Поволжья и Дона, всегда являвшихся сборищем множества пришлых людей. Предоставленными ей правами Садовая контора не замедлила воспользоваться. Для доказательства приведем сведения из ведомости 1758 г.[78], характеризующей состав работников садов в 1752—1758 гг. по способу привлечения их на работу.

	Число работников	% к итогу
Принято от Посета	36	3,2
Определено губернской канцелярией	518	45,5
В том числе:		
из непомнящих родства, положенных в подушный оклад	124	10,9
из астраханской гарнизонной школы школьников в ученики	10	0,9
из татар	107	9,4
из новокрещенов и разных наций	24	2,1
из праздношатающихся, не положенных в подушный оклад, «явившихся собою»	253	22,2
Определено Астраханской садовой виноградной конторой	587	52,3
В том числе:		
из праздношатающихся, не положенных в подушный оклад и пр.	587	52,3
Всего	1141	100%

[75] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, л. 301.
[76] Там же.
[77] Там же, л. 307 об.
[78] Там же, кн. III, лл. 579—580.

Таким образом, из 1141 человека, набранных в течение шести лет, Садовая контора, используя предоставленные ей права, привлекла менее чем за два года больше половины общего количества работников — 587 человек, или 52,3%. Ведомость 1758 г. также резко подчеркивает общий высокий процент праздношатающихся, тем или иным путем вступивших в число работников садов — 74,5%, а вместе с близкой им категорией непомнящих родства, положенных в подушный оклад,— 85,4%. Праздношатающиеся и отчасти непомнящие родства представляли основной контингент, из которого Садовая контора набирала своих работников.

Другая, близкая по времени, ведомость 1760 г., составленная Поробичем также по указу Кабинета [79], позволяет установить, на каком положении в садах находились непомнящие родства и праздношатающиеся. О наличном составе постоянных работников к 1760 г. по способу привлечения их на работу и по их положению в садах свидетельствуют следующие данные [80].

	На годовое жалованье	Безжалованные
Из принятых от Посета	5	20
Из определенных губернской канцелярией	80	365
В том числе:		
из непомнящих родства, положенных в подушный оклад	19	83
из астраханской гарнизонной школы школьников	12	—
из татар	—	109
из новокрещенов и разных наций	—	24
из праздношатающихся, не положенных в подушный оклад «явившихся собою»	44	129
Из определенных Астраханской садовой виноградной конторой	140	221
В том числе:		
из праздношатающихся, не положенных в подушный оклад, и пр.	140	221
Всего	220	586

Приведенные данные свидетельствуют, что праздношатающиеся преобладали среди безжалованных работников — из 586

[79] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. IV, лл. 315—330.

[80] В отличие от приведенных выше данных, где количество принятых в сады работников за 6 лет представлено полностью, включая умерших и бежавших, здесь учитываются лишь наличные работники.

человек их было 350, или 59,7%. Та же категория заполняет штат работников на годовом жаловании: из общего числа 220 человек праздношатающихся — 184. Что касается должностей, занимавшихся праздношатающимися [81], то безжалованные, как работавшие всего по два месяца в течение года, вообще не закреплялись на определенных должностях и использовались на разных работах, чаще всего в качестве подсобных чернорабочих. В штате же работников на годовом жаловании праздношатающиеся и непомнящие родства заполняли почти все места садовников 3-го и 2-го классов. Мы не видим их только на должностях главного заводчика и его трех помощников. Были среди праздношатающихся и рабочие, имевшие и ранее производственный стаж, а именно черепичники, конюхи и др.

Таким образом, социальное положение этой категории рабочих (праздношатающихся) не ограничивало их производственного положения. В производстве они уступали место только старым опытникам, как, например, главному заводчику или прошедшим школу ученичества его помощникам. Следовательно, данная категория работников должна была удовлетворить потребности Садовой конторы не только в количественном, но и в качественном отношении, в смысле пополнения квалифицированных кадров, в силу чего повышалась значимость ее в производственной жизни казенных садов. Праздношатающиеся, приходившие на работу в сады «собою» и жившие на свою заработную плату, могут по своему социальному положению и по способу поступления на производство считаться наемными или «вольными», как их называл Поробич. Их приток в сады мог обеспечить последние нужной наемной рабочей силой. Но крепостническая действительность и тут внесла свои коррективы, а господствующий класс, как и в вопросе о новокрещеных, заявил свои права на душевладение. Массовое применение в садах труда праздношатающихся вызвало крупный конфликт, характерный для социально-политических условий того времени.

Прием на работу в казенные сады неизвестных людей без ведома местных властей вызывал беспокойство последних. Это нашло отражение в письме астраханского губернатора Жилина кабинет-секретарю И. А. Черкасову от 24 апреля 1757 г., т. е. когда только что начался прием праздношатающихся самой конторой. Губернатор осторожно сообщал о тревоживших его формах, какие принимал своеобразный набор рабочих Садовой конторой. «В Астрахани ныне обстоит благополучно, только великая опасность — пограничное место и все соседи легкомысленные

[81] Та же ведомость 1760 г.

© НИИ ГСЭИ

люди». Между тем «со всех сторон идут с женами и с детьми в Астрахань для определения в казенные сады в работу», в том числе некоторые «подозрительные». Дальше губернатор обидчиво заявлял, что ему об этом «знать не по чем, затем что их не спрашивают..., а все сказываются якобы они непомнящие родства и в подушный оклад нигде не написаны». Губернатор опасался, чтоб принятые конторой, «которые недобрые люди», «усмотря на карауле малолюдство», не пришли к тюрьме и не распустили колодников, а отпущенные «в партикулярные работы в Персию на купецких судах» не остались там, так как они по большей части беглые.

Быстро последовали возражения против администрации казенных садов со стороны других лиц и даже учреждений. Генерал-прокурор Сената встал на защиту крепостнических прав и устоев: он письменно извещал кабинет-секретаря И. А. Черкасова о поимке Низовой соляной конторой при Дмитриевской пристани беглого крестьянина Григория Павлова, принятого садами еще в 1752 г., который «с соляных судов работных людей подговаривал с таким разглашением, якобы к тем садам велено принимать всякого звания людей...», в том числе и беглых [82]. Генерал-прокурор Сената потребовал, чтоб такие «разглашения» прекратились, и «с соляных судов и от прочих казенных работ работники подговариваемы не были» [83]. Почти одновременно в Москву, в Сенатскую контору, начали поступать жалобы от разных помещиков о том, что крестьяне, «забирая свои пожитки и лошадей, бегут, а другие чинят разглашение, якобы оные беглые, собравшись в Царицыне и переправясь через Волгу, порыв землянки, живут». Слух о том, что принимать будут впредь всяких прихожих людей, широко распространился. Крестьяне бежали, «объявляя при том побеге, что они идут для поселения в Царицын и в Камышенку к шелковому казенному заводу, где для принятия де их якобы определен майор Парубуч» [84].

Сенат считал, что «под видом непомнящих родства и прописных от ревизии» было поселено при заводе на речке Ахтубе до 3000 человек с женами и детьми, а в Астрахани при садах до 2000 и даже более [85]. Эти, может быть, несколько преувеличенные цифры свидетельствуют о том широком резонансе, который получило разрешенное Кабинетом мероприятие, перепугавшее не только местную, но и центральную власть. Они свидетельствуют о наличии большого количества людей, стремившихся освободиться от крепостной неволи, снявшихся с родных мест и ищущих заработка на стороне, тысячами устремившихся туда, где его обещали.

[82] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, лл. 442—442 об.
[83] Там же.
[84] ПСЗ, т. XV, № 10791, стр. 154.
[85] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, л. 541.

Действия Садовой конторы затронули интересы казны и частных душевладельцев. Такое положение, когда Астраханские казенные виноградные сады и организуемый ими шелковый завод превращались в убежище для беглых и даже имя Поробича становилось символическим, в крепостническом государстве не могло быть терпимо. Сенат принял меры. Для следствия о поселении беглецов при Ахтубенском шелковом заводе был назначен советник Полозов. В марте 1757 г. он прибыл в Царицын, отправил на Ахтубу команду, расставил кругом караулы и привел садовников в великий страх [86].

Чтобы заглушить далеко разнесшуюся молву о приеме людей на работу в сады и прекратить тягу к этому легендарному убежищу, Сенат дважды публиковал «печатными сведениями» [87] «во всенародное известие» о наказании разгласителей, чтобы им не верили, ловили, «приводили в присутственные места для наказания», чтобы впредь крестьяне «побегов от помещиков и от жилищ своих не чинили». В Астрахани же было велено накрепко подтвердить, чтоб «к...виноградным садам беглые отнюдь принимаемы не были, и ежели таковые явятся, оным, чиня жестокое наказанье, отсылать в надлежащие места». В отношении же казенных садов было поручено Астраханской губернской канцелярии «исследовать», «нет ли еще при тех садах таковых же беглых».

Получив указание Сената, губернская канцелярия поставила следствие на широкую ногу. Летом 1758 г. она потребовала от Садовой конторы для повального сыска «одновременной присылки людей всех для следствия» [88], но, не дождавшись ответа, поторопилась через полицмейстерскую контору перейти к поимке садовников. Если и до этого захваты и аресты садовников также имели место, то теперь ловля их приняла массовый характер и вызвала панику в садах: «Другие, видя то,— рапортовал Поробич,— бросили полив, мельницы с распущенными парусами и разбежались, отчего, если бы не помощь из посторонних садов, 3 мельницы погибли бы совсем» [89]. Это сообщение является лишь одним из более ярких примеров нарушения нормальной работы и жизни садов, о чем неустанно рапортовал

[86] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. IV, лл. 85, 369.
[87] ПСЗ, т. XIV, № 10760, стр. 793; т. XV, № 10791, стр. 154, 155.
[88] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. III, л. 541 об.
[89] Там же, л. 544 об.

Поробич в течение не одного года. Администрация садов подверглась допросам, оба администратора, и Поробич и его заместитель, лишены были права выезда в Петербург до окончания следствия. Однако чрезмерное усердие, с каким губернская канцелярия расправлялась с садами, привело ее к конфликту с Кабинетом [90].

Чтобы обеспечить возможность работы садов, Кабинет прежде всего запретил захват садовников без ведома Садовой конторы. В то же время, считая, что укрывательство беглых — «противное и обществу весьма предосудительное зло», которое должно быть пресечено, Кабинет известил губернскую канцелярию и Садовую контору о назначении специального следствия для выявления «подозрительных» в составе рабочих садов. Признавая прием на работу беглых под видом праздношатающихся и непомнящих родства «вредными следствиями» данных Садовой конторе прав и незнанием Поробича как чужестранца порядков и законов русских, Кабинет указал, чтобы без согласования с губернской канцелярией «ни единая душа приимана не была, ибо рассмотрение о таких людях... надлежит к оной губернской канцелярии, а не к Садовой конторе» [91].

В то же время, поддерживая авторитет Садовой конторы, Кабинет дал специальное разъяснение губернской канцелярии относительно значения казенных садов, указал обязательные формы сношений и наградил Поробича чином премьер-майора и денежным жалованьем, как и других работников садов [92].

В результате трехлетней острой борьбы за людей категории праздношатающихся-вольных осталась по-прежнему источником пополнения рабочей силы садов, но свойственная, казалось бы, ей форма вольного найма вновь была заменена определением через губернскую канцелярию — при установлении действительной «вольности» каждого кандидата.

Рассмотренная история борьбы лишний раз показывает, что контингент праздношатающихся-вольных мог в любой момент расшириться за счет жаждущих воли людей, уже оторвавшихся или готовых оторваться от земли и перейти на положение рабочего по найму.

Вместе с тем в условиях крепостнического государства этот контингент легко сокращался в силу разных мер внеэкономического принуждения, также характерных для эпохи первоначального накопления. Чуть ли не за каждой парой рабочих рук, считавших себя вольными, тянулась другая пара рук. Права господина сохраняли свою силу, хотя бы заявка на работника предъявлялась таким высоким потребителем, как Кабинет, почти отождествлявшимся с короной.

[90] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. IV, л. 12а.
[91] Там же, лл. 192 об.— 193.
[92] Там же, лл. 6, 54, 65, 65 об., 185—187 об.

* * *

Рассмотренный процесс формирования рабочей силы в Астраханских и Красноярских казенных виноградных садах показывает, в какие уродливые формы вылилась попытка создания крупного сельскохозяйственного предприятия без крепостных крестьян в условиях господства крепостного строя.

Садовой конторой были использованы самые разнообразные возможности комплектования рабочих, представлявшиеся как местными условиями Астрахани, так отчасти и в более широком масштабе другими районами тогдашней крепостной России. На протяжении всего лишь двенадцати лет был использован целый ряд категорий трудового населения, пополнявших постоянный рабочий состав садов. Среди этих категорий были люди, состоявшие на годовом жаловании, были безжалованные, квалифицированные и чернорабочие. Татары, «новокрещены и прочие иноземцы разных наций», непомнящие родства и особенно праздношатающиеся составили тот фонд, из которого черпались в это время рабочие кадры садов. Большую часть этого фонда составили «явившеся собою». Они добровольно шли, поступая на работу в сады и закрепляясь за ними, «из воли в неволю», по образному выражению Поробича. Праздношатающиеся являлись «собою» и в период определения их в сады губернской канцелярией, несмотря на допросы «с пристрастием», чинившиеся им для установления личности.

Но привлечение каждой из указанных категорий, в отдельности и вместе взятых, не могло разрешить «рабочего вопроса» садов; одни были малочисленны, из-за других шла острая борьба за возможность их использования. Борьба за рабочие руки была настолько трудной, что в процессе ее Садовая контора вынуждена была изыскивать все новые источники пополнения рабочей силы и представлять на рассмотрение Кабинета новые проекты ее комплектования.

Такими были проекты перевода солдат Астраханского конного полка, назначенных к отставке в 1758 и 1759 гг., но годных к работе, а также сверхкомплектных, перевода людей последней категории из Войска Донского и Волжского [93]. Несомненно, будущее садов, «умножение народа» при них, имел в

[93] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, № 114, кн. IV, лл. 170 об.— 171.

© ИГИ РАН

виду Поробич, настойчиво испрашивая у Кабинета разрешение на постройку «дома для приемышей», «незаконнорожденных», «по множеству здесь (т. е. в Астрахани.— *И. Ч.*) от вдов и девиц подкидышев». От них «со временем может быть государственная польза»,— писал он. Уже и источник дохода для этого дома «зазорным младенцам» подготовлялся Садовой конторой — в 1763 и 1764 гг. усиленно закладывался «самой выборной лозой» новый «огород», «который и наименован зазорных детей» [94]. Были и другие проекты, не встретившие отклика.

Большие трудности обеспечения садов работниками заставили Садовую контору ставить вопрос и о переходе на крепостной труд. В 1758 г., в самый разгар притеснений со стороны губернской канцелярии и усилепного бегства преследуемых садовников, признав, что Садовая контора с губернской канцелярией «спорить не в состоянии», управляющий садами запрашивал Кабинет: «Не позволено ль будет для содержания казенных садов и других заводов народом, откуда надлежит, умножить переведенцами, которые б уже находились всегда при оных заводах неотъемлимы» [95].

Однако за весь рассматриваемый период более удобным в интересах производства представляется наемный труд, несмотря на большой спрос на него в Астрахани и вытекавшие отсюда сравнительную дороговизну его и недостаток вольнонаемных рабочих. Выше отмечено было усиленное использование садами временных вольнонаемных рабочих для основных работ на производстве как в первые годы восстановления садов, так и в годы обострившейся борьбы и изъятия постоянных работников губернской канцелярией, защищавшей интересы душевладельцев. Отмечен и ряд работ, требовавших определенной квалификации, и работ подсобных, также из года в год выполнявшихся вольнонаемными. Некоторое время Садовая контора, как мы видели, пользовалась правом комплектования работников на жаловании и безжалованных самостоятельно, без определения их местной властью. Самое поступление на работу в сады приобретало тогда характер найма.

Наконец, целая система, если можно так выразиться, была применена Садовой конторой, чтобы иметь средства и людей для найма нужных работников. Безжалованные постоянные работники сверх обязательной для них двухмесячной работы в самое «нужное» время составляли тот контингент, к которому Садовая контора обращалась для выполнения разнообразных работ, но уже на условиях найма. Безжалованные, уходившие, дав по себе поруки, на годовые работы вне садов, вместо двух месяцев работы отдавали Садовой конторе 3 руб. в год для найма других людей. Эта часть создавала Садовой конторе денежный фонд, которым последняя могла свободно распоряжаться для вольного найма. Сохранившиеся случайные сведения подтверждают значительность этого фонда и, следовательно, материальную возможность использования наемного труда в расширенном масштабе.

[94] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIV, кн. V, лл. 291, 291 об.
[95] Там же, кн. III, л. 624 об.

Но попытка значительно расширить именно таким образом практику найма натолкнулась на неодолимое препятствие. Оно заключалось не в том, что не было предложения труда. Предложение труда имелось, что свидетельствует о наличии отрыва от средств производства значительной части населения, но этот отрыв не имел права на существование с точки зрения интересов господствующего класса. Использование людей, оторвавшихся от средств производства, встречало резкий отпор со стороны российского дворянства и чиновничьей бюрократии. Так, например, было на юге, где помещики проявляли особенный интерес к земле, но где не хватало рабочих рук для ее обработки. В то же время у определенных кругов дворянства, поместья которых были расположены в нечерноземной полосе, постепенно укреплялась тенденция перевода крестьян на оброк и в связи с этим известного поощрения отхода как источника оброчных платежей.

Э. С. Коган

РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ВОТЧИНЕ КУРАКИНЫХ В КОНЦЕ XVIII в.

В конце XVIII в. район Среднего Поволжья стал одним из важнейших центров развития крепостнических отношений. Экономическая история этого сравнительно нового для XVIII в. района представляет значительный интерес для изучения тех изменений в социально-экономическом строе крестьянства, которые были результатом развития товарно-денежных отношений и капиталистического уклада в стране.

В 80-х годах XVIII в. в Пензенском наместничестве дворянам принадлежало около 54% всей земли. В центральных, южных и восточных уездах концентрация земли в руках помещиков была еще более значительной, достигая примерно $^2/_3$ территории.

Для Пензенского наместничества в то время было характерно численное преобладание мелких помещиков. Вместе с тем выделялись крупные владельцы, в руках которых находилось большинство крепостного крестьянства и земельных угодий всего наместничества.

В начале 60-х годов XVIII в. помещичьи крепостные крестьяне составляли почти $^2/_3$ сельского населения наместничества. Формирование крепостного населения наместничества происходило путем не только «вольной» колонизации этого района и естественного роста населения, но и перевода сюда помещичьих крестьян из владений, расположенных в центральных районах России.

Около $^2/_5$ всей территории занимали земли, пригодные для пахоты. Земли Пензенского наместничества были по большей части черноземными. Так, в отношении Пензенского у. в «Топографическом описании...» отмечалось: «...материк во всей округе черной и тучной» [1]. Такими же были земли большинства

[1] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. Куракиных, старая опись, д. 1259. «Топографическое описание Пензенского наместничества. Описание Пензенского у.»

уездов. Урожайность основной сельскохозяйственной культуры — озимой ржи — в целом по наместничеству была относительно высокой, колеблясь в пределах от сам-4 до сам-6.

Для изучения истории крестьянства этого района значительный интерес представляет большая архангельская вотчина Куракиных, которая находилась в лесистом Городищенском уезде Пензенского наместничества. Эта вотчина была приобретена Куракиными в конце XVII в. По данным генерального межевания 1780-х годов, она занимала около 23 тыс. дес. земли.

Центром вотчины было с. Архангельское. В ее состав в середине XVIII в. входили также деревни Ключи, Уранки и Свинцовка. Во время 4-й ревизии население составляло 2016 душ обоего пола.

Помещичье предпринимательство в этом районе до конца 70-х годов XVIII в. было развито слабо и в экономике района играло незначительную роль. Собственного господского хозяйства Куракины в архангельской вотчине не имели. Первая попытка организации господского хозяйства была сделана в середине 60-х годов XVIII в. Планы организации хозяйства, разработанные для архангельской вотчины, совпадали с общей тенденцией развития помещичьего хозяйства этого района, наметившейся во второй половине XVIII в. Согласно этому плану, здесь предполагалось построить винокуренный завод.

Недостаточность авансированных средств, неуменье организовать хозяйство, в котором основное место должна была занять вотчинная мануфактура, а также сопротивление крестьян имели следствием то, что в 60-х годах XVIII в. в архангельской вотчине этот план не был осуществлен. Однако в начале 80-х годов XVIII в., т. е. после разгрома Крестьянской войны и усиления крепостнического режима, он был реализован, причем в более широких масштабах, чем было задумано в 60-х годах XVIII в. В 80-х годах XVIII в. в перестройку хозяйства были вложены значительные средства. Проводилась она самим владельцем этих вотчин А. Б. Куракиным, который в силу ряда политических причин должен был на длительный период оставить Петербург. В течение нескольких лет в архангельской вотчине были построены три винокурни с общей производительностью в 92 тыс. ведер вина в год. Здесь же, в вотчине, часть вина перерабатывалась на спирт. Были построены полотняная и суконная мануфактуры, кирпичная и поташная «фабрики», мучные и пильные мельницы, крупорушки, создана господская пашня и т. д.

При организации вотчинных мануфактур одним из основных являлся вопрос о форме эксплуатации крестьян. Предположения

в этом отношении нашли отражение в «Расчислении винокуренного завода».

Согласно «Расчислению», часть крестьян следовало перевести на барщину, а с остальных вместо денежного оброка брать хлеб по 120 пудов с тягла. Вместо несения государственных податей крестьяне должны были снабжать завод лесом. Иначе говоря, значительную часть крестьян предполагалось перевести с денежного оброка на смешанные повинности с преобладанием натурального оброка. На деле крестьяне были переведены на сельскохозяйственную барщину и заводскую работу.

Подавляющая часть работ по винокурению выполнялась «своими», т. е. крепостными, работниками. Крепостные крестьяне Куракина выполняли также большинство предварительных строительных работ. В июле 1785 г. А. Б. Куракин писал брату Алексею следующее: «Не могу еще снабдить себя равнодушием, видя болие месяца каждый день болие двух сот моих крестьян в тяжкой земляной работе упражненных, без них мы бы с места не тронулись, и посторонних ни за какие деньги в теперешную рабочую пору не нашли бы» [2].

В начале 90-х годов XVIII в., когда в основном уже были закончены работы по постройке винокурен, мельниц, кирпичных сараев, начались работы по расширению производства на полотняной и суконной мануфактурах, созданных несколько ранее в с. Павловском (бывшая деревня Ключи). Число работников на этих мануфактурах было доведено до 140 человек. После расширения здесь работало 20 ткачей, 5 шпульников, 15 скребольщиков, 15 картовщиков, 79 прядильщиц, 4 мотальщика, 5 стригольщиков и 1 ученик стригольщика.

Расширение работы на суконной и полотняной мануфактурах при одновременном развитии всех остальных отраслей хозяйства привело к широкому применению детского и женского труда. Мотальщики, пряхи и вязальщики щитов были «маловозрастными», т. е. детьми в возрасте от 11 до 16 лет.

Таким образом, создание большого господского хозяйства, основанного на крепостном труде, коренным образом изменило положение крестьян этой вотчины, более 80 лет находившихся на оброке.

Положение крестьянского хозяйства в 60—80-х годах XVIII в. нашло отражение в разнообразных материалах архивного фонда данной вотчины. В нем имеются подворные описи за 1771, 1783 и 1787 гг., оброчные ведомости за ряд лет (с 1767 по 1784 г.), реестр о наличии у крестьян денег (декабрь 1783 г.), челобитные крестьян, донесения приказчиков, распоряжения по вотчине и другие документы.

[2] ГИМ, ф. Куракиных, д. 118, лл. 37 об.— 38, 20 июня 1786 г.

Особенно ценной группой документов являются подворные описи. Их составление неразрывно связано со всей хозяйственной историей вотчины и классовой борьбой крестьян.

Подворная опись 1771 г. была составлена после того, как владелец вотчины отказался от своего плана развития предпринимательства и для повышения доходности увеличил оброк с крестьян. Увеличение оброка вызвало упорное сопротивление. Настаивая на снижении оброчного обложения, крестьяне в челобитных писали о своем разорении, плохом качестве надельной земли, ее недостатке и о других неблагоприятных условиях для ведения хозяйства. В одной из челобитных 1771 г. крестьяне архангельской вотчины предложили обследовать их «пажить» и таким образом убедиться, что повышение оброка невозможно. Вскоре после подачи крестьянами указанной челобитной была составлена первая подворная опись архангельской вотчины. Основной задачей при ее составлении был полный учет крестьянских хозяйств. В подворную опись были внесены сведения о составе семьи, включая данные о возрасте всех ее членов, о размере надельного землепользования, запасах зерна (молоченого и немолоченого), количестве скота, включая молодняк, домашней птице, постройках, количестве тягол, о вненадельных или «чищебных» землях, о промысловых и торговых занятиях крестьян. В опись внесли также сведения о размере обложения. Администрацией вотчины были сделаны примечания относительно платежеспособности каждого из крестьян. В случае неполной платежеспособности указывалось, какую часть оброка крестьянин все же может внести. Если крестьянин, по мнению вотчинных властей, мог внести больше положенного оброка, то указывается размер возможного оброка.

Одновременно с разработкой новых планов широкого вотчинного предпринимательства, в основе которого было развитие винокурения и зернового хозяйства, была составлена вторая подворная опись (декабрь 1783 г.). Сведения о положении отдельных крестьянских дворов были необходимы для решения вопроса о порядке перевода крестьян с оброка на барщину и о возможности отрезать часть крестьянских земель для создания собственного зернового хозяйства. При этом Куракина интересовали только размеры пахотных земель вне зависимости от того, надельные или вненадельные земли используют крестьяне для посевов. Именно поэтому вместо расчлененных данных о надельной и вненадельной земле, приведенных в описи 1771 г., были указаны общие размеры посева в озимом поле по каждому

двору. Снова были учтены полностью все запасы зерна и количество скота. Но в опись 1783 г. не попали сведения о промысловых занятиях крестьян, так как перевод крестьян на барщину и использование лесов на собственные помещичьи нужды предполагали вначале ограничение, а потом и полную ликвидацию крестьянских промыслов. В дополнение к подворной описи была составлена ведомость крестьян, «всегда» имеющих деньги. На основании этого списка в 1784 г. оброк для части крестьян был повышен от 8 р. 70 к. до 11—20 руб. с тягла.

Составление подворной описи 1787 г. относится к тому времени, когда уже выяснились в общих чертах контуры господского хозяйства. В вотчине уже действовали винокурни, велись строительные работы, а значительное количество крестьян было переведено на барщину. Перевод на барщину привел к сокращению крестьянских наделов и свертыванию промыслов по большинству хозяйств.

Для России 1787 год был годом почти повсеместного неурожая, не затронувшего, однако, Пензенское наместничество. Но неурожай вызвал резкий рост цен на зерно и в этом районе. Винокурение, на которое шел не только свой, но и покупной хлеб, при этих условиях могло привести к большому убытку. Поэтому вотчинная администрация решила приобрести необходимый для винокурения хлеб у своих крестьян. Выявление запасов зерна и было основной задачей при составлении подворной описи 1787 г. Ограниченные цели, поставленные при составлении описи, определили неполноту ее сведений. Тем не менее и эта опись содержит важные сведения о крестьянском хозяйстве: о размере посева в озимом поле, составе семьи, количестве тягол, наложенных на хозяйство. В описи имеется и общая оценка состояния каждого крестьянина — «достаточный», недостаточный»,— которая, по-видимому, целиком относится к обеспеченности зерном.

Таким образом, подворные описи создавались в разных условиях и с разными целями. Но при всем различии эти описи должны были удовлетворять одному требованию — наибольшей точности приводимых сведений. Решающим для оценки показаний подворных описей является то обстоятельство, что они составлялись при активном участии выборной вотчинной администрации, которая рекрутировалась из местного крестьянства и, следовательно, была хорошо осведомлена о хозяйственном положении отдельных крестьян. Правда, поскольку выборные крестьяне обычно принадлежали к зажиточной верхушке, они могли несколько снизить показатели для первостатейных дворов, но в силу прямой заинтересованности не должны были

снижать данные, относившиеся к средним и скудным дворам. Поэтому сведения о фактическом разорении дворов «средних» и «скудных» крестьян едва ли могут вызвать сомнение у исследователя. К этому надо добавить, что степень достоверности данных подворных описей подтверждается сопоставлением разных сведений внутри самой подворной описи, а также общей характеристикой и оценкой отдельных хозяйств, имеющихся в других материалах.

За основу анализа всех подворных описей взят отдельный крестьянский двор. При небольших интервалах в составлении описей (1771, 1783 и 1787 гг.) оказалось возможным поименно сопоставить большинство дворов по всем трем описям и проследить их судьбу за изучаемое время, т. е. определить направление и динамику изменений.

За основу группировки крестьянских дворов взята характеристика зернового хозяйства и прежде всего размеры посевов, как главный, определяющий момент. Посев как основа расчета является вполне обоснованным показателем. Именно такой принцип был принят В. И. Лениным для группировки крестьянских хозяйств земледельческих районов, к числу которых относится и изучаемый нами район.

Для определения потребности крестьян в зерне исходными были следующие данные: 1) состав семьи, 2) принятая в XVIII в. норма потребления (три четверти в год на человека). Это определяло потребительские нужды двора, с учетом, что остатки были сняты в декабре и до нового урожая оставалось восемь месяцев.

Площадь посева и установленная, по данным архива, норма высева отдельных культур помогают определить потребность в семенном фонде. Сопоставление полученного итога с данными описи о количестве наличного зерна выявило размер остатка или недостатка зерна.

Основным явлением в жизни оброчной архангельской вотчины Куракиных 60—80-х годов XVIII в. было расслоение крестьянства, выделение из его состава как первостатейного, так и скудного крестьянства. Формирование этих двух крайних групп крепостной деревни свидетельствует о развитии капиталистического уклада в стране и отражает одну из важнейших сторон процесса первоначального накопления.

К началу 70-х годов XVIII в. первостатейные крестьяне были уже заметной группой в крепостной вотчине. К ним можно отнести $^1/_5$—$^1/_6$ часть всех дворов.

Для хозяйств первостатейных крестьян характерно расширение посевов на вненадельных, «чищобных» землях, относитель-

но полное использование надельной земли (до 60%), накопление товарных остатков зерна, накопление денег и использование труда наемных работников.

Аренда пахотных земель в этом относительно малозаселенном в изучаемое время районе не получила широкого распространения. Некоторое значение имела аренда сенокосных делянок. Так, известно, что снятые в аренду покосы были у небольшого числа крестьян с. Архангельского и деревни Ключи [3]. Широкое распространение в данной вотчине получила не аренда, а распашка дикой или чищобной земли в пределах самой «дачи» Куракиных. Согласно материалам подворной описи 1771 г. и ряду донесений приказчиков, чищобные земли имелись в подавляющем большинстве хозяйств. Освоение чищобных земель производилось каждой крестьянской семьей в отдельности для собственного пользования. Эти земли не подвергались переделам, и их наличие не приводило к повышению обложения. Крестьянин деревни Ключи Кондратий Дунаев в 1771 г. имел на $^3/_4$ тягла надельной земли $^{15}/_{16}$ дес. в поле и платил оброка 6 р. 32 к. В том же размере при таком же наделе платил оброк крестьянин деревни Ключи Иван Федоров. Но Кондратий Дунаев имел чищобной земли 0,5 дес., а Иван Федоров 1 дес. в поле [4].

Неистощенные чищобные земли давали более высокие урожаи, чем надельные земли. Они являлись как бы условной собственностью отдельных крестьянских семей, продавались и покупались ими: «...чищобные свои земли другим продают за деньги и только в мир бес продажи оставляют деловую свою землю» [5].

Подъем «дикой» земли — степи, леса и т. д.— требовал затраты большого труда, наличия достаточного количества рабочего скота. Именно поэтому распашка чищобных земель в относительно значительных размерах была под силу только первостатейным крестьянам. В землепользовании первостатейных крестьян чищобная земля занимала от $^1/_3$ до $^2/_5$ всей земли. При наделе в 1,25 дес. в поле на тягло количество чищобной земли в хозяйстве первостатейных крестьян колебалось в пределах от 1,5 дес. до 2,5 дес. в поле, т. е. часто превышало полный тяглый надел. Так, крестьянин деревни Ключи Исак Гаврилов на два тягла имел всего 2,5 дес. земли в озимом поле. Кроме того, он имел 1,5 дес. земли чищобной. Крестьянин той же деревни Захар Визгалов на 1,5 тягла имел надельной земли $1^7/_8$ дес. Кроме того, он имел чищобной земли 2,25 дес.; крестьянин деревни Ключи Егор Анисимов на 1,25 тягла имел $1^9/_{16}$ дес. надельной земли; чищобной земли у него было 1,5 дес. Крестьянин той же деревни Петр Богомолов имел на 1,5 тягла надельной земли $1^7/_8$ дес., а чищобной земли 1,5 дес. и т. д. [6] Так как чищобные земли были наследственной собственностью, они фиксировали преимущественное положение первостатейных крестьян и их относительную независимость от распределения тяглой земли.

[3] ГИМ, ф. Куракиных, д. 1241, л. 73.

[4] ГИМ, ф. Куракиных, новая опись, д. 29, подворная опись 1771 г., деревня Ключи.

[5] ГИМ, ф. Куракиных, д. 1241, л. 285 об., декабрь 1773 г., челобитная крестьян борисоглебской (саратовской) вотчины.

Условная крестьянская собственность на чищобные земли сложилась в годы экстенсивной эксплуатации этих вотчин и до середины 70-х годов не вызывала возражений со стороны помещиков. Однако в годы Крестьянской войны отношение к этой категории крестьянских земель резко меняется.

Считая, что одной из причин недовольства крестьян являлся недостаток земли и ее плохое качество, А. Б. Куракин попытался увеличить размер надела за счет чищобных земель. Проведение в жизнь этого мероприятия А. Б. Куракин связал с осуществлением разработанного в это же время и из тех же соображений плана переселения значительного количества крестьян из архангельской вотчины в борисоглебскую (саратовскую). Первым мероприятием в отношении чищобных земель был приказ передавать их «в мир» для распределения по тяглам, а не продавать, как это делалось крестьянами раньше. В инструкции по управлению вотчиной, разработанной в декабре 1774 г. применительно к условиям восставшей вотчины, было записано, что переселяться крестьяне в другую вотчину могут только после того, как «здешние тяглые и чищобные земли будут сданы под тягло, без запущения под леса» [7]. Это распоряжение не задевало крестьян первостатейных, поскольку в первую группу переселявшихся вошли главным образом скудные и средние крестьяне. После подавления нового выступления крестьян весной и летом 1775 г. это распоряжение было распространено на чищобные земли всех крестьян архангельской вотчины и потому задело и крестьян первостатейных. В конце 1775 г. А. Б. Куракин приказал при переделе земли «всех крестьян поверстать землею равно, чтобы один перед другим ни малейшего в оной преимущества не имел и терпеть отнюдь, чтоб с тем вольницею без тяги пахали и своих деловых земель в залежи не запускали бы» [8]. Распоряжение об объединении земель, тяглых и

[6] ГИМ, ф. Куракиных, д. 29, подворная опись 1771 г., №№ 31, 29, 33, 37.

[7] ГИМ, ф. Куракиных, старая опись, д. 1245, лл. 205—211, 1775 г.

[8] Там же, лл. 188—191, декабрь 1775 г. Примечания Куракина на отписки К. Попова под рубрикой «отметки мои для исполнения».

бестяглых и раздело их на тягла на равном основании было повторено весной 1776 г.: «чтобы десятины на тяглы по наличности земли и всех крестьян были поделены и чтоб ни одно тягло перед другим ничего лишнего не имело; таким порядочным дележом крестьяне должны весьма довольны быть» [9].

Однако эти приказы, написанные в годы Крестьянской войны и предназначенные для «умиротворения» крестьян, не внесли серьезного изменения в крестьянское землепользование. Крестьянская вненадельная собственность продолжала существовать до перехода Куракина к широкому предпринимательству, т. е. до середины 80-х годов XVIII в. Первостатейные крестьяне полностью сохранили свои чищобные земли на весь этот срок.

Благодаря наличию вненадельных земель и более полному использованию земель надельных в хозяйствах крестьян первостатейных на душу мужского пола приходилось от 0,9 до 1 дес. посева в поле против 0,2 дес. у скудных крестьян и 0,5—0,75 дес. в хозяйстве крестьян средних.

Расширение посевов на вненадельных землях, относительно высокое использование надельных земель, общая высокая обеспеченность рабочим скотом имели следствием то, что в руках первостатейного крестьянства скапливались значительные запасы зерна. По данным подворной описи 1771 г., шестая часть дворов (51 хозяйство из 305), население которых составляло $^1/_4$ часть (515 душ из 2016 душ), с общим землепользованием в озимом поле в пределах от 3 дес. до 5 дес., имела треть всех запасов зерна, которыми располагали крестьяне этой вотчины — около 2000 четвертей из 5800 четвертей.

В 1783 г. 72 хозяйства с наибольшими посевами — от 4 до 10 дес. в поле,— составлявшие шестую часть всех дворов, где была примерно четвертая часть населения (714 душ обоего пола из 2373), имели около половины всех запасов хлеба по вотчине: более 2400 четвертей примерно из 5000 четвертей. У этой группы дворов концентрировалась основная масса товарных остатков зерна. Общий излишек зерна по указанной группе дворов в 1771 г. достигал около 730 четвертей, а в 1783 г.— 700 четвертей.

Однако следует при этом учесть, что при указанном выше размере посева (от 3 дес. в поле и выше в 1771 г. и от 4 дес. и выше в 1783 г.) не все первостатейные дворы имели товарные остатки зерна. Это было связано отчасти с насильственным сохранением больших семей путем запрета разделов. А. Б. Куракин писал, что он запрещает делиться крестьянам, так как знает, что разделы ведут к их разорению.

[9] ГИМ, ф. Куракиных, старая опись, д. 1245, лл. 180—184, 29 декабря 1775 г. Наказ Куракина новому приказчику.

По всем остальным группам дворов при меньшем посеве, в среднем расчете на двор как в 1771, так и в 1783 г. зерна на пропитание и весенний сев не хватало. В 1771 г. общий недостаток зерна определялся, примерно, в 600 четвертей, а в 1783 г. в 1300 четвертей.

Выявить полностью как остатки зерна для продажи, так и запасы «на черный день», а также обеспеченность крестьян хлебом можно только путем сопоставления запасов зерна, указанных в описи по каждому двору, с составом семьи и размером посева при учете нормы потребления, принятой в XVIII в., нормы высева и времени составления подворной описи. При таком расчете по дворам оказывается, что излишки зерна, носящие товарный характер, имелись в 1771 г. более чем в 50 хозяйствах вотчины (пятая-шестая часть всех дворов). Общий зерновой излишек по этим дворам на декабрь 1771 г. был равен примерно 900 четвертям.

Товаризация зернового хозяйства состоятельной части крестьян к 80-м годам значительно усиливается. К 1783 г. количество хозяйств с товарными остатками зерна выросло до 65 при общем росте числа дворов — с 305 до 349. Поэтому удельный вес выделенных нами дворов остался прежним, не превышая пятой-шестой части всех дворов вотчины. Однако общие излишки зерна выросли почти вдвое, примерно, до 1900 четвертей. Соответственно общему росту товарных остатков товарность зернового хозяйства многих первостатейных дворов между 1771 и 1783 гг. значительно усилилась. Приведем несколько примеров. В декабре 1771 г. крестьянин деревни Ключи Петр Богомолов, при семье в 12 человек и общем землепользовании в $3^3/_8$ дес., имел всего зерна 48 четвертей 5 четвериков, в том числе ржи, пшеницы и проса — 29 четвертей. Поэтому можно считать, что, после удовлетворения потребностей в пропитании и при учете количества зерна, необходимого для проведения посева, он мог продать не более двух четвертей зерна [10]. В 1783 г., при семье в 13 человек, он засеял в озимом поле 7 дес. Запасы зерна на декабрь 1783 г. составляли 121 четверть 4 четверика, в том числе ржи, гречихи, проса и гороха — 95 четвертей [11]. При учете потребности в пропитании и семян для проведения ярового сева можно считать, что Петр Богомолов в 1783 г. мог продать несколько более 60 четвертей зерна. Несмотря на общее

[10] ГИМ, ф. Куракиных, подворная опись 1771 г., деревня Ключи, д. 37.

[11] ГИМ, ф. Куракиных, подворная опись 1773 г., д. 39.

уменьшение надела между 1783 и 1787 гг., в 1787 г., при семье в 14 человек, он засеял в озимом поле 8 дес. В декабре 1787 г. общие запасы зерна в его хозяйстве достигали 172 четвертей 2 четвериков, в том числе ржи, пшеницы, полбы, проса и гречихи — 143 четверти 2 четверика. Из урожая 1786 г. к этому времени у него сохранилось 15 четвертей ржи. При указанном составе семьи и размере посева можно считать, что он мог продать около 107 четвертей зерна. При этом следует отметить, что в указанные годы выросло не только зерновое хозяйство, но и все остальные отрасли его хозяйства. Так, между 1771 и 1783 гг. количество лошадей в хозяйстве Петра Богомолова увеличилось с 3 до 6, а если считать и конский молодняк, то до 9; за то же время количество коров выросло с 4 до 6, а с телятами до 10; количество овец — с 15 до 27. Особенно сильно выросло количество ульев — с 20 до 150. Таким образом, на этом хозяйстве совершенно отчетливо можно проследить обогащение одного из первостатейных крестьян архангельской вотчины, прежде всего на базе товаризации зернового хозяйства.

Петр Богомолов был одним из самых богатых крестьян вотчины. В годы, когда большинство крестьян было переведено на барщину, он остался на оброке, согласившись «добровольно» платить по 20 руб. с тягла, при одновременном увеличении количества тягол, падавших на его хозяйство. Поэтому он в дальнейшем платил по 75 р. 66 к. в год, не считая мирских и подушных платежей, а с последними не менее 85—90 руб. в год. При этом следует отметить, что Богомолов не занимался одновременно промыслами, которые были распространены в вотчине. Значительное по своим размерам пчеловодство появляется в его хозяйстве только к началу 1780-х годов. Поэтому можно считать, что его обогащение было результатом развития именно зернового хозяйства.

Приведенный пример не был единичным явлением, о чем говорят сведения о хозяйстве некоторых других первостатейных крестьян. Крестьянин деревни Ключи Кондратий Дунаев в 1771 г., при семье в 4 человека и общем землепользовании примерно в $1^1/_2$ дес. (в том числе 0,5 дес. чищобной земли), в декабре 1771 г. имел всего зерна 57 четвертей, в том числе ржи, пшеницы, гречихи, проса и гороха 37 четвертей 6 четвериков [12]. При указанном составе семьи и размере посева он мог продать около 28 четвертей зерна. В 1783 г. при семье в 5 человек он засеял 4 дес. в озимом поле. Общие запасы зерна —

[12] ГИМ, ф. Куракиных, подворная опись 1771 г., деревня Ключи, д. 19.

113 четвертей 2 четверика, в том числе ржи, гречихи, проса, полбы и гороха — 57 четвертей 5 четвериков [13]. Можно считать, что товарные остатки зерна у него выросли до 44 четвертей. Несколько увеличилось и количество скота (лошадей с 2 до 3, а с молодняком до 4, коров с 2 до 5, овец с 8 до 11). В 1783 г. товарные остатки зерна по его хозяйству определяются в 47 четвертей. Подобно Петру Богомолову, в 1786 г. он согласился вносить оброк в сумме 20 руб. с тягла. Согласно ведомости о крестьянах, всегда располагавших наличными деньгами, у него было 100 руб. Кроме сельского хозяйства, Кондратий Дунаев занимался торговлей, но несомненно, что в основе его хозяйственной деятельности было сельское хозяйство.

Аналогичны показатели и по ряду других хозяйств. Так, товарные остатки зерна по хозяйству крестьянина деревни Ключи Василия Иванова между 1771 и 1783 гг. выросли с 62 четвертей, примерно, до 98 четвертей и только к 1787 г. снизились до 53 четвертей [14]. Общие излишки зерна у крестьянина деревни Ключи Никиты Терентьева в 1771 г. достигали 22 четвертей, а в 1783 г.— 132 четвертей. В 1787 г. они были также достаточно высокими — 88 четвертей [15]. В хозяйстве крестьянина той же деревни Ключи Игнатия Алексеева излишки зерна за те же годы изменились следующим образом: 1771 г.— 27 четвертей, 1783 г.— 91 четверть, 1787 г.— 113 четвертей [16]; в хозяйстве крестьянина Захара Григорьева с. Визгалова в 1771 г. было 11 четвертей излишков зерна, в 1783 г.— 58 четвертей, в 1787 г.— 82 четверти [17]; в хозяйстве Исака Гаврилова излишки зерна в размере нескольких четвериков в 1771 г. увеличились до 45 четвертей в 1783 г. и до 82 четвертей в 1787 г. [18]

Хозяйство большинства первостатейных крестьян сохранило товарный характер даже при значительном ухудшении условий развития крестьянского хозяйства в период предпринимательской деятельности А. Б. Куракина, когда А. Б. Куракин уменьшил размер крестьянского надела, запретил распахивать вненадельные земли, ограничил пользование лесами, повысил оброчное обложение.

[13] ГИМ, ф. Куракиных, старая опись, д. 1269, подворная опись 1783 г., деревня Ключи, д. 20.
[14] ГИМ, ф. Куракиных, подворная опись 1771 г., д. 78, подворная опись 1783 г., д. 80, старая опись, № 1281, подворная опись 1787 г., д. 71.
[15] ГИМ, ф. Куракиных, дд. 118, 124, 141.
[16] Там же, дд. 19, 28, 29.
[17] Там же, дд. 20, 29, 30.
[18] Там же, дд. 22, 31, 32.

Наличие товарных остатков зерна, промысловые занятия, торговая деятельность, пчеловодство имели следствием то, что первостатейные крестьяне отдавали в порядке уплаты податей сравнительно небольшую часть своих доходов. Этому способствовала также формально равная система распределения повинностей между крестьянами. Общая сумма оброка, которую собирали с вотчины, определялась, исходя из размера оброка с души (3 руб. с души с 1768 по 1783 г. включительно) и количества душ в вотчине по последней ревизии. Внутри вотчин общая сумма оброка распределялась не по ревизским душам, а по количеству тягол, падавших на хозяйство. Крестьянский мир, распределяя тяглую землю и повинности, учитывал не только количество венцов в хозяйстве, но и размер посева, давая несколько большее количество тяглой земли и, следовательно, несколько увеличивая обложение для тех крестьян, которые имели большие посевы.

Если принять наиболее часто встречающееся количество тягол, приходившихся в этой вотчине на семью с одним венцом, за принятую в вотчине норму наделения землей и обложения, то распределение тяглой земли внутри этой группы в зависимости от размеров посева можно будет выразить следующими данными (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение размеров посева в озимом поле с числом тягол (по группе хозяйств с одним венцом) в архангельской вотчине в 1783 г. [19]

Озимый посев в дес.	Число тягол, в %		
	менее одного тягла	одно тягло	более одного тягла
Без посева	100,0	—	—
1/4—1/2	66,7	33,3	0,0
1—1 3/4	11,7	60,0	28,3
2—2 1/2	4,0	59,2	36,8
3—3 1/2	—	36,4	63,6
4—4 1/2	—	62,5	37,5
5—5 1/2	—	33,3	66,7

Однако, поскольку распределением тяглой земли и податей занимались главным образом первостатейные крестьяне, увеличение количества тягол было относительно небольшим, хотя

[19] ГИМ, ф. Куракиных, подворная опись 1783 г., д. 147.

не было и строгого уравнительного распределения тяглой земли. Именно поэтому, даже при отступлении от уравнительного распределения тягол, обложение для первостатейных крестьян оказывалось достаточно легким, что было хорошо известно вотчинным властям. Так, приказчик И. Витковский писал А. Б. Куракину, что первостатейные крестьяне, «находясь в вольничестве, несут со скудными крестьянами равные тяги».

Преимущества первостатейных крестьян в отношении обложения достаточно ясно выступают при сопоставлении размеров обложения с размерами посева. Приведем несколько примеров. Крестьянин с. Архангельского Никита Андреев в 1783 г. засеял в озимом поле 1 дес. Следовательно, в трех полях он имел 3 дес. обрабатываемой земли. Согласно подворной описи 1783 г., на него было наложено 1 1/6 тягла, соответственно чему он платил оброк в размере 10 р. 15 к., т. е. на одну десятину приходилось 3 р. 38 1/3 к. Крестьянин деревни Ключи Петр Федосеев в 1783 г. засеял в озимом поле 5 дес. земли, а всего в три раза больше. По подворной описи 1783 г., он имел 2,5 тягла, соответственно чему платил оброка 21 р. 75 к. [20] На 1 дес. приходилось 1 р. 45 к., т. е. в 2,5 раза меньше, чем в первом случае. Самый богатый крестьянин архангельской вотчины Петр Богомолов, по данным подворной описи 1783 г., засеял в озимом поле 7 дес., следовательно, в трех полях он имел 21 дес. земли. Он платил в год 33 р. 35 к. оброка, т. е. по 1 р. 59 к. с десятины земли. Крестьянин деревни Ключи Иван Федоров, положенный в 1,5 тягла, за которые он платил 13 р. 5 к. оброка, в 1783 г. засеял в озимом поле 5 дес. земли, располагая, следовательно, 15 дес. в трех полях. Таким образом, в данном случае на 1 дес. приходилось всего 87 коп. оброка [21].

Сделанное наблюдение имеет силу и по вотчине в целом: чем больше посев, тем меньше платят крестьяне с десятины используемой ими земли. По данным подворной описи 1783 г., при посеве от 4 дес. до 7 дес. в поле крестьяне в среднем платили с десятины от 1 р. 58 к. до 1 р. 48 к., а при посеве до 2 дес. в поле — от 4 р. 7 к. до 2 р. 34 к.

Еще яснее это преимущество первостатейных крестьян в отношении обложения выступает при более полном учете хозяйства, т. е. при учете товарных остатков зерна и доходов хозяйства от промыслов.

Выше уже приводились сведения о хозяйстве крестьянина деревни Ключи Петра Антипова Богомолова. В 1783 г. за 60 чет-

[20] ГИМ, ф. Куракиных, подворная опись 1783 г., деревня Ключи, д. 147.

[21] Там же, д. 60.

вертей зерна он мог получить при существовавших ценах от 75 руб. до 90 руб. (цены на хлеб колебались в пределах от 1 р. 25 к. до 1 р. 50 к., поднимаясь в неурожайные годы до 2 руб.). Пчельник на 150 ульев мог дать около 60—70 руб. Петр Богомолов вносил оброк в размере 33 р. 35 к., а с мирскими сборами и подушной податью примерно 40 руб. Таким образом, подати и другие сборы поглощали не больше $^1/_4$—$^1/_5$ его годового дохода. При этом следует учесть, что фактический доход Петра Богомолова был несколько выше приведенного. Он имел возможность выждать установления более высоких цен на рынке, так как всегда имел достаточно средств для внесения оброка. Некоторую сумму он мог получить за счет продажи мяса, шерсти, молодняка и т. д.

Аналогично соотношение между доходностью и суммой платежей в хозяйстве крестьянина деревни Ключи Василия Иванова [22]. Товарные остатки зерна на 1783 г. в его хозяйстве достигали, примерно, 98 четвертей, что могло дать ему от 125 до 150 руб. За $2^5/_6$ тягла он должен был вносить ежегодно 24 р. 65 к. оброка. Общие платежи, считая мирские сборы и подушные, были равны примерно 30 руб. или немногим больше. Таким образом, Василий Иванов на уплату всех податей должен был отдать также не более $^1/_4$—$^1/_5$ своего дохода. Следует при этом отметить, что его хозяйство, как и хозяйство Петра Богомолова, могло дать несколько более высокий доход, чем принято в расчет, так как он имел 20 овец, 15 свиней, а следовательно, мог продать некоторое количество шерсти, овчин и мяса.

Полный расчет данных подворной описи 1771 г., т. е. учет по всем хозяйствам возможного дохода от продажи зерна и продукции промысла (рогожного и пчеловодства), показывает, что в большинстве случаев платежи первостатейных крестьян не превышали $^2/_5$ возможного годового дохода их хозяйства.

В 1770—1780-е годы первостатейные крестьяне вотчины располагали значительным количеством наличных денег. После подавления Крестьянской войны крестьяне архангельской вотчины были наказаны сержантом И. Г. Макгутом, специально для этой цели присланным в вотчину Опекунским советом. Наказание заключалось не только в порке плетьми под виселицей, но и в сборе с крестьян значительных денежных штрафов. Размер штрафов колебался в пределах от 5 руб. до 200 руб. [23] Всего с крестьян было собрано 1029 руб. Штрафы с зажиточных крестьян колебались в пределах от 20 руб. до 200 руб. Такие штрафы были взяты с 12 самых состоятельных крестьян вотчины. В большинстве случаев это были те крестьяне, которые, согласно подворной описи 1771 г., имели товарные остатки зерна: Федор Меркульев (9 четвертей), Иван Федоров (16 четвертей), Емельян Архипов (19 четвертей), Архип Панкратов (22 четверти), Никифор Терентьев (24 четверти), Петр Степанов (27 четвертей), Егор Анисимов (37 четвертей), Василий Иванов (65 четвертей) [24].

Приведенные данные о штрафах только частично отражают процесс накопления денежных средств в руках верхушки крестьянства. Полнее он отражен в специальной ведомости, составленной в декабре 1783 г. вотчинными властями — бурмистром Е. Анисимовым и старостою Петром Петровым [25]. В ведомость были включены только те крестьяне, которые имели «всегда» на руках не менее 20 руб. Из 371 хозяйства вотчины деньги в таком количестве оказались в 141 хозяйстве (38% дворов). Всего по этой ведомости у крестьян насчитывалось 11 415 руб. наличных денег.

Сопоставление этой ведомости с материалами подворной описи 1783 г. показывает, что значительное количество денег было накоплено теми крестьянами, которые имели большие посевы и товарные остатки зерна или вели товарное зерновое хозяйство и одновременно занимались торговлей, промыслами и т. д. В этом списке встречаются уже знакомые имена Петра Богомолова, имевшего «всегда» 1000 руб., Егора Анисимова, имевшего 600 руб., и др.

Важнейший показатель характера хозяйства первостатейных крестьян — применение наемного труда. Выяснение этого вопроса является самым трудным, ибо имеющиеся архивные материалы почти не содержат сведений о найме крестьянами работников. Однако такое умолчание не должно расцениваться как доказательство отсутствия применения в крестьянском хозяйстве наемного труда. Оно объясняется тем, что вотчинные власти интересовались крестьянином как плательщиком податей или работником. Поэтому они учитывали в крестьянском хозяйстве только то, что могло характеризовать работоспособность и платежеспособность крестьянина. Для разрешения поставленного вопроса, хотя бы в общей форме, следует исходить из

[22] ГИМ, ф. Куракиных, подворная опись 1783 г., деревня Ключи д. 80.

[23] ГИМ, ф. Куракиных, д. 1241, лл. 62, 71, 72, 74, 76, 77 об. и др.

[24] ГИМ, ф. Куракиных, подворная опись 1771 г., с. Архангельское, д. 80; деревня Ключи, д. 59; с. Архангельское, д. 10; деревня Ключи, д. 33, 52, 78, 121, 124.

[25] ГИМ, ф. Куракиных, д. 1281, лл. 299—307. «Ведомость крестьян, кои всегда наличные имеют у себя денги».

сведений о размере хозяйства, составе семьи, наличии избытков зерна и свободных денег. Сочетание всех этих фактов может свидетельствовать о необходимости и возможности использования наемного труда в крестьянском хозяйстве.

Особенно интересны в этом отношении хозяйства тех крестьян архангельской вотчины, которые имели значительные количества товарного зерна и были внесены в ведомость всегда имеющих наличные деньги, особенно в размере более 100 руб., т. е. самых состоятельных крестьян вотчины. Такие количества денег были по большей части в хозяйствах с посевом от 4 дес. в поле. Выше уже приводились сведения о крупном хозяйстве крестьянина деревни Ключи Кондратия Тимофеева. Семья его состояла из самого хозяина — 41 года, жены 44 лет и трех дочерей — 16, 11 и 5 лет. Таким образом, для выполнения основных сельскохозяйственных работ был только один полноценный работник. Он должен был обработать 8 дес. земли. Сенокосный участок давал 32 копны сена. Работниц в семье было всего две — жена и дочь. На их долю приходилось сжать 8 дес. урожая, не считая работ по молотьбе, веянию и т. д. А. Б. Куракин считал, что для уборки урожая с одной десятины за день надо поставить восемь серпов, т. е. восемь работниц. Его брат Алексей Борисович Куракин, которого никак нельзя заподозрить в слишком мягком отношении к крепостным крестьянам, считал, что Александр Борисович Куракин слишком угнетает крестьян, устанавливая такие «уроки». Агрономическая литература XVIII в. указывает, что в день десятину могло сжать 10—12 женщин. Следовательно, для уборки урожая с 8 десятин надо было затратить 80—96 дней, значит жена и дочь Кондратия Тимофеева должны были затратить около полутора месяцев на уборку урожая, что не соответствует срокам проведения сельскохозяйственных работ. Кроме того, на них же падало участие в уборке сена, уходе за скотом (3 лошади, жеребенок, 2 коровы, 3 теленка, 11 овец, 2 свиньи). Уже само количество работ, необходимых в этом хозяйстве, говорит за то, что Кондратий Тимофеев должен был пользоваться трудом наемных работников, если не постоянных, то временных. Денег для оплаты работников и хлеба, чтобы их прокормить, у него было вполне достаточно. По данным наших документов, за год работнику платили 4—5 руб. [26]

Аналогично было соотношение между количеством работников и объемом работ в хозяйстве крестьянина деревни Уранки

[26] ГИМ, ф. Куракиных. Настольный журнал борисоглебской вотчины, д. 1245.

Михайлы Петрова. Его семья состояла из него самого, 27 лет, жены 31 года, матери 66 лет, сыновей 9, 7 и 4 лет и дочери 1 года [27]. Следовательно, в семье были только один работник и одна работница. Они должны были обработать 8 дес. в двух полях с последующей уборкой урожая, убрать 100 копен сена в год, обеспечить уход за 18 головами скота. Михайла Петров имел также большой пчельник на 180 колод, т. е. занимался промысловым пчеловодством. Совершенно очевидно, что и в данном случае должен был применяться труд наемных работников. Михайла Петров имел 100 руб. денег по списку 1783 г. Можно привести и другие примеры.

Показательны материалы по хозяйству крестьянина деревни Ключи Егора Анисимова [28]. Согласно реестру 1783 г., Егор Анисимов имел 600 руб. наличных денег. Егору Анисимову было 67 лет. Он был вдов и с ним жила его дочь 37 лет, о которой в подворной описи 1783 г. было сказано, что она «хвора», и внук 8 лет. Таким образом, в этой семье имелся всего один работник, и то в преклонном возрасте. Тем не менее Егор Анисимов засеял в 1783 г. в озимом поле 2 дес. земли. Он имел покос на 50 копен сена, 25 голов скота и пчельник на 90 колод. В декабре 1783 г. по описи у него значилось зерна 111 четвертей 2 четверика. Товарные остатки зерна составляли около 83 четвертей. В подворной описи 1771 г. указывалось, что Егор Анисимов занимался торговлей. Несомненно, что такое хозяйство, включавшее в себя и промысловое пчеловодство, и зерновое хозяйство, и торговлю, при указанном составе семьи было просто невозможно вести без наемных работников.

Подобное же соотношение между размером хозяйства и количеством работников было еще в ряде хозяйств [29]. Все эти хозяйства не только нуждались в работниках, но и имели возможность их нанять, так как располагали значительными денежными суммами и были достаточно обеспечены зерном.

В материалах по вотчине сохранилось только одно прямое указание на применение труда наемной работницы. В феврале 1775 г. один из крестьян деревни Ключи обвинил крестьянина с. Архангельского Ивана Никитина в краже полотна. При этом он сослался на рассказ «мордовки». В настольном журнале вотчины его рассказ был записан следующим образом: «Говорила де ему, Степанову, мордовка: как де я у вас находилась в

[27] ГИМ, ф. Куракиных, подворная опись 1783 г., деревня Уранки, д. 5.
[28] Там же, деревня Ключи, д. 34.
[29] Там же, дд. 44, 87, 110, 120 и др.

ржи. Все запасы продовольствия исчерпывались четырьмя четвериками гречихи и четвериком пшеницы. В то же время только на пропитание семьи до сбора нового урожая требовалось около 14 четвертей зерна. Кроме того, надо было иметь зерно для ярового посева. В 1787 г. он также не был обеспечен зерном в достаточной мере. При семье в 10 человек и посеве в $2^1/_4$ дес. он имел в декабре этого года всего 12 четвертей ржи, две четверти полбы и четыре четверти проса, что не могло удовлетворить его потребности в пропитании и проведении ярового сева.

Общий анализ сведений, приводимых подворными описями 1771 и 1783 гг. относительно зерна по дворам, дает следующие результаты [33]:

Таблица 2

Сведения об обеспеченности зерном крестьян с. Архангельского в 1771 и 1783 гг.

Земленользование или посев в поле в дес. от—до	Число дворов		Население (душ обоего пола)		Общий недостаток зерна (в четвертях)		Недостаток зерна на душу населения (в четвертях и четвериках)		Число дворов, обеспеченных хлебом	
	1771	1783	1771	1783	1771	1783	1771	1783	1771	1783
1	23	6	105	24	119	48	1—1	2—	5	—
1—2	152	76	817	408	365	598	—3,5	$1—3^3/_4$	52	4
2—3	79	125	579	743	132	478	—2	—5	28	33
3—4	39	56	369	450	—	103	—	$—1^3/_4$	17	20
4—5 и выше	12	72	146	714	—	—	—	—	7	34

По первой, второй и третьей посевным группам недостаток хлеба на душу населения был очень значительным, вплоть до 16 пудов в год на человека, т. е. $^2/_3$ годовой нормы потребления. При посеве от 3 до 4 дес. в поле небольшой недостаток мог вызвать только незначительное сокращение потребления. По существу, зерновое хозяйство для массы крестьян вотчины не давало ничего для покрытия оброчных, мирских и подушных сборов.

Большинство крестьян вотчины, чтобы уплатить подати и сборы, было вынуждено продавать хлеб, предназначавшийся для пропитания и посева.

[33] ГИМ, ф. Куракиных, с. Архангельское, подворная опись 1771 г., деревня Уранки, д. 22; подворная опись 1783 г., д. 8; подворная опись 1787 г., д. 5.

Общий подсчет дворов, не обеспеченных своим зерном по всей вотчине, включая и посевные группы более обеспеченных крестьян, дает следующие результаты. В 1771 г. дворов с недостатком зерна было 196 из 305, или 64,2%. В 1783 г. их число выросло до 258 из 349, т. е. до 79,3% (считая и 14 хозяйств без посева, не включенных в таблицу).

В некоторых случаях до положения нуждающихся в хлебе опускались такие дворы, которые еще десять лет назад были вполне обеспечены своим хлебом для пропитания на год и даже имели некоторые излишки зерна.

Обеднение этой части крестьянства усиливалось вследствие непрерывного роста феодальных повинностей с конца 60-х годов XVIII в. Между 1767 и 1785 гг. оброк с души вырос с 2 до 5 руб. при неизменной стоимости рубля. Разорению основной массы крестьянства содействовало и формальное равенство в обложении, т. е. обложение по тягловому признаку. Если это формальное равенство в обложении для крестьян первостатейных имело следствием относительную легкость обложения, то при недостаточном развитии зернового хозяйства и промыслов оно приводило к чрезвычайно высокому обложению, превышавшему возможности крестьянского хозяйства. Подати, приходившиеся на эту группу крестьян, значительно превосходили все возможные их доходы. Выше уже приводились сведения о том, что при небольшом посеве крестьяне платили в несколько раз больше податей (в расчете на десятину использованной земли), чем первостатейные крестьяне.

В ряде хозяйств даже продажа промысловой продукции не могла дать необходимой суммы денег. Так, крестьянин деревни Уранки Федор Калентьев в 1771 г. должен был внести 12 руб. оброка, а вместе с мирскими и подушными около 14—15 руб. В этом году он имел лыка на изготовление 200 рогож, что могло дать ему 10 руб. Следовательно, даже продав всю продукцию своего промысла, он не мог получить достаточно денег для уплаты податей. В то же время его зерновое хозяйство не только ничего не могло дать для покрытия расходов, но было совершенно недостаточно для удовлетворения собственных нужд. В декабре этого года он имел всего одну четверть муки, 0,5 четверти гречихи и 3,5 четверти проса. По существу, к декабрю он оставался вообще без хлеба: 12 пудов ржи и муки с трудом могло хватить на декабрь, так как семья состояла из восьми человек [34]. С января 1772 г. он должен был приобретать хлеб на рынке.

[34] ГИМ, ф. Куракиных, подворная опись 1771 г., деревня Уранки, д. 22.

© ГПБ

Поэтому в целом можно считать, что как самый размер обложения, так и тяглый принцип распределения повинностей способствовали разорению основной массы крестьян.

Совершенно очевидно, что приведенные выше расчеты только приблизительны; наиболее условным является определение той суммы денег, которую крестьяне должны были затратить на приобретение зерна. Она устанавливается на основании сведений о составе семьи, запасах зерна, норме потребления, времени составления описи, цен на зерно. Действительность должна была вносить значительные коррективы.

Крестьянин, отдавший всю выручку от промысла на уплату податей или продавший для этой цели зерно, значительно сокращал свое потребление или даже голодал, избегая таким образом расходов на зерно. Крестьяне многократно писали в своих челобитных, что они едят лебеду, смешанную с гнилой колодой, кормятся «христовым именем» и т. д. Таким путем можно было несколько сократить расходы на зерно. Однако при установлении уровня развития крестьянского хозяйства, степени обеспеченности крестьян зерном, соотношения возможных доходов с расходами нельзя исходить из потребления гнилой колоды или лебеды. Это было бы узаконением нищеты и недоедания. Определение состояния крестьянского хозяйства должно строиться на условии полного потребления крестьянами основных продуктов питания — хлеба, круп — и уже по отношению к этому полному потреблению должна даваться оценка крестьянского хозяйства.

Таким образом, из анализа хозяйства крестьян следует общий вывод о прогрессирующем разорении большей части крестьян (до 80% дворов) и о выделении в том числе значительной группы — не менее 20% — дворов скудных, т. е. совершенно разоренных крестьян. Этот общий вывод, полученный на основании анализа сведений подворных описей 1771, 1783 и 1787 гг., подтверждается и другими материалами. В начале 1772 г. земский А. Чесноков писал на имя Опекунского совета, управлявшего в это время владениями Куракиных: «При сем же... доношу не для какого с крестьянами огурства или к пользе их укрывательства, но самою истиною правдою: естли взыщется вся доимка, то конечно треть вотчины или больше не останется у них никакой пажити, ни скота, естли ж им скот и пажить не продать, другим оплатится нечем» [35].

Сведения, сообщенные А. Чесноковым, находят подтверждение в текстах крестьянских челобитных. В одной из них крестьяне писали, что уплатить оброк и всю недоимку смогут только около трети крестьян. Остальные должны будут для уплаты оброка не только продавать «свои» земли и дома, но и отдавать жен и детей в заклад [36].

[35] ГИМ, ф. Куракиных, д. 32, л. 27, 26 января 1772 г.

Непрерывно идущий процесс разорения одной части крепостной вотчины и обогащения другой ее части, т. е. процесс расслоения крепостного крестьянства, свое наиболее общее выражение находит в изменении состава посевных групп (см. табл. 3). Подвижность, изменчивость состава посевных групп, определяемая путем прямого сопоставления размеров посева по каждому из крестьянских дворов за разные годы, свидетельствует как об интенсивности расслоения крестьянства, так и о том, за счет каких слоев крепостной деревни формируются ее крайние группы.

Самой многочисленной была группа дворов с посевом в 1783 г. в пределах от 2 дес. до 2,5 дес. в озимом поле. Что же произошло с этой группой между 1783 и 1787 гг.? К 1787 г. один двор из этой группы вообще не имел посева, два двора засеяли менее чем по одной десятине, и 40 дворов снизили размер посева почти в два раза, засеяв по 1—1,5 дес. Следовательно, 43 двора (около 43%) этой группы между 1783 и 1787 гг. значительно снизили размеры посева в озимом поле. Одновременно пятая часть дворов той же группы за тот же период смогла расширить размеры своего зернового хозяйства. Так, 13 дворов в 1787 г. засеяли по 3—3,5 дес. в озимом поле, восемь дворов — по 4,5 дес., и один двор — более 5 дес. Неизменный размер посева сохранился только в 36 дворах (35,6%). Группа в целом потеряла две трети своего состава.

Тот же процесс изменения состава происходил и во всех остальных посевных группах, включая и группу с посевом в озимом поле в 1783 г. в 5—7 дес.

Если таким же путем проанализировать все те изменения, которые произошли между 1783 и 1787 гг. по всем посевным группам, то можно будет сделать общий вывод, что за эти годы, т. е. за сравнительно короткий промежуток времени, неизменный размер посева сохраняется только в незначительной части дворов — в среднем не более одной трети. Каждая посевная группа выделяет из своего состава значительную часть дворов обедневших, сузивших свои посевы. Из каждой посевной группы одновременно выделяется некоторое количество дворов, расширивших свои посевы. За счет этого непрерывного изменения состава всех посевных групп, т. е. за счет непрерывного

[36] Там же, лл. 149—150, сентябрь 1772 г.

Архангель
Изменения в составе посевных

Группы хозяйств по размеру посева в озимом поле в 1783 г. (в дес.)	Число хозяйств в группе	Из них имели посев	
		без посева	1/4—2/3
Без посева	3	*1* *(33,3%)**	1
1/4—2/3	3	2	*1* *(66,6%)*
1—1 1/2	45	4	4
2—2 1/2	101	1	2
3—3 1/2	43	—	—
4—4 1/2	32	—	—
5—8	33	—	—
Всего	260	8	7

* Курсивом отмечены цифры, характеризующие хозяйства, которые не претерпели

изменения хозяйственной мощности большинства крестьянских хозяйств, формируются крайние группы крестьянства — группа крестьян совершенно разорившихся и группа крестьян первостатейных. Эти группы изменяются не только по своему составу, но и численно.

Разорение одной части крестьян, падение хозяйства средней группы дворов должны были иметь следствием работу крестьян по найму в хозяйстве крестьян первостатейных и уход на заработки из вотчины. Эта сторона жизни крепостной вотчины также зафиксирована в некоторых источниках. Так, в общей форме имеются сообщения о денежной зависимости массы крестьян от первостатейных. В 1774 г. состоятельная часть крестьян вотчины была оштрафована за участие в Крестьянской войне. По-видимому, именно по их настоянию и в защиту их интересов вся архангельская вотчина просила в специальной челобитной вернуть им те деньги, которые были взяты в качестве штрафа. Просьба эта сопровождалась указанием на то, что все остальные крестьяне брали у первостатейных деньги в долг во время

Таблица 3

ская вотчина
групп между 1783 и 1787 гг.

в озимом поле в 1787 г., в дес.				
1—1 1/8	2—2 1/8	3—3 1/8	4—4 1/8	5—8
—	1	—	—	—
—	—	—	—	—
20 *(44,42%)*	12	3	1	1
40	*36* *(35,6%)*	13	8	1
6	16	*11* *(25,5%)*	6	4
6	10	6	*6* *(18,7%)*	4
2	7	5	5	*14* *(42,5%)*
75	82	38	26	24

изменений за 1783—1787 гг.

неурожая: «...Вотчины... с имущих крестьян от которых мы... в имевший у нас превеликой голод брали для пропитания заимно денег» [37]. Известно также, что во время обязательной поставки дров и бревен для Куракина некоторые крестьяне нанимали за себя работников.

В необходимости работы по найму для скудных и средних крестьян убеждает и характер хозяйства недостаточных крестьян. Нельзя себе представить существование семьи на протяжении почти двух десятков лет, при низком уровне развития зернового хозяйства, слабом развитии промыслов, при почти полной необеспеченности зерном, без того, чтобы эти крестьяне не обращались к работам по найму. Анализ их хозяйства наглядно показывает, что оно не давало достаточно зерна для пропитания и денег для уплаты податей, тем не менее семьи эти продолжали существовать на протяжении всего изучаемого периода, недоимки за ними не числились. С января месяца,

[37] ГИМ, ф. Куракиных, д. 1241, л. 214.

© ЦНТБ СО РАН

когда кончались запасы зерна, а деньги, вырученные за промысловую продукцию, уходили на уплату податей, единственным выходом для этих крестьян был уход на заработки из вотчины или работа в хозяйстве первостатейных крестьян своей же вотчины. В «Топографическом описании Пензенского наместничества» указывается, что крестьяне большинства уездов уходили на Волгу в бурлаки, на о. Эльтон для ломки соли, в казачьи городки на р. Дон на сельскохозяйственные работы, в извоз и т. д.[38] Эти сведения дают полную возможность предполагать, что в этой массе отходников были и те крестьяне из вотчины Куракиных, для которых уход на заработки был важным источником существования.

Таким образом, приведенные выше сведения говорят о значительном расслоении крестьянства вотчины, которое и было основным содержанием процесса первоначального накопления.

60—80-е годы XVIII в. были важным переломным периодом в развитии крестьянского хозяйства. Именно в эти годы в крестьянском хозяйстве произошли существенные изменения, связанные со складыванием в стране капиталистического уклада. На базе развития в стране товарно-денежных отношений из среды крестьянства начинает выделяться состоятельная первостатейная верхушка. Она включает в себя около $^1/_5$ —$^1/_6$ части крестьянских дворов, т. е. является уже достаточно заметной частью населения данной крепостной вотчины.

Для положения первостатейных дворов характерны товаризация зернового хозяйства, накопление товарных запасов зерна, накопление денег, развитие промыслов. Хозяева первостатейных дворов расширяют посевы на вненадельных землях, используя для этого возможности запашки чищобной земли в районе слабого развития господского хозяйства. Они относительно полно обрабатывают и свои надельные земли, которыми пользуются в несколько больших размерах, чем остальное крестьянство. Формально равное распределение податей дает возможность этой части крестьянства отдавать помещику, «миру» и государству только сравнительно незначительную часть своих доходов (в среднем не более одной трети — одной пятой).

На противоположном полюсе крепостной вотчины выделяется группа скудных крестьян, несколько более многочисленная, чем группа первостатейных. Их положение характеризуется все большим падением зернового хозяйства, сокращением посевов, неполным использованием надельной земли, постоянным недостатком зерна как для собственного пропитания, так и для посевов, постоянной задолженностью. Существование крестьян этой группы невозможно без работ по найму, без ухода на заработки. Непрерывный рост повинностей, усиление эксплуатации способствовали дальнейшему обеднению этой значительной части крепостного крестьянства.

[38] ГИМ, ф. Куракиных, д. 1259. «Топографическое описание Пензенского наместничества».

Основную часть населения изучаемой нами вотчины составляли крестьяне, средние по своей экономической характеристике. В их зерновом хозяйстве скапливались только незначительные избытки зерна, реализация которых не давала достаточного количества денег для выполнения всех феодальных повинностей. Часто их хозяйство не обеспечивало в полной мере удовлетворения их личных потребностей. Они не имели возможности сколько-нибудь значительно расширять посевы на вненадельных землях. В целом — это неустойчивая группа крестьян, за счет которой пополняется как группа первостатейных, так и группа скудных крестьян.

Указанные изменения в крестьянском хозяйстве архангельской вотчины происходили в условиях господства оброчной системы, в целом до начала 80-х годов XVIII в. Эта система содействовала росту расслоения крестьянства. Изменения, которые наступили как в помещичьем хозяйстве района, так и в хозяйстве Куракиных в 80-х годах, временно затормозили дальнейшее расслоение крестьянства. После создания господского хозяйства сократились или совсем прекратились промысловые занятия крестьян, были запрещены распашки чищобной земли, уменьшен крестьянский надел, часть крестьян была переведена на заводскую работу, часть — на сельскохозяйственную барщину. Те процессы, которые так интенсивно проходили в этой вотчине в 60—80-х годах XVIII в., с середины 80-х годов развиваются более медленными темпами. Но зато в эти годы значительное развитие получает господское хозяйство, помещичье предпринимательство.

И. А. Булыгин

РАССЛОЕНИЕ КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВЛАДЕНИЯХ ПОЛЯНСКИХ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в.

В истории первоначального накопления в России необходимо исследовать такие явления, как разложение крестьянства и крестьянский отход на заработки. Раскрытие этих явлений на частном примере владений Полянских в последней трети XVIII в. и ставит своей задачей настоящая статья.

* * *

Полянские не принадлежали к родовитому и старинному дворянству. Первые представители этой фамилии служили в XVII в. простыми подьячими в Саранском у.[1] В дальнейшем, из поколения в поколение, они все выше поднимались по служебной лестнице и в середине XVIII в. были уже столичными дворянами. Наиболее известен из них, пожалуй, адмирал Андрей Иванович Полянский, активный участник Семилетней войны. В 1761 г., командуя эскадрой, он осаждал Кольберг, за что и был награжден орденом Александра Невского. Военная карьера его младшего брата Александра не была столь успешной, и поэтому, воспользовавшись указом о вольности дворянской, он в 1765 г. оставил армию. В этом же году Александр Иванович женился на графине Елизавете Романовне Воронцовой, бывшей фаворитке Петра III[2], и занялся хозяйством.

А. И. Полянский был довольно крупным землевладельцем, хотя и не принадлежал к таким собственникам, какими были

[1] Государственный архив Пензенской области (далее — ГАПО), ф. Пензенского дворянского депутатского собрания, оп. 2, д. 2394, л. 1.

[2] Там же, л. 1 об.; «Русский биографический словарь», т. 14. СПб., 1905, стр. 487—489.

Шереметевы, Воронцовы, Юсуповы и т. п. Основные его владения находились в Саранском и Пензенском уездах Пензенской провинции[3]. Центром этих владений было крупное с. Богословское (Макаровка), расположенное в пяти верстах от г. Саранска. К нему примыкало несколько более мелких селений (сельцо Куликовка, деревни Горяевка, Свербеевка, Солдацкая и др.). В 30 верстах от г. Саранска находилось второе большое с. Пушкино (Воскресенское), у которого также было свое приселье. Третье крупное с. Мачкасы (Трехсвятительское) лежало еще дальше от уездного центра. В Пензенском у. А. Полянский владел с. Ивановским (Боровая Полянщина). Во всех этих селах и деревнях в 1769 г. числилось около 1300 душ мужского пола. В дальнейшем А. Полянский значительно расширил свои владения в этом районе. В конце XVIII в. он имел здесь уже около 2 тыс. душ и более 13 тыс. дес. земли. Непосредственное управление всей вотчиной осуществлял управляющий, назначаемый помещиком. Контора управляющего находилась в с. Богословском. Сам А. Полянский, живя постоянно в Петербурге, лишь временами наезжал в свое поместье.

В 1768—1775 гг. крестьянские повинности в пользу А. Полянского были неодинаковы. Примерно половина крестьян несла барщину. Каждое тягло (тягло или тягольный венец состоял из взрослого мужчины и женщины) должно было обрабатывать на помещика по 3 дес. земли, не считая посевов льна и конопли. Помимо этого, крестьяне платили натуральный и небольшой денежный оброк и отправляли подводную повинность. Другая значительная часть крестьян состояла только на денежном оброке — по 10 руб. с венца. Несколько маленьких деревень платили смешанный натурально-денежный оброк.

В 1776 г. А. Полянский произвел реорганизацию крестьянских повинностей. Все крестьяне были переведены на барщинно-оброчное обложение. Каждый тягольный венец обязан был теперь обрабатывать на помещика 1,5 дес. земли (кроме посевов льна и конопли) и платить 4 р. 75 к. денег. Полностью сохранилась подводная повинность и небольшие натуральные поборы. Необходимо, однако, заметить, что помещик не соблюдал установленной им нормы барщины. Фактически крестьяне обрабатывали, особенно в конце века, значительно больше полутора десятин на тягло.

[3] В 1780 г. Пензенская провинция была преобразована в наместничество-губернию и поэтому административная принадлежность некоторых селений Полянского несколько изменилась.

* * *

Материалы о хозяйственном положении пензенских крестьян А. Полянского и об отходе их на заработки отложились в вотчинном архиве Полянских, который ныне хранится в Центральном государственном архиве древних актов. Этих материалов не так много, но и то, что есть, представляет несомненный интерес. Наиболее ценными из них являются подворные описи с. Богословского и окружавших его деревень за 1773, 1777 и 1781 гг. По другим селам их не сохранилось.

Подворная опись 1773 г. содержит сведения только о наличии у крестьян скота. В описях 1777 г. имеются также данные о посевах ржи и наличии хлеба. К сожалению, запасы наличного хлеба даны главным образом в телегах, реальное значение которых установить трудно. В подворных описях 1781 г. снова даются сведения об обеспечении крестьян скотом. Здесь же перечисляются хозяйственные постройки во дворах крестьян. Сведения о хлебе приводятся лишь в отдельных случаях и поэтому систематизировать их не представляется возможным.

В. И. Ленин, изучая историю крестьянства в пореформенную эпоху, положил в основу группировки крестьянских дворов следующие основные признаки: обеспечение землей (размеры посевов, наем и сдача земли в аренду), рабочим скотом, использование наемной рабочей силы одной стороной и продажа ее другой. Эти признаки применимы и при изучении положения крестьянства в дореформенное время, в частности в конце XVIII в. Материалы наших подворных описей позволяют произвести группировку крестьянских хозяйств по наличию лошадей и другого скота, а за 1777 г. также и по размерам посевов ржи и по количеству имевшегося хлеба. Чтобы не загромождать изложение, мы берем для анализа данные только по наиболее крупному с. Богословскому, потому что сведения по окружавшим его деревням приводят в основном к тем же выводам.

Нижеследующая таблица (табл. 1) дает представление об обеспечении крестьян с. Богословского рабочим и не рабочим скотом в 1773 г.[4]

Рассмотрение таблицы позволяет сделать следующие наблюдения. Прежде всего бросается в глаза факт глубокого имущественного неравенства. Самой многочисленной группой являлись безлошадные крестьяне — они составляли 25% всех крестьянских хозяйств. По существу, они не имели не только лошадей, но и другого скота: на 19 дворов приходилась лишь одна

[4] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 159, лл. 1—8 об.

Таблица 1

Группы хозяйств	число дворов		В них: лошадей		коров		овец		свиней	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Безлошадные . .	19	25,0	—	—	1	0,4	3	0,6	—	—
С числом лошадей:										
1	14	18,4	14	7,4	20	8,9	67	13,3	12	17,9
2	14	18,4	28	14,9	50	22,3	102	20,2	7	10,4
3	9	11,8	27	14,4	26	11,6	71	14,1	7	10,4
4	9	11,8	36	19,0	43	19,2	80	16,0	9	13,6
5 и более	11	14,6	83	44,3	84	37,6	182	35,8	32	47,7
Итого	76	100,0	188	100,0	224	100,0	505	100,0	67	100,0

корова и три овцы. Понятно, что, лишившись лошадей, эти крестьяне не могли обрабатывать своими силами не только помещичью, но и собственную надельную землю.

Противоположную им группу составляли богатые крестьяне, владельцы пяти и более лошадей. Их было всего около 15% от общего количества дворов, но им принадлежало почти 45% всех лошадей на селе. Одиннадцать дворов богачей имели 83 лошади или в шесть раз больше, чем 14 дворов однолошадных крестьян. Достаточно сказать, что крестьянин Степан Андреев имел 17 лошадей, т. е. больше, чем все однолошадные вместе взятые. Богатые крестьяне сосредоточивали в своих руках большую часть и нерабочего скота — около 50% всех свиней и 36—38% коров и овец.

Промежуточное положение между этими двумя группами занимали крестьяне средней состоятельности, имевшие от одной до четырех лошадей.

Некоторые из них, как признавала сама вотчинная администрация, не в состоянии были полностью выполнять лежавшие на них повинности. Так, двор Тимофея Ефимова имел три венца, т. е. должен был обработать на помещика не менее 9 дес. земли. Фактически же он выполнял, и то «с нуждою», норму для двух венцов. Семья Кирилла Федорова из деревни Солдацкой отправляла обязательства только на один венец вместо положенных трех [5].

[5] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 149, лл. 1, 16; д. 159, лл. 1, 12; д. 165, л. 12.

© ГПИБ СОРАН

Группы хозяйств	В						
	число дворов		посева ржи			наличие	
						телег	
	всего дес.	%	всего дес.	%	сред. размер на 1 двор в дес.	всего	%
Безлошадные . .	33	40,8	2,75	4,3	0,08	26	2,5
С числом лошадей:							
1	16	19,9	10,5	17,0	0,7	119	11,4
2	15	18,5	16,25	25,0	1,08	211	20,1
3	6	7,4	7,5	11,3	1,25	130	12,4
4	5	6,2	7,5	11,3	1,5	139	13,3
5 и более	6	7,2	20,5	31,1	3,41	421	40,3
Итого:	81	100,0	65,0	100,0	—	1046	100,0

Еще более контрастную картину дает подворная опись 1777 г. [6], данные которой приводятся в табл. 2.

Как видим, имущественное расслоение среди крестьянства А. Полянского за прошедшие четыре года резко усилилось. Группа безлошадных крестьян увеличилась с 19 дворов до 33 и составляла уже более 40% всех крестьянских хозяйств. Из нерабочего скота на их долю приходилось лишь четыре овцы и четыре свиньи, т. е. по существу они не имели и его. Цифры о посевах ржи еще более важны и показательны (опись производилась в октябре, поэтому сведения о посевах яровых хлебов отсутствуют). Все 33 безлошадных крестьянина посеяли менее 3 дес., что составляло лишь 4,3% всех посевов ржи. В среднем на каждый двор приходились сотые доли десятины. Но подавляющая часть безлошадных не имела и этого: 26 дворов из 33 вообще не сеяли ржи в этом году. Не лучше обстояло дело и с запасами наличного хлеба. Все безлошадные крестьяне имели только 26 телег необмолоченного и 4 четверти (около 30 пудов) обмолоченного хлеба, что составляло около 3% от общего количества наличного хлеба в селе. О большинстве безлошадных крестьян в описи сказано, что у них «скота и не бывало» или вообще «нет ничего». Очень часто встречаются указания на то, что крестьяне «кормятся по миру». Некоторые крестьяне «кормятся покупкою», т. е. покупают хлеб.

[6] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 216, лл. 1—22 об.

Таблица 2

Из них									
хлеба		лошадей		коров		овец		свиней	
четвертей									
всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
4	3,2	—	—	—	—	4	1,2	4	4,0
15,5	12,5	16	12,0	6	10,7	27	8,1	15	15,0
34,75	28,0	30	22,6	15	26,8	91	27,7	23	23,0
6,5	5,2	18	13,3	10	18,0	47	14,1	19	19,0
22,25	18,0	20	14,9	8	14,2	37	11,1	7	7,0
41,0	33,1	50	37,2	17	30,3	126	37,8	32	32,0
124,0	100,0	134	100,0	56	100,0	332	100,0	100	100,0

Обобщая данные о безлошадных крестьянах, можно сказать, что они, лишенные земли и скота, по существу уже не вели и не могли вести своего крестьянского хозяйства и должны были поддерживать свое существование за счет других источников.

Группа богатых крестьян сократилась до 7,2%, но она попрежнему сосредоточивала в своих руках подавляющую часть лошадей — более 37%. Им же принадлежала и бо́льшая часть посевов ржи — 31,1% всех посевов на селе. В среднем на каждый зажиточный двор приходилось около 3,5 дес. посева, т. е. больше, чем засевали все 33 двора безлошадных крестьян. Контрасты, как видим, поразительные. Независимо от того, каковы были нормы наделения землей (точных данных об этом в архиве Полянских не сохранилось), фактическое землепользование далеко не было уравнительным и свидетельствовало о резком расслоении оброчно-барщинного крестьянства. Сведения об обеспечении наличным хлебом дают ту же картину. Почти 37% всех запасов обмолоченного и необмолоченного хлеба находилось в богатых хозяйствах. Таким образом, зажиточные крестьяне, составлявшие $^1/_{14}$ всех дворов, сосредоточивали у себя $^1/_3$ всего общественного богатства села — земли, хлеба, а также лошадей и другого скота.

© ИНИОН РАН

Для того чтобы получилось более полное представление о богатых крестьянских хозяйствах, приведем здесь конкретные данные о некоторых из них. Самой богатой в селе была семья Степана Андреева, состоявшая из десяти человек взрослых и детей и несшая повинности с 2,5 венца. Она имела 16 лошадей, 6 коров, 8 свиней и 40 овец. К будущему году было посеяно 7 дес. ржи, т. е. всей земли, очевидно, было не менее 20 дес. Наличного хлеба в момент описания имелось 100 телег ржи, 20 телег овса, 6 телег полбы и 8 четвертей ярового обмолоченного хлеба. По самым скромным подсчетам, всего хлеба у Степана Андреева в это время было не менее 1000 пудов. Из этого количества значительную часть он, конечно, имел возможность продать на рынке. В общем в одном этом хозяйстве земли и скота было почти столько же, сколько у 16 однолошадных крестьян. Другой сельский богатей, Прокофий Иванов, имел 10 лошадей, 2 коровы, 8 свиней, 30 овец и 5 дес., засеянных рожью. Наличного хлеба было 100 телег ржи, 55 телег необмолоченного овса и 11,5 четверти обмолоченного; таким образом, товарного хлеба у Прокофия Иванова было не меньше, чем у Степана Андреева.

Число средних крестьян за четыре года также уменьшилось. Несомненно, что прежде всего за счет однолошадных крестьян, шло пополнение группы безлошадных. Об этом имеются и прямые данные. Дворы Афанасия Федорова, Ивана Никитина, Ивана Иванова и Петра Макеева, имевшие в 1773 г. лошадей, к 1777 г. лишились их. Нищали и более состоятельные хозяйства. Крестьяне Николай Андреев и Иван Никитин в 1773 г. имели по две лошади, а теперь также попали в число безлошадных.

Из подворной описи 1777 г. нельзя не видеть, что за прошедший четырехлетний период крестьяне вообще обеднели: сократилось общее количество лошадей, резко уменьшилось поголовье коров и т. д. У нас нет прямых свидетельств о причинах этого явления. Но, вероятно, большую роль сыграли неурожаи, имевшие место в это время. Особенно трудным был 1774 год, когда яровые посевы совсем пропали. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что после восстания Е. И. Пугачева, в котором крестьяне с. Богословского и окружающих деревень приняли активное участие, с них взыскивалось захваченное ими помещичье имущество. Несмотря на неурожай, не давалось скидок и в сборе оброка. Управляющий С. Козырев писал, что хотя крестьяне и помирают без хлеба, но деньги с них взяты [7].

[7] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 178, лл. 10, 11 об.; д. 176, лл. 5, 19.

Данные описи позволяют судить о том, какие хлеба возделывались крестьянами. При описи всех дворов, где имелся хлеб, на первом месте назывались рожь и овес. Затем перечислялись полба, гречиха, просо и конопля. Пшеница имелась только в пяти дворах.

Переходим к анализу последней известной нам подворной описи 1781 г., материалы которой обобщены в следующей таблице (табл. 3)[8].

Таблица 3

Группы хозяйств	В них									
	дворов		лошадей		коров		овец		свиней	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Безлошадные . .	20	26,0	—	—	1	0,6	2	0,3	—	—
С числом лошадей:										
1	16	20,8	16	8,8	20	12,7	62	10,3	29	18,0
2	13	17,0	26	14,3	18	11,4	73	12,0	25	15,6
3	7	9,0	21	11,5	21	13,2	57	9,5	10	6,2
4	11	14,2	44	24,2	38	24,0	170	28,1	38	24,0
5 и более	10	13,0	75	41,2	60	38,1	240	39,8	58	36,2
Итого . . .	77	100	182	100	158	100	604	100	160	100

Количество безлошадных крестьян, как видно из таблицы, значительно сократилось по сравнению с 1777 г. и стало почти таким же, каким было в 1773 г. Группа богатых крестьян, наоборот, увеличилась в два раза и также приблизилась к 1773 г. Несколько увеличилась средняя группа. В общем картина имущественного расслоения приблизительно такая же, как и в 1773 г.

В описи имеются сведения о состоянии крестьянских построек. Они также свидетельствуют о большом имущественном неравенстве среди крестьян. У безлошадных и однолошадных крестьян изба, как правило, «ветхая», а то и вообще «двора нет и живут в чужих людях». У богатых же совсем другое дело. Уже упоминаемые нами Степан Андреев и Прокофий Иванов имели: первый две избы, а второй три, у каждого были, помимо того, сени, амбар, конюшни, сараи и бани.

Данных о землепользовании и посевах в описи 1781 г. не имеется. Но за этот год сохранились другие материалы, которые в какой-то мере восполняют этот пробел. Так, новый управляю-

[8] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 252, лл. 19—32.

© ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ

щий имением А. Калинин, приехавший в с. Богословское в 1781 г., писал, что часть крестьян не в силах обработать свою надельную землю и отдает ее в наем «татарам» и другим «посторонним людям», которыми «все поля наполнены были». А у многих, добавлял он тут же, земля вообще оставалась в «залежах». Крестьяне соседнего с Богословским сельца Куликовки, чтобы заплатить подушные, отдали в аренду 20 дес. земли на 10 лет в город [9] (вероятно, Саранск.— *И. Б.*). В то же время имелись крестьяне, которые брали в аренду землю у своего помещика. В 1780 г. самый богатый крестьянин деревни Солдацкой Федор Козмин (в 1781 г. он имел 15 лошадей, 14 коров, 50 овец и др.) взял на «распашку» до 1785 г. одну десятину земли с платой по 2 руб. в год. В 1780—1781 гг. староста деревни Горяевки Василий Корнев «снимал» шесть «осминников» (1,5 дес.) за полтора рубля в год [10]. Надо думать, что зажиточные крестьяне арендовали землю не только у помещика, но и у своих разорившихся односельчан.

Таким образом, те контрасты в землепользовании, которые наблюдались в 1777 г., сохранились и позднее.

Обобщая данные трех подворных описей, можно сказать следующее. Среди крестьян А. И. Полянского в 70—80 годах XVIII в. наблюдалось такое расслоение, в результате которого образовались уже довольно устойчивые группировки крестьян.

С одной стороны, мы видим богатую верхушку. Сравнительно немногочисленная, составлявшая 12—14% всех крестьянских хозяйств, она сосредоточила в своих руках 35—45% посевов, лошадей, коров и другого скота. Вместе с тем зажиточные крестьяне имели значительные запасы товарного хлеба. Следует отметить, что помещик на протяжении последних 30 лет XVIII в. не раз обращался к ним, занимая семена и деньги [11].

С другой стороны, мы видим бедняков, безлошадных крестьян, число которых не опускалось ниже 25% от общего количества дворов. Подавляющая часть из них не имела возможности обрабатывать свои земельные наделы и забрасывала их или сдавала богатым. Лишенные основных средств производства — земли и рабочего скота, безлошадные крестьяне не вели и не могли вести своего хозяйства. В силу сложившихся условий многие из них вынуждены были нищенствовать. О тяжелом положении многих крестьян свидетельствует широкая практика займа хлеба у своего помещика.

[9] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 246, л. 3.
[10] Там же, д. 252, л. 34 об.; д. 256. л. 2.
[11] Там же, д. 141, лл. 2, 1 об.; д. 192. л. 1; д. 484, лл. 4—4 об.

Помещик, естественно, не был заинтересован в том, чтобы его крестьяне были разорены настолько, что становились совершенно бесполезными в его хозяйстве. Отсюда понятна необходимость для помещика ссужать крестьян хлебом в особенно тяжелые годы.

В 1768 г. крестьянам с. Пушкина было дано на посев 28 четвертей 0,5 четверика ржи. На следующий 1769 г. они заняли еще 27 четвертей 6,5 четверика, теперь уже на пропитание [12]. Занимали в эти годы и крестьяне сел Мачкас и Куликовки [13].

24 мая 1774 г. земский с. Мачкас Е. Попов писал управляющему о решении мирского схода просить о ссуде ржи неимущим на пропитание: «...объявляют, что поистине нечего есть, приходится по миру ходить». По приказу С. Козырева им было выдано на пропитание 11 четвертей ржи [14].

В счетной книге с. Богословского за 1774 г. сохранилась ведомость от мая месяца, в которой показано, сколько выдано крестьянам ржи и муки взаймы и кто из них заработал этот хлеб работой на мельницах [15]. В ведомости числятся не только крестьяне с. Богословского, но и соседней деревни Солдацкой и сельца Куликовки. Всего заемщиков насчитывалось около 40 человек. Вероятнее всего предположить, что хлеб занимал глава семьи или двора. Исходя из этого предположения, а также зная общее количество дворов в селении, мы можем определить и процент занимавших [16]. Всего в указанных трех селениях в 1774 г. имелось 147 дворов. Следовательно, свыше 27% крестьянских хозяйств в этом году не могло обойтись без займа хлеба.

Занимали крестьяне чаще всего четверть ржи. Но некоторые крестьяне брали и больше. Например, Д. Андреев — три четверти ржи и четыре четверика муки, Матвей Васильев — две четверти ржи и т. д. Рожь оценивалась по 1 р. 50 к. и 1 р. 80 к. за четверть. Мука — 1 р. 30 к. за четверть [17].

В ведомости показано, кто и какой работой на мельницах погасил свой хлебный долг. Дело в том, что у А. Полянского в с. Богословском имелось две водяных мукомольных мельницы, которые в это время он сдавал в аренду копиисту Нижегородской духовной консистории Е. М. Протопопову. По условиям

[12] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 123, л. 15.
[13] Там же, д. 117, л. 49; д. 124, лл. 8—8 об.
[14] Там же, д. 132, л. 5; д. 180, л. 7.
[15] Там же, д. 165, лл. 71—73 об.
[16] В дальнейшем процент занимавших исчисляется тем же способом
[17] Трудно объяснить, почему мука расценивалась дешевле ржи. Вполне возможно, что она была низкого качества.

аренды Полянский получал за них часть мельничного дохода. В случае если бы на мельницах стали работать крестьяне А. Полянского (ремонт, запруда весной и т. д.), их труд должен был оплачиваться из общей суммы дохода [18].

Работы выполнялись следующие: поденщина (5 коп. в день), возка соломы и навоза (соответственно за воз — 3—5 коп. и 8 коп.), земли (за 1 сажень — 10 коп.). Возили также песок, забивали сваи и т. д.

За исключением одного человека, никто не сумел отработать долг, и больше половины его осталось на крестьянах.

В начале мая того же 1774 г. крестьянам с. Ивановского было дано на посев 30 четвертей 4 четверика овса. Всего прибегло к займу 40% дворов [19].

Положение о крестьянских повинностях, данное Полянским в 1776 г., предусматривало, чтобы неимущим крестьянам хлеб на семена выдавался «безвозбранно», сколько кто ни попросил бы. Но несколькими строками ниже помещик сам опровергал себя. Администрация должна была смотреть, можно ли с заемщика взыскать долг, для чего требовалось брать «поручительство надежных людей». На занятый хлеб определялся процент в размере одного четверика с четверти. Хлебный долг и процент вотчинная администрация должна была собрать с «первого снопа». Раздачей взаймы хлеба крестьянам, писал помещик, можно «маломощных и в состояние приводить» [20].

Есть указания, что хлеб крестьяне занимали в 1776, 1777, 1788 гг. Особенно много дано было овса крестьянам с. Ивановского в 1777 г.— 93 четверти 5 четвериков [21]. С начала 90-х годов сохранились более полные данные. В апреле 1792 г. 38 (26,5%) крестьянам с. Богословского, деревни Солдацкой и деревни Шапошниковой-Луховки раздавали в заем овес и частично рожь. В апреле 1793 г. займом пользовались 61 человек, или почти 42%, причем многие уже брали не только овес, но гречиху и рожь. В 1794 г. пользовались займом 51 человек, или 36,4% [22].

23 крестьянина, или около 55% всех дворов сельца Куликовки, заняли в мае 1792 г. 18 четвертей 6 четвериков овса на

[18] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 121, лл. 1—1 об.
[19] Там же, д. 178, л. 7 об.; д. 174, л. 3.
[20] Там же, д. 89, лл. 2, 6.
[21] Там же, д. 197, л. 31; д. 212, лл. 8—8 об.; д. 353, л. 5 об.
[22] Там же, д. 423, лл. 12—17 об.; д. 408, лл. 1—3 об.; д. 446, лл. 1—1 об.

посев. Из них 11 крестьянам выдали также рожь и гречиху [23]. В мае следующего года заемщиков из сельца Куликова оказалось 44 человека, или 100% всех крестьянских дворов [24].

В деревне Свербеевке в 1792 г. заняло 50% крестьян, а в 1793—1794 гг.— 68,2%. При этом половина заемщиков 1792 г. встречалась и в 1793 г.[25]

Крестьянам деревни Горяевка в эти годы также раздавалась рожь, овес и гречиха. В 1793 г. их было 44 человека, или 80%, и в 1794 г.— 21 человек, или свыше 38% [26].

В марте 1798 г. управляющий писал А. Полянскому, что рожь, привезенная из с. Ивановского, очень сырая и затхлая и поэтому он думает, если озимь будет хорошая, раздать плохую рожь «мужикам», а потом взять с них свежей [27].

Как видим, на протяжении всех 30 с лишним лет крестьяне систематически занимали хлеб у помещика, что свидетельствует о крайне тяжелом состоянии крестьянского хозяйства. Явление приняло хронический характер, и помещик был вынужден в «Положение» о крестьянах внести специальный пункт об условиях выдачи крестьянам хлеба взаймы.

Нельзя не отметить, что в отдельные годы в конце века крестьяне некоторых селений почти поголовно прибегали к займу хлеба. В 70-х годах, хотя данные за этот период отрывочные, этого не наблюдалось. Следовательно, в конце века положение крестьян ухудшилось. Некоторые крестьяне из года в год занимали хлеб. Очевидно, они были уже не в состоянии выбраться из нужды. Заем с таким высоким процентом, который установил А. Полянский, показывает, что крестьяне не имели или почти не имели денег для покупки хлеба. Помещичья ссуда до некоторой степени задерживала расслоение крестьянства.

* * *

Отделение или отрыв крестьян от средств производства проходил не только в форме непосредственного обезземеливания, лишения рабочего скота и т. д. Важным показателем развития того же процесса являлось обращение части крестьян к наемной работе как у своих зажиточных односельчан, так и на стороне (отходничество). Поиски заработка, как показывают сохранив-

[23] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 393, л. 17 об.; д. 423, л. 21 об.
[24] Там же, д. 415, лл. 5—5 об.
[25] Там же, д. 409, лл. 1—1 об., 7, 13; д. 423, л. 30 об.
[26] Там же, д. 343, лл. 175, 185; д. 424, лл. 2, 12 об., 15; д. 423, л. 27 об.
[27] Там же, д. 538, л. 6 об.

© ГПИБ СССР

шиеся документы, в 70—90-х годах XVIII в. имели широкое распространение среди крестьян А. И. Полянского. Так, о крестьянине сельца Куликовки Иване Максимове, который имел лишь одну корову и один осминник посеянной ржи, в описи сказано, что он «кормитца по работникам, а домашние (мать и жена.— *И. Б.*) — по миру» [28]. Кондратий Иванов жил «по работникам» [29]. Он вообще ничего не имел, кроме небольшого клочка земли, засеянного рожью. Неясно, у кого они жили в работниках. Но есть указания, что бедняки нанимались и к своим богатым односельчанам. Так, крестьянин деревни Горяевки Я. Трофимов жил «в работниках в деревне Солдацкой у Заварченко» [30]. Более обширный материал о продаже бедными крестьянами своей рабочей силы имеется в документах об отхожих заработках и промыслах, причем не только по с. Богословскому и окружающим его деревням, но и по другим селениям.

В 1771 г. солдатка Аксинья из деревни Свербеевки жила «в городе (видимо, Саранске.— *И. Б.*) для работы своей» [31]. В том же году, в июне, управляющий С. Козырев, приказывая старосте с. Пушкина немедленно собрать с оброчных крестьян часть денег, оговаривал: «...а которые ушли на Волгу, с тех не требовать» [32]. Для помола и продажи господского хлеба зимой 1772 г. приказчик с. Мачкас просил у С. Козырева помощи подводами из других селений, так как «селу Мачкасам крестьянам повоскою справитца неким, потому что много еще в работниках сроки доживают, да и вновь, по требованию столовых и подводных денег, отпущены» [33]. Следовательно, для уплаты денежного оброка крестьянин добывал средства работой на стороне, в частности, как видно, некоторые уходили на Волгу.

В апреле 1772 г. староста с. Ивановского спрашивал управляющего, отпускать ли в этом году «пеших» крестьян (их было 10 человек) в работники. Еще раньше кирпичники села были отпущены на работу [34]. В начале апреля 1777 г. приказчик с. Пушкина также спрашивал разрешения на отпуск «мужиков» в работники. В мае месяце он же сообщал, что начал поправлять кирпичные сараи, а сделать это раньше было нельзя, так как

[28] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 211, л. 25 об.
[29] Там же, л. 27 об.
[30] Там же, д. 136, л. 25.
[31] Там же, л. 32.
[32] Там же, д. 141, л. 10.
[33] Там же, д. 158, л. 1.
[34] Там же, л. 155, лл. 27 об., 32.

крестьяне пахали, «а пеших мужиков у меня мало, человек 6, протчие по работникам стоят» [35].

В приведенных данных особенно обращает на себя внимание следующий момент. Очевидно, в селах Ивановском и Пушкине образовались уже, как и в селе Богословском, довольно значительные группы безлошадных крестьян, которые по особому разрешению управляющего систематически отпускаются на заработки. Характерно, что они отпускались в самый разгар весенних полевых работ и поэтому барщину за них должны были отправлять крестьяне, имевшие лошадей.

В нашем распоряжении имеется несколько черновиков отпускных билетов за 70-е — начало 80-х годов. 9 мая 1775 г. крестьянин с. Богословского Киреев Никита был отпущен сроком на один год «для прокормления работою» в Пензенский у., «где он там жить пожелает». 23 мая такой же билет был дан крестьянину деревни Горяевки Елистрату Михайлову [36]. В следующем году отпускное письмо на год получил крестьянин с. Богословского М. Ф. Белоглазов. Отжив год, он обязан был явиться в село, чтобы снова взять покормежное письмо [37]. В 1777 г. отпущен был на год богословский крестьянин Акакий Яковлев [38]. 8 марта 1781 г. покормежное письмо дано крестьянину с. Ивановского Никифору Григорьеву сроком на девять месяцев. Жить в работниках он должен был не далее 30 верст от села [39].

В 1782 г. крестьяне с. Ивановского обвинили приказчика в том, что безлошадных крестьян он «ставит в работники и деньги берет себе». При расследовании выяснилось, что они, действительно, приносили ему по 20—30 коп. Очевидно, это была своеобразная плата за отпуск. Тогда же крестьяне жаловались, что когда приказчик отпускал их в Саратов за солью, то брал с каждой подводы по 3 коп. Приказчик отвечал, что он не просил, что они сами приносили, когда приходили за подорожной [40].

От декабря 1795 г.— начала 1796 г. сохранились списки крестьян, отпущенных на работу. Из с. Богословского и деревни Луховки ушло 17 человек. Если предположить, что из каждого двора пошло по одному человеку, а это является наиболее вероятным, то тогда 18,6% всего количества дворов (их было 91) вынуждены были обращаться к работе по найму. Соответственно из деревни Солдацкой было отпущено шесть человек, или 21,4%

[35] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 219, лл. 4 об., 12.
[36] Там же, д. 190, лл. 1—2 об.
[37] Там же, д. 207, л. 1.
[38] Там же, д. 223, л. 1.
[39] Там же, д. 268, л. 1.
[40] Там же, д. 280, л. 9.

© ГПНТБ СО РАН

дворов; из сельца Куликовки — 10 человек, или 24%; из с. Александровского восемь человек, или 36%. Больше всех пошло на работу из деревни Горяевки — 27 человек, или 49%. Из них о восьми крестьянах сказано, что они не явились к первому января, «а которые пришли, опять ушли». В деревне Свербеевка два человека были отпущены на два месяца [41].

Конечно, сделанные расчеты очень приблизительны, так как вполне возможно, что из двора уходило на заработки и более одного человека.

Приведенные данные свидетельствуют о широком распространении отходничества. Эти данные подтверждаются донесением из с. Ивановского от 15 января 1794 г. Здесь многие крестьяне были «отпущены в дорогу для подрядной работы», из-за чего задержался сбор оброка и отправка помещичьего хлеба на продажу [42].

В феврале 1798 г. управляющий А. Калинин писал А. Полянскому, что для сбора недоимок крестьяне отпущены «в работники» [43]. А 10 июня 1801 г. он же доносил, что «по положению вашему... по уборке хлеба отпускаются крестьяне на себя поработать и в дороги ходить на месяц. А как придут, то и другую половину пущать, почему и приказано от меня... письма давать не далее, как в своей округе» [44].

Сообщения управляющего показывают, что отход на заработки приобрел уже систематический характер и помещик зафиксировал это в своем «Положении».

Интересные сведения о заработках дают расспросные речи крестьян, бежавших в середине 90-х годов в соседний Инсарский у. Из них шесть человек остановились в с. Посопная Пелетьма, принадлежавшем Б. И. Огареву, и работали у его крестьян всякую «полевую и домашнюю работу». Получали они за работу 15—17 руб. в год. Больше других нанимал крестьянин М. П. Банников, у которого иногда одновременно находилось по три работника. Один из беглых показал, что раньше он работал у Банникова по увольнительному письму и пришел к нему как к «знакомому». Егор Афанасьев, один из организаторов крестьянских волнений в деревне Луховке, тоже сначала пришел в это село, а затем работал на поташном и винокуренном заводах Б. И. Огарева в с. Акшинее. Горяевский крестьянин Л. Петров, прежде чем попасть в с. Посопную Пелетьму, два года работал

[41] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 466, лл. 1—2 об.; д. 462, лл. 3—35 об.
[42] Там же, д. 413, л. 20.
[43] Там же, д. 538, лл. 3 об., 5 об.
[44] Там же, л. 65.

поденно у «обывателей» г. Саранска и столько же в с. Кочкурове, Саранского у. у крестьянина Л. Яковлева за 15 руб. в год [45].

Имеются данные, позволяющие утверждать, что отход крестьян был широко распространен не только во владениях А. Полянского, но и вообще в Пензенской губ. «Топографическое описание Пензенского наместничества», составленное в конце 80-х — начале 90-х годов XVIII в., свидетельствует, что крестьяне всех уездов, кроме Саранского и Городищенского, отходили по паспортам на крестьянские работы в донские станицы и городки, на Волгу в бурлаки (в гг. Саратов, Нижний Новгород, Астрахань), а также на Эльтонское озеро для ломки соли. О Пензенском у. особо сказано, что из него уходили на заработки больше всего помещичьи крестьяне [46]. Нельзя согласиться с составителем описания, что отход не практиковался среди крестьян Саранского у.; выше мы видели, что крестьяне А. И. Полянского из этого уезда систематически отпускались по паспортам. Крестьяне уходили на заработки не только за пределы Пензенской губ. Широко был распространен отход на близкие расстояния, в пределах своего и соседнего уездов. То же «Топографическое описание» отмечает, что крестьяне Троицкого, Инсарского и Краснослободского уездов добывали и продавали железную руду на местные металлургические заводы, а из Краснослободского у. уходили зимой работать на ближайшие казенные и частные винокуренные заводы. Нельзя сомневаться в том, что крестьяне и других уездов тоже нуждались в таком заработке.

На территории губернии протекали судоходные реки Сура, Мокша и Ворона, по которым весной сплавлялись десятки судов с хлебом, вином, солью и другими товарами. Бурлаками и водоливами на них работали крестьяне. Например, в 1804 г., когда пензенский губернатор Ф. Вигель отправлял 14 судов с купленным хлебом в Петербург, на них было нанято 786 человек рабочих из числа государственных, помещичьих и других крестьян. При этом выяснилось, что крестьяне неохотно шли на казенные суда, так как часть заработанных денег у них тут же изымалась для уплаты недоимок. Поэтому они спешили наняться на «партикулярные» суда, в частности к графине Шуваловой. Казна заключала контракты с крестьянами и на сплав леса по Суре [47].

[45] ЦГАДА, ф. Полянских, д. 480, лл. 1—1 об; д. 546, лл. 1—6 об.; д. 577, лл. 1—3 об.
[46] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. Куракиных, старая опись, д 1259, лл. 11, 16, 21, 24, 24 об., 32 об., 36, 39 об., 45, 54, 54 об., 63; см. статью Э. С. Коган в настоящем сборнике.
[47] ГАПО, ф. Канцелярии пензенского губернатора, оп. 1, д. 81, лл. 5—353 об.

Немало крестьян работало на имевшихся в губернии Бриловском и Синдровском казенных винокуренных заводах. Об этом сохранился интересный материал.

Перед винокурепным сезоном 1792 г., который обычно начинался 1 сентября, на Бриловском заводе создалось трудное положение с рабочей силой. Было нанято всего 41 человек, против штатного расписания не хватало еще 137 человек годовых работников (печников, подмастерьев, молотобойцев, бочаров, конюхов и т. д.). Пристав завода Синцов, чтобы выйти из создавшегося положения, просил губернатора И. А. Ступишина прислать в принудительном порядке «казенных поселян», за которыми числились недоимки. Просьба была удовлетворена. Кроме того, продолжался вольный наем, и к 13 сентября на заводе работало уже 63 человека вольнонаемных рабочих.

В это же время губернатор решил лично осмотреть оба завода и нашел, что Синдровский состоит в полном порядке, людей, «добровольно вступивших», на нем достаточно и т. д. На Бриловском же заводе обнаружилось много непорядков. И. А. Ступишин спрашивал, почему и вольнонаемные и недоимщики «отрекаются» от завода. Крестьяне отвечали ему, что работа на этом заводе для них невыгодна, что на частных заводах, хотя они и дальше находятся, работать «способнее», там положенную плату по договору платят сполна и не притесняют. На Бриловском же заводе часто приходится из-за разных неполадок «проедаться напрасно», зачета недоимок не делается и «сверх же того всегда бьют и мучат их тирански». Когда крестьяне привозят на завод дрова, приходится денег дожидаться «многими днями». После ознакомления с положением дел на Бриловском заводе сам губернатор писал, что работа на нем «сущая несносная мука, все почитай силы человеческие превосходящая». Платили рабочим по 4 р. 50 к. в месяц [48].

Приведенные материалы показывают, что отход на заработки как среди крестьян А. И. Полянского, так и среди крестьянства вообще Пензенской губ. в последней трети XVIII в. принял массовый и систематический характер. Следовательно, крестьянское хозяйство собственными внутренними силами уже не могло справиться со своими нуждами и с теми многочисленными платежами, которые оно несло в пользу помещика и государства. Для выполнения их крестьяне вынуждены были все чаще и все в более широких размерах использовать свою рабочую силу на стороне, вне своего хозяйства. Некоторые крестьяне по году

[48] ГАПО, ф. Пензенского наместнического правления, оп. 1, д. 318, лл. 10 об.— 49 об., 121.

и больше проводили на посторонних заработках. Тем самым связи крестьянина с хозяйством все более слабели, происходил постепенный отрыв его от средств производства.

Данные об отходе говорят также о том, что наряду с имущественным расслоением среди крестьян наблюдался уже и более глубокий процесс социальной дифференциации.

В заключение можно сказать, что отделение крестьян А. И. Полянского от средств производства происходило не путем насильственной экспроприации, а в результате все более углублявшегося имущественного и социального расслоения деревни, что в свою очередь вызывалось развитием товарно-денежных отношений в стране. Но крестьянин, лишенный средств производства, оставался юридически еще несвободным и поэтому не мог полностью располагать собой. Это, естественно, задерживало процесс первоначального накопления и создание условий для капиталистического производства.

Е. И. Дракохруст

ПРОМЫСЛОВЫЕ СЕЛА ВЛАДЕНИЯ КОЧУБЕЕВ В НОВГОРОД-СЕВЕРСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Изучение социально-экономических процессов, происходивших на территории Украины во второй половине XVIII в., привело советских историков к выводу, что на Левобережье в это время происходило зарождение новых, капиталистических производственных отношений [1].

Хотя Левобережье играло в XVIII в. ведущую роль в развитии производительных сил Украины, оно все же в экономическом отношении несколько отставало по сравнению с Центральной Россией. Это отставание стало заметно уменьшаться во второй половине XVIII в. Растущие связи с Россией способствовали увеличению числа мануфактур и их укрупнению, особенно текстильных, что в свою очередь стимулировало развитие таких культур, как лен и конопля, а также крупного овцеводства. Одновременно шло освоение новых земледельческих районов на юге Украины. Уничтожение таможенных барьеров между Левобережной Украиной и центральными губерниями в 1758 г.[2] значительно увеличило товарообмен и способствовало более широкому включению Левобережья в формирующийся всероссийский рынок. В связи с этими изменениями росла товарность как старшинских, так и части крестьянских и казацких хозяйств.

[1] «История Украинской ССР», т. 1. Киев, 1956, стр. 386—389; І. О. Гуржій. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст. Київ, 1954, стр. 21—23, 285; І. О. Гуржій. Повстання селян в Турбаях (1789—1793). Київ, 1950, стр. 67, 69; А. М. Пономарев. Промышленность Левобережной Украины во второй половине XVIII в. Кандидатская диссертация. Киев, 1952, стр. 351—354; І. Г. Шульга. Розвиток товарного виробництва і торгівлі Лівобережній Україні в другій половини XVIII ст. Кандидатская диссертация, Київ, 1954, стр. 167—171.

[2] ПСЗ, т. XV, № 10825, стр. 190.

Однако все эти явления происходили одновременно с юридическим оформлением крепостного права на Левобережье (1783 г.), с расширением и углублением крепостнических отношений, что сопровождалось ростом эксплуатации, разорения и обезземеливания мелких зависимых (а также свободных — в лице рядового казачества) производителей. Часть из них, лишенная средств производства, была вынуждена выступать на рынке рабочей силы.

Если большинство промышленных предприятий Левобережья существовало в первой половине XVIII в. на труде феодально зависимых людей, то с конца 60-х годов XVIII в. появляются мануфактуры, обслуживавшиеся главным образом наемными работниками. К концу XVIII в. создаются условия, благоприятствующие зарождению капиталистических отношений и в сельском хозяйстве. Широкое развитие крестьянских промыслов в северной части Левобережья в связи с товаризацией части крестьянских хозяйств порождает здесь новое явление, нашедшее отражение в известной «Описи Новгород-Северского наместничества 1779—1781 гг.»: расслоение крестьянства на зажиточную верхушку и лишенных средств производства мелких производителей, принужденных работать по найму у сельских богатеев. Проследить это явление внутри отдельных феодальных хозяйств — значит конкретизировать наше понимание важнейшего процесса зарождения нового в недрах старого строя на определенной территории, в определенных местных условиях.

Предлагаемая статья является результатом анализа социально-экономических отношений в Новгород-Северском владении Кочубеев, состоявшем из господской экономии и подчиненных ей трех промысловых сел с хуторами, всего около 200 крестьянских хозяйств.

Источниками для исследования послужили фонды Кочубеев в ЦГАДА и ЦГИАЛ [3], Румянцевская генеральная опись Малороссии 1765—1768 гг. и, частично, фонд Новгород-Северского наместнического правления, хранящиеся в ЦГИА УССР.

Среди многочисленных владений потомков генерального судьи В. Л. Кочубея особым складом хозяйства и происходившими в конце XVIII в. крестьянскими волнениями привлекают внимание промысловые села Старая Гута, Новая Гута и Березка, расположенные в новгородской сотне Стародубского полка.

[3] Фонды Кочубеев — это часть несохранившегося большого Ярославецкого архива Кочубеев, использованного частично В. Модзалевским для «Малороссийского родословника» (т. II, 1910). В этих фондах, к сожалению, не сохранилось основных документов — подворных описей и погодной вотчинной переписки.

По позднейшему административному делению (с 1782 г.) эти владения относились уже к Погарскому у. Новгород-Северского наместничества. Район, в котором они находились, примыкал с востока непосредственно к границе Орловской губ., а с запада к среднему течению р. Десны. В 50 км от Старой Гуты, к юго-западу, находился сотенный, а позднее наместнический центр — Новгород-Северский. Новгород-Северское наместничество, расположенное в самой северной части Левобережья, было богато хлебом только в своих южных уездах — Сосницком, Кролевецком, Коропском [4]. Винокурение, поглощавшее большое количество местного зерна, требовало дополнительного ввоза из соседних губерний — Орловской и Курской [5].

Наряду с зерновыми культурами были распространены посевы конопли и льна. Пенька, конопляное масло, лен были основными товарами на местных рынках. Десна, судоходная на протяжении 800 верст, от Брянска до своего устья, была основной торговой водной магистралью. Ее берега были покрыты лесом, местами строевым, мачтовым. Такие промыслы, как корабельно-строительный, смолокуренный, поташный («буды»), бондарный, стекольный («гуты»), были распространены среди населения лесных районов. Местное сырье — пенька, лен — питало парусно-полотняные предприятия на территории полка (Почеповскую и Топальскую мануфактуры). Крупные ярмарки в Стародубе, Нежине и Кролевце и сеть более мелких способствовали сбыту местной продукции.

Район, где было расположено изучаемое владение Кочубеев,— Гутянская экономия — не был типичным для Стародубщины в целом.

О местоположении изучаемой вотчины можно сказать словами известного исследователя «Старой Малороссии» А. Лазаревского: «...были местности в Стародубском полку, где ...почва... была до такой степени скудна, что целые поселения вовсе не занимались хлебопашеством. Таким бесплодием отличались берега среднего течения р. Знобы и сплошь все берега ее довольно значительного притока Улицы» [6]. В 90-х годах XIX в., по свидетельству Лазаревского, хлебопашество было мало распространено в этой местности, так как урожайность ржи в дачах Старой и Новой Гут не превышала 12 пудов с десятины, а гречи и того меньше. Вся пашня этих дач состояла из сыпуче-песчаных и песчано-припадливых почв.

[4] «Опис Новгород-Сіверського намісництва 1779—1781 гг.» (далее — ОНН). Київ, 1931, стр. 316, 363, 396.

[5] О ввозе хлеба в губернию имеются сведения в доношениях новгород-северского губернатора И. Бибикова в 1789 г. Екатерине II (ЦГАДА, Госархив, Разряд XVI, д. 790, л. 76; А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851, стр. 19).

[6] А. М. Лазаревский. Описание Старой Малороссии, т. I. Киев, 1888, стр. 110. Детальная карта Погарского у. конца XVIII в. со всеми населенными пунктами, в том числе кочубеевскими селами, имеется в «Атласе Новгород-Северского наместничества 1797 г.». Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), № 21038.

Сосновые, дубовые и другие породы леса покрывали здесь берега рек Улицы и Знобы, на которых были расположены села. В истории названных сел и всего склада хозяйства Кочубеев эти леса получили очень большое значение.

Как известно, свои земельные богатства В. Л. Кочубей скопил за время отправления им двух высоких должностей — генерального писаря с 1687 — по 1699 г. и генерального судьи с 1699 по 1708 г. Это совпало с гетманством Мазепы, щедро раздававшим казацкой старшине универсалы на земельные пожалования. Гетманские универсалы на пожалования земель В. Л. Кочубею известны с 1687 г., они следуют один за другим: в 1687 г.— два, в 1688 — один, в 1689 г.— три, затем в 1694, 1698, 1699 и 1706 гг., охватывая в целом тот огромный комплекс владений на Полтавщине и Черниговщине, который оставался за его потомками в XVIII и XIX вв. [7]

По универсалам Мазепы 1694 и 1705 гг., В. Л. Кочубею на реках Улице и Знобе позволялось устроить хутор, гуту, мельницы и селить людей, вольных от войсковых повинностей и от всякого подданства. Такая оговорка имела в виду, с одной стороны, сохранение наличного числа казаков, несущих военную службу («компут») и, с другой — ограждение старшинских и монастырских феодальных прав на зависимое крестьянское население. На слободы шли люди, не принадлежавшие ни к первой, ни ко второй категории. Привлекаемые рядом льгот, которые обычно давались собственниками земель в первые годы поселения, пришельцы заводили на новых местах свои хозяйства [8]. По ревизии 1723 г. в Старой Гуте было 30 бобыльских хозяйств, в Березке — 10 бобыльских хозяйств [9].

Документы фонда Кочубеев и данные Румянцевской описи дают сведения о том, когда и откуда пришли в эти слободы люди «захожие». В 1795 г. в Старой Гуте производилось судебное следствие о крестьянских волнениях и были вызваны для допроса

[7] В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник, т. II. Киев, 1910, стр. 524—527; ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 490, л. 5.

[8] А. М. Лазаревский. Малороссийские посполитые крестьяне. Киев, 1908, стр. 61—64; ПСЗ, т. IX, № 6614, стр. 397 «...а которые поданные продав грунты с них сойдут» (1734).

[9] А. М. Лазаревский. Описание Старой Малороссии, т. I, стр. 231, 233.

крестьяне из обоих сел, главным образом старики-старожилы. Начальные слова их показаний записаны в протоколе так: «Назад тому 44 года, как пришел он, Григорий Цинбалистый, на жилье в ту Гуту». «Назад тому 50 лет, как зайшел он, Петр Жидков, в Старую Гуту». «Тому 76 лет назад, как отец его (Петра Белодеда.— *Е. Д.*) Григорий зайшел владения г-на Кочубея в Старую Гуту» и т. д., Сидор Поляница пришел 40 лет назад, Иван Стародубец — 45 лет назад, Леонтий Кузьменок — 70 лет назад [10].

Как видим, это были 40—50-е годы XVIII в. В те же годы продолжало заселяться с. Березка [11].

Население, осевшее в кочубеевских слободках в 40—50-х годах XVIII в., пришло из разных мест.

В Румянцевской описи о каждом жителе данного владения имеется запись откуда кто родом: «родимец сотни Глуховской, села Полошек» [12], «родимец сотни Глуховской села Чуйковки» [13], «родимец г. Ямполя» [14], «родимец Рыльского уезда, местечка Михайловки, владения Б. П. Шереметева» [15] и т. д. Лишь об очень немногих сказано «здешний» или «з села Гуты».

В целом по с. Старая Гута назвали себя здешними 17% населения; 19% пришло из близлежащей Ямпольской сотни, 17% — из великорусских сел (в том числе многие из шереметевской слободы Михайловки, Дмитревского у. Курской губ.). Остальные 47% из разных мест Левобережной Украины, главным образом Черниговщины. Среди ремесленников встречаются выходцы из городов Почепа, Стародуба, Сум, Харькова.

Подавляющее большинство осевших здесь людей были посполитые, т. е. крестьяне. Из 81 хозяйства, о которых имеются данные в описи 1768 г., посполитым принадлежало 76% хозяйств, бывшим казакам, потерявшим свои «грунты»,— 16,5%, бывшим мещанам — 5,5, бывшим поповичам — два. Всех их покрыло единое социальное обозначение: владельческие, «подданные», т. е. феодально зависимые люди.

В эти места людей привлекали огромные лесные богатства, обеспечившие развитие целому ряду промыслов. При отсутствии точно установленных границ и межевых документов владельческие и казенные леса могли быть объектом самого разно-

[10] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 363, лл. 6 об., 11—11 об., 12—12 об., 19.
[11] ЦГИА УССР, Румянцевская (генеральная) опись Малороссии (далее — РОМ), т. 147, лл. 511 об.— 515.
[12] Там же, л. 550.
[13] Там же, л. 551.
[14] ЦГИА УССР, РОМ, т. 147, л. 552 об.
[15] Там же, лл. 526 об., 538 об.

образного промыслового использования [16]. Спорные дела, иски, жалобы, судебные разбирательства, связанные с кочубеевской пущей и с соседними лесными владениями, тянутся непрерывно, начиная с 1731 г. до конца 90-х годов [17]. Вероятно, в связи с практической необходимостью уточнить границы лесного владения около 1740 г. был сделан акварельный план пущи и расположенных в ней кочубеевских слобод, хуторов, мельниц, гут, а также соседних владений [18].

Этот замечательный документ дает представление о состоянии владельческого хозяйства к концу первой половины XVIII в. На плане показаны: на р. Улице «Слободка полковника Кочубея» (ряд хат) и два стекольных «завода» (дома с дымящимися трубами), «старая гута» и «новая гута», давшие название слободам; около старой гуты — церковь, «дворец» (усадьба) Кочубея и гребля (плотина) с мельницей. На р. Знобе — другой «дворец», окруженный хатами, селение на урочище Крутой лог (Березка) и вторая мельница. В лесу — «дегтярня», «криница» и «хутор Братовецкий». План заполнен изображениями сосновых деревьев и надписями «Пуща полковника Кочубея».

На плане показаны пограничные с владением Кочубея села и хутора. Почти все эти поселения известны по ревизии 1723 г. и отчасти по «Генеральному следствию о маетностях Стародубского полка 1729 — 1731 гг.» [19]

План восполняет существенный пробел источника; он дает представление о том, каким было хозяйство владельца к 1740 г., показывает заселение пустых, не освоенных еще в начале XVIII в. земель, дает один из примеров захвата огромных природных богатств старшинской верхушкой. Отметим, что на плане не помечены винокурни [20]. Эта отрасль владельческого хозяй-

[16] В 1757 г. жители Гут были захвачены объездчиками Трубчевского казенного заповедника в момент вывоза ими огромного количества дров. ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 124, лл. 17—20. В 1798 г. винокуры кочубеевской вотчины при обследовании сообщили, что брали дрова в государственном лесу (там же, д. 378, л. 1).
[17] ЦГАДА, ф. Кочубеев, дд. 99, 101, 103, 109, 110 и др.
[18] Там же, д. 478.
[19] Материалы ревизии 1723 г. по Левобережью хранятся в ЦГИА УССР, они частично использованы А. М. Лазаревским в «Описании старой Малороссии», откуда взяты приводимые сведения (т. I, стр. 230, 231, 233). В ревизии крестьянские хозяйства поделены на грунтовые и бобыльские. «Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку», «Археографічна комісія Всеукраїнської Академії наук». Київ, 1929, стр. 19, 71, 266, 407.
[20] В завещании полтавского полковника В. В. Кочубея, 1743 г. «винничный завод» уже упоминается. В. Л. Модзалевский. Указ. соч., т. II, стр. 533—534.

ства к 60-м годах XVIII в. была уже широко развита. В жалобе В. В. Кочубея гетману Кириллу Разумовскому, поданной в 1760 г. на жителей Серединой Буды за их вторжение в его пущу и столкновение с крестьянами Кочубея, последний писал, что его подданные, «не вынеся таких мордерств и крайнего разорения расходятся из его владений» и что в Гуте винокурня и стекольный завод за неимением дров «в работе приостановились» [21]. Здесь не только интересно указание на существование рядом со стекольным заводом винокурни, но и на обслуживание их в порядке выполнения феодальных повинностей.

К 60-м годам XVIII в. владение В. В. Кочубея в Новгородской сотне представляло значительное хозяйство [22]. Оно носило исключительно промысловый характер: ни одной десятины посева не было ни в хозяйстве владельца, ни в крестьянском [23]. Бывшие слободы на р. Улице превратились к этому времени в крупные села — Старая и Новая Гуты, третьим было с. Березка на реке того же имени, впадающей в р. Знобу. К этому владению примыкали хутора Новый и Березка и слободка Васильевка [24]. Все эти поселения лежали в окружении сплошных лесов — государственных и владельческих, из которых Кочубеевская пуща имела в окружности 63 версты [25]. У крестьян леса не имелось.

Центром управления всех владений, доставшихся по разделу 1743 г. В. В. Кочубею, являлось с. Ярославец Глуховской сотни, откуда направлялись в Гуты распоряжения владельца [26]. В с. Старая Гута находился деревянный «приезжий дом», в котором к 1768 г. были «новые комнаты» с тремя зелеными изразцовыми печами, оклеенные бумажными шпалерами и украшенные купштами [27]. В двух верстах от с. Березки находился второй господский дом.

[21] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 103, л. 2.

[22] В. В. Кочубей, внук казненного В. Л. Кочубея. С 1748 г. бунчуковый товарищ, с 1764 г. подкоморий Глуховского повета, с 1782 г. советник Новгород-Северского наместнического правления (ЦГИА УССР, ф. Новгород-Северского наместнического правления, д. 1325, л. 5 об.).

[23] Это подтверждается как Румянцевской описью Малороссии (РОМ, т. 147, л. 519), так «Ведомостями» 1792 г. об урожае (ЦГИА УССР, ф. Новгород-Северского наместнического правления, д. 1755, л. 204). Только в с. Березке были небольшие посевы у части крестьян (ОНН, стр. 157).

[24] О Васильевке сведения имеются только в ОНН, стр. 152. В ней было 11 хат; все жители — бондари, «сосуды делаемые продают в Старой и Новой Гутах».

[25] ЦГИА УССР, РОМ, т. 147, л. 520. Не останавливаясь на оценке Румянцевской описи как исторического источника,— поскольку существует большая литература по этому вопросу — отметим, что использованные в статье описи — беловые, четкие — подписаны владельцем. Дворы в них являются хозяйственными единицами (за двумя исключениями).

[26] ЦГАДА, ф. Кочубеев — их сохранилось очень мало: дд. 251, 359, 367, 368, 716.

При экономии имелось пять винокурен: четыре в Старой Гуте и одна в с. Березке. Винокурни в Старой Гуте были разбросаны по территории экономии: одна — на панском дворе, другая — около мельничной плотины, третья и четвертая — близ усадьбы. Они работали зимой на 24 котлах, а в урожайные годы на 34, летом же на 6 и давали в год 120—150 куф (бочек) горелки [28]. Винокурня в Березке давала 500 ведер. Хлеб привозился из собственных степных владений, иногда прикупался. По количеству котлов это было большое предприятие, но, судя по оборудованию винокурен, производство велось без тех новшеств, которые были заметны в передовых хозяйствах 70—80-х годов. Здесь не было крупных централизованных предприятий на 30—40 и больше котлов, с механической подачей воды, так называемых «аглицких» кубов [29]. Налицо тот инвентарь, который известен из литературы и документов как обычный для помещичьих винокурен конца XVIII в.[30] Продукция владельческих винокурен шла на продажу в шинки в имениях В. В. Кочубея, а остальная часть — в соседние украинские города на ярмарки.

Большой доход получала Гутянская экономия с крестьянских винокурен. Как известно, крестьянство к середине XVIII в. потеряло право на винокурение. В голодный 1757 г., когда гетманом К. Г. Разумовским был издан универсал, ограничивавший даже старшинское винокурение [31], В. В. Кочубей получил от гетмана ордер на разрешение винокурения жителям сел Старой и Новой Гут ввиду того, что «они не имеют пахоты и сенокосного поля и никаких грунтов, платят консистенские (подать в

[27] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 142, л. 4.

[28] ЦГИА УССР, РОМ, т. 147, лл. 509, 519.

[29] Например, винокуренные заводы А. Горленкевича, П. В. Завадовского, П. А. Румянцева. ОНН, стр. 85, 212, 299. У первого на хуторе «винокурня сделана особливым искусством... проведена с речки Жече подземным корытом вода, текучая на трубники; трубы аглицкие...» У П. В. Завадовского было особое приспособление для пуска воды; у П. А. Румянцева «машина, которою в винокуренный завод притягивается подземная вода».

[30] Процесс производства вина и оборудование винокурен на рубеже XVIII—XIX вв., по воспоминаниям современника,— см. в «Вестнике Русского географического о-ва», 1855, вып. 15, кн. VI, стр. 70. Также описи инвентарей винокурен, сдававшихся в аренду (1775 и 1779). (Государственная Публичная Библиотека АН УССР, отдел рукописей. «Збірка Модзалевського». Картон 17579—17604. Указанные инвентари аналогичны описи кочубеевского приказчика).

[31] «Киевская старина», 1894, т. XLIV, март, стр. 556—557.

казну.— *Е. Д.*) с котлов и сами кормятся винокурением и скот с того содержат» [32]. Универсал 1761 г., разрешивший винокурение только светским и духовным владельцам и казакам, имеющим свои земли и леса, предусматривал и запрещал обходный маневр: выдачу крестьянских винокурен за владельческие [33]. Однако крестьянское винокурение продолжало существовать. В комиссии 1767 г. Малороссийской коллегией была выдвинута такая точка зрения, что правом винокурения должны пользоваться землевладельцы и только те, кто засевал не менее 30 четвертей ржи и имел свои собственные леса в достаточном количестве [34].

Видимо, в связи с таким положением дел в тексте Румянцевской описи сел Старая и Новая Гута, скрепленной подписью владельца, кочубеевские крестьяне-винокуры названы арендаторами панских винниц. По существу же вносимая ими плата в размере 7 руб. с котла являлась денежным оброком, уплачиваемым с промысла. О дворах винокуров в описи 1768 г. сказано так: «...питается производством винного курения, в состоящей неподаль от двора жилого его винице беремой в откуп з платы на один (или больше.— *Е. Д.*) котел в год по 7 руб.» Доход владельца с крестьянских винокурен в 1768 г. складывался из таких цифр: в Старой Гуте было 33 крестьянских котла, в Новой Гуте — 79, в Березке было 15, всего 127 крестьянских котлов. Число котлов, помноженное на семь рублей, составляло сумму в 889 руб. Доход возрастал не только от повышения арендной платы, но и от роста винокурения, каждый новый вмазанный котел немедленно облагался денежным взносом. А в кочубеевских селах, где все благоприятствовало винокурению — близость хлебного рынка (Рыльский у. Курской губ., Севский у. Орловской губ.) и рынков сбыта, обилие леса и воды,— винокурни арендовали также купцы и мелкие дворяне [35].

В Старой Гуте помещалась также «стеклянная фабрика». При господском доме в хате жили «составщик стеклянной» Савва Лавров с учеником Вирвенком и гончар Никита Алексеев,

[32] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 125, лл. 1—1 об.

[33] М. Ф. Тищенко. Гуральне право та право шинкувати горілкою в Лівобережній Україні до кінця XVIII в. «Праці комісії для виучування історії західньо-руського та вкраїнського права», вип. 3. Київ, 1927, стр. 187—188.

[34] «Чтения ОИДР», 1858, кн. 3, раздел V, стр. 61.

[35] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 716, л. 1 об. Сообщение приказчика от 1756 г. «Киевского гарнизона прапорщика Н. И. Соколова за 2 котла вновь умазанные принято денег на полгода 4 рубля». От гутянского жителя Г. Мерочника «за умазанный вновь один котел принято за полгода денег 2 рубли».

все на хозяйских харчах [36]. Производство стеклянных изделий на рынок и на собственные нужды давно занимало значительное место в хозяйстве Кочубеев. Само название сел пошло от этого производства, заведенного еще генеральным судьей В. Л. Кочубеем в 1705 г. Здесь имелось все необходимое для данного производства: богатство топлива, смолистые сосны, дающие высокого качества золу, песчаная почва. Некоторое представление о продукции здешней гуты дает рапорт приказчика за март 1756 г. В этом месяце было продано вяземскому купцу Лелянову 11 коп стеклянных изделий (копа равнялась 60 единицам) и 200 штук оконного стекла, почеповскому купцу Ларионову — золотковых шиб (оконного стекла) 500, жителю гор. Трубчевска Федосьеву — 10 коп изделий, жителю с. Березки Прокофьеву — 0,5 копы. Одновременно в Ярославец, самому владельцу, было отправлено разной посуды 60 коп и 500 золотковых шиб специально указанного размера, а также малых стекол 1700 [37].

В 1768 г. в усадьбе, в «стеклянном амбаре», имелись запасы оконного стекла 260 круглых шиб и стеклянных изделий 300 штук. Судя по тому, что там же был «материал, что составляют хрусталь», продукция фабрики была разнообразна [38]. В амбаре имелось много различных инструментов для работников гуты. Гутянская фабрика работала на одной печи и четырех дойницах, т. е. горшках из огнеупорной глины. Такое соотношение печей и дойниц было обычным для середины XVIII в.[39]

Это производство требовало не только мастера-стеклянщика и его помощников, но и «шуляров», которые ведали топкой печи и заготовкой дров, «осмольников», которые должны были доставлять особого качества смолу, гончаров для изготовления огнеупорной посуды [40]. Работы В. Л. Модзалевского и П. Г. Любомирова показывают, что стекольное производство требовало значительного числа работников и большого опыта. Оно было сложнее, чем винокурение. Так, на Барановой гуте одну печь обслуживало 20 работных людей, кроме двух мастеров; на Блешневской у двух печей — столько же [41].

[36] Кроме того, на селе жили два гутника, работавшие на «стеклянной фабрике» — И. Безуглый и Ф. Веребей (ЦГИА УССР, РОМ, т. 147, лл. 542, 544).

[37] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 716, л. 1.

[38] Там же, д. 142, л. 1.

[39] П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947, стр. 194; ОНН, стр. 262, 263, 299.

[40] В. Л. Модзалевський. Гути на Чернігівщині. Київ, 1926, стр. 22.

[41] Там же, стр. 38, 39.

В старшинском хозяйстве Левобережной Украины мукомольные, крупорушные и валяльные мельницы были доходной статьей. В местности, где было много винокуров, значение мукомольных мельниц вырастало. Достаточно сказать, что известны случаи, когда винокурни существовали главным образом за счет «помера», т. е. той доли муки от помола, которая оставлялась как плата владельцу мельницы [42]. В Гутянской экономии было три мельницы, в каждой по 2 «кола» (т. е. постава). Считая, что на один винокуренный котел в год уходило от 400 до 500 пудов муки [43], можно с уверенностью сказать, что мельницы не стояли без работы, тем более что «борошно» (мука) для винокурения требовало особого рода помола.

Заканчивая краткое описание владельческих предприятий, надо сказать о больших лесных сенокосах, дававших владельцу полторы тысячи возов сена, и о самой пуще, которая являлась основным богатством данного владения. Пуща делилась на урочища и была под наблюдением лесничих, подчиненных Гутянской экономии; в ее огромных пространствах были большие массивы строевого мачтового леса. Заселяя слободы, Кочубеи предоставляли поселенцам лес на постройки, дрова — винокурам; лесом пользовались смолокуры и бондари [44]. Кроме того, из контрактов частных лиц видно, что Кочубеи сдавали в аренду винокурни и дворы при них [45], что давало большой доход экономии.

Оба села — Старая и Новая Гуты — были расположены на небольшой р. Улице, в расстоянии пяти верст друг от друга. Третье село — Березка — лежало при впадении одноименной речки в р. Знобу. С северной стороны, где в двух верстах проходила граница Орловской губ., начинался казенный Трубчевский лес.

Жители Старой и Новой Гут жили на владельческой земле, пользуясь усадебными участками, огородами и лесными сенокосами. Старая Гута, издавна заселенная, была лучше обеспечена земельными угодьями — большинство жителей имело огороды

[42] П. Федоренко. З історії манастырського господарства на Лівобережжі XVII—XVIII вв. (Записки історично-філолог. відділу АН УРСР, кн. XI. Київ, 1927, стр. 139, 146). В имении В. В. Кочубея Кунашевке (борзенской сотни) мельницы давали в том же 1768 г. 200 четвертей муки «помера» (ЦГИА УССР, РОМ, т. 42, л. 832 об.).

[43] Из расчета: средняя продукция — 8 куф в год, или 240 ведер на котел, помноженные на 1,8 пуда муки — 432 пуда.

[44] ЦГИАЛ, ф. Кочубеев, д. 971, д. 88, л. 10 об.

[45] Там же, д. 353, лл. 2—29; д. 365, лл. 1—3.

и сенокосы [46]. В Новой Гуте лишь небольшая часть пользовалась тем и другим. Огороды обычно располагались при дворах, иногда за рекой. Предназначались они «для посева нужного варива» [47].

Вся хозяйственная деятельность населения, за исключением тех, кто жил заработком по чужим дворам, была промысловая и обращена к рынку. В отметках о занятиях так и значится, например, о винокурах: «...а выцеженное вино продается в разных малороссийских городах по ярмаркам» или «оное продажею употребляется по разным малороссийским городам на ярмарках куфами» [48], о смолокурах: «...промысл имеет в пущи женут (гонят.— *Е. Д.*) смоловой деготь и продают» [49]; о других: «...колачи пекут и продают» [50], «печет хлеб и калачи и продает» [51] или «промысл имеет резництво (мясоторговля.— *Е. Д.*) и солью и рыбой торгует» [52]. В тех случаях, когда продажа продукции не отмечена в описи, товарность хозяйств ясна: например, некоторые хозяйства занимались выделкой повозок и колес, многие делали куфы (бочки), хотя сами не гнали деготь и не курили вино; ясно, что изготовляли на продажу.

Приведем более подробные сведения о крестьянских хозяйствах по отдельным селам.

Село Старая Гута имело 98 хозяйств, из них 46 дворов и 52 «бездворные хаты» [53]. По занятиям на первом месте в Старой Гуте стояли ремесленники (их было 37 хозяйств). Подавляющее большинство обслуживало винокуренное производство.

[46] В Старой Гуте огороды и сенокосы имели 87% хозяйств; в Новой Гуте — едва одну треть.

[47] ЦГИА УССР, РОМ, т. 147, лл. 521—522 и сл.

[48] Там же, лл. 521, 522 об., 523, 523 об., 524 и др.

[49] Там же, лл. 521, 526, 534, 536 и др.

[50] Там же, л. 540.

[51] Там же, л. 536 об.

[52] Там же, л. 541.

[53] Термин «бездворная хата» в исторической литературе не выяснен, несмотря на наличие ряда работ по материалам РОМ. На основании подворных описей кочубеевских сел можно отметить, что в целом «бездворные хаты» — это малоимущие хозяйства. Однако в Гутах встречаются «бездворные» хозяйства, более зажиточные, чем «дворные» (ЦГИА УССР РОМ, т. 147, ср. лл. 333 об., 541, 544, 526). В земледельческих селах, например Кунашевке, часть «бездворных» имела землю на 4, 6 и 8 дней, т. е. 3—6 десятин (т. 42, лл. 837, 841, 842, 845 об.). Термин «бездворные» в переписях Украины появляется, по-видимому, с ревизии 1764 г. (Г. А. Максимович. Деятельность Румянцева-Задунайского по управлению Малороссией, т. I, Нежин, 1913, приложение, стр. 385). В ведомственной переписке встречается уже в 1753 г. (ЦГАДА, Госархив, Разряд XIII, д. 34, л. 42).

Самую большую группу (16 хозяйств) составляли бондари, которые делали куфы, т. е. бочки,— необходимейшую посуду, в которую сливалось выцеженное вино и которая была единицей счета продукции [54].

Затем идут колесники, делавшие также и повозки (горелка обычно развозилась самими винокурами по ярмаркам), ковали (кузнецы), котляры, слесарь, столяр и два гутника. Последние работали на «фабрике» Кочубея [55]. Кузнецы — их было четверо — имели свои кузницы; у одного из них был работник 19 лет и ученик 14 лет [56]. Наемные работники, кроме вышеупомянутого кузнеца, имелись у сапожника (работник 20 лет), у калачницы (работница 15 лет) и у портного, у которого работала 13-летняя девочка за долг родителей [57]. Среди ремесленников и мелких товаропроизводителей имелись такие, которые обладали хозяйствами с шестью — девятью строениями, с двумя лошадьми и двумя-тремя коровами, но имелись и хозяйства без скота, с двумя-тремя строениями. В числе хозяйств смолокуров насчитывалось две дворных и девять бездворных хат, из которых четыре хозяйства имели по одной лошади и пять — по две [58].

Крестьяне-винокуры в Старой Гуте владели 26 хозяйствами, все они были «дворные», все имели рогатый скот, лошадей, сверх того разводили свиней [59]. Шесть хозяйств имело по три лошади и очень большое число строений — от 10 до 14, сюда входили: светлица с комнатой и пекарней (кухней), амбары, сараи, бани, причем останавливает внимание количество амбаров — четыре, шесть и даже восемь. Амбары в описи сопровождались словами «для клажи», а сараи — «для скота».

Большое количество амбаров в хозяйстве винокуров объясняется тем, что вино курилось из покупного зерна, которое до

[54] Казенная мера — бочка 40 ведер — не соблюдалась в XVIII в. на Украине; куфы были различной емкости, но большей частью около 30 ведер. М. Судиенко. Материалы для отечественной истории, т. I. Киев, 1853, отд. 3, стр. 24: бочка — 34 ведра; стр. 39: две куфы — в них 67 ведер. Б. Б. Кафенгауз. Экономические связи Украины и России в конце XVII — начале XVIII вв. Сб. «Воссоединение Украины с Россией», М., 1954, стр. 436; 30 бочек — 875 ведер.

[55] ЦГИА, УССР, РОМ, т. 147, л. 542 об. (двор № 79), л. 544 (№ 85).

[56] Там же, л. 524 (№ 14).

[57] Там же, л. 540 об. (№ 72), л. 542 (№ 78), л. 543 (№ 81). О девочке сказано: «у него девка за долг родителей в заклад данная Марфа Григорьева дочь, лет ей 13, родимка Рыльского уезда, местечка Дмитровки».

[58] Из «частной переписки» Г. А. Полетики известно, что у него крестьяне смолокуры гнали деготь «с половины», или «с третьего» ведра. «Киевская старина», 1893, т. IV, стр. 109

[59] На барде, отходе винокурения.

перегонки хранилось в амбарах, а к весне скоплялись бочки выкуренного вина. Зажиточными винокурами из числа упомянутых шести были, например, Трофим Козлов и Гаврила Цинбалистый. Первый имел 12 строений: светлицу с комнатой и пекарней, шесть амбаров, конюшню, три сарая, баню; в его хозяйстве было четыре лошади, три коровы, двадцать свиней. Семья его состояла из 11 человек, в том числе двух взрослых сыновей и приемыша 25 лет. Такое же примерно хозяйство было у Гаврилы Цинбалистого: 13 строений, причем одних амбаров — восемь, три лошади, десять свиней. Семья Цинбалистого состояла из семи человек, в том числе двух взрослых сыновей. Но были винокуры, которые имели одну лошадь и три — шесть строений. Главным показателем зажиточности была, конечно, продукция: одни дворы работали на двух котлах и давали по 20 куф горелки в год, другие (большинство) — на одном, выкуривая по 10 куф; те, кто курил вино только зимою, давали пониженный выход вина, по 6—7 куф.

В целом годовая продукция крестьянских винокурен с. Старая Гута, подсчитанная по описи 1768 г., составляла 314 бочек горелки, что значительно превышало выпуск вина владельческими винокурнями, дававшими от 120 до 150 бочек.

Особую группу в Старой Гуте составляли крестьяне, существовавшие работой по найму; их было восемнадцать, все бездворные. Как отмечено в описи, промысла они не имели, а «питались заработками по людям» [60]. Их хозяйства были крайне скудны: пять дворов, кроме хаты, не имели никаких строений, но, может быть, еще показательнее тот факт, что крестьяне, имевшие сараи (трое) или конюшни (трое), не имели ни скота, ни лошадей. На все восемнадцать хозяйств имелось три коровы и две лошади. Только два хозяйства имели по нескольку возов сена. Все это говорит об обеднении одной части крестьянства, происходившем одновременно с ростом зажиточности другой. В описи 1768 г. нет сведений, где работали «по людям» способные к труду эти восемнадцать дворохозяев. Однако в описании Старой Гуты, относящемся к 1779—1781 гг., прямо сказано, что люди, не имевшие своих винокурен, работали в чужих винокурнях в том же селе [61]. Это последнее указание очень ценно. Мы имеем здесь не обычное крестьянское отходничество в города за дополнительным заработком, а целый слой сельского населения, который существовал работой по найму у своих же односельчан.

[60] ЦГИА УССР, РОМ, т. 147, лл. 521, 521 об., 523, 524, 530, 531 и др.

[61] ОНН, стр. 152.

Таким образом, к концу 60-х годов XVIII в. слободка Гута превратилась в большое село Старая Гута со значительным населением, которое сложилось в три основные промысловые группы: винокуров, смолокуров и ремесленников. Все эти хозяйства работали на рынок. Четвертую группу составляли хозяйства, лишенные средств производства, работающие по найму.

Показатели материального положения каждой из перечисленных промысловых групп даны в табл. 1.

Таблица 1

Сведения об имуществе крестьян различных промысловых групп с. Старая Гута
(на основании подворной описи 1768 г.)

Промысловые группы	Число хозяйств				На одно хозяйство приходилось								
					число работников мужского пола			скота					
	дворные	бездворные	всего	%	своих	наемных	строений	лошадей	коров	свиней	сена возов	выкуренного вина в куфах	консистенция (рублевого сбора с хозяйства)
Винокуры	26	—	26	28,3	2,4	—	9	2,5	2	5,5	12	12	1 р. 85 к.
Ремесленники	13	24	37	40,2	2	0,3	4,3	0,8	0,8	—	6,2	—	1 » 10 »
Смолокуры	2	9	11	11,9	2	—	3,6	1,3	0,6	—	3,3	—	1 руб.
Работающие «по людям»	—	18	18	19,6	1,8	—	2	0,1	0,1	—	0,6	—	56 коп.
Итого . .	41	51	92	100									

Из нее видно, что хозяйства винокуров по всем показателям — количеству строений, обеспеченности лошадьми, рогатым скотом — стояли на первом месте; состояние хозяйства значительно зависело от числа взрослых в семье. Средний размер подати винокуров с двора превышал в три с половиной раза соответствующий размер, платимый беднейшей группой. Однако эта таблица не показывает социального расслоения в селе, потому что внутри каждой из первых трех групп были большие имущественные различия. Возьмем к примеру кузнеца Р. Воробья и бондаря И. Стасенка: первый имел кузницу, две хаты, четыре амбара, конюшню, сарай, две лошади, две коровы, платил консистенции два рубля. Второй — бондарь И. Стасенок — совсем не имел ни лошадей, ни рогатого скота, а только хату, два амбара, огород; платил консистенции 50 коп. Такие примеры можно привести и для других групп.

В условиях промысловых занятий крестьян обеспеченность лошадьми не являлась определяющим показателем материального уровня хозяйства, хотя большинство хозяйств и имело лошадей для транспорта. Таким показателем, охватывающим все без исключения хозяйства, нужно считать размер податного обложения, консистенции, которая бралась с 1765 г. в размере 1 р. 2 к. с жилой хаты [62]. Поскольку сумма, падающая на громаду (мир), распределялась внутри нее самим населением, смотря по зажиточности (спускаясь до 10—15 коп. и поднимаясь до 5—9 руб.), ниже приведены данные, показывающие расслоение крестьянства с. Старая Гута (на основании раскладки консистентских платежей 101 р. 62 к. с 92 хозяйств 1768 г.).

Размер податного обложения	Число хозяйств, %	Вносимая сумма, %
до 50 коп.	32,6	13,7
» 1 руб.	30,4	26,8
» 2 »	30,4	41,7
» 3 и выше	6,6	17,8

Приведенные данные показывают, что малоимущие хозяйства, составлявшие треть населения Старой Гуты, могли платить всего 13,7% вносимой суммы; средние хозяйства, составлявшие примерно ту же часть населения, уплачивали 26,8% суммы консистенции; две же последние группы, зажиточные хозяйства, составляя вместе 37%, вносили почти 60% всей суммы (59,5%).

Слобода Новая Гута заселилась позднее, чем Старая Гута. Выше было показано, как много было там «зайшлих» в 1740—1750-х годах. Между тем в ней еще сильнее сказывалось развитие товарно-денежных отношений и притом в таких формах, которые показывают вызревание новых социальных отношений капиталистического типа.

Население Новой Гуты состояло из 76 хозяйств: 50 дворных и 26 бездворных. По сословному признаку 50 домохозяев были из посполитых, 20 из бывших казаков, трое из мещан, один из поповичей и двое не указаны [63]. Хозяйственная струк-

[62] Г. Л. Максимович. Указ. соч., стр. 88—89. Консистенция — сбор на содержание квартировавших на Украине русских войск.

[63] В описи записано 77 хозяйств; случайно попал в опись купец, живший в Новой Гуте, но плативший подушные в Севске. Промыслы трех хозяйств не обозначены в описи.

тура села была проще, чем в Старой Гуте: ремесленников было втрое меньше (13 против 37), дегтярного промысла совсем не имелось, а отчетливо противостояли два слоя — хозяева-винокуры и люди, жившие наемным трудом. Бо́льшую половину всех хозяйств составляли здесь винокуры — 45 дворов (62%), среди них выделялись дворы, имевшие винокурни на три и даже на шесть котлов. Такие хозяйства имели годовых наемных работников, живших в их дворах (в 20 дворах зажиточных винокуров жило 25 пришлых работников). Особенно выделялись дворы Карпенко — отца и сына — каждый с винокурней на шесть котлов, с продукцией по 50 куф [64]. В их хозяйствах было по шесть лошадей, по 20 свиней; у них жило по найму четыре работника. Крупными были хозяйства Полошкиных Саввы и Григория, имевших винокурни, каждый на три котла, с продукцией по 30 куф. Во дворе Григория жило два наемных работника [65]. Семь хозяйств выкуривало по 20 куф.

Таблица 2

Сведения о категориях крестьян-винокуров с. Новая Гута
(на основании годовой продукции вина в 1768 г.)

Винокуры с годовой продукцией в куфах	Число дворов на группу	Продукция на группу в куфах	На один двор приходилось								
			куф	строений	рабочей силы		скота			сена возов	консистенции
					своей	наемной	лошадей	коров	свиней		
5—10	18	114	5,3	5	1,7	0,3	1,9	1,4	4	2,7	1 р. 40 к.
10—20	13	178	13,7	6,3	1,7	0,4	3,5	2	5,6	8	2 » 79 »
20—30	8	160	20	7,2	2,2	0,7	3,7	2	13	7	3 » 6 »
30 и более	5	190	38	9	1,8	1,2	5,8	2,8	24	10	6 » 30 »

Группировка дворов винокуров Новой Гуты по признаку годовой продукции горелки дана в табл. 2. Из нее видно, что первая и вторая группы, выкуривавшие от 5 до 20 куф, составляли 70,5% дворов и давали 46% продукции, а третья и четвертая группы, выкуривавшие от 20 до 50 куф, составляли 29,5% дворов, а продукции давали 54%.

Не все винокурни выпускали одинаковое количество продукции круглый год; обычно в зимний сезон (с сентября по март) работали все котлы, летом производство сокращалось, а у некоторых «приостанавливалось». Причину этого явления надо видеть в истощении хлебных запасов к весне, в развозе вина в летнее время по ярмаркам, в технической трудности в жаркую пору достигать охлаждения винных паров в трубнице.

Как указано выше, во дворах винокуров Новой Гуты жило и работало 25 наемных работников. Все они подробно охарактеризованы в Румянцевской описи: их возраст, откуда они пришли, условия найма. Последние были очень различны. Шесть человек жили на кабальных условиях, отрабатывая взятые ими или их отцами деньги; какая часть долга погашалась годовой работой, указано только в одном случае, причем эта сумма была выше обычной: 6 руб. в год «на одежде и харчах хозяйских» [66]. Остальные жили за плату от 1 до 5 руб., на одежде и харчах хозяйских. Все наемные работники были пришлые из окрестных сел, только четверо помечены «здешние». Подробные данные о наемных годовых работниках приведены в табл. 3.

Кроме указанных 25 годовых работников, живших во дворах зажиточных винокуров, последние имели еще рынок рабочей силы в самом селе, в 15 хозяйствах, «питавшихся по людям».

Так же, как и в описи Старой Гуты, о каждом из этих хозяев сказано, что он «питается заработками по разным людям», но о некоторых более определенно: Хома Банник «промысел имеет понедельно работаючи по разным людям» [67], Яков Роздвай «питается по чужим винокурням заработками» [68]. Заработная плата винников обычно была сдельная: за очередной выпуск вина («чергу») платили 1 р. 60 к. Черга равнялась «носатке» (около 100 ведер). Нанимались винники обычно на хозяйских харчах [69]. Работа рядовых винников, находившихся у заторных кадок и винокуренных котлов, была очень тяжелой. В период «спуска» горелки они ночевали во всякое время года в винокуренных сараях. О внешнем их облике так писал очевидец: «Рабочие, винники, были всегда оборванные, в лохмотьях лето и

[64] ЦГИА УССР, РОМ, т. 147, л. 553 об. Рабочую силу в хозяйстве Карпенко старшего составляли: хозяин 69 лет, два племянника 20 и 22 лет, сосед 30 лет, работник 70 лет и работница 12 лет. В хозяйстве младшего: хозяин 40 лет, работница 20 лет, работник 13 лет, вскормленник 13 лет, и «девка на прокорм» 12 лет.

[65] Там же, л. 550.

[66] Там же, л. 560 об.

[67] Там же, л. 550 об.

[68] Там же, л. 559 об.

[69] П. Федоренко. Указ. соч., стр. 146. Указанные сведения относятся к 1768 г. Носатка равнялась 4,5 ведрам. В 1744 г. в коронных владениях платили винокурам по 7 коп. с затора. М. Тищенко. Указ соч., стр. 172.

© ГПБ ОЛН

Таблица 3

Сведения о годовых работниках по найму во дворах крестьян-винокуров с. Новая Гута
(по Румянцевской описи 1768 г.)

	Возраст	Местность, откуда пришел	Оплата	Примечание
Яков Семенов	65	сотня Ямпольская	3 руб. платье, харчи	—
Павел Кириллов	16	«здешний»	1 р. 50 к. платье, харчи	—
Григорий Колюжный	70	г. Глухов	—	Он и жена, 68 лет, «живут за долги»
Родион Попсуенко	12	Гаврилов хутор	—	«Заложен родителями его до отдачи денег»
Феодосия Козмина	20	слобода Козле, Рыльского у.	1 руб. одежда хозяйская	—
Григорий Куликов	13	—	—	«Взят в отца его за должние им денги под заклад до отдачи денег.
(имя не указано)	15	Гаврилов хутор,	—	Живет за долг»
Федор	20	сотня Ямпольская, с. Порохна	3 руб. своя одежда, харчи хозяйские	—
Стефан Овсеев	16	«здешний»	2 руб. одежда и харчи	—
Павел Епифанов	15	сотня Ямпольская, с. Шалимово	—	«Живет за долг»
Петро Званов	13	сотня Погарская	1 руб. одежда и харчи	—
Лукьян Трофимов	9	Старая Гута	—	—
Остап Тимофеев	40	деревня Горожанка Трубчев. у.	«на одежи и харчах хозяйских»	Живет «в отработок» забранных им денег по 6 руб. в год
Ермил Иванов	19	слобода Юрьевка	2 руб. платье и харчи	—
Агафья Каленикова	30	с. Журавка, сотня Ямпольская	1 р. 50 к., платье и харчи	—
Антон Омельянов	30	с. Орловка, сотня Ямпольская	4 руб. одежда и харчи	—

Таблица 3 (окончание)

	Возраст	Местность, откуда пришел	Оплата	Примечание
Василий Семенов	45	г. Стародуб	—	—
Иван Кондратов	18	Старая Гута	живет без найму	—
Федор Федоров	46	с. Жихово	5 руб. платье и харчи	—
Сидор Михайлов	20	не указано	—	«Работник их свойственник».
Родион Стефанов	20	Середина Буда	4 руб. одежда и харчи	«Племянник»
Яков Яковлевич	15	«здешний»	2 р. 50 к. платье и харчи	—
Яков Артемов	20	с. Улица	3 руб. платье и харчи	—
Федор Никитин	22	сотня Ямпольская То же	4 руб. платье и харчи	—
Григорий Семенов	18	«здешний»	2 р. 50 к. платье и харчи	—

зиму; в последнюю прикрывались от стужи изорванными свитами-чекменями, а летом и того не надевали» [70].

Таблица 4

Сведения об имуществе крестьянского хозяйства различных промысловых групп с. Новая Гута
(На основании подворной описи 1768 г.)

Промысловые группы	Число хозяйств				На одно хозяйство приходилось									
					число работников мужского пола			скота						
	дворные	бездворные	всего	%	своих	наемных	строений	лошадей	коров	свиней	возов сена	выкуренного вина, в куфах	консистенции	
Винокуры	45	—	45	61,7	2	0,6	8,2	3,2	2,0	9,2	5,5	14,3	2 р. 90 к.	
Ремесленники	3	10	13	17,8	2	—	3,2	1,5	0,8	—	4,0	—	69 коп.	
Работающие по людям	1	14	15	20,5	1,4	—	1,9	0,8	0,5	—	0,5	—	53 »	

[70] А. Д. Дмитрюков. О винокурении, бывшем в местах Малороссийских... «Вестник Русского географического о-ва», ч. 15, кн. VI. СПб., 1855, стр. 73.

© ЦНТБ СОРАН

Об общем уровне хозяйства людей, живших работой по найму, имеются лишь отрывочные данные, а именно: у троих было по две лошади, очевидно, они «работали по людям» извозом, а у пяти хозяйств лошадей не было. В то же время на одно хозяйство винокуров приходилось в среднем по 3 лошади, 2 коровы, 9 свиней, 5,5 воза сена (табл. 4).

В целом расслоение крестьянства в Новой Гуте было выражено гораздо сильнее, чем в Старой Гуте. Это видно как по числу работавших в ней наемных работников, так и по выделившейся богатой верхушке:

Плательщики податного обложения:	Число хозяйств, %	Вносимая сумма, %
до 50 коп.	23,6	6,8
» 1 руб.	20,8	9,0
» 2 »	25,0	20,3
» 4 »	20,8	33,1
» 9 »	9,8	30,8

Таблица 5

Сведения об имущественных показателях для низшей и высшей групп плательщиков с. Новая Гута (1768 г.)

Группа плательщиков	Число хозяйств		На одно хозяйство приходилось						
			число работников мужского пола		строений	скота			сена возов
	всего	%	своих	наемных		лошадей	коров	свиней	
До 50 коп. . . .	17	23,6	2	—	2,3	0,9	0,7	0,2	0,8
Выше 4 руб. до 9 руб. . . .	7	9,8	2	1	8,7	5,4	2,7	21,0	11,4

Прилагаемые таблицы 4 и 5 показывают: первая — что размер обложения высшей группы превышал в 18 раз размер обложения низшей, что семь дворов (9,8%) высшей группы уплачивали почти треть всего налогового сбора с села. Вторая таблица показывает резкую разницу в имущественном положении этих крайних групп. Отметим, что показатель числа наемных работников очень занижен в силу того, что учесть можно было только живших во дворах. Имея в виду практику найма зажиточными хозяевами малоимущих односельчан, цифру нужно, по крайней мере, удвоить.

К этому нужно добавить скрытую форму эксплуатации. В некоторых зажиточных хозяйствах встречаются «вскормленники» и «взятые на пропитание». Это подростки, 10, 13, 14 лет [71]. Отмечены в источниках и «соседи» — их немного. У богатого винокура И. Карпенко, кроме двух наемных работников, жил сосед Демьян, 30 лет. У кузнеца Федора Котляра — сосед Лукашев, 40 лет, жил с ним в одной хате и несомненно работал в кузнице хозяина. Всего отмечено шесть подобных случаев [72].

Таким образом, в этом торгово-промышленном селе накопления в зажиточных хозяйствах создавались не только от промысловой деятельности и торговых оборотов, но и за счет эксплуатации и даже закабаления разоренных крестьян. В этих условиях вырастали хозяйства столь экономически крепкие, что они неминуемо должны были прокладывать себе пути к свободному использованию рыночных возможностей.

В с. Березка, расположенном в трех верстах от Старой Гуты, имелось 23 хозяйства, в том числе восемь дворов винокуров. Среди последних выделялся двор Тарандеева, у которого была винокурня на четыре котла; пять лошадей, 15 голов рогатого скота, 40 свиней [73]. Остальные винокуры имели по одному или по два котла. Наемные работники были только в трех хозяйствах.

Вблизи с. Березки был хутор с таким же наименованием. Все 11 хозяйств его жили заработками по винокурням, главным образом в с. Березке [74].

Подытоживая численность хозяйств, живших наемным трудом в изучаемом владении В. В. Кочубея, можно привести такие данные: в целом — по трем селам и хутору Березке — было 49 хозяйств, живших заработками «по людям», что составляет около 25% всех хозяйств. Кроме местных, в этих селах работало еще 35 пришлых батраков, что указывает на емкость рынка рабочей силы в условиях товаризации крестьянского хозяйства в Гутах. Продукция крестьянских винокурен в трех селах составила в 1768 г. 1107 куф, или более 30 тыс. ведер горелки, которые шли на рынок [75]. В денежном выражении это примерно 15—18 тыс. руб.[76] Водка курилась из покупного хлеба, который должен был доставляться в Гуты и Березку. В описи всегда

---

[71] ЦГИА УССР, РОМ, т. 147, лл. 554 об., 555, 557, 566.
[72] Там же, лл. 553 об., 542.
[73] Там же, л. 511 об.
[74] ОНН, стр. 158.
[75] Количество куф подсчитано по отдельным хозяйствам согласно описи 1768 г. Куфа взята из расчета 30 ведер.
[76] Средняя цена горелки в 1779 г.— 70 коп. ведро (ОНН, стр. 212).

указывается, что вино курилось «с покупного у великорусских людей» хлеба [77], а в свою очередь, в «Топографическом описании Орловского наместничества» (1783 г.) о жителях города Севска сказано, что они, скупая зерно в городе и окрестностях его, «отпускают хлеб в Малою Россию» [78]. Часть этого хлеба шла на винокурение. Обычно считается, что для выкурки ведра водки необходимо около двух пудов муки (с добавкой в этот вес солода [79]). Для 30 тыс. ведер это составит около 60 тыс. пудов, или около 7 тыс. четвертей покупного хлеба, ввезенного в села. Но в хлебе нуждалось и население, потому что оно не занималось хлебопашеством, а в трех селах и хуторе по описи 1768 г. числилось 1153 души обоего пола [80]. Примечательно, что в Гутах жило трое купцов из Орловской губ.,— двое из г. Орла, а один из г. Севска, занимавшиеся торговлей. Среди подданных Кочубея были также хозяйства, занимавшиеся в селе торгом рыбой, солью и печеным хлебом.

Таковы данные о хозяйстве помещика и живших на его земле крестьянах, которые можно извлечь из Румянцевской описи и документов фонда Кочубеев; все они относятся к 1760-м годам. Никаких сведений о феодальных повинностях в отношении к владельцу — кроме оброка с винокуров — в них не имеется [81]. Однако на основании позднейших документов можно установить, что села этой вотчины выполняли некоторые барщинные работы с давних лет.

Во время судебного разбирательства по поводу подачи крестьянами Старой Гуты прошения Екатерине II в 1795 г. все допрошенные крестьяне-старики согласно показывали о 50-х и 60-х годах, что они, как и остальное население, «отбывали подданические повинности». Некоторые уточняли: возили дрова на винокурни, гатили гребли (плотины), давали по подводе в год на Ярославец (70 верст от Гут), отвозили стеклянные изделия [82]. Эти показания подтверждаются и приведенным выше заявлением владельца в 1760 г. о том, что крестьяне расходятся из его владений, вследствие чего в с. Гуте «винокурня и стекольный завод за неимением дров в работе приостановились» [83]. За счет

[77] ЦГИА УССР, РОМ, т. 147, лл. 522, 523 об. и др.
[78] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. Соймонова, д. 127, л. 33а.
[79] ПСЗ, т. XXII, № 16719, стр. 1118; т. XXIII, № 16742, стр. 5.
[80] Товарным было и свиноводство. По описи 1768 г., у винокуров Старой и Новой Гут было 567 свиней, не считая подсвинков и поросят. Крупные винокуры имели по 15—20 свиней, откармливаемых на барде.
[81] Как известно, в Румянцевской описи отсутствуют данные о феодальных повинностях во владельческих имениях.
[82] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 363, лл. 7, 8 об., 10, 12, 13 об., 15, 17 об.
[83] Там же, д. 103, л. 2.

панщины выполнялись, вероятно, и сенокосные работы, те полторы тысячи возов, которые по описи 1768 г. отнесены к панской экономии. Характер повинностей «дегтярей» можно осветить на основании описи имений гетмана Д. Апостола 1734 г., в которой говорится, что «от дегтярей, которые женут по майданам смоляной деготь, от каждого коня по два рубля денег и по десяти ведер дегтю смольного ж на лето» [84].

Размеры панщины во второй половине XVIII в. на Левобережье составляли три-четыре дня в неделю, кроме целого ряда поборов натуральных и денежных [85]. Но так было в старых селах, давно находившихся на «звыклом послушенстве», т. е. на строгом феодально-крепостническом режиме. Села Старая и Новая Гуты были на положении слобод, а жители слобод обычно выполняли значительно меньший объем работ: сенокосные работы, по возке дров, зерна, по устройству гребель. Прямым доказательством того, что Старая и Новая Гуты были в 1768 г. еще на положении слобод, является «Ведомость», поданная 27 сентября 1768 г. смотрителем имений подкомория В. В. Кочубея в комиссию по составлению Румянцевской описи. В «Ведомости» были перечислены ушедшие из слободы люди (с семьями) и имелись пометы, кто куда «сойшел» [86]. Всего ушло из имения 55 человек, из них 13 «безвестно», остальные на слободы: Михайловку П. Б. Шереметева (трое), Юрьевку кн. Трубецкого (четверо), дворцовую слободу Черню, в соседние владения П. А. Румянцева (Середину Буду и с. Гаврилова слобода), Н. И. Неплюева (с. Улицу и местечко Янполь). Один уход отмечен особо: Леонтий Коваленко «сойшел сего году, купивши землю з Новгородской Знобе в козаки». Никаких документов о задержке движимого имущества ушедших, согласно универсалу 1760 г., в фонде не сохранилось. Люди уходили потому, что право свободного выхода было за ними признано владельцем [87]. Одной из причин ухода был страх перед надвигавшейся переписью населения [88].

[84] М. Судиенко. Материалы для отечественной истории, т. I, отд. 3, стр. 77.
[85] «История Украинской ССР», стр. 376, 384. Характер повинностей натуральных и денежных («оклад») достаточно полно отражен в описи имений гетмана Д. Апостола (1734). М. Судиенко. Материалы для отечественной истории, т. I, отд. 3, стр. 19, 25, 49 и др.
[86] ЦГИА, УССР, РОМ, т. 147. л. 574.
[87] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 363, лл. 13, 13 об., 14.
[88] Там же, л. 15. Показание жителя Старой Гуты Гаврилы Шульгина во время допроса 6 апреля 1795 г.: В. В. Кочубей велел ему, в бытность Шульгина в Ярославле в год переписи, передать, что перепись будет недолго и все останется по-старому, что напрасно «гутянские жители возмутились и многие посходыли».

Рост товарно-денежных отношений и процесс дальнейшего расслоения в селах Старой и Новой Гутах более заметно происходит в последнем десятилетии XVIII в. Помимо документов фонда Кочубеев, ценные данные имеются в хозяйственном описании Новгород-Северского наместничества, составленном в 1779—1781 гг.[89] Изучаемые села Кочубеев вошли в Погарский повет (уезд), и мы находим там следующее их описание: «Село Старая Кочубеева Гута... лежит между лесами по обе стороны реки Улицы, на коей мельница владельческая о двух колах... на проселочной дороге... В том селе церковь деревянная одна (а публичного строения не имеется), партикулярные же владельческий приезжий один об восьми покоях; жителей того села Трофима Козлова две связи[90], в обеих по три покоя, Власа Крышкина дом один о трех покоях, Григория Базарного дом один о трех покоях, Ефрема Котляра дом один о трех покоях, Гаврилы Цимбалиста три дома и шесть покоев... Леса здесь владельческого довольное пространство строевого и дровяного, обывательского же нет; а покупают оной у жителей Трубчевского уезду в Буде Погоще и деревне Горожанке. В том селе: посполитых владельческих дворов 65, хат 69, бездворных хат 35 (всех же обывателей 172). Все жители сего села не имеют вовсе упражнения в хлебопашестве, пропитание же свое и прибыль получают они от винокурения, которое они производят из покупаемого ими в Середипой Буде хлеба, наемными людьми, того же села жительми. Вино сплавливают байдаками вниз по реке Десне в Городище, а иногда рядятся на вино в город Севск и отвозят оное в Глухов и Густин. Прочие же, кои винокурения производить не в состоянии, питаются и прибыль получают от заработков у производящих винокурение»[91]. Здесь важны указания на наемный труд малоимущих у своих же односельчан, на местных крестьян-богатеев, чьи дома перечислены в описи наряду с домом Кочубея, на оживленные рыночные связи. Подобная же хозяйственная характеристика дана

[89] Опись сделана на основании ревизий губернатора Милорадовича, выполнившего ее по распоряжению П. А. Румянцева, считавшего опись 1768 г. к тому времени уже устаревшей. При пользовании ею приходится учитывать следующее: хотя дворы посполитых и казачьи показаны отдельно, хозяйственная характеристика дается по селу в целом («жители»). Это затрудняет выводы в селах сложного состава: например, при указании занятия винокурением нельзя определить, кто является владельцем винокурни, кто наемным работником — казак или крестьянин.

[90] В крестьянской стройке «связка» — вся рубка, составляющая избу или дом: два сруба с сенями. В. Даль. Толковый словарь, т. IV, 1955, стр. 160.

[91] ОНН, стр. 152.

и с. Новая Гута: занятие зажиточных жителей — винокурение, а малоимущих — работа у тех, «кои вино цедят». В селе числилось тогда посполитых дворов 57, бездворных хат — 17[92].

К этому времени промысловая деятельность гутянских крестьян-винокуров была известна за пределами кочубеевского владения. Их знали в Погаре, куда они привозили вино бочками[93], на пристани с. Очкина (на Десне), где «особливо Кочубеевских Гут жители нагружают горячим вином байдаки»[94]. Они приезжали в хутор «Лютая» закупать вино в местной винокурне. Последнее показывает, что среди гутянских винокуров имелись скупщики[95]. Наконец, к 1790-м годам относятся сведения о том, что ряд богатых крестьян, уплатив владельцу выкуп от 1000 до 1500 руб., вышли в мещане и купцы[96].

Росту торговых оборотов обеих Гут способствовала близость к торгово-промышленному местечку Середина Буда (владение П. А. Румянцева), которое лежало на столбовой дороге из Севска в Стародуб, на самой границе с Орловской губ., смежно с богатой хлебом Комарицкой волостью[97]. Здесь окрестные винокуры покупали хлеб и дрова. Ежедневно на большой площади продавалось до 150 четвертей хлеба и до 500 возов дров. Отсюда местные скупщики выезжали в села за пенькой и конопляным семенем. Сюда сбывали сельские ремесленники кади, куфы, деревянную посуду. 8 сентября ежегодно бывала большая ярмарка. В местечке было 74 лавки — с красным товаром, стеклом, рыбой, мясом; около 40 купеческих домов, ратуша.

В самом местечке производилось винокурение в 279 котлах, из них крестьянских было 242. Велась крупная торговля вином, которое десятками тысяч ведер отправляли в разные русские города[98]. Основой такой оживленной торговли были экономические связи с русскими городами и селами. Хлеб, который продавали в Буде, был привозной из «великороссийских мест». Он шел из Комарицкой волости и из Рыльского у. Именно обилие привозного хлеба способствовало распространенности

[92] ОНН, стр. 152. В описи Гут совсем нет указаний на ремесленников, этот пропуск непонятен.

[93] Там же, стр. 108.

[94] Там же, стр. 148.

[95] Там же, стр. 150.

[96] ЦГИАЛ, ф. Кочубеев, д. 88, л. 11.

[97] ОНН, стр. 159—160. В месточке Середина Буда было 383 двора ранговых крестьян.

[98] «И сей промысел столь для жителей прибыточен, что некоторые из них капиталу своего имеют до 5000 руб. Они также великий торг имеют вином, что одним жителем отпущено сего году до 80 000 ведер в разные российские города, то и положить точных капиталов не можно» (ОНН, стр. 160).

винокурения. Дрова также доставлялись из «Великороссии», из соседнего Трубчевского у. Крестьянское винокурение в таком виде, как оно существовало в Гутах, было и в большом соседнем с. Гаврилин хутор (владения П. А. Румянцева), где также не было земледелия; зажиточные крестьяне занимались винокурением (61 двор), а малоимущие работали здесь же по найму [99]. Крупные крестьянские винокурни встречались иногда в хуторах, владельцами которых были крестьяне. Так, подданный П. А. Румянцева С. Воскобойников имел в своем хуторе (Чмарине) винокурню на семь котлов [100], другой крестьянин П. А. Румянцева Ив. Котляр имел в своем хуторе винокурню на три котла [101], подданный Разумовского — на четыре котла. Мелкие казацкие винокурни, рассеянные по разным селам, были обычным явлением. Но в основном винокурение было в руках старшины, получившей с 1785 г. исключительное право на винокурение и обладавшей всем необходимым сырьем и рабочей силой.

Товарность крестьянского хозяйства, показанная на примере кочубеевских сел, не была единичным явлением. Вся прилегающая к ним часть Погарского и Новгород-Северского поветов, все села и деревни были в той или иной мере связаны с рынком [102]. Основная часть крестьянского населения торговала пенькой, конопляным семенем, конопляным маслом своего производства. Хлебопашеством в Погарском у. из-за плохой почвы, а местами из-за малоземелья, занимались в незначительных размерах. В описи 1779—1781 гг. читаем: «...упражняются в хлебопашестве, но лучший доход свой имеют с пеньки, которую вырабатывают в довольном количестве и продают оную» [103]. Занимающихся исключительно хлебопашеством отмечено всего три села. Основным рынком сбыта крестьянской пеньки был город Погар, только изредка указываются Стародуб, Новгород-Северский, Глухов, Почеп. В Погаре было три ярмарки в году: «На оныя приезжают великороссийские купцы и покупают у жителей большою частию пеньку и конопляное масло» [104]. В некоторых случаях отмечена продажа крестьянами пеньки разъ-

[99] ОНН, стр. 153.
[100] Там же, стр. 154.
[101] Там же, стр. 153.
[102] Приводимые ниже краткие данные о крестьянском хозяйстве основаны на просмотре по описи 1779—1781 гг. двадцати девяти сел и восемнадцати деревень, расположенных в южной части Погарского у. и северной Новгород-Северского, т. е. в районе изучаемых сел.
[103] ОНН, стр. 110—119.
[104] «Географический словарь А. Щекатова», ч. 4. М., 1805, стр. 1183; ОНН, стр. 108.

езжающим по селам скупщикам из Погара, например в селе Очкине «пенку продают скупщикам, а масло отвозят в Глухов» [105]. Пенькой торговали крестьяне в соседнем с Гутами с. Стягайловке (Н. И. Неплюева), она продавалась скупщикам [106]. Скупщики приезжали за пенькой и маслом в местечко Гремяч, села Зноба, Жоравка. Прямые указания на использование наемной силы в крестьянских хозяйствах, обрабатывающих коноплю, в «Описи» встречаются, но редко; имеются указания и на то, что «работы же около оной отправляют сами» [107]. Не потому ли так происходило, что окончательная обработка конопли сосредоточивалась в городах (Новгород-Северский, Стародуб, Погар), где находились пенько-трепальные мастерские с наемным трудом [108]. Села, торговавшие хлебом, встречаются редко — можно назвать большое село Чернацкое (в 10 верстах от Новой Гуты), где имелся клин чернозема и была продажа хлеба [109]. Хлеб покупали в Новгороде-Северском и местечке Серединой Буде. Хлеб шел также из пограничных уездов Орловской и Курской губерний — Севского и Рыльского.

Указ 3 мая 1783 г., завершивший законодательное оформление длительного процесса закрепощения, резко изменил положение населения Старой и Новой Гут [110]. С одной стороны, становился невозможным свободный выход, с другой — экономический нажим и внеэкономическое принуждение начали принимать жесткие формы. В силу этого в ближайшие же годы по изданию указа наблюдается бегство крестьян из имения [111].

Насколько указ 3 мая 1783 г. отразился на практике крепостных отношений, видно по «Отношению» Екатеринославского наместнического правления по делу о трех бежавших крестьянах В. В. Кочубея, записавшихся в кременчугское купечество (1788 г.) [112]. Поверенный Кочубея Саенков, приезжавший в Кременчуг за беглыми, настаивал на возвращении двух из них — Игнатия Полошкина и Ивана Кривцова,— потому что они бежали в 1784 г., а по ревизии 1782 г. они уже были записаны как подданные Кочубея. Василий Козел (он же Козлов) с семейством, бежавший в 1782 г. до занесения в ревизские

[105] ОНН, стр. 171.
[106] Там же, стр. 149.
[107] Там же, стр. 112 «сами»; стр. 110 — указание на наемную рабочую силу: с. Валуец «нанимают работников с околичных мест за договоренную цену».
[108] Там же, стр. 4, 39, 107.
[109] Там же, стр. 154.
[110] ПСЗ, т. XXI, № 15724, стр. 908.
[111] ЦГАДА, ф. Кочубеев, дела о бегстве крестьян: дд. 278, 285, 325, 326 и др.
[112] Там же, д. 316, лл. 1—3.

сказки и до указа 3 мая 1783 г., решением Екатеринославского наместнического правления «навсегда» был оставлен в Кременчуге в купеческом звании.

Особенно беспокоило владельца бегство зажиточных крестьян, приносивших кочубеевской экономии большие доходы. От 25 июля 1785 г. сохранилось «протестное доношение» В. В. Кочубея в Новгород-Северский нижний земский суд по делу о бегстве крестьянина с. Новая Гута М. Белявского-Котляренкова. В своем «протестном доношении» Кочубей сообщал, что его крестьянин, записанный за ним в «ревизионных сказках в селе Новой Гуте и в оном через многие давности крестьянскую повинность отбувавший, ночию против 22 числа з семейством и нажитым во владении моем многим имением неизвестно куда бежал» [113].

К 1784 г. относится заявка приказчика В. В. Кочубея о бегстве из с. Старая Гута крестьянина Василия Денисенка, унесшего «денег и пожитков до тысячи рублей» [114].

14 августа 1784 г. В. В. Кочубей подал в Новгород-Северское наместническое правление «доношение» об отдаче в работный дом его крестьянина Григория Полошкина за попытку бегства и за подговор на это других крестьян. По распоряжению правления Полошкин был отослан в работный дом до исправления [115].

Во время крестьянских волнений 1795 г. в одном из обращений в наместническое правление В. В. Кочубей писал, что он «устал, отыскивая своих беглых». Стремясь удержать зажиточных крестьян в своем имении, он требовал за них поручительства. В этом отношении чрезвычайно интересны три поручительные расписки 1786, 1791 и 1792 гг. за крестьян Дмитрия Белодеда и его сына (будущих вожаков движения за освобождение от крепостной зависимости) на случай их бегства [116]. Расписки эти предъявлялись в серединобудянскую ратушу и вносились в книгу за печатью и подписью бургомистра. Только такие «урядовые» записи считались в Гутянской экономии действительными. Поручители обязались, в случае бегства Белодедов, до поимки вносить за них все платежи и выполнять работы. Первое поручительство подписали пятеро крестьян, взявших Дмитрия и Калиника Белодедов «с под ареста», они обязались в случае бегства внести в экономию своих собственных

[113] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 285, лл. 1—2.
[114] Там же, д. 278, л. 1.
[115] ЦГИА, УССР, ф. Новгород-Северского наместнического правления, оп. 1, д. 887, лл. 1—3.
[116] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 296, лл. 1—5, подлинники с печатью Серединобудянской ратуши.

денег тысячу рублей и до розыска выполнять за них крестьянские повинности и «всякую случившуюся уплатню отбувать». В 1791 г. поручителями были екатеринославский купец Иван Полошкин и дьякон серединобудянской церкви; сумма была увеличена до 2 тыс. руб.[117] В период между поручительствами гутянский приказчик Иван Красовский попеременно держал под стражею на цепи то Дмитрия Белодеда, то его сына Калиника с женой [118].

Немногие сохранившиеся приказы Кочубея отражают то укрепление классовых позиций украинской старшины, которое последовало после указа 1783 г. и жалованной грамоты дворянству 1785 г. Население Гут трактуется как «от предков ревизиональные крепостные крестьяне». Угрозы плетьми и жесточайшими наказаниями — обычная манера обращения [119]. Напомним, что издание указа 1783 г. совпало с временем введения нового управления на Украине. В 1782 г. было открыто Новгород-Северское наместничество, в котором все должности, сверху донизу, заполнились представителями украинской старшины [120]. Более совершенный по структуре централизованный аппарат открывал возможность усиления внеэкономического принуждения. В. В. Кочубей занял в нем одну из крупных должностей — советника Новгород-Северского наместнического правления.

Одновременно росло предпринимательство в его личном хозяйстве, повышались доходы, а вместе с тем экономический нажим на подданных.

В приказах, направлявшихся в 1780-х годах в Гутянскую экономию, часто встречаются распоряжения, касающиеся бар-

[117] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 296, л. 4. Среди документов фонда Кочубеев в ЦГИАЛ имеется дело 88-е, содержащее сообщение Калиника Белодеда директору экономии от 18 декабря 1794 г. о сделанном им в 1781 г. изобретении, значительно повышающем прибыль от винокурения. Может быть, это было причиной высокой денежной суммы поручительства и той настойчивости, с какой В. В. Кочубей принимал меры против возможного бегства Калиника.
[118] Там же, л. 363, лл. 7 об., 10 об.
[119] Там же, д. 359, л. 5, д. 368, л. 1. К 1780-м годам относятся официальные сведения о владениях В. В. Кочубея. В формулярном списке 1785 г. чиновников Новгород-Северского правления, советником которого он состоял, сказано «в наместничестве Черниговском и Борзенском уезде в деревне Кунашевки, Песках, Белих Вежах и Загоровки; в Новгород-Северском в уездах Кролевецком и Погарском, в селах Ярославец, Дубовичах, Ретику, в Старой и Новой Гутах и Слободке Васильевке мужеска полу 2500 душ» (ЦГИА УССР, ф. Новгород-Северского наместнического правления, д. 1325, л. 5 об.). Село Березка не числится в списке, так как было отдано в приданое за дочерью.
[120] ЦГИА УССР, ф. Новгород-Северского наместнического правления, д. 1325, лл. 1—24.

щины. Например, «винокура Корнея уволить от панщины с его семейством впредь до приказа»; Никиту Лукавенка «в рассуждении его нищеты и малых детей уволить от панщины на 10 недель»; «Безуглый... увольняется от панщины на 29 дней, а по окончании сего срока употреблять в панщину с прочими наряду, по очереде» [121]. Эти распоряжения показывают, что отработочная рента, которая раньше складывалась из разрозненных спорадических «подданнических повинностей», получила теперь, когда слобожане превратились в крепостных, строго регламентированную форму. Распоряжение, относящееся к Никите Лукавенку, свидетельствует о том, что даже «нищие» хозяйства не освобождались от барщины. Выполнение барщинных работ требовалось и от тех, кто был на оброке.

Отрывки вотчинной переписки подтверждают рост винокурения в экономии в 1790-х годах. Например, к 7 января 1793 г. было приказано заготовить 47 подвод для отправки горелки из Гут на продажу в Нежин, а в случае неудачи — в Киев; семь бочек предписывалось отправить в Пески (хутор Кочубея в Бахмацкой сотне) для продажи в шинке по 1 р. 70 к. за ведро [122], 21 марта туда же была отправлена горелка полугарная по цене 1 р. 25 к. ведро [123]. 17 июля 1795 г. приказчик Гут получил нагоняй за то, что «проспал время», когда в мае и июне стояли хорошие цены на водку — 1 р. 70 к. за ведро, а он не продал ее [124]. Из Ярославца в Гуты посылали хлеб для винокурения — на девяти гутянских подводах 40 четвертей, затем 63 четверти жита (по 9 пудов четверть). Посылали приказы в Гуты принять от посланного Андрея Марковича (шурина Кочубея) для переработки запасы жита и гречи — 140 четвертей. Принимались меры по техническому улучшению процесса винокурения, переделывались котлы и трубы, присылались «градусные пузырьки» для определения крепости спирта [125]. Использовались отходы винокурения: в переписке упоминается о высылке битых кабанов, откормленных на барде, о заготовках сала, кожи, о присылке в Гуты лошадей и коров для откормки.

Кроме доходов, извлекаемых из собственного хозяйства, увеличивались доходы с аренд. Имеются данные о возникновении винокурен в новых местах: сохранились четыре контракта от 1795 г. на аренду винокурен, состоящих из 2 котлов каждая, в хуторе «Грузком», около Гут, на имя дворян Шкаморды, Ковалевского и Финицкого, и контракт купцов Марушенка и Полунина, на 3 котла каждый [126]. В одном из них (контракт Финицкого) указана арендная плата — 22 руб. с котла, в остальных упомянуто, что «уплачивать такою ценою, коя положена будет мне и прочим вольным людям, в том хуторе живущим».

[121] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 359, л. 7; д. 368, л. 3; д. 367, л. 7.
[122] Там же, лл. 3—4.
[123] Там же, д. 367, л. 1.
[124] Там же, д. 359, л. 11.
[125] Там же, л. 13; д. 251, л. 1.

Рост винокурения в изучаемом владении показывает ревизия, производившаяся в 1798 г. по распоряжению губернского прокурора Рашевского [127]. Ее целью было обнаружение производства винокурения лицами, не имеющими на то права. Во владения Кочубея трижды выезжал заседатель нижнего земского Новгород-северского суда Василий Сухота, который обнаружил там недозволенное винокурение. Из рапорта Сухоты о результатах ревизии узнаем, что, приехав в села Старую и Новую Гуты и хутора Новый Пруд, Сидоренко и хутор на речке Грузкой, он застал там винокурение в полном разгаре и лично допрашивал людей, «почему они таково винокурение производят, от кого получают хлеб и дрова, где вино продают». Ему был дан ответ, что «производят де они самими ими в выстроенных по дозволению его Кочубея винокурнях, на земле его, за что платят со всякого котла по двадцати и более рублей денег в год, хлеб же покупают в Серединой Буде и других местах так, как и котлы и протчее, за свои деньги, а дровами ползуются из близ оных винокурень стоящего государевого казенного лесу, поелико Кочубей из своей пущи им невелел на то и дубца вырубить; выцеженное вино продают по разным малороссийским и великороссийским местам» [128]. Сухота требовал запрета недозволенного винокурения. Каждый раз после его приезда приказчик Кочубея Даровский отправлялся в Ярославец докладывать владельцу и получать инструкции. В последнем рапорте Сухота сообщал, что он нашел во владении Кочубея 66 хозяев, курящих вино на 164 котла,— дворян, купцов, мещан и крестьян — подданных Кочубея, но что его усилия прекратить это винокурение встретили такой отпор, что, испугавшись за свою жизнь и жизнь сопровождавших его людей, он спешно удалился. Из его рапорта видно, что вернувшийся из Ярославца приказчик и специально приезжавший с ним «эконом», согласно инструкции Кочубея, заявили, что эти винокурни — владельческие, а люди, которые производят вино, «не хозяева, а его же Кочубея смотрители». Затем «эконом», согласно распоряжению В. В. Кочу-

[126] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 365, лл. 1—6.
[127] Там же, д. 378, л. 1. Годы 1797, 1798 и 1799 отмечены гибелью части хлебов от саранчи.
[128] Там же, д. 378, л. 4.

бея, велел привести 20 человек с дубьем, чтобы не допустить выламывания котлов.

Из всего этого видно, что за период с 1768 по 1798 г., т. е. за 30 лет, число котлов увеличилось с 127 до 164, плата с котла выросла с 7 руб. до 20, а сумма дохода с 880 руб. до 3280 [129].

Таким образом, рост денежных доходов Гутянской экономии к концу века шел за счет оброка с крестьян, арендных платежей, продажи продукции владельческих винокурен. Появление среди вотчинной администрации В. В. Кочубея особого «управителя винными заводами», участие в контрактах на поставку вина в казну [130], а также данные о хозяйстве в целом [131] показывают, что оно теряло натуральный характер и в значительной степени было связано с рынком. Во второй половине XVIII в. эта черта была уже присуща многим помещичьим хозяйствам Левобережной Украины [132].

Подытоживая изложенный выше материал, указывающий на развитие товарности как помещичьего, так и крестьянского хозяйства, можно сделать следующие выводы.

Перед нами один из примеров зарождения капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве крепостного поместья. Мы наблюдаем в селах Старой и Новой Гутах далеко продвинувшееся расслоение крестьянства, образование большой группы хозяйств, лишенных средств производства и существовавших только продажей своей рабочей силы.

Важное значение имело то обстоятельство, что почвой для зарождения новых, капиталистических отношений явилось не земледельческое село, а промысловое, где товарность крестьянских хозяйств была значительно выше и где наряду с панщиной

[129] Даже учитывая падение курса ассигнаций до 68,5 коп. в 1794 г., все же имеется увеличение дохода в два с половиной раза.

[130] ЦГАДА, ф. Кочубеев, д. 216, л. 1.

[131] Здесь имеется в виду зерновое хозяйство с. Ярославца В. В. Кочубея, скотный двор и конный завод в хуторе Белые Вежи, винокуренный в с. Кунашевке.

[132] Например, хозяйство Базилевских на Полтавщине (А. И. Гуржий. К вопросу о характере помещичьего хозяйства на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. «Исторические записки», кн. 34, 1950, стр. 338); или хозяйство Г. А. Полетики на Стародубовщине, в селах Чеховке и Юдинове. Винокурение составляло главную отрасль хозяйства. Кроме хлеба, из собственных владений делались закупки большими партиями (до 1000 четвертей) у купцов в Трубчевском у. Учитывалась рыночная конъюнктура и административные связи для наиболее выгодной продажи и поставки вина («Частная переписка Г. А. Полетики». «Киевская старина», 1893, т. III, стр. 506, 508, 513; т. IV, 1777, стр. 100, 113).

имелись оброчные отношения, а также бо́льшая самостоятельность в ведении хозяйства в связи с режимом слобод.

Малоимущему слою здесь противостояла зажиточная верхушка крестьян, применявшая в своих хозяйствах наемный труд как пришлых работников, так и односельчан. Она сосредоточивала в своих руках средства производства — винокурни и их дорогостоящее оборудование. В ее среде происходило большое накопление денежных средств, связанное с регулярной продажей продукции на рынке.

Однако мелкотоварное хозяйство зажиточных винокуров не перерастало еще в Гутах в крупное капиталистическое предприятие, поскольку личный труд хозяев имел здесь большое значение в производстве. Только такие сравнительно крупные винокурни, как винокурни Карпенков, работавшие на шесть котлов каждая, приближались к этой стадии.

Оформление крепостничества, последовавшее в 1783 г., и усиление как отработочной так и денежной ренты явились тормозом для дальнейшего развития буржуазных отношений.

Ю. Р. Клокман

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ОСТАШКОВСКОЙ СЛОБОДЫ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Развитие промышленности, товарного производства и торговли в России в середине XVIII в. имело своим следствием дальнейшее углубление специализации отдельных хозяйственных районов страны, рост городов, возникновение новых торгово-промышленных центров. Этот процесс заметно сказывался и на северо-западе России, в частности, в обширной прежде Новгородской губ. В 70-х годах XVIII в. были, например, преобразованы в города Вышний Волочек, села Боровичи и Валдай, Тихвинский посад, Вытегра, Петрозаводск.

В 1770 г. была преобразована в город и Осташковская слобода [1]. Однако и до этого правительственного акта, как будет показано ниже, Осташковская слобода выросла в крупный центр кожевенного производства; широкое распространение в ней получили также различные промыслы, торговля.

В настоящей статье автор рассматривает торгово-промышленную деятельность населения Осташковской слободы в середине XVIII в. до преобразования ее в город Осташков [2].

Древнейшим видом промысла осташковцев, крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря, являлось рыболовство. Этому в немалой степени способствовало расположение слободы на

[1] ПСЗ, т. XIX, № 13468, стр. 68.

[2] На месте поселения, ставшего впоследствии городом Осташковом, существовало две слободы, одна из них принадлежала Иосифо-Волоколамскому монастырю и называлась Иосифовской слободой, другая считалась патриаршей (с 1729 г.— синодальной) слободой (И. Ф. Токмаков. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений. М., 1906, стр. 16—38). В дальнейшем изложении под Осташковской слободой и «Осташковом» мы имеем в виду, как правило, обе названные выше слободы.

берегу озера Селигер, издавна славившегося своими рыбными богатствами. Озеро Селигер является наиболее крупным из озер верхневолжского бассейна. Оно занимает площадь (со всеми находящимися на нем островами и заливами) около 228 кв. верст. В нем в изобилии водились тогда судаки, лещи, сомы, щуки, снетки и многие другие породы рыб.

Крестьяне обеих Осташковских слобод пользовались правом рыбной ловли в озере Селигер, платя за это оброк в размере 300 руб. в год — одни в Иосифо-Волоколамский монастырь, другие в синодальную контору [3].

В середине XVIII в. рыболовный промысел на Селигере и в первую очередь в Осташкове получает большое развитие в связи с усилившейся поставкой рыбы на рынки Петербурга, Москвы, Твери, Новгорода и других городов [4].

Значение рыбного промысла в торгово-промышленной деятельности осташковских крестьян подчеркнул новгородский губернатор Я. Е. Сиверс. В 1769 г., представляя в Сенат свое мнение об учреждении города Осташкова, он в числе других мотивов указывал на занятость ее жителей «разными торгами, а особливо великим рыбным промыслом» [5].

В 1742 г., ко времени составления переписной книги крестьян Иосифовской Осташковской слободы, рыболовным промыслом в ней было занято 82 человека [6]. В это число входили не только рыбаки, но и торговцы рыбой, которые, помимо своего улова, скупали и перепродавали рыбу других крестьян-рыбаков. Кроме того, «для рыбной ловли» за пределами слободы, у озера Ильмень, возле озер Стерж, Велье, Валдай и во многих других местах верхневолжского бассейна проживало еще 45 человек осташковцев [7].

Значительное число крестьян-рыболовов ежегодно «летним, а иногда и зимним временем» отправлялось из Осташкова на промыслы к побережью Финского залива и на р. Неву, преимущественно в район Петербурга, а также в Кронштадт, Нарву и Ревель (Таллин) [8].

[3] ЦГАДА, ф. Главного магистрата, оп. 2, д. 7425, л. 3 об.

[4] ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 252/3823, лл. 235, 414 и др.

[5] Там же, л. 98 об.

[6] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742, д. 7, лл. 39—125. В этой книге всех крестьян мужского пола, живших в слободе, указано 930 человек. Исключив из этого числа детей моложе 14 лет и стариков старше 75 лет, мы получим 574 человека взрослых мужского пола.

[7] Там же, лл. 126—130 об.

[8] ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 252/3823, лл. 177—178; ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742, д. 7, л. 72 об.

Со временем часть рыболовов оседала в тех или иных городах и деревнях, переходила на постоянное жительство в новых местах своего промысла. А. И. Гайсинович, исследовавший состав цехов Петербурга за период 1721—1724 гг., установил, что уже в то время Осташков был одним из основных пунктов (после Ярославля, Москвы, Галича, Костромы, Романова, Пошехонья, Кашина, Ростова и Новгорода), откуда прибывали ремесленники в новую столицу России. В одном только рыбном цехе в Петербурге в 1724 г. из 127 человек его членов выходцев из осташковских крестьян было 23 человека [9].

В середине XVIII в. рыболовный промысел осташковских крестьян приобретает все более товарный характер, среди крестьян-рыболовов заметнее становится расслоение. С одной стороны, беднеет основная масса крестьян, которая вынуждена ограничиваться только ловлей рыбы и даже бросать свое хозяйство, чтобы идти работать по найму, а с другой — растет зажиточная верхушка, богатеющая на торговле.

В 1742 г. из числа проживавших в Осташковской слободе крестьян, занимавшихся только ловлей рыбы, собственно рыболовами являлись 22 человека, а 7 человек работали на рыбных промыслах в Ревеле и других местах, «нанимаясь у разных людей» [10]. Другие (27 человек) наряду с продажей рыбы своего улова скупали ее у своих же слобожан и вели торговлю за пределами Осташкова, наконец, 4 человека торговали в разных городах только купленной рыбой.

Следует отметить, что в ряде семейств осташковских крестьян рыболовный промысел не являлся единственным источником существования. Рыболовство крестьяне сочетали с вязанием сетей, выделкой кож, шитьем сапог, изготовлением бочек и прочими видами промыслов. Например, братья Михайла и Конон Бочкаревы наряду с ловлей рыбы занимались бондарным промыслом, они продавали бочки крестьянам своих слобод [11]. В семье Калины Юрьева сына Нечкина отец промышлял рыбной ловлей, продавая рыбу «на месте», а дети Мирон и Иван делали кресты и серьги [12]. Евстрат Нечкин занятие рыболовным промыслом соединял с «отъезжим торгом» и плотничеством [13].

[9] А. И. Гайсинович. Цехи в России в XVIII в. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1931, № 5, стр. 539—541.

[10] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, лл. 72 об., 118 об.

[11] Там же, л. 61 об.

[12] Там же, л. 49.

[13] ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 252/3823, л. 175 об.

Сочетание рыболовства с другими видами производственной и торговой деятельности, с последующим вытеснением рыболовства, составляло характерную особенность хозяйственного развития Осташковской слободы с 40-х годов XVIII в. В течение последнего тридцатилетия, предшествовавшего преобразованию ее в город, слобода заметно растет как торговый и промышленный центр Новгородской губ., в ней развиваются кожевенная промышленность, сапожное производство, кузнечное дело, бондарный и другие промыслы.

Выделка кож для шитья сапог, рукавиц, кожаных фартуков и других предметов снаряжения рыболова и повседневного обихода крестьянина издавна существовала в Осташковских слободах. В дальнейшем кожевенное производство стало ведущим видом промышленности Осташкова. В третьей четверти XVIII в. Осташков стал уже одним из значительных центров по обработке кожи в Новгородской губ.

Росту кожевенного производства в Осташковской слободе способствовало развитие скотоводства на северо-западе России, а также благоприятное географическое расположение слобод на берегу озера Селигер. Густые леса, окружавшие слободу на большом протяжении, давали возможность получать на месте дешевый деготь, кору и золу, употреблявшиеся в кожевенном производстве, а озеро с избытком обеспечивало жителей проточной водой для мочения кож.

По данным переписной книги 1742 г., в Иосифовской слободе было 28 кожевников и 32 сапожника. Подавляющее большинство кожевников (20 человек) наряду с выделкой кож занималось также шитьем сапог и рукавиц, реализуя свои изделия обычно «на месте», т. е. в слободе.

Некоторые специализировались на выделке овчин, другие только шили и продавали рукавицы. Насколько низким был их жизненный уровень, видно из того, что рукавичники платили денежный оброк в размере не больше 15 коп. в год, в то время как осташковцы, занимавшиеся выделкой кожи, платили 30—40 коп. оброка и выше.

Господствующей формой организации кожевенного производства в Осташковской слободе оставалась еще мелкая крестьянская промышленность. Но уже с 30—40-х годов XVIII в. здесь появляются кожевенные заводы [14].

Одним из первых был завод Алексея Григорьевича Савина, родоначальника известной впоследствии фамилии фабрикантов, сосредоточивших в своих руках наиболее крупные кожевен-

[14] И. Ф. Токмаков. Указ. соч., стр. 213—214.

ные предприятия Осташкова. В документах кожевники Савины впервые появляются в Осташковской слободе в 1701 г. В приходо-расходных книгах Ниловского монастыря за этот год указано, что Федор Фомин сын Савин выделал «6 кож больших, за работу дано ему 1 руб. 10 алт.» [15]

У нас нет сведений, каким образом был нажит Савиными капитал, необходимый для организации кожевенного завода. Видимо, выделка кож и продажа их на рынке дали возможность предприимчивой семье 30 лет спустя организовать крупное кожевенное предприятие.

Сравнительная дешевизна сырых кож, несложность орудий производства и самого процесса обработки кожи, практикуемого в то время, не требовали больших затрат на организацию предприятия. Скорее всего первый завод Савина возник на базе «кожевенной избы», какая встречалась и у других крестьян Осташковской слободы.

Одна такая изба принадлежала, например, однофамильцу заводчика Логину Андрееву сыну Савину. В переписной книге крестьян Иосифовской слободы 1742 г. указано, что его кожевенная изба помещалась на отдельном дворе, расположенном в стороне от жилья, возле озера Селигер. Специально предназначенная для производства кож, эта изба была размером 4,5 × 4 сажени [16]. По всей вероятности, выделка кож производилась силами членов семьи Логина Савина: у него было три взрослых сына и дочь; продукция продавалась на местном рынке.

Следует отметить, что выделка кож в семье Логина Савина сочеталась с торговлей мясом и солодом в Петербурге. Очевидно, капитал, нажитый в процессе торговой деятельности, дал возможность Логину Савину начать производство кож, на первых порах в небольших размерах. Сумма годового оброка Логина Савина составляла 1 р. 23 к.

В 50—60-х годах XVIII в. кожевенное производство в Осташкове получает дальнейшее развитие, увеличивается количество заводов и объем выпускаемой ими продукции, растет число мастеров-кожевников. По свидетельству местных купцов, в это время в Осташковских слободах были уже «немалые кожевенные заводы» [17].

Еще более важно подчеркнуть, что в составе заводовладельцев в данный период выступают представители нарождавшейся буржуазии Осташкова, в недавнем прошлом рядовые кожевники. Например, в 1753 г. собственниками заводов являлись в Иосифовской слободе Аврам Савин (сын уже упомянутого нами Логина Савина), Федул Савин, Михаил Северов, в Синодальной слободе — Родион Лукашев и другие осташковцы — выходцы из крестьян [18].

Так, Федул Никитин сын Савин в переписной книге крестьян 1742 г. числился кожевником. Он и его сын Иван выделывали кожи, шили из них рукавицы и продавали свой товар «на месте». Относительно другого владельца завода, Михаила Северова, в переписной книге 1742 г. также написано, что он «делает кожевенное мастерство, шьет рукавицы и продает на месте».

На заводах Осташкова выделывалась главным образом простая кожа (преимущественно конская). В 1772 г., когда Осташков стал городом, его кожевенные заводы, по словам автора специального исследования, вырабатывали уже довольно значительное количество кожи [19].

Простая конская кожа находила широкий сбыт непосредственно в самом Осташкове. Из этой кожи шили сапоги, рукавицы, фартуки, употребляемые в рыболовном и кузнечном промыслах. Большим спросом, особенно среди рыболовов, пользовались, в частности, белые сапоги с высокими голенищами, известные далеко за пределами слободы под названием «осташей».

В дальнейшем на кожевенных заводах Осташкова, наряду с белой и черной, была освоена выработка красной юфти, а также других сортов кожи [20].

В 1783 г. в Осташкове было всего 35 заводов, из них три завода красной и белой юфти и шесть сыромятных заводов. Годовой оборот всех заводов составлял сумму в 87 878 руб.[21]

Академик Н. Я. Озерецковский, посетивший озеро Селигер и Осташков уже в начале XIX в., записал в своей книге, что кожевенные заводы способствовали развитию промышленности молодого города. По его данным, в Осташкове насчитывалось тогда в общей сложности до 28 заводов, причем некоторые из них, как указывал автор, были основаны «уже за 30 и 50 лет». На заводах, писал он, «выделывается сафьян, козлы, опойки, юфть, подошвенные и другие простые кожи, кои сырые или

[15] И. Ф. Токмаков. Указ. соч., стр. 33.
[16] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, л. 43 об.
[17] Там же, 1758 г., д. 91, л. 7.
[18] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, лл. 108, 116.
[19] И. Ф. Токмаков. Указ. соч., стр. 213.
[20] Например, только на одном заводе К. А. Савина с 1792 г. вырабатывалось ежегодно красной юфти в количестве 30—40 тыс. кож (В. Покровский. Историко-статистическое описание Тверской губернии, т. I, отд. III. Тверь, 1879, стр. 143).
[21] В. Покровский. Указ. соч., отд. I, стр 132— 133.

несколько обработанные скупают в разных местах своего уезда, а в торговые дни и в самом Осташкове». Сырье для заводов приобреталось в год на 410 198 руб., а выделанных кож продавалось без малого на 500 тыс. руб. [22] Изделия из кожи, особенно русские сапоги, в большом количестве вывозились на продажу из Осташкова в Петербург и другие города.

Это свидетельство академика Озерецковского, относящееся к более позднему периоду, важно для нас в том отношении, что оно говорит о несомненном росте кожевенного производства в городе Осташкове. Осташков в начале XIX в., по утверждению этого современника-путешественника, являлся одним из крупных центров кожевенной промышленности, сапожного производства Тверской губ. Но основу его хозяйственной специализации можно видеть еще в рассматриваемое нами время.

Наряду с кожевенным производством в Осташкове в середине XVIII в. была развита железоделательная промышленность. Осташковские кузнецы выделывали в основном сельскохозяйственные орудия, гвозди, топоры, подковы, домашнюю утварь. Производство гвоздей, больших и малых, а также якорей и других изделий было связано с весьма распространенными в то время в слободе сапожным, барочным и судовым промыслами [23].

Важную роль в развитии кузнечного дела в Осташковских слободах сыграл Вышневолоцкий канал, связавший прямым судоходным путем реки Волгу и Неву. «Железные караваны», следовавшие с Урала в Петербург, немалую часть своего груза оставляли в Твери, Вышнем Волочке, Боровичах и иных местах, откуда железо без особого труда привозили в Осташков. Уральское железо было значительно лучше и дешевле того, которое вырабатывалось в пределах Новгородской губ. из местных низкосортных болотных руд. А в дешевом угле осташковские кузнецы недостатка не испытывали. К этому можно добавить, что близость большого водного пути обеспечивала также и удобства сбыта из Осташкова готовой продукции.

Переход осташковских кузнецов к использованию привозного железа помимо всего прочего свидетельствовал о дальнейшем углублении общественного разделения труда в России.

В середине XVIII в. наблюдается значительное имущественное расслоение среди кузнецов Осташкова.

В 1742 г., по данным переписной книги, в Иосифовской слободе было 73 кузнеца, из числа которых 18 человек занимались

[22] Н. Я. Озерецковский. Путешествие на озеро Селигер. СПб., 1817, стр. 148—150.
[23] В. Покровский. Указ. соч., отд. I, стр. 130.

кузнечным промыслом в Нарве, близ Вышнего Волочка, в различных деревнях Новгородского у., Молодотудской волости Ржевского у. и прочих местах. Они являлись отходниками и регулярно каждый год выбывали для кузнечной работы за пределы своей слободы, а со временем и оседали в районах, где промышляли, на более или менее длительный срок.

За вычетом отходников непосредственно в кузнечном производстве в Иосифовской слободе было занято 46 человек, а остальные 9 человек сочетали кузнечный промысел с торговым: они продавали мясо и солод в Петербурге и иных городах. Всего на 46 кузнецов, постоянно проживавших в данной слободе и занимавшихся кузнечным промыслом, приходилось 32 кузницы [24]. Из этого числа только 22 человека являлись собственниками 16 кузниц, остальные или арендовали их, или же, совершенно разорившись, работали по найму у своих разбогатевших слобожан.

Так, Анисим Свинкин снимал кузницу у синодального крестьянина Карпа Стебакова, Алексей Чашников работал «в наемной кузнице Ивана Мигочева» [25]. Работали кузнецами «из найму» Кирилла Свинкин (он не имел собственного двора и жил у брата Андрея, тоже кузнеца, постояльцем), Архип Коновалов и Иван Дорогулин.

Все они платили денежного оброка в Коллегию экономии не свыше 7—15 коп. в год [26].

Значительной была имущественная дифференциация и среди самих владельцев кузниц. Некоторые из них, обеднев, владели только половиной, а то и третьей частью кузницы, находясь на грани почти полной утраты своей производственной самостоятельности. Сумма годового денежного оброка таких кузнецов, как правило, не превышала той, какой облагались кузнецы-арендаторы или работавшие по найму, т. е. 15 коп.[27] А Роман Феоктистов сын Свинкин хотя и располагал собственной кузницей, но оброка «за скудостью» вовсе не платил [28].

Зажиточные кузнецы платили денежный оброк в Коллегию экономии обычно в размере 30—40 коп. и выше [29]. Некоторые кузнецы имели по две-три и больше кузниц: последние отдавались ими в наем другим кузнецам. Например, уже знакомый

[24] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, лл. 47 и об.; 49—63, 66, 67 и об., 70 об.— 76, 80, 84 об., 97, 125 об., 130 об.
[25] Там же, лл. 66 об., 70 об.
[26] Там же, лл. 60 об., 76 об., 97.
[27] Там же, лл. 49, 53, 56, 74 об. и др.
[28] Там же, л. 61.
[29] Там же, лл. 47 об., 51 об., 63, 71 и др.

нам Иван Мигачев владел тремя кузницами. В одной из них он работал сам с взрослыми сыновьями Савелием и Родионом, а остальные две «отдавал в наймы» [30].

Из числа зажиточных кузнецов многие перешли затем в купеческое сословие. Так, в 1751 г. стали купцами Мирон Антонов, Никифор Северов, Архип Ужинский [31]. Тогда же записались в купечество Афанасий Свинкин и Козьма Трошнев, отцы которых за 15 лет до этого были еще кузнецами [32]. Из трех кузнецов — сыновей Егора Трошнева — Андрея, Максима и Симона — последний, видимо, оказался удачливее своих братьев, и в 1757 г. мы также видим его в составе осташковского купечества [33].

В 60-х годах XVIII в. в Осташковских слободах насчитывалось всего 38 человек торговцев-предпринимателей, «имеющих кузнечное мастерство из купечества» [34]. Сами они уже давно не работали в своих кузницах, а использовали в этих целях наемных работников, главным образом тех же осташковских ремесленников-кузнецов.

Представители этого купечества, владеющие «разным железным мастерством», вели обширную торговлю изделиями из железа и другими товарами далеко за пределами Осташкова. Например, имели торг «железным товаром» в Осташковских слободах и в «разных Российских городах» братья Трофим и Петр Дорогулины, Архип Ужинский, Федор Свинкин «с детьми», Роман Свинкин, Василий Кошкин «с братом», Лука Северов, Родион Антонов «с сыном» и многие другие. Все они владели капиталом в размере от 200 до 300 руб. [35]

Намного раньше рассматриваемого периода некоторые ремесленники-металлисты специализировались на обработке меди. В 1742 г. в Иосифовской слободе насчитывалось уже 14 медников; кроме того, 5 человек занимались выделкой крестов, различных пряжек и серег, наконец, 1 человек был серебренником [36].

В середине XVIII в. в Осташковских слободах (Иосифовской и Синодальной) были развиты также бондарный и плот-

[30] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, лл. 58 об.
[31] Там же, лл. 51 об., 54 об., 84 об.
[32] Там же, лл. 63, 80.
[33] Там же, л. 51 об.
[34] ЦГАДА, ф. Комиссии о коммерции и о пошлинах, д. 445/37, лл. 42 об.— 45.
[35] Там же, лл. 42 об.— 43 об.
[36] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, лл. 49, 60, 68—70, 73 об., 80 об., 88 об., 124 об.

ничный промыслы, строительство большегрузных лодок, так называемых «осташевок», вязание рыболовецких неводов и сетей, шитье одежды и шапок, красильное дело, иконописный промысел и т. д.[37] Многие жители Осташкова занимались перевозкой гранитных плит и камня в столицу [38]. Некоторые из них имели собственные суда, другие выступали в качестве наемных работников, продавая свою рабочую силу.

Работой по найму была занята значительная часть жителей Осташковских слобод. По материалам переписной книги крестьян Иосифовской слободы 1742 г., из 574 человек взрослого мужского населения (от 14 до 75 лет) 145 человек являлись наемными работниками, что составляет 25,2%.

Подавляющее большинство их выполняло всякого рода «черную работу» у местных торговцев и предпринимателей, другие направлялись в отход — в Ревель, Петербург, нанимаясь ловить рыбу, работать на судах, следовавших по Вышневолоцкой водной системе, и т. д.

Более квалифицированные работники, например столяры, иконописцы, каменщики, не находили достаточного применения своего труда по месту жительства. Они «за малоимением» в Осташковской слободе «такового ко исправлению дела,— читаем мы в одном из документов Сената,— оставя дома свои, отходят в уезды и у разных посторонних помещиков в селах и в погостах и в слободах, в монастырях и в пустынях и в прочих местах работают из найма» [39].

При этом интересно отметить, что наряду с мужчинами нанимались на работу также женщины. Переписная книга крестьян Иосифовской слободы 1742 г. устанавливает несколько таких случаев. Например, вместе с братьями Иваном, Яковом, Федором и Егором Ефремовыми работала по найму их сестра двадцатилетняя девушка Фекла Ефремова [40]. Равным образом нанималась на черную работу вдова Матрена Терехова. Последняя «за скудностью» (у нее на руках было трое малолетних детей) оброка в Коллегию экономии вовсе не платила [41].

Среди женщин Иосифовской слободы было довольно распространено отходничество. Так, за один только 1742 г. «в от-

[37] ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 252/3823, лл. 167—170, 203—204 и др.; ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7.
[38] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, лл. 65, 70, 100, 110.
[39] ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 252/3823, л. 204.
[40] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, л. 45 об.
[41] Там же, л. 51.

лучках для промыслов» находилось 97 женщин, в то время как мужчин в тот же период ушло в отход 144 человека [42].

Работавшие по найму представляли собой беднейшую часть населения Осташковских слобод. Многие из них не только лишены были средств производства, но не имели своего двора, жили у других, более самостоятельных слобожан в качестве жильцов. В большинстве случаев они платили минимальный денежный оброк (7 коп.) или «за скудностью» вовсе не были положены в тягло [43].

В дальнейшем, в связи с развитием товарно-денежных отношений и углубившимся расслоением крестьянства, контингент людей, работавших по найму в Осташковских слободах, непрерывно увеличивался. Его пополняли в основном обедневшие кузнецы, кожевники, сапожники и другие ремесленники, полностью утратившие свою производственную самостоятельность. разорившиеся купцы, крестьяне окрестных деревень, приходившие в Осташков в поисках заработка.

В 1764 г. в Осташкове находилось, например, 50 человек, хотя и «считающихся купцами» в списках населения слобод, но не имеющих за собой никаких «торгов и мастерства», единственным источником существования которых являлась работа по найму. Кроме них, здесь было еще 38 человек, «престарелых, дряхлых и увечных», т. е. по существу нищих. Последние, как отмечала Осташковская ратуша, «кормятся мирским подаянием» [44].

Значительная часть ремесленно-промыслового населения Осташкова, занимавшаяся отходничеством, со временем оседала в новых местах — там, где находила применение своему труду. Немало осташковцев постоянно проживало «для разных промыслов» в Петербурге как «по паспортам», так и без всяких отпускных свидетельств [45].

Некоторые кузнецы в поисках лучших условий работы перебрались из Осташкова в Нарву, другие расселились по селам и деревням обширной Новгородской губ. Особенно много осташковских кузнецов обосновалось в Молодотудской волости Ржевского у., входившего прежде в состав Тверской провинции Новгородской губ.

---

[42] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, л. 133 об.

[43] Там же, лл. 68, 73—75 об., 78, 85 об., 111 об., 112 и др.

[44] ЦГАДА, ф. Комиссии о коммерции и о пошлинах, д. 479, л. 19.

[45] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, лл. 132 об., 133, 135; 1745 г., д. 3, л. 8 и об.; ф. Комиссии о коммерции и о пошлинах, д. 445/37, лл. 48 об.— 49.

Так, переехал на постоянное жительство из Осташковской слободы с женой и детьми в деревню Овчинники Молодотудской волости кузнец Зот Фокин. В том же Ржевском у. «в разных деревнях для кузнечной работы» проживали Василий Кошкин, Авдей Аристов, Ермолай Кошкин и Маковей Трошнев с семьями. Все они платили оброк в Коллегию экономии от 15 до 30 коп. в год [46].

В августе 1740 г., «сбежав из Иосифовской Осташковской слободы без данных им от земской избы паспортов», поселились в Нарве крестьяне — братья Савва, Родион и Антон Мигочевы. Они обзавелись собственной кузницей в деревне Дубки (близ Нарвы) и стали работать в ней кузнецами [47].

Вскоре у них появился наемный работник Моисей Чецулин, который также «сбежал» из названной Осташковской слободы, укрываясь от рекрутского набора. Когда за ним явились посланные из земской избы крестьяне Федор Чецулин, Тихон Макаров, Митрофан Трубицын и Семен Смоляников, братья Мигочевы оказали им вооруженное сопротивление и «того, годного в рекруты Моисеева сына отбили» [48].

Мигочевы на долгое время обосновались в Нарве, приобрели в городе недвижимую собственность (дом), и все последующие попытки Осташковской земской избы вернуть их в Иосифовскую слободу успеха не имели [49]. В дальнейшем они стали купцами и уже в этом звании сами возвратились в Осташков.

В середине XVIII в. мы видим выходцев из Осташковских слобод и во многих других городах страны. Они встречаются нам в составе посадского населения Старой Русы, Новгорода, Пскова и даже в более отдаленных от Осташкова — Смоленске, Верее, Риге [50].

В рассматриваемое время имеет место и другое явление — переход в Осташковские слободы крестьян разных селений, занимавшихся всякого рода промыслами и торговлей [51].

---

[46] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, лл. 125 об., 130 об., 131.

[47] Там же, 1738—1740 гг., д. 18, лл. 1—1 об.

[48] Там же, л. 2.

[49] Там же, лл. 1 об.— 3 об.

[50] ЦГАДА, ф. Главного магистрата, оп. 3, д. 10524, 12315; ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1738—1740 гг., д. 18, лл. 1—3 об.; 1742 г., д. 7, лл. 130 об.— 131 об.; 1745 г., д. 3, лл. 7—8 об.

[51] ЦГАДА, ф. Ландратских книг и ревизских сказок, д. 5684, лл. 669—672 об., 675 и об., 683; ф. Главного магистрата, оп. 3, д. 17196, лл. 1—10; оп. 5, д. 21623, лл. 291—293 об.; ф. Комиссии о коммерции и о пошлинах, д. 479, лл. 51, 56.

Наряду с мелкой промышленностью в некоторых отраслях переставшей в более крупные предприятия, значительную роль в хозяйстве Осташковских слобод играла торговля.

Кожевенное производство в Осташкове было связано с развитием скотоводства, а последнее влекло за собой рост торговли мясом. В середине XVIII в. многие крестьяне Осташковских слобод били скот и, засолив мясо, в большом количестве вывозили его на продажу в Петербург и другие города. Наряду с мясом они, как правило, отправляли в новую столицу также и солод, выращенный или в собственных солодовнях или же скупленный ими у своих однослобожан.

В 1742 г. в одной только Иосифовской Осташковской слободе 46 человек вели торговлю солониной и солодом в Петербурге, 10 человек продавали исключительно солод, а 24 человека — только мясо, преимущественно «на месте», и, наконец, 2 крестьянина растили солод «разным людям из найму» [52].

Среди торгующих крестьян Осташкова, поставлявших мясо и солод в Петербург, встречались особенно крупные воротилы-скупщики, нажившие на этих операциях значительные капиталы. У некоторых из них имелись наемные работники или даже собственные крепостные [53].

Таким крупным торговцем-предпринимателем являлся, например, Никифор Белков, у которого была крепостная работница, «купленная девка Катерина Никитина дочь, 20 лет» [54]. Помимо торговли мясом и солодом в Петербурге, Белков занимался также торговым огородничеством, выращивал овощи на продажу (он владел шестью огородами в своей слободе). Оброку от всех своих доходов он платил в Коллегию экономии ежегодно 2 р. 77 к. [55]

В семье братьев Василия и Макара Суворовых было два крепостных работника. Наряду с торговлей скупленным мясом и солодом в Петербурге братья разводили овощи на продажу; у них было в общей сложности девять огородов в слободе и ее окрестностях. Василий, кроме того, имел «свои две лавки», одну — в москательном ряду, другую — «близ рыбной площади». Третью лавку мать Василия и Макара — Дарья Суворова отдавала «в наймы в год по рублю». Их ежегодный оброк в Коллегию экономии равнялся 1 р. 38 к. [56]

[52] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7.
[53] Там же, лл. 39 об.— 40, 58, 64 об.— 65.
[54] Там же, л. 96 об.
[55] Там же, лл. 96 об.— 97.
[56] Там же, лл. 39 об.—40.

Еремей Соловьев имел двух наемных работниц. Основным его занятием также была продажа мяса и солода в столице, дополняемая огородничеством (ему принадлежали три огорода) и сдачей в наем торговых и жилых помещений. Он являлся собственником амбара «на рыбной площади» и двух дворов. В одном из них проживал «жилец Ефим Петров сын Тюлев», торговавший мясом в Осташкове [57].

Известными поставщиками мяса и солода в Петербург являлись также Пантелей Мосягин, Герасим Молодожников и Андрей Фокин. Братья Василий и Антон Дрызловы в период Семилетней войны России с Пруссией (1756—1762 гг.) поставляли съестные припасы в Пулавский и Мемельский госпитали [58].

Это была зажиточная верхушка торгующего крестьянства Осташкова. Крупные скупщики, разбогатевшие на торговле мясом и солодом и применявшие в своем хозяйстве труд крепостных или наемных работников, они резко выделялись среди остальной массы торгующих крестьян. По характеру своей торговой деятельности они мало чем отличались от купцов, хотя юридически продолжали оставаться оброчными крестьянами.

Совсем иным было положение торговцев продуктами питания, удовлетворявших спрос местного населения в печеном хлебе, хлебных изделиях, соли, крупе и пр. Как правило, это были мелкие торговцы, причем бо́льшая часть их не имела лавок и торговала вразнос. В 1742 г. в Иосифовской слободе было 12 таких торговцев, и лишь один из них — Гаврила Свинкин — продавал соль и крупу в своей лавке [59]. Его денежный оброк в Коллегию экономии составлял 38 коп. в год, тогда как остальные платили обычно не больше 7 коп. годового оброка или же «за скудостью» были совершенно освобождены от него.

В ряде случаев эти мелкие торговцы беднели настолько, что для собственного прокормления должны были искать работу по найму, т. е. выступать в качестве продавцов своей рабочей силы. Например, Василий Мурашкин торговал «хлебом и витушками» и одновременно, «нанимаясь», выполнял всякую черную работу [60]. У Ивана Свинкина работа по найму была уже главным занятием; он лишь эпизодически — «временем» торговал, «отъезжая по деревням, солью» [61].

[57] Там же, л. 58 и об.
[58] И. Ф. Токмаков. Указ. соч., стр. 36.
[59] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, л. 89 об.
[60] Там же, л. 62.
[61] Там же, л. 67.

Отсюда для перехода к занятию исключительно работой по найму оставался только один шаг. В эту категорию наемных работников попал, например, Яков Северов, в прошлом торговец москательным товаром, у которого ранее была своя лавка.

В 1742 г., как видно из материалов переписной книги крестьян Иосифовской слободы, Яков Северов не занимался больше торговлей, так как лавка, переданная сыну Прокофию, стояла в москательном ряду «пуста», а сам он уже «работает, нанимаясь, черную работу» [62].

Таких разорившихся торговцев и ремесленников немало можно было встретить среди жителей Иосифовской слободы, занятых работой по найму [63].

Из других видов торговой деятельности осташковских крестьян следует отметить еще торговлю щепетильным товаром. Ее развитие находилось в прямой связи с распространением в Осташкове промыслов, связанных с обработкой дерева,— бондарного, плотничьего, барочного, ложечного и т. п. В середине XVIII в. в Иосифовской слободе наряду с кузнечным, москательным, рыбным, мясным был и щепетильный торговый ряд. В нем имелось семь лавок, которые принадлежали 10 владельцам; всего же в данной слободе было 19 человек, занятых изготовлением и продажей щепетильного товара. Из них четыре человека продавали, «ездя по разным деревням» Новгородского и других уездов, остальные сбывали изделия своего промысла «на месте» [64].

Как правило, они платили денежный оброк в Коллегию экономии не свыше 15—23 коп. в год, и только Степан Рукомойкин, который временами занимался еще рыбной ловлей, вносил 38 коп. оброка [65].

* * *

На примере изучения указанной нами переписной книги крестьян Осташковской слободы 1742 г. ясно наблюдается процесс выделения скупщика из среды непосредственных производителей, его, так сказать, «первые шаги» на поприще стяжательства и последующий переход исключительно к торговой деятельности, завершавшийся, как правило, вступлением в купеческое сословие.

[62] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, лл. 107 об.— 108.
[63] Там же, лл. 66, 123 и др.
[64] Там же, лл. 71, 78 об., 82 об., 89—91, 115, 117.
[65] Там же, д. 7.

Вначале это крестьянин, ничем или почти ничем не выделяющийся из остальной массы слобожан. Удачная реализация продуктов богатого улова давала ему необходимую сумму денег для торговли. Отныне он выносил на продажу не только рыбу собственного улова, но и некоторое количество скупленной у других. Предприимчивый «осташ», как называли тогда жителя Осташкова, не ограничивался больше рынком своей слободы. С целью извлечения прибыли от разницы цен он отправлялся торговать за ее пределы, «в уезде по деревням». Таких крестьян, сочетавших рыболовство в Осташкове со скупкой и перепродажей рыбы в окрестных селах и деревнях, переписная книга насчитывает 14 человек [66].

Иногда в торговую поездку по своей округе начинающий скупщик наряду с рыбой берет другие товары, необходимые в крестьянском обиходе. Так, Парфей Северов, кроме рыбы, торговал в уезде железом, а Аврам Свинкин — солью [67]. Тот и другой платили оброк в Коллегию экономии в размере 23 коп. в год, тогда как крестьяне, занятые только рыбной ловлей, облагались обычно денежным оброком не свыше 7—15 коп.

Но нередко скупщик специализировался на торговле каким-либо одним продуктом, например, снетками. Именно так поступали братья Петр и Конон Тереховы, жившие в слободе на одном дворе в двух избах; они сообща промышляли ловлей и продажей снетков «на месте и в разных уездах по деревням» [68]. Братья платили оброк в Коллегию экономии по 76 коп. в год и, кроме того, в осташковскую таможню с рыбной ловли 1 р. 60 к. за сезон (летние месяцы). Григорий Терехов возил снетки своего улова и купленные в Осташкове на продажу в Москву [69]. Его «прожиточность» видна из того, что он платил 38 коп. оброка в Коллегию экономии и 90 коп. в осташковскую таможню в год.

Освоив местный рынок, скупщик обращается к более широкой деятельности. Местом его торговых операций становится не только свой уезд, но и более отдаленный крупный город. Например, братья Иван и Сергей Чецулины, скупив рыбу в своей слободе, продавали ее потом в Петербурге, а Кондратий и Родион Суворовы — «в разных городах» [70].

При этом характерно, что торговавший крестьянин отнюдь не сразу порывал с мелкотоварным производством. Сравнитель-

[66] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, лл. 41 об., 42—42 об., 45, 54, 57 об., 61 об.
[67] Там же, лл. 57 об., 92.
[68] Там же, лл. 49 об.—50.
[69] Там же, л. 50.
[70] Там же, лл. 50 об., 67 об., 68.

© ГПНТБ СО РАН

но недавно обратившийся к торговой деятельности, он еще долгое время оставался связанным со своим прежним промыслом. Но занятие промыслом торгующий крестьянин, как правило, перелагает уже на членов своей семьи.

Типичным примером в этом отношении может служить семья Терентия Житкова, насчитывавшая четырех взрослых работников. В переписной книге крестьян Иосифовской слободы 1742 года сказано, что Терентий с сыновьями Федором, Кондратием и Родионом «ловит рыбу, продает на месте» и, «отвозя, сбывает ее в разных местах». Вместе с тем во дворе Терентия имеется собственная солодовня с овином. Выращенный в ней солод Терентий отправлял на продажу в Петербург[71]. Рыболовный промысел у Житковых постепенно отодвигался на второй план в сравнении с производством солода и торговлей им в столице.

Проживавший в той же Иосифовской слободе крестьянин Кондратий Свинкин торговал мясом «на месте» и, «отъезжая» из слободы, по городам; кроме того, он продолжал заниматься рыболовным промыслом. В «делах» существенную помощь оказывал ему взрослый сын Стефан[72].

Многие осташковцы, торгуя мясом и солодом, а иногда и тем и другим товаром, работали вместе с тем в своих кузницах, выделывали посуду и прочие предметы крестьянского обихода. Различными были имущественное состояние таких торговцев и степень занятости их теми или иными промыслами.

Теснее всего, естественно, были связаны с мелкотоварным производством те начинающие скупщики, которые торговали в своей же слободе. Именно таким был Степан Серебренников. Он продавал мясо «на месте» и одновременно производил у себя в кузнице «медную мелкую работу»[73]. Его оброк в Коллегию экономии составлял 23 коп. в год. Ануфрий Рукомойкин делал кресты, перстни, серьги, а также восковые свечи и все это продавал в собственной лавке по месту своего жительства[74].

Подобными примерами заполнена переписная книга крестьян Иосифовской слободы 1742 г.

Занимавшиеся отъезжим торгом меньшее внимание могли уделять непосредственно производственной деятельности, которая у них постепенно отодвигалась на второй план, а затем и

[71] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, л. 44 об.
[72] Там же, л. 94.
[73] Там же, л. 125.
[74] Там же, л. 60.

вовсе прекращалась. Это можно проследить достаточно отчетливо.

Так, Никита Свинкин был одновременно медником и торговцем солодом. У него на дворе были свои кузницы и солодовня. В кузнице он делал медную посуду, а выращенный в солодовне солод отвозил на продажу в Петербург[75]. Но торговля занимала у него все большее количество времени, да и прибыль от нее была несравненно более значительной, чем та, которую он извлекал, работая в кузнице. И это сейчас же отразилось на его налоговом обложении. Он стал платить в год 61 коп. денежного оброка, в то время как оброк ремесленника, занятого исключительно только медным промыслом, составлял обычно 23—30 коп. в год.

Его однофамилец Аврам Свинкин покупал на убой скот в Осташкове, а мясом (наряду с солодом) торговал в столице[76]. Вместе с тем он также был медником, имел собственную кузницу, где работал и его 23-летний сын Никита.

Таким образом, наличие дополнительного работника — взрослого сына — позволило Авраму Свинкину расширить свою торговую деятельность и помимо солода продавать в Петербурге еще и мясо.

Феоктист Антонов имел еще более обширное хозяйство. У него были четыре кузницы, три огорода, два двора, на одном из них стояла солодовня[77]. Хотя он и значился кузнецом, но больше, конечно, являлся торговцем солодом, который продавал в Петербурге.

Переписная книга крестьян Иосифовской слободы 1742 г. не указывает, как использовались его четыре кузницы. Но даже если предположить, что в двух из них работали сыновья Феоктиста Харитон и Тимофей, то остальные кузницы, по всей вероятности, сдавались в аренду.

Исключительно торговой деятельностью занимался Феоктист Коробанов, поставлявший в столицу мясо и солод. Принадлежавшие ему две кузницы он отдавал «в наем» другим кузнецам по 50 коп. в год. Его годовой денежный оброк составлял 62 коп.[78] Перестал уже быть кузнецом и Кирилла Федоров сын Суворов. Свои три кузницы он по примеру Коробанова «отдавал в наймы» по 2 руб. в год. Суворов торговал солодом, который

[75] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, л. 73 об.
[76] Там же, л. 60.
[77] Там же, л. 52 и об.
[78] Там же, л. 53 об.

выращивали в его солодовне наемные работники из крестьян той же Иосифовской слободы [79].

Торгующему крестьянину было еще далеко до того, чтобы посвятить себя исключительно торговой деятельности, прочно закрепиться в городе и перейти в сословие купечества. Ему нужно было преодолеть множество препятствий на этом пути, выдвинутых феодально-крепостническим государством в целях ограждения интересов господствующего класса. Кроме того, запись в купечество была связана с обложением крестьянина дополнительными налогами, помимо тех, которые он уже платил впредь до следующей ревизии. Это сильно ограничивало пополнение купечества из рядов торгующих крестьян.

В 1742 г., по данным рассматриваемой нами переписной книги, в ней числилось всего 10 крестьян, записанных в петербургское купечество. Это были братья Григорий, Карп, Андрей, Иван и Никифор Опайщиковы, Иван, Исаак и Тимофей Бочкаревы, Никифор Дорогулин и Прокофий Милютин [80]. И все они, проживавшие уже в столице купцы, по-прежнему платили оброк «по крестьянству» в Коллегию экономии и поэтому значились в списках Осташковской слободы.

Нередко разбогатевший крестьянин, производивший уже довольно крупные торговые операции, до конца жизни своей не успевал осуществить поставленную перед собой задачу — освободиться от крепостной зависимости и стать купцом. В таком случае сын доводил дело, начатое отцом, до конца. В Осташкове это было обычным явлением.

Так, упомянутый выше Терентий Житков еще в 1742 г. торговал солодом в Петербурге, но так и умер в Осташковской слободе, не став формально купцом. Лишь через 15 лет, в 1757 г., его младший сын Родион Терентьев был записан в осташковское купечество [81].

Сыновья его однофамильца Ивана Житкова — Трифон и Митрофан — в том же 1742 г. занимались рыболовным промыслом, продавали рыбу в Осташкове «на месте и отъезжая по деревням» [82]. Но Трифон уже тогда успевал в торговле больше своего брата (он платил в местную таможню сборов 1 р. 25 к., тогда как Митрофан — только 50 коп.). В результате Трифон в 1757 г. был записан в купечество, как имеющий недвижимую

[79] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, л. 55.
[80] Там же, л. 55, 132 и об.
[81] Там же, 1757 г., д. 76, л. 1.
[82] Там же, 1742 г., д. 7, л. 45.

собственность — дом в Осташковской слободе и «достойный капитал» для «торгового промыслу» [83].

Матвей Суворов в переписной книге крестьян Иосифовской слободы 1742 г. отмечен крестьянином, занимавшимся отъезжим торгом (он поставлял в Петербург мясо и солод), но лишь через 20 лет разбогател настолько, что стал купцом и расширил границы своей торговой деятельности до Риги [84].

Мы видим, таким образом, как медленно и постепенно осуществлялось накопление денежных средств у торгующих крестьян-осташковцев, которые далеко не все, а лишь частично и только спустя весьма продолжительное время пробивались в купеческое сословие. И отнюдь не всякий торгующий крестьянин Осташкова, ставший купцом, усиливался настолько, чтобы перейти к ведению крупных откупных операций и получить тем самым возможность еще большего обогащения.

Можно назвать немногих известных нам представителей купечества, выходцев из осташковских крестьян, которые со временем стали держателями разного рода откупов и подрядов.

Такими были, например, купцы-откупщики Свинкины. Как уже было отмечено, в 1742 г. Аврам Свинкин был всего-навсего скупщиком, торговавшим рыбой и солью в Осташковских слободах и прилегающих к ним селах и деревнях [85]. Разбогатев на этой торговле, он «с детьми своими» записался в местное купечество и продолжал вести торговлю рыбой в Новгороде, Твери и других городах. Его сын уже в начале XIX в. стал крупным откупщиком в Осташкове, бравшим на откуп значительную часть рыбных тоней, принадлежавших городу.

Академик Н. Я. Озерецковский писал в 1816 г., что купцу Свинкину были тогда «отданы от градской думы с публичного торгу на год» за 2500 руб. лучшие «березовские плеса» озера. Он описывает в своей книге ловлю рыбы на этих плесах. В частности, автор указывает, что заведенными одновременно тремя неводами было «изловлено за один раз судаков и лещей 19 возов, по цене на две тысячи рублей. Такового порядочного лову не было, говорят, сряду два протекшие года,— отмечает он,— но предшествовавшие оным, сказывают, бывали гораздо богатее. Нередко вылавливали по 40, старики же помнят один такой год, в которой 120 возов нагружено было рыбою» [86].

[83] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1757 г., д. 76, лл. 1—2.
[84] И. Ф. Токмаков. Указ. соч., стр. 36.
[85] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, оп. 3, 1742 г., д. 7, л. 92.
[86] Н. Я. Озерецковский. Указ. соч., стр. 128.

© ГПБ РАН

Отсюда можно видеть, насколько выгодным были для купца Свинкина взятые им на откуп рыбные ловли на озере Селигер и какие большие возможности открывались перед ним в целях собственного обогащения.

Крупным купцом-откупщиком был Терентий Резвой. Его отец Сергей Резвой, по происхождению крестьянин Синодальной Осташковской слободы, разбогател на торговле рыбой в Петербурге. В 1725 г. он вместе с сыновьями Терентием и Назаром записался в купечество. В челобитной, поданной с этой целью в Главный магистрат, Сергей Резвой указывал, что он приехал в столицу «в прошлых годах, тому лет семнадцать» «для торгового промысла». За это время он сумел прочно обосноваться в Петербурге: у него был собственный дом на Посадской улице, в Гостином дворе имел две лавки в икорном ряду и одну лавку в рыбном ряду. Торговал также свежей рыбой и «на судах» [87]. Сам Резвой при записи в купечество объявил капитал в размере 500 руб., а его поручители, петербургские купцы, указывали, что он с сыновьями «торгу имеет на 600 рублей и больше» [88].

Терентий Резвой в своей торговой деятельности в Петербурге имел более значительные успехи, чем его отец. Вскоре по записи в купечество он, видимо, сумел попасть «в случай», как тогда говорили, т. е. получить расположение со стороны влиятельного среди придворных кругов лица, потому что уже в 1726 г. был зачислен «рыбным промышленником» при Главной дворцовой канцелярии. Его новой обязанностью стала поставка рыбы «про обиход» во дворец [89].

Эта должность открывала ему неограниченные возможности для обогащения. Он начал «промышлять» рыбу в дворцовых имениях, «по мызам и по островам», брал на льготных условиях откупа на право рыбной ловли.

Так, с 1729 по 1736 г. он держал на откупе дворцовые рыбные ловли, расположенные по р. Неве, выше Невского монастыря, за 85 р. 50 к. в год. До того времени рыбу этих мест к царскому столу поставляли дворцовые крестьяне-рыбаки (6 человек). Каждый из них получал жалованья в год по 5 руб. деньгами, муки шесть четвертей, овса три четверти и соли один пуд [90].

Завладев рыбными ловлями, откупщик разорил проживавших там дворцовых крестьян, они должны были бросить свое

[87] ЦГАДА, ф. Главного магистрата, оп. 1, д. 104; л. 1 и об.
[88] Там же, л. 4.
[89] Там же, лл. 7—10.
[90] ЦГАДА, ф. Дворцовый отдел, оп. 8, д. 41786, л. 4.

хозяйство и пойти работать по найму. В челобитной, поданной в Главную дворцовую канцелярию, крестьяне писали о своем исключительно тяжелом положении, в которое поставил их Терентий Резвой. «Со отрешения нашего от тех ловель,— читаем мы в этом документе,— за недачею многие годы жалованья, не имея никакова промыслу, пришли [мы] в крайнее убожество и скитаемся для пропитания с женами своими и детьми по разным людям» [91].

Терентий Резвой извлекал из своего откупа большую выгоду. Он держал наемных рыбаков, число которых все время увеличивалось. Так, на одной только рыбной тоне под Шлиссельбургом («пустошь Пески») в 1733 г. у него было 12 работников, а в следующем году уже 18 человек с двумя неводами [92]. Кроме того, откупщик нанимал людей «для лову рыбы исполу». На упомянутой тоне в Песках был ладожанин Андреян Кондратьев, который ловил рыбу, отдавая Резвому третью часть своего улова [93].

Главная дворцовая канцелярия обнаружила, наконец, что контракт, заключенный с Терентием Резвым на поставку рыбы, для нее слишком невыгоден, что получаемые ею за откуп 85 р. 50 к.— явно заниженная цена. Поэтому в 1736 г., чтобы впредь «интересу ущербу быть не могло», канцелярия решила рыбные ловли по р. Неве «ему, Резвому, за прежний откуп... не отдавать» [94]. Были объявлены торги, и только за одну часть рыбных ловель, сданную на откуп олонецкому купцу Семену Анцыферову, Главная дворцовая канцелярия стала получать 153 руб. ежегодно [95].

Терентий Резвой нажил на этом и других откупах значительное состояние. Его сын П. Т. Резвой был еще более крупным откупщиком. В 1759 г. он в числе 16 других купцов участвовал в компании Саввы Яковлева, взявшей на откуп все казенные сборы по Москве и Петербургу сроком на 7 лет. Пай П. Т. Резвого равнялся 25 тыс. руб. [96]

Резвые стали впоследствии известными петербургскими купцами-предпринимателями.

Еще более показательным примером обогащения является история создания купеческого капитала Саввы Яковлева, по происхождению осташковского крестьянина. По быстроте и

[91] ЦГАДА, ф. Дворцовый отдел, оп. 8, д. 41786, л. 2.
[92] Там же, лл. 15 об., 16 об.
[93] Там же, л. 16.
[94] Там же, л. 23 об.
[95] Там же, л. 23.
[96] П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885, стр. 600.

размерам накопления денежных средств Савва Яковлев превзошел, пожалуй, своих современников — торгующих крестьян не только Осташкова, но и всей страны. В конце XVIII в. он являлся едва ли не самым крупным предпринимателем-горнозаводчиком в России.

Савва Яковлев родился в Осташкове в 1712 г. В то время он носил фамилию Собакина. В 1733 г., будучи еще совсем молодым человеком, Савва отправился в Петербург, как впоследствии он сам о себе рассказывал, пешком, «с полтиною в кармане и с родительским благословением».

Сначала Савва занялся торговлей мясом вразнос. Ничем не отличаясь от многих других ему подобных уличных торговцев, молодой разносчик при всем том обладал незаурядным голосом. Случайно услышанный императрицей Елизаветой Петровной, он был зачислен поставщиком съестных припасов в царский дворец. Пользуясь покровительством ряда лиц из кругов столичной придворной знати, Савва в скором времени начал поставлять продовольствие также и на армию, что явилось для него дополнительным источником огромной наживы [97].

Затем Яковлев смело пустился в откупные операции и выгодно устроил свои дела. Большой доход ему принесли сборы с откупов по заставам внутренних таможен. В частности, взяв на откуп с компанией купцов таможню в городе Риге, Яковлев нажил здесь миллионы [98]. За обман, совершенный в одной из крупных торговых сделок, он был предан суду, но сумел благополучно избежать наказания и снова обратился к откупам [99]. Его внимание привлекали в особенности винные откупы, которые в то время являлись одним из наиболее выгодных источников накопления капитала.

В апреле 1750 г. Савва Яковлев в компании других купцов взял на откуп «винную и водочную продажу» и «кабацкие сборы» в Петербурге сроком на три года с обязательством платить за это 300 тыс. руб. ежегодно [100]. При этом он добился для себя и своих компаньонов весьма выгодной привилегии при заключении контракта. Савва ловко использовал обнаружившийся в Петербурге в июне 1750 г. недостаток вина в питейной продаже.

Сенат предложил вначале Савве Яковлеву «для такой в вине нужды» закупать вино (до 40 тыс. ведер) в Лифляндии,

[97] А. Ф. Грязнов. Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М., 1910, стр. 66—67.
[98] Там же, стр. 67.
[99] Там же, стр. 67—68
[100] ПСЗ, т. XIII, № 9741, стр. 258.

Эстляндии и Нарве. Принимая такое решение, сенаторы полагали, что цена его с доставкой в Петербург не должна превышать цены «подрядного из великороссийских городов» вина, какая была установлена на 1750 г.

Но компанейщики от этого решительно отказались, так как провоз вина из Прибалтики, помимо всего прочего, требовал дополнительных транспортных расходов, а следовательно, снижал норму прибыли. Тогда Сенат, идя на явную уступку откупщикам, предоставил им право покупать вино на месте, в Петербурге «в господских домах», «у кого сколько того вина и какою ценою они, компанейщики, отыскать могут» [101].

А поскольку количество покупаемого откупщиками у частных владельцев вина и цена его не были регламентированы каким-либо постановлением, Савва Яковлев со своими компаньонами получил благоприятную возможность для безудержной спекуляции и наживы. Петербургский питейный откуп дал Яковлеву «большие тысячи» прибыли.

В 1759 г. Савва Яковлев со своей компанией купцов-откупщиков пустился в еще более крупную торговую операцию. Он взял на откуп все казенные сборы в Петербурге, Москве, а также в Ингерманландии, Кронштадте и в Ладоге с их уездами сроком на семь лет за 535 670 руб. Вместе с так называемой «наддачей за прежние годы» (211 054 руб.), которую компания откупщиков обязалась уплатить при заключении договора, общая откупная цена составила 746 724 руб. [102] Сам Яковлев при этом вложил в оборот 100 тыс. руб., нажитых им менее чем за 16 лет [103].

О размерах этих операций Саввы Яковлева и вместе с тем о масштабах его быстрого обогащения можно судить уже по той сумме, какую он ежегодно вносил в казну в период 1759—1766 гг., а именно — 789 863 руб. [104]

В то же время Савва продолжал пользоваться покровительством со стороны правительства. В 1758 г., по указанию императрицы Елизаветы Петровны и решению Сената, он был возведен в потомственное дворянство [105].

Таким образом, Савва Яковлев прибавил к своим миллионам все права и привилегии, присущие господствовавшему в стране сословию.

[101] ПСЗ, т. XIII, № 9763, стр. 305.
[102] ЦГАДА, ф. Комиссии о коммерции и о пошлинах, д. 445/32, лл. 109—110.
[103] П. Н. Петров. Указ. соч., стр. 600.
[104] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, М., 1954, стр. 256.
[105] П. Н. Петров. Указ. соч., стр. 598.

Новый дворянин, накопивший несметные богатства от спаивания народа, обратился теперь к предпринимательской деятельности. Он вкладывает накопленный капитал в промышленность. Первоначально сферой приложения его денежных средств явилось кожевенное производство. Кожевенный завод, приобретенный Саввой Яковлевым в 1758 г., считался в то время одним из крупных промышленных предприятий Петербурга. Стоимость годовой продукции завода составляла 18 270 руб., но изделия его были невысокого качества и поэтому в продажу поступало меньше половины всей выработки (на 8800 руб.) [106].

Не довольствуясь таким ходом дела, Савва Яковлев обратился к другой отрасли промышленности: с 1779 г. он начал скупать горные заводы на Урале. В скором времени он стал собственником многих предприятий, принадлежавших ранее графам Воронцовым, графу С. П. Ягужинскому, обер-прокурору Сената А. И. Глебову, Гурьеву; в его руки перешли заводы потомков Акинфия Демидова и др.

Наряду с покупкой Яковлев приступил к строительству новых металлургических заводов. Всего им было приобретено 17 и построено 5 горнометаллургических заводов на Урале. Кроме того, он купил (в 1764 г.) у предпринимателя Ивана Затрапезного в Ярославле крупнейшее полотняное предприятие, в будущем Ярославскую большую мануфактуру.

Одновременно Савва Яковлев вел обширную торговлю на внутреннем и особенно на внешнем рынке. Уже в 60-х годах XVIII в. по масштабам своих внешнеторговых операций он значительно превосходил многих наиболее состоятельных купцов России. Так, в одном только 1764 г. «обер-директор» Савва Яковлев отправил за границу через Петербург лен, пеньку, железо, «разные мануфактурные товары» на общую сумму в 500 тыс. руб., тогда как все остальные петербургские купцы первой гильдии, «торгующие к портам» (7 человек), имели в то время торгового оборота соответственно лишь на 90 тыс. руб. [107]

Так было нажито миллионное состояние Саввой Яковлевым, по происхождению оброчным крестьянином Осташковской слободы. История образования его капитала служит ярким примером процесса первоначального накопления в России в середине XVIII в.

Последний пример обогащения безусловно далеко превосходит все то, что в рассматриваемый период происходило в Осташкове. Вместе с тем мы видим, что и в Осташковских слободах хотя и в неизмеримо меньших размерах, чем у Саввы Яковлева, но все же происходил процесс накопления денежных средств в руках отдельных торгующих крестьян. Одним из результатов этого и была организация купечества в данных слободах.

[106] П. Н. Петров. Указ. соч., стр. 594.
[107] ЦГАДА, ф. Комиссии о коммерции и о пошлинах, д. 445/40, лл. 3—4.

В 1753 г., т. е. еще до того времени, как Осташковские слободы стали городом, 589 человек наиболее зажиточных крестьян указом Сената были записаны в купечество «за неимением у них пашенных земель и сенных покосов и других никаких угодий, по желанию их и по торговым промыслам» [108].

Любопытна сама мотивировка, вскрывающая отсутствие земли у сотен крестьян и обращение их исключительно к торгово-промышленной деятельности.

В дальнейшем состав местного купечества неоднократно пополнялся из числа торгующих крестьян Осташковских слобод и пришлого населения (в 1757, 1758, 1759, 1760 и 1764 гг.). Одновременно крестьяне, занимавшиеся промыслами, вступали «по разным мастерствам в цехи». Всего к 1770 г., времени преобразования слобод в город, в них из 1720 человек мужского пола насчитывалось 1388 человек, записавшихся в купеческое сословие и в цехи [109].

Изучение торгово-промышленной деятельности крестьян Осташковской слободы в середине XVIII в. показывает прежде всего общий экономический рост этой слободы в период, предшествовавший ее преобразованию в город. Крестьяне, почти полностью утрачивая связь с сельским хозяйством, уже в 1740-х годах в подавляющем большинстве своем занимались разного рода промыслами и торговлей.

В этот период закладываются основы хозяйственной специализации будущего города. Из многих промыслов, распространенных в слободе, сначала выделилось рыболовство, а затем кожевенное производство. Последнее, постепенно развиваясь, во второй половине XVIII в. стало ведущим видом промышленности Осташкова.

Преобладающей формой кожевенной промышленности Осташковской слободы являлось мелкотоварное производство, но вместе с тем в 30—40 годах XVIII в. возникли и приобретали все большее значение кожевенные заводы.

Важную роль в хозяйственной деятельности осташковских крестьян играла также торговля мясом, солодом, рыбой в Петербурге, Москве, Новгороде, Твери и других городах.

[108] ЦГАДА, ф. Главного магистрата, оп. 2, д. 7425, л. 1.
[109] ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 252/3823, л. 163.

Рост торговли и промышленности в Осташковской слободе в указанный период ускорял процесс социального расслоения среди ее населения.

Из разбогатевших крестьян выделялись торговцы и предприниматели, пользовавшиеся крепостным или наемным трудом, хотя сами они в большинстве случаев находились еще в феодальной зависимости. Процесс накопления, осуществлявшийся типичными для первоначального накопления методами,— налицо в истории предприятий ряда осташковцев и прежде всего Саввы Яковлева.

Одновременно разоряется часть крестьян — непосредственных производителей. Они также, давно оторвавшись от земли, фактически перестали быть крестьянами, хотя и числились таковыми. Они работают у местных богатеев или уходят на заработки в другие места.

Перед нами явления, составляющие сущность процесса первоначального накопления.

В. Н. Яковцевский

РОЛЬ НЕЭКВИВАЛЕНТНОГО ОБМЕНА В ПРОЦЕССЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ В РОССИИ

Наличие определенной ступени развития торговли, денежного обращения и свободных от средств производства рабочих является необходимым условием для возникновения и развития промышленного капитализма. Эти условия создаются в период докапиталистической формации, в недрах феодальной эпохи и составляют основу процесса первоначального накопления. Первоначальное накопление является необходимым историческим этапом в возникновении и развитии капиталистической общественно-экономической формации.

Капитализм, как известно,— это наемное рабство. Но человек вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту тогда, когда он не имеет условий для самостоятельного производства; крестьянин лишен земли, лошади, земледельческих орудий, не имеет семян для посева; ремесленник не может купить сырья, инструмента, чтобы организовать производство. Превращение непосредственных производителей в «свободных» от средств производства рабочих, не имеющих возможности самостоятельно добыть средства существования и потому вынужденных идти в наемное рабство, составляет основное содержание процесса первоначального накопления.

Отделение, согласно учению К. Маркса, непосредственных производителей от средств производства является основой процесса первоначального накопления. Однако в понятие первоначального накопления входит также процесс накопления денежного (торгового и ростовщического) капитала.

Исторический процесс первоначального накопления в отдельных странах осуществлялся в различные исторические эпохи и имел в разных странах свою специфику. Так, например, в Англии процесс первоначального накопления начался после ликвидации крепостнических отношений; в России, наоборот,—

© ГПНТБ СО РАН

в недрах феодально-крепостнических отношений, что не могло не отразиться на темпах и методах экспроприации производителей, отделения их от средств производства и накопления денежных капиталов.

Среди методов первоначального накопления большую роль во всех странах имело насилие, внеэкономическое принуждение, однако было бы неверным сводить все содержание первоначального накопления только к насилию. Использование определенных исторических экономических условий, в том числе и феодально-крепостнических отношений и рыночной конъюнктуры мелких разрозненных местных рынков, играло большую роль в развитии неэквивалентного обмена и в накоплении денежных богатств в руках русского купечества.

Значительную роль в процессе накопления денежного капитала и разорения непосредственных производителей играл купеческий и ростовщический капитал, который, как известно, сам по себе еще не создает промышленного капитала. В. И. Ленин писал: «Торговый и ростовщический капитал всегда исторически предшествуют образованию промышленного капитала и логически являются *необходимым* условием этого образования» [1].

В задачу настоящей статьи входит попытка на основании некоторых материалов XVIII в. показать, каким образом русское купечество осуществляло накопление денежных богатств и в погоне за получением торговой прибыли разоряло массы русского крестьянства и городских ремесленников. Иначе говоря, целью работы является показ роли купеческого капитала в процессе первоначального накопления в России.

К. Маркс указывал, что торговая прибыль не может возникнуть, если товары продаются по стоимости, равно как если товары продаются не по стоимости. Но это указание Маркса относится к периоду развитого промышленного домонополистического капитализма, когда в торговле господствовал принцип свободной конкуренции и свободный перелив капитала из одной сферы в другую. Торговая прибыль при промышленном капитализме сводилась, таким образом, к средней норме прибыли, а борьба за ее получение — к распределению прибавочной стоимости, создаваемой наемными рабочими в сфере производства. Но всех этих условий не было в период первоначального накопления, когда капитал еще не подчинил себе производство. Торговая прибыль являлась измененной денежной формой части феодальной земельной ренты или части продукта крепостного

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 151.

крестьянина и городского ремесленника, присвоенной купечеством через торговлю, куплю и продажу товаров. Но для этого необходимым условием является то, чтобы товары купцами продавались дороже покупной цены, следовательно, неэквивалентный обмен товаров является экономически необходимым условием получения торговой прибыли в процессе первоначального накопления. Поэтому нам необходимо рассмотреть, какие причины делали возможной куплю-продажу товаров по неэквиваленту и роль последнего в накоплении купечеством денежных капиталов и разорении непосредственных производителей.

Торговля в феодально-крепостнической России, особенно в период разложения феодальных отношений, находилась в руках гильдейского купечества и торгующих крестьян. Купцы торговали прежде всего с целью получения прибыли. Торговая прибыль — разница между покупной и продажной ценой товаров. В. И. Ленин указывал, что «чистая форма торгового капитала состоит в покупке товара для продажи с барышом *этого же* товара» [2]. Следовательно, купцы должны были покупать товары по более низкой цене, а продавать по более высокой, в результате чего оставался избыток над расходами по транспортировке и хранению товаров. Если бы купцы покупали и продавали товары по их стоимости (включая стоимость перевозок и хранения), они не получали бы никакой прибыли. Рассматривая торговую прибыль в докапиталистических формациях, К. Маркс писал, что «чистая независимая торговая прибыль prima facie [прежде всего] является невозможной, если продукты продаются по их стоимости. Дешево купить, чтобы дорого продать,— вот закон торговли. Следовательно, не обмен эквивалентов» [3].

Купечество получало прибыль в том случае, если покупало товары ниже или продавало выше их стоимости. Чем больше была разница между покупной и продажной ценой, тем выше была норма купеческой прибыли. Таким образом, неэквивалентный обмен был необходимым условием существования и роста купеческого капитала. При этом неэквивалентный обмен должен был составлять постоянно действующий фактор, так как иначе за счет торговой прибыли не могло бы богатеть многочисленное торговое население, а в 70-х годах XVIII в. в России числилось 189 тыс. гильдейских купцов и торгующих крестьян. Для осуществления неэквивалентного обмена должны были

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 320.
[3] К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 341.

существовать объективные экономические условия, которые позволяли бы купцам регулярно снижать цены на товары при скупке и повышать их при продаже.

Такими историческими условиями были, с одной стороны, сами феодально-крепостнические отношения, с другой — сравнительно слабое развитие товарно-денежных отношений. Большую роль в образовании неэквивалентного обмена играла монополия гильдейского купечества на право международной торговли и монополия купцов на местных рынках. В период феодализма купеческий капитал формировался на основе использования феодально-крепостнических производственных отношений и, в частности, ренты, независимо от того, была ли рента денежной или натуральной. Если рента носила натуральный, продуктовый характер, то помещики прибегали к услугам купцов, чтобы продать им продукты, а на вырученные деньги купить нужные для них товары (шелка, сукна, вина, пряности, дорогую утварь, посуду и т. п.) главным образом иностранного производства. Пользуясь заинтересованностью помещиков, купцы снижали цены на продукты, покупаемые у помещиков, и повышали на товары, продаваемые им. В этом случае купечество присваивало часть ренты в форме торговой прибыли. Помещики старались компенсировать свои потери увеличением оброчных платежей крестьян. Если рента имела денежную форму, то крестьяне сами продавали часть своего урожая, чтобы вырученными деньгами оплатить как помещичьи оброки, так и государственные подати. Осенью и зимой, после сбора урожая, крестьяне должны были продавать часть его. В. И. Ленин указывал, что «...подати в свое время были важным фактором развития обмена...» [4]. Крестьянину нужно было продать часть урожая, во что бы то ни стало, так как за недоимки над ним висела угроза увода со двора последней коровенки или лошаденки. Этим обстоятельством пользовалось купечество и скупало у крестьян продукты по дешевке. Таким образом, купец приходил к крестьянину на «помощь»: превращая часть его продуктов в деньги, он присваивал при этом бесплатно часть продукта крестьянского труда.

Сравнение данных о ценах на продукты крестьянского производства и сбора подушных податей показывает, что в месяцы, когда собиралась основная масса податей, цены на крестьянские товары стояли на самом низком уровне. Смотри график [5]

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 548.

[5] ЦГАДА, ф. Канцелярии статс-секретарей..., д. 59002, 59004, 59010; ф. Камер-коллегии, вязка 469, д. 2, лл. 1—27; вязка 483, д. 4, лл. 1—24.

на стр. 407, который наглядно показывает соотношение цен на товары крестьянского производства и суммы податей. Когда

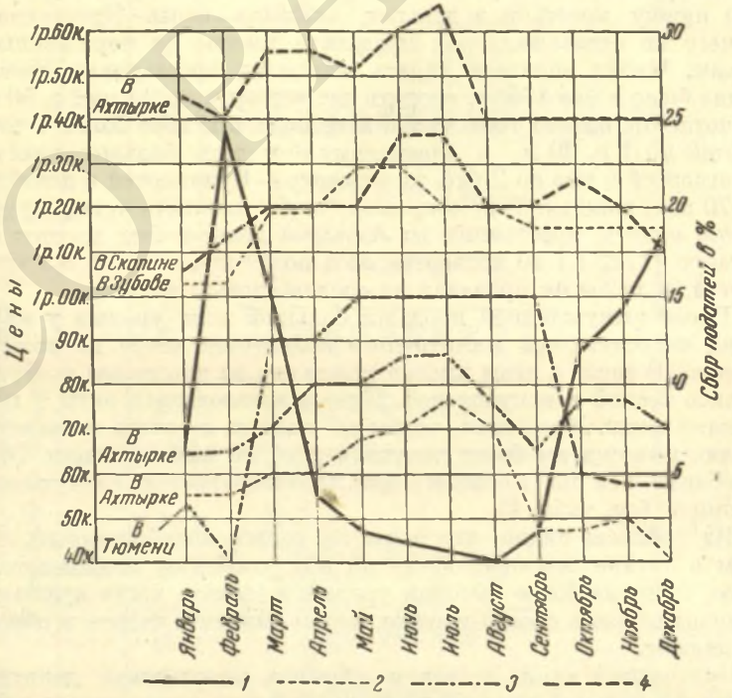

График сбора податей и цен на сельскохозяйственные продукты

1 — сбор подушных податей в % к итогу; *2* — цены на овес; *3* — цены на ячмень; *4* — цены на рожь и муку.

крестьяне выплачивают бо́льшую часть податей, цены на предметы их производства стоят на самом низком уровне, и, наоборот, в весенне-летние месяцы — май, июнь, июль — цены находятся на самом высоком уровне.

© ГПБ СОРАН

Что же влияло на изменение цен на продукты сельского хозяйства в течение года? [6]

Этой причиной являлось соотношение спроса и предложения. Осенью, когда был собран урожай, крестьяне продавали часть урожая, чтобы уплатить оброки и подати. Купцы, учитывая нужду крестьян в деньгах, снижали цены. Крестьянам ничего не оставалось, как продавать товары по пониженным ценам. Чтобы уплатить подать, елецкому крестьянину достаточно было в мае 1743 г. продать две четверти проса по 2 р. 50 к. за четверть, вместо того чтобы продавать в ноябре более 4 четвертей по 1 р. 20 к., а ливенскому — и того больше: вместо 2 четвертей в мае по 2 руб. за четверть — 6 четвертей в декабре по 70 коп. каждая. Так, например, чтобы уплатить четырехрублевую подать, крестьянин из Ахтырки должен был продать в декабре (1722 г.) 10 четвертей овса по 40 коп., вместо 6,5 четвертей, если бы он продавал по среднегодовым ценам.

После вынужденной продажи большой доли урожая у крестьян не оставалось достаточного количества хлеба до нового урожая. В связи с этим многие крестьяне из продавцов превращались весной в покупателей. Купцы пользовались этим и повышали цены. Крестьяне, чтобы не умереть с голода и засеять землю, вынуждены были покупать хлеб по любым ценам. Это колебание цен по месяцам года характеризуется следующей таблицей (см. табл. 1).

Из таблицы видно, что цены на сельскохозяйственные товары в летние месяцы, когда на них особенно поднимается спрос, стоят на более высоком уровне, а осенью, когда крестьяне продают часть своего урожая, чтобы уплатить подати и оброки, падают.

Купеческий капитал, таким образом, использовал данную форму феодальной эксплуатации крепостного крестьянства для роста своих прибылей. При барщине и продуктовой ренте купечество присваивало часть продукта крестьянского производства в торговых операциях с помещиками, а при денежной ренте — и непосредственно в торговле с крестьянами. Рост купеческого капитала неизбежно приводил к разорению и обнищанию трудящихся масс города и деревни. Таким образом, феодальные производственные отношения явились почвой, на которой рос купеческий капитал.

Вторым условием, создающим возможность неэквивалентно-

[6] Мы здесь оставляем в стороне чрезвычайные факторы, влиявшие на уровень цен (неурожай и другие стихийные бедствия, массовые казенные закупки и т. д.).

Таблица 1

Помесячные цены на сельскохозяйственные продукты *
(в копейках за четверть)

Город	Год	Товар	Месяцы											
			I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Тюмень	1779	ячмень	54	40	90	80—90	100	100	100	100	100	60	54—60	—
»	1779	овес	40	48—50	50—56	54—56	70	70	70	70	40—42	40	34—36	—
Яранск	1773	пшеница	300	300	310	310	320	320	320	360	330	320	280	280
»	1773	овес	80	80	80	80	80	85	85	85	80	80	50	50
Ахтырка	1772	ячмень	65	65	70	80	80	85	85	75	65	75	75	70
»	1772	овес	55	55	60	60	67	70	75	70	45	45	50	40
»	1772	просо	95	90	90	90	89	95	105	120	120	120	110	100
Елец	1773	овес		60	60	70	70	70	70	80	80	60	55	56
»	1773	гречиха	—	90	100	110	110	110	110	110	80	80	65	65

* ЦГАДА, ф. Главного магистрата, вязка 486, д. 33, лл. 7—29; ф. Камер-коллегии, вязка 469, д. 6; вязка 465, д. 10; вязка 483, д. 4.

© ИНТЕРКОРП

го обмена, является слабость развития товарно-денежных отношений.

Это сказалось, в частности, в ограниченности потребностей мелкого крестьянского и посадского хозяйства, в основной своей массе редко прибегавшего к приобретению товаров на рынке. Последнее обстоятельство мешало формированию представлений о действительной стоимости того или иного промышленного товара, что приобретало особенное значение в период денежной формы обмена. Если крестьянин имел представление о затратах труда на производство одного пуда овса и одного пуда ржи и мог хорошо определить эквивалент обмена овса на рожь, то он совершенно не знал стоимости промышленных товаров. Большое значение это обстоятельство приобретало во внешней торговле. Здесь часто какая-либо безделушка (зеркальце, бусы и т. п.), «заморская диковинка» продавалась по цене в 5—10 раз дороже ее стоимости. История знает много случаев баснословно высоких торговых прибылей. Так, М. Довнар-Запольский, ссылаясь на Герберштейна, писал, что московские купцы «все продают дороже, так что иная вещь им самим стоит 1 дукат, а они продают ее за 5, 10, даже за 20 дукатов, хотя случается, что и сами покупают у иностранцев за 10 или 15 флоринов какую-нибудь редкую вещь, которая не стоит и одного флорина» [7].

Неэквивалентность обмена явно обнаруживается при сравнении цен на иностранные и русские товары, что видно из следующей таблицы (см. табл. 2) [8].

Таблица 2

Сведения о ценах на русские и иностранные товары в 1773 г.

Русские сельскохозяйственные товары	Цена в коп.	Иностранные товары	Цена в коп.
Масло коровье (фунт)	15	Ситец и полуситец (аршин)	80
Рожь (четверть)	30		
Пшеница »	47	Чулки бумажные:	
Ячмень »	30	женские (пара)	50
Овес »	17	мужские (пара)	72

[7] М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII вв. М., 1910, стр. 22.

[8] Более подробные данные о ценах на русские и иностранные товары см. В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, стр. 77—102, 196—201.

Таким образом, чтобы купить один аршин ситца, надо было продать 5 фунтов масла или 5 четвертей овса. Почти столько же нужно было продать продуктов сельского хозяйства, чтобы купить пару бумажных мужских чулок. Ясно, что затраты труда на производство 4—5 четвертей овса и одной пары чулок не соответствовали друг другу. Продавец чулок, производя обмен пары чулок на 4 четверти овса, осуществлял неэквивалентный обмен, присваивая бесплатно часть труда русского земледельца. Конечно, когда обмен стал более регулярным и обширным, когда тот или иной товар стал привозиться не одним, а многими купцами, масштабы неэквивалентного обмена сужались.

Сравнительно слабое развитие товарно-денежных отношений в целом по России в XVII—XVIII вв. сказывалось также в фактах большого разрыва в ценах на одни и те же товары на местных рынках. Это позволяло купцам, скупая товары на одном рынке и продавая их на другом, получать высокие торговые прибыли.

Разрыв в ценах на продукты сельского хозяйства на отдельных рынках России в середине XVIII в. виден из следующей таблицы (см. табл. 3). Таблица показывает, что купцы могли покупать, например, четверть ржи на рынках Центрально-земледельческого района за 30—40 коп., а продавать в Москве — за 1 руб., в Пскове — за 1 р. 40 к. — 1 р. 80 к. Конечно, такая разница в ценах с лихвой покрывала расходы купца по перевозкам, которые были подчас довольно значительны. Эта погоня за прибылью заставляла купца ломать узкие рамки местных рынков.

Большую роль в деле развития неэквивалентного обмена имела монополия права торговли в руках гильдейского купеческого сословия и отдельных купцов на местных рынках. Их преимущественные права поддерживались государственной властью. Указом от 3 февраля 1722 г., например, фабрикантам приказывалось, чтобы они свои товары продавали оптом купцам, а «с фабрических своих дворов врознь не продавали и лавок бы собственных своих в рядах не имели» [9]. Было запрещено заниматься торговлей и крестьянам. В указе 1769 г. говорилось, что если крестьяне «похотят в розницу и попудно продавать, то до оного их не допущать» [10]. В инструкции Петербургского магистрата о крестьянской торговле говорилось: «Крестьянам в городах и слободах отнюдь ни своим, ни посторонним лицем не торговать и в лавках и погребах не сидеть, и жить им за поме-

[9] ПСЗ, т. VI, № 3892, стр. 495.

[10] ПСЗ, т. XVIII, № 13247, стр. 829.

Таблица 3

Сведения о ценах на зерновые продукты в 1763 г. на местных рынках России*

(в рублях и копейках за четверть)

Город	Рожь	Ржаная мука	Овес	Ячмень	Гречневая мука
Псков	1 р. 44 к.—1 р. 84 к.	—	96 к.—1 р. 20 к.	1 р. 20 к.—1 р. 28 к.	2 р. 16 к.—2 р. 64 к.
Смоленск	1 р. —1 р. 8 к.	1 р. 20 к.	80—84 коп.	80 —88 коп.	1 р. 84 к.
Вологда	1 » —1 » 8 »	14—16 коп.**	56—60 »	80 к.—1 р.	—
Москва	90 к.—1 р. 10 к.	11—14 »	60—80 »	80 к.—1 р. 10 к.	1 р. 20 к.—1 р. 59 к.
Можайск	1 руб.	—	65 коп.	80 коп.	1 р. 80 к.
Серпухов	80—90 коп.	96 к.—1 р. 10 к.	50—80 коп.	64—65 коп.	92 к.—1 р. 30 к.
Кострома	80—88 »	10—11 коп.**	60—66 »	90 к.—1 р.	1 р. 63 к.—1 р. 80 к.
Суздаль	70—75 »	12 коп.	50—55 »	—	1 » 50 » —1 » 60 »
Зарайск	80 к.—1 р.	—	50—70 »	50—70 коп.	1 » 50 » —1 » 85 »
Киев	70—90 коп.	14—16 коп. **	45—50 »	—	1 р. 60 к.
Нежин	60—72 »	80 коп.	32—40 »	50—56 »	—
Сызрань	47—50 »	56—60 коп.	30—35 »	—	1 р. 10 к.—1 р. 30 к.
Симбирск	42—44 »	52—40 »	32—40 »	34 коп.	90 к.—1 р. 10 к.
Курск	40 коп.	50 коп.	28—40 »	—	1 р. 30 к.—1 р. 40 к.
Орел	53 »	65 »	50 коп.	—	1 руб.
Тамбов	44 »	56 »	32—40 коп.	—	1 р. 30 к.
Елецк	40 »	48 »	40—48 »	—	1 » 10 »

* Таблица составлена по данным ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 3580, лл. 570—589.

** Цены за пуд.

щики, а торг производить им в знатных селах и деревнях, кои от городов не ближе 5 верст, мелочными для проезжающего народа... товарами» [11]. Участие во внешней торговле крестьянам также было запрещено [12]. Конечно, эти запрещения нельзя рассматривать как абсолют. Экономические тенденции всегда сильнее юридических актов, и они в конечном итоге изменяют и юридические законы. Так было, например, с крестьянской торговлей; если официально торговать крестьянам запрещалось, то они вели торговлю от имени помещиков, а последним это было выгодно, так как они получали за это часть торговой прибыли. Вступление в купеческие гильдии для крестьян было затруднено. В конце XVIII в. крестьяне в этом случае должны были, во-первых, иметь согласие помещиков и, во-вторых, платить двойную подать: одну как крестьяне, другую как купцы.

Гильдейское купечество, боясь конкурентов, принимало крестьян в гильдии с большой неохотой. Поэтому прослойка крестьян в гильдейском купечестве была незначительной. В 1766 г. на 183,5 тыс. гильдейских купцов крестьян, занимавшихся торговлей, было 5,5 тыс. [13] По третьей ревизии числилось гильдейского купечества 224 тыс., в том числе из крестьян и разночинцев — 33,4 тыс., среди них помещичьих крестьян — 84 и государственных — 420 [14]. Разбогатевшие крестьяне, чтобы приписаться к купечеству, платили по 20 тыс. руб. и более серебром [15]. Все это ставило гильдейское купечество в привилегированное положение на рынке. Большое значение в этом деле имело запрещение торговли в частных домах; торговля должна была осуществляться в гостиных дворах и рядах. Лавки же гостиных дворов были фактически в руках крупного гильдейского купечества. Кроме того, осуществляемая правительством система откупов — продажа права торговли определенным видом товаров (вино, соль, табак, льняное семя, лес и т. п.) на определенной территории — создавала безусловную монополию отдельных купцов на рынке и высокую степень торговой прибыли при неэквивалентном обмене. Откупщики, будучи монополистами на скупку и продажу тех или других товаров, получали баснословно высокие прибыли. Так, например, один из крупнейших винных откупщиков в Москве и Петербурге — Савва Яковлев, по

[11] ПСЗ, т. XX, № 14595, стр. 506.
[12] ПСЗ, т. XIV, № 10486, стр. 465.
[13] ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 3676, лл. 773—788.
[14] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIX, д. 40, л. 278.
[15] «Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны». М., 1865, стр. 77.

расчетам казенной палаты, в середине XVIII в. ежегодно продавал до 930 тыс. ведер водки, выручая от продажи до 2070 тыс. руб. Стоимость водки при этом составляла 628 тыс. руб., следовательно, он продавал водку с прибылью в 229%, причем 747 тыс. руб., или 119%, он отдавал в казну в порядке платы за откуп и 700 тыс. руб., или 110%, присваивал себе в порядке торговой прибыли.

Три купца, взявшие откуп на продажу водки (Милованов в г. Костроме, Дмитриев в г. Нерехте, Никитин в г. Плесе), за 1779—1782 гг. получили прибыль, которая распределилась между государством и откупщиками следующим образом (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение купеческой прибыли между государством и откупщиками *

Фамилия купца	Прибыль в тыс. руб.	Распределение прибыли			
		государству		откупщикам	
		абс.	%	абс.	%
Милованов	273,4	243,9	89,2	29,5	10,8
Дмитриев	85,2	66,0	70,9	19,2	29,1
Никитин	86,8	56,0	64,6	30,8	35,4

* ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 4512, лл. 42—52.

Из вышесказанного видно, насколько выгодна была для государства и купечества винная монополия. Она позволяла намного поднять цены на водку и служила мощным рычагом в деле первоначального накопления денежного капитала.

Торговля ворваньим салом с 1748 по 1768 г. (год отмены откупов) находилась в руках графа Шувалова, который «пуд ворванного сала, купленного им от 35 до 40 коп., продавать мог по 80 коп., получая таким образом всегда двойную прибыль» [16].

Купцы-откупщики быстро наживали огромные денежные капиталы, которые потом или вкладывали в строительство, или тратили на покупку мануфактур. Известно, что промышленники С. Яковлев, И. Твердышев, А. Ушаков, Андреев, Микляев,

[16] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIX, д. 286, ч. 1, л. 151.

Хвастливый и др. до начала своей промышленной деятельности были винными откупщиками. Именно в винной откупной торговле они создали свои капиталы, которые вложили затем в промышленность. Купцы-откупщики монопольно низкими ценами разоряли непосредственных производителей — крестьян, ремесленников, охотников, рыболовов и т. п. (например, граф Шувалов установил на ворванье сало настолько низкую цену, что добывать его охотникам стало невыгодно и ворванный промысел сократился).

Откупную систему нельзя рассматривать только как рычаг первоначального накопления. С одной стороны, она давала возможность купцам-откупщикам получать высокую прибыль и, следовательно, быстро приумножать денежный капитал, а с другой стороны, она намного снижала торговую прибыль и интенсивность накопления богатств в руках отдельных купцов. Это можно видеть из вышеприведенных примеров, когда государство забирало себе от 60 до 90% прибыли. Конечно, фактические прибыли купцов-откупщиков были больше, так как прибыли от фальсификации водки, недолива и т. п. учету не поддаются.

Тем не менее купцы были хозяевами на отдельных местных рынках, пользуясь всеми возможностями неэквивалентного обмена, способствовавшего накоплению в их руках денежного богатства.

На внутреннем рынке России в XVII—XVIII вв. особенно неэквивалентной была торговля с Сибирью. Она служила крупным источником накопления денежного капитала. Главным предметом торговли с Сибирью была пушнина, которую купцы выменивали у местного населения на различные безделушки (бисер, бахрому, медные пуговицы, бубенчики и т. п.) [17] и водку. Неэквивалентность в сибирской торговле видна из следующего примера: в конце XVII в. (1698 г.) 18 сороков соболей с хвостами стоили в Якутии 720 руб., а в Москве — 3600 руб., то есть в 6 раз дороже [18]. В XVIII в. пуд сахара продавался в Архангельске по 5 руб., а в Ирбите и Тобольске — по 7 руб., в Енисейске — по 10 руб., в Иркутске — от 14 до 20 руб., а в Якутске — до 40 руб. Ведро красного вина в Архангельске продавалось по 1 руб., в Ирбите — от 2 до 3 руб., в Иркутске — не ниже 8 руб.,

[17] Сб. «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии». М., 1951, стр. 174, 175.

[18] С. В. Бахрушин. Покрута на соболиных промыслах XVII в.; его же. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. См. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 239.

© НГБ СОРАН

в Якутске от 20 до 40 руб.[19] При наличии столь высокого неэквивалентного обмена купеческие капиталы возрастали очень быстро.

Таким образом, сравнительная слабость товарно-денежных отношений, как и господство феодально-крепостнических отношений, были теми условиями, которые давали возможность осуществлять неэквивалентную торговлю, а неэквивалентный обмен был основой роста купеческого капитала.

Особенно неэквивалентной была внешняя торговля, что видно из следующей таблицы (см. табл. 5).

Таблица 5

Цены на товары и прибыль купцов от продажи русских товаров* за границей

(в Ливорно в 1766 г.)

Название товара	Единица измерения	Цена товара со всеми расходами по перевозке и оплатой пошлины	Продажная цена за границей	Чистая прибыль на единице товара	Норма прибыли (в %)
Юфть	пуд	5 р. 61 к.	6 р. 88 к.	1 р. 27 к.	22,6
Воск	»	8 » 99 »	10 » 62 »	1 » 63 »	18,0
Железо (полосное) . . .	»	77 коп.	1 » 04 »	27 коп.	35,0
Полотно (парусное) . .	кусок	6 р. 52 к.	8 » 66 »	2 р. 14 к.	32,8

* Таблица составлена по отчету купцов о поездке за границу. ЦГАДА, Госархив, Разряд XIX, д. 286, ч. I, лл. 136—138.

Из таблицы видно, что наибольшую прибыль купцы получали от продажи железа (35%) и парусного полотна (32,8%). Если купцы делали всего одну операцию по закупке и продаже товаров в год, то и в этом случае их капитал при торговле железом и полотном удваивался в течение 3 лет, при торговле юфтью и воском — за 5 лет. В среднем удвоение капитала произошло бы за четыре года (средняя годовая норма прибыли составляет 26,3%). Прибыль, получаемая купцами от продажи иностранных товаров на русских рынках, видна из следующей таблицы (см. табл. 6).

Как видно из таблицы, нормы прибыли от продажи иностранных товаров на русских рынках были весьма высокие. Они

[19] М. А. Терентьев. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876, стр. 18, 19.

Таблица 6

Цены на товары и прибыль купцов от продажи иностранных товаров в Петербурге в 1766 г.*

Название товаров	Единица измерения	Покупная цена	Продажная цена, включая расходы по перевозке и пошлины	Чистая прибыль на единице товара	Норма прибыли, %
Вино	бутылка	1 р. 75 к.	2 руб.	43 коп.	27,4
	бочка	34 » 95 »	59 р. 58 к.	24 р. 63 к.	70,4
Шоколад	фунт	76 коп.	1 руб.	24 коп.	31,6
Макароны	»	48 »	75 коп.	27 »	54,5
Масло деревянное	пуд	4 р. 39 к.	5 р. 24 к.	85 »	19,4
Краски «россыпные»	фунт	4 » 59 »	5 » 68 »	1 р. 9 к.	23,5
Краски брусковые	»	1 » 34 »	1 » 45 »	11 коп.	8,2

* Таблица составлена по отчету купцов о поездке за границу. ЦГАДА, Госархив, Разряд XIX, д. 286, ч. I, лл. 136—138.

давали купцам возможность за 2—3 года удвоить свой капитал. При торговле предметами роскоши торговая прибыль непосредственно извлекалась из доходов представителей господствующего класса как их основного потребителя, опосредственно же из скудных средств крестьянского хозяйства.

Большое значение для купечества имела восточная торговля, особенно торговля с Китаем, которая осуществлялась в XVIII в. главным образом через Кяхту. Торг с Китаем, как показывают архивные источники, был «весьма прибыточен».

Интересной является оценка восточной торговли самим купечеством того времени. Московские купцы Жигарев, Шемелин, Сорбкин и Касьянов, ведшие торговлю с Китаем по заданию правительства в 1799 г., дали следующую характеристику торговле с Китаем: «Сибирская коммерция, взятая во всем своем пространстве: 1-е в разсуждении изобилия разного рода пушных зверей, а 2-е, по сопредельности сего края, с одной стороны границ с Китаем, а с другой — северо-восточной Америки... есть обширнейший и обильнейший источник богатейшей российской торговли. Оный разделяется на две отрасли: 1-ю, на внутренний торг, производимый лавочными товарами, состоящими из разных шелковых и бумажных материй, сукон, холстов, пестряди, воску, сахару, напитков и всего того, что

© ИНБО РАН

человеческие необходимости удовлетворять может; во 2-х, на кяхтинскую с китайцами, которая есть важнейшая, и которой баланс годового обращения... можно положить примерно в $2^1/_2$ миллиона рублей» [20].

Неэквивалентной была также торговля со Средней Азией. Так, например, пуд ситца (360—375 аршин) в Нижнем Новгороде в середине XIX в. стоил 36 руб., а в Бухаре — 64 руб., в то же время перевозка пуда ситца из Нижнего в Бухару обходилась в 8 руб. [21]

О прибыльности восточной торговли можно судить по следующим данным: согласно ведомости таможен Сибирской линии, было продано в 1778 г. «азиатским народам» товаров на 97 028 руб., на которые было вымепяно товаров на сумму 112 660 руб. [22]

* * *

Роль купеческого капитала в создании предпосылок для победы капитализма не ограничивается накоплением денежного капитала и разорением массы крестьянства. Было бы неверным смотреть на дело так, что чем выше норма торговой прибыли, чем выше неэквивалентность обмена, тем больше условий для развития капиталистических отношений. Наоборот, при слабом развитии производства высокая норма торговой прибыли, как известно, препятствует развитию капиталистической промышленности, так как прибыльность применения капитала в торговой сфере не стимулирует его применения в сфере производства. Но, развивая в погоне за прибылью торговлю, купечество способствовало созданию объективных условий для применения капитала в промышленности. Отдельные местные рынки сплачивались в единый рынок. Торговля становилась все более регулярной, широкой и всеобъемлющей, вместе с этим сокращалась возможность неэквивалентного обмена, так как постепенно нивелировались цены.

Разница цен на отдельных рынках на один и тот же товар становится все меньше и меньше. Эту нивелировку цен можно проследить по данным цен на овес (в копейках за четверть):

[20] «История московского купеческого общества», т. II, вып. 1, М., 1916, стр. 108.
[21] М. А. Терентьев. Указ. соч., стр. 162.
[22] ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 536, лл. 707--714.

	1763 г.	1768 г.	1797 г.	1799 г.
Смоленск (центр пограничной торговли)	82	71	180	300
Тамбов (центры внутреннего российского рынка)	36	64	152	165
Курск (центры внутреннего российского рынка)	34	51	132	188
Воронеж (центры внутреннего российского рынка)	36	60	123	185
Отношение цен в Тамбове к ценам в Смоленске	2,28	1,11	1,18	1,81
Отношение цен в Курске к ценам в Смоленске	2,41	1,39	1,36	1,06
Отношение цен в Воронеже к ценам в Смоленске	2,28	1,27	1,46	1,62

Из приведенных данных видно, что если в 1763 г. разница в ценах между Смоленском и другими городами была более чем в два раза, то в последующие годы разрыв в ценах был меньше.

Падали также цены на промышленные товары, например, на сахар [23]:

Цена 1 пуда сахара-рафинада на заводах	1764 г.	1765 г.	1766 г.	1767 г.	1768 г.
Каваиаха	9 р. 26 к.	8 р. 72 к.	7 р. 38 к.	7 р. 84 к.	8 р. 7 к.
Владимирова . . .	9 » 54 »	8 » 52 »	8 » 31 »	7 » 49 »	7 » 91 »

Цена 1 пуда сахара-рафинада на заводах	1769 г.	1770 г.	1771 г.	1772 г.	1773 г.
Каваиаха	7 р. 83 к.	7 р. 49 к.	8 р. 23 к.	8 р. 6 к.	7 р. 88 к.
Владимирова . . .	7 » 53 »	7 » 55 »	8 руб.	7 » 50 »	7 » 58 »

Итак, цена на сахар за 10 лет по первому заводу пала на 1 р. 38 к., или на 14,8%, по второму заводу — на 1р. 96 к., или на 20,5%.

Рассмотрим данные о падении цен на хлопчатобумажные изделия. Примером могут служить цены на изделия фабрик Козенса и Лимана [24].

		1764 г.	1765 г.	1766 г.	1767 г.
Ф-ка Ричарда Козенса					
Ситец бумажный	(арш.)	55 коп.	47 коп.	55 коп.	61 коп.
Полуситец узкий	»	40 »	38 »	38 »	37 »
» широкий	»	55 »	50 »	35 »	—
Выбойка бумажная	»	50 »	50 »	47 »	47 »
» узкая	»	20 »	22 »	22 »	22 »
Платки бумажные	(шт.)	1 р. 25 к.	1 р. 25 к.	1 р. 25 к.	1 р. 50 к.

[23] ЦГАДА, ф. Сената, 1-й департамент, кн. 375/3946, лл. 475—611.
[24] Там же.

© ГПИБ СОРАН

Ф-ка Лимана									
Полуситец узкий		—		—		—		—	
Выбойка узкая		—		—		—		—	
		1768 г.		1769 г.		1770 г.		1771 г.	1772 г.
Ф-ка Ричарда Козенса									
Ситец бумажный	(арш.)	54	коп.	30	коп.	25	коп.	—	—
Полуситец узкий	»	32	»	27	»	17	»	—	—
» широкий	»	50	»	—		25	»	—	—
Выбойка бумажная	»	43	»	18	»	16	»	—	—
» узкая	»	19	»	15	»	8	»	—	—
Платки бумажные	(шт.)	76	»	35	»	40	»	—	—
Ф-ка Лимана									
Полуситец узкий	(арш.)	—		—		32	»	26 коп.	26 коп.
Выбойка узкая	»	—		—		20	»	17 »	17 »

Из приведенных данных ясно, что цены на изделия фабрики Козенса упали за семь лет в два и более раза, а на платки — в три раза. Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем сближение цен отдельных местных рынков на определенный вид товаров (например, овес), а с другой стороны, сближение цен между сельскохозяйственными и промышленными товарами путем повышения цен на сельскохозяйственные товары и снижения на промышленные. Цены на овес с 1763 по 1768 г. поднялись в Курске на 17 коп., Воронеже — на 24 коп. и Тамбове — на 28 коп., а в Смоленске пали на 11 коп. Следовательно, произошло сближение между ценой закупочной, по которой купцы скупали овес на внутренних рынках (Тамбов, Курск, Воронеж), и продажной ценой, по которой купцы продавали хлеб в Смоленске. Вместе с повышением внутренних цен на хлеб за период с 1764 по 1769 г. цены сахара пали на 1 р. 43 к.— 2 р. 1 к. за пуд, по ситцу — на 25 коп., по полуситцу — на 17 коп., по выбойке — на 32 коп. за аршин и по платкам бумажным — на 90 коп., или в 2,5 раза. Нивелировка цен прерывалась в период военных действий, неурожаев и т. д. Она проявлялась как историческая тенденция и уменьшала степень неэквивалентного обмена, а следовательно, и норму купеческой прибыли. Купцы в конце XVIII в., как правило, не могли получать такую высокую прибыль, какую они получали в конце XVII или даже в начале XVIII в. Они должны были продавать товары по цене, близкой к их стоимости. Ф. Энгельс, рассматривая процесс превращения купца в раздатчика, на вопрос «что же могло побудить купца взять на себя дополнительную роль раздатчика?» отвечает: «Лишь одно: перспектива большей

прибыли при равной с другими продажной цене. И именно это он имел в виду» [25].

Итак, роль купеческого капитала в деле первоначального накопления состоит в том, что он в борьбе за торговую прибыль, с одной стороны, осуществлял на основе неэквивалентного обмена аккумуляцию денежного капитала в отдельных руках и тем самым разорял массу крестьян и ремесленников, доводя их до состояния полупролетариев. С другой стороны, в борьбе за прибыль купеческий капитал способствовал развитию торговли и товарно-денежных отношений. Соединяя отдельные, разрозненные рынки в единый рынок, он создавал тем самым такое положение, когда неэквивалентность обмена стала уменьшаться, так как цены на отдельных местных рынках все более унифицировались, что ставило под угрозу получение высокой торговой прибыли. В то же время отделение промышленности от земледелия, развитие товарного производства открывали перед купечеством новый источник высокой прибыли, а именно — овладение процессом производства товаров и эксплуатация непосредственных производителей уже не на базе неэквивалентного обмена в торговле, а в качестве наемной рабочей силы в процессе производства товаров.

---

[25] Ф. Энгельс. Дополнения к третьему тому «Капитала». См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 918.

В. А. Александров

РУССКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ И НЕРЧИНСКИЙ ТОРГ В КОНЦЕ XVII в.

Внешняя торговля как сфера применения русского купеческого капитала неоднократно привлекала внимание исследователей истории феодальной России. Особенный интерес имеют вопросы изучения внешней торговли в XVII в. в связи с началом образования всероссийского рынка. Уже в первой половине XVII в. русское купечество вело упорную борьбу за вытеснение западноевропейского купеческого капитала с внутренних рынков России и добилось в середине века полной победы в этом вопросе. Феодальная монархия оказывала содействие развивавшемуся купечеству, ибо видела в этом «...необходимые предпосылки как национального могущества, так и собственного блеска...» [1]. Вместе с тем русский торговый капитал не только обслуживал феодальную монархию и класс феодалов, но и создавал предпосылки к образованию буржуазных связей в стране, расшатывал натуральный характер феодального хозяйства, создавал определенную концентрацию денежного капитала в отдельных руках и способствовал дифференциации крестьянства, разорению одной и обогащению другой его части. Эти явления в своей совокупности определяли значение купеческого капитала в России как одного из главных рычагов первоначального накопления[2].

* * *

1689—1697 годы представляют определенный этап в истории русско-китайской торговли, развитие которой в это время было результатом деятельности почти исключительно частного ку-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 214.

[2] В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, стр. 186.

печеского капитала, нашедшего себе широкое применение на новом внешнем рынке. За десять лет товарооборот, проходивший через Нерчинск, достиг настолько значительных размеров, что соперничал с оборотами внешней русской торговли со Средней Азией, имевшей за собой вековую историю, и превосходил обороты внешней западной торговли через Псков, Тихвин, Смоленск. Государственная торговля с Китаем была организована только в последние годы XVII в. на основе сложившихся экономических взаимоотношений, созданных усилиями русского купечества. История этой торговли довольно подробно исследована в работах А. Корсака, Х. Трусевича, Б. Курца, в то время как выделенный нами период специальному исследованию почти не подвергался [3].

Анализ русско-китайской торговли 1689—1697 гг. позволяет также глубже оценить значение Нерчинского договора, ибо развитие экономических взаимоотношений между Россией и Китаем внесло существенные коррективы в условия торговых операций, зафиксированные в этом договоре.

Можно с уверенностью сказать, что основной ассортимент товаров, проходивших через Нерчинск в Китай и обратно на Русь, был постоянным и определенным более чем на каком-либо другом участке русской внешней торговли (далее при упоминании слова «Русь» всюду имеется в виду Европейская Россия, а под «русскими товарами» — товары, вывозившиеся из Европейской России, в отличие от местных сибирских товаров). Основу его, с одной стороны, составляла сибирская пушнина, с другой — китайские ткани. Взаимная заинтересованность России и Китая в этих товарах способствовала тому, что обороты русско-китайской торговли на протяжении 1689—1697 гг. быстро росли. Для России открывшийся китайский рынок давал возможность выгодно реализовывать основной источник получения валюты — меха, спрос на которые в течение XVII в. уменьшался на западноевропейских рынках вследствие широкого

[3] Б. Г. Курц. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVII ст. Киев, 1929; Х. Трусевич. Посольские и торговые сношения России с Китаем. М., 1882; А. Корсак. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. До настоящего времени в литературе встречаются неправильные утверждения о том, что государственная монополия в торговле с Китаем в России была введена сразу же после подписания Нерчинского договора. См., например, Н. И. Павленко. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (по материалам XVII—XVIII вв.). «Исторические записки», кн. 54, 1955, стр. 410.

© ГПИБ СССР

распространения шерстяных и шелковых тканей и конкуренции североамериканской пушнины [4].

Торговое значение Нерчинска с 1689 г. определялось тем, что это был единственный значительный пункт, расположенный в непосредственной близости от китайской границы. Поэтому сразу же после официального открытия границы значение бухарской посреднической торговли резко упало, тем более что джунгаро-монголо-маньчжурская вооруженная борьба, начавшаяся с 1688 г., надолго сделала пути через Монголию и Джунгарию недоступными.

Для характеристики нерчинского торга в данной работе использовано делопроизводство нерчинской таможни, которое дает богатый материал об ассортименте, количестве, стоимости и происхождении товаров, проходивших через Нерчинск или обращавшихся на его рынке, о деятельности русских торговцев, их общественном положении, степени участия в торговле с Китаем и пр. [5]

Таможенные книги Нерчинска подразделяются на несколько видов в зависимости от того, какие операции в них фиксировались. Товары, прибывшие в Нерчинск из русских и сибирских городов, а также вывезенные из Китая, фиксировались в книгах таможенного, десятинного, соболиного и денежного сборов, в записных книгах или книгах сбора «явчих» денег со всяких товаров.

Привезенный из Китая товар записывался также в специальных книгах, в которых подробно указывались наименование, стоимость и количество товаров у каждого торгового человека. Иногда стоимость указывалась целиком за всю партию, иногда — по отдельным видам товаров. Такие же сведения имеются в этих книгах относительно китайских товаров, приобретенных в Нерчинске.

В отдельные отпускные книги заносились подробные данные о количестве, стоимости и происхождении товаров, вывезенных торговцами в Китай. Точно так же отдельно в отпускных книгах фиксировались данные о вывозе товаров из Нерчинска в Сибирь и на Русь с указанием конечного пункта следования купца и подробных данных о видах товаров. В случае если товары были куплены в Нерчинске, указывалось: на «явленые» или на «товарные платежные» деньги они приобретены.

---

[4] И. С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в. «Исторические записки», кн. 14, 1945, стр. 168.

[5] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1012, 1037, 1063 1124, 1133, 1221.

Важные дополнительные материалы содержат книги годовых оброков со всех приезжих в Нерчинск торговых, промышленных и гулящих людей, а также ценовные росписи русских и китайских товаров.

В делопроизводстве нерчинской таможни не отражалась только розничная торговля на местном рынке и не фиксировался привоз товаров китайскими представителями.

Определенные трудности также представляет датировка в таможенных книгах привоза и отпуска товаров; запись партий в книге часто производилась значительно позже даты прибытия,— иногда, когда купец отбывал из Нерчинска, совершив свои операции, или когда партии товаров отпускались из Нерчинска в Китай. Тем не менее путем сопоставления всех указанных материалов можно с достаточной полнотой проследить ежегодный товарооборот пограничного торгового центра, приезд и отъезд торгового люда, операции купеческих «фирм» и отдельных торговцев, деятельность пестрой толпы промышленных и «гулящих людей», привлеченных в город за тысячи верст слухами о выгодных заработках.

Нерчинск не был только перевалочным пунктом на тысячеверстных путях китайской торговли. Он становился областным рынком, на котором обращалось большое количество привозной пушнины, китайских и русских промышленных товаров, расходившихся среди местного населения. Русско-китайская торговля не была исключительно караванной, значительное количество китайских товаров, поступавших на нерчинский рынок, вероятно, не учитывалось местными таможенными властями. Во всяком случае количество китайских товаров, вывозимых из Нерчинска на запад, сильно превышало то, что доставлялось русскими караванами.

Оживленная русско-китайская торговля сильно изменила жизнь самого Нерчинска. Оставаясь административным и военно-опорным пунктом далекого Приамурья, он превращался также в крупный торговый город.

Всего вместе с семьями население города превышало тысячу человек. Кроме того, ежегодно в Нерчинск прибывали десятки торговых людей и их агентов, сотни промышленных, гулящих и работных людей. Так, с сентября 1691 г. по апрель 1692 г., по данным оброчных книг, в город прибыло 172 человека, за 1692—1693 гг.— 206 человек, за 1693—1694 гг.— 269 человек, за 1694—1695 гг.— 165 человек, за 1695—1696 гг.— 328 человек; в марте — августе 1697 г. в городе было 208 человек приезжих, а в сентябре — декабре —

364 человека [6]. Число непостоянного населения города с развитием китайской торговли увеличивалось из года в год. Собственно торговых людей в Нерчинск приезжало 30—50 человек в год. Основную массу пришлого люда составляли гулящие люди. Одни из них нанимались к крупным торговым людям в качестве рабочей силы, уходили в Пекин с караванами и возвращались с ними назад; другие обслуживали караваны на участке от Нерчинска до Науна. Два раза в год, когда прибывал из Китая ушедший в предыдущем году караван и уходил за рубеж новый, Нерчинск был особенно оживленным.

По условиям Нерчинского договора, русские караваны могли проходить в Пекин один раз в три года, но фактически в течение 1689—1698 гг., за исключением 1690 и 1694 гг., они ходили ежегодно.

Часто отправление караванов совпадало с отъездом из Нерчинска в Китай дипломатических русских представителей. В таких случаях для удобства создавались объединенные караваны под единым конвоем.

Уже в декабре 1689 г. в Китай проследовал торговый русский караван. Он был отпущен по инициативе главы русской делегации, заключавшей Нерчинский договор, окольничего Ф. А. Головина, прямо «из разрядного шатра» одновременно с дипломатическим агентом, сыном боярским Г. Лоншаковым, которому поручалось договориться с маньчжурскими представителями о сроке перенесения Аргунского острога с левого берега р. Аргуни, отошедшего к Китаю, и о возвращении ясачных людей, перешедших с Шилки на китайскую территорию после подписания мира [7]. Посылкой первого каравана Ф. А. Головин преследовал, конечно, и дипломатические цели, стремясь подчеркнуть важность условий только что подписанного мирного договора. В то же время быстрота, с какой русские купцы сумели организовать такое сложное предприятие, свидетельствует об их заинтересованности в торговле с Китаем и знании ее.

Состав торговцев был весьма показательным, ибо в основном был представлен приказчиками, лавочными сидельцами и «людьми» крупных оптовиков, гостей О. Филатьева, С. Лузина, И. Ушакова и Г. Никитина [8].

---

[6] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 31—48, 75—82а, 156—167, 318—328, 403—410, 481—489; кн. 1124, лл. 99—110, 114—121; кн. 1133, лл. 304—316, 442а—458, 474—491; кн. 1012, лл. 6—11 об., 99—117.

[7] Там же, стб. 544, ч. II, лл. 294—302.

[8] Там же, кн. 1063, лл. 169 об.— 178 об.; стб. 544, ч. II, л. 278.

В июне 1691 г. из Нерчинска отправился второй, более многочисленный торговый караван, во главе которого был поставлен нерчинский пятидесятник Аф. С. Казаринов [9].

В ноябре — декабре 1692 г. с иркутским сыном боярским С. Молодым вышел третий караван [10].

В июле 1693 г. в Китай был отпущен из Нерчинска русский посол Е. Избрант. Под прикрытием его конвоя отправился новый многолюдный купеческий караван, состоявший почти целиком из агентов гостей [11].

Пятый караван двинулся в путь в мае 1695 г. [12]

В следующем 1696 г. отправился шестой караван [13].

В июле 1697 г. прошел в Китай седьмой караван [14].

Состав участников названных караванов можно представить на основании следующих данных:

	1689 г.	1691 г.	1692 г.	1693 г.	1695 г.	1696 г.	1697 г.
Агенты гостей и гостиной сотни	9	23	1	26	5	17	2
Торговые люди	4	12	—	2	13	13	8
Промышленные, гулящие, работные люди	не менее 35	42	17	158	98	113	?
Служилые люди (в том числе конвой)	40	19	37	23	41	?	?
Всего	88	96	55	209	157		

Более подробно о составе торговых людей, участвовавших в китайских торгах, мы остановимся ниже. В настоящий момент важно подчеркнуть прежде всего то, что численно представители крупного купеческого капитала, гостей и гостиной сотни занимали преобладающее положение в русских внешнеторговых операциях на китайском рынке.

---

[9] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1063, лл. 179—204; стб. 544, ч. II, лл. 398—400; Иркутская приказная изба, д. 36, лл. 96—100, 119—121.

[10] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1063, лл. 206—213; кн. 1037, лл. 90—120; Иркутская приказная изба, д. 281, лл. 4—19.

[11] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1063, лл. 230—240; кн. 1037, лл. 90—120, 206—250, 255—317.

[12] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 411—429, 463—480, 495—500; кн. 1124, лл. 1—49, 122—205; Иркутская приказная изба, д. 344, лл. 8, 9.

[13] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1124, лл. 50—98; кн. 1133, лл. 242—289, 365—442, 490—537; стб. 1292, л. 193.

[14] Там же, кн. 1133, лл. 290—303, 317—336; кн. 1221, лл. 359—364.

Помимо торговых людей, в составе караванов обращает на себя внимание большое количество промышленных, гулящих и работных людей. Промышленные и гулящие люди находились «в работе» у крупных торговцев и начальных людей конвоя. К сожалению, таможенные книги не дают возможности за редким исключением установить, откуда они пришли в Нерчинск — являются ли они жителями Сибири или «сходдами» из Центральной России.

С 1698 г. характер русско-китайской торговли начал меняться. Русское правительство интересовалось возможностью организации государственной торговли с Китаем еще до Нерчинского мира. После подписания договора правительство стремилось ускорить разрешение этого вопроса, тем более что в связи с войной в Монголии китайские товары перестали доставляться через Джунгарию к Ямыш-озеру и в Тобольск.

Еще в начале 1691 г. правительство разослало сибирским воеводам указ, подтверждавший запрещение ездить в Китай частным лицам без проезжих грамот Сибирского приказа, и в дальнейшем беспокоилось о том, как бы русские купцы китайский торг «не испортили» [15].

В начале 1692 г. тобольскому и иркутскому воеводам были даны из Москвы указания о посылке в Китай агента для обмена казенной пушнины «как бы было прибыльнее» [16].

Однако это предприятие не было осуществлено, так как в том же 1692 г. было решено послать в Китай официальное посольство во главе с Е. Избрантом. Посольство выехало весной 1692 г. и вернулось в феврале 1695 г.

Одна из основных задач этого посольства состояла в том, чтобы выяснить возможности и перспективы государственной торговли с Китаем. Для этого с Избрантом была отправлена партия казенных товаров. Вскоре после его возвращения в Москву, в 1695 г., русское правительство, познакомившись с итогами первых лет частных торговых оборотов через Нерчинск и с материалами посольства, приняло решение: «для пополнения своей государевой казны впредь з 204 году в Китайское государство для торгового промыслу с товары, которые в то государство будут годны, посылать из Сибирского приказу купчин по вся годы самых добрых людей» [17].

[15] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1052, ч. I, лл. 298, 304, 305; стб. 1422, ч. II, л. 347; Иркутская приказная изба, д. 322, лл. 14, 15.
[16] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1185—1186, лл. 1, 14.
[17] Там же, стб. 1378, ч. I, л. 315; стб. 1185—1186, лл. 16—26.

Первый казенный караван в Китай был возглавлен гостиной сотни Спиридоном Лянгусовым, уже имевшим случай познакомиться с китайским рынком на собственном опыте.

Помимо непосредственно торговых дел, на С. Лянгусова возлагались и дипломатические поручения [18].

Караван С. Лянгусова вместе с частными купцами, работными и служилыми людьми насчитывал 478 человек. Казна не сумела быстро организовать это сложное предприятие; из Нерчинска С. Лянгусов вышел только в июле 1698 г. и вернулся назад ровно через год [19].

Этим караваном открылась русская государственная торговля с Китаем [20].

В дальнейшем для осуществления своих торговых операций правительство также привлекало купцов, знакомых с китайским торгом. Все государственные караваны первой четверти XVIII в. возглавлялись купцами, изучившими китайскую торговлю в 1690-х годах: И. Саватеевым, П. Худяковым, Г. Осколковым, М. Гусятниковым.

В начавшейся конкуренции с частным торговым капиталом правительство не могло опираться исключительно на свои указные законоположения, ограничивавшие сферу деятельности русского купечества; оно привлекало отдельных, наиболее богатых и опытных купцов для выполнения своих торговых операций, стремясь оградить себя от конкуренции с их стороны и обеспечить успех торгов. За эту государственную службу купцы вознаграждались освобождением от уплаты пошлин за провоз через границу лично им принадлежащих товаров, которые они, однако, могли реализовать на китайском рынке только после распродажи казенного добра. С. Лянгусов, на-

[18] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1555, лл. 23—28; стб. 1185—1186, л. 39.
[19] ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 54, лл. 8—18; Иркутская приказная изба, д. 201, лл. 2—6; д. 88, лл. 69—71; д. 418, лл. 33, 34; Сибирский приказ, стб. 1415, л. 31.
[20] Несмотря на организацию государственной торговли в последующие 1699—1704 гг., состав частного купечества, отправляющего свои товары в Китай, расширился. В китайской торговле, кроме Филатьевых, Лянгусова, Ушакова и других, приняли участие гости Л. Добрынин, И. Исаев, гостиной сотни А. Борин, М. Григорьев, М. Евреинов, крестьянин с. Покровского М. Остафьев (в 1699 и 1702 гг.), посадские люди Новомещанской слободы в Москве Иван и Дмитрий Григорьевы, кадашевцы И. Ступин и Г. Обухов, житель Каширы Г. Корнилов и многие другие. Продолжали торговлю с Китаем Филатьевы, И. Микляев, Ф. Курилов, С. Лянгусов, М. Месяцев, А. Федотов и др. (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1422, ч. II, лл. 268—272; оп. 18, д. 386, лл. 34—36).

пример, получил эту льготу на 4 тыс. руб., его помощники, целовальники вятчанин И. Глухих и важенин К. Нечаевский,— по 700 руб. [21]

* * *

Торговля «в Китаях» была трудным, хлопотливым и, главное, очень длительным предприятием, требовавшим значительных капиталов и многочисленного штата агентов и работных людей. Только одно расстояние от Москвы до Пекина почти в 9 тыс. верст определяло длительность товарооборота. В среднем торговая поездка от Москвы до Пекина и обратно длилась не менее трех лет. Так, например, Димитрий Григорьев Гречанин проезжую грамоту в Москве получил в ноябре 1689 г., только в июне 1691 г. он выехал из Нерчинска, куда вернулся к марту 1692 г. и мог попасть назад в Москву в лучшем случае летом того же года. Участники каравана 1696 г. получали грамоты в Москве в январе—марте 1695 г., когда у них были уже наняты работные люди, и вернулись из Китая в Нерчинск только к ноябрю 1697 г. [22] По свидетельству Е. Избранта, путешествие из Даурии в Пекин и обратно занимало при благоприятных обстоятельствах восемь месяцев. В случае задержки по какой-либо причине каравана китайскими властями оно могло значительно затянуться. Время пребывания в пути караванов 1691—1697 гг. подтверждают слова Е. Избранта. Путешествие караванов, отпущенных из Нерчинска в 1691, 1692, 1695, 1696 гг., длилось около 10—12 месяцев.

Снаряжение караванов начиналось задолго до прибытия купцов в Нерчинск. Преодолевая тяготы путешествия по Сибири, торговые люди, еще не достигнув Байкала, в Балаганском остроге приобретали по дешевой цене верблюдов и быков, необходимых для перевозки грузов. Такие покупки происходили и в самом Нерчинске, но обходились значительно дороже [23]. От Нерчинска путь караванов шел к р. Аргуни и далее к крупному китайскому селу Науну. Путь от Нерчинска до Аргуни покрывался в три недели, столько же времени уходило на путь до Науна и около полутора месяцев далее, до Пекина [24]; всего,

[21] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1260, лл. 52—79.

[22] ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 342, лл. 1—42.

[23] «Путешествие и журнал... Эбергарда Избраннедеса». «Древняя российская вивлиофика», ч. VIII. М., 1789, стр. 410, 431.

[24] ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 65, л. 20; Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, ч. I, СПб., 1787, стр. 106, 107. Данные о длительности пути от Науна до Китайской стены противоречивы: от 3 до 13 дней.

таким образом, только на преодоление пути от Нерчинска до Пекина требовалось в один конец около трех месяцев. Наиболее тяжелым был путь от Аргунского острога до Науна. Отсутствие населенных пунктов, степные пожары, шайки разбойников делали этот участок пути крайне опасным во многих отношениях. Е. Избрант дал очень яркое описание злоключений каравана, возвращавшегося к русской границе. Сбившись с пути в выжженной степи, люди голодали, половина верблюдов и лошадей пала от бескормицы. Все товары были благополучно доставлены в Аргунский острог только потому, что купцы предусмотрительно закупили в Пекине верблюдов вдвое больше, чем их нужно было первоначально для подъема клади.

С Науна все хлопоты по обеспечению каравана подводами и провиантом брали на себя маньчжурские власти. Поэтому они ограничивали срок пребывания русских торговцев в Пекине. Еще в «Ведомости о Китайской земле и глубокой Индеи», составленной не позже 1669 г., указывалось, что маньчжуры «с торговых с приезжих людей пошлин не емлют и дают торговым приезжим людям корм; а болши дву месяц жить не дают; хто откуды приехал, и высылают вон». Этот же порядок сохранялся и в конце столетия. Е. Избрант сообщал, что маньчжурское правительство хотело даже ограничить путешествия русских купцов Науном. В связи с тем, что городов с развитой торговлей до Китайской стены не было, в 1693 г. село было превращено в «крепкий» город с «великим» торгом, на котором насчитывалось несколько сотен лавок [25]. Вероятно, в результате усилий Е. Избранта это ограничение не было осуществлено и путешествия в Пекин продолжались; но Наун превратился в крупный транзитный пункт, на котором «расторговывались» некоторые купцы. Там же оставалась основная часть работных людей, обслуживавших караван на пути от Нерчинска.

В Пекине русских купцов обычно ничем не стесняли. Им выдавали обильный «корм» и даже разрешали общаться с задержанными в Китае пленными албазинскими казаками, которые жили в отдельной слободе, в трех верстах от «Посольского двора», где обычно останавливались приезжие из России дипломатические и торговые представители [26].

Каждый караван, выходивший из Нерчинска, обязательно сопровождался отрядом служилых людей. Командиру конвоя

[25] С. О. Долгов. Ведомость о китайской земле и глубокой Индии. «Памятники древней письменности и искусства», т. CXXXIII. СПб., 1899, стр. 14—35; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1185—1186, лл. 11, 58.

[26] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. II, л. 278; «Дополнения к актам историческим» (далее — ДАИ), т. X. СПб., 1867, № 67, стр. 292—294.

вручался наказ, по которому он должен был не только следить за безопасностью и порядком в караване, но и выполнять определенные дипломатические поручения. Чаще всего они сводились к тому, чтобы маньчжурские чиновники, не задерживая караван в Науне, выдавали подводы и провиант, отводили «стоялые дворы». В Пекине он должен был доложить о себе богдыхановым «ближним людям», передать им «лист» от нерчинских властей и просить разрешения на свободную торговлю [27]. Перед начальниками караванов нередко возникали трудности. Караван 1697 г., например, прежде чем был «взят в царство», потерял в Науне более полутора месяцев. Поэтому на должность начальника конвоя обычно назначались уже опытные люди, какими были пятидесятники Аф. С. Казаринов, А. Плотников и другие, не раз ходившие с различными поручениями в Китай.

Трудности путешествия и сопряженные с ним расходы определяли состав русского купечества, сумевшего включиться в систематические торговые операции с Китаем. Как известно, крупному купечеству принадлежало господство во внешнеторговых оборотах, осуществлявшихся через западные границы России. Та же картина наблюдалась в Сибири: «...Только крупный купеческий капитал мог в полной мере воспользоваться всеми преимуществами, приобретавшимися в сибирских операциях, вызывавших значительные затраты капитала и требовавших большого промежутка времени» [28].

Преобладание крупного купеческого капитала в китайской торговле за 1689—1697 гг. проявилось так отчетливо и вместе с тем своеобразно, как ни в каких других торгах. Круг русских торговцев «в Китаях» был довольно ограничен и специфичен по составу. Во главе его стояло всего лишь четыре фамилии крупнейших купцов. Систематически О. Филатьев (а после его смерти наследники), С. Лузин, И. Ушаков, Г. Никитин посылали крупные партии своего товара в Китай. Помимо них, более или менее постоянно участвовали в этой торговле только те торговые люди, которые имели давние экономические связи с Сибирью.

На первый взгляд может показаться странным, что на протяжении десяти лет в этой торговле, доходность которой не вызывает сомнений, не принял участия ни один гость, кроме вышеуказанных, а отдельные члены гостиной сотни ограничи-

[27] ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 36, лл. 111—117; д. 51, лл. 1—3.

[28] К. В. Базилевич. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. Л., 1933, стр. 25.

вались эпизодическими посылками товаров, причем нередко на сравнительно небольшие суммы. Можно предположить, что, помимо трудностей в организации таких предприятий, требовавших крупных капиталовложений, была не менее существенная причина, определявшая сравнительно узкий круг купечества, торговавшего через Нерчинск. Этой причиной могла быть монополия отдельных купеческих фамилий на пушном рынке, захвативших в свои руки сибирские и московские торги и на этой основе преобладавших в русско-китайской торговле.

Захват рынков крупными купцами и монополии в торговле теми или иными товарами были одним из основных характерных моментов процесса первоначального накопления. В данном случае этот момент переплетался с другим, не менее характерным — ограблением колоний.

Действительно, как указывалось выше, многие участники торговли с Китаем были уже в 1680-х годах хорошо знакомы с Восточной Сибирью. Были они знакомы и с другими пушными рынками страны.

Помимо чисто торговых операций, И. Ушаков, Филатьевы, Г. Никитин, И. Микляев и другие к этому времени занимались предпринимательством, ростовщичеством, брали откупа, подряды и т. п.

Известно, что с 1635 г. и на протяжении последующих 40 лет на крупнейшем пушном рынке Соли Вычегодской среди приезжих купцов Филатьевы выделялись постоянным и неослабевающим интересом к скупке пушнины. Их обороты на местной ярмарке во второй половине XVII в. не спускались ниже 25% по отношению к общему обороту ярмарки, а, как правило, колебались от 42 до 100% [29]. По данным 1687—1689 гг., филатьевские приказчики отправлялись с торгами из Тобольска в Якутск, Енисейск, Томск, Илимск, Сургут и другие города Сибири. Торговое дело, начатое гостем Богданом Филатьевым, перешло к его сыну Остафию, имя которого вместе с именами его наследников Василия и Алексея не сходит с листов нерчинских таможенных книг последнего десятилетия XVII в. Помимо торговли, Остафий Филатьев с 1672 г. занялся в широких масштабах предпринимательством, скупая земли в Вымском у. и основывая там соляные промыслы. Он же посылал своих покрученников на сибирские соболиные промыслы. Филатьеву принадлежали промысловые зимовья в Мангазейском у., «по Енисею реке за губой», т. е. на побережье Ледови-

[29] И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 166—168.

того океана; его покрученники добывали соболей в Прибайкалье; только в одном 1693 г. его 11 покрученников явили в Нерчинске 10 сороков соболей [30].

Такие же прочные торговые связи с Солью Вычегодской и Сибирью имел другой крупнейший торговец конца XVII в., гость Гаврила Романович Никитин. Познакомившись на собственном опыте с сибирской и китайской торговлей еще будучи приказчиком О. Филатьева, Г. Никитин, став в 1681 г. гостем, развил широкую торговую и ростовщическую деятельность в Сибири [31].

Сравнительно немного сведений мы имеем о сибирских торгах гостя Семена Лузина. Известно только, что с другими торговыми людьми он сбывал сибирские меха западноевропейским торговцам на Архангельской ярмарке и имел постоянные торги в Сибири совместно со своим братом Андреем Лузиным, который в то же время был оценщиком мягкой рухляди в Сибирском приказе [32].

Не менее колоритной фигурой был гость Иван Ушаков. Если Филатьевы и Никитин представляли в Сибири крупное московское купечество, то Иван Ушаков и его брат гостиной сотни Алексей были представителями нарождавшегося сибирского купечества. Устюжане по рождению, они были уже в 1680-х годах крупнейшими торговцами и предпринимателями Сибири. Прочно обосновавшись в Енисейске, они путем подрядов монополизировали с 1680-х годов крупную хлебную торговлю Сибири, имели соляные варницы, пахотные земли.

Особенное внимание они уделяли в 80—90-х годах XVII в. Восточной Сибири. С начала 1680-х годов Ушаковы начали хлебную торговлю с Забайкальем. В 1686 г. окольничий Ф. А. Головин в Енисейске заключил с ними подряд на поставку в Иркутск в течение трех лет по 3 тыс. пудов хлеба ежегодно. В конце 1689 г. гость И. Ушаков вновь подрядился в Москве поставить в Удинск для полка Ф. А. Головина 30 тыс. пудов ржаной муки в течение четырех лет, а в 1691 г. такое же количество в Якутск в течение пяти лет. В 1694 г. он же заключил новый подряд о поставке хлеба в Якутск на тех же условиях. Его приказчики скупали хлеб в Енисейском, Илимском,

[30] «Очерки по истории Коми АССР», т. I. Сыктывкар, 1955, стр. 123, 124; ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 73, 74; стб. 1066, лл. 64—73; стб. 1110, лл. 146, 147; Н. К. Ауэрбах. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива. «Северная Азия», 1928, № 5—6, стр. 138.

[31] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 226—251.

[32] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 921, лл. 224—226; стб. 1035, ч. I, лл. 18—20; стб. 1110, лл. 3—5 и др.

Иркутском уездах у крестьян, промышленных и гулящих людей. Его брат А. Ушаков подрядился с 1688 по 1698 г. поставить в Мангазею 88 тыс. пудов муки. О результатах его деятельности в 1688 г. подробно сообщалось в Москву енисейским воеводой Г. Новосильцевым: «...Из Енисейского уезда на торг в Енисейск хлебных запасов на продажу в привозе бывает самое малое число для того, что по подряду гостиной сотни Алексея Ушакова в Мангазею хлебных запасов в Енисейске у всяких жителей в прошлых 194, 195 и в нынешнем 196 годах выкуплено, и за те хлебные запасы у него Алексея енисейские жители задолжены кабальными долгами многие» [33]. В те же годы А. Ушаков на винном откупе нажил огромное состояние [34]. В частности, он с 1686 до 1699 г. держал в Иркутском у. квасной откуп [35].

Тогда же Ушаковы широко занялись предпринимательством. В 1681 г. И. Ушаков купил в Иркутске усолье, дававшее до 500 пуд. соли в год, его брат держал там же усолье, дававшее до 2500 пудов [36]. К 1700 г. количество усолий в Иркутском у. они расширили. Наконец, Ушаковы начали вкладывать средства в землю. В 1690 г. Иван Ушаков купил за 510 руб. у иркутского пятидесятника А. Михайлова на Ангаре земли с пашнями (более 200 дес.), лесами, сенными покосами, мельницами и усольями. Здесь находились мыльный и кожевенный заводы «со всяким строением» [37]. На всех этих предприятиях применялся вольнонаемный труд. Таким образом, в лице Ушаковых можно видеть не только крупнейших сибирских торговцев, но и предпринимателей, обращавших свои средства, накопленные в сфере обмена, на организацию промышленных предприятий. Непосредственная связь с Сибирью позволяла им выступать и в роли крупных пушных торговцев на китайском рынке. В начале XVIII в. накопленные в Сибири капиталы они вложили в хлебную торговлю в Среднем Поволжье [38].

Следует отметить, что в рассматриваемое время вплоть до конца XVII в. на восточно-сибирских рынках, кроме Филатье-

[33] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1067, л. 212; стб. 1182, лл. 260, 261, 331—336; стб. 1139, лл. 15, 18; стб. 965, ч. II, лл. 375—381; Иркутская приказная изба, д. 505, лл. 9, 10.

[34] П. И. Павленко. Указ. соч., стр. 408.

[35] ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 486, лл. 133—136, 163, 164.

[36] ЦГАДА. Иркутская приказная изба, д. 60, лл. 74, 90, 111; д. 63, л. 199; д. 451, лл. 23, 25, 26; Сибирский приказ, кн. 1031, лл. 31, 32.

[37] ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 60, лл. 74—90, 111; д. 63, л. 199; д. 451, лл. 23, 25, 26; Сибирский приказ, кн. 1031, лл. 31, 32.

[38] Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. Сб. «Петр Великий». М.— Л., 1947, стр. 228—231.

вых, Никитина, Лузиных и Ушаковых, не встречается других крупных оптовиков-гостей. По справке приказа Большой казны, к 1690 г. имущество и торговые обороты Филатьевых оценивались в 16 тыс. руб., Лузиных — 8400 руб., Никитина и Ушаковых — по 1000 руб.[39] Следует полагать, что эти сведения, представленные по поводу сбора десятой деньги, были преуменьшены. Однако они позволяют в некоторой степени дифференцировать экономические возможности указанных купеческих «домов» и особенно выделить Филатьевых, которые, как увидим ниже, играли важнейшую роль в китайских торгах через Нерчинск.

Из более мелких купцов чаще всего в Нерчинске можно было видеть лаличей, яренчан, устюжан и сольвычегодцев, издавна связанных торгами с Сибирью и Москвой. По образному выражению И. С. Макарова, «Лальск был настоящим приказчичьим гнездом не только для Поморья, но и для центральных городов» (Норицыны, Саватеевы и др.)[40]. Многие из них, выходцы из крестьянской среды, начиная свою деятельность в качестве приказчиков, впоследствии выбивались на путь самостоятельной деятельности, поселялись в Сибири и, разбогатев, занимали видное положение среди именитого купечества. В середине XVII в. такими влиятельными сибирскими торговцами были яренчане Осколковы и Шапгины[41].

Один из Осколковых, Афанасий Андреевич, был ранее знаком с китайской торговлей, ибо еще до 1675 г. Крижанич посылал с ним в Москву свое «писмецо о Китайском торге», к сожалению, не сохранившееся до настоящего времени[42]. Его наследники нередко потом посещали Нерчинск и ходили в Китай. Григорий Афанасьевич Осколков снаряжал в 1696 г. в Нерчинске своих покрученников на соболиные промыслы[43]. Торговавший с Китаем в 1691 г. сольвычегодец гостиной сотни Ф. Курилов и в дальнейшем тесно сохранял связи с Забайкальем; так, в январе 1699 г. он тягался с А. Ушаковым и М. Пивоваровым за квасной откуп в Иркутске[44]. По своему происхождению с Лальским погостом была, вероятно, связана очень богатая семья крестьянина тобольского Софийского до-

[39] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1035, ч. I, лл. 18—20.
[40] И. С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в., стр. 158, 159.
[41] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 126—127; «Очерки по истории Коми АССР», т. I, стр. 113—115.
[42] Б. Курц. Русско-китайские сношения..., стр. 44.
[43] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 489—494.
[44] ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 486, лл. 163, 164.

ма Игнатия Артемьева Заровняного[45]. Его торговые агенты ездили в Казань, Верхотурье и в течение 1690-х годов трижды ходили в Китай[46]. Участие этой сибирской крестьянской семьи в заграничной торговле не могло быть случайным. Из торговых крестьян Заровняные вырастали в представителей нарождавшегося сибирского купечества.

Кроме них, в 1690-х годах торговали через Нерчинск с Китаем Иван и Степан Шангины, сольвычегодец гостиной сотни М. Ростовщиков, лаличи Д. Муромской, М. Месяцев, Норицын, Бобровские (Григорий, Никита Андреевич, Иван Федорович), яренчане Е. Архипов, Ф. Ю. Попов, гостиной сотни И. Саватеев и др.

В силу экономической слабости сибирских посадов местные посадские люди только в единичных случаях, по данным нерчинских таможенных книг, участвовали в междугородней и тем более в заграничной торговле. Среди них выделялся иркутский посадский И. Штинников, поставлявший по подряду вино в Иркутск, арендовавший на земле И. Ушакова соляные варницы, пашни, а затем ходивший в 1695 г. с торгом в Китай[47].

Определенный интерес представляют также и другие крупные купцы, эпизодически появлявшиеся в Нерчинске и торговавшие с Китаем. Как и прочие, они были тесно связаны с сибирскими рынками, а некоторые занимались предпринимательством. Гостиной сотни С. Лянгусов был тесно связан с Сибирским приказом. Широкую инициативу проявлял гостиной сотни казанец И. Микляев, в 1696 г. со своим сотоварищем И. Олиным отправивший в Китай товаров на 4308 руб. И. Микляев вел крупную торговлю в Европейской России, в Сибири, был связан с иностранными купцами в Астрахани и Архангельске. Он же в Поволжье имел винокурни и предприятие по выделке кож. Позднее, в 1720-х годах, он стал компанейщиком полотняной мануфактуры в Москве, владельцем суконной мануфактуры в Казани, не прекращая в то же время торговых операций в Китае[48].

[45] В 80-х годах XVII в. в Тобольске и Верхотурье бывал лалетин Василий Иванов Заровняный (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1066, лл. 64—73).
[46] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1066, лл. 10—17, 64—73.
[47] Там же, кн. 1031, лл. 31, 32; Иркутская приказная изба, д. 486, л. 109.
[48] Е. И. Заозерская. Указ. соч., стр. 224—225; «Очерки истории СССР» (первая четверть XVIII в.). М., 1954, стр. 135; Х. Трусевич. Указ. соч., стр. 160. Связи И. Микляева с иноземными рынками были, по-видимому, потомственными; в 1660 г. гость Петр Микляев выполнял поручения правительства в Голландии, затем ездил в Голштинию, см.

Среди торговцев, стремившихся в Нерчинск, обращает на себя также внимание тульский посадский Конон Бабкин. Он привез по ярославской выписи «земский» (вероятно, принадлежавший посадской общине) товар в Якутск (ткани и кожи), там его реализовал, купил меха и пытался проехать в 1695 г. в даурские остроги, но был ограблен на дороге [49]. Все эти купцы в силу имевшихся возможностей тянулись к китайским торгам и составляли определенную конкуренцию гостям: И. Ушакову, Филатьевым, Г. Никитину и С. Лузину.

Цифровые данные нерчинской таможни позволяют конкретно представить рост общего товарооборота русско-китайской торговли и удельный вес в ней операций отдельных купцов, а также спецификацию товаров (см. табл. 1).

Таблица 1

Общий товарооборот караванной русско-китайской торговли

(1689—1698)

Время отправления караванов из Нерчинска Время возвращения в Нерчинск	Стоимость товаров в руб.		Примечания
	отправленных в Китай	вывезенных из Китая	
Декабрь 1689 г. — 1690 г.	—	14 473	По нерчинской оценке
Июнь 1691 г. — март 1692 г.	7563 *	23 952	»
Декабрь 1692 г. — октябрь 1693 г.	5593	13 015	»
Июль 1693 г. — октябрь 1693 г. (из Науна)	14 043**	25 562	»
Июнь 1694 г.	—	12 381	»
Август 1695 г. — октябрь 1696 г.	16 909 *	57 000***	»
Лето 1696 г. — лето 1697 г.	49 300 *	240000	По московской оценке
Июль 1697 г. — август 1698 г.	25 704 *	—	

* Стоимость товаров служилых людей не учитывается.
** Стоимость казенных товаров, отправленных с Избрантом, и товаров служилых людей не учитывается.
*** В таможенной книге стоимость товаров не указана, а пошлина бралась не деньгами, а натурой. Поэтому общую стоимость товаров этого каравана можно определить только ориентировочно, причем не учитывая стоимости драгоценных камней, жемчуга и шелка.

Н. А. Бакланова. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. «Труды ГИМ», т. IV. М., 1928, стр. 21, 28. С. Я. Лянгусов торговал в Сибири еще в 1660-х годах (ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 588, л. 156).

[49] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1321, лл. 102, 107.

Эти данные, несмотря на некоторую приблизительность подсчетов, прежде всего свидетельствуют о быстром росте оборотов.

Как правило, более половины всех этих товаров принадлежало гостям, среди которых бесспорно первое место принадлежало Филатьевым. Только они сумели организовать ежегодный отпуск товаров в Китай (см. табл. 2).

Таблица 2

Стоимость товаров, отпущенных гостями в Китай

(в руб.)

Годы	Никитин		Ушаков		Филатьевы		Лузин		Общий итог	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
1691	450	5,9*	1213	16	2410	31,9	89	1,2	4162	55,0
1692	—	—	—	—	4525	80,9	—	—	4525	80,9
1693	2172	15,5	1137	8,1	3629	25,8	2033	14,5	8971	63,9
1695	—	—	—	—	11 091	65,5	1817	10,8	12 908	76,3
1696	5142	10,4**	6067	12,3	10 299	20,9	2445	4,9	23 953	48,5
1697	7239	28,1	—	—	3521	13,7	—	—	10 760	41,8
Итого	15 033		8417		35 475		6384		65 279	

* Проценты к общей стоимости товаров всего каравана за данный год.
** С. В. Бахрушин ошибочно относит отправку товаров гостем Г. Никитиным к 1695 и 1696 гг. На самом деле эти партии ушли из Нерчинска в Китай в 1696 г. и 1697 г. (см. «Научные труды», т. III, ч. 1, стр. 240).

Из других крупных торговцев трижды за рассматриваемое время отправляли свои товары в Китай Заровняные (в 1693 г.— на 806 руб., в 1696 г.— на 576 руб., в 1697 г.— на 4723 руб.); по два раза ходили в Китай лалетин М. Месяцев (в 1693 г.— на 480 руб., в 1697 г.— на 2689 руб.), Г. А. Осколков (в 1691 г.— на 260 руб. и в 1695 г.— на 903 руб.), лалетин И. Бобровский (в 1691 г.— на 136 руб. и в 1697 г.—на 2270 руб.). Остальные оптовики участвовали в китайской заграничной торговле в 1689—1698 гг. по одному разу. Наиболее крупные партии товаров были отправлены в 1693 г. гостиной сотни Спиридоном Лянгусовым (на 3667 руб.), в 1696 г. членами гостиной сотни Б. Карамышевым (на 1436 руб.), Я. Старцевым (на 1099 руб.), И. Микляевым и И. Олиным (на 4308 руб.) и И. Саватеевым (на 2336 руб.), торговыми людьми И. Осколковым (на 1685 руб.), В. Малафеевым (на 2311 руб.);

© ГПНТБ СО РАН

кадашевцем М. Я. Гусятниковым (на 2162 руб.), посадскими московской Огородной слободы Т. Васильевым (на 1915 руб.) и Кошельной слободы А. Федотовым (на 2676 руб.). В 1697 г. крупная партия товаров пошла в Китай с лаличами Григорием и Никитой Бобровскими (на 2094 руб.).

Таким образом, представители крупного купеческого капитала преобладали в караванах, ходивших в Китай.

Однако только немногие из торговцев были в силах ежегодно финансировать торги в Китае. Другие оптовики участвовали в них только эпизодически. И тем не менее в поисках высокой прибыли они не останавливались перед опасностью конкуренции со стороны гостей, преобладавших в китайских торгах. Их задерживало другое — «скудота денег», «бескапитальность». Отсутствие дешевого и организованного кредита в XVII в. в России остро и болезненно ощущалось купечеством [50]. Это обстоятельство ярко отражено в челобитной купцов, в 1699 г. собравшихся в Нерчинске и просивших местного воеводу не задерживать отправку каравана в Китай. В ней указывалось, что товары и деньги «на китайскую руку» они брали у своей братьи «великой ценой», подписывали краткосрочные кабалы, несмотря на возможность разорения в случае задержек в пути [51]. Крупным ростовщиком выступал Г. Никитин, который, предоставляя свои средства в кредит, получал возможность держать в зависимости своих же конкурентов в торговле.

Некоторую роль в караванной торговле играли служилые люди, отправлявшиеся в качестве конвоя, а также промышленные и гулящие люди, находившие себе в Нерчинске у торговых людей работу по найму. Случаи, когда служилые люди вывозили из Китая товаров на несколько сот рублей, были не редкостью. К сожалению, в нерчинских таможенных книгах никогда не фиксировался вывоз товаров служилыми людьми в Китай и далеко не всегда ввоз из Китая. Известно, что в 1692 г. 37 служилых людей провезли товаров на 927 руб.; в 1695 г. товары были провезены 38 служилыми, 42 промышленными и гулящими людьми.

Китайская торговля сильно способствовала обогащению местных служилых людей, особенно служилой верхушки. Материалы воеводских сысков конца XVII в. дают интересные

[50] С. Я. Боровой. Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII в. «Исторические записки», кн. 33, 1950, стр. 96 и др.

[51] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1422, ч. II, лл. 268—272; Иркутская приказная изба, д. 412, л. 7.

свидетельства об имуществе некоторых служилых людей. Участники восстаний 1695—1697 гг. ссылались, например, на иркутского воеводу А. Савелова, взявшего «сильно» у селенгинского сына боярского И. Уварова китайских тканей на 860 руб., у селенгинского пятидесятника Д. Таракановского — на 465 руб., а также на нерчинского воеводу А. Савелова, который овладел имуществом нерчинского сына боярского Н. Варламова на 600 руб. Число таких примеров велико [52].

* * *

Основным товаром на китайском рынке была пушнина. Главные потоки пушнины шли из Енисейска и Якутска через Иркутск, который сразу же стал играть важную роль перевалочного пункта на перекрестке торговых путей.

С июня 1691 г. по июнь 1692 г. нерчинской таможней было зафиксировано 37 явок пушнины на 7452 руб. [53] Из них в 15 случаях была явлена пушнина по якутским проезжим (на 3455 руб.) и в 9 случаях — по иркутским проезжим (на 2551 руб.) [54]. Остальная часть мехов поступала по енисейским, илимским, усть-киренским проезжим грамотам. В 1693 г. в Нерчинск поступило пушнины по 40 явкам на 18 882 руб., в том числе из Якутска по 8 явкам поступило пушнины на 1859 руб., из Илимска, Усть-Киренска и Верхоленска по 11 явкам — на 1832 руб., из Иркутска по 12 явкам — на 8603 руб., из Енисейска по 5 явкам — на 1307 руб., и из Тобольска поступила крупная партия, оцененная в 3283 руб. В 1695 г. наибольшее количество пушнины поступило по якутским и устькиренским проезжим памятям — на 7235 руб. (общий привоз на 16 759 руб.) и т. д.

Возможность быстро составить большие партии пушного товара зависела не только от экономического положения крупных купцов, но и от количества у них торговых агентов, разбросанных по всей Сибири. Именно эти агенты позволили Филатьевым раньше своих конкурентов начать систематическую торговлю с Китаем сразу же в крупных размерах. Одни из них свозили товары в Нерчинск, другие отправлялись в Китай или увозили на Русь иноземные товары. Всего, по данным нерчинских таможенных книг, в течение рассматриваемых нами лет

[52] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1221, лл. 356, 357; Иркутская приказная изба, д. 429, лл. 47—66.

[53] Пять явок на 1007 руб. со смешанным товаром (меха и промышленные русские товары) нами не учитывались.

[54] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1112, лл. 16—47.

в этой деятельности принимало участие 17 приказчиков, 6 «людей», 18 лавочных сидельцев. Среди них выделялись наиболее доверенные хозяйские люди, осуществлявшие операции в Китае — приказчики А. Путимец, И. Байтереков, П. Худяков, И. Калуга, В. Лобанов, Ф. Кочетов, «человек» Н. Климов. «Персонал» гостя Г. Никитина состоял из двух приказчиков, шести «людей» и шести лавочных сидельцев [55].

Однако в дальнейшем, с расширением китайской торговли, даже штат Филатьевых оказался не в состоянии обеспечить скупку пушнины в Сибири в необходимом количестве. Поэтому с 1695 г. для отпуска в Китай началась крупная скупка пушнины в русских торговых центрах, и, таким образом, значительная часть сибирских мехов, доставленных на Русь, по-видимому, начала совершать путешествие назад, в Сибирь.

Таблица 3

Стоимость мехов, отправленных из Нерчинска в Китай в 1696 и 1697 гг.

(в руб.)

Годы	Нерчинской покупки	Русского привоза	Восточно-Сибирской покупки	Тобольской покупки	Неизвестно
1696	1593	34 772	8542	549	2044*
1697	1093	13 056	11 318	—	—

* Смешанные две партии, состоявшие из русского товара и мехов на 839 руб., не учитываются.

Сравнивая эти данные с материалами по предыдущим годам, можно заключить, что торговые люди, торговавшие с Китаем, скупали в Восточной Сибири пушнины на 12—13 тыс. руб. По-видимому, сибирские рынки к этому времени не могли полностью обеспечить спрос на пушнину иноземного, китайского рынка. С расширением китайской торговли пушнина поступала также с крупных русских пушных рынков, где можно было совершать широкие оптовые сделки. Эта пушнина составила 70% от всей отправленной в 1696 г. в Китай, в 1697 г.— более 50%.

[55] С. В. Бахрушин в своей работе «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае» насчитал 9 приказчиков и 10 «людей», осуществлявших операции своего хозяина в Сибири и Китае («Научные труды», т. III, ч. 1, стр. 230, 231).

Белки, горностаи, особенно соболи и собольи пупки, по данным нерчинской таможни 1696 и 1697 гг., по большей части были русской покупки. В 1696 г. в Китай было вывезено русской покупки почти 135 сороков соболей, 589 сороков 29 штук пупков собольих, 264 мехов беличьих, 362 280 шкурок белки и 200 397 шкурок горностаев; в 1697 г.— 67 сороков соболей, 111 500 шкурок и 650 мехов беличьих, 82 600 шкурок горностаев.

Можно полагать, что партии мехов русской покупки приобретались не столько в Москве, сколько на других рынках, имевших уже в то время всероссийское значение в пушной торговле. Такими центрами могли быть Устюг Великий и Соль Вычегодская. С ними, вероятно, и были связаны торговые люди, прибывавшие в Нерчинск. Известно, например, что лальские промышленники и скупщики сбывали свои меха прежде всего в Устюге [56].

В указе 1698 г., согласно которому немосковскому купечеству разрешалось ездить в Китай без проезжих грамот Сибирского приказа, эта льгота мотивировалась именно тем, что поездка в Москву за получением грамот только отнимала «скорое зимнее время» у купцов [57]. При этом следует иметь в виду, что стоимость мехов на русских рынках была значительно выше, чем в Сибири. И. С. Макаров, например, приводит отдельные данные, свидетельствующие о том, что стоимость соболей, вывозимых из Сибири, в Соли Вычегодской повышалась на 20—40% [58].

Некоторое количество пушнины обращалось непосредственно на нерчинском рынке. Обычно ее привозили торговые люди, ограничивавшиеся операциями по приобретению китайских тканей в Нерчинске. Значительная часть ее, преимущественно крупные партии, покупалась в Нерчинске приказчиками гостей и другими торговыми людьми, отправлявшимися в Китай. Приказчики Филатьевых, например, в 1696 г. на средства, вырученные от продажи русского товара, и на привезенные деньги купили в Нерчинске мехов на 1357 руб. у лавочного сидельца гостиной сотни И. Гостева и трех других торговых людей — Н. Бушковского, А. Шемякинского, В. Брехнева.

В отдельные годы пушнина, свозимая в Нерчинск для от-

[56] И. С. Макаров. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в. «Исторические записки», кн. 1, 1937, стр. 210, 212.

[57] ПСЗ, т. III, № 1654, стр. 491—517; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1366, лл. 33, 34.

[58] И. С. Макаров Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в., стр. 162.

Количество пушнины, вывозившейся через Нерчинск в Китай, через

	1691 г.		1692 г.		1693 г.	
	В Китай	В Москву	В Китай	В Москву	В Китай	В Москву
Соболи (в сороках)	15	642	—	428	53	454
(в штуках)	38	—	23	—	29	—
Белки (в штуках)	49 650	—	83 447	91 680	69 650	8560
Куницы (в сороках)	—	—	—	—	—	—
Норки (в сороках)	—	—	—	—	—	—
Лисы разные (в штуках)	121	—	—	2682	173	1997
Горностаи (в штуках)	20 370	—	18 880	5890	53 771	—
Собольи хвосты (в штуках)	—	—	—	12 397	—	5594
Собольи пушки (в сороках)	28	—	—	7	108	6
Собольи пупки (в штуках)	10	—	—	33	20	—
«Кошки разные» (в штуках)	120 (рыси)	—	22 (рыси)	—	138 (рыси)	—
Песцы (в штуках)	2730	—	266	—	2150	4283
Меха беличьи	62	—	—	—	48	—
Меха заячьи	80	—	300	—	260	—
Выдры (в штуках)	70	—	100	—	—	—
Меха ушканьи	—	—	—	—	—	—
Меха лисьи	—	—	—	—	—	—

* По данным Родеса и Кильбургера.
** По данным приказа Большой казны. ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1100, лл. 81—84; стб. 1186 (отрывок документа о привозе соболей в Москву в 1691 г.).

правки в Китай, по стоимости мало уступала партиям мехов, вывозившимся на Запад и привозимым в Москву (см. табл. 4).

Из приведенной таблицы становится ясно, что по количеству шкурок отпуск мехов (кроме собольих) через Нерчинск в Китай был не менее крупным, чем через Архангельск в Западную Европу.

Родес в середине XVII в. определял стоимость мехов, вывозимых через Архангельск, почти в 100 тыс. руб., причем в эту сумму входила и стоимость мехов, принадлежавших казне, прежде всего наиболее ценных собольих шкурок.

Таблица 4

Архангельск в Западную Европу* и привозимой в Москву**

1694 г.		1695 г.		1696 г.		1697 г.		Через Архангельск
В Китай	В Москву	В Китай	В Москву	В Китай	В Москву	В Китай	В Москву	
—	513	18	412	196	158	95	313	579
—	35	10	22	9	9	22	17	—
—	188 212	141 430	34 010	586 660	15 053	244 990	2300	355 950
—	—	—	—	—	—	—	—	360
—	—	8	—	17	—	—	—	287 сороков
—	1407	52	1170	5973	676	4108	337	15 970
—	—	99 680	—	265 499	—	166 410	—	11 520
—	7645	—	4100	—	2700	—	5569	18 748
—	61	58	12	607	3	76	—	
—	11	8	26	29	30	—	29	
—	—	10 (рыси)	—	133 (рыси)	—	26 (рыси)	—	28 795
—	1768	410	1758	8241 штук и 14 мехов	5798	1600	929	—
—	—	19	—	283	—	705	—	—
—	—	345	—	476	—	315	—	—
—	—	340	—	113	—	10	—	—
—	—	10	—	120	—	119	—	—
—	—	—	—	7	—	22	—	—

Правительство запрещало торговым людям и иноземным купцам вывозить за границу соболиные шкурки более чем на 40 руб., а с 1698 г. установило на них государственную монополию. Поэтому вывоз соболей через Нерчинск уступал архангельским отпускам и состоял из низкосортных шкурок. Даже довольно значительное количество соболей, вывезенных в Китай в 1696 г.— выше 193 сороков [59], оценивалось всего в 4594 руб.; 95 сороков 22 штуки и 2 меха собольих, вывезен-

[59] Оценка 3 сороков неизвестна.

© ЦНБ СОРАН

ных в 1697 г., были оценены только в 1941 руб. Несмотря на это, стоимость мехов, принадлежавших частному купечеству и вывезенных в 1696 г. в Китай через Нерчинск, равнялась почти 50 тыс. руб. Другие меха, составлявшие существенные статьи во внешней торговле, а именно соболи пупки, беличьи и горностаевые шкурки, в отдельные годы вывозились через Нерчинск в значительно больших размерах, чем через Архангельск. Горностаи в 1696 и 1697 гг. составляли более половины стоимости всех мехов, вывезенных в Китай.

Обращает также на себя внимание скромное количество мехов, кроме соболей и отчасти белки, поступавших в Москву в конце XVII в. Таблица 4 показывает, что в Китай вывозилось горностая, белки, пупков собольих, составлявших основные статьи вывоза, больше, чем привозилось в Москву. По свидетельству Е. Избранта, наиболее ходовыми товарами в Китае были обские и уфимские горностаи, обские и енисейские белки, томские, обские, якутские, черные даурские соболи, даурские рыси, песцы, заячьи и беличьи черевьи меха, обские черные лисы и «на каменьях живущие лисицы или корсаки» [60].

Еще Кильбургер в 1670-х годах отмечал, что лучшие сибирские горностаи вследствие большого спроса на них восточных купцов перестали появляться в Москве, а наиболее дорогая сибирская белка по той же причине на московском рынке отмечалась несравненно реже, чем раньше [61].

По сравнению с пушниной изделия ремесла привозились в Нерчинск на значительно меньшие суммы. Партии этого товара ежегодно оценивались там в 3—4 тыс. руб. Часть его проходила в Китай, а основная расходилась среди населения Нерчинска и его округи [62]. В 1692/93 г. в Нерчинск поступило русского товара более чем на 4 тыс. руб., в 1695 г.— на 2369 руб., в 1696 г.—на 3838 руб. [63] и в 1697 г.— на 1486 руб. [64] Из этого количества в Китай было вывезено в 1692/93 г. на 2044 руб., в 1695 г.— на 918 руб., в 1696 г.— на 987 руб. и в 1697 г.— на 173 руб. Привоз ремесленных изделий в основном обеспечивался торговыми людьми, стремившимися их реализовать на китайском рынке или в Нерчинске с тем, чтобы на вырученные средства приобрести китайские ткани. Крупные торговцы обычно провозили партии этого товара сразу в Нерчинск, другие прибывали, частично его реализуя по дороге. Ассортимент русского товара был весьма широким и был рассчитан на самые разнообразные потребности [65]. В 1696 г. нерчинской таможней было зафиксировано около сотни названий самых различных товаров. Подавляющее большинство их поступило в очень ограниченных размерах, но грубых, дешевых тканей, пользовавшихся спросом среди населения, было много — 29 250 аршин холста хряща и среднего, 2050 аршин холста льняного, 3075 аршин крашенины и 795 аршин сукна сермяжного. Значительное количество было игл — 9 тыс. штук, воска — более 29 пудов и светилен (фитиль) — 2 пуда, употреблявшихся для изготовления свечей. Среди товаров были устюжские и немецкие ножницы, усольские ножи, вятские ложки, ярославские зеркала, пестрядь нижегородская, полотна ивановские. Для местной служилой верхушки предназначались дорогие западноевропейские сукна, серебряные кружева, золотные кокошники, золотые и серебряные изделия, перец, рис.

В Китай русские товары отправлялись в более узком ассортименте. В значительном количестве отправлялись только сафьян и выделанные кожи, красные и черные (в 1691 г.— 90 юфтей, в 1693 г.— 150 юфтей и 5 бунтов, в 1696 г.— 102 юфти и 66 бунтов). Остальные товары провозились или для нужд каравана в его годичном путешествии (чулки, сапоги, крашенина, холст, топоры, ножи, бумага писчая, порох) или для выяснения спроса китайского рынка на изделия русского, западноевропейского и персидского ремесла, а скорее всего в качестве подарков различным административным лицам в Китае (различные сукна, часы и зеркала, подзорные трубы, золотные кружева, серебряная посуда).

Е. Избрант писал, что из «немецких» товаров небольшим спросом пользовались в Китае карманные и малые столовые часы.

Пушнина и русский товар, обращавшиеся на нерчинском рынке, связывали его с крупнейшими торговыми центрами страны. Вместе с тем Нерчинск сам становился экономическим центром Восточной Сибири. Здесь непосредственно сосредоточивалась часть сибирской мягкой рухляди, поступал хмель и скот, отсюда расходился по острогам и селениям русский товар.

[60] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1185—1186, лл. 16—26.

[61] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. «Сборник студенческого историко-этнографического кружка», вып. VI. Киев, 1915, стр. 96, 97.

[62] К сожалению, в нерчинских таможенных книгах розничная продажа изделий ремесла среди местного населения не фиксировалась.

[63] Две смешанные партии (меха и русские товары) на 839 руб. не учитываются.

[64] Вместе со стоимостью 39,5 пуда хмеля.

[65] Подробный перечень см. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 243—245

В связи с возраставшими потребностями многолюдного торгового города на местный рынок поступало немалое количество крупного рогатого скота, различной рыбы и т. п. Торговля скотом связывала Нерчинск с районом Байкала. Она способствовала развитию товарно-денежных операций среди местного сибирского населения.

Если в 1691/92 г. в Нерчинск поступила только одна, правда, крупная партия скота, оцененная в 160 руб., то уже в 1692/93 г. количество пригонного скота резко возросло. За это время в город было пригнано по 16 явкам 401 голова крупного рогатого скота и 5 лошадей на сумму 1752 руб., в основном, по иркутским, верхоленским, ильинским выписям и проезжим грамотам.

В последующие годы скот продолжал поступать также из Прибайкалья или Забайкалья (в 1695 г.— не менее 130 голов на 580 руб.; в 1696 г.— 151 голова и 15 лошадей на 705 руб.; в 1697 г.— 171 голова и 3 лошади на 1030 руб.). Торговлей скотом, как правило, занимались местные сибирские жители, служилые люди, посадские, крестьяне. Одни из них скупали рогатый скот, а затем гнали его в Нерчинск, другие пригоняли «домокормленную» скотину. Среди них постоянно встречались одни и те же лица, пригонявшие в Нерчинск скот за тысячу с лишним верст. Например, енисейский посадский Д. Щукин пригонял скот из Кабаньей заимки (около Байкала) в 1691/92, 1693, 1696 и 1697 гг., енисейский казак Л. Кустов и балаганский казачий десятник П. Кузнецов — в 1693 и 1695 гг., иркутские пашенные крестьяне. М. и Ф. Гранины пригнали в 1692—1693 гг. в двух партиях 90 голов скота, а в 1696 г. Ф. Гранин вновь пригнал 10 голов скота. Посадский Братского острога К. Наумов прислал в 1692/93 г. 15 голов своего «домокормленного» скота, пашенный крестьянин иркутского Вознесенского монастыря Н. Константинов пригнал в 1696 г. свой «домашний» скот и т. д.

Из еще более отдаленных районов Енисейска и Томска торговые люди привозили десятки пудов хмеля (в 1693 г.— 43 пуда, в 1697 г.— 39,5 пуда) [66].

Наконец, к 1697 г. резко увеличился рыбный промысел, которым занимались промышленные, гулящие и нерчинские служилые люди. Около Нерчинска и других острогов реки и озера были богаты рыбой. Когда не было большой воды, она добывалась неводами и служила одним из основных продуктов

[66] В конце XVII в. доставку хмеля в Иркутск из Томска, Кузнецка, Красноярска и других городов монополизировал гостиной сотни М. Пивоваров (ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 18, д. 386, л. 23 об.).

питания для местного населения [67]. С увеличением пришлого непостоянного населения этот промысел приобрел товарный характер. В 1697 г. на нерчинский рынок поступило на 246 руб. 423 пуда всевозможной рыбы — «просольной щучины» и линьков, юколы щучьей, сиговой и линьковой, тайменей, осетрины. Рыба добывалась преимущественно в реках Ононе, Казимуре, в Шаншинском озере.

В целом, в Нерчинск поступило всевозможных товаров из центральной России и Сибири в 1693 г. на 24 081 руб., в 1695 г.— на 19 765 руб., в 1696 г.— на 54 444 руб. и в 1697 г.— на 29 244 руб. Для организации караванов, закупки в Нерчинске китайских тканей торговые люди привозили значительное количество денег. В 1693 г., например, ими было явлено свыше 3 тыс. руб., в 1696 г.— около 3,5 тыс. руб.

* * *

Из Китая через Нерчинск шел поток разнообразных тканей. Драгоценные камни, жемчуг, золото, серебряные изделия, чай составляли в общей стоимости китайских товаров незначительную часть. Эти товары или привозились в Нерчинск русскими купцами, совершавшими операции в китайских городах, или попадали в результате приграничного обмена, а в отдельных случаях доставлялись китайскими караванами. Наибольший спрос русский рынок предъявлял на китайские шелковые ткани — разнообразные камки и атлас и на бумажные ткани (особенно китайку). Ткани других сортов ввозились в ограниченном количестве.

Несомненно, в действительности русско-китайский товарооборот был значительно шире, чем показано в таблице 5. Многочисленные воеводские сыски 1690-х годов и правительственные указы свидетельствуют о злоупотреблениях таможенных властей. Восточносибирские воеводы использовали благоприятно сложившуюся обстановку и, несмотря на строжайшие запрещения, принимали также активное участие в китайской торговле, сплошь и рядом принуждая торговых людей провозить их товары в Китай. Конечно, эти партии нерчинской таможней не регистрировались. Без особого преувеличения можно сказать, что почти все воеводы Иркутска, Якутска, Илимска, Нерчинска в 1690-х годах принимали участие в китайских торгах (Антон и Афанасий Савеловы, Г. Грибоедов, Иван Михайлович, Иван Петрович и Матвей Петрович Гагарины). Львиная доля конфискованного имущества у И. П. и М. П. Гагариных состояла из различных китайских тканей и зерен жемчуга, причем

[67] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 720, лл. 15—31

Таблица 5

Общее количество поступивших в Нерчинск китайских товаров в 1690—1697 гг. [1]

	1690 г.	1692 г.	1693 г.	1694 г. *	1695 г.	1696 г.	1697 г.
Камка большая	—	150 поставов	—	—	—	1542,5 постава	9093 постава
» средняя	1867 поставов	7322 постава	4522 постава	5551,5 постава	1682 постава	9290 поставов	11 856 поставов
Лауданы разные	—	40 поставов	200 поставов	460 поставов	150 поставов	—	50 »
Атласы разные	672 постава	1855,5 постава	568 »	1610,5 постава	—	—	77 »
Лензы и гайки	—	59 поставов	—	359 поставов	—	—	562 постава
Китайка однопортишная	84 конца	729 концов	526 концов	2176,5 конца	896 концов	3345 концов	9165 концов
Китайка тюмовая	502 »	2164 конца	584 тюма	1448 тюмов	942 тюма	1806 тюмов	7377 тюмов
Китайка самца, даба, белая, складная	24 »	2 »	4 конца	68 концов	155 концов	210 концов	270 концов
Пояса и кушаки шелковые	—	—	—	—	4	92	270
Пояса и кушаки бумажные	—	40	—	—	20	115	112
Чай зеленый и черный	—	300 бакчей	—	21 п. 14 ф.	—	—	25 пудов 5 бакчей
Бадьян	—	4,5 пуда	18 пудов	19 п. 12 ф.	—	—	16 п. 8 ф.
Краски разные (травные, колопковые)	—	—	—	13 пудов	—	—	—
Пряности (шафран, кардамон) и табак	—	—	—	36 фунтов (краски)	—	—	100 пудов (табак)
Жемчуг	—	—	—	—	—	9300 штук	27 750 штук
Золото	—	—	—	—	—	3825,5 золотника	1385 золотников
Камни драгоценные	—	—	—	—	—	167	282
Посуда разная	—	124 штуки	242 штуки	—	—	—	176 штук
Шелк-сырец сканный	—	36,75 фунта	0,5 фунта	2,5 фунта	—	10 фунтов 115 мотков	10 фунтов 169,66 фунта 50 мотков
Общая стоимость	14 473 руб.	38 121 руб.	24 107 руб.	33 364 руб.	10 760 руб.	57 000 руб.**	240 000 руб.***

[1] Таблица составлена на основании материалов таможенных книг —ЦГАДА, кн. 1012, лл. 48—89; кн. 1037, лл. 121—148, 165—205, 255—317, 332—503; Сибирский приказ, кн. 1063, лл. 169 об. — 178 об., 214—229, 240—250 кн. 1124, лл. 1—49, 122—205; кн. 1133, лл. 242—289, 365—442, 490—537.

* Количество отпущенных из Нерчинска товаров. Значительная часть их поступила в Нерчинск в 1693 г. и не была тогда учтена.

** Оценка приблизительная, без драгоценных камней и шелка.

*** Московская оценка.

© ГПНТБ СО РАН

во время сыска они наивно ссылались на своих предшественников, также торговавших с Китаем [68]. Не ограничиваясь посылкой в Китай мехов, приобретенных теми или иными путями у подвластного им населения, воеводы часто «насильством» отнимали у торговых людей имущество. Антон Савелов, например, отобрал у приказчиков Филатьевых Ф. Кочетова и В. Колуги 1020 лан серебра и отправил его назад в Китай с Г. Осколковым для обмена на ткани и т. п.[69]

В то же время тяжесть таможенного обложения, установленного в 1693 г., вызывала подкуп таможенников со стороны торговых людей. Упомянутые 1020 лан серебра в таможенных книгах не зафиксированы; семь драгоценных камней человека Г. Никитина Николая Иванова Греченина, прибывшего из Нерчинска в Тобольск в июне 1694 г., также не нашли себе места в таможенных книгах и т. д.[70]

Тем не менее материал таблицы 5 позволяет сделать интересные выводы. Можно считать, что русское купечество уже на практике первого каравана, отправленного после подписания Нерчинского мира, проверило возможности китайского рынка и в дальнейшем незначительно расширило ассортимент вывозимых товаров.

В наибольшем количестве русские купцы закупали дорогие камки большой, средней и малой руки; эти сорта тканей назывались также камками семиланными и пятиланными, соответственно их стоимости в Китае [71]. Отличались они друг от друга, вероятно, шириной материи и были самой разнообразной расцветки — дымчатые, гвоздичные, коричневые, таусинные, васильковые, песочные, красные, малиновые, рудо-желтые, соломенные, лимонные, брусничные, темно-лимонные, зеленые [72]. По мере роста ввоза их в Россию стоимость их падала. Постав камки большой руки, оценивавшейся в 1692 г. в 7 руб., подешевел к 1697 г. на 2 руб., а стоимость постава камки средней руки с 1690 г. упала к 1697 г. вдвое (с 6 руб. до 3 руб.). Можно полагать, что в связи с падением цен на китайские шелковые ткани к 1697 г. русское купечество стало стремиться вывозить

[68] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1283, ч. II, лл. 368—379; стб. 1292, лл. 55, 135—137, 219—241, 252—260.

[69] Там же, стб. 1174, лл. 6—14.

[70] Там же, стб. 1216, лл. 1, 4, 5.

[71] Лан — единица веса. В Китае вместо монет обращались куски серебра, обычно в 5—10 лан. В XVII в. в лане по московскому весу считалось 9 золотников (С. О. Долгов. Указ. соч., стр. 14—35; Иакинф. Статистическое описание Китайской империи, ч. 1. СПб., 1842, стр. 128, 131, 133).

[72] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1216, лл. 111, 112, 116.

наиболее дорогие ткани. Более дешевые шелковые ткани — камки — лауданы, большой и малой руки, камки — лензы, камки — гайки, атласы большой руки и «складные» поступали в значительно меньших размерах. Постав атласа в рассматриваемые годы оценивался в 2—4 руб., лауданы — не дороже 3 руб., лензы — не дороже 1,5 руб., гайки — 1 руб. Лензы и гайки «моклые» были самыми дешевыми сортами и стоили от 50 коп. до 1 руб. Единицей измерения большинства шелковых тканей был постав (иногда он назывался «косяк»). Камки — лензы, вероятно камки — гайки, а также бархат измерялись на портища. Сопоставляя «ценовые» росписи за отдельные годы, можно установить, что постав и портище были определенными единицами измерения. Постав состоял из двух портищ и равнялся приблизительно 16—18 аршинам [73]. Перевозились камки в тюках «волошных» по 40—50 поставов в тюке. Бархаты ценились дороже камок большой руки, но привозились в очень ограниченном количестве; обычно за год через нерчинскую таможню их проходило не более 15 портищ.

Бумажные ткани — китайки — поступали нескольких сортов: тюмовые средние и малые однопортишные, самца, даба, пестрая, белая, складная. Все они измерялись концами, равными 8,3 аршина. Тюмовая китайка измерялась более крупными единицами — тюмами или тюнями, состоявшими из 10 концов [74]. Наиболее употребительными были китайки тюмовые и однопортишные. Стоимость средней тюмовой китайки колебалась от 50 коп. до 40 коп. за конец, однопортишной — от 1 руб. до 75 коп. Китайка перевозилась в ширях, по 10 тюмов в каждой.

Помимо этих тканей, среди ввозимых китайских товаров часто встречались тканные изделия — пологи и завесы, камчатные, атласные, фанзовые, шитые мишурой, на подкладке или без нее; пояса шелковые, кушаки шелковые, пояса бумажные и др.

[73] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 325, лл. 51—57; Н. Костомаров считал постав неопределенной оптовой единицей (кусок, штука), заключавшей в себе 20—40 аршин. См. «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях», СПб., 1862, стр. 289. У А. И. Никитского постав определяется в 37 аршин. См. «История экономического быта Великого Новгорода». М., 1893, стр. 160. Х. Трусевич определял постав-камки шести- и пятиланной в 10 аршин, семиланной — в 17—18 аршин, прочие — в 15—18 аршин; постав атласа — в 16—20 аршин. См. Х. Трусевич. Указ. соч., стр. 169, 280.

[74] Х. Трусевич определял конец в 7,5—7,8 аршина. См. Х. Трусевич. Указ. соч., стр. 173.

© ГИПБ ОГУ

Не пользовались широким спросом предметы других китайских ремесел — ножи в оправе, веера, серебряные солонки и кувшины, посуда деревянная (вероятно, расписная, покрытая лаком), яшмовая, ценинная, кожаная (чашки, блюда, «торели», чарки, кувшины). Скорее всего они предназначались для верхушки господствующего класса в качестве сувениров.

Чай и бадьян, а также пряности — кардамон и шафран, попадавший в Китай из Индии, в конце XVII в. не играли существенной роли в торговле, стоили дорого и предназначались для узкого придворного круга.

Пуд чая и шафрана оценивался в Нерчинске до 20 руб., бадьяна — до 15 руб. Эти данные заставляют подвергнуть сомнению утверждение И. Кильбургера, что чай был распространен в Москве и стоил там 30 коп. за фунт [75]. Распространение чая в России, по-видимому, нужно относить только к XVIII в.

Отдельную группу товаров составляли вывозимые из Китая драгоценные камни (иногда в серьгах), жемчуг («зерна половинчатые раковинные»), золото, серебро, к которым особый интерес проявляла казна. Камни и жемчуг всегда имели спрос среди московской знати, и отдельные китайские драгоценные лалы и яхонты очень высоко оценивались. Е. Избрант вывез из Китая уникальный «лазоревый яхонт большой», оцененный в Москве в 3 тыс. руб. Эта драгоценность была затем вручена главе «Великого посольства» Ф. Лефорту в числе других подарков, предназначавшихся для западноевропейских государственных деятелей и титулованных особ [76]. Кроме этого камня, он же привез два красных яхонта по три золотника с лишним и один красный яхонт более двух золотников, оцененные в 1650 руб. [77]

В Нерчинске все поступавшие драгоценности запечатывались и посылались для оценки в Сибирский приказ, где наиболее ценные камни могли быть взяты в казну, что купцам было невыгодно. Поэтому они стремились не объявлять их в таможне.

По именному указу от 5 декабря 1697 г., в интересах казны взимание таможенной пошлины с привозимых из Китая товаров стоимостью свыше 1000 руб. устанавливалось только серебром и золотом по обязательному курсу — золотник серебра по 8 коп., золотник золота по 1 руб. Оставшееся после уплаты пошлины серебро и золото, как и камни, надлежало предъявить в Сибирский приказ [78]. В результате казна только в 1699 г. получила 56 коробок золота, в которых было 4500—5000 золотников. Этот указ был явно невыгоден купечеству; во-первых, в Москве коробка китайского золота в 68—87 золотников оценивалась значительно выше — в 110 руб.[79], а, во-вторых, крупные русские оптовики попадали в зависимость от китайского рынка. Гостиной сотни И. Саватеев, побывавший в Пекине в 1698 г. с караваном С. Лянгусова, рассказывал потом, что золото в Китае «дорого и крепко, потому что малое число приносят... А по торгу серебро и золото у них в торг бывает с трудностию, толко оне болше в торгу уваливают на мену камками» [80]. Поэтому русское купечество не увлекалось погоней за драгоценностями и вкладывало основную часть капитала в наиболее ходовые на русском рынке ткани.

[75] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера..., стр. 113.
[76] ЦГАДА, Сибирский приказ, оп. 18, д. 366, л. 4 об.
[77] Там же, стб. 1185—1186, лл. 26—28.
[78] ПСЗ, т. III, № 1606, стр. 410, 411; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб 1422, ч. I, лл. 29—30, 54; «Акты исторические» (далее — АИ), т. V. СПб., 1842, № 268, стр. 491.

Как и в вывозе, так и в ввозе фактически монопольное положение занимал крупный купеческий капитал. Однако доля служилых и промышленных людей оставалась весьма заметной, что подтверждается приводимыми ниже данными о стоимости товаров (в рублях), вывезенных из Китая:

	1690 г.	1692 г.	1693 г.	1693 г.[81]	1694 г.	1695 г.
1. Всего у гостей						
в том числе	9954	12473	8060	15987	2239	—
Фплатьевых .	4728	5803	8060	7734	2239	—
С. Лузина . .	2906	548	--	2473	—	—
И. Ушакова .	1270	176 [82]	—	2505	—	—
Г. Никитина .	1050	5946	—	3375	—	—
2. У прочих торговых людей	1534 [83]	9849 [84]	—		6503 [87]	—
3. У промышленных, гуляющих и пр. .	1217 [83]	273 [84]	4955 [85]	9575 [86]	—	1809 [88]
4. У служилых	1768 [83]	1357 [84]			3639 [87]	

Китайские товары, прибывшие в Нерчинск из Китая с русскими караванами, в подавляющей части не поступали на местный рынок, так как представляли слишком большую ценность на других рынках Сибири и особенно центральной России. Торговые, промышленные, служилые люди, съезжавшиеся в Нер-

[79] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 242.
[80] ДАИ, т. X. СПб., 1867, № 67, стр. 293, 294.
[81] Привоз товаров из Науна.
[82] Сумма неполная.
[83] 4 торговых, 9 промышленных, 14 служилых людей.
[84] 18 торговых, 7 промышленных, 16 служилых людей.
[85] 60 промышленных и служилых людей.
[86] 14 торговых, 14 промышленных и прочих людей.
[87] Гостиной сотни С. Лянгусов и 23 служилых людей.
[88] 18 служилых, работных и прочих людей.

чинск, но не участвовавшие в караванной торговле, стремились в силу имевшихся у них возможностей приобрести китайские ткани у китайских торговцев в результате приграничных торговых сделок.

Таможенная книга Нерчинска 1692 г., например, зарегистрировала 51 явку русскими торговцами привозного китайского товара, 40 явок купленного в Нерчинске и только один случай продажи. Маньчжурское правительство запрещало своему купечеству выезжать за пределы страны. Поэтому китайское купечество присылало свои товары в Нерчинск, пользуясь посылками туда правительственных агентов с дипломатическими поручениями. Такие поступления были не каждый год. По данным нерчинских таможенных книг, в большом количестве китайские ткани продавались в Нерчинске в 1692—1695 гг.[89] Всего за эти годы через нерчинский рынок прошло их не менее чем на 32 тыс. руб., что составляло 30% стоимости всех китайских товаров, прошедших через Нерчинск за данный период. Эти ткани раскупались даже участниками караванной торговли: в 1692 г. агенты Филатьевых купили на 4995 руб., И. Ушакова — на 1325 руб., Г. Никитина — на 736 руб., гостиной сотни Ф. Курилова — на 682 руб., М. Ростовщикова — на 636 руб., Г. А. Осколкова — на 552 руб. и т. д. Покупались эти ткани и казной. В 1693—1694 гг. нерчинский воевода скупил 61 постав камок большой руки на 465,5 руб., «а лучше тех камок и больши того числа в Нерчинске не сыскалось»[90].

Основная часть китайских тканей из Нерчинска отправлялась на Русь, прежде всего в центр складывавшегося всероссийского рынка — Москву, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные привоза в столицу китайских товаров[91]:

	1692 г.	1693 г.	1694 г.	1695 г.	1696 г.	1697 г.
Камки разные[92]	3107,5	11 991,5	832	14 347	5273,5	648,5
Ленты и гайки (в шт.)	22	318	—	505	341	12
Китайка однопортишная (в концах)	73	1178	26	3325	1938	371
Китайка тюмовая (в тюмах) . . .	170	672	172	2143	2623 1/2	251

[89] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1012, лл. 48—89; кн. 1037, лл. 375—503, стб. 1182, л. 198; Иркутская приказная изба, д. 350, л. 83.

[90] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1216, лл. 111, 112, 116.

[91] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера..., стр. 473; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1100, лл. 81—84.

[92] Вероятно, в их число входили атласы и камки — лауданы. Данные за 1692—1693 гг. приведены в поставах, за 1694—1697 гг.— в косяках.

Остальная часть китайских товаров расходилась по Сибири. Китайские товары развозили служилые люди, ходившие в Китай в качестве конвоя, а нерчинской покупки — торговые люди, сибирские посадские, крестьяне, служилые и промышленные люди. В 1694 г., например, из Нерчинска было отпущено с китайскими товарами на Русь 51 человек, в Иркутск — 9, в Енисейск — 8, в Тобольск — 7, в Удинск — 2, в Илимск — 1.

В короткий срок товарооборот, проходивший через Нерчинск, достиг 100 тыс. руб. По нашим подсчетам, в 1693 г. он исчислялся в 60 тыс. руб., в 1696 г.— свыше 100 тыс. руб., т. е. не уступал торговым оборотам со Средней Азией[93]. Быстрое развитие русско-китайской торговли было обязано частному купеческому капиталу. В конце XVII в. гостиный двор Нерчинска уже не мог вместить всех привозимых из Китая товаров, и торговые люди их складывали на постоялых дворах, в избах и амбарах. В связи с дальнейшим ростом торговли в 1699 г. из Москвы последовало указание в Нерчинск о постройке в нем каменного гостиного двора[94]. Расцвет Нерчинска продолжался всего около 40 лет, до 1730-х годов. С 1695 г. русские восточносибирские власти подняли вопрос перед пекинским правительством об открытии и обеспечении более короткого пути в Китай из Забайкалья через Северную Монголию. Этот же вопрос должен был поставить в Пекине С. Лянгусов в 1698 г. В связи с политическими трениями между Россией и Китаем в начале XVIII в. и вплоть до посольства С. Л. Владиславича-Рагузинского, заключения Кяхтинского договора (1727 г.) и основания Кяхты (1728 г.) основной товарооборот продолжал проходить через Нерчинск. И. Фоккеродт, находившийся в России в последние годы царствования Петра I, считал торговые операции с Китаем для России самыми главными из всех, осуществлявшихся сухопутными путями[95]. С перенесением торговых путей в Китай через Кяхту Нерчинск уступил свое место Иркутску.

Выгодно расположенный на скрещении путей из Якутии, Забайкалья, Западной Сибири, Иркутск становился важнейшим торговым центром Сибири, в котором концентрировалась основная часть крупного сибирского купечества[96].

Однако и в период расцвета Нерчинска как торгового центра русское купечество не ограничивалось только этим путем

[93] С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, стр. 67.

[94] АИ, т. V, № 287, стр. 519, 520.

[95] И. Г. Фоккеродт. Россия при Петре Великом. «Чтения ОИДР», 1874, № 2, раздел IV, стр. 61.

[96] Е. П. Силин. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947; В. Н. Яковцевский. Указ. соч., стр. 72—74.

© ГПБ

и стремилось использовать другие, известные ему со второй половины XVII в. Сразу же после некоторой стабилизации отношений между Джунгарией и Китаем, в конце 1690-х годов, оно восстановило старые связи с Монголией и Джунгарией. Из Монголии, в свою очередь, прибывали караваны с китайскими товарами в Иркутск (1692, 1694, 1698, 1699 гг.) [97]. В Джунгарии в ставке хунтайчжи торговцы — агенты Филатьевых — жили годами. В 1700 г. они писали в Томск: «А приезжайте к нам людней с торгом; теперь у нас товаров не по старому много, и добрые товары есть. Ныне мы в Китаех торговали не по прежнему, по волности своей выбирали в рядах и в лавках, никакой задержки не было... А кто охотник, друг другу сказывайте к нам приехать торговать» [98].

* * *

Материалы о торговых операциях русского купечества в Нерчинске и Китае дают некоторые сведения о самом сложном вопросе, с которым исследователи сталкиваются при изучении истории средневековой торговли, а именно — о купеческой прибыли. В таможенных книгах Нерчинска, конечно, не отмечалось, за сколько была приобретена та или иная партия привезенного товара. Но в Нерчинске учитывалась стоимость пошлинного сбора, взысканного в других городах с партии товара, поэтому можно судить о разнице в стоимости товаров в Нерчинске и других городах. Русские ремесленные изделия по сравнению с оценкой енисейской таможни дорожали в Нерчинске на 25—30%, а по сравнению с Тобольском и русскими городами — на 150%.

Хмель, привозимый из Томска и Енисейска, в Нерчинске дорожал минимум в 2,5 раза, скот, пригонявшийся из Балаганского острога,— в 4 раза. Меха, прибывавшие в Нерчинск из Якутска, Илимска, Усть-Киренска, Красноярска, Иркутска, Енисейска, Мангазеи, стоили в 1,5—4 раза дороже. На основании этих данных трудно делать подсчеты купеческой прибыли, но они свидетельствуют о наличии значительной разницы в сибирских ценах, которая повышала процент купеческой прибыли в процессе неэквивалентного обмена.

На основании отдельных примеров И. С. Макаров устанавливал годовую прибыль от сибирской торговли в 22—25% [99].

[97] ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 303, лл. 26—30; д. 330, л. 17; д. 418, л. 16; д. 451, лл. 30—32; д. 457, лл. 60, 61; д. 505, л. 14.

[98] «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. I. СПб., 1882, № 13, стр. 74.

[99] И. С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в., стр. 162.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать подсчет прибыли купеческого капитала в русско-китайской торговле, хотя и очень приблизительный.

Наиболее точные сведения дают расчеты Сибирского приказа об итогах торговых операций казны, совершенных в Китае Е. Избрантом и С. Лянгусовым.

Первая партия казенного товара, отправленного с Е. Избрантом в Китай, была сравнительно невелика — на 4380 руб.[100]

Транспортные расходы на все посольство нам известны только частично. В Нерчинске на покупку верблюдов, лошадей и на другие дорожные расходы было истрачено 515 руб., в Китае — 1306 руб., итого 1821 руб. Можно полагать, что эта сумма была истрачена не только на одну транспортировку товаров в Китай; не без оговорок ее можно отнести к расходам на всю перевозку товаров в Китай и обратно. Приказные справки дают противоречивые данные о стоимости вывезенных товаров [101]. В одной из них указывается, что Избрант привез на 11 344 руб. по китайской цене, в другой — на 12 027 руб., но в обоих случаях прибыль определялась более чем в 8 тыс. руб.

Более полные материалы имеются о первом государственном караване в Китай, во главе которого был поставлен гостиной сотни С. Лянгусов. С. Лянгусов выехал из Москвы в феврале 1697 г. и вернулся к 1700 г. [102]; таким образом, его путешествие длилось три года. С Лянгусовым было отправлено казной товаров, в подавляющей массе мехов, на 31 224 руб. Кроме того, ему были вручены подарки для маньчжурских чиновников (часы, меха — рыси и лисы, дорогие материи — «объярь золотная», камка немецкая, байберек шелковый) на 655 руб. На дощаники, рогожи, мешки, бечевки, седла, корм лошадям и верблюдам, наем работников С. Лянгусов истратил 5425 руб.; 215 лошадей и 37 верблюдов стоили 3311 руб. На обратном пути в Нерчинск на транспортные расходы ушло еще 193 постава камок пятиланных, стоимость которых в Нерчинске можно определить в 579 руб. Таким образом, только на транспортировку ушло 9315 руб.

Операции в Пекине этого каравана не оправдали ожиданий казны. Русские купцы указывали, что в связи с большим количеством русских товаров, прибывших с караваном, и конкурен-

[100] Х. Трусевич почему-то дает явно фантастическую цифру в 41 900 руб. См. Х. Трусевич. Указ. соч., стр. 95.

[101] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1185—1186, лл. 26—28; оп. 18, д. 366, лл. 9 об.— 11.

[102] Там же, стб. 1211, лл. 6—19.

цией большого бухарского каравана, пришедшего через Джунгарию и Монголию также с русскими товарами, продажа происходила по самой низкой цене, которую удерживали китайские оптовики. И. Саватеев показывал, что «китайские купцы, всех 8 человек, знатно что меж себя сговорились и цены русским товаром мелочником знать не дали... А торги были против прежняго с умалением» [103].

С. Лянгусов не смог продать всего казенного товара и значительную часть — на 3918 руб.— привез назад. Китайских товаров он вывез на 55 134 руб. по московской оценке. Оставшиеся животные, а также дощаники и прочее транспортное снаряжение было оценено в 2048 руб.

Наконец, у нас имеются сведения об итогах китайских торгов гостя Г. Никитина. В 1696 и 1697 гг., как указывалось, он отправил в Китай товаров на 12 400 руб. Купленный в Китае товар был доставлен в Москву одновременно в конце 1698 г., таким образом капитал находился в обращении четыре года (1695—1698 гг.). Китайский товар был оценен в Москве в 32 140 руб. На дорогу от Нерчинска до Москвы приказчик Д. Божедомов истратил китайских товаров, исходя из нерчинских цен, по крайней мере на 1200 руб. [104] Кроме того, на оплату наемной рабочей силы на участке Наун — Нерчинск ушло только при вывозе одной партии товара — китайских тканей по нерчинской оценке 854 руб.[105] Как уже указывалось, это был один из самых трудных участков пути, и транспортные расходы соответственно резко возрастали.

Таким образом, на перевозку двух партий товаров от Науна до Нерчинска приказчики Никитина истратили не менее 1700 руб. Если считать стоимость транспортировки через Сибирь до Нерчинска двух партий мехов менее объемных, чем ткани, в 1200 руб., то общие расходы на перевозку выразятся в сумме 4100 руб.

Эти данные с учетом таможенных пошлин можно обобщить в следующую таблицу (см. табл. 6).

Таким образом, даже этот приблизительный расчет показывает, что китайские торги давали очень высокий процент прибыли. Если учесть, что купцы скупали пушнину на Руси и в Сибири по более низкой цене, нежели ее оценивали таможенные и иные власти, то процент прибыли неизбежно повысится.

[103] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1422, ч. II, лл. 268—272; ДАИ, т. X, № 77, стр. 293.
[104] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 241, 247.
[105] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1133.

Таблица 6

Сведения об операциях Избранта, Лянгусова и Никитина [106]

	Стоимость отправленных в Китай товаров (в руб.)	Уплата * пошлин (в руб.)	Расходы на транспорт (в руб.)	Стоимость китайских товаров в Москве (в руб.)	Срок обращения капитала (годы)	% прибыли
Избрант	4400 **	1900	1800	12 000	3	48,1
Лянгусов	28 000 **	10 300	9300	55 100	3	15,7
Никитин	12 400 ***	5 100	4100	32 100	4	48,6

* По таможенным статьям 1693 г., при ввозе в Сибирь с Руси частных товаров уплачивалась 10-процентная пошлина, при вывозе за рубеж — 5%, при ввозе иноземных товаров — 10%. Последняя пошлина высчитывается, за неимением данных, из расчета стоимости китайского товара в Москве.
** Оценка московская. Нереализованные товары (3900 руб.) в расчет не приняты.
*** Оценка нерчинская.

Однако для получения этой прибыли купечество должно было вкладывать крупные капиталы и нести значительные накладные расходы. Расходы на государственные пошлины достигали 43%, на транспорт — 40% от стоимости вывозимых товаров [107].

Таким образом, прежде чем купец реализовал вывезенный китайский товар, он тратил на транспортировку и уплату государственных пошлин суммы, достигавшие 75% стоимости вывозимого за границу товара.

Большой интерес представляют данные об обеспечении вывоза товаров на участке Наун — Нерчинск.

Получая проезжие грамоты в Москве на проезд в Китай, торговые люди указывали количество работных людей, следовавших с партиями товаров из Москвы или других городов Центральной России. Однако даже приказчики гостей, следовавшие с 15—25 работниками и хозяйскими людьми «для обережения» [108], не могли обойтись на месте без вспомогательной рабочей силы. Выше мы уже отмечали наличие в Нерчинске большого количества гулящего люда, приходившего туда на заработ-

[106] Сведения даются в округленных цифрах.
[107] Х. Трусевич считал, что расходы по перевозке равнялись 72% стоимости провозимого товара, а годовой доход от китайской торговли равнялся 2—8%. См. Х. Трусевич. Указ. соч., стр. 140, 141.
[108] ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 342, лл. 1—42; д. 391, лл. 1—26.

© ИИТБ СОРАН

ки. В 1696 г. приказчики Филатьевых В. Лобанов и И. Колуга наняли 17 работников и 6 гулящих людей, порядившихся, по-видимому, на определенный срок и названных в таможенной книге «гулящими работными людьми», а также 9 гулящих, 3 служилых и одного промышленного человека; участие последних имело, вероятно, эпизодический характер. В 1696—1697 гг. приказчики Филатьевых А. Путимец и И. Байтереков имели у себя в работе не менее 36 гулящих и промышленных людей — енисейцев, тоболян и даже нерчинского казачьего десятника [109]. Другие торговые люди также прибегали к найму на месте, но в несколько меньших размерах. Всего при возвращении русского каравана в Нерчинск в 1697 г. было зарегистрировано 112 человек, получивших от торговцев плату за свои услуги.

Часть их, по крайней мере 16 человек, занималась специально извозом от Науна до Нерчинска, пользуясь тем, что их услуги были необходимы и оплачивались очень высоко. Несколько позднее некоторые торговые люди стали оставлять в Нерчинске часть своих людей с тем, чтобы они с подводами выезжали к Науну, навстречу выходившему каравану [110]. Отдельные нерчинские служилые люди даже финансировали торговых людей, отправлявшихся в Китай, ссужая им скот, лошадей, хлеб.

Установить нормы оплаты труда вряд ли возможно, так как в каждом отдельном случае они были очень различны. Но в целом услуги наемного гулящего люда в Нерчинске дорого обходились купечеству, так как попавшие в трудное положение в дороге торговые люди вынуждены были платить, вероятно, столько, сколько с них запрашивали.

Приказчики Филатьевых расплатились в 1697 г. в Нерчинске с наемными людьми шелковыми тканями на сумму 2800 руб., приказчики Г. Никитина — на 854 руб. и т. д. Гулящие люди в исключительно редких случаях получали по 8—9 руб. Обычно они получали тканей на несколько десятков рублей, причем нередко от 80 до 150 руб. Так, например, за работу «от китайской дороги» «промышленный человек» В. Попов получил от приказчика гостя Г. Никитина 155 руб., а другие по 30—60 руб. Нерчинский десятник М. Саватеев получил тканей на 240 руб., гулящий О. Андреев — на 31 руб. и т. д.[111]

[109] ЦГАДА, Нерчинская приказная изба, д. 51, лл. 4, 5.
[110] Там же, д. 70, лл. 1—4, 7, 8.
[111] Меньшие суммы торговые люди выплачивали своим работным людям, лавочным сидельцам, порядившимся на определенный срок. Гулящий человек Д. Хабаров за 3 года службы у торгового человека В. Чебаевского получил тканей на 70 руб., лавочные сидельцы Филатьевых за «китайскую работу» получили по-разному — от 78 до 170 руб.

Оплата обычно производилась китайскими тканями. Получив их, работные люди отправлялись или в другие сибирские города или на Русь.

Все эти расходы были рентабельны только благодаря тому, что русские меха на китайских рынках ценились очень дорого. И. Саватеев рассказал, что в 1698 г., несмотря на ряд неблагоприятных обстоятельств, тысяча шкурок белки, стоившая в Нерчинске 15 руб., обменивалась почти на 18 тюней китайки, стоивших в Нерчинске 72 руб., или на восемь поставов камок семиланных, оценивавшихся в Нерчинске в 40 руб.; рыси и «меха ушканьи» стоили в Пекине в 4 раза дороже, чем в Нерчинске, лисы — в 3 раза, песцы и корсаки — в 2—2,5 раза, горностаи — вдвое [112].

По данным 1706 г., соболи оценивались в Пекине в 2—3 раза дороже, чем в Сибири, белка — в 5—7,5 раза, горностаи — в 7,5 раза, лисы красные — в 3,5—6 раз [113]. В то же время стоимость ввозимых китайских тканей по мере их следования по России повышалась. Поэтому торговые люди стремились, несмотря на трудности и расходы, реализовать их в Центральной России.

По данным нерчинской и московской ценовных росписей 1694/95 г., постав камки большой руки в Нерчинске оценивался в 7 руб., а в Москве — в 8,5 руб., камки средней руки — в 3,5 руб. и 6,5 руб., конец китайки однопортишной — в 75 коп. и в 1,2 руб., тюм китайки — в 4 и в 5 руб. При этом нужно иметь в виду, что московская оценка принадлежала Сибирскому приказу и была, вероятно, ниже рыночной [114].

Учитывая эти данные, нам кажется, что наши ориентировочные подсчеты норм купеческой прибыли могут отражать реальную действительность того времени.

* * *

Русско-китайская торговля в 1689—1697 гг. представляет большой интерес для изучения истории экономических связей двух великих государств и истории русского купеческого капитала. Русское купечество после подписания Нерчинского мирного договора в короткий срок упрочило наметившиеся ранее экономические связи, благодаря чему товарооборот, проходивший через Нерчинск, составлял заметную часть во всей русской внешней торговле. Этому также содействовала благожелатель-

[112] ДАИ, т. X, № 67, стр. 293.
[113] Х. Трусевич. Указ. соч., стр. 199, 290, 291.
[114] ЦГАДА, Иркутская приказная изба, д. 405, л. 60; Сибирский приказ, кн. 1037, лл. 251—254.

ная позиция пекинского правительства, заинтересованного в это время в мирных отношениях с Россией. Взаимная выгода экономических связей внесла значительные изменения в порядок торговли, предусмотренный Нерчинским договором, определявшим пропуск русских караванов в Пекин раз в три года. Фактически, как мы видели, русские караваны в конце XVII в. ходили в Пекин почти ежегодно.

В это время Нерчинск приобрел не только значение крупного перевалочного пункта во внешней торговле, но и начал становиться экономическим центром Восточной Сибири, который притягивал за тысячи верст изделия русского ремесла. Сюда стекались сотни гулящих людей, широко используемых торговыми людьми в качестве рабочей силы. Ранее установившиеся экономические связи Сибири с Центральной Россией позволили узкому кругу гостей захватить в свои руки торговлю пушниной и фактически господствовать в русско-китайской торговле. На ее основе происходила еще большая концентрация денежного капитала. Гости Филатьевы, Ушаковы, Г. Никитин получали от китайских торгов огромную прибыль, доходившую до 50% с оборота. Огромные транспортные трудности, необходимость крупных оборотных средств, длительность оборотов делали даже эпизодическое участие в русско-китайской торговле доступным сравнительно немногим представителям купеческого капитала. Тем не менее круг участников китайских торгов из года в год расширялся. В иноземную торговлю втягивались, помимо лаличей и яренчан, издавна связанных с пушными рынками, московские посадские, а также начавшее развиваться сибирское купечество (Ушаковы, крестьяне Заровняные и др.). Нерчинские таможенные книги позволяют также наметить направление сибирских товаропотоков. Значительная часть мехов, уходивших из Нерчинска за границу, поступала не непосредственно из Сибири, а с «русских» рынков, на которых осуществлялся крупный сбыт сибирской пушнины.

На китайских рынках русские купцы проводили свои операции с местными оптовиками на основе взаимной выгоды. Иностранный капитал при этом не играл здесь сколько-нибудь заметной роли, не господствовал над русскими купцами, как это было в торговле России с Западной Европой. Поэтому русское купечество в торгах с Китаем играло несравненно более активную роль.

К. К. Демиховский

ИСТОЧНИКИ И ПУТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА ЗАВОДАХ ПРИОКСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА В XVIII в.

Задачей настоящей статьи является выяснение одного из самых сложных и важных вопросов из истории промышленности докапиталистической России — вопроса об источниках и путях формирования рабочей силы развивавшегося крупного промышленного производства, на примере предприятий Баташевых, расположенных в Приокском горном округе.

Приокский горный округ, располагавшийся на стыке Владимирской, Нижегородской, Тамбовской и Рязанской губерний, занимает в истории горной промышленности крепостной России особое место. Его возникновение связано с потребностями развивавшейся промышленности страны и с предпринимательской деятельностью железозаводчиков Андрея и Ивана Родионовичей Баташевых. Баташевы были заводчиками в третьем поколении. В середине XVIII в. они владели тремя вододействующими железными заводами в Тульско-Калужском районе. Однако предприятие Баташевых испытало сильнейший удар в результате известного сенатского указа 1754 г. о закрытии железных заводов в радиусе 200 верст вокруг Москвы [1]. Согласно этому указу, Грязненский и только что построенный Изверский заводы Баташевых были ликвидированы. Третий баташевский завод — Старогородищенский (или Тульский) — был на время сохранен для поставок чугуна и инструментов на казенный Тульский оружейный завод. Однако в 1762 г. он был закрыт самими заводчиками, ввиду стесненных условий и нерентабельности производства [2].

[1] ПСЗ, т. XIV, № 10285, стр. 210—213.

[2] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 33, лл. 34—37; кн. 42, лл. 239—241; кн. 1213, лл. 391—394, 417, 418; «Сенатский архив», т. XIV, СПб., 1910, стр. 517; т. XV. СПб., 1913, стр. 535, 539.

© ГПНТБ СО РАН

Таким образом, условия существования баташевских заводов в Тульско-Калужском районе сложились неблагоприятно. Однако существование первоначальных баташевских заводов создало необходимые предпосылки для предпринимательства в новом районе, гораздо более мощного и более перспективного, чем прежнее. Эти предпосылки заключались в том, что для основания нового металлургического производства предприниматели были уже обеспечены немалым капиталом, составленным в итоге многолетней эксплуатации прежних заводов, кадрами обученных крепостных мастеровых и навыками строительства и содержания железных заводов. Старинный металлургический Тульско-Калужский район явился источником капиталов, производственного опыта, квалифицированной рабочей силы и для приокской металлургии.

Сразу же после указа о закрытии их заводов Баташевы переносят свою деятельность в район Нижней и Средней Оки. Девственные Муромские и Касимовские леса, богатые железорудные запасы, разветвленная система рек и речек обеспечивали важнейшие условия для создания крупного металлургического производства в этом районе.

В 1755 г. в Касимовском у. был построен Унженский доменный и молотовый завод. В 1759 г. вступил в действие второй завод Баташевых — Гусевской (во Владимирском у.). Оба завода представляли крупные металлургические предприятия, дававшие до 200 тыс. пудов чугуна в год.

В 60-х годах заводчики расширяют производство, построив в Арзамасском у. мощный чугуноплавильный и железоделательный Выксунский завод (1766 г.). В 1770 г. в дополнение к нему был заведен Велетьминский железоделательный завод. В 1776 г. Баташевы покупают соседние с их предприятием Илевский завод, выстроенный помещиком Е. Разнотовским (в Кадомском у.), и Еремшинский завод кн. П. И. Репнина (в Шацком у.). В 1779 г. был построен Железницкий (или Досчатинский) завод в Ардатовском у., а в двух верстах ниже по р. Железнице, при самом впадении ее в Оку, возник еще один завод под названием Пристанской. Вслед за ним в 1783 г. был построен Верхнеунженский чугуноплавильный и железоделательный завод в Муромском у. Таким образом, с 1755 по 1783 г. Баташевы стали владельцами девяти заводов в новом районе.

В 1783 г. братья Баташевы были возведены в дворянское достоинство и совершили раздел огромного заводского имения. Гусевской, Еремшинский, Илевский и Верхнеунженский заводы перешли во владение Андрея Баташева. На долю Ивана Баташева достались Выксунский, Велетьминский, Унженский, Железницкий и Пристанской заводы. Примерно на равноценные части были поделены приписные леса и рудники. Крепостная рабочая сила также распределялась на две равные части.

В течение 1780-х годов продолжалось строительство приокских заводов. В 1784 г. в Темниковском у. Тамбовской губ. вступил в строй Вознесенский молотовый завод А. Баташева, и в том же году И. Баташев в Ардатовском у. построил большой чугуноплавильный и литейный Сноведский завод. В 1787 г. А. Баташев основал в Касимовском у. Рязанской губ. доменный Сыптульский завод, в 1791 г. в Темниковском у.— Мердушинский завод.

В последующее время строительство новых заводов в приокском районе резко замедляется, а затем прекращается. По-видимому, все возможности с точки зрения рационального географического размещения промышленных предприятий были уже исчерпаны. Гидроэнергетические, рудные и топливные запасы района лимитировали дальнейшее строительство. Давало о себе знать и то ослабление приокского производства, которое начало ощущаться с конца XVIII — начала XIX в. вследствие как общих причин, вызвавших с этого времени упадок всей русской металлургии, так и причин местного порядка. В 1800 г. И. Баташев построил в восьми верстах южнее Выксы железопередельный Верхнежелезницкий (или Вильский) завод, а в 1803 г. в дополнение к нему Проволочный завод. Это было последнее предприятие, выстроенное Баташевым в Приокском районе.

В итоге на редкость энергичной деятельности Баташевы оказались владельцами 15 металлургических и металлообрабатывающих заводов и огромной территории, размером почти в 300 тыс. дес., богатой необходимым сырьем для металлургического производства. Наиболее интенсивное заводское строительство приходится на 70—80-е годы. Особенно следует выделить шестнадцатилетний период с 1776 по 1791 г., который явился временем необычайно бурного роста баташевского производства. Такие высокие темпы строительства заводов в крепостной России были присущи лишь горному хозяйству уральских железозаводчиков Демидовых. При этом следует иметь в виду, что строительство осуществлялось на сравнительно небольшой территории и на средства, добываемые в процессе самого развивающегося производства. Никакого торгового капитала и никаких казенных субсидий (исключая обычное десятилетнее освобождение вновь построенных заводов от горной десятины) приокские предприятия Баташевых не знали.

Новый промышленный округ быстро вошел в ряд наиболее мощных металлургических районов страны. В начале 80-х годов XVIII в. баташевские заводы выплавляли более 40% общего количества чугуна всей металлургии Центра и 7% общего производства чугуна по империи. В конце XVIII в. приокская металлургия занимала первое место в металлургическом производстве Центра, превосходя по размерам продукции все другие заводские группы, и второе место в России, уступая, конечно, в значительной мере Уралу. За двадцатилетие, с 1785 по 1804 г., приокский чугун составлял 54,4% продукции Центра и 9,4% всей России [3].

* * *

Обеспечение производства рабочей силой являлось одной из самых трудных задач при возникновении и дальнейшем развитии крупной промышленности, в частности, металлургической. Разумеется, пути комплектования предприятий рабочей силой на протяжении XVIII в. были не одинаковы и зависели от ряда условий: от состояния рынка рабочей силы, от направления государственной политики в вопросе о рабочей силе для промышленности, от положения самих заводчиков на различных этапах развития производства.

Историю формирования рабочей силы Приокского горного округа следует начинать еще со времени возникновения первых заводов Баташевых в Тульско-Калужском районе.

Дед приокских железозаводчиков Иван Тимофеевич Баташев, числившийся кузнецом Тульской оружейной слободы, начал постройку своего первого тульского завода в 1716 г. Однако к заведению вододействующего предприятия И. Т. Баташев шел сложным и длительным путем. В 1701 г. он приобрел в полное владение земли различных помещиков близ деревни Комарки в Тульском у. Правда, сделка была оформлена специальным соглашением на имя Никиты Демидова. Побудительной причиной такого весьма любопытного соглашения между восходящей промышленной звездой и пока еще рядовым тульским кузнецом было условие, по которому Демидов сдавал в аренду на 10 лет Баташеву выстроенную на купленной земле мельницу. Аренда являлась своеобразной компенсацией со стороны Баташева за столь важную услугу, оказанную ему Демидовым. Вместе с землей и мельницей, приобретение которых создавало важные предпосылки для постройки вододействующего завода (лесной и

[3] Подробное описание истории этого промышленного района дается в нашей кандидатской диссертации «История Приокского горного округа в крепостную эпоху (XVIII — первая половина XIX в.)». М., 1956.

речной участок, мельничная плотина), навсегда покупались и крепостные крестьяне. В купчей крепости значилось: «...да на той же... земле в стану Старом Городище в деревне Комарках крестьяне Исая Самсонова сына з женою его Анною, да Павла Григорьева сына з женою и с их крестьянскими животы» [4]. Эти две указанные семьи, очевидно, и дали первые кадры крепостной рабочей силы Баташеву.

Чрезвычайно интересен сам факт такого договора, который является одним из наиболее ранних свидетельств о путях приобретения крепостной рабочей силы недворянскими предпринимателями в начале XVIII в., до известной Берг-привилегии 1719 г.

Впоследствии, уже будучи владельцем Тульского вододействующего железного завода, И. Баташев находит несколько иной способ для обеспечения крепостной рабочей силой своего производства.

В 1724 г. он заключил договор с генерал-майором Г. П. Чернышевым, согласно которому в течение трех лет получал право на использование лесов для углежжения во всех угодьях Медынского у., принадлежащих генералу. Вместе с этим Чернышев отдавал в трехлетнее распоряжение Баташева свою крепостную деревню Острожную с мельницей. В «договорном письме» Чернышев предоставлял заводчику следующие свои вотчинные права: «А владеть ему, Ивану, вышеписанною моею деревнею с крестьяны и с мельницею с сего 724 по 727 год и всякие с них доходы имать, а именно: с пяти отмолов с половиною с каждого отмола в год мяса свиного по одному пуду, по одному барану, по одному гусю, по шестидесят пуд сена, да в Тулу, или в Москву по три подводы с отмола, а окроме того ему, Ивану, с них ничего не требовать. Токмо сверх сего положенного оброку работать ему всякому человеку, которые могут черную работу снесть, в год на него, Ивана, четыре месяца безденежно, два месяца с лошадьми, а два месяца пешими, а именно: пешие с октября до ноября, а лошадьми [с] января до февраля, а его императорского величества подати или подушной оклад платить им за себя самим» [5].

Таким образом, Баташев получал в свое распоряжение крепостное население целой деревни с его феодальными повинностями, приноравливаемыми теперь для потребностей заводчика. Причем договаривающиеся стороны предусматривали: «А в вышеписанной деревне крестьян не разорить, излишнего, кро-

[4] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1406, л. 510.
[5] Там же, л. 508 об.

ме помянутого, ничего с них не требовать. А как он, Иван, оною деревнею владеть не похочет, то отдать ему как крестьян, так и мельницу в целости. И который крестьянин со время владенья его умрет или збежит, того с Ивана не спрашивать». Чернышев же обязывался указанных крестьян «на свою работу и на пашню не понуждать и подвод с них не брать и ничего не требовать» [6]. По договору, Баташев должен был уплачивать за этот своеобразный наем владения 100 руб. ежегодно. В 1726 г. договор между сторонами был возобновлен, но существенно видоизмененным. Баташев по-прежнему получал право пользоваться лесами и, кроме того, получил 2 дес. земли под строительство плотины и железоделательного завода, за 60 руб. в год [7]; однако условие, разрешавшее эксплуатацию крестьян деревни Острожной, уже отсутствовало.

Как видим, И. Баташев изыскивал разные возможности использовать крепостной, принудительный труд уже в начале XVIII в., в период становления и начального развития своего железоделательного предприятия. Однако основной метод обеспечения производства рабочей силой в начальный период существования недворянской металлургической мануфактуры осуществлялся главным образом путем привлечения вольнонаемного труда.

В 1733 г. на вновь построенном Медынском заводе Баташева основной состав рабочей силы представлялся следующим: доменный мастер — один, подмастерьев — два, молотовых мастеров — три, подмастерьев — три; таким образом, весь состав квалифицированной рабочей силы состоял вместе с приказчиком из десяти человек. Шесть из них оказались вольнонаемными (один посадский человек, четыре крестьянина, один иноземец), трое мастеровых были крепостными заводчика [8].

Трое мастеров более старого Тульского завода являлись пришлыми людьми: доменный мастер — помещичий крестьянин Соломенской волости, молотовый мастер — иноземец, другой молотовый мастер — посадский человек г. Романова [9].

Вообще в 20—30-х годах XVIII в. основные кадры Тульского и Медынского заводов как для заводского, так и вспомогательного производств обеспечивались преимущественно вольным наймом. Покупка крестьян к заводам производилась недостаточно окрепшим еще заводчиком, по-видимому, в небольшом количестве. Внук и наследник И. Т. Баташева — И. Р. Баташев,

[6] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1406, л. 508 об.
[7] Там же, л. 509 об.
[8] Там же, лл. 515—538.
[9] Там же, лл. 492—497.

ссылаясь на находившиеся в его распоряжении купчие крепости на крестьян, приобретенных его дедом в 1709—1733 гг., писал, что на Тульском и Медынском заводах «для действия... употреблялись вольнонаемные люди, а впоследствии с позволения правительства (дед.— *К. Д.*) приобретал к ним и покупкою крестьян» [10].

В 40-х годах покупка крестьян к заводам производилась значительно интенсивнее. Купленные к заводам крестьяне назначались прежде всего к домнам и молотам для обеспечения решающего звена производства. В фонде Берг-коллегии оказались копии купчих крепостей, отражающих источники и процесс формирования крепостной рабочей силы на баташевских заводах в середине XVIII в.

К 1748 г. у Родиона Баташева было уже 150 душ мастеровых и работных людей, живших при Тульском заводе и в деревне Комарках [11]. Характерно, что большинство купленных крестьян проживало в деревне Комарках, принадлежавшей в ту пору нескольким помещикам и расположенной рядом с заводом. Крестьяне, работавшие на заводе по вольному найму и обладавшие уже известными производственными навыками, естественно, представляли наиболее желательный контингент для закрепления их при заводе путем покупки.

Имеющиеся в нашем распоряжении купчие крепости показывают, что в 1752 г. заводчик Родион Баташев купил у разных помещиков 9 душ обоего пола, преимущественно дворовых крестьян. В 1753 г. заводчиком были куплены 4 ревизские души из вышеуказанной деревни Комарки. В том же году совершена небывалая до тех пор массовая покупка дворовых и крестьян на свои к своим заводам у кн. И. А. Черкасского в его вотчине Мосальского у. (208 душ обоего пола). Эта покупка обошлась Баташеву в 1700 руб., т. е. по восьми с небольшим рублей за человека [12]. В 1754 г. было куплено еще 59 человек в разных вотчинах Алексинского и Крапивненского уездов [13] и в следующие три года — 52 человека [14].

Судя по обнаруженным купчим крепостям, всего за 1752—1757 гг. было куплено к заводам Баташевых 329 человек обоего пола взрослых и детей на общую сумму в 2885 руб. Средняя цена «души», таким образом, обходилась заводчику в 8 р. 76 к. Однако цена «души» в каждом конкретном случае была далеко

[10] ЦГИАЛ, ф. Московского горного правления, д. 100, л. 1.
[11] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1152, лл. 57—66.
[12] Там же, кн. 1152, лл. 73, 75—78; кн. 981, лл. 191—194.
[13] Там же, кн. 1152, лл. 79—88.
[14] Там же, лл. 91—95, 99—103.

не одинакова и определялась в зависимости от пола, возраста и даже крестьянского имущества, а также, надо полагать, от торгового случая. Так, в 1752 г. дворовый человек Федот Андреев был куплен за 20 руб., а другой дворовый человек — за 10 руб.; в том же году холостой крестьянский сын Алексей Герасимов был куплен за 25 руб., а дворовые Аптип Александров с женой и дочерью, «да из их детей сын з женой и дочерью... без дворового и хоромного строения» — за 50 руб. В 1753 г. заводчик купил в деревне Комарках три четверти с осьминою земли и крестьянина Ермила Федорова с женой, братом и дочерью за 50 руб., а в 1754 г.— 18 дворовых людей разного возраста за 95 руб. В 1757 г. холостой крестьянский сын был куплен во Владимирском у. за 20 руб., а в Рязанском у. также молодой холостой крестьянин — за 40 руб. (очевидно, уже обученный заводскому мастерству) [15].

Таким образом, в 40—50-х годах XVIII в. Баташевы довольно широко пользовались правом покупки крестьян, предоставленным государством заводчикам не из дворян.

Выше уже отмечалось, что баташевские заводы в Тульско-Калужском районе исторически предшествовали приокским предприятиям. Особенно это относится к рабочей силе старых заводов, без наличия которой было бы невозможно с таким размахом начать производство на новом месте. В 50-х годах Баташевы ввели в действие в новом приокском районе мощные Унженский и Гусевской заводы. На заводы были переведены крепостные мастеровые и работные люди с Медынского и Иверского заводов, ликвидированных по указу Сената, а затем и с Тульского завода. Вместе с тем рабочие кадры новых заводов усиленно пополнялись купленными крестьянами. В 1757 г. Баташевы добиваются от Берг-коллегии разрешения на покупку к заводам 870 душ обоего пола [16]. К началу 60-х годов количество крепостных мастеров и работных людей на Гусевском и Унженском заводах составляло 589 человек [17].

* * *

Процесс усиленного комплектования крепостной рабочей силы был, однако, прерван известными указами 1762 г.[18], запретившими предпринимателям не из дворян покупать к заво-

[15] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1152.
[16] Там же, л. 54.
[17] Там же, кн. 1230, лл. 277, 280.
[18] ПСЗ, т. XV, № 11490, стр. 966 (Указ от 29 марта «О непокупке деревень к фабрикам и заводам»); т. XVI, № 11638, стр. 47—48 (Указ от 8 августа «Об оставлении в своей силе указа 29 марта сего года, о непокупке к заводам и фабрикам деревень»).

дам крестьян. Это поставило приокское горное производство в трудные условия. Потребность в рабочей силе на расширявшемся производстве все более возрастала, между тем возможности для обеспечения заводов постоянными, особенно квалифицированными рабочими руками за счет вольного найма все более сокращались в результате возрастающего закрепощения свободного населения, активно проводимого государством с начала XVIII в. К тому же требовалось известное время, чтобы новый горный район создал себе сферу притяжения вольной рабочей силы из близлежащей округи. Это приводило к тому, что в условиях максимального развития крепостного права возможности вольного найма сводились до минимума. Особенно это касалось основного металлургического производства, нуждавшегося в постоянных квалифицированных кадрах. Между тем мастера доменного, молотового дела и другие, работавшие на заводах по вольному найму, были в середине XVIII в. явлением редким, представляя собою скорее исключение из массы закрепощенных мастеровых.

Основные кадры заводов требовали длительной подготовки и создавались на самих предприятиях из людей, закрепощенных на заводском или помещичьем праве. В том случае, если квалифицированный работник не являлся собственностью заводчика или завода, он всяческими законными и незаконными способами удерживался на предприятии и превращался в конце концов из лично свободного в заводского крепостного. Такого рода отношение к работнику определялось состоянием рынка рабочей силы, который мог (и то ненадежно) обеспечить крупное горное предприятие скорее подсобной сезонной рабочей силой, чем квалифицированными работниками производства. Поэтому естественными были стремления заводчиков обратить рабочую силу в «постоянный капитал» производства, не останавливаясь перед дополнительными расходами. В конкретных условиях середины XVIII в. такое надежное обеспечение недворянского производства рабочей силой являлось необходимым, несмотря на все преимущества вольнонаемного труда.

Трудности в обеспечении рабочей силой преодолевались Баташевыми, пожалуй, наиболее успешно благодаря ряду ловких комбинаций и умелому использованию конъюнктуры русско-турецкой войны 1768—1774 гг. В этот период рост промышленного предприятия Баташевых ограничивался главным образом вследствие недостатка собственных и вольнонаемных мастеровых. Но именно в это время Баташевы показали образцы изобретательности, изыскивая разные возможности обеспечения растущего производства рабочей силой в обход дворянско-кре-

© ГПИБ СССР

постнического законодательства и экономической политики государства. В истории развития русской промышленности второй половины XVIII в. эта практика приокских заводчиков может быть отмечена особо.

В 1770 г. А. и И. Баташевы купили под Тулой у дочери Григория Никитича Демидова — Акулины Даниловой два завода: Верхотулицкий доменный и молотовый и Сементиновский, молотовый. Сами по себе пришедшие в упадок, заводы не представляли для заводчиков интереса и не стоили 10 500 руб., которые были за них уплачены. Смысл покупки заключался в приобретении тех 135 мастеровых и работных людей, которые числились при этих заводах и которых Баташевы намеревались перевести на свои новые приокские заводы. Сразу же после покупки Баташевы доносили в Берг-коллегию, что, так как при заводах «руды все уже пресеклися, лесов же при них ни покупных, ни отводных нет..., то за всеми сими недостатками и неудобностями в нынешнем их состоянии производить в них более никак уже не можно». В то же время Баташевы просили Берг-коллегию разрешить перевести мастеровых и работных людей с семьями с вновь купленных заводов («дабы находящиеся при них мастеровые и работные люди праздны не находились») на их Гусевской, Выксунский и Велетьминский заводы. Свою просьбу они мотивировали тем, что число мастеровых на этих заводах «весьма мало и совсем не соответствует многим различным заведенным там машинам, которые часто имеют в людях недостаток, а некогда действительно и остановку и оттого временем неизбежно уменьшается выплавка чугуна, следовательно, и коронный доход» [19].

В самом деле, на трех вышеуказанных заводах в то время числилось всего 498 крепостных мастеровых и работных людей (всех возрастов), в то время как по существовавшей норме приписки крепостных к горным заводам [20] при 3 домнах и 19 молотах на этих заводах должно было состоять 3480 человек, т. е. недостаток в людях исчислялся почти в три тысячи человек. Исходя из этих расчетов, а также учитывая, что заводы Баташевых выполняют военные заказы, Берг-коллегия разрешила «перевести навсегда» 135 мастеровых и работных людей Верхотулицкого и Сементиновского заводов вместе с их семьями на приокские заводы [21].

[19] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1313, 1, 2, 4—7.

[20] ПСЗ, т. XII, № 9004, стр. 181—183; т. XIII, № 9954, стр. 613—615; № 10147, стр. 921—923.

[21] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1313, лл. 8—11, 13; ЦГИАЛ, ф. Московского горного правления, д. 100, л. 3.

Однако это любопытное мероприятие, конечно, не решило проблемы рабочей силы в меру того размаха, который получило предпринимательство Баташевых в 60—70-х годах.

Иной способ предпринимательства Баташевых связан с покупкой двух металлургических заводов с большим контингентом подневольной крепостной рабочей силы, созданной их прежними дворянскими владельцами.

В 1776 г. Баташевы купили по соседству с их заводами крупный Илевский доменный и молотовый завод, принадлежавший дворянину Ефиму Разнотовскому. В отличие от недворянских предпринимателей помещик Разнотовский решал проблему рабочей силы проще: в 1774 г. к заводу были «назначены» в мастеровые и при заводе «оставлены навсегда безотлучными» 500 крестьян из с. Коврес и деревни Илево, 50 крестьян из деревни Дмитриевки Касимовского у. и 64 человека из с. Денисова Владимирского у.— всего 614 душ мужского пола. Вскоре число мастеровых и работных людей увеличилось до 765 душ мужского пола за счет покупки Разнотовским помещичьих крестьян и перевода их к новому заводу. С таким контингентом крепостной рабочей силы завод был приобретен Баташевыми. Весьма примечательно, что Илевский завод строился помещиком Разнотовским, как следует наверное предположить, по предварительной договоренности с Баташевыми, собственно, специально для продажи его Баташевым [22]. Еще в 1769 г. Баташевы заключили договор на «кортому» в течение 50 лет вотчинных угодий Разнотовского для снабжения своих заводов лесом и рудой. Эти угодья находились в Касимовском у. как раз в окрестностях будущего завода. В аренду сдавались также 113 крестьян помещика. В 1774 г. Разнотовский на правах помещика начал строительство Илевского завода. Причем поверенным Разнотовского, руководившим строительством завода, выступал «служитель» Баташевых — Ефим Беспалов. В апреле 1776 г. только что выстроенный завод перешел во владение Баташевых. Смысл всей этой операции заключался в том, что помещику Разнотовскому гораздо выгоднее было продать непахотные и неудобные земли, предварительно построив на них завод и переведя туда своих и купленных крепостных, а заводчики Баташевы, несмотря на огромную цену завода (170 тыс. руб.), получали не только крупный завод (с 2 домнами, 6 действующими и 6 запасными молотами) с большим запасом бо-

[22] Биограф Баташевых прямо сообщает, что Илевский завод был построен самими заводчиками (П. Свиньин. Заводы, бывшие И. Р. Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д. Д. Шепелеву и его детям. СПб., 1826).

гатств лесных (130 кв. верст) и рудных (46 рудников), но и, что особенно важно в условиях действия указов 1762 г., многочисленный штат остродефицитной крепостной рабочей силы [23].

Таким образом, исключительно дворянская привилегия душевладения в известной мере становилась достоянием «неблагородных», но ловких и деятельных предпринимателей.

Такая же цель преследовалась Баташевыми и при покупке в том же 1776 г. Еремшинского завода у кн. Репнина. Еремшинский завод, построенный в 1757 г., действовал, по-видимому, целиком на крепостной рабочей силе. И на собственно заводской, и на рудной, и на куренной работах использовались крепостные крестьяне кн. Репнина, проживавшие в двух селах вблизи от завода — Архангельском (Аносове) и Вознесенском. До середины 70-х годов работавшие на заводе крестьяне к заводу приписаны не были и формально в составе заводских крестьян и мастеровых не числились. Однако, испытывая постоянные неудачи в горнозаводской деятельности, сиятельный заводчик, очевидно, в виду предстоящей продажи завода, приписал к нему в 1774 г. 539 душ мужского пола с. Архангельского, а в 1776 г. 417 душ мужского пола с. Вознесенского на том основании, что «крестьяне обоих сих сел без изъятия с самого начала устроения оного завода употреблены и употребляются доныне к его действию, так что многие из них действительно в мастерствах, а протчие в заводских работах (т. е. в рудной и куренной работе.— *К. Д.*) употребляются». Репнин просил Берг-коллегию всех упомянутых крестьян «числить при том заводе наивсегда мастеровыми» [24]. Так совершилось юридическое оформление крестьян в заводских людей; фактическое же превращение первых в последних началось двумя десятилетиями ранее.

В 1776 г. Баташевы купили у кн. Репнина Еремшинский завод и стали обладателями той большой рабочей силы, которая была создана вполне дворянско-крепостническими методами, но выполняла теперь те же самые функции для заводчика иной социальной группы.

Кажется удивительным, что менее чем за 20-летний период после указов 1762 г., в условиях больших трудностей приобретения рабочей силы, Баташевы умудрились увеличить свое производство на шесть крупных заводов (Выксунский — 1766 г., Велетьминский — 1770 г., Илевский — 1776 г., Еремшинский — 1776 г., Железницкий — 1779 г., Пристанской — 1779 г. Сама крепостная рабочая сила увеличилась за это время более чем в 4 раза (с 589 душ мужского пола в 1762 г. до 2445 душ мужского пола в 1776 г.).

[23] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1340, лл. 259—348; кп. 2069, лл. 205, 278, 365, 457; ЦГИАЛ, ф. Берг-конторы, д. 358, лл. 2, 15, 50; ф. Московского горного правления, д. 100, лл. 3, 5; д. 1415, л. 87; Государственный архив Горьковской области (далее — ГАГО), ф. Выксунской вотчинной конторы Баташевых, д. 31, л. 5.

[24] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1344, лл. 473, 487.

* * *

В 1783 г. братья Андрей и Иван Баташевы возводятся в дворянское достоинство. Надобно отметить, что история приобретения Баташевыми дворянского звания содержит в себе любопытные моменты. Еще с самого начала русско-турецкой войны 1768—1774 гг., когда остро встала проблема военных поставок, правительство возложило их на посессионные заводы Центра, расположенные в сравнительной близости к морским портам. Но, «когда все прочие российские заводчики от исправления работ оных за различными невозможностями отреклись, тогда Берг-коллегия убедила заводчиков Андрея и Ивана Баташевых принять работу оных на себя». Первые поставки Баташевых были приняты «с удовольствием и похвалою». В ходе войны Адмиралтейская коллегия непосредственно установила связи с горнозаводчиками, запрашивая их кондиции на выполнение военных заказов. Однако «заводчики все от того паки отреклись». Создалась, таким образом, отменная конъюнктура для вымогательства у правительства наибольших выгод. Баташевы, согласясь на военные подряды, «представили, что они не могут только войти ни в какой подряд или переторжку, ежели не оказана им будет в том с казенной стороны помощь». Помощь эта испрашивалась в следующем виде: во-первых, «исходатайствовать им высочайшее дозволение купить к заводам их до 1200 душ людей»; во-вторых, «для вящшего поощрения их в сем деле выключить их потомственно из подушного оклада». К этому смиренно добавлялось, что «о прочем им награждении они представлять не дерзают, уповая, что милосердое правительства воззрение на их усердие и труды будет истинным их награждением» [25].

Таким образом, Баташевы поставили в качестве непременного условия выполнения ими казенных заказов ни больше ни меньше, как возведение их в дворянское достоинство. Разумеется, заявить об этом прямо внуки казенного кузнеца «не дерзали», но вполне посмели выдвинуть такие условия, какими располагать могло исключительно дворянство, ибо право покупки

[25] ЦГАДА, ф. Госархива, Разряд XIX, д. 117, лл. 1, 2.

© ГПБ СОРАН

крепостных являлось единственно дворянской привилегией, равно как и от подушного оклада свободно было только дворянское сословие. Правда, «для вящшего поощрения» правительство уже в 1770 г. освободило Баташевых потомственно от подушного оклада и, кроме того, возвело обоих братьев в чин титулярного советника [26]. Но это имело пока лишь некоторое моральное значение и далеко еще не давало искомого результата, так как подушный оклад составлял всего лишь 3 р. 60 к. в год, а новый чин относился к девятому, а не к восьмому классу табели о рангах, дающему право на получение наследственного дворянства. Это можно было рассматривать как аванс на получение дворянства в будущем, однако главного, составлявшего основу привилегий дворянства,— права владения крепостными — Баташевы пока еще не получили. Потребовалось 13-летнее из ряда вон выходящее усердие в выполнении военных заказов правительства, потребовалось каждый очередной наряд связывать с необходимостью покупки новой рабочей силы, потребовалась, надо думать, особая ловкость в обхождении с правительственными сановниками и чиновниками, чтобы добиться, наконец, желаемого результата. При этом следует отметить, что Баташевы не вновь возводились в дворянство, а восстанавливали свою принадлежность к нему, якобы утерянную в XVII в.[27] В условиях необычайного политического укрепления дворянства проникновение чужеродных элементов в его ряды оказывалось делом чрезвычайно трудным и сложным, и изобретение подобной версии в этом отношении показательно.

Еще в процессе борьбы за дворянство Баташевы сумели извлечь для себя большие выгоды и к 1783 г. владели девятью заводами и теми обширными призаводскими землями, которые составляли, в основном, территорию приокского горного округа.

Сочетание в Баташевых промышленников и крепостников-помещиков оказало существенное влияние и на процесс складывания заводского населения, и на самое производство. Баташевские вотчины, расположенные в округе заводов, оказываются теснейшим образом связанными с заводским производством. Теперь завод и вотчина представляли собою единый производственный комплекс, органическое целое, обеспечивающее нарастание доходов барина-заводчика.

Факт «одворянивания» заводчиков имел важнейшее значение в первую очередь для обеспечения растущего горного и металлургического производства крепостной рабочей силой. С этого момента приокское горнозаводское хозяйство, разделенное между братьями Баташевыми, усиленно пополнялось мастеровыми и работными людьми для основного производства и крестьянами для рудных и куренных работ за счет крепостных, скупаемых заводчиками на основе дворянских привилегий. Последовавшая вскоре «Жалованная грамота дворянству» еще более способствовала усилению одворянивающихся промышленников. Разрастание горного производства сопровождалось покупкой к заводам небывало большого числа крестьян, преимущественно хлебопашенных. Покупка крестьян производилась целыми деревнями, вместе с их земельными угодьями. Особенно энергично занимался скупкой окрестных крестьян Андрей Баташев. В 1785 г., например, он купил 1806 душ крепостных крестьян в Касимовском и Спасском уездах, приписав их к своим заводам. Особенно крупной была покупка касимовских вотчин кн. Ю. Ф. Мещерского: Баташев купил за один прием половину с. Гускова Погоста с 12 деревнями со всеми принадлежавшими к ним землями и со всеми жителями этих селений в количестве 1160 душ. Эта покупка обошлась заводчику в 100 тыс. руб.[28] Через два года в той же касимовской округе к заводскому владению А. Баташева прибавились 2 села и 13 деревень. Теперь население всех касимовских вотчин А. Баташева составляло 4535 человек [29].

Складывание огромного контингента основной и вспомогательной крепостной рабочей силы для заводов Андрея Баташева завершается к концу 80-х годов XVIII в. В 1787 г. к трем заводам (Илевскому, Гусевскому и Еремшинскому) принадлежало 7043 души мужского пола и 7062 души женского пола — всего 14 105 человек, проживавших при заводах и в окрестных 13 селах и 34 деревнях. Показательно, что из этого количества заводских людей лишь 420 человек (т. е. менее 3%) перешло к А. Баташеву по наследству от его отца Родиона Баташева [30]. Иными словами, основная масса крепостной рабочей силы была приобретена А. Баташевым в короткий период по получении дворянских привилегий.

Сравнительно медленнее и длительнее шел процесс складывания рабочей силы для заводов Ивана Баташева. Однако и здесь завершение этого процесса в основном произошло в конце

[26] «Русский биографический словарь», т. II. СПб., 1900, стр. 568.
[27] ЦГИАЛ, ф. Московского горного правления, д. 100, л. 4; д. 150, л. 203 об.

[28] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2175, лл. 561—562; кн. 2178, лл. 15, 16
[29] ГАГО, ф. Нижегородского губернского правления, д. 226, л. 16.
[30] Там же, лл. 16, 17.

XVIII в., хотя мы встречаем покупки крестьян к заводам в 1810 г. (462 человека) и даже работных людей в 1819 г. (97 человек) [31].

К концу XVIII в. приокская заводская округа, в которой располагались заводы и проживали мастеровые, работные люди и прикупленные к заводам крестьяне, находилась в границах Ардатовского, Меленковского, Муромского, Темниковского, Касимовского и Елатомского уездов, распространяясь в хозяйственном отношении и на сопредельные уезды (Арзамасский, Шацкий и др.).

* * *

Мы рассмотрели основные методы комплектования крепостной рабочей силы в приокской металлургической промышленности, сущность которых заключалась, во-первых, в покупке крестьян к заводам, осуществляемой на основе соответствующих государственных законов; во-вторых, после указов 1762 г. путем покупки рабочей силы вместе с действующими заводами, при которых она была закреплена ранее заводчиками-дворянами (Илевский, Еремшинский заводы), а также путем покупки пришедших в упадок заводов с целью перевода числившихся при них мастеровых на приокские заводы; в-третьих, путем беспрепятственной скупки большого количества окрестных крестьян на правах полученного Баташевыми в 1783 г. дворянства.

Однако наряду с этими основными способами, посредством которых в различное время различными темпами, но в течение почти всего XVIII в. складывались большие контингенты рабочей силы приокской металлургии, существовали другие пути, хотя и значительно менее результативные, но вполне специфические для условий крепостной эпохи. Ближайшее рассмотрение этих дополнительных методов обнаруживает их большое разнообразие при наличии, однако, той же подневольной крепостнической сущности. К сожалению, материал, отражающий эти методы создания рабочих кадров, носит крайне отрывочный и в известной мере случайный характер.

Одним из таких побочных путей приобретения крепостных мастеровых являлась официальная передача заводам разного рода людей, свободное состояние которых в условиях усиливающейся государственной политики закрепощения считалось нежелательным и предосудительным. Сюда относились незаконнорожденные, «непомнящие родства», отдаваемые властями на заводы «из платежа подушного оклада», а также приписываемые

[31] ЦГИАЛ, ф. Московского горного правления, д. 55, лл. 1—4; д. 147, лл. 1—4.

из тех же соображений «по желательным челобитным». И. Р. Баташев в одном из рапортов в Московское горное правление от 1815 г. упоминает, что в 1760—1770-х годах «поступили несколько человек к нам по выписям из присутственных мест» [32]. В ведомости о частных горных заводах, находящейся в фонде Соймонова и относящейся к началу XIX в., кроме указания на количество купленных мастеровых и крестьян при Унженском заводе, отмечается: «...да отданных от ревизии незаконнорожденных и непомнящих родства — 4» [33]. Наличие при Унженском заводе четырех мастеровых, отданных по указам «из платежа подушного оклада», отмечает И. И. Коган для 1762 г.[34]

К этой же категории закрепощаемых при заводе из соображений несения казенного тягла относились и лица, поступавшие по так называемым «желательным челобитным». Пример одного такого «желательного» закабаления представляет случай с Григорием Петровым, который, будучи сыном пономаря, по достижении 19 лет ввиду того, что штат церковнослужителей был полностью укомплектован, а сам Петров, «грамоте малоумеющий и находится празно и никуда не приписан», отдан был калужской провинциальной канцелярией на Тульский завод с указом: «...и отдать в вечное услужение тебе, Баташеву,.. с написанием ево Петрова за тобою Баташевым, при помянутом твоем железном заводе в подушный оклад» [35]. Желание причетника относилось лишь к выбору места приписки, неизбежность же такого закабаления вряд ли отвечала его желаниям.

Другим дополнительным путем обеспечения производства рабочими руками была своеобразная «аренда» крепостных крестьян у помещиков, «по условию их помещика». Это практиковалось заводчиками в 60—70-х годах, в тот период, когда указы 1762 г. о запрещении покупки крестьян к заводам существенно препятствовали расширению производства Баташевых. Так, в 1769 г. Баташевыми были «арендованы» у помещика Разнотовского 113 «душ» крестьян для работы на заводах, сроком на 50 лет с ежегодной платой за них по 200 руб. в год [36]. Явление это несколько напоминает «аренду» первым Баташевым крестьян деревни Острожной в 1724 г. Естественно, что такие «арендованные» помещичьи крестьяне, получившие навыки заводских работ, при первой же возможности покупались заводчиком к сво-

[32] ЦГИАЛ, ф. Московского горного правления, д. 100, л. 4.
[33] ГИМ, ф. Соймонова, д. 23, л. 107.
[34] И. И. Коган. Металлургическая промышленность Воронежско-Тамбовского края в XVIII в. Кандидатская диссертация, стр. 356.
[35] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1152, лл. 97—98.
[36] И. П. Богатор. Металлургическая промышленность Владимирской губернии. «Наше хозяйство». Владимир, 1928, № 11/12, стр. 96.

им заводам. Так, очевидно, и произошло с помещичьими крестьянами Разнотовского. И. Баташев, имея в виду список мастеровых, поделенных между братьями в 1783 г., упоминает: «В сей раздельный список поступили некоторые из мастеровых, по условию их помещика упражнявшиеся на наших заводах по найму, которые вскоре и приобретены нами покупкою» [37].

Еще одним, правда, незаконным способом пользовались Баташевы в приискании рабочих рук в пору затруднений в обеспечении заводов работниками — приемом на заводы всякого рода беглых людей. Эта практика, несмотря на строгие запретительные законы, нередко устанавливалась властями (как это достаточно хорошо выявлено в соответствующей литературе) относительно многих заводчиков Центра и Урала. Однако Баташевы в таких случаях оказывались столь увертливыми, что уличить их в подобных «законопротивных» поступках было делом весьма затруднительным.

В 1759 г. на Унженский завод был подряжен беглый каменщик с Тульского оружейного завода И. Медведев. В течение четырех лет он обучал «каменному мастерству» баташевских крестьян. Затем Медведев «явился собою» в Тулу, и Оружейная канцелярия потребовала взыскать с Баташевых «пожилые штрафные деньги» по 200 руб. в год [38].

В 1760 г. Берг-коллегия требовала объяснения от А. Баташева по поводу держания им на Гусевском и Унженском заводах двух беглых рекрутов в течение 1757—1759 гг. Заводчик начисто отказался от обвинения, заявляя, что он оговорен теми беглыми ложно [39]. В 1773 г. Елатомский магистрат доносил в Берг-коллегию, что пять человек, отданных от купечества этого города в рекруты, укрываются на Выксунском заводе, и что заводской приказчик Василий Петров не допустил представителей магистрата взять их под караул. На сей раз Баташевым пришлось отрицать не только самый факт держания беглых, но и наличие при заводе указанного приказчика [40].

Имеются сведения, что Баташевы даже сманивали взбунтовавшихся в 1752 г. мастеровых фабрики Гончарова, выдавая им за переход на их заводы по 8 руб. [41] По-видимому, беглые на заводах Баташевых составляли не столь малое количество, как об этом можно было судить по некоторым имеющимся фактам.

[37] ЦГИАЛ, ф. Московского горного правления, д. 100, л. 5.
[38] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1225, лл. 387—389.
[39] Там же, кн. 1184, лл. 34—37.
[40] Там же, кн. 1337, лл. 615—622; ЦГИАЛ, ф. Берг-конторы, д. 113, л. 113.
[41] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 956, л. 100.

И не проясняет ли в некоторой мере это темное место сам И. Р. Баташев, который в ответ на требование Московского горного правления в 1815 г. сообщал, что «по смутным 1812 г. обстоятельствам» он не может отыскать купчих на 297 человек [42].

К числу противозаконных методов присвоения рабочей силы и крепостных «душ» относится любопытное дело о «солдатских детях» на приокских горных заводах. Дело это выплыло наружу в XIX в., хотя отображаемая в нем практика имела место еще в конце XVIII в. В 1831 г. жандармский полковник Маслов доносил шефу жандармов Бенкендорфу о том, что им найден секретный журнал главной Выксунской заводской конторы, в котором записаны мнения управляющих отдельными заводами по вопросу: «Какое употребить средство в селениях, принадлежащих к заводам..., чтобы скрыть от правительства значительное количество рожденных от солдаток детей». Управляющие, не придя к единодушному мнению (некоторые предлагали выделить специальную сумму на подкуп следователей, если это станет известно властям), оставили вопрос нерешенным. Однако уличающий журнал попал под всевидящее жандармское око, и вскоре по указу царя было назначено следствие. Но следствие по этому делу было произведено лишь два года спустя по той причине, что на приокских заводах происходили массовые волнения крестьян и мастеровых, и комиссия предусмотрительно решила, что ее деятельность может привести к «неприятным последствиям, коих предупредить в настоящее время будет весьма трудно» [43]. Итогом следствия «О солдатских детях, скрываемых от правительства в селениях, принадлежащих к заводам Шепелевых [44] и Баташевых», явился царский указ Сенату от 15 июля 1833 г. Всех детей мужского пола, рожденных солдатками «законно» (т. е. при вторичном выходе замуж, после отдачи их мужей в рекруты.— *К. Д.*) и «незаконно», в возрасте от 1 года до 42 лет обнаружено было 404 человека. Из этого числа предписано было 104 человека, «имеющих 16 лет и свыше, как уже приобыкших к мастерствам, оставить навсегда в сих именіях и, внеся в ревизию, не считать более принадлежащими к военному ведомству». За этих 104 человек заводчики обязывались уплатить в пользу Экономического комитета военных

[42] ЦГИАЛ, ф. Московского горного правления, д. 100, л. 5.
[43] Центральный государственный исторический архив в Москве (далее — ЦГИАМ), ф. Третьего отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1-я экспедиция, д. 141, лл. 13—24.
[44] Шепелевы явились наследниками восьми заводов И. Р. Баташева после его смерти в 1821 г.

поселений следующие суммы: 1) за тех, которые уже женаты и имеют оседлость, по 1 тыс. руб.; 2) за неженатых, но старше 18-летнего возраста — по 750 руб.; 3) за 16—17-летних — по 500 руб. за каждого человека. Прочих солдатских детей, не достигших 16 лет, числом 300 человек, предписано было всех («не исключая и имеющих отцов») причислить в военные кантонисты [45]. Таким образом, «заботами» высшей власти «незаконное» положение солдатских детей было устранено и последние были водворены в «законное» крепостное состояние.

Привлекает внимание прежде всего сам факт незаконной задержки солдатских детей-мальчиков при заводах, в то время как, согласно закону, следовало предоставлять их в распоряжение военного ведомства, т. е. в кантонисты. Судя по наличию при заводах более сотни «солдатских детей» от 16 до 42-летнего возраста, легко представить, что такой источник использования «незаконной» рабочей силы был известен заводчикам с конца XVIII в., а может быть, и раньше. Разумеется, эти мастеровые использовались на тех же основаниях, что и остальные крепостные заводские люди.

* * *

Положение заводских людей с точки зрения домашнего хозяйства было исторически связано с процессом их начального отрыва от крестьянского состояния и превращения полностью или частично в обезземеленных крепостных мастеровых. Впоследствии хозяйственное положение мастеровых определялось их условиями работы на заводском производстве и общими условиями их существования в качестве крепостных заводских людей. Новое хозяйственное положение заводских людей устанавливалось сразу или постепенно в процессе и в результате воздействия на них факторов внеэкономического принуждения и заводского образа жизни.

Исследование вопроса об источниках и путях формирования крепостной рабочей силы приокских заводов показывает, что основной костяк рабочей силы складывался либо посредством принудительного перевода на вновь построенные заводы (Унженский, Гусевский и др.) мастеровых со старых заводов Тульско-Калужского района, либо посредством покупки к заводам крестьян и обучения их заводским работам (Еремшинский, Илевский, Мердушинский, Верхнежелезницкий и другие заводы). Эти два пути обеспечения заводов крепостной рабочей силой предопределяли ее социально-экономическое положение: в первом случае кадровые потомственные мастеровые, давно уже

[45] ЦГИАМ, ф. Третьего отделения, 1-я экспедиция, д. 141, л. 68.

потерявшие связь с крестьянским образом жизни, переводились на новый завод без каких-либо существенных изменений в их положении; во втором случае крестьяне-земледельцы и дворовые люди принудительным образом, в силу крепостного права, сразу же, одним актом купли-продажи, порывали со своим крестьянским положением и превращались в безземельных крепостных, «снискающих свое пропитание» единственно работой на заводе. В том и другом случаях мастеровой навсегда терял связь с пашней, с крестьянским хозяйством.

Но был еще третий путь формирования рабочей силы для приокских горных заводов. Наряду с комплектованием кадров для основного заводского производства, создавалась вспомогательная крепостная рабочая сила для призаводского рудного и куренного производства. В этом проявилась одна из особенностей организации горной промышленности в России в крепостную эпоху. В Приокском горном округе, в отличие, можно сказать, от классической российской формы обеспечения горного производства вспомогательной рабочей силой посредством приписки крестьян, эта проблема разрешалась покупкой крестьян.

До указов 1762 г. Баташевы приобретали крепостных главным образом для перевода их на основные заводские работы в качестве мастеровых; покупка крестьян специально для куренных и рудных работ производилась, по-видимому, в незначительных размерах. В период с 1762 по 1783 г. такая покупка отсутствовала совершенно. Но после 1783 г. получившие дворянство Баташевы произвели массовые покупки крестьян на своз для поселения в заводской округе, а также у окрестных помещиков целыми селениями. Эти крестьяне оставлялись при своем основном занятии — хлебопашестве, но с обязанностью отрабатывать оброк в пользу вотчинника на куренном и рудном производстве.

В дальнейшем, вместе с ростом баташевских предприятий, возрастает и потребность в заводской рабочей силе, которая рекрутируется теперь либо путем медленного систематического втягивания в заводское производство крестьян близлежащих от завода селений, либо принудительным переводом властью помещика крестьян с хлебопашества на завод в качестве мастеровых. Так, например, в 1800 г. на вновь построенный Верхнежелезницкий завод были переведены на положение мастеровых и работных людей 129 семей (462 человека) хлебопашенных крестьян, купленных в Елатомской, Меленковской и Ардатовской округах [46]. В обоих случаях происходил отрыв крестьянина

[46] ЦГИАЛ, ф. Московского горного правления, д. 55, лл. 1—4.

от основного средства производства (пашни) и превращение его в мастерового с соответствующим образом жизни. Однако в результате описанного процесса в последней четверти XVIII в. и даже в первой четверти XIX в. при отдельных приокских заводах встречались небольшие селения или отдельные семьи заводских крестьян, совмещавших работу на заводе с хлебопашеством.

Мы лишь в общих чертах описали те сложные явления, в процессе которых совершалась экспроприация земельных наделов крестьян и превращение их в безземельных мастеровых. Рассмотрим теперь этот вопрос конкретно, в свете документальных данных, имеющихся в нашем распоряжении.

«Экономические примечания» к Генеральному межеванию дают следующие сведения.

«Велетминский железной завод. Число дворов 70; по ревизии душ мужеска пола 210, женска 214, под усадьбою 8 десятин 652 сажен, пашни нет, сенного покосу 693 дес. 2007 саж.» [47]

«Село Выксун и при нем железной завод. Дворов 217, душ мужеска 496, женска 505. Под усадьбою 51 дес. 2336 сажен, пашни нет, сенного покосу 82 дес. 163 сажени». «Примечания» содержат указание, что при Выксунском заводе была поселена «рудокопная слободка Вежонка», население которой пашни, по-видимому, не имело, так же как и прочие выксунские мастеровые [48]. Это же отмечает и М. Чулков, когда в своем многотомном труде бегло касается Выксунского завода: владелец которого «имеет изрядно поселенную слободу крестьян, которых он единственно для заводского употребляет дела» [49].

«Илевский железной завод с селом Ковресом. Число дворов 169, по ревизии душ мужеска 613, женска 625. Под усадьбою 16 дес. 78 саж., пашни 1884 дес. 1326 саж., сенного покосу 149 дес. 620 саж. ...Земля пещаная, хлеб и трава родится средственно. Крестьяне на вышеписанном заводе в работе» [50].

[47] ЦГАДА, ф. Межевой канцелярии. «Экономические примечания» по Нижегородской губ., Ардатовский у., д. 8, л. 6.

[48] Там же.

[49] М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции..., т. VI, кн. 2. М., 1786, стр. 632.

[50] ЦГАДА, «Экономические примечания», Ардатовский у., д. 8, лл. 13 об.— 14. Следует отметить, что приводимые нами данные почему-то в некоторых случаях существенно отличаются от данных тех «Экономических примечаний» по Велетьминскому, Выксунскому и Илевскому заводам, которые использовал в своей работе С. И. Архангельский со ссылкой на ГАГО (см. С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв. Горький, 1950, стр. 89—93, 112).

«Село Веркутец, что ныне Гусевской железной завод. Число дворов 167, по ревизии душ мужеска 532, женска 516. Земли под селениями 35 дес., пашенной 321 дес., сенных покосов 501 дес. ...Земля иловатая, хлеб и покосы средственны... Крестьяне на пашне» [51].

«Село Архангельское, Аносово тож... а на речке Еремше пруд, при коем железной завод каменной... Число дворов 180, по ревизии состоит душ мужеска 480, женска 443. Под усадьбою 42 дес., пашни 953 дес., сенного покосу 102 дес. ...Земля серопещаная, хлеб и покосы средственны... Крестьяне на оброке, а протчие при заводе» [52].

Известно, что генеральное межевание происходило в Нижегородской губ. в 1784—1797 гг., во Владимирской губ. в 1775—1781 гг., в Тамбовской губ.— в 1782—1797 гг. [53] На наш взгляд, вышеприведенное описание относится по Велетьминскому, Выксунскому и Илевскому заводам к 1784 г., по Гусевскому заводу к 1775—1781 гг., по Еремшинскому заводу к 1782—1784 гг. Данные эти позволяют произвести следующие расчеты относительно средних норм распределения усадебной, пашенной и сенокосной земли на двор:

Заводы	Усадьба, саженей	Пашня, дес.	Покос, дес.
Велетьминский .	283	нет	9,9
Выксунский . . .	575	нет	0,37
Илевский	227	11,1	0,88
Гусевский	503	1,9	3,0
Еремшинский . .	560	5,3	0,56

Следует учитывать, что все эти земельные угодия (особенно пашня и покос) находились в совместном пользовании заводских мастеровых и крестьян, а также и заводчика; часть пашни и лугов использовалась самим вотчинником-заводчиком. Поэтому относить подобного рода расчеты на двор мастерового, как это делает С. И. Архангельский, является приемом сомнительным [54].

Отметим лишь, что «Экономические примечания» фиксируют совершенное отсутствие пашни при Выксунском и Велетьминском заводах, значительную пашню при Гусевском и большую

[51] ЦГАДА, «Экономические примечания» по Владимирской губ., Меленковский у., д. 19, лл. 26 об., 27.

[52] ЦГАДА, «Экономические примечания» по Тамбовской губ., Темниковский у., д. 88, л. 48 об.

[53] ЦГАДА, Опись «Экономических примечаний» к генеральному межеванию.

[54] С. И. Архангельский. Указ. соч., стр. 92, 93.

© ГПИБ СПбАН

пашенную площадь при Еремшинском и особенно Илевском заводах.

Полное и изначальное отсутствие хлебопашества у мастеровых Выксунского, Велетьминского, а также построенного в 1784 г. Сноведского заводов подтверждается и рядом других более поздних документов. Так, заводчик И. Р. Баташев сообщал в 1803 г. в Нижегородское губернское правление, что «все без изъятия» мастеровые трех указанных заводов, которых по 5-й ревизии насчитывается 1281 человек, хлебопашеством не занимаются.— «А хлебопашества между оными никто никогда не производил и ныне не производит, да и пашенной земли при заводах не имеется» [55].

По-видимому, несколько иначе обстояло дело с хлебопашеством на Илевском заводе. Известно, что этот завод был построен при с. Коврес и крепостные крестьяне этого селения целиком были определены строившим завод помещиком Разнотовским в мастеровые на заводское производство. Для этих крестьян в их новом положении хлебопашество могло иметь лишь подсобный и временный характер и осуществляться в сравнительно незначительном размере. Поэтому вызывают возражения выводы С. И. Архангельского и о «социальной организации», и об организации труда, и о размерах хлебопашества мастеровых на Илевском заводе [56].

Впоследствии, при разрастании баташевского производства, на некоторых вновь построенных заводах отдельные крестьяне, переводимые в мастеровые, частично сохраняли хлебопашество. Самое раннее описание Выксунских заводов (1818 г.), отмечая общее количество мастеровых на всех заводах 4789 человек, сообщает: «Все сии люди имеют свое содержание от вырабатываемых ими денег, на которые покупают все для себя нужное на

[55] ГАГО, ф. Нижегородского губернского правления, д. 38, л. 6.

[56] Приведя данные «Экономических примечаний», С. И. Архангельский пишет об Илевском заводе: «Таким образом, заводская работа была здесь приравнена к барщине и ее заменяла. Указанная форма зависимости рабочих является характерной для феодального способа производства, который мы находим на Илевском заводе: рабочие имели земельные паделы; на двор приходилось 11,15 десятины земли; повинности в пользу помещика сводились к работе на заводе. Крепостная деревня здесь лишь выделяла часть своей рабочей силы на завод, не обращая их в особую социальную категорию, в промышленных рабочих» (С. И. Архангельский. Указ. соч., стр. 93).

О большой пашне при Илевском заводе («ковресские земли») известно, что она в преобладающей части использовалась помещиком-заводчиком и в 30-е годы XIX в. сдавалась в аренду купцам (ГАГО, ф. Ардатовского уездного суда, д. 61, л. 7).

торгах... Есть среди оных 260 душ, которые занимаются углежжением, когда нет работы на заводе, и потому для удобности живут близ куреней. Оные также покупают хлеб, но имеют и маленькое хлебопашество, ежели, впрочем, может сим именем быть назван маловажный посев ярового хлеба для корма лошадям, употребляемым ими к перевозке угля на заводы. Все прочие никакого хлебопашества не имеют. Скотоводство по недостатку в хороших пастбищах незначительно и ограничивается только самым необходимым количеством скота, нужного в хозяйстве... Лугов имеют немного, на уборку которых достаточно им самого короткого времени, не расстраивающего круга обыкновенных их занятий» [57].

В этом отрывке дана ясная общая характеристика тех остатков сельскохозяйственного быта мастеровых Выксунских заводов, которые сохранялись в начале XIX в. Хлебопашества среди огромного количества заводских людей не было; «маловажный посев ярового хлеба» на фураж лошадям свидетельствует скорее не о пережитках крестьянской жизни, а об особых производственных условиях небольшой части мастеровых, занимающихся, «когда нет работы на заводе», куренным делом.

Такое же положение и у мастеровых гусевской группы заводов. Документы следственной комиссии за 1818 г. содержат в себе следующие общие сведения о мастеровых Гусевского завода: «Пахотных земель не имеют; лугов отведенных тоже, а пользуются сенокосом, расчищая в лесах поросли; огородов по местоположению обширных не имеют, а как кому позволяет место» [58]. Подобные же замечания сделаны относительно Сынтульского, Еремшинского заводов, а также насчет Илевского и Вознесенского заводов с тем отличием, что на двух последних мастеровые имели не только огороды, но отчасти и конопляники [59].

Так же, как и мастеровые Выксунских заводов, мастеровые Гусевских заводов все основное для потребления покупали на базарах. «Впрочем, для продовольствия своего хлеб, платье и все нужное покупают из задельной платы» [60].

Вполне понятно, что к середине XIX в. хлебопашество, даже в самом незначительном виде, представлялось мастеровым трудом вполне чуждым и незнакомым. Опекун над Илевским и Вознесенским заводами в 1856 г. писал, что мастеровые этих заводов «существуют только задельною платою и без оной обойтись

[57] ГИМ, ф. Соймонова, д. 100, лл. 102—103.

[58] ЦГИАЛ, ф. Московского горного правления, д. 1238, л. 66.

[59] Там же, лл. 74, 86, 117, 122.

[60] Там же, л. 66.

не могут ни одной недели, ибо не имеют ни запашки, ни земледельческих инструментов и, кроме того, не занимаясь хлебопашеством, не знакомы с обработкой земли» [61]. К. Арсеньев о мастеровых Выксунских заводов в 1857 г. сообщал: «Мастеровые, живущие собственно на заводах, не имеют ни хлебопашества и никакого сельского хозяйства, а занимаются только выработкою заводских изделий» [62].

Таким образом, выясняется содержание подсобного хозяйства приокских мастеровых. Оно составлялось главным образом из небольшого земельного участка при доме мастерового, используемого под огород, и из небольшого количества скота, лимитируемого, как мы видим, недостатком в пастбищах и сенокосах. Илевские и вознесенские мастеровые имели, кроме того, конопляники. Отдельные престарелые мастеровые имели небольшие пчельники.

Так же, как пашня, в совместном пользовании мастеровых и заводчика находилась огородная земля при заводских селениях и сенокосы. При всем том обращает на себя внимание незначительность усадебной земли в среднем расчете на двор при Велетьминском (283 кв. сажени) и Илевском (227 кв. сажен) заводах и сенных покосов при Выксунском (0,37 дес.) и Еремшинском (0,56 дес.) заводах. С учетом совместного пользования этими угодьями помещика и мастеровых на долю последних приходились значительно меньшие наделы. Следует также иметь в виду, что в связи с большим ростом количества мастеровых, покупавшихся к заводам в последней четверти XVIII в., а также из-за естественного прироста заводского населения, в последующее время размеры усадебной земли еще более уменьшаются.

Однако, несмотря на ограниченность подсобного хозяйства, оно имело немаловажное значение в сумме жизненных средств заводской семьи. И хотя основным средством существования приокских мастеровых и работных людей являлась денежная «заделная» плата, заводчики были вынуждены учитывать существовавшие условия для ведения домашнего хозяйства. Поэтому на приокских заводах наблюдается интересное явление: расценочные нормы за одну и ту же единицу труда на различных заводах были неодинаковыми. Это определялось различными условиями дополнительного домашнего хозяйства заводских людей (усадьба, сенокосы, дрова и пр.) [63].

[61] ГАГО, ф. Следственной комиссии о беспорядках по опекунскому управлению заводами Баташева, д. 7, л. 399 об.
[62] «Нижегородский сборник», т. II. Нижний Новгород, 1869, стр. 161.
[63] ГИМ, ф. Соймонова, д. 100, л. 112.

* * *

В деле снабжения приокской горной промышленности рабочей силой следует выяснить значение вольного найма. Вышеописанное комплектование заводов рабочей силой являлось по своему содержанию и методам целиком крепостническим. Но вольный наем, даже в условиях феодального общества представлял собой отношения между трудом и капиталом, при которых внеэкономическое принуждение заменялось экономическим стимулом.

Ранее отмечалось, что баташевское производство в старом Тульско-Калужском районе обеспечивалось главным образом вольнонаемным трудом. Вольный наем обеспечивал добычу и доставку руды, уголь преимущественно покупался с возов у окрестных крестьян. И в собственно заводском производстве основные рабочие кадры состояли из вольнонаемных мастеров. Со временем, однако, положение изменилось. Произошло постепенное, но неуклонное вытеснение вольного найма трудом крепостных. Известно, что проблема рабочей силы для развивающегося горного производства в России в условиях сохранения и упрочения крепостного строя разрешалась в значительной мере путем массовой приписки государственных крестьян к заводам на положение крепостных. Приокские заводы не знали приписки, и все потребности в рабочей силе здесь должны были удовлетворяться либо отмеченными способами приобретения крепостных, либо через вольный наем.

К сожалению, материалы о рабочей силе приокской металлургии не содержат определенных данных о количестве и распределении вольнонаемных работников в отдельные периоды и в отдельных отраслях горного дела. Однако между принудительным крепостным трудом и трудом вольнонаемным в общем можно проследить соотношение обратной взаимозависимости: чем больше возрастало количество труда крепостных, тем меньше привлекался труд вольнонаемных. Но такая тенденция достаточно выявила себя лишь позднее. В первые три десятилетия (середина 50-х — середина 80-х годов) в связи с сильным ростом приокской горной промышленности соответственно возрастало вообще количество труда, что при остром недостатке в крепостных работниках обусловливало большую потребность в вольнонаемной рабочей силе.

Уже для первых приокских горных заводов характерно, что рабочая сила основного заводского производства была крепостной. Доменное действие, выделка и обработка железа обеспечивались главным образом теми заводскими крепостными, которые

были куплены Баташевыми к своему предприятию в Тульско-Калужском районе и переведены впоследствии на новые заводы. Иными словами, наиболее квалифицированный заводской труд обеспечивался собственными крепостными.

На долю вольнонаемного труда оставались главным образом рудодобыча, заготовка и транспортировка леса, угля, камня и других сырьевых и строительных припасов. На заводе вольнонаемные работники использовались на так называемых черных работах вспомогательного характера. Биограф Баташевых П. Свиньин отмечал, что строительство новых заводов Баташевы осуществляли «большею частию вольнонаемными» [64]. И естественно, что трудоемкие работы по возведению плотин и других заводских построек могли в 50—80-е годы при остром недостатке «своих» работников выполняться за счет найма окрестных крестьян.

На заводские работы нанимались прежде всего жители близлежащих селений. На Унженском заводе по вольному найму работали мещане г. Елатьмы. На том же заводе работали крестьяне с. Ермолова, нанимавшиеся с позволения своего владельца кн. Долгорукова. Впоследствии Баташевы купили у князя это село, приобретая таким образом рабочую силу (363 души мужского пола), имеющую навыки заводской работы [65].

Значительное число вольнонаемных набиралось из государственных крестьян. Однако все эти слои вольной рабочей силы представляли собою временных, сезонных работников и в силу этого не могли заниматься основной заводской работой, требующей как постоянного, длительного пребывания на заводе, так и известной квалификации.

Купцы и купеческие дети из г. Елатьмы в 70-х годах иногда на короткое время нанимались по отпускам от магистрата на Унженский завод «к делу якорей в молотобойцы и к высверливанию пушек», но при заводе не жили — «не только чтоб жительство иметь, но и ночевать домой отходят» [66]. Такого рода рабочая сила была и малочисленной и случайной. Рассчитывать, в основном, приходилось только на окрестных помещичьих и государственных крестьян. Но и они в силу своего экономического и правового положения не могли составить заводских квалифицированных кадров и использовались лишь временно и на вспомогательных работах. Уже в 1766 г. Баташевы жаловались в Берг-коллегию, что в мастеровых «великий

[64] П. Свиньин. Указ. соч., стр. 12.
[65] И. И. Коган. Указ. диссертация, стр. 360.
[66] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1337, л. 622.

недостаток происходит, отчего иногда за маловодьем и за недостатком вольных мастеров в заводах бывают некоторые машины в остановках» [67]. В 1774 г. Баташевы доносили в Берг-коллегию, что «вольнонаемных, кроме самопростейших работ,... употреблять при заводах совсем не можно, понеже приходящие в работы по отпускам от помещиков большей частью приходят на самое толко короткое время, которые, достав себе на нужды, возвращаютца в домы, то за краткостью их работы приучить ни в какие заводские мастерства не можно, почему и надежды всегдашней иметь на них нельзя» [68].

Трудности усугублялись в период сельскохозяйственных работ, когда заводчики «принуждены были сыскивать вольных людей почти за такие цены, сколько хто взять желал, а притом еще и непривычных, от чего не только успеху или умеренного платежа, но и прекрайнея трудность в изыскании их состояла» [69].

Иначе обстояло дело с рудными и куренными работами, которые вплоть до середины 80-х годов в основном обеспечивались вольнонаемным трудом. Академик Лепехин отмечал в 60-х годах, что на приокских заводах «много есть наемщиков из окрестных деревень, употребляемых для рудной добычи» [70].

Владимирская казенная палата, донося в 1784 г. в Берг-коллегию о подведомственных ей Гусевском и Верхнеунженском заводах, отмечала, что основные заводские работы «производятся собственными его, Баташева, крепостными мастеровыми и работными людьми, а рудокопные и прочие чорные работы при заводах и рудниках производятся вольнонаемными крестьянами» и что ежегодно руда добывается, «смотря по обстоятельству вольных охочих в рудокопную работу людей» [71].

Количество вольнонаемных никогда не было определенным на все время и колебалось, «смотря по обстоятельству», поэтому мы не встречаем в обычных сводных сведениях о заводах данных о размерах применения наемного труда. Исключение представляют сведения, содержащиеся в «ведомости о горных заводах частных людей» за 1794 г. Но и здесь данные о вольном найме относятся только к двум заводам: на Велетьминском заводе было мастеровых 345, крестьян 260, «да вольнонаемных крестьян употребляется до 150 человек»; на Споведском заводе

[67] ЦГИАЛ, ф. Берг-конторы, д. 168, л. 32.
[68] Там же, кн. 1337, л. 529.
[69] Там же, кн. 1328, л. 279.
[70] И. Лепехин. Дневные записки..., ч. 1. СПб., 1795, стр. 49.
[71] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2164, лл. 6 об.—7.

состояло» мастеровых 327, крестьян 340, «да вольнонаемных крестьян употребляется 360»[72].

С пожалованием Баташевым дворянского звания произошло быстрое увеличение крепостной рабочей силы. В заводской округе покупались целые селения и поселялись купленные на своз из отдаленных мест крестьяне, на которых возлагались в счет помещичьего оброка работы на рудниках и куренях. Вместе с тем отпала необходимость вольного найма на вспомогательные, «черные» заводские работы. Вольный наем заметно сократился, но сохранился в дополнение к крепостному труду на рудном и куренном производствах, иногда и на вспомогательных заводских работах.

* * *

Создание рабочих кадров Приокского горного округа имело различные источники и пути. Оно осуществлялось на протяжении почти целого столетия усилиями трех поколений заводчиков. В этом длительном и сложном процессе складывания крепостной рабочей силы ясно наблюдаются три периода, связанные как с ходом государственной политики, так и с личным положением владельцев заводов.

Первый период длился с начала баташевского производства в Тульско-Калужском районе, с начала XVIII в. до 1762 г. На правах посессионных заводчиков Баташевы скупали крестьян и переводили их на свои заводы в качестве мастеровых и работных людей. Приокские заводы явились наследниками уже значительных кадров крепостных работников, сложившихся в этом старинном районе русской металлургии. С основанием первых приокских заводов в 50-х годах количество крепостной рабочей силы быстро и значительно увеличивается.

Второй период охватывал 1762—1783 гг. С изданием указов 1762 г.[73], запрещавших покупку крепостных к заводам для недворянских предпринимателей, процесс создания крепостных кадров приокского горного производства сильно затруднился и усложнился, но не прекратился. В результате на редкость ловкой и успешной деятельности Баташевых происходил дальнейший численный рост крепостных кадров. Этот рост рабочей силы вместе с ростом горного производства обеспечивался покупкой действующих заводов, укомплектованных их прежними владельцами крепостными работниками на правах вотчинников. В результате в условиях действия указов 1762 г., когда распространение посессионного душевладения для недворянских промышленников было на долгие годы приостановлено, Баташевы приобрели большие контингенты крепостной рабочей силы, сумев использовать разные возможности крепостнического порядка для нужд своего производства. Этому же служила покупка ослабевших Сементиновского и Верхотулицкого заводов специально для перевода работников на новое приокское предприятие.

[72] ГИМ, ф. Соймонова, д. 23, лл. 101 об.— 102.

[73] Показательно, что известный исследователь промышленности П. Г. Любомиров считает возможным 1762 год рассматривать как рубежную дату в истории металлургии всей страны («Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России», М., 1937).

После получения Баташевыми дворянства (1783 г.) наступил третий период, когда комплектование заводов крепостными рабочими не встречало никаких внешних препятствий, и уже к концу XVIII в. оно было завершено в полной мере. Массовая покупка крепостных крестьян и перевод их на положение мастеровых и работных людей, либо оставление их на пашне с феодальной повинностью отработки на рудном и куренном производстве барина-заводчика — таково содержание этого периода, наиболее интенсивного в процессе создания многотысячной армии крепостного рабочего населения.

При отсутствии постоянного, достаточного и надежного рынка свободной рабочей силы основные кадры металлургического производства, требующие известной квалификации и безотлучного обращения в работе, могли обеспечиваться лишь за счет крепостных работников. Это обстоятельство, определенное условиями времени, вызвало эволюцию в использовании вольнонаемного труда. В прослеженной нами почти столетней истории баташевского производства удельный вес и содержание вольного труда меняются. На его долю остается хотя и большая по объему, но вспомогательная призаводская работа, в то время как в основном производственном процессе крепостной труд занимает не только преобладающее, но и господствующее положение.

Основным методом создания рабочей силы Приокского горного округа являлась покупка крепостных крестьян с последующим превращением их в заводских работников. Другие методы, наблюдавшиеся в процессе комплектования рабочей силы (приписка «из платежа подушного оклада», временная аренда крестьян у помещиков, прием беглых), имели незначительные размеры и ни в коей мере не могут идти в сравнение с главным методом — покупкой крепостных. При этом крестьяне, насильственно, в силу крепостного права, переводимые на положение мастеровых и работных людей, почти полностью и сразу поры-

вали с прежним земледельческим хозяйственным состоянием. Пашня, как основное средство их существования, заменялась задельной платой за заводские работы.

Приокские горные заводы были лишены помощи государства в снабжении рабочей силой в виде приписки крестьян, непременных работников и т. п., как это наблюдалось в XVIII и начале XIX в. в отношении других посессионных предприятий. Подавляющая масса рабочей силы приокских заводов сложилась за счет покупки крепостных «собственным коштом». При этом производились специальные затраты за счет доходов от заводов, и рабочая сила становилась в этой части своей стоимости как бы постоянным капиталом производства. В этом смысле приокская металлургия представляла собою оригинальный строй промышленности, так же как и уральская, с тем только различием, что методы приписки были первой неизвестны и целиком заменялись методами покупки крепостной рабочей силы.

Процесс формирования кадров крупной промышленности в условиях феодального строя страны отличался длительностью, трудностью и своеобразием. Выявление его особенностей в отдельных промышленных районах позволит осветить те, по выражению К. Маркса, «темноты» так называемого первоначального накопления капитала, которыми столь богата история докапиталистической России.

С. Я. Боровой

РОСТОВЩИЧЕСТВО, КАЗЕННЫЕ ССУДЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ В ПРОЦЕССЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ В РОССИИ

Вопрос о роли ростовщического капитала и государственного долга в процессе первоначального накопления нашел свое глубокое теоретическое освещение в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Они указывали, что ростовщический капитал, являющийся историческим предшественником ссудного капитала, обнаруживает особую активность на поздних стадиях развития феодального общества, играя в этот период противоречивую и двойственную роль.

С одной стороны, ростовщический капитал был существенным фактором в создании двух основных условий возникновения капиталистического производства. Он способствовал отделению мелкого производителя от средств производства. Вместе с тем должна быть учтена и роль ростовщичества как источника накопления больших денежных богатств, которые могли быть в дальнейшем использованы для создания крупных капиталистических предприятий.

Но, с другой стороны, ростовщический капитал тормозил процесс развития новых производственных отношений, поскольку феодальный способ производства обеспечивал ему наиболее благоприятные условия деятельности.

Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно указывали, что кредит сам по себе никогда и ни при каких условиях не «рождает» капитализма. Не являясь господствующим или определяющим фактором экономического развития, кредит иногда выступает как ускоритель развития производительных сил и рождения новых производственных отношений. В других случаях он выступает как сила тормозящая, консервирующая.

Кредит — неизбежный спутник товарно-денежных отношений. Он, как и товарное производство, может обслуживать раз-

© ГПНТБ СО РАН

личные социально-экономические формации. Обслуживал он и феодализм. В условиях господства феодального строя кредитные операции осуществлялись преимущественно (но отнюдь не исключительно) в форме ростовщических операций различного характера.

В одном лишь факте развития кредита, если он был даже облечен в форму деятельности частных или публичных банков, ошибочно было бы видеть доказательство развития капиталистических отношений. Для того чтобы кредит стал фактором, способствующим развитию капитализма, требуются определенные условия. Для этого в первую очередь нужна обстановка, подготовленная всем ходом социально-экономического развития данного общества: условия, когда рабочая сила превращается в товар. Маркс указывал: «Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из орудий, созидающих новый способ производства...» [1].

В известной связи с вопросом о роли ростовщичества находится и другая проблема, тоже входящая в круг «кредитных аспектов» истории развития капиталистических отношений — это вопрос о государственных ссудах и государственном долге как рычагах первоначального накопления.

Напомним, что в 24-й главе I тома «Капитала», где дан классический анализ источников «так называемого первоначального накопления», Маркс специально остановился на роли системы протекционизма как на «искусственном средстве фабриковать фабрикантов» и «насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному». Протекционизм сводился, как указывал там же Маркс, не только к введению покровительственных пошлин и экспортных премий, к уничтожению промышленности в зависимых странах и т. д., он осуществлялся также путем предоставления промышленникам субсидий или льготных ссуд за счет государственного бюджета. Говоря о роли протекционизма в мануфактурный период, Маркс указывал, что «на европейском континенте процесс этот, с лёгкой руки Кольбера, был ещё более упрощён. Первоначальный капитал притекает здесь к промышленникам в значительной мере прямо из государственного казначейства» [2].

Особое значение придавал Маркс в ряду других рычагов первоначального накопления системе общественного кредита, т. е. государственному долгу. Возможность ссужать деньги государству открывала для владельцев «праздношежащих» де-

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 611.
[2] См. К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 760.

нежных средств способ получать значительные и обеспеченные доходы, умножать свои денежные накопления, которые они могли превратить в «капитал».

«Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частноростовщическими операциями» [3].

Из вышесказанного становится совершенно понятным, что при изучении конкретно-исторических особенностей процесса первоначального накопления в той или другой стране нельзя обойти вопроса о том, какую роль в этих процессах сыграли ростовщический капитал, казенные ссуды и субсидии, а также государственный долг.

Между тем при освещении генезиса русского капитализма эти проблемы почти совсем не привлекались исследователями.

Предлагаемая работа не претендует на полное и исчерпывающее исследование этих проблем. Но думается, что изложенные на последующих страницах факты и наблюдения окажутся не лишними при изучении вопроса об особенностях процесса первоначального накопления в России.

* * *

В России XVII—XVIII вв., как в любой феодальной стране, кредитные операции осуществлялись главным образом в старых, традиционных формах — в виде ростовщических операций различного характера. В России того времени ростовщичество не обособилось в особую специальность, оно сочеталось с другими видами хозяйственной деятельности. Поэтому в качестве ростовщиков выступали у нас представители различных общественных групп. Мелким ростовщичеством занимались богатые крестьяне и ремесленники. Ростовщические операции в это время вели также отдельные землевладельцы. В XVII в. наиболее крупными русскими «банкирами» были монастыри. Но основными представителями ростовщического промысла являлись купцы. Торговый и ростовщический капитал выступал в условиях XVII в., не обособившись друг от друга.

С деятельностью ростовщического капитала мы встречаемся в России тех лет во всех сферах хозяйственной жизни.

[3] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 758.

Распространение денежных оброков, взимание налогов в денежной форме, необходимость поддержания процесса воспроизводства не только своей рабочей силой, но и средствами производства (живым и мертвым инвентарем, семенами), для чего подчас требовалось обращение к рынку,— все это создавало объективные предпосылки для деятельности ростовщиков в селе XVII—XVIII вв. как частновладельческом, так и черносошном. К займам прибегали и крестьяне, занимавшиеся торговой и промышленной деятельностью, для увеличения своей предпринимательской прибыли. Такие займы имели, понятно, совсем другое назначение.

Уже в XVII в. мы встречаем отдельных сельских «богатеев», которые занимались ростовщичеством, ссужая главным образом своих односельчан. Например, из завещания, составленного в 1669 г. одним из крестьян морозовских вотчин — З. Обросимовым, мы узнаем, что ему должны были по кабалам различные крестьяне — кто 20 руб., кто — 135 руб. и т. д.[4] Крестьяне кн. Куракина в 1744 г. смогли уплатить оброк, только заняв деньги у крепостных помещика Сомова, а в 1775 г. они брали у «имущих крестьян» «для пропитания заимно деньги» [5]. Ссудными операциями занимались и некоторые крепостные графа Шереметева (в середине XVIII в.)[6].

Однако то обстоятельство, что в России (так же как во всех странах Восточной Европы) зарождение и развитие капиталистического уклада происходило в условиях преобладания не денежной, а отработочной ренты, конечно, сужало сферу деятельности ростовщика на селе. Этим же объясняется, почему в крепостном селе и в эту пору так распространены были ссуды за отработки, а также натуральные ссуды, т. е. выдачи на кабальных условиях ссуд «в рост» зерном, мукой, сеном и т. п.

Комментируя в середине XVIII в., на основании личных наблюдений, термин «жито в насып» (встречающийся в указе 1558 г.), В. Татищев разъяснял: «Долг давали под гребло, а принимали верьхом». Это, по его расчетам, составляло 20% роста [7].

[4] «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. II. М.—Л., 1936, стр. 36, 37.

[5] Э. Коган. Волнения крестьян пензенской вотчины Б. Куракина во время движения Пугачева. «Исторические записки», кн. 37, 1951, стр. 108.

[6] В. Станюкович. Бюджет Шереметевых (1798—1910). М., 1927, стр. 8.

[7] Н. П. Хитрово. Законодательные памятники XVI и XVII столетий... М., 1905, стр. 186.

Примерно такая же процентная норма сохранялась при натуральных ссудах очень долго. Еще в середине XIX в. наблюдатели отмечали, что хлеб выдавали в долг с обязательством вернуть на $^1/_4$ или на $^1/_6$ больше полученного [8].

В условиях крепостного строя крестьянская земля не могла явиться обеспечением ссуды, и это также ограничивало масштабы ростовщических операций. Ссуды (денежные и натуральные) давались, как правило, под залог крестьянского имущества [9].

В условиях крепостного хозяйства, когда и «душевладелец» не мог допустить полной утраты тяглецом орудий производства, залог мог обеспечить только ссуду очень небольшого размера.

Таким образом, обеспечением крестьянской ссуды могла явиться лишь некоторая часть продукта труда (в натуральной или денежной форме), а при отработочной ренте — некоторая доля той части рабочего времени, которую не присвоил себе крепостник.

Совершенно естественно, что кредитно-ростовщические операции сравнительно больше были распространены в оброчных районах, в особенности же в среде черносошных (впоследствии государственных) крестьян. В частности, отмечалось широкое распространение сельского ростовщичества в Олонецкой губ. [10]

В целом же сельское ростовщичество не могло стать тогда существенным фактором разложения существовавших производственных отношений, способствовавшим отделению непосредственного производителя от средств производства и тем самым создающим необходимую предпосылку капиталистического строя.

Однако нет сомнения, что, по мере распространения оброчных форм эксплуатации крестьянства, роста промысловой деятельности, постепенной утраты частью крестьянства связи с землей, сельское ростовщичество во все более заметной степени выступало в роли ускорителя процесса образования класса наемных рабочих.

В основном влияние ростовщичества на социально-экономическое развитие русской крепостной деревни XVII—XVIII вв. полностью определяется словами К. Маркса: «Ростовщичество

[8] «Журнал Министерства государственных имуществ», 1851, № 3, раздел III, стр. 65.

[9] П. Г. Рындзюнский. Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в. «Исторические записки», кн. 4, 1938, стр. 147.

[10] Г. Н. Бибиков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», кн. 4, стр. 76.

© ГПИБ СПбГУ

не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и приводит его в жалкое состояние. Оно высасывает его соки, истощает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях» [11].

Представляется также важным выяснить, какое влияние оказывали ростовщические операции на тех, кто ими занимался. В. И. Ленин указал, какие признаки в конкретно-исторических условиях русской пореформенной деревни свидетельствовали о том, что ростовщик выступал как фактор разложения докапиталистических отношений и формирования капитализма. «...Что в русской общинной деревне роль капитала не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, что капитал обращается также и на производство, это видно из того, что зажиточное крестьянство вкладывает деньги не только в торговые заведения и предприятия..., но и в улучшение хозяйства, в покупку и аренду земли, в улучшение инвентаря, наем рабочих и т. д. Если бы капитал в нашей деревне бессилен был создать что-либо кроме кабалы и ростовщичества, тогда бы мы не могли, по данным о производстве, констатировать разложение крестьянства, образование сельской буржуазии и сельского пролетариата,— тогда бы все крестьянство представляло из себя довольно ровный тип придавленных нуждою хозяев, среди которых выделялись бы лишь ростовщики, выделялись исключительно размером денежного имущества, а не размером и постановкой земледельческого производства» [12].

Это имеющее громадное методологическое значение высказывание В. И. Ленина показывает, что для определения роли ростовщичества в формировании капиталистических отношений в русской деревне изучаемого нами периода мы должны выяснить, не ограничивалась ли в ней роль капитала кабально-ростовщической деятельностью, вкладывали ли зажиточные крестьяне свои деньги в покупку или аренду земли, в улучшение инвентаря, в наем рабочих; представляло ли, наконец, крестьянство достаточно дифференцированную среду.

Конечно, говоря о русском селе XVII—XVIII вв., мы должны дать в целом на эти вопросы отрицательный ответ. В тех конкретно-исторических условиях можно допустить лишь единичные случаи использования денежных средств, накопленных в результате ростовщических операций, для улучшения хозяйства, найма рабочих и т. д. Очевидно, эти средства шли в основном на дальнейшее расширение ростовщических операций

[11] К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 610.
[12] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 152.

или вкладывались в торговлю и в промышленное предпринимательство. Не только на торговых операциях, но и на ростовщичестве вырастали «капиталистые» крестьяне, игравшие в хозяйственной жизни России XVIII в. все возраставшую роль. Причем следует напомнить, что «капиталистые» крестьяне имели большое значение не только в торговле, но некоторые из них — преимущественно со второй половины XVIII в.— выступают в качестве владельцев промышленных предприятий капиталистического типа (т. е. основанных на эксплуатации наемного труда).

Известно, что в условиях экономического и социального господства феодального землевладения особенное значение имело ростовщичество при помощи денежных ссуд знатным расточителям, преимущественно землевладельцам.

По мере углубления общественного разделения труда, развития товарного производства стало обнаруживаться несоответствие между потребностями крепостника-землевладельца в денежных доходах и теми возможностями, которые создавала феодальная эксплуатация крестьян. Она давала доход главным образом в натуральной форме; к тому же далеко не всегда часть присвоенного феодалом продукта крестьянского труда, не потребленного непосредственно крепостником и его челядью, можно было в условиях относительно слабого еще развития рынка реализовать и превратить в деньги.

При неизбежной в условиях феодального строя недостаточности денежных ресурсов государства денежные подачки со стороны правительства, а также денежные доходы — законные и незаконные — представителей высшей администрации (они являлись одновременно и землевладельцами) были тоже ограничены. Все это создавало предпосылки для появления задолженности землевладельцев и создавало широкие возможности для ростовщического капитала.

Из литературы известно о значительных денежных долгах, которыми были обременены крупнейшие землевладельцы конца XV и XVI вв.[13]

В XVII в. едва ли не основными кредиторами землевладельцев выступали монастыри. Особенно широкие ростовщические операции, в том числе и под залог земли, развил Кирилло-Белозерский монастырь. В 1601 г. в его казне было 154 денежных

[13] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. II. М., 1954, стр. 54 и сл.; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 44.

обязательства [14]. Архангельский монастырь на Устюге с 1624 по 1648 г. выдал 47 ссуд под залог земли [15].

Богатства, которые накапливали монастыри в результате ростовщической деятельности (так же как и других хозяйственных операций, и в результате аккумуляции вкладов, пожалований и т. д.), в некоторой своей части шли на улучшение хозяйства. Но это служило в конечном счете укреплению монастырского хозяйства как важного в ту пору сектора феодального хозяйства.

Вместе с тем — и это в плане нашей работы должно быть подчеркнуто — монастыри того времени были «банками» и для представителей торгового и ростовщического капитала, о чем будет дальше сказано подробнее.

Однако в XVII в. и в первые десятилетия XVIII в. задолженность крепостнического землевладения еще не вырастала в сколько-нибудь серьезную экономическую или социально-политическую проблему [16]. Перед феодальным классом открывались еще громадные возможности по укреплению своих экономических позиций за счет захвата «черных» земель, закрепощения новых групп крестьян, расширения барской запашки и т. п. Больше того, некоторые крупные землевладельцы располагали настолько большими резервами «свободных» денежных средств, что сами выступали не как должники, а как «банкиры» крупных масштабов. Так, известен своими обширными кредитными операциями крупнейший землевладелец и предприниматель XVII в. боярин Б. И. Морозов. Около 80 тыс. руб. было им роздано в кабальные ссуды. Вместе с тем он предоставлял ссуды и своим крестьянам, занимавшимся торговлей. Так, Ивану Антропову, судовладельцу и торговцу солью, он выдал ссуду в 2 тыс. руб.; Антропу Леонтьеву — 1 тыс. руб., другим крестьянам меньшие, но все же весьма значительные по тому времени суммы [17].

[14] Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в., т. I, вып. II. СПб., 1910, стр. 240—245.

[15] О ростовщической деятельности монастырей см. также «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.» М.—Л., 1948, стр. 117—160; А. Г. Маньков. Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI в. как источник по истории крестьян. «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 297 и сл. Ср. также И. М. Кулишер. История русского народного хозяйства, т. II. М., 1925, стр. 386 и сл.; С. В. Бахрушин. Указ. соч., т. II, стр. 41, 42.

[16] Показательно, что подробный анализ деятельности среднего вотчинника конца XVII в. стольника А. И. Безобразова не обнаруживает следов кредитно-ссудных операций. Ср. А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.—Л., 1929.

[17] «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», вып. II. Л., 1936, стр. 146, 194, 240—256.

Немаловажной помехой для широкого развития кредитования являлась в ту пору недостаточная правовая обеспеченность кредитора. Ведь основной формой обеспечения погашения долга был правеж и отдача «в зажив» [18].

Такие формы обеспечения долга практически могли применяться только в отношении должников, принадлежавших к социальным низам. Правда, Уложение 1649 г. предусматривало: «...а которые дворяне и дети боярские и всяких чинов люди в истцовых в кабальных и бескабальных исках по ссудным делам будут обвинены, и им или людям их стояти на правеже во сте рублях месяц» (гл. X, ст. 269). Но здесь обращает на себя внимание возможность поставить вместо себя на правеж «людей», что, понятно, снижало эффективность операции.

Понятно, что заимодавцы, имевшие дело с землевладельцами, к которым был практически неприменим правеж или «зажив», нуждались в более реальном обеспечении займа. Обычно землевладельцы получали ссуды под залог земли. Но в условиях сословно-крепостнического строя получение ссуд под залог земли было связано с некоторыми правовыми трудностями. Еще в начале XVII в. закон допускал в качестве обеспечения ссуды только движимое имущество и личность должника. Уложение 1649 г. разрешило залог вотчинных земель (но без крестьян), а закон 1656 г.— неселенных поместных земель. Только с 1685 г. обеспечением ссуды могло служить любое имущество [19]. Но само собою разумеется, что заимодавец мог получить в собственность населенные земли только в том случае, если он по своему сословному положению имел на это право. Обычно сейчас же по получении ссуды земля передавалась заимодавцу. Доход, получавшийся с земли, являлся как бы «ростом» и вместе с тем гарантировал интересы кредитора.

Такая практика приобрела особое значение потому, что, несмотря на развитие кредитных отношений, законодательство не только не создало прочной легальной основы для ссудных операций, но даже, вопреки логике и тенденциям экономического развития (преследуя, очевидно, в первую очередь задачу защиты дворянского землевладения), огульно запретило выдачу ссуд в рост.

Если ряд законодательных памятников XVI—XVII вв. рассматривал ростовщичество как нормальное и легальное явле-

[18] Е. Н. Кушева. Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в. Сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 24.

[19] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. СПб.— Киев, 1909, стр. 573 и сл.; В. Удинцев. История займа. Киев, 1908, стр. 168—222; И. М. Кулишер. Указ соч., стр. 393 и сл.

ние, то указ 1626 г. разрешил взимать рост только на протяжении пяти лет, пока процентные платежи не составят полученную ссуду. Имелась в виду, как мы видим, ссуда из 20% годовых.

Уложение 1649 г. в абсолютной и обобщенной форме запретило процентные ссуды (см. главу X, ст. 255) [20].

Совершенно ясно, что эти законоположения, как и все многочисленные аналогичные постановления, не имели большого практического значения, хотя, естественно, осложняли деятельность ростовщиков. Наиболее обычным способом обхода закона была выписка кабалы на сумму долга, к которой заранее приписывались и проценты. Так, в 1667 г. боярином Морозовым была дана бобылю Савке Телятникову ссуда в размере 22 руб., а кабала была взята в 50 руб. [21]

Упомянутая статья Уложения формально сохраняла силу более ста лет, вплоть до манифеста 1754 г. об «указных процентах», установившего максимальный размер ссудной ставки в 6% годовых. Однако на протяжении этих ста лет неоднократно встречаются официальные документы и законодательные акты, говорящие о процентных ссудах.

Такое отсутствие последовательности и ясности в законодательстве и в административной практике по кредитным вопросам в России XVII — начала XVIII в. свидетельствовало, на наш взгляд, о тогдашней сравнительно небольшой заинтересованности господствующего класса в кредите, об относительно небольшом распространении задолженности крепостнического землевладения.

Положение заметнейшим образом изменится к середине XVIII в.

Несоответствие между доходами, извлекавшимися землевладельцами из принадлежавших им хозяйств, и их потребностями в денежных поступлениях все усиливалось, и это являлось одним из проявлений зарождавшегося кризиса крепостного хозяйства. Доходность поместий в условиях крепостничества, крайне ограничивавшего рост производительности труда, могла повышаться только в очень незначительных размерах, как ни изощрялись крепостники в изобретении новых и более жестоких методов эксплуатации.

Потребности дворянства росли, изменялись условия его быта, все меньшая доля потребностей могла покрываться за счет натуральных поступлений из поместий, оставшихся материальной основой экономического и политического господства дворянства. Мотовство и роскошь превращались в обязательный атрибут поведения. Известна особенность дворянской «экономики» того времени — жить не сообразно доходам, а любыми средствами обеспечить денежные поступления, необходимые для поддержания уровня жизни, «достойного» «благородного сословия».

[20] Ср. М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 605; В. Удинцев. Указ. соч., стр. 81.

[21] «Хозяйство крупного феодала-крепостника», вып. I. Л, 1933, стр. 172.

Все большее втягивание помещичьего хозяйства в стихию товарно-денежных отношений создавало объективные экономические предпосылки для увеличения объема кредитования землевладельцев. Ведь понятно, что только по мере развития товарности сельского хозяйства землевладелец мог становиться крупным, постоянным и более надежным (с точки зрения ростовщика) объектом кредитования.

Известно, каких больших и все возрастающих размеров достигла задолженность русского дворянства во второй половине XVIII в., как широко оно прибегало к «услугам» ростовщиков. О пользовании ростовщическим кредитом свидетельствовали многие выступления депутатов в Уложенной комиссии 1767 г.[22] Об этом же свидетельствовал представленный в 1791 г. Г. Державиным план организации «Патриотического банка», имевшего задачей вызволение дворянства из лап ростовщиков [23].

Законодательство дворянского государства делало невозможным легальный переход дворянских земель в руки представителей других сословий. Но среди ростовщиков были и дворяне, а ростовщики-недворяне небезуспешно прибегали ко всякого рода подставным лицам и юридическим трюкам.

Перед встревоженным воображением некоторых идеологов дворянства вырисовывалась «страшная» перспектива утраты «благородным сословием» своих владений. Так, А. Болотов писал: «Роскоши и непомерное мотовство большей части наших дворян скоро произведут то, что большая часть наших сел и деревень принадлежать будут фабрикантам, купцам, подьячим, секретарям, докторам и лекарям, и не мы, а они господами и владельцами будут» [24].

На каких условиях предоставлялись землевладельцам ссуды ростовщиками, говорят многие документы того времени.

В. Татищев писал: «Я памятую, как у нас 20 и по 25 на 100 брали, а 15 было среднее» [25].

[22] «Сб. РИО», т. 4. СПб., 1869, стр. 202; т. 8. СПб., 1871, стр. 309 и сл.

[23] Г. Р. Державин. Соч., т. VI. СПб., 1871, стр. 623.

[24] «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», т. IV. СПб., 1873, стб. 967.

[25] Н. П. Хитрово. Указ. соч., 186.

Указ 1733 г. говорил: «Многие российские наши подданные, имея в деньгах нужду, принуждены занимать... с несносными великими процентами и с закладами такими, которые против взятья денег в полтора или вдвое стоить может... и дают не токмо по 12, но и по 15 и по 20 процентов, чего во всем свете не водится... Також есть такие безсовестные грабители, что по прошествии срока несколько малых дней того положенного заклада, хотя б и деньги приносил, не отдают» [26]. Указ 1754 г. об «учреждении государственного Заемного банка, о порядке выдачи из оного денег и о наказании ростовщиков» почти текстуально повторял эти замечания о ростовщиках [27].

Указ 1764 г. опять вспоминал о ростовщиках, берущих «сверх 6 до 20 и свыше» процентов, «смотря по нужде» просителя [28]. Манифест 1786 г. снова говорил о необходимости обуздать «лихву» [29]. А указ об учреждении Вспомогательного банка для дворянства (1797 г.) с горечью констатировал, что значительная часть землевладельцев попала в «руки алчных корыстолюбцев и ростовщиков» [30].

О величине процентной ставки, взимавшейся ростовщиками с землевладельцев и дворян, свидетельствуют и другие источники. Это явление нашло отражение и в тогдашней литературе [31].

Рост задолженности помещичьего землевладения — одно из второстепенных проявлений противоречий социально-экономического развития России того времени — в условиях политической гегемонии дворянства определил (вплоть до ликвидации крепостного строя) основные задачи кредитной политики царизма. Русские банки XVIII в. олицетворяли «полемическую форму против старомодного ростовщика» [32]. Все они, за исключением недолго существовавшего «Банка для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции» и Астраханского банка, были поставлены на службу дворянству.

Банк для дворянства, основанный в 1754 г. и реорганизованный в 1786 г. в Заемный банк, Сохранные казны при Петербургском и Московском Воспитательных домах (основанные в

[26] ПСЗ, т. IX, № 6300, стр. 6.
[27] ПСЗ, т. XIV, № 10235, стр. 87—94.
[28] ПСЗ, т. XVI, № 12124, стр. 700.
[29] ПСЗ, т. XXII, № 16407, стр. 616.
[30] ПСЗ, т. XXIV, № 18274, стр. 823.
[31] А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, ч. V. М., 1787, стр. 64, 105. «Пустомеля», СПб., 1769, л. VI, ср. также л. XI.
[32] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III. Партиздат, 1936, стр. 346.

1772 г.), Вспомогательный банк для дворянства (1798—1802 гг.), Приказы общественного призрения (основанные в 1775 г.),— все они имели единственную задачу: выдавать дворянам-землевладельцам долгосрочные дешевые ссуды (из 6% годовых). Размер ссуды определялся количеством «душ» в закладываемом поместье.

На протяжении XVIII в. органы кредитования помещичьего землевладения раздали в виде ссуд (многие из которых превратились в безвозвратные) громадные суммы. К середине 90-х годов XVIII в. размер выданных ссуд определялся примерно в 30 млн. руб. А основанный в 1798 г. Вспомогательный банк за четыре года своей деятельности роздал 50 млн. руб.[33]

Миллионы рублей, направленные на кредитование дворянского землевладения, не сыграли никакой положительной роли в хозяйственном развитии страны. Все ссуды, которые получали землевладельцы как от ростовщиков, так и из банков, шли в подавляющей своей части на непроизводительные расходы.

Понятно, что полное удовлетворение потребности дворянства в дешевом и льготном кредите было неосуществимо. И дворянство, до конца используя все ресурсы казенных банков, продолжало широко прибегать к ссудам у ростовщиков.

Хотя инициатор учреждения Банка для дворянства П. Шувалов в 1757 г. утверждал, что после организации банка «не токмо из банка по шести процентов деньги свободно раздаются, но из партикулярных домов великие суммы по тем же указным процентам розданы, так что бремя бывших неумеренных процентов никто не чувствует» [34], известные нам факты свидетельствуют об ином. Существование казенных банков могло только на короткие сроки, да и то преимущественно в столицах, уменьшить процентную ставку ростовщиков.

Кроме того, не надо забывать, что банковские ссуды, особенно в первые десятилетия существования дворянского банка, были в основном разобраны небольшой кучкой знати. В указе, обнародованном в предпоследний день царствования Петра III, писалось, что «банки имели служить для вспоможения всему обществу, но нам известно, что следствие весьма мало соответствовало намерению, и банковые деньги оставались по

[33] О кредитовании дворянского землевладения банками в XVIII в. см. мои статьи: «Банки в России в первые десятилетия их существования». «Сборник трудов Одесского кредитно-экономического института». т. 1. Одесса, 1940; «Банки в России в последней четверти XVIII в.» Там же, т. II. Одесса, 1947; «Вспомогательный банк». «Исторические записки», кн. 44, 1953.
[34] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3068, л. 346.

большей части в одних тех руках, кои розданы с самого начала» [35].

Нет возможности даже очень приблизительно установить общие размеры задолженности дворянства ростовщикам в этот период. Но что эта задолженность к концу XVIII в. измерялась десятками миллионов рублей, это может быть показано на целом ряде фактов.

Один из крупнейших землевладельцев России — граф Шереметев уже в середине XVIII в. никак не сводил концов с концами и брал ссуды не только у купцов, но и у своих богатых крестьян [36]. К 1800 г. его долг достигал 2 млн. руб. [37] Громадными ссудами, частично тоже полученными у частных «банкиров», пользовались крупнейшие горнозаводчики и «душевладельцы» Демидовы; долг Н. Демидова на 1794 г. измерялся цифрой в 818 тыс. руб.[38]

Учрежденный в 1798 г. Вспомогательный банк для дворянства, по идее его организаторов, имел своей целью не раздачу новых ссуд дворянам, а предоставление им возможности погасить свою задолженность у ростовщиков. Для этой цели банк роздал 50 млн. руб. Другое дело, что на практике только небольшая часть этой суммы пошла на покрытие старых долгов. Но даже по официальным данным, на 4 декабря 1799 г. через посредство банка было удовлетворено кредиторов на 5 480 700 руб.[39]

Одной из форм операций по кредитованию дворянства ростовщическим капиталом был «учет» денежных бумаг, выпускавшихся Сохранными кассами Воспитательных домов, которые с конца XVIII в. превратились в основной орган по кредитованию дворянства и Вспомогательным банком.

Спрос на ссуды из Сохранных касс опекунских советов Воспитательных домов был настолько велик, что, по истощении наличных денег, Московский опекунский совет стал выпускать «билеты Сохранной казны». Таких билетов только в 1783 г. было выпущено на 363 тыс. руб. Эти билеты учитывались у частных дисконтеров-ростовщиков из 20—25%. В 1793 г. был запрещен дальнейший выпуск билетов, и они были выкуплены [40]. Таким образом, эта операция оказалась очень выгодной для ростовщиков.

Не менее выгодной операцией для частных «банкиров» явился учет билетов Вспомогательного банка. Последние должны были разменяваться на наличные, но из-за отсутствия свободных средств часто случались перебои. Это привело к тому, что билеты учитывались у ростовщиков из 15%. Если учесть, что из 50-миллионного выпуска на руки должников банка было выдано билетов на 38 млн. руб. [41], то станет ясно, какие громадные барыши могла принести ростовщикам эта операция.

Выше упоминалось, что кредиторы дворянства в XVIII — начале XIX в. принадлежали как к «благородному сословию», так и к другим слоям общества (главным образом это были купцы, а также «капиталистые» крестьяне). Известен ярославский помещик, который был должен своим крестьянам свыше 100 тыс. руб.[42]

В условиях крепостного строя нередки были случаи, когда помещик насильственно превращал более зажиточных крестьян в своих кредиторов [43].

Н. С. Мордвинов, конечно, имел в своем распоряжении достаточное количество фактов, когда писал: «Очень в редкость, дабы крестьяне занимали свои деньги помещикам своим. Причиною тому, как известно, есть то, что потребовать оных обратно и в случае неуплаты пожаловаться крестьянину невозможно» [44].

Совершенно понятно, что такого рода «ссудные операции» не могли стать источником обогащения крестьянской верхушки. Они показывают, в какой сложной и противоречивой обстановке происходил процесс ее формирования в условиях крепостнического бесправия.

Приведенные выше данные достаточно ясно говорят о том, что кредитование дворянского землевладения являлось в ту пору важнейшей сферой деятельности ростовщического капитала. При некоторой рискованности этих операций и их

[35] ПСЗ, т. XV, № 11581, стр. 1050.

[36] В. Станюкович. Указ. соч., стр. 8—9.

[37] К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, стр. 85. О задолженности помещиков в начале XIX в. см. К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. М., 1951, стр. 14, а также «Декабрист Н. И. Тургенев». М.— Л., 1936, стр. 341.

[38] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.— Л., 1949, стр. 482.

[39] ЦГАДА, Госархив, Разряд XIX, д. 13 (дополнительная нумерация), л. 330.

[40] А. П. Пятковский. Санкт-Петербургский Воспитательный дом под управлением И. И. Бецкого. «Русская старина», 1875, т. XIII, май — август, стр. 184, 540.

[41] Подробнее см. в моей статье «Вспомогательный банк». «Исторические записки», кн. 44, стр. 223.

[42] И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX в. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 56.

[43] А. Разгон. К истории разложения крестьянства во второй половине XVIII в. «Вопросы истории», 1955, № 9, стр. 69.

[44] «Архив Мордвиновых», т. III. СПб., 1902, стр. 646.

недостаточной правовой обеспеченности они должны были в целом давать громадные барыши. А. Радищев в «Проекте гражданского уложения» (написан примерно в 1801 г.), говоря о практической бесцельности и вредности закона о «лихве» и обобщая свои наблюдения, свидетельствовал: «Лихва тем больше, проценты тем дороже, чем больше может быть опасности в нарушении закона» [45].

Ростовщичество изымало заметную долю феодальной ренты у землевладельцев в пользу буржуазных элементов. Поэтому не может быть никаких сомнений в том, что в условиях России XVIII и начала XIX в. операции ростовщиков по кредитованию землевладельцев должны рассматриваться как один из важнейших источников первоначального накопления.

Наряду с кредитованием крепостников-землевладельцев обширнейшей сферой деятельности ростовщического капитала в России рассматриваемого нами периода было кредитование торговых операций. При незначительности свободных денежных средств, крайней медлительности товарооборота, сезонной и порайонной разнице цен ссуды становились во многих случаях необходимым условием ведения торговли.

История купеческого капитала в России феодально-крепостнической эпохи в последнее время являлась неоднократно предметом специального изучения. Но и в монографиях на эту тему не ставился вопрос о роли ростовщичества в кредитовании торговли, о доле торговой прибыли, попадавшей тогда в руки ростовщиков, и т. д. Между тем освещение этого вопроса очень важно для выяснения того, в какой мере ростовщические операции по кредитованию торговли должны быть введены в круг источников первоначального накопления.

Выше уже отмечалось, что ростовщичество в ту пору (особенно в XVII — начале XVIII в.) еще не обособилось, как правило, от торговли. Оно сочеталось в самых разных формах с торговой деятельностью.

Как показывают многочисленные наблюдения, одни и те же купцы в зависимости от условий торговли выступали то как кредиторы, то как должники. В XVII в. крупные тихвинские купцы, наряду с торговыми делами, вели и ростовщические операции, кредитуя других купцов [46].

В торговой практике того времени мы встречаемся и со случаями, когда ростовщики требовали от своих «клиентов» опре-

[45] А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. III. М.—Л., 1952, стр. 231.

[46] К. Н. Сорбина. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.—Л., 1951, стр. 287.

деленной доли барыша. Так, в середине XVII в. один воронежский ростовщик условием ссуды ставил внесение сверх суммы долга половины барыша по торговой операции, проведенной на деньги, взятые в кредит [47].

Бывало и так, что приказчики получали известную сумму и обязывались возвратить «истину» (т. е. ссуженную сумму) и сверх того внести определенную часть прибыли, которая равнялась 20%, а иногда 25% годовых — обычный процент при тогдашних кредитных сделках [48].

Крупные кредитные операции, носившие в значительной мере ростовщический характер, проводил в последние годы XVII в. гость Никитин [49].

На рубеже XVII и XVIII вв. крупнейшими монетно-ростовщическими операциями занимался московский купец Зубков. В 1702 г. он вместе с сыновьями и тремя компаньонами взял на Монетном дворе 110 тыс. руб. новых денег для обмена на старые (более полновесные). Эти деньги раздавались под кабалы различным торговым людям, которые обязывались возвратить долг старыми деньгами [50].

Казанский купец И. Микляев свои разнообразные торги и промыслы в значительной части вел в кредит [51].

Даже в отдаленных районах страны широко прибегали к кредиту. Так, Елисей Буза, стоявший в 1663 г. во главе компании «служилых, торговых и промысловых людей», промышлявших соболя на Лене, вел операции преимущественно на занятые средства. Значительные кредитные операции в Сибири XVII в. проводили крупные торговые люди Осколковы [52].

Но кредитованием торговли занимались не только купцы-ростовщики. Этим занимались крупные светские и духовные землевладельцы.

«Торговые крестьяне» XVII в., как правило, вели свои операции в основном на взятые в ссуду деньги, причем часто в качестве кредиторов выступали их «душевладельцы». Мы знаем, например, что у крестьянина О. Ногина было «в торговле»

[47] Е. В. Чистякова. Ремесло и торговля на воронежском посаде в середине XVII в. «Труды Воронежского гос. ун-та», т. XXI, 1954, стр. 60.

[48] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, стр. 141.

[49] Там же, т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 245.

[50] Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953, стр. 406.

[51] Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья. Сб. «Петр Великий», т. I. М.—Л., 1947, стр. 225.

[52] Г. Вернадский. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в. «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1915, № 4, стр. 343.

350 руб., а у нижегородского крестьянина И. Суровцева — 500 руб. «хозяйских животов» [53].

Монастыри, как свидетельствуют многочисленные, хорошо известные в науке документы, широко раздавали деньги в рост: мелкие кабальные ссуды — крестьянам, ремесленникам; более крупные ссуды — купцам и землевладельцам, в том числе и бедным монастырям [54].

Свои торговые операции с Прибалтикой крупные купцы середины XVII в. крестьяне Усовы вели в значительной степени за счет ссуды, полученной в московском Страстном монастыре [55].

Насколько часто купцы прибегали к услугам ростовщиков, говорит тот факт, что при взыскании чрезвычайных налогов («пятинных денег») в 1615 и 1634 гг. было предусмотрено, чтобы торговцы и промышленники, которые предъявляли кабалы, свидетельствовавшие о том, что «они торговали чужими животы», от уплаты налога освобождались; налог должны были уплатить заимодавцы, которые «по росту деньги дают» [56].

Ограниченность «свободных» средств на денежном рынке, недостаточная обеспеченность кредита в условиях феодального государства, не создавшего прочной правовой защиты интересов представителей ростовщического капитала, рискованность торговых операций, под которые давались ссуды (из-за транспортных и других трудностей), отсутствие каких-либо форм организованного кредита — все это делало тогда неизбежной дороговизну кредита. Однако не следует преувеличивать размер ссудного процента в России того времени, а значит и степень неразвитости товарно-денежных отношений.

Кредитные операции совершали и иностранные купцы, занимавшиеся торговой деятельностью в России в XVII—XVIII вв. Они использовали недостаток оборотных средств у русских купцов и сравнительную дороговизну кредита.

Напомню, что первый неосуществившийся проект создания банка в России (1665 г.) был связан с попыткой освободить русских купцов-экспортеров от необходимости получать ссуды

[53] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, стр. 127, 130—131.

[54] Так, в начале XVII в. в кладовых Кирилло-Белозерского монастыря хранились серебряные сосуды, заложенные в обеспечение долга в 100 руб. Ферапонтовым монастырем. См. Н. Никольский. Указ. соч., стр. 243.

[55] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, стр. 128.

[56] С. Б. Веселовский. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908, стр. 46—47; Е. Сташевский. Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства. ЖМНП, 1912, № 4, стр. 280.

у иностранцев [57]. Но деятельность иностранных купцов, занимавшихся ростовщическими операциями в России, может иметь значение при изучении источников первоначального накопления в соответствующих странах (Англия, Голландия и пр.). В рамках нашей работы эта тема не должна рассматриваться.

Изучение источников по истории русской торговли XVIII и начала XIX в. показывает, что и в эти годы ростовщический капитал играл большую роль в кредитовании торговли.

Как отмечает Е. И. Заозерская, специально занимавшаяся этим вопросом, «данные сказок 1704 г. прежде всего обнаруживают, что среди торговых людей разных категорий почти не было таких, которые вели бы операции только за свой счет; всюду «заемные деньги» или «должные товары». «Большая часть почти каждой сказки занята перечислением собственных долгов или того, что следует «из долгов взять». В кредит вели свои операции самые крупные из крупных торговых людей Москвы и других городов. Занимали большими или мелкими суммами у русских и иностранцев, у своей братьи и на стороне. «Малопожиточные» торговые люди чаще занимали не деньги, а брали в долг товар «до спуска». При этом в огромном большинстве случаев собственное состояние — «животы и промыслы» — не обеспечивали платежеспособности должника» [58].

Депутат Великого Устюга на заседании Уложенной комиссии в 1767 г. заявил: «Всякому известно, что купцы везде не все на наличные деньги, но, занимая, по большой части в долги производят торги свои» [59].

В 1748 г. В. Татищев подчеркивал значение кредита для развития торговли и указывал, что предоставление ссуд купцам сопряжено с большим риском в виду недостаточной правовой защиты заимодавцев, «для того ныне купцам уже никто верить и деньги давать не хочет» [60].

Первый русский торговый банк, учрежденный в 1754 г., очень скоро раздал небольшой кучке клиентов из числа крупнейших петербургских купцов те незначительные суммы, которые были предоставлены ему казначейством (500 тыс. руб.). Его операции ограничены были выдачей краткосрочных ссуд под залог товаров, находившихся на складах в петербургском порту. Банк не производил такой основной для купеческих банков того времени операции, как учет векселей. Он не занимался

[57] См. мою статью: «Попытка создания банка в России в XVII в.» «Деньги и кредит», 1947, № 1.

[58] Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности, стр. 388.

[59] «Сб. РИО», т. 8, стр. 395.

[60] «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 410 и сл.

и межкупеческими расчетами, переводными операциями. Банк даже не принимал вкладов [61].

Совершенно ясно, что Коммерческий банк (к тому же в 1770 г. прекративший свои активные операции, а в 1782 г. формально ликвидированный) не мог сыграть какой-либо заметной роли в освобождении русского купечества от необходимости обращаться к ростовщикам.

Особенную ценность имеют замечания А. Радищева о роли ростовщического капитала в торговле Сибири. В «Описании Тобольского наместничества», написанном в 1791 г., Радищев отметил, как отрицательно отражался на развитии торговых операций тобольских купцов недостаток собственных капиталов. При этих условиях они «принуждены бывают занимать большие суммы, платя рост чрезмерный». Поэтому купцы вынуждены реализовать свои товары по очень низким ценам в то время, как тобольские ростовщики, «имея несколько тысяч лежащих денег, пользуются таковыми случаями и барыши получают по 200 и 300 на 100» [62].

Сохранилось много документов, говорящих, что и в те годы, когда банк функционировал, русские купцы, проводившие внешнеторговые операции, получали ссуды у купцов-ростовщиков, преимущественно иностранцев. Так, в 1760 г. в своей жалобе на засилие иностранных купцов представители купечества Петербурга, Москвы и других городов писали, что иностранные купцы продают товары «больше кредитом», а русские купцы «взятые ими в долги иностранные товары внутрь России продают с великим убытком и с раздачей в долги в дальние сроки» [63].

Высокий ссудный процент, который брали иностранцы, давая русским купцам товары в кредит, они оправдывали ссылкой на якобы частые банкротства русских купцов. Бюшинг в 1763 г. писал, что «миллионы денег разных народов потеряны в России нарушением кредита» [64]. Только через тридцать лет с резким опровержением утверждения Бюшинга выступил В. Крестинин. Замечательный самородок-краевед и историк, выходец из среды архангельского купечества, Крестинин в своей любопытной статье доказал, что, судя по данным Архангельска (начиная с 1745 г.), русские купцы куда больше страдали от банкротства иностранцев, чем наоборот [65].

Более интересные соображения высказал Шерер. Высоту ссудного процента в России он объяснял недостаточностью правовой защиты заимодавцев. Поскольку, по его словам, русские купцы в основном крепостные, а последним запрещено выдавать векселя,— долговые обязательства русских купцов большей частью лишены юридической силы [66].

В 1793 г. петербургское купечество вновь поставило вопрос о расширении кредитования торговли как средстве освобождения от необходимости прибегать к дорогому кредиту у иностранцев [67].

Хотя в этих документах говорилось о засилии иностранцев-ростовщиков, это не должно создавать ложного представления об отсутствии русских ростовщиков. Последние исследования показывают, что не следует преувеличивать роль иностранных купцов (очевидно, и ростовщиков) в русской внешней торговле [68]. Нет основания сомневаться в том, что кредитование внутренней торговли было почти безраздельно ареной деятельности русского ростовщического капитала.

То, как верхушка русского купечества сочетала торговую деятельность с ростовщичеством, ярко описывалось в докладе Комиссии о коммерции: «Сильный и денежный купец в Гостином дворе... многим сидельцам, которых он избирает из бедных купцов или купечествующих крестьян, раздает свои капиталы на выручку под видом разделения барышей, по меньшей мере из 30%» [69].

---

[61] Работа В. Н. Яковцевского («Купеческий капитал в феодально-крепостнической России», М., 1953), которая в своих основных разделах представляет немалый интерес, в нескольких замечаниях, посвященных Коммерческому банку, дает неточное освещение вопроса. Автор заявляет, что банк давал ссуды под векселя (см. стр. 40); между тем для этого банка особенно характерным было как раз то, что он не производил учетно-ссудных операций. Руководитель банка, президент Коммерц-коллегии Евреинов, назван крупнейшим купцом (там же). Это создает совершенно неправильное представление о банке как «общественном» купеческом учреждении.

[62] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. III, стр. 141.

[63] М. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. IV, кн. VI. М., 1786, стр. 527.

[64] A. Büsching. Neue Beschreibung des Russischen Reiches. Hamburg, 1763, S. 754.

[65] «Новые ежемесячные сочинения», т. LXXVI, октябрь, 1792, стр. 4 и сл.

[66] J.-B. Scherer. Histoire raisonnée de commerce de la Russie, vol. I. Paris, 1788, p. 97 и сл.

[67] Н. Н. Фирсов. Вопрос о причинах падения вексельного курса... в царствование Екатерины II. «Исторические характеристики и эскизы», т. I. Казань, 1921, стр. 214 и сл.

[68] См. Н. Л. Рубинштейн. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. «Исторические записки», кн. 54, 1955.

[69] В. Н. Яковцевский. Указ. соч., стр. 46.

Есть много данных о кредитовании крупными купцами «торгующих крестьян». В Уложенной комиссии даже выдвигалось предложение (в нем нашло отражение стремление гильдейского купечества полностью монополизировать рынок) о запрещении купцам кредитовать крестьян и разночинцев, так как многие из них, «проторговавшись, приходят в банкрутство, и, не заплатя купцам за забранные у них товары, скрываются из городов» [70].

О необходимости освободить купечество от зависимости по отношению к ростовщическому капиталу говорили во второй половине XVIII в. некоторые представители русской передовой экономической мысли. Так, профессор Московского университета И. Г. Рейхель в статье «Политические рассуждения о коммерции» (1762 г.) видел главную причину дороговизны торгового кредита в России в том, что основным объектом кредитования является дворянская земельная собственность [71]. О значении кредита для развития торговли писал и такой выдающийся русский экономист того времени, как И. Третьяков [72]. Наконец, напомним, что Н. Новиков в своей статье (анонимной) «О торговле вообще» тоже коснулся этой темы [73]. Эти авторы противопоставляли дешевый, организованный кредит, способствующий торговле и хозяйственной жизни вообще, ростовщичеству, являющемуся, с их точки зрения, тормозом на путях экономического прогресса.

Все эти факты и наблюдения — число их можно было бы умножить — бесспорно свидетельствуют о том, что в России XVIII в. значительную долю торговой прибыли составлял процент ростовщика, что ростовщичество нашло не только в землевладении, но и в торговле важную сферу приложения. Таким образом, перечисляя источники первоначального накопления в России того времени, мы должны, наряду с торговлей, уделить заметное место и ростовщичеству, в частности, его операциям по кредитованию торговли.

[70] «Сб. РИО», т. 8, стр. 42. Отмечу, что наказы и выступления купеческих депутатов в Уложенной комиссии свидетельствуют о большой роли кредита в тогдашней торговой практике.

[71] «Собрание лучших сочинений...», ч. 2. М., 1762, стр. 249.

[72] И. Третьяков. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как древних, так и нынешних народов. М., 1772.

[73] Перепечатано в кн. Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.— Л., 1951, стр. 507—561. Несмотря на широкое использование современной иностранной литературы (в том числе работ Рейналя), эта статья должна рассматриваться как оригинальное произведение Новикова. Обоснование авторства Новикова дано Г. П. Макогоненко в кн. «Николай Новиков и русское просвещение XVIII в.» М.— Л., 1952, стр. 498.

* * *

Уже во второй половине XVII в. правительство, заинтересованное в развитии некоторых отраслей промышленности, вынуждено было во многих случаях предоставлять денежные субсидии или ссуды промышленникам.

Очень интересные факты этого порядка связаны с возникновением первых русских мануфактур.

В жалованной грамоте 1632 г., в которой Андрею Виниусу предоставлялось право на постройку Тульского завода, было, между прочим, написано: «Велели им дать на задаток из нашие Большие казны три тысячи рублев, и вперед им в те урочные десять лет велели давать ежегодно по тому же, по три тысячи рублев» [74].

И в дальнейшем владельцы тульских заводов неоднократно пользовались казенными ссудами. Так, Филимон Акема получил сроком на 5 лет 5 тыс. руб., а Марселис в 1668 г. взял в Пушкарском приказе взаймы тысячу рублей [75]. В 1683 г. было дано распоряжение Олонецкой приказной избе о выдаче А. Бутенанту и Х. Марселису «к рудосыскным делам из таможенных и из кабацких зборов взаймы денег 1000 руб.» [76]

Государственными ссудами пользовались и другие владельцы мануфактур второй половины XVII в. Устроитель суконной мануфактуры Сведен получил в 1667 г. взаймы из казны 2225 руб.[77]; владелец шелковой мануфактуры Паульсон получил взаймы в 1681 г. 2 тыс. руб., сроком на 10 лет [78].

Однако не следует забывать, что основной формой правительственной помощи возникающим промышленным предприятиям являлись тогда не денежные ссуды, а пожалования землей, недрами и, что особенно характерно, крепостной рабочей силой.

В первой четверти XVIII в. насущнейшие государственные потребности выдвигали все новые задачи в области промышленного строительства. В условиях ограниченности государственных денежных ресурсов правительство Петра I стремилось к промышленному предпринимательству привлечь также и част-

[74] Цит. по книге: Н. Б. Бакланов, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов. Тульские и каширские заводы в XVII в. М.— Л., 1934, стр. 12.

[75] «Крепостная мануфактура в России», ч. I. Л., 1930, стр. 230—239.

[76] Там же, ч. II. Л., 1931, стр. 135.

[77] И. М. Кулишер. Указ. соч., стр. 255.

[78] И. Лермонтов. Шелковая фабрика и правление царевны Софии Алексеевны. «Записки отделения русской и славянской археологии...», т. XI. Пг., 1915, стр. 45.

© ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ

ные средства. По новым подсчетам, из 200 промышленных предприятий, основанных при Петре, 43% было заведено на казенные средства, а 57% — на частные [79]. Частным предпринимателям предоставлялись всевозможные привилегии и льготы, среди которых заметное место занимали денежные ссуды.

По исчислениям, произведенным М. И. Туган-Барановским, государственные ссуды фабрикантам составили в первой четверти XVIII в. сумму около 100 тыс. руб. [80]

Но в руках Туган-Барановского были весьма неполные данные, которые можно заметно расширить. Так, например, известно, что еще в 1702 г. Воронов и Патрушев получили из казны ссуду в 3 тыс. руб. и построили близ Козельска железный завод. С трудом к 1711 г. они возвратили казне 1100 руб. После смерти Воронова в 1722 г. его имущество было описано в погашение казенного долга [81]. Мануфактура Апраксина получила в 1717 г. ссуду в размере 45 тыс. руб., Щеголинская суконная мануфактура в 1720 г.— 30 тыс. руб.[82], владелец кожевенного завода купец Исаев (1720 г.), кроме казенного двора с заводскими постройками, получил ссуду в 5 тыс. руб. сроком на 5 лет [83] и т. д. Известны и другие факты, не зарегистрированные в работе Туган-Барановского [84].

В Уложенной комиссии 1767 г. купеческий депутат А. Попов, вспоминая политику Петра I, указал, что тот «приказывал купцам устраивать фабрики и заводы..., повелевал выдавать из казны деньги или же снабжал выгодными привилегиями» [85]. Вместе с тем снова следует подчеркнуть, что в ту пору выдача денежных ссуд играла все же второстепенную роль среди средств привлечения предпринимателей к промышленной деятельности.

Одной из форм субсидирования промышленников была широко практиковавшаяся при Петре I передача в частные руки созданных правительством промышленных предприятий. Иногда казенные мануфактуры передавались безвозмездно, и даже в дополнение к бесплатной передаче давалась денежная ссуда из казны, а подчас и безвозвратная денежная помощь. Иногда же стоимость основного и оборотного капиталов должна была погашаться в рассрочку, а в большинстве случаев поставками в казну выпускаемой продукции [86].

[79] Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.— Л., 1947, стр. 9.
[80] М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика. М.— Л., 1938, стр. 66.
[81] Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 98.
[82] А. Лаппо-Данилевский. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII ст. СПб., 1899, стр. 31. Ср. ПСЗ, т. V, № 3309, стр. 667—668.
[83] В. Г. Гейман. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени. Сб. «Петр Великий», т. I, стр. 277.
[84] Ср. П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начало XIX в. М., 1947, стр. 509—555.
[85] «Сб. РИО», т. 8, стр. 38.

Петровская администрация не выработала определенного порядка финансирования и кредитования промышленности. После организации Берг-коллегии (1717 г.) последняя, имея в своей «дирекции» монетные дворы, в некоторых случаях «мануфактуры и фабрики деньгами снабдевала». Однако после разделения Мануфактур- и Берг-коллегии на два самостоятельных учреждения (1722 г.) средства на финансирование и кредитование промышленности отпускались каждый раз Мануфактур-коллегии из средств государственного бюджета по специальному ходатайству и с особого разрешения Сената [87].

На вопросе о кредитовании государством частной промышленности остановился и Иван Посошков. Он считал целесообразным расширение уже сложившейся практики в этой области. Посошков предлагал строить заводы на государственный счет, а затем отдавать их в содержание частным предпринимателям, «чтобы люди богатились, а и царская казна множилась» [88].

Далее Посошков говорил о желательности оказания государством кредитной помощи «маломочным» людям, которые занимаются промышленной деятельностью. Посошков предлагал установить весьма низкий процент: при долговременных ссудах — 6% годовых, т. е. как раз такой процент, который позже был установлен как максимальный в указе 1754 г. При краткосрочных ссудах (сроком до 3 месяцев) Посошков допускал взимание и 12% [89].

Во второй четверти XVIII в. практика кредитования государством частных промышленных предприятий получает дальнейшее развитие.

В 1727 г. мастер Х. Рихтер получил ссуду в 5 тыс. руб. сроком на 5 лет для устройства кожевенного завода [90]. Из ведомости Мануфактур-коллегии 1760 г. видно, что между 1734 и 1754 гг. (т. е. до основания Купеческого банка) владельцам

[86] См. Е. В. Спиридонова. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952, стр. 91—92.
[87] См. Д. С. Бабурин. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939, стр. 200.
[88] И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 148.
[89] И. Т. Посошков. Указ. соч., стр. 225.
[90] П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 554.

мануфактур было роздано около 150 тыс. руб. в виде ссуд. Так, например, в 1734 г. владельцу полотняной мануфактуры Затрапезному было выдано 20 тыс. руб. на 5 лет, в 1736 г. компанейщикам суконной мануфактуры Еремееву с товарищами — 10 тыс. руб. на 3 года, в 1744 г. владельцу красочной мануфактуры Сухареву — 12 тыс. руб. на 10 лет [91]. В 1741 г. Бобровскому была выдана ссуда в размере 1 тыс. руб. на постройку суконной фабрики близ Иркутска. В 1744 г. был дан указ о выдаче заимообразно без процентов 7,5 тыс. руб. фабриканту Третьякову [92].

В 1750 г. при передаче казенной полотняной мануфактуры в Почепе купцу Чамову была дана беспроцентная ссуда в 15 тыс. руб., сроком на 10 лет; за это он обязался поставлять в казну изделия мануфактуры на льготных условиях. Вся казенная ссуда пошла на уплату «партикулярных долгов» [93].

Выдача денежных ссуд была сопряжена с длительной процедурой. Мануфактур-коллегия месяцами, а иногда годами, рассматривала ходатайства, наводила всевозможные справки, производила обследования, требовала в некоторых случаях поручителей.

Однако, несмотря на все это, часто ссуды не возвращались и, таким образом, превращались в безвозвратные пособия. Так, например, уже в 1745 г. выяснилась неплатежеспособность фабриканта Третьякова. Он был даже взят под стражу. Однако такие крутые меры по отношению к неплательщикам применялись исключительно редко [94].

Необходимость значительно расширить государственное кредитование фабрикантов подчеркивал в те годы В. Татищев. В 1744 г. в записке «На память о делах астраханских» он писал, что следовало бы предоставить тамошним фабрикантам ссуду «хотя до 30 000 рублев», сроком на 3 года [95].

Операции Мануфактур-коллегии по кредитованию промышленности велись бессистемно. Не было самого элементарного учета выданных ссуд. Продажные чиновники зачастую становились прямыми пособниками фабрикантов, расценивавших правительственные ссуды как средство незаконного обогащения за счет государственного сундука [96].

[91] А. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 31.
[92] Д. С. Бабурин. Указ. соч., стр. 208.
[93] Ф. Полянский. До питання про посесійні мануфактури на Україні в XVIII ст. «Наукові записки Інституту економіки АН УРСР», 1954, кн. 2, стр. 156.
[94] Д. С. Бабурин. Указ. соч., стр. 208 и сл.
[95] «Исторический архив», т. VII, стр. 407.
[96] Д. С. Бабурин. Указ. соч., стр. 211.

Совершенно вопиющая картина расхищения государственных средств наблюдалась при предоставлении казенных ссуд особо привилегированным предпринимателям (Шемберг, Шувалов и др.), в руки которых переходили сотни тысяч рублей из казны [97].

Отметим, однако, что кредиты, предоставленные Шувалову так же, как прочим фаворитам и вельможам той эпохи, можно только в очень небольшой части отнести к рычагам первоначального накопления капитала, поскольку в основном эти средства были израсходованы не на производственные нужды, а на личные прихоти, мотовство [98]. Что же касается передачи казенных металлургических заводов фаворитам и вельможам, то это вообще не имеет отношения к явлениям первоначального накопления, как было правильно отмечено Н. И. Павленко [99]. Ведь в данном случае все сводилось только к переходу владения в рамках того же феодального сектора хозяйства.

Деятельность Медного банка должна рассматриваться как своеобразная «банковская» форма бесстыдного расхищения государственных (т. е. народных) средств придворной знатью и крупнейшими землевладельцами, такими, как Шувалов. Однако надо сказать, что в деятельности даже такого «банка» можно обнаружить отражение сдвигов в экономическом развитии страны, в соотношении классовых сил. Некоторая часть средств банка была предоставлена в виде ссуд фабрикантам, а также купцам.

По очень неполным подсчетам, Медный банк раздал ссуд на 3 231 069 руб. Среди его должников числились купцы-фабриканты, например, Родионов (75 тыс. руб.), Левенцов (40 тыс. руб.), Лугинины (75 тыс. руб.), Лаптев (75 тыс. руб.), Баташев

[97] Подробнее см. Н. Н. Фирсов. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII ст. Казань, 1922, стр. 77—115; А. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 120; ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3617, лл. 42—60, 129—132. Ср. также «Сенатский архив», т. XII. СПб., 1907, стр. 539—661; «История правительствующего Сената за двести лет», т. II. СПб., 1911, стр. 355. М. М. Щербатов («О повреждении нравов в России». М., 1908, стр. 61) утверждал, что Шувалов взял в Медном банке 1 млн. руб.

[98] «Подвиги» дворян-заводчиков, должников банка, даже по тому времени показались удивительными. Императрица Екатерина отметила в своем дневнике: «Щедрость Сената тогда доходила до того, что Медного банка трехмиллионный капитал почти весь роздан заводчикам, кои, умножая заводских крестьян работы, платили им либо беспорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятые из казны деньги в столице» («Русский архив», т. 3. М., 1865, стр. 477).

[99] Н. И. Павленко. О некоторых сторонах первоначального накопления в России. «Исторические записки», кн. 54, 1955, стр. 406.

(50 тыс. руб.). Некоторые сравнительно небольшие суммы (от 2 до 5 тыс. руб.) получили отдельные ржевские, устюжские, калужские и другие купцы [100].

Изданное в первые дни царствования Екатерины II распоряжение о взыскании с фабрикантов выданных им ссуд из Медного банка осталось в значительной мере на бумаге [101].

Из этого фонда получили ссуды следующие уральские фабриканты: Твердышев — 180 тыс. руб., Демидов — 30 тыс. руб., Масолов — 30 тыс. руб., другой Масолов — 22 тыс. руб., кн. Шаховской — 19 тыс. руб. и другие — всего на сумму 330 тыс. руб. [102].

Еще задолго до того, как была погашена уральскими фабрикантами эта ссуда, они в 1775 г. получили из Дворянского банка льготные ссуды за счет сумм (полутора миллиона рублей), специально ассигнованных на выдачу кредитов помещикам, пострадавшим во время восстания под предводительством Пугачева [103].

На апрель 1767 г. купечество было должно Медному банку 927 689 руб. Правда, из этой суммы русские купцы получили только 231 506 руб., остальное было выдано иностранцам [104].

В 1760 г. был издан указ об учреждении банка «артиллерийского и инженерного корпусов». Капитал банка образовался в результате «передела» в монету меди пушек устаревших систем. По словам инициатора банка П. Шувалова, доходы его должны были пойти, раньше всего, на усовершенствование артиллерии. Об этом очень выразительно писалось в указе: «Но как артиллерия главное оружие есть, то не могут быть ограничены ни труд, ни попечение, прилагаемое о его благосостоянии, и нет пределу изобретениям, потребным к его усилению..., а

[100] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3617, л. 46 и сл.

[101] ПСЗ, т. XVI, № 11624, стр. 27. Ср. «Сенатский архив», т. XI. СПб., 1904, стр. 226.

[102] Д. Кашинцев. История металлургии Урала, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 160.

[103] Надо сказать, что дворянство рассчитывало тогда еще на большую кредитную помощь от «своего» правительства. По Москве даже пошли слухи, что у Пугачева были отобраны колоссальные богатства и эти деньги правительство намерено отдавать в рост. Этому нелепому слуху поверил П. Б. Шереметев и поручил своему управляющему сделать заем из мифических «пугачевских капиталов». (В. Станюкович. Указ. соч., стр. 8).

[104] «Очерки истории Ленинграда», т. I. М.—Л., 1956, стр. 292.

деньги во всех случаях главною помощью суть, без которых и самые лучшие распоряжения мертвы» [105].

Однако из средств этого «банка» в самые первые дни его существования была выдана ссуда купцу Вильяму Гому «для вспоможения коммерции в лесном торгу» в размере 200 тыс. руб. Предполагалось, что в следующем 1761 г. ему будет дано еще дополнительно 100 тыс. руб. [106] Нам неизвестно, была ли осуществлена последняя выдача, так как Артиллерийский банк очень недолго функционировал как самостоятельное кредитное учреждение, он был присоединен к Медному банку и с ним довольно скоро окончил свою деятельность.

В целом же в начале второй половины XVIII в. выдачи государственных ссуд промышленникам производились в сравнительно скромных масштабах. По очень неполным данным, между 1754 и 1770 гг. было выдано ссуд владельцам предприятий легкой промышленности примерно на 200 тыс. руб. [107] Возвращение этих ссуд шло неудовлетворительно, хотя неоднократно (в 1764 и 1767 гг.) Сенат предписывал взыскивать просроченные деньги «без ослабления» [108].

Общая направленность кредитной политики царизма того времени, поставленная в основном на службу крепостного землевладения, привела к тому, что до конца XVIII в. ссуды промышленникам обычно предоставлялись во вторую очередь.

В 1798 г. императору Павлу был представлен на утверждение проект продажи в погашение долгов владений Лугининых, состоявших из четырех железоделательных и одного медеплавильного завода «с людьми, селениями» в Оренбургской и Пермской губерниях. Эти заводы должны были быть проданы московскому купцу Кнауфу за 1,8 млн. руб. Павел не утвердил этого предложения и приказал «сделать полезный изворот», т. е. выдать соответствующую ссуду из средств открываемого Вспомогательного банка [109].

Однако Вспомогательный банк не предоставил ссуды Лугининым и вообще отказался от кредитования промышленных предприятий (даже крепостнического типа).

[105] Вел. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования императрицы Елизаветы I и императора Петра III, т. I. СПб., 1896, стр. 226.

[106] Там же.

[107] Ср. А. Лаппо-Данилевский. Указ соч., стр. 31; А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности..., ч. 1. СПб., 1858, стр. 220, 226, ч. II, стр. 87; Д. С. Бабурин. Указ. соч., стр. 211—212.

[108] Д. С. Бабурин. Указ. соч., стр. 213—214.

[109] «Сенатский архив», т. I. СПб., 1888, стр. 345—346.

© ГПИБ

Подводя краткие итоги изложенному, можно сделать вывод, что предоставление государством льготных ссуд играло известную роль в развитии промышленности. Поэтому не учитывать этого явления как одного из источников первоначального накопления было бы неправильным.

Цифровые данные, которыми мы располагаем по этому вопросу, слишком неполны и не могут еще стать объектом статистической обработки. Но все же, как мы полагаем, есть основание утверждать, что во второй половине XVIII в. казенные ссуды и субсидии имели значительно меньшее значение, чем в конце XVII и в первой половине XVIII в. Объяснялось это прежде всего тем, что к этому времени русский торговый капитал заметно окреп и мог уже в большей мере за счет своих внутренних ресурсов выделить денежные средства, необходимые для создания промышленных предприятий. Следует также учитывать и общую классовую направленность экономической политики того времени, которая ставила перед собою основной задачей защиту дворянского землевладения.

* * *

Общеизвестно, какое значение имела в процессе первоначального накопления торговля. В связи с этим следует обратить внимание на то, что льготные ссуды были важным рычагом в руках государства для ускорения накопления капиталов в сфере товарооборота.

Сгруппируем некоторые факты, говорящие об этом.

В последние годы правления Петра I государственные органы не раз ставили вопрос о кредитовании торговли. Эта проблема выдвигалась преимущественно в связи с поисками способов улучшения внешнеторгового баланса, что лежало в основе большинства политико-экономических планов. Но тогда эти проекты оставались неосуществленными.

Стремясь уменьшить зависимость русского купечества, торговавшего экспортными товарами, от иностранных купцов, а также, «дабы маломощные не повреждали других имущих торги», правительство попыталось организовать большие торговые компании. Известно, что эти попытки не дали существенных результатов, но все же вопрос о предоставлении государственного кредита выдвигался. Так, например, в указе 1724 г. «Об учреждении компании для торгу с Испанией» писалось: «Сия компания собою сперва не может дела своего исправить для скудости денег; того ради вспоможена имеет быть, а именно

кораблями и матросами от Адмиралтейства, деньгами частью из казны» [110].

Здесь повторялись мысли, высказанные еще за 10 лет до этого одним из прожектеров — Салтыковым. В 1713 г. он в своих «Пропозициях» писал, между прочим, о необходимости для развития внешней торговли создания «компаний торговых людей», причем 25% «складки» должны быть представлены казной [111].

Однако дальнейшее расширение национального рынка и рост оборотов внутренней торговли делали весьма актуальным вопрос о кредитовании внутренних торговых операций. Купцы, проводившие крупные торговые операции на внутренних, в особенности на окраинных рынках, в те годы все больше и больше приобретают привычку к кредитным операциям и остро ощущают отсутствие дешевого и организованного кредита.

Однако имеющиеся данные говорят о том, что в первой половине XVIII в. кредитование государством купцов производилось в крайне ограниченных масштабах, в куда меньшей мере, чем кредитование промышленников.

Для этого времени известно только несколько случаев выдачи Коммерц-коллегией ссуд торговым компаниям (носившим в известной мере и промысловый характер). Так, в 1721 г. компании китовых и рыбных промыслов на Белом море были переданы казенные товары с рассрочкой платежа, в 1731 г. этой компании были предоставлены два старых корабля «безденежно» [112]. В 1743 г. астраханской рыбной купеческой компании была назначена казенная ссуда в 55 тыс. руб.[113]

Наряду с кредитованием купцов правительство в конце XVII и в первой четверти XVIII в. предоставляло также ссуды подрядчикам, в некоторых случаях аванс достигал $^2/_3$ стоимости подряда. Подрядчики, как правило, не спешили немедленно вкладывать казенный аванс в выполнение подряда, а использовали его для других коммерческих операций.

Выше уже отмечалось, что Коммерческий банк ограничил свои операции предоставлением кредитов только небольшой группе столичных купцов. Но нет сомнения, что возможность пользоваться дешевым кредитом из кассы банка нужно рассматривать как государственную ссуду, тем более что, как мы

[110] ПСЗ, т. VII, № 4540, стр. 332.
[111] И. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897, стр. 28.
[112] А. Семенов. Указ. соч., ч. 1, стр. 76, 175.
[113] Н. Н. Фирсов. Указ. соч., стр. 144.

знаем, эти ссуды зачастую превращались для влиятельной верхушки столичного купечества в бессрочные пособия. Всего Коммерческий банк раздал на 1764 г. ссуд купцам в размере 802 тыс. руб.[114]

С аналогичным явлением мы встречаемся, когда знакомимся с деятельностью Астраханского банка (основанного в 1764 г.). Банк для своих операций получил из казначейства 175 тыс. руб.[115] Однако очень скоро основная часть этой суммы оказалась в руках небольшой кучки астраханских богатеев, которые рассматривали банковские средства как безвозвратные государственные ссуды.

Очень широкие планы кредитования купечества возникли в 1786 г., в связи с реорганизацией Дворянского банка в государственный Заемный банк. Предполагалось тогда, что этот банк предоставит кредиты купечеству («городам») на 11 млн. руб. Об этом даже торжественно было возвещено в царском манифесте [116], но предназначавшиеся для купечества миллионы были использованы для покрытия военных расходов. Правда, в постановлении Государственного совета говорилось, что деньги предоставляются казначейству временно, а «когда настанет к тому удобность», они будут обращены по своему первоначальному назначению [117]. Однако такой момент так и не наступил.

Возможно, что нам остались неизвестными некоторые другие факты предоставления купцам государственных ссуд; но все же, как нам представляется, можно с уверенностью сказать, что накопление капиталов в руках купечества в XVIII в. происходило при весьма ограниченном воздействии такого рычага, как использование государственных ссуд.

* * *

Выше уже отмечалось, что к рычагам первоначального накопления Маркс относил и государственный долг.

Характеризуя действия этого «волшебного жезла», Маркс указывал, что государственный долг «одаряет непроизводительные деньги производительной силой» в результате государственных займов (рент), дающих регулярный, обеспеченный доход, а также в форме предоставления государству ссуд эмиссионными банками, которые, по выражению К. Маркса, «...подкреплённые национальными титулами, были лишь обществами частных спекулянтов...» [118].

[114] ПСЗ, т. XVI, № 21127, стр. 707.
[115] ЦГАДА, ф. Госархива, Разряд XVI, д. 613, л. 51.
[116] ПСЗ, т. XXII, № 16407, стр. 616.
[117] «Архив Государственного совета», т. I, ч. 2. СПб., 1869, стр. 446.

Развивая положение о роли в процессе первоначального накопления системы общественного кредита, т. е. государственных долгов, Маркс приводил примеры из истории Голландии и Англии. В этих странах, как известно, впервые стали эмитировать государственные ренты, по которым проводились бесперебойно платежи. Классическим образцом национального эмиссионного банка, принадлежавшего «частным спекулянтам», был Английский банк (основан в 1694 г.).

Но естественно возникает вопрос, являлся ли в условиях России «мануфактурного периода» государственный долг тоже одним из рычагов первоначального накопления? На первый взгляд на этот вопрос надо дать отрицательный ответ. Ведь первый внутренний заем был выпущен в России в 1809 г. и то на небольшую сумму [119]. Да и впоследствии в дореформенной России внутренние государственные займы не играли большой роли. Что же касается русского эмиссионного банка, то Государственный ассигнационный банк, основанный в 1769 г., принадлежал не «частным спекулянтам», а был государственным учреждением.

Однако и в условиях России изучаемого нами периода о государственном долге можно и должно говорить как об одном из рычагов первоначального накопления. Надо только учитывать, что у нас государственный внутренний долг выступал в ту пору преимущественно в несколько завуалированной и своеобразной форме — в виде частных вкладов в государственные кредитные учреждения.

Как и всюду в тот период, банки выступали в роли посредников между владельцами бездействующих денежных средств и теми, кто в них нуждался (в хозяйственных или потребительских целях). Собственный доход тогдашних русских банков образовывался в основном из разницы между размерами процентной ставки, взымавшейся банком от его должников (6% годовых), и той процентной ставкой, которую он выплачивал своим вкладчикам (5%). Но в России дореформенной поры, в отличие от других стран, все банки были государственными учреждениями. Таким образом, всякий вклад в банк независимо от его использования превращался по сути в государственный долг,

[118] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 758.
[119] Первый внешний заем России был реализован в 1769 г. в Голландии. За этим последовал еще ряд займов, тоже преимущественно в Голландии. Но это уже факт истории первоначального накопления в Голландии, а не в России.

а вкладчики банка — в кредиторов государства. То обстоятельство, что сохранность вкладов, бесперебойность уплаты процентов, своевременность возвращения вкладов по требованию вкладчиков гарантировались правительством, сильнейшим образом повышало кредитоспособность русских банков. И надо сказать, что на всем протяжении существования дореформенных кредитных учреждений, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах (войны, неурожаи, бюджетные дефициты и т. д.), правительство все же могло полностью выполнять свои обязательства перед вкладчиками. Надо отметить, что в условиях дореформенной России государственная гарантия сохранности вкладов и регулярной уплаты процентов имела особенно большое значение. Значительную часть вкладов банки раздавали в виде долгосрочных ссуд землевладельцам. Последние, как правило, несвоевременно погашали долги, неаккуратно вносили свои процентные платежи. Нет сомнения, что частные банки, которые действовали бы в таких условиях, не имея возможности при встречавшихся затруднениях использовать средства государственного бюджета, очень скоро пришли бы к банкротству. А в России, в условиях государственных гарантий, уже тогда смогла сложиться рантьерская прослойка, получавшая обеспеченный доход на свои праздношатающиеся капиталы.

Но важнее другое. Как будет показано дальше, с конца XVIII в. все большая часть банковских вкладов в форме так называемых позаимствований «по высочайшему повелению» использовалась правительством в виде краткосрочных и долгосрочных ссуд. В росписи государственных расходов появилась статья, удельный вес которой непрерывно возрастал,— уплата процентов по займам в кредитных учреждениях. В результате этого все увеличивавшаяся часть банковских вкладов превращалась в государственный долг в нормальном, так сказать, почти «классическом» виде, а государственный бюджет становился очень важным фактором перераспределения национального богатства в интересах ростовщическо-рантьерских элементов. Характеризуя эту сторону деятельности дореформенных банков, Н. Огарев писал: «Зло монополизации казенного кредита произошло не от доступности его заимщикам, а от его доступности вкладчикам, которые без всякого труда могли не только жить на проценты, но и копить капиталы, получая проценты на процент. Это сделало из казенных банков средоточие самого тупого и скупого ростовщичества» [120].

[120] Н. Огарев. За пять лет (1855—1860). «Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева», ч. II. Лондон, 1861, стр. 191—192.

Отсюда становится совершенно ясным, что вклады в русские казенные банки, ссуды которых частично выдавались промышленникам, должны рассматриваться как один из рычагов первоначального накопления капитала.

Поскольку этот вопрос до сих пор не освещался в нашей исторической и экономической литературе, остановимся подробнее на образовании этого источника первоначального накопления. Но надо иметь в виду, что, оперируя в данной статье материалами, относящимися ко второй половине XVIII в., мы будем наблюдать только начальный этап этого явления. Указанный рычаг первоначального накопления приобретет неизмеримо большую значимость во второй четверти XIX в.

Первоначальный устав Дворянского банка, так же как и учрежденного одновременно с ним в 1754 г. Коммерческого банка, не предусматривал приема вкладов. Последний так и прекратил свое существование, не открыв пассивных операций. Операции же по приему вкладов Дворянского банка открылись только через десять лет после основания банка и имеют любопытную историю. В 1764 г. в одном из указов говорилось о желательности привлечения банками вкладов от «партикулярных людей». Но тогда, как отмечал указ, единственным вкладчиком Дворянского банка был Воспитательный дом. Опыт банка показал, что очень легко давать деньги в ссуду, но очень трудно получить их обратно и даже нелегко взимать проценты по ссудам. Естественно возникло опасение, что в этих условиях вклады невозможно будет возвращать по затребованию и что неоткуда будет платить проценты вкладчикам. Учитывая это и «желая у партикулярных людей отнять всякое в том сомнение, а чрез то наибольше утвердить банковый кредит», указ счел необходимым предписать «соблюдение наибольшей осторожности со вкладами частных лиц и учреждений» [121].

Надо сказать, что в эти годы и иностранные банки ипотечного кредита, имевшие также дело со знатными и неаккуратными должниками, воздерживались от приема вкладов. В этом отношении характерен пример прусской Земской кредитной кассы, основанной к концу XVII в. Она принимала вклады и платила 6%, но скоро обанкротилась, так как ее должники не возвращали ссуды и не уплачивали проценты. Потом Земская кредитная касса возобновила свою деятельность, но она, а равно и другие возникшие в ту пору прусские органы дворянского поземельного кредита, стремились максимально сократить прием депозитов. Прием вкладов рассматривался как милость,

[121] ПСЗ, т. XVI, № 12120, стр. 697.

оказываемая по специальному распоряжению короля; причем только в редких случаях банк соглашался принимать бессрочные вклады; в большинстве случаев принимались депозиты только на определенный и не очень продолжительный срок [122].

Поэтому вполне естественно, что руководители Дворянского банка в течение нескольких лет игнорировали полученное по указу 1764 г. право приема вкладов.

Однако правительственные круги настаивали на расширении функций Дворянского банка за счет развития пассивных операций. В 1770 г. был издан указ, предписывавший банку прием частных вкладов, так как это «почитается для государства полезным»[123]. Тогда же были установлены условия проведения банком пассивных операций: по вкладам решено было платить 5% годовых, из денег вкладчиков давать ссуды в размере от 1 до 25 тыс. руб. [124]

Как развивались пассивные операции Дворянского банка? Количество вкладчиков было в те годы в общем весьма невелико. В 1774 г. в Дворянском банке числилось 58 капиталов, «разным местам и персонам принадлежащих» [125].

По сведениям на 1775 г., в Московскую контору Дворянского банка со дня открытия и приема депозитов вступило 293 тыс. руб. из Воспитательного дома и 854 тыс. руб. от «партикулярных капиталистов». Но тогда же выяснилось, насколько оправдано было нежелание банка развивать пассивные операции. Несмотря на незначительные размеры вкладных операций, Московская контора должна была признать свою несостоятельность. Контора писала, что деньги вкладчиков «состоят на заимщиках», и она не в состоянии удовлетворить требования о возврате вкладов [126].

В Сенате и в высших правительственных кругах всполошились, видя в этом подрыв «банкового кредита». Банкам было предложено впредь «не смешивать капиталы», т. е. деньги, полученные в виде вкладов от частных лиц и учреждений, не смешивать с остальными капиталами банка и отдавать, очевидно, только в наиболее обеспеченные ссуды. Далее предписывалось в первую очередь удовлетворять требования привилегированного вкладчика — Воспитательного дома — и только потом возвращать вклады и уплачивать проценты частным вкладчикам «по старшинству, кто прежде о возврате объявление подал» [127]. Тогда же по этому поводу был издан «высочайший» указ, в котором в торжественной форме гарантировались банковские вклады [128].

Однако, несмотря на все предосторожности и крайне умеренный приток вкладов, над банком все время нависала угроза банкротства. В 1778 г. Дворянскому банку правительством было отпущено 200 тыс. руб., специально, «когда случатся требования от частных капиталистов о возврате положенных ими капиталов» [129]. При этом строго предписывалось, что эти деньги должны храниться в виде запасного капитала и ни в коем случае не выдаваться в качестве ссуд [130].

Начиная с 70-х годов XVIII в. Дворянский банк был уже не единственным учреждением, получившим право принимать вклады.

Учрежденный в 1764 г., Воспитательный дом получил в виде особой привилегии право принимать вклады частных лиц и помещать их в Дворянском банке. Однако довольно скоро Воспитательные дома в Петербурге и Москве стали самостоятельно осуществлять вкладные операции. В 1772 г. при Воспитательных домах была создана целая система кредитных учреждений — Вдовья касса (своеобразный вид страхования жизни), Ссудная касса (ломбард) и, наконец, Сохранная казна. В плане нашей работы мы должны остановиться только на характеристике вкладных операций петербургской и московской Сохранной казны.

Сохранная казна приступила к своей деятельности при петербургском Воспитательном доме в 1772 г.[131], при московском — в 1775 г.[132]

В 1781 г. в них числилось вкладов уже на 4767 тыс. руб., а в 1787 г.— на 8589 тыс. руб.[133] Основная масса вкладов поступила в Московскую контору (1783 г.— 3202 тыс. руб., 1793 г.— 8697 тыс. руб.) [134].

Активные операции осуществлялись в соответствии с основной направленностью тогдашней кредитной политики царизма.

[122] Подробнее см. И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы, т. II. М.— Л., 1931, стр. 300 и сл.
[123] ПСЗ, т. XIX, № 13481, стр. 85.
[124] Там же, № 13701, стр. 381.
[125] Там же, № 14115, стр. 904.
[126] ПСЗ, т. XX, № 14273, стр. 79.
[127] ПСЗ, т. XX, № 14322, стр. 140.
[128] Там же, № 14338, стр. 170.
[129] Там же, № 14820, стр. 765.
[130] Там же, № 14912, стр. 861—862.
[131] А. П. Пятковский. Указ. соч., стр. 178.
[132] Д. Д. Филимонов. Кредитные учреждения Московского Воспитательного дома. «Русский архив», 1876, т. III, стр. 266.
[133] А. П. Пятковский. Указ. соч., стр. 535.
[134] Д. Д. Филимонов. Указ. соч., стр. 271.

За счет накопляемых вкладов производилось кредитование крепостников-землевладельцев примерно на таких же условиях, как и Дворянским банком.

Но по своим пассивным операциям Сохранные казны были «бессословным учреждением», т. е. имели право принимать вклады у всех (разумеется, кроме крестьян). Некоторую часть вкладчиков составляли купцы. Таким образом, вкладные операции превращались в известной мере в дополнительное средство перераспределения феодальной ренты в пользу буржуазии.

В соответствии с «Учреждением о губерниях» 1775 г., в губернских городах были основаны приказы общественного призрения, выполнявшие и некоторые кредитные функции, примерно такие же, как и Сохранные казны. Постепенно в них стали накапливаться частные вклады. В 1811 г. они измерялись цифрой в 8,7 млн. руб.[135], а в 1825 г.— 32 млн. руб. ассигнациями [136].

В первые годы XIX в. размеры вкладов частных лиц в государственные кредитные учреждения значительно выросли [137].

При обусловленном крепостничеством медленном развитии промышленности и товарооборота, при отсутствии легальных частных кредитных органов не было ничего удивительного в том, что казенные кредитные учреждения стали широко привлекать частные вклады. Гарантированный казной пятипроцентный годовой доход представлял значительный соблазн для всех, у кого накоплялись свободные средства и кто искал возможности их выгодного и спокойного помещения.

Итак, рост вкладов, накапливавшихся в банках, отражая процесс углубления денежных отношений в стране, все же являлся в конечном счете свидетельством медленных темпов хозяйственного развития.

В использовании этих вкладов со временем наблюдаются новые черты. Вклады все больше и больше становились государственным долгом в полном, «классическом» смысле этого слова.

Уже в годы русско-турецкой войны — 1787—1791 — средства Заемного банка использовались в виде краткосрочных и долгосрочных ссуд казначейству. Известны и другие случаи использования правительством для своих нужд ссуд из банка. Эта практика в начале XIX в. приобрела неизмеримо бо́льшие мас-

[135] «Архив Гос. совета», т. IV, ч. 1. СПб., 1874, стб. 303.

[136] Н. Варадинов. История Министерства внутренних дел, ч. II, кн. 2. СПб., 1862, стр. 468.

[137] Статистика русских банков, ч. 1, «Статистический временник Российской империи», вып. 9. СПб., 1872, стр. 3—4.

штабы [138]. В государственном бюджете все более значительное место стала занимать статья: «в Заемный банк на платеж капитала и процентов» (в 1799 г.— 381 тыс. руб., в 1805 г.— 1,3 млн. руб., в 1811 г.— 4 млн. руб.) [139]. Соответствующе вырастали и суммы процентных платежей в Сохранную казну Воспитательного дома. Обращение к средствам кредитных органов заменяло выпуск внутренних займов.

В последующие десятилетия государство продолжало широко прибегать к займам из кредитных учреждений. Попытка консолидации внутреннего государственного долга и сведения его до определенной фиксированной суммы ни к чему не привела. По-прежнему денежные накопления, аккумулированные в кредитных учреждениях, оставались важнейшим источником образования внутреннего государственного долга.

* * *

Краткое рассмотрение поставленных в данной статье вопросов показывает, какую роль играли ростовщический капитал, казенные ссуды и государственный долг в процессе первоначального накопления в России. Без всестороннего изучения роли таких явлений, как ростовщичество, казенные ссуды и государственный долг, подготовка условий для становления капиталистического способа производства в нашей стране не сможет быть освещена во всех ее конкретно-исторических особенностях.

В России XVII—XVIII вв., в условиях прикрепления крестьян к земле, когда и «душевладелец» не мог допустить полной утраты крестьянами орудий производства, сельское ростовщичество не могло еще стать заметным фактором отделения непосредственного производителя от средств производства. Ростовщический капитал тогда, говоря словами Маркса, только «присасывался» к существовавшему феодальному способу производства. Накопленные сельскими ростовщиками денежные средства при господстве крепостничества лишь в редких случаях использовались для улучшения хозяйства, найма рабочей силы. Таким образом, роль ростовщичества в русской деревне XVII—XVIII вв. в подготовке предпосылок формирования капиталистических производственных отношений выступала тогда только как слабо наметившаяся тенденция.

[138] А. В. Храповицкий. Дневник. М., 1901, стр. 146; «Финансовые документы в царствование императора Александра I». «Сб. РИО», т. 45. СПб., 1885, стр. 83 и сл.

[139] «Финансовые документы», стр. 83—205. Ср. также «Архив Гос. совета», т. 2. СПб., 1888, стб. 237 и сл.

Вместе с тем уже в ту пору ростовщичество являлось очень важным источником накопления денежных богатств, которые в дальнейшем могли использоваться для капиталистического предпринимательства.

Важнейшим и выгоднейшим объектом ростовщических операций было предоставление ссуд «знатным расточителям»-землевладельцам. Несмотря на все попытки дворянского государства обеспечить землевладельцев дешевым кредитом (это лежало в основе кредитной политики царизма XVIII в. и последующего времени), все же крепостники-землевладельцы брали громадные ссуды у ростовщиков. Задолженность дворянства ростовщикам к концу XVIII в. измерялась несколькими десятками миллионов рублей.

Ростовщичество урывало заметную долю феодальной ренты у землевладельцев. Говоря иначе, оно превращалось в важный фактор перераспределения национального богатства в интересах буржуазных элементов.

Очень важным объектом деятельности ростовщического капитала было кредитование торговли. Наблюдение над торговой практикой XVII—XVIII вв. показывает, что значительная доля торговой прибыли попадала в руки ростовщиков, занимавшихся кредитованием торговли.

Известную роль в качестве рычага первоначального накопления сыграли казенные ссуды промышленникам. Однако следует учитывать, что в России XVII—XVIII вв. среди протекционистских мероприятий большее значение, чем предоставление денежных ссуд и субсидий, имело наделение землей, недрами и особенно крепостной рабочей силой. Во второй половине XVIII и в начале XIX в. казенные ссуды и субсидии имели для развития промышленности меньшее значение, чем на первом этапе истории мануфактурного периода в России. В основном кредитная политика была направлена на поддержание дворянского землевладения. Но сдвиги в развитии производительных сил, в расстановке классов, жизненные, хозяйственные и государственные потребности (в том числе и задачи обороны) и другие объективные условия заставляли правительство царской России, в противоречии с общими классовыми тенденциями социально-экономической политики, проводить мероприятия, способствовавшие капиталистическому развитию. Среди этих мероприятий известное место занимало предоставление промышленникам денежных ссуд и субсидий.

Льготные казенные ссуды явились также фактором, который способствовал ускорению накопления капиталов в сфере товарооборота.

Особое внимание уделено было в нашей работе выяснению вопроса о роли государственного долга в России второй половины XVIII в. как одного из рычагов первоначального накопления. Изложенные материалы, как нам представляется, дают основание утверждать, что в России конца XVIII в. государственный долг, выступавший преимущественно в завуалированной форме временных «позаимствований» казначейством из кредитных учреждений, был одним из существенных рычагов первоначального накопления. Государственный бюджет становится важным средством перераспределения национального богатства в интересах прослойки ростовщиков и рантье — одного из элементов формировавшейся русской буржуазии.

© РГБ СОФИЯ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АИ — Акты исторические
Временник МОИДР — «Временник Московского общества истории и древностей российских».
ГАГО — Государственный архив Горьковской области
ГАПО — Государственный архив Пензенской области
ГИМ — Государственный исторический музей в Москве
губ. — губерния
ДАИ — Дополнения к актам историческим
д.— деньга
дес. — десятина
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ОНН — «Опис Новгород-Сіверського намісництва 1779—1781 гг.»
ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи»
РИБ — «Русская историческая библиотека»
РОМ — Румянцевская (генеральная) опись Малороссии
с.— село
Сб. РИО — «Сборник Русского исторического общества»
у.— уезд
Чтения ОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете»
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве
ЦГИА УССР — Центральный Государственный архив Украинской ССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

М. Д. Курмачева. Вопрос о первоначальном накоплении в России в советской исторической литературе 9

А. А. Преображенский. О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII — начале XVIII в. 38

К. Н. Щепетов. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в. 53

Ю. А. Тихонов. Работа по найму и отход на заработки посадских людей Устюга Великого и крестьян Устюжского уезда в 50—70-х годах XVII в. 73

З. А. Огрызко. Изменения в экономическом положении монастырских половников русского Севера в XVII в. 97

Н. А. Баклановa. Судовые работники в торгово-промышленном предприятии Калмыковых 117

Е. И. Заозерская. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в. (К вопросу о начальных формах экспроприации сельского и городского населения в России) 144

Е. И. Индова. Наемный труд у крестьян царскосельских дворцовых деревень в первой половине XVIII в. 189

Д. Д. Балуева. Имущественное расслоение и развитие отходничества в коми деревне в середине XVIII в. 222

И. В. Валкина. Расслоение крестьянства и работа по найму в вотчинах Свенского монастыря (20—60-е годы XVIII в.) . . 243

И. В. Чекан. Формирование рабочей силы для Астраханских и Красноярских казенных садов в середине XVIII в. 264

Э. С. Коган. Расслоение крестьянства в архангельской вотчине Куракиных в конце XVIII в. 296

И. А. Булыгин. Расслоение крепостного крестьянства во владениях Полянских в последней трети XVIII в. 324

© ГПНТБ СО РАН

Е. И. Дракохруст. Промысловые села владения Кочубеев в Новгород-Северском наместничестве во второй половине XVIII в. . 342
Ю. Р. Клокман. Торгово-промышленная деятельность населения Осташковской слободы в середине XVIII в. 376
В. Н. Яковцевский. Роль неэквивалентного обмена в процессе первоначального накопления в России 403
В. А. Александров. Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в. 422
К. К. Демиховский. Источники и пути комплектования рабочей силы на заводах Приокского горного округа в XVIII в. 465
С. Я. Боровой. Ростовщичество, казенные ссуды и государственный долг в процессе первоначального накопления в России . . . 497
Список принятых сокращений 538

О первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редакторы издательства *С. И. Волков, Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *Е. В. Макуни.* Корректор *В. К. Гарди*

РИСО АН СССР № 12-74В. Сдано в набор 10/XII 1957 г. Подп. в печать 1/IV 1958 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 33,75. Уч.-изд. лист. 32,8
Т-02831. Тираж 3000. Изд. № 2653. Тип. зак. 2342
Цена 20 руб.

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
17	4 сн.	т. I	т. II
18	4 св.	производства [20].	производства [20а].
26	24 св.	в процессе	в процессе
72	18 св.	разъезжали	разъезжая
96	3 св.	половинчество	половничество
195	5—4 сн.	лл. 25—26, л. 172; д. 275 лл. 25—26	лл. 25—26.
256	2 св.	Таблица	Таблица 1
352	2 сн.	д. 971, д. 88	д. 88
371	13 сн.	л. 363	д. 363

О первоначальном накоплении

© ГПНТБ СО РАН